

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Николай Анисюткин

Дубоссарский раннепалеолитический комплекс на территории Приднестровья

Keywords: Moldova, Dniester, Dubossary Complex, Early Palaeolithic, Pohrebya sites, Bol'shoi Fontan and Bairaki, choppers, bifaces, red fossil soil.

Cuvinte cheie: Moldova, Nistru, complexul de la Dubăsari, paleoliticul timpuriu, siturile Pohrebea, Bol'shoi Fontan și Bairaki, choppere, biface, sol fosil roșu.

Ключевые слова: Молдова, Днестр, Дубоссарский комплекс, ранний палеолит, стоянки Похребя, Большой Фонтан и Байраки, чопперы, бифасы, красная ископаемая почва.

Nikolai Anisiutkin

Dubossary Complex of the Early Palaeolithic period on the territory of Transnistria

In the present paper, the author distinguished a specific version of the Early Palaeolithic – “Dubossary Complex”, which includes the sites Pohrebya and Bolshoi Fontan sites, as well as and Bairaki multi-stratified site. All these sites are located near the town Dubossary on terrace VII of the Nistru river. Complex interdisciplinary research made possible the dating of these sites as belonging to Mindelian and Kromerian periods (450-750 thousand years ago). The presence in the collections of some expressive forms of processed pebbles, including choppers, and rough bifacial tools allow the assignment of these industries to the Early Acheulean one. “Dârjov culture” in southern Romania can be considered the closest analogy of this complex.

Nikolai Anisiutkin

Complexul din paleoliticul timpuriu de la Dubăsari, din stânga Nistrului

Autorul evidențiază o variantă specifică a paleoliticului timpuriu – Complexul de la Dubăsari, reprezentat de stațiunile de la Pohrebea și Bol'shoi Fontan, de asemenea – de situl pluristratificat de la Bairachi, toate fiind amplasate în preajma orașului Dubăsari, pe terasa a VII-a a Nistrului. Cercetările interdisciplinare complexe au făcut posibilă datarea acestor stațiuni în perioadele mindel și kromer (acum 450-750 mii de ani). Prezența în colecții a unor forme expresive de piatră de râu prelucrată, inclusiv choppere, și a unor unelte bifaciale grosiere permit atribuirea acestor industrii ashellului timpuriu. Drept cea mai apropiată analogie pentru acest complex poate fi considerată „cultura Dârjovului” din sudul României.

Николай Анисюткин

Дубоссарский раннепалеолитический комплекс на территории Приднестровья

В статье выделяется своеобразный вариант раннего палеолита – «Дубоссарский комплекс», представленный местонахождениями Похребя и Большой Фонтан, а также стратифицированной стоянкой Байраки, расположенных в окрестностях города Дубоссары на VII террасе Днестра. Комплексные междисциплинарные исследования дали основания для датировки дубоссарского комплекса миндельским и кромерским временем (450-750 тыс. лет). Наличие в коллекциях выразительных галечных форм, включая чопперы, и грубых бифасов дает основание отнести данные индустрии к раннему ашелю. Ближайшей аналогией комплексу может считаться галечная «дыржовская культура» юга Румынии.

Введение

Открытие и многолетние (2010-2014 гг.) комплексные исследования многослойной раннепалеолитической стоянки Байраки дали очень важные материалы для решения ряда проблем европейского палеолита. Первая из них касается установления времени первоначального заселения территории Восточно-Европейской равнины предками ископаемых

людей. Вторая проблема связана с выявлением облика раннепалеолитических каменных индустрий, синхронных в Приднестровье та-манскому и тираспольскому фаунистическим комплексам.

Проведенные в Байраках междисциплинарные исследования установили, что предки ископаемых людей появились в Приднестровье, а тем самым на юго-западе Восточно-Европей-

ской равнины, еще в эоплейстоцене, т.е. около 1 млн. лет тому назад [Cherpyga et al. 2013, 669-670; Anisiutkin et al. 2015, 14]. Решению второй проблемы способствовали, прежде всего, исследования российских ученых на территории Таманского полуострова. Здесь на известном палеонтологическом местонахождении таманской фауны Синяя балка в 2002 году удалось обнаружить относительно многочисленные каменные орудия олдованского облика, которые залегали в одном слое с костями эласмотерия и южных слонов [Shchelinskii, Kulakov 2007].

Несколько позднее, в 2014 году, обломок нижней челюсти зюссенборнской лошади (*Equus* [*Allohippus*] *sussenbornensis*) был найден уже в Приднестровье также совместно с каменными орудиями олдованского облика в эоплейстоценовых отложениях слоя 3 стоянки Байраки [Anisiutkin et al. 2015]. Приведенные данные указывают на сосуществование таманского фаунистического комплекса с индустрией развитого олдована.

Первые же совместные находки обломков зубов трогонтериевого слона (*Archidiskodon* [*Mammuthus*] *trogontherii*) – типичного представителя тираспольского фаунистического комплекса [Chetvertichnaia sistema 1982, 274] и кремневых изделий раннего палеолита были выявлены в древней красноцветной ископаемой почве на местонахождении Похребя еще в 1985 году [Anisiutkin 1994]. Эти данные позднее подтвердились исследованиями на стоянке Байраки, где аналогичные каменные орудия были обнаружены в отложениях синхронных тираспольскому фаунистическому комплексу, существовавшему в миндельское и возможно в кромерское время.

Сейчас данному времени соответствует вариант раннего палеолита, получивший наименование «Дубоссарский комплекс», который представлен материалами из верхних слоев 1-2 стоянки Байраки и местонахождений Большой Фонтан и Похребя. Присутствие в этом комплексе серии архаичных бифасов позволяет сопоставить его с разновидностью древнего ашеля (преашеля) Европы [Anisiutkin 2010, 178].

Краткая история исследования

Прежде всего, очень важно отметить, что территория Приднестровья, особенно среднее и нижнее течение реки Днестр, относятся к тем

регионам Восточной Европы, где отложения четвертичного периода интенсивно изучались около ста лет. Наиболее результативные исследования были проведены на высоких террасах Днестра. Как писал выдающийся советский геолог О.М. Адаменко, долина этой реки «обладает относительно простым геологическим строением и хорошей обнаженностью. Здесь издавна известны и сравнительно хорошо изучены весьма полные разрезы аллювиального террасового комплекса Днестра, охарактеризованные фауной крупных и мелких млекопитающих, моллюсков, остракод и других ископаемых, а покров содержит до 13 горизонтов ископаемых почв. Тираспольский разрез V (Колкотовской) надпойменной террасы признан европейским стратотипом нижнего плейстоцена. Плиоцен и антропоген включают знаменитые фаунистические комплексы: молдавский, хопровский, одесский, таманский, тираспольский. Они хорошо коррелируют с разрезами перегляциальной и ледниковых зон Восточной Европы, а также с морским плиоценом и плейстоценом Понто-Каспия» [Adamenko et al. 1996, 4]. Здесь прекрасно выражена и хорошо читается так называемая «лестница речных террас».

В этом плане, учитывая геологическую изученность региона, очевидна хорошая перспектива поисков раннего палеолита, прежде всего, на высоких VI и VII надпойменных террасах реки Днестр.

Спорадические поиски раннего палеолита проводились на территории Нижнего Приднестровья еще в середине XX века, но лишь в районе Колкотовой балки, откуда происходят основные находки костей крупных ископаемых млекопитающих тираспольского фаунистического комплекса. Только на поверхности П.И. Борисковскому удалось выявить три пункта единичных находок кремневых изделий архаичного облика. Среди немногочисленных патинированных и окатанных артефактов обнаружены единичные скребла на клетонских отщепях, которые были отнесены к ашельскому времени [Boriskovskii 1957]. Они, судя по сохранности поверхностей и морфологии, происходили из аллювия так называемой «колкотовской» террасы, относящегося к миндельскому или даже кромерскому времени. Абсолютные радиотерминолюцент-

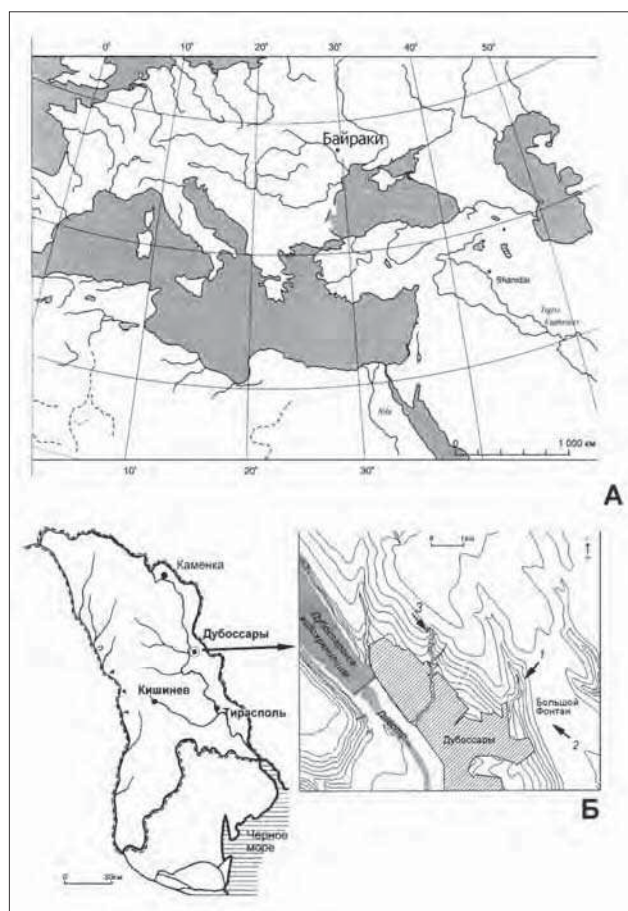

Рис. 1. А. Карта расположения стоянки Байраки на территории юга Европы и Средиземноморья. Б. Карта-схема стоянок и местонахождений раннего палеолита в Приднестровье: 1-Байраки; 2-Большой Фонтан; 3-Крецешты.

Fig. 1. A. Map showing the location of Bairaki site in the south of Europe and the Mediterranean. B. A schematic map of sites and locations of Early Palaeolithic in Transnistria: 1-Bairaki; 2-Bolshoi Fontan; 3-Kretseshty.

ные (ТЛ) даты, полученные для аллювия этой террасы, варьировали от 800 до 620 тыс. лет [Antropogen i paleolit 1986, 55]. К сожалению, дальнейшие поиски раннего палеолита здесь были прекращены как неперспективные.

Исследование палеолита на высоких террасах Нижнего Приднестровья возобновились лишь в 1982 году ленинградским археологом Н.К. Анисюткиным, которому удалось обнаружить два новых местонахождения с достаточно многочисленными и выразительными каменными изделиями раннепалеолитического облика. Речь идет о местонахождениях Большой Фонтан и Похребя, расположенных в окрестностях города Дубоссары. Для определения

возраста этих архаичных каменных изделий важно нахождение некоторых из них непосредственно в ископаемых почвах раннечетвертичного возраста [Anisiutkin 1987, 1994; Anissutkine 1987]. Важные наблюдения удалось получить благодаря совместным исследованиям с молдавскими палеогеографами, проведенными в 1984-1986 годах [Adamenko et al. 1996; Antropogen i paleolit 1986, 78-84].

Новые археологические работы в Приднестровье возобновились только в 2010 году. Инициатором этих исследований был академик А.П. Деревянко, которому автор данной статьи выражает свою глубокую благодарность. Н.К. Анисюткину было предложено провести изыскания в регионе в рамках проекта «Нижний и средний плейстоцен: ранние миграции архантропов в Евразии». Работы были нацелены на выявление новых стратифицированных памятников раннего палеолита.

Разведки, проведенные в районе города Дубоссары, позволили обнаружить уже в 2010 году первую в Восточной Европе стратифицированную стоянку раннего палеолита Байраки, расположенную на VII террасе Днестра. Следующее местонахождение этого же времени – Крецешты было найдено в 2013 году, где относительно многочисленные каменные изделия были связаны с отложениями той же террасы [Anisiutkin et al. 2012a; 2012b; 2013]. Проведенные на стоянке Байраки многолетние междисциплинарные исследования позволили выявить шесть слоев/уровней залегания с находками раннего палеолита и установить их геологический возраст, согласно которому слои 1 и 2 датируются ранним неоплейстоценом, а слои 3, 4, 5, 6 – эоплейстоценом [Chepalyga et al. 2013]. Стало очевидным, что каменные изделия слоев 1 и 2 стоянки Байраки имеют заметное сходство с «Дубоссарским комплексом», который был выделен ранее на основе изучения коллекций местонахождений Большой Фонтан и Похребя [Anisiutkin 1994].

Геоархеологические источники, относительная геохронология

Описание логично начать со стратифицированного памятника Байраки.

Байраки. Каменные изделия и единичные кости ископаемых животных обнаружены

осенью 2010 года на юго-восточной окраине города Дубоссары в четвертичных отложениях левой стенки бывшего гравийного карьера, расположенного на высокой террасе Днестра, в микрорайоне Большой Фонтан (Рис. 1). Междисциплинарные исследования новой стоянки курировал известный палеогеограф А.Л. Чепалыга. Этот ученый сопоставил данную террасу с VII «Кицканской террасой», выделенной ранее им же у с. Кицканы близ г. Тирасполя еще в 1962 году [Antropogen i paleolit 1986, 60]. Аллювий этой террасы, откуда происходила фауна крупных млекопитающих таманского фаунистического комплекса, имеет эоплейстоценовый возраст [Antropogen i paleolit 1986]. В русловом аллювии собственно «Кицканской террасы», как показали палеомагнитные исследования, был обнаружен эпизод Харамильо (Jaramillo) с нормальной намагниченностью, который датируется в пределах 0,9-1,1 млн. лет. Здесь же в 1985 году была получена термолюминесцентная абсолютная дата 940 ± 200 и 1100 ± 250 тыс. лет [Antropogen i paleolit 1986, 56].

Такие же результаты дали палеомагнитные исследования, проведенные на стоянке Байраки в 2011-2014 годах известным ученым В.М. Трубихиным (Институт геологии РАН). Эти исследования показали, что весь аллювий террасы формировался в течение второй половины палеомагнитной эпохи Матуяма, а слои 4,5 с находками каменных изделий из руслового аллювия, также соответствует эпизоду Харамильо [Anisiutkin et al. 2015; 2013; Chepalyga, Anisiutkin 2014].

Общая мощность отложений на месте раскопа превышала 8 м. Здесь выявлены следующие отложения (Рис. 2):

1) Современная черноземная почва – до 1,8 м.

2) Суглинок лессовидный желто-коричневого цвета – до 0,3 м.

3) Верхняя ископаемая почва коричневого цвета, которая по данным почвоведов С.А. Сычевой (Институт географии РАН) является педоседиментом среднеплейстоценовой почвы – до 0,4 м.

4) Педоседимент средней красноцветной ископаемой почвы – до 0,3 м. Нижняя часть почвы нарушена вертикальными трещинами, которые достигали глубины до 2,5 м. В этом

литологическом слое выявлены каменные изделия слоев 1 и 2, из которых находки слоя 1 переотложены.

5) Нижняя глеевая почва эоплейстоценового возраста, представленная тяжелым суглинком зеленовато-голубого цвета, сформированная на поверхности пойменного аллювия (0,3 м); разбита трещинами лежащего выше слоя 4. В основании прослеживается горизонт ожелезнения мощностью до 0,2 м. В кровле почвы найдены единичные каменные орудия и обломок челюсти лошади, соответствующие слою 3.

6) Пойменная фация аллювия: алевроит песчано-глинистый зеленовато-бурой окраски – до 1,0 м;

7) Отложения пойменного аллювия зеленовато-бурые с глинистыми пятнами и линзами зеленовато-серого цвета – до 0,45 м. В нижней части расположены находки слоя 4.

8) Слоистые отложения старичной фации аллювия имеют мощность около 1 м.

Лежащий ниже русловой аллювий достигает мощности около 3 м. Он представлен песком прирусловой (пляжной) фации, соответствующей литологическому слою 9, в котором обнаружены многочисленные каменные изделия олдована и единичные осколки костей животных археологического слоя 5. В гравийно-галечном слое 10 найдены переотложенные единичные каменные изделия олдована археологического слоя 6. Литологический слой 11 представлен обломками конгломерата.

Обращают на себя внимание следы древних эрозий, представленных двумя палеоврезами, зафиксированных почвоведом С.А. Сычевой в геологической расчистке в 45 м ниже по склону [Sycheva 2012]. Поздний палеоврез выявлен в нижней части делювиальной прослойки (лесс 2 по С.А. Сычевой), расположенной между верхней и средней почвами, а ранний – также связан с нижней частью делювиального суглинка (лесс 3), находящегося между средней и нижней почвами.

Определенная сложность выявления положения артефактов была связана с тем, что в пределах раскопа три плейстоценовые ископаемые почвы лежали непосредственно одна на другой, и лишь на небольшом участке кв. А-24 тонкая прослойка суглинка отделяла верхнюю почву от средней. Важно, что именно в этой

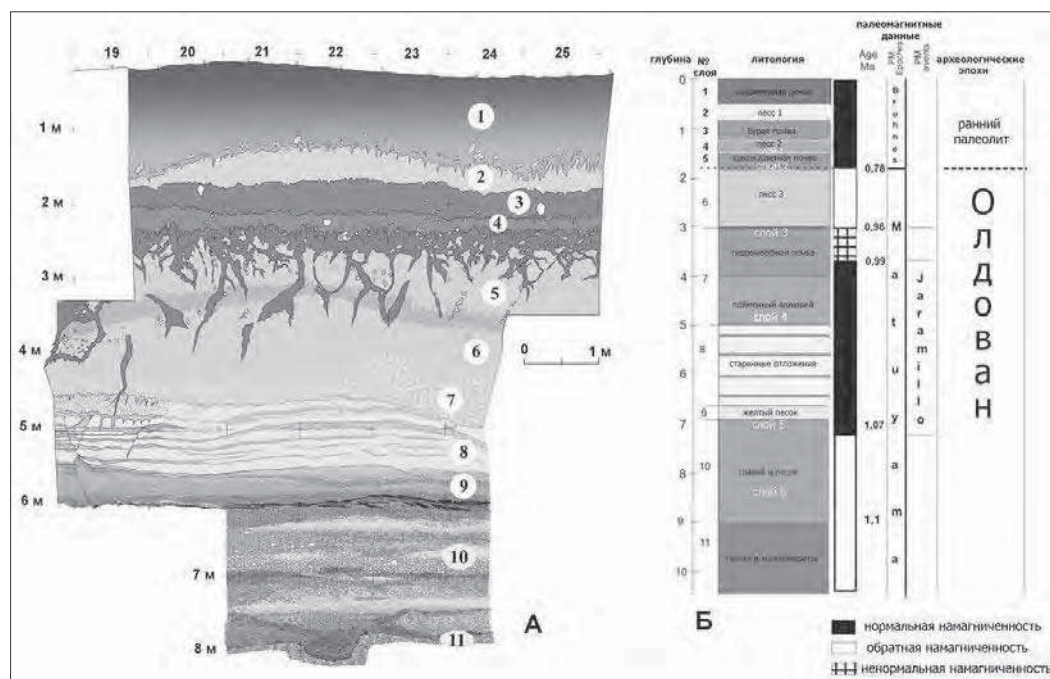

Рис. 2. А. Стратиграфия раскопа стоянки Байраки. 1-современная почва; 2-лесс желто-коричневого цвета; 3-бурая ископаемая почва; 4-красноцветная ископаемая почва; 5-гидроморфная ископаемая почва; 6-верх пойменного аллювия; 7-нижняя часть пойменного аллювия; 8-старичные отложения; 9-желтый песок с прослойками черного цвета; 10-гравийные отложения; 11-конгломерат. Б. Геохронология полного разреза стоянки Байраки на основе палеомагнитных данных (составлено А.Л. Чепалыгой по результатам исследований В.М. Трубикина).

Fig. 2. A. The stratigraphy of Bairaki site excavation. 1-modern soil; 2-loess yellow-brown; 3-brown fossil soil; 4-red-colored fossil soil; 5-fossil hydromorphic soil; 6-upper part of the floodplain alluvium; 7-lower part of the floodplain alluvium; 8-oxbow deposits; 9-yellow sand with layers of black; 10-gravel deposits; 11-conglomerat; B. Geochronology of full stratigraphic section of Bairaki site based on paleomagnetic data (compiled by A.L. Chepalyga based on the result of research of V.M. Trubihin).

прослойке коричневого суглинка (лесс 2) было найдено несколько каменных изделий, включая скребло-унифас (Рис. 3,1). Все они имели интенсивную патину белого цвета. На этом основании был выделен слой 1, к которому относились все кремневые изделия с патиной, найденные либо в кровле средней почвы, где они были переотложены, либо в осыпи у разреза.

В **слое 1**, залегающем в коричневом суглинке, расположенном между верхней и средней почвами, найдено 14 покрытых белой патиной изделий, включая 2 нуклеуса, 3 скребла, 1 долотовидное орудие, 4 отщепы и 4 чешуйки. Все они были изготовлены из кремня, исключая скребло из косоуцкого песчаника (Рис. 3,4). Изделия не окатаны. Кроме нескольких предметов, найденных непосредственно в суглинке, – остальные происходили из верхней части красноцветной почвы или из осыпи под разрезом.

Наиболее выразительным является скребло с острием на фрагменте кремневой гальки,

рабочий край которой выделен ретушью типа кина (Рис. 3,1). Это орудие можно рассматривать как унифас, нижняя сторона которого сохраняет галечную корку, а верхняя полностью обработана. Наличие интенсивной белой патины и следов морозобоинных повреждений на одном из нуклеусов, указывает, что кремневые изделия долго находились на поверхности (Рис. 3,6). Залегание находок в коричневом суглинке, который сохранился лишь на небольшом участке раскопа 2010 года, отсутствуя на остальной площади, но присутствуя в более мощном разрезе ниже по склону, свидетельствует о существенном разрушении этих отложений древними делювиальными процессами во время миндельского оледенения.

Слой 2 залегает в верхней части отложений педоседимента красноцветной ископаемой почвы, относящейся к раннему неоплейстоцену. Нижняя граница этой почвы остается нечеткой. Она разбита глубокими трещинами,

проникающими в пойменный аллювий.

В 40-45 м ниже по склону, где мощность отложений заметно возрастала, эти почвы разделялись, по данным почвоведов С.А. Сычевой, горизонтом делювиального суглинка (лесс 3). В образце из данного суглинка, отделяющего среднюю почву от нижней, геофизиком В.М. Трубиным выявлена минусовая намагниченность, соответствующая началу эпохи Матуяма. Здесь же при расчистке найдено выразительное скребло на крупном отщепе, покрытом табачной патиной, что возможно указывает на наличие еще одного горизонта находок.

Из слоя происходит 19 изделий, в их числе один концевой чоппер, два нуклеуса, три скребла, один отщеп с ретушью, четыре отщепа и семь чешуек, а также песчаниковая галька со следами утилизации (Рис. 4). Практически все изделия лишены патины и имеют хорошую сохранность. К слою 2 дополнительно были отнесены два кремневых орудия – высокое скребло и мелкий чоппер с двусторонней обработкой (Рис. 4,2,4), которые были найдены под обнажением, в осыпи, на поверхности нижней гидроморфной почвы. Хорошая сохранность поверхностей изделий и наличие очень слабой односторонней патины позволило включить их в состав именно слоя 2.

Большой Фонтан. Местонахождение, обнаруженное в 1982 году, вначале было названо Дубоссары 1. Оно расположено на юго-восточной окраине города Дубоссары, в микрорайоне Большой Фонтан, в центре так называемого «Дубоссарского амфитеатра», образованного на левом берегу реки Днестра высокими VI, VII, VIII надпойменными террасами [Adamenko et al. 1996]. Многочисленные преимущественно кремневые изделия собраны на наклоненной к западу и юго-западу (к Днестру) поверхности VII террасы. В нижней части склона обнажалась мощная красноцветная ископаемая почва, в которой также были находки, отличавшиеся наиболее хорошей сохранностью (Рис. 5,7,11).

Кроме того, на поверхности террасы было найдено небольшое количество кремневых из-

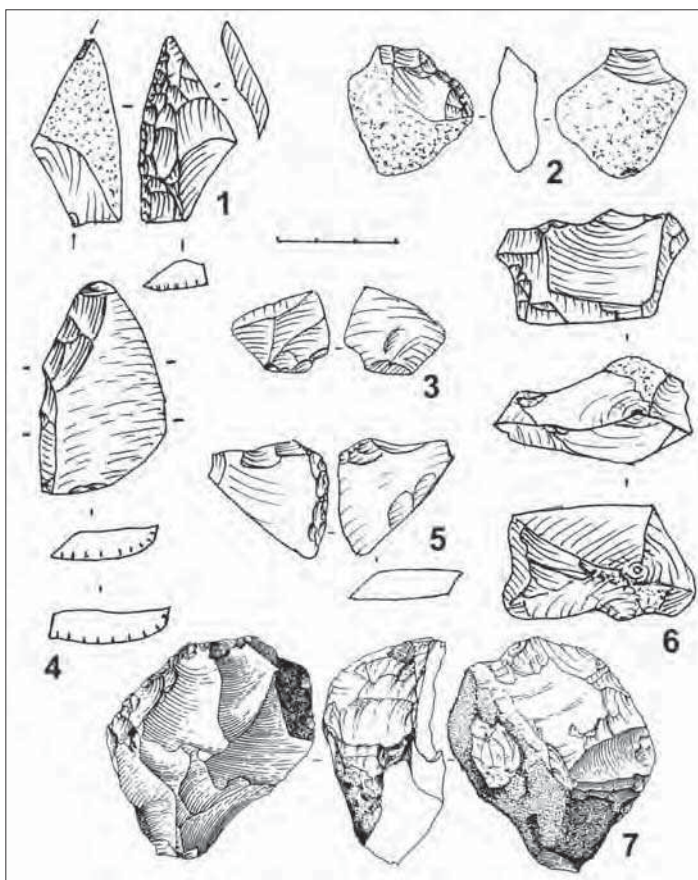

Рис. 3. Байраки - слой 1. 1-скребло-унифас с острием; 2-отщеп; 3-долотовидное орудие на гальке; 4-скребло на обломке отщепа; 5-скребло на осколке гальки косоуцкого песчаника; 6-нуклеус со следами морозобойных повреждений; 7-нуклеус, у которого один край превращен в скребло.

Fig. 3. Bairaki - layer 1. 1-racloar-unifas; 2-flake; 3-chisel on the pebbles; 4-racloar on a fragment of the flake; 5-racloar on a fragment of sandstone pebble of Coseuti type; 6-nucleus with traces of frost damage; 7-nucleus-racloar.

делий без патины или со слабой патиной, морфология которых указывала на их более поздний возраст. На этом основании был выделен поздний комплекс. Наиболее выразительные находки этого комплекса происходили из насыпи кургана, в их числе два призматических нуклеуса, два скребка и несколько пластин и пластинчатых отщепов, имеющих явно верхнепалеолитический облик.

Коллекция основного или раннего комплекса состоит из 442 каменных изделий, включая 74 нуклеуса, 114 орудий, 214 отщепов и их обломков, 28 осколков артефактов и 12 галечных форм. В качестве сырья использовался

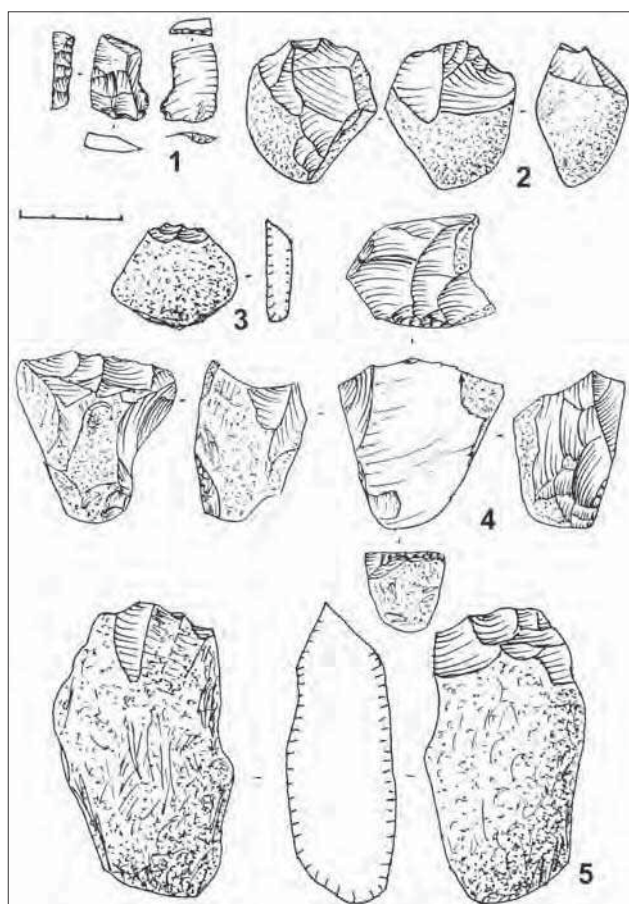

Рис.4. Байраки - слой 2. 1-отщеп с мелкой ретушью краев; 2-чоппер двусторонний; 3-микрочоппер (слои 1-2?); 4-скребло каренэ; 5-чоппер.

Fig. 4. Bairaki - layer 2. 1-flake with fine retouch the edges; 2-chopper bilateral; 3-micro chopper (layers 1-2?); 4-racloir of carene type; 5-chopper.

местный кремьен серого и черного цвета. Единичны изделия из серого непрозрачного кремня, представленного крупными желваками. Также присутствуют яшма, кварц и известняк.

Техника первичного раскалывания имеет клектонский характер. Элементы и формы леваллуа случайны. Мало пластин, большинство ударных площадок гладкие и скошенные. Среди них многие сохраняют корку. Отщепы в основном массивные и имеют, как правило, небольшие размеры.

Галечные формы представлены всего 12 предметами, в их числе четыре чоппера с односторонней и двусторонней обработкой (Рис. 5,9), пять скребковидных орудий близких по форме рабо (Рис. 5,6) и два отбойника, включая один крупный из кварцевой гальки.

Особый интерес представляют находки двух протолимасов, изготовленных на удлинённых сколах, и двух унифасов из обломков галек. Специфика последних состоит в том, что одна из сторон сохраняет поверхность галечной корки, а вторая оформлена уплощенной и распространенной ретушью (Рис. 5,8,14).

Среди орудий на отщепах господствуют скребла (40 экз.), большинство из которых весьма выразительны. Выемчатые и зубчатые орудия немногочисленны: первых выделено пять, а вторых – 15. Среди зубчатых форм имеются орудия с естественными обушками, указывая на использование их в качестве ножей. Относительно многочисленны клювовидные орудия и тайякские острия. Однако отсутствуют формы типа Bill-hook, которые весьма многочисленны в олдованском комплексе из слоя 5. Бифасиальные формы можно охарактеризовать выразительным обломком ручного рубила небольших размеров (Рис. 5,4), фрагментом двустороннего орудия с плоско-выпуклой обработкой и атипичным бифасом с обушком.

Похребя. Местонахождение расположено примерно около 0,5 км к северо-западу от села Похребя и в 8 км ниже по течению реки от города Дубоссары. Первые каменные изделия раннепалеолитического облика найдены на VII террасе в 1982 году. Дальнейшие исследования sporadически велись в 1983, 1985 и 1986 годах.

Каменные изделия собраны как на поверхности террасы, так в шурфах и в мелиоративных траншеях, разрезавших в разных направлениях территорию колхозного сада на глубину до 1,5 м. В зависимости от участка склона в траншеях выявлялись те или иные типы отложений, которые характерны для этой террасы. На нескольких участках склона раннечетвертичная ископаемая почва, из которой извлечено несколько каменных орудий, была перекрыта небольшим слоем современной почвы.

В выбросе из мелиоративной траншеи, где четко прослеживалась красновато-бурая ископаемая почва, в 1985 году найден обломок зуба слона. Небольшой фрагмент этого же зуба обнаружен в стенке траншеи, залега

в верхней трети ископаемой почвы мощностью 1,4 м. Рядом с ним найдено кремневое орудие на отщепе (Рис. 6,1). Зуб (МЗ) принадлежал, согласно определению известного специалиста по слонам В.Е. Гарутта (ЗИН АН СССР), трогонтериевому слону (*Archidiskodon* [*Mammuthus*] *trogontherii*). Еще один обломок найден здесь же в следующем году.

Как и на Большом Фонтане было два комплекса – с белой патиной раннепалеолитического облика и без патины. Немногочисленный комплекс без патины назван поздним. Патинированный комплекс определен как ранний или основной. Значительная часть каменных изделий этого комплекса происходит из лесса и из ископаемых почв.

В основном комплексе было 273 предмета, включая 29 нуклеусов, 38 галечных форм, 42 орудия, 108 отщепов, дватцать чешуек, 45 обломков и осколков, один отбойник, одна галька со следами употребления. В качестве сырья использовался галечный кремнь черного и серого цветов (235 экз.), а также серый желвачный (24 экз.), единично кварцит, кварц, известняк, песчаник.

Почти все предметы покрыты интенсивной патиной белого цвета, часто с люстражем. На поверхностях значительной части изделий, как и на Большом Фонтане, имеются следы ожелезненности и известковый налет, который указывает на их связь с ископаемыми почвами.

Среди нуклеусов преобладают радиальные и субрадиальные формы, а также многогранные, реже одноплощадочные. Сколы-заготовки имеют чаще всего небольшие размеры. Господствуют массивные клектонские отщепы со скошенными ударными площадками. Пластины единичны.

Два крупных орудия из известняка можно рассматривать как частичные бифасы, к ним можно добавить два бифаса на кремневых обломках (Рис. 6,7,10), а также один унифас. Относительно многочисленные галечные орудия изготовлены из грубого сырья: кварцита, прочного косоуцкого песчаника, известняка и низкокачественного серого (желвачного) кремня. Имеются весьма крупные орудия длиной до 120 мм. Можно выделить три десятка

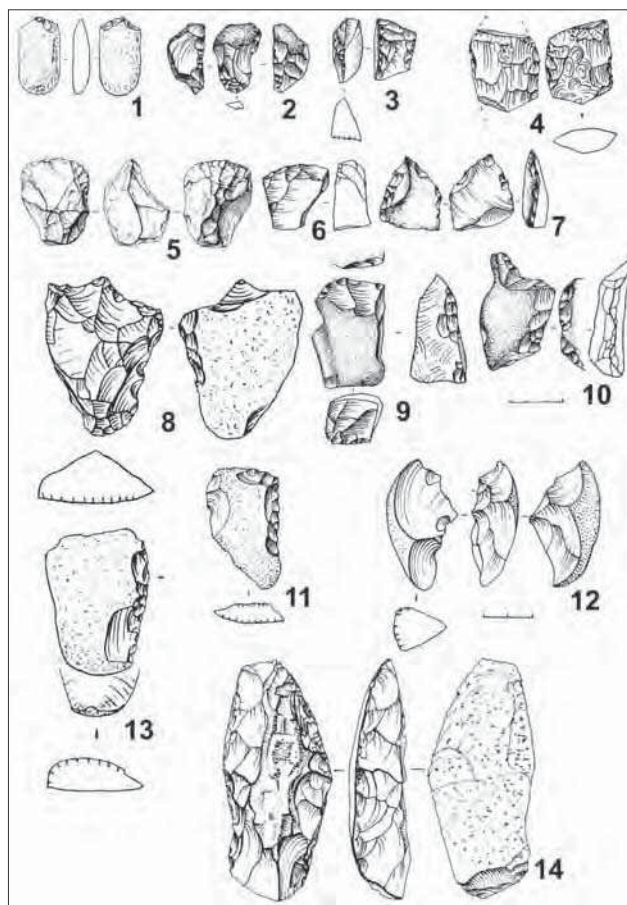

Рис. 5. Большой Фонтан. 1-микрочоппер на гальке; 2,3,6-скребла карене; 4-обломок бифаса; 5-чоппер двусторонний; 7-острие тайякское; 8-чоппер-рабо; 9-скребло двустороннее; 10,11-унифасы; 12-скребла; 13-галечное орудие.

Fig. 5. Bolshoi Fontan. 1-microchopper on pebbles; 2,3,6-scrapers carene; 4-fragment of biface; 5-chopper bilateral; 7-point of tayac type; 8-chopper-rabo; 9-racloir bilateral; 10,11-unifaces; 12-racloirs; 13-pebble tool.

чопперов, в их числе три с остриями, из которых два можно описать как пики, а также одно комбинированное – чоппер с двусторонней обработкой + скребок-рабо (Рис. 7,3).

Орудия на отщепах подобны орудиям из Большого Фонтана. Здесь много скребел, но единичны верхнепалеолитические формы. Выемчатые и зубчатые орудия малочисленны. Имеются также клювовидные, тайякские и массивные острия, но отсутствуют, как и в коллекции Большого Фонтана, формы типа Bill-hook [Anisiutkin 1987, 1994; Anissutkine 1987]. Найдено одно интенсивно обожженное скребло высокой формы (Рис. 7,1).

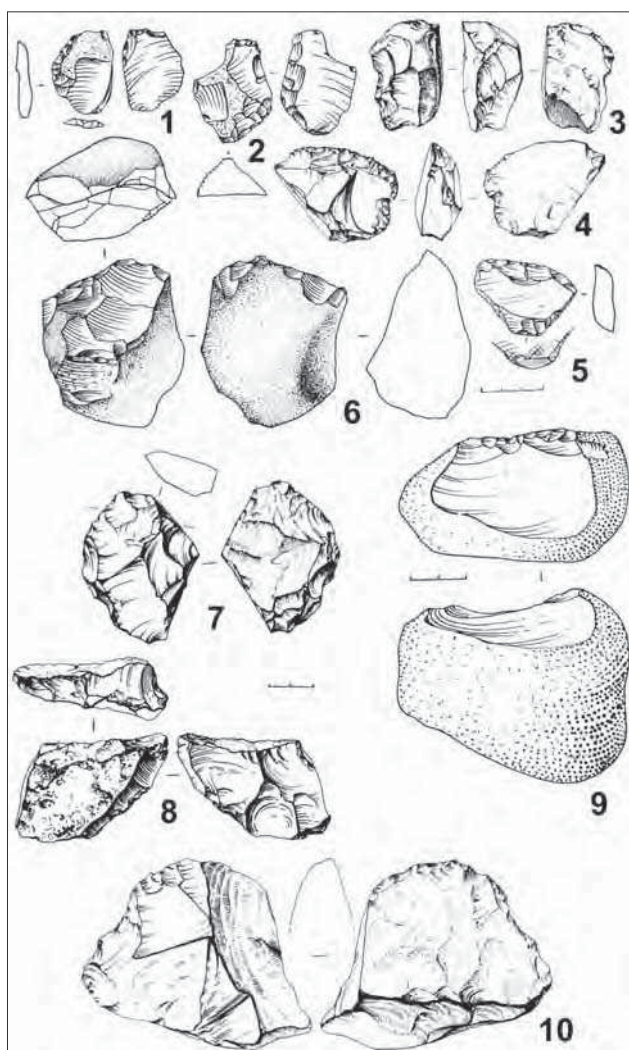

Рис. 6. Погреба: 1-острие на отщепе (найдено в ископаемой почве рядом с обломком зуба слона); 2-скребло частично двустороннее (найдено в ископаемой почве); 3,4,5-скребла; 6, 10-чопперы; 7,9-бифасы (9-из известняка); 8-нуклеус (ископаемая почва).

Fig. 6. Pohrebya. 1-point on the flake (fossil found in the soil near the elephant tooth fragment); 2-racloar bilateral (found in the fossil soil); 3,4,5-racloars; 6,10-choppers; 7,9-bifaces (9-from limestone); 8-nucleus (fossil soil).

Относительная геохронология. Определенные данные по относительной геохронологии дает стратифицированная стоянка Байраки. Слои 1 и 2 связаны с отложениями формировавшимися, как показали палеомагнитные исследования, во время палеомагнитной эпохи Брюнес. Это означает, что каменные индустрии этих слоев моложе границы Брюнес/Матуяма возрастом 780 тыс. лет. Отсюда следует, что данная дата может быть принята

в качестве нижней границы существования слоя 2. Верхняя же может проводиться непосредственно под педоседиментом верхней ископаемой почвы коричневого цвета без археологических находок, относящейся по заключению почвоведов С.А. Сычевой к среднему плейстоцену¹. Спорово-пыльцевые данные и морфология почвы указывают с наибольшей вероятностью на ее миндель-рисский = лихвинский (завадовской) возраст. В образце из данной почвы обнаружена пыльца третичных реликтов, включая хмелеграб (*Ostrya*) [Chepalyga et al. 2012], который, как показывают исследования молдавских палинологов, исчез в регионе в самом начале рисского (днепровского) оледенения [Adamenko et al. 1996, 180]. Отсюда следует, что лежащие ниже коричневой почвы отложения слоя 1 древнее 450 тыс. лет, соответствуя миндельскому оледенению. В таком случае комплекс мог существовать в интервале 750-450 тыс. лет.

Дополнительное подтверждение этой даты дают находки обломков зубов трогонтериевого слона, которые были обнаружены совместно с кремневыми изделиями в древней ископаемой почве на местонахождении Похребя. Как известно, этот вид слона является типичным представителем тираспольского фаунистического комплекса, синхронного миндельским и кромерским фаунам Европы [Chetvertichnaia sistema 1982, 274-275].

Ископаемые почвы, выявленные в шурфах на местонахождении Большой Фонтан, определены О.М. Адаменко как мартаановская (нижняя), лубенская (средняя) и завадовская (верхняя). Нижняя и средняя ископаемые почвы, в которых обнаружены основные находки раннего комплекса, соответствуют миндельскому и кромерскому времени [Adamenko et al. 1996, 151].

Особенности каменных индустрий

Первоначально «Дубоссарский комплекс» был выделен только на основе коллекций каменных изделий местонахождений Большой Фонтан и Похребя. Они в предварительном

1. Все данные о характеристиках ископаемых почв заимствованы из отчета почвоведов С.А. Сычевой, проводившей исследования на стоянке в 2011-2012 годах.

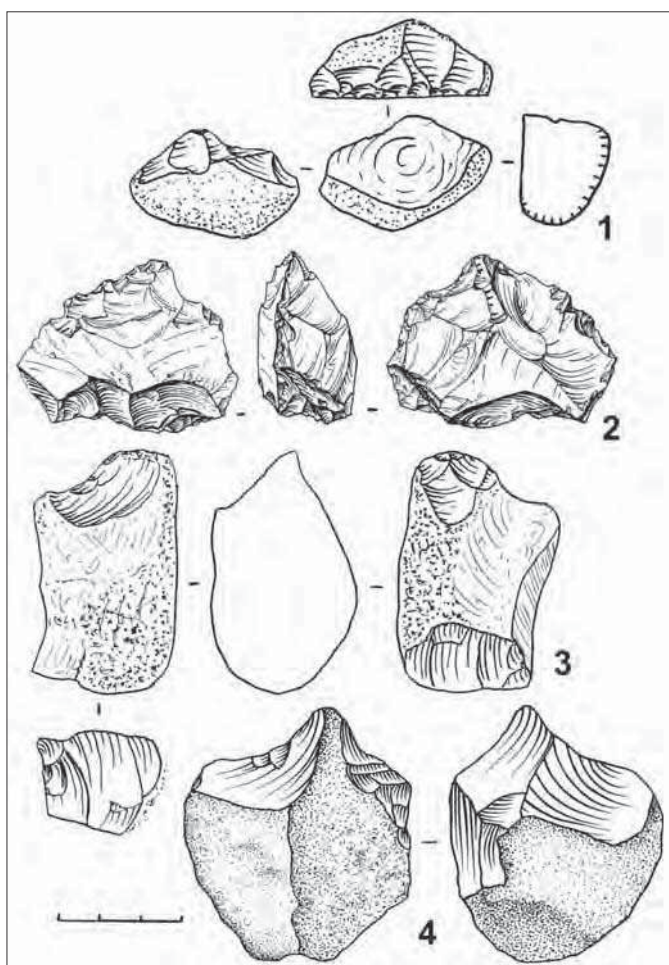

Рис. 7. Похребя: 1-скребло карене (обожженное); 2-про-то-бифас; 3-чоппер-рабо; 4-пиковидное орудие с частич-ной двусторонней обработкой.

Fig. 7. Pohrebya. 1-scraper carene (burnt); 2-proto-biface; 3-chopper-rabo; 4-point with partial bilateral treatment.

плане рассматривались как специфический вариант регионального раннего аше-ля [Anisiutkin 2010, 178]. Несмотря на то, что значительную часть коллекций представляют подъемные материалы, они, тем не менее, обладают определенным единством, указывая на ничтожность ино-родной примеси. Показательно, что как в одной коллекции, так и в другой преобладают мелкие отщепы. Напро-тив, большинство галечных или нуклевидных орудий имеют более крупные размеры. Подоб-ная дихотомия обычна для индустрий раннего палеолита.

Для сопоставления можно привести та-

блицу основных технических показате-лей, основываясь на системе Франсуа Борда.

Индексы/ объекты:	Большой Фонтан:	Похребя:
П - сколы леваллуа:	2,6%	0,9%
IF-подправка площадок:	22,4%	23,5%
Пам - пластины:	3,4%	1,7%
ICl - клектонские сколы:	50,5%	50,1%
ITс.-площадки с коркой	25,9%	24,5%

Приведенные процентные соотно-шения между основными признаками можно считать едиными. Для коллекции Большого Фонтана заметен более высо-кий процент сколов леваллуа и пластин. Все леваллуазские сколы найдены в верх-ней части склона и возможно указывают на небольшую примесь более развитого комплекса раннего палеолита, связанно-го с верхними суглинками. Прочие пока-затели вполне идентичны.

В целом, индексы указывают на до-статочно примитивную технику первич-ного расщепления, где среди отщепов многочисленны клектонские. Относи-тельное изобилие отщепов с естественными ударными площадками указывает на то, что подготовка нуклеусов к расщеплению была явно незначительной. Многочисленные ору-дия на обломках и осколках кремня.

Сходны эти коллекции и составом орудий.

Группы орудий:	Большой Фонтан:	Похребя:
Скребла, унифасы, протолимасы	18,5%	35,7%
Скребки, резцы, проколки:	7,1%	6,2%
Зубчатые	11,45%	13,3%
Зубчатые и выемчатые:	14,2%	17,8%
Бифасы	4,2%	4,4%
Галечные орудия:	41,4%	17,8%

Оба сопоставляемых комплекса име-ют близкие показатели, но в Похребя более многочисленны галечные формы. Всюду при-сутствуют различные чопперы, часто изго-товленных из некремневого сырья. Среди них имеются формы с выделенными остриями,

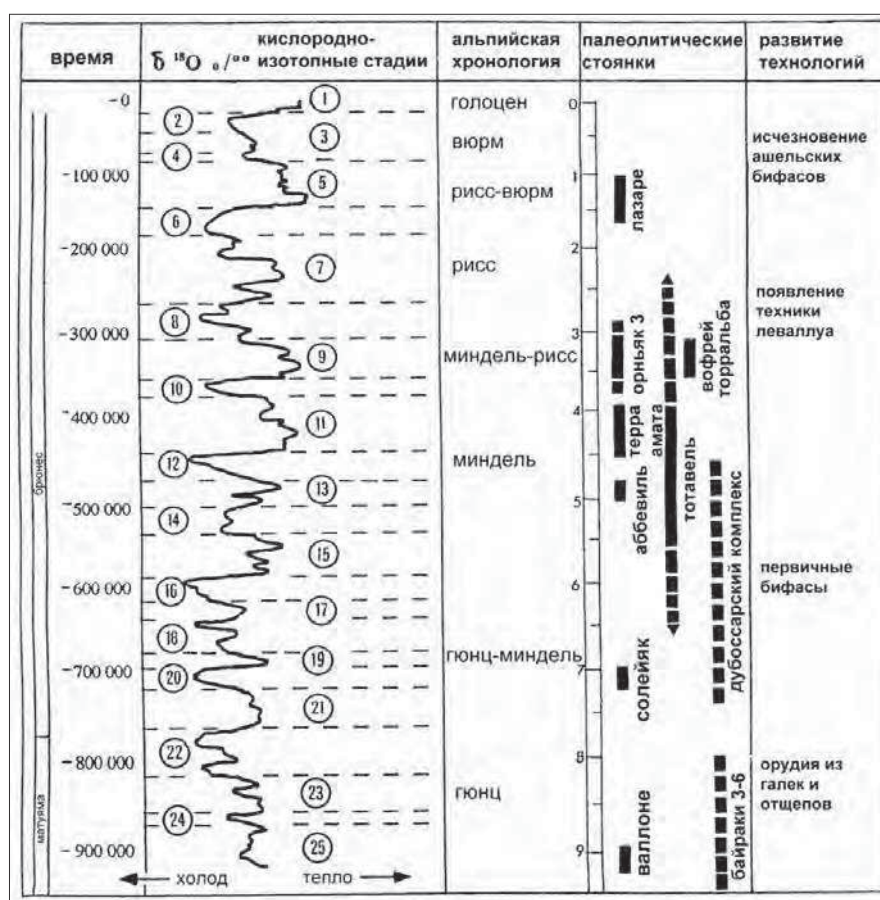

Рис. 8. Место дубоссарского комплекса в хронологической системе раннего палеолита юга Франции. По Ж. Комбье с дополнениями [Combiere 2005].

Fig. 8. Location of Dubossary complex in the chronological system of Early Palaeolithic of southern France. By J. Combiere with additions [Combiere 2005].

которые можно отнести к категории орудий типа «пик» (Рис. 7,4).

Наиболее выразительными являются скребла, часто обработанные чешуйчатой и ступенчатой ретушью, иногда типа кина и полукина. Выразительны скребла с двусторонней обработкой. Протолимасы и унифасы чаще встречаются в коллекции Большого Фонтана.

Одинаковым процентом представлены бифасы, которые изготовлены из разного сырья и имеют нередко более крупные размеры, чем орудия из отщепов. Среди них нет выразительных форм обычных для среднего ашеля. Некоторые похожи на грубые овальные рубила, в значительной мере напоминая лиманды с обушками, включая с частичной двусторонней обработкой (Рис. 6,7). Наиболее характерными орудиями являются унифасы.

Коллекции каменных изделий из слоев 1 и 2 стоянки Байраки, подчеркну еще раз, могут рассматриваться как единый комплекс, который сопоставим с дубоссарским. Малочисленность орудий на отщепах в Байраках можно объяснить низким качеством и размерами использованного кремня. Тем не менее, здесь представлены все важнейшие категории каменных изделий, где наиболее выразительными являются скребла и скребловидные орудия, а также галечные орудия. Особое внимание следует уделить весьма редкой в раннем палеолите форме, которую следует рассматривать как скребло-унифас с острием (Рис. 3,1).

Заклучение

Дубоссарский комплекс раннего палеолита представлен в настоящее время тремя памятниками, включая Байраки с надежной

стратиграфией. Эта стратиграфия дает основание, наряду с прочими данными, включая зубы трогонтериевого слона, говорить об одновременности данного комплекса с тираспольским фаунистическим комплексом. Для каменной индустрии данного комплекса обычна четкая дихотомией, где галечные орудия, нередко изготовленные из некремневого сырья, имеют более крупные размеры, чем орудия из отщепов.

В коллекциях отмечено сочетание атипичных бифасов и галечных орудий, включая чопперы и пиковидные формы, изготовленных из разнообразного местного сырья. Бифасы имеют, как правило, овальные или близкие им формы, сохраняя обушки.

Наиболее выразительными орудиями из отщепов являются различные скребла, в их числе с частичной двусторонней обработкой. Постоянно встречаются комбинированные орудия, включая каренэ (высокой формы). Наиболее показательными являются скребла-унифасы, которые, как правило, являются редкими формами.

Дубоссарский комплекс кардинально отличается от каменных индустрий регионального среднего палеолита. Его можно рассматривать как своеобразный архаичный ашель/преашель, который в общих чертах аналогичен раннему палеолиту кромерского и миндельского времени, происходящего с территории Франции (Combier, 2005). Первичные бифасы существовали одновременно в Приднестровье и во Франции (Рис 8).

В целом, дубоссарский комплекс сопоставим со своеобразной галечной «дыржовской культурой» раннего палеолита, выявленной на юге Румынии еще в середине XX века [Nikolaesku-Plopshor 1965; Dumitrescu et al. 1983; Chirica, Borzias 2005]. Данный вариант

раннего палеолита имеет возраст более 600 тыс. лет (Dumitrescu et al. 1983, 33-34), что косвенно подтверждают наши материалы. Мое знакомство с коллекциями этих местонахождений, хранящимися в Институте археологии Академии наук Румынии, показало, что в ней присутствуют все те элементы, которые обычны для дубоссарского комплекса. Правда, в «дыржовской культуре» более многочисленны и лучше выражены галечные орудия, включая типичные чопперы. Это отличие можно объяснить более высоким качеством исходного сырья, применяемого в данном варианте раннего палеолита Румынии и характером памятника, представленного подъемными материалами. Без сомнения, собирались наиболее выразительные и типичные изделия, многие из которых, особенно мелкие, остались не опознанными.

Несмотря на наличие заметного сходства каменных индустрий дубоссарского комплекса и регионального олдована, обнаруженного в нижних слоях стоянки Байраки, у нас пока нет веских оснований говорить о преемственности. Эти индустрии различаются, в первую очередь, технологически: олдован более примитивен. Наблюдаемое же сходство, включая очевидную дихотомию и господство мелких орудий на отщепах, можно объяснить лишь использованием одинакового сырья.

Дубоссарский комплекс относится к кругу каменных индустрий раннего палеолита Европы, существовавших в миндельское и кромерское время. Для этих индустрий характерно постоянное присутствие галечных форм, а также примитивных бифасов, сопровождаемых орудиями на клетонских отщепах, как правило, более мелких размеров. Леваллуазские формы случайны или полностью отсутствуют.

Библиография

- Adamenko et al. 1996:** O.M. Adamenko, A.V. Gol'bert, V.A. Osiiuk, Zh.N. Matviishina, S.I. Medianik, V.E. Motok, N.A. Sirenko, A.V. Cherniuk, Chetvertichnaia paleogeografia. Ekosistemy Nizhnego i Srednego Dnestra (Kiev 1996) // O.M. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осийук, Ж.Н. Матвиишина, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Н.А. Сиренко, А.В. Чернюк, Четвертичная палеогеография. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра (Киев 1996).
- Anissutkine 1987:** N.K. Anissutkine, De nouvelles donnees sur le Paleolithique ancien de la Moldavie. L'Anthropologie 91, 1, 1987, 69-74.
- Anisiutkin 1987:** N.K. Anisiutkin, Novee mestonahozhdenie rannego paleolita u s. Pogrebia na Nizhnem Dnestre.

In: (red. I.A. Borziac) *Moldavskoe Pridnestrov'e v pervobytnuiu epokhu* (Kishinev 1987), 4-15 // Н.К. Анисюткин, Новое местонахождение раннего палеолита у с. Погреба на Нижнем Днестре. В сб.: (ред. И.А. Борзьяк) *Молдавское Приднестровье в первобытную эпоху* (Кишинев 1987), 4-15.

Anisiutkin 1994: N.K. Anisiutkin, *Drevneishie mestonahozhdeniia rannego paleolita na yugo-zapade Russkoi ravniny*. *Arkheologicheskie Vesti* 3, 1994, 6-16 // Н.К. Анисюткин, Древнейшие местонахождения раннего палеолита. *Археологические Вести* 3, 1994, 6-16.

Anisiutkin 2010: N.K. Anisiutkin, *Novye dannye izucheniiia rannepaleoliticheskikh mestonahozhdenii na verkhnikh terrasakh nizhnego techeniia Dnestra*. *Drevneishie obitateli Kavkaza i rasselenie predkov cheloveka v Evrazii*. *Trudy IIMK RAN XXXV*, 2010, 172-187 // Н.К. Анисюткин, Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра. Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. *Труды ИИМК РАН XXXV*, 2010, 172-187.

Anisiutkin et al. 2011: N.K. Anisiutkin, S.I. Covalenco, V.A. Burlaku, *Novye dannye o rannem paleolite Pridnestrov'ia*. *RA VII*, 1-2, 2011, 108-128 // Н.К. Анисюткин, С.И. Коваленко, В.А. Бурлаку, Новые данные о раннем палеолите Приднестровья. *RA VII*, 1-2, 2011, 108-128.

Anisiutkin et al. 2012a: N.K. Anisiutkin, S.I. Covalenco, V.A. Burlaku, A.K. Ocherednoi, A.L. Chepalyga, Bairaki – novaia stoianka rannego paleolita na nizhnem Dnestre. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* 1 (49), 2012, 2-10 // Н.К. Анисюткин, С.И. Коваленко, В.А. Бурлаку, А.К. Очередной, А.Л. Чепалыга, Байраки – новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре. *Археология, этнография и антропология Евразии* 1 (49), 2012, 2-10.

Anisiutkin et al. 2012b: N.K. Anisiutkin, A.L. Chepalyga, S.I. Covalenco, A.K. Ocherednoi, *Raskopki stoianki rannego paleolita Bairaki v 2011 godu*. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* 4 (52), 2012, 19-27 // Н.К. Анисюткин, А.Л. Чепалыга, С.И. Коваленко, А.К. Очередной, Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 году. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (52), 2012, 19-27.

Anisiutkin et al. 2013: N.K. Anisiutkin, V.N. Stepanchuk, A.L. Chepalyga, *Kretseshty, novoe mestonahozhdenie rannego paleolita s galechnoi industriiei na Dnestre: Kamennye izdeliia, geologicheskie usloviia, vozrast*. In: (red. S.A. Vasil'ev) *Drevneishii Kavkaz: perekrestok Evropy i Azii* (Sankt-Petersburg 2013), 89-103 // Н.К. Анисюткин, В.Н. Степанчук, А.Л. Чепалыга, Крецешты, новое местонахождение раннего палеолита с галечной индустрией на Днестре: Каменные изделия, геологические условия, возраст. В сб.: (ред. С.А. Васильев) *Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии* (Санкт-Петербург 2013), 89-103.

Anisiutkin et al. 2015: N.K. Anisiutkin, A.L. Chepalyga, S.I. Covalenco, *Predvaritel'nye itogi piatiletnikh issledovaniia (2010-2014 gg.) drevneishei na territorii Vostochno-Evropeiskoi ravniny mnogoslinoi stoianki rannego paleolita Bairaki (Pridnestrov'e)*. *Arkheologicheskie vesti* 21, 2015, 11-30 // Н.К. Анисюткин, А.Л. Чепалыга, С.И. Коваленко, Предварительные итоги пятилетних исследований (2010-2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье). *Археологические вести* 21, 2015, 11-30.

Antropogen i paleolit 1986: *Antropogen i paleolit Moldavskogo Pridnestrov'ia. Putevoditel' ekskursii VI Vsesoiuznogo soveshchaniia po izucheniiu chetvertichnogo perioda* (Kishinev 1986) // Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев 1986).

Boriskovskii 1957: P.I. Boriskovskii, *Razvedki kamennogo veka mezhdu Tiraspoiem i Razdel'noi*. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia* 1, 1957, 4-7 // П.И. Борисковский, Разведки каменного века между Тирасполем и Раздельной. *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 1, 1957, 4-7.

Chepalyga et al. 2012: A.L. Chepalyga, N.K. Anisiutkin, T.A. Sadchikova, *Drevneishaia v Vostochnoi Evrope paleoliticheskaia stoianka Bairaki na Dnestre: vozrast, paleolandshafty, arkheologiiia*. *Bulletin of Commission for Quaternary Research* 71, 2012, 123-140 // А.Л. Чепалыга, Н.К. Анисюткин, Т.А. Садчикова, Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: возраст, палеоландшафты, археология. *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода (БКИЧП)* 71, 2012, 123-140.

Chepalyga et al. 2013: A.L. Chepalyga, N.K. Anisiutkin, T.A. Sadchikova, V.M. Trubikhin, A.N. Pirogov, *Geoarkheologiiia rannego paleolita (oldovan) Severnogo Kavkaza i doliny Dnestra: vozmozhnye puti migratsii drevneishikh arkhantropov v Evropu*. *VIII Vserossiiskoe soveshchanie po izucheniiu chetvertichnogo perioda* (Rostov na Donu 2013), 667-670 // А.Л. Чепалыга, Н.К. Анисюткин, Т.А. Садчикова, В.М. Трубихин, А.Н. Пирогов, Геоархеология раннего палеолита (олдован) Северного Кавказа и долины Днестра: возможные пути миграций древнейших архантропов в Европу. *VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода* (Ростов на Дону 2013), 667-670.

Chepalyga, Anysutkin 2014: A.L. Chepalyga, N.K. Anysutkin, *The first Peopling of Europe via North Black Sea*

corridor: discovery of Oldowan in the Dniester valley. XVII World UISPP Congress (Burgos 2014), 25-26.

Chetvertichnaia sistema 1982: Stratigrafiia SSSR. Polutom 1 (Moskva 1982) // Четвертичная система. Стратиграфия СССР. Полутом 1 (Moskva 1982).

Chirica, Borziak 2005: V. Chirica, I. Borziak, Gisements du Paleolithique inferieur et moyen entre le Dnestr et la Tissa (Iasi 2005).

Combier 2005: J. Combier, Quelle presense humaine dans l'espace rhodanien avant le stade 5 (135 ka)? Extrait des Cahiers Scentifiques du Museum de Lyon. 3, 2005, 71-99.

Dumitrescu et al. 1983: V. Dumitrescu, A. Bolomey, F. Mogosanu, Esquisse d'une Prehistoire de la Roumanie. (Bucarest 1983).

Nikolaesku-Plopshor 1965: K.S. Nikolaesku-Plopshor, O stratigrafii i periodizatsii paleolita Rumynii. In: (red. O.N. Bader) Stratigrafiia i periodizatsiya paleolita Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Moskva 1965), 28-33 // К.С. Николаеску-Плопшор, О стратиграфии и периодизации палеолита Румынии. В сб.: (ред. О.Н. Бадер) Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы (Москва 1965), 28-33.

Shchelinskii, Kulakov 2007: V.E. Shchelinskii, S.A. Kulakov, Bogatyri (Siniaia balka) – rannepleoliticheskaia stoianka eopleistotsenovogo vozrasta na Tamanskom poluostrove. Rossiiskaia arkheologiya 3, 2007, 7-18 // В.Е. Щелинский, С.А. Кулаков, Богатыри (Синяя балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове. Российская археология 3, 2007, 7-18.

Sycheva 2012: S.A. Sycheva, Stroenie pokrovnykh otlozhenij rannepleoliticheskoi stoianki Bairaki (rezul'taty issledovaniia 2011-2012 gg.). Rukopis' otcheta // С.А. Сычева, Строение покровных отложений раннепалеолитической стоянки Байраки (результаты исследований 2011-2012 гг.). Рукопись отчета.

Николай Анисюткин, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная 18; e-mail: leonid.dictiopter@gmail.com

Дмитрий Черновол

Поселение трипольской культуры Бернашевка I

Keywords: Bernashevka I settlement, early Trypillian period, Trypillian culture, internal planning, platforms, pits, interior details.

Cuvinte cheie: aşezarea Bernashevka I, perioada tripoliană timpurie, cultura Tripolie, planificare internă, platforme, gropi menajere, detalii de interior.

Ключевые слова: поселение Бернашевка I, ранний трипольский период, культура Триполье, внутренняя планировка, платформы, ямы, детали интерьера.

Dmitrii Chernovol

The Trypillian culture settlement Bernashevka I

The present article focuses on presenting the results of archaeological research at the early Trypillian settlement Bernashevka I. During the field research, the remains of 16 habitation complexes, three housing pits and two pavements have been uncovered. Also, the approximate internal floor planning of the settlement, the architecture of the constructions and the interior details of the dwellings were established. Their analysis allows us to observe some common elements but also some differences compared to the later stages of the Trypillian culture.

Dmitrii Chernovol

Aşezarea culturii Tripolie Bernashevka I

Articolul de faţă este dedicat prezentării rezultatelor cercetărilor arheologice din aşezarea tripoliană timpurie Bernashevka I. În procesul de investigare a sitului, au fost dezvelite resturile a 16 complexe de habitat, trei gropi menajere şi două pavaje. De asemenea, a fost stabilită cu aproximaţie planificarea internă a aşezării, arhitectura construcţiilor şi detaliile de interior ale locuinţelor. Analiza lor ne permite surprinderea unor elemente comune, dar şi unor diferenţe faţă de perioadele ulterioare de existenţă a culturii Tripolie.

Дмитрий Черновол

Поселение трипольской культуры Бернашевка I

Данная статья посвящена презентации результатов археологических исследований в раннем трипольском поселении Бернашевка I. В процессе исследования памятника были обнаружены остатки 16 жилищ, трех ям и двух вымостков. Также, приблизительно было установлено внутреннее планирование поселения, архитектура конструкции и детали интерьера. Их анализ позволяет нам указать на некоторые общие элементы и некоторые различия с последующими периодами существования трипольской культуры.

Поселение Бернашевка I, расположенное возле с. Бернашевка Могилев-Подольского района Винницкой области, является наиболее ранним из известных трипольских памятников в Украине. Оно занимало часть невысокой (до 9 м) возвышенности на левом берегу Днестра, примерно в 200 м к югу от впадения р. Жван в р. Днестр. Площадь возвышенности составляет около 2-3 га. Современный уровень р. Днестр значительно выше древнего в результате строительства гидротехнических сооружений и образования водохранилища ДГАЭС.

Поселение Бернашевка I частично исследовано В.Г. Збеновичем в 1972–75 гг. [Zbenovich 1980]. Раскопаны остатки шести наземных глинобитных сооружений. Еще две обнаруженные

постройки не исследовались, поскольку были слишком разрушены. По предположению В.Г. Збеновича, поселение было раскопано полностью. Эта идея, однако, была опровергнута охранными раскопками 2009 г., продолженными в 2013–2015 гг. Со времени работ В.Г. Збеновича изменились взгляды на интерпретацию конструкции наземных жилищ, их внешнего и внутреннего обустройства, образования площадок, назначения построек. Новые раскопки также изменили представление о планировке поселения. Поэтому исследования в Бернашевке I требуют переосмысления с учетом новых фактических данных и методологических наработок.

Грунт на памятнике гумусированный, сильнокарбонатный. По геологическим разре-

зам и анализ почв доктором Б.Т. Ридушем установлено, что слой грунта на памятнике образовался в результате разливов р. Днестр и р. Жван. По утверждению старожилов с. Бернашевка, населенный пункт и участок, на котором находится поселение, на протяжении XX в. четырежды затопливался во время весенних разливов. По мнению геологов (в частности В.Г. Сарнавского), образование возвышенности, на которой расположено поселение, связано с дельтообразующими процессами р. Жван при ее впадении в Днестр. В настоящее время эти промоины заилены почвами и смывами с гор. Поэтому не исключено, что данный холм в трипольское время мог быть сезонным островом.

В результате раскопок 1970-х гг. и современных исследований обнаружены остатки 18 наземных глинобитных жилищ (из них 16 раскопаны), частично исследованы две хозяйственные ямы, локализованы места хозяйственной деятельности за пределами построек (рис. 1). Размеры поселения и количество сооружений на памятнике значительно больше.

После сведения планов раскопок экспедиции В.Г. Збеновича и раскопок Днестровской комплексной экспедиции (далее ДКЕ) в 2013-2015 гг. установлено, что этими экспедициями был исследован северо-восточный участок поселения общей площадью 3000 м². Это позволяет проследить планировку поселения. По версии В.Г. Збеновича, оно имело концентрическую застройку, состоящую из одного круга домов и сооружения в центре поселения. Как выяснилось впоследствии, В.Г. Збеновичем были раскопаны четыре постройки с внешней стороны поселения и две постройки внутренней застройки поселения (рис. 1). В дальнейшем ДКЕ раскопаны десять площадок внутренней застройки поселения. Поэтому Бернашевка I, вероятно, имела «гнездовую», а не концентрическую застройку: сооружения второго и третьего ряда находились на расстоянии 4 м друг от друга и образовывали отдельные группы по четыре постройки в каждой. Все обнаруженные сооружения имели одинаковую ориентацию по сторонам света и были направлены

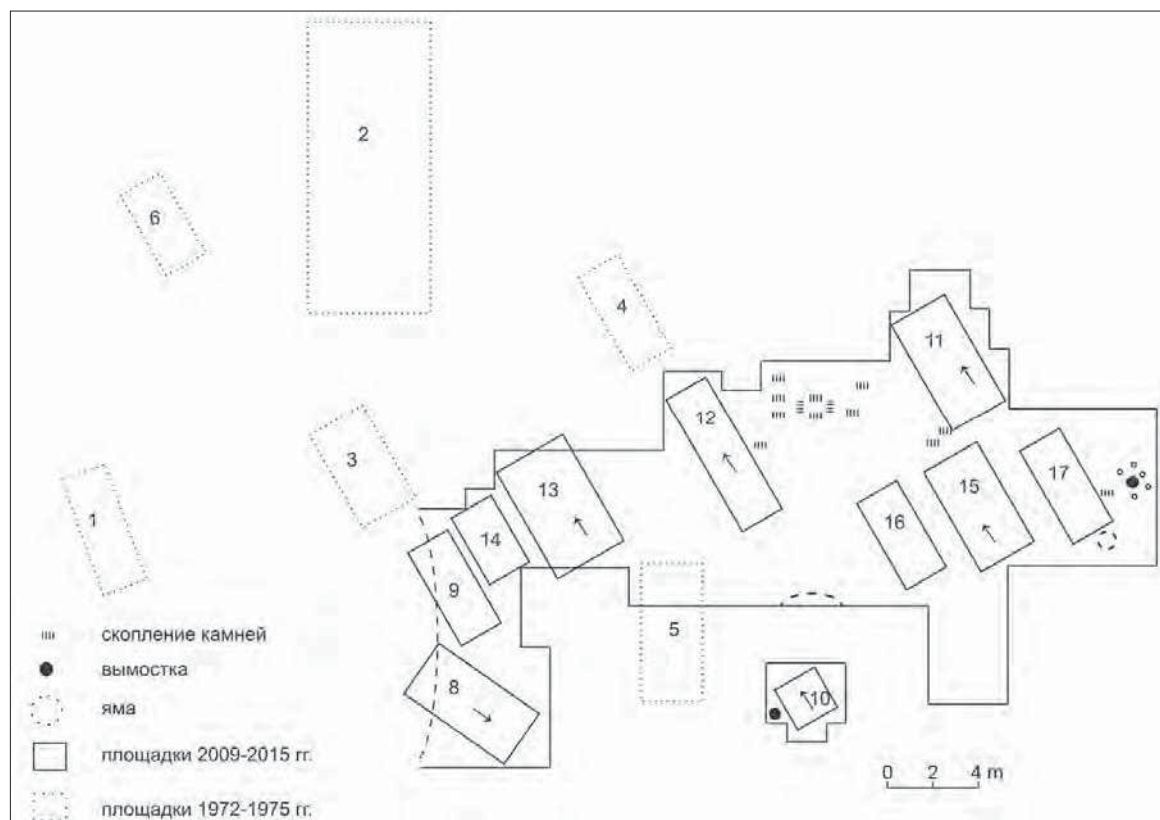

Рис. 1. План поселения.

Fig. 1. The settlement plan.

торцами к центру поселения, что создает впечатление концентрической застройки.

Конструкция площадок. Форма остатков обнаруженных сооружений главным образом близка к прямоугольной, однако из-за слабой сохранности объектов трудно проследить их размеры. Самой большой была площадка №2 [Zbenovich 1980, 18], величина которой достигала 18-19×8 м. Размеры большинства сооружений колебались в пределах 9-11×4-5 м (12 площадок). Три постройки (площадки №№2, 3, 13) имели ширину 8 м. Следует, однако, отметить, что ширина площадки №13 включает размеры выпавшей наружу стены. Ширина платформы (пола второго этажа жилища) составляла 5-6 м. Чертежи В.Г. Збеновича не позволяют провести соответствующий критический анализ площадок №№2 и 3, поскольку в то время методика фиксации и интерпретации строительных остатков была в процессе разработки. Три площадки имели малые размеры: площадки №№4 и 14 – 7×4 м, площадка №10 – 4×4 м (рис. 2). Однако раскоп, где находилась площадка №10, перекрывает раскоп семидесятых годов. Поэтому не исключено, что данная постройка могла быть частично исследована В.Г. Збеновичем и, соответственно, иметь большие размеры.

Обмазка в основном залегала в виде отдельных аморфных скоплений. Исключением служит площадка №14. Следы ошлакования на площадках отсутствовали. Степень сохранности площадок, безусловно, напрямую зависела от мощности температурных режимов при сжигании построек. Отдельные сооружения, такие как площадки №№16 и 17, были обнаружены лишь по скоплению материала и отдельным аморфным фрагментам обмазки. Эти фрагменты обмазки залегали полосами, которые были перпендикулярны центральной оси вероятных площадок. Аналогичный объект был обнаружен на поселении Ленковцы [Chernish 1959]. Площадки классического вида появляются только в конце раннего Триполья. Вероятно, в процессе развития культуры культ сжигания построек обра-

стал определенными традициями, в частности расстановкой посуды в доме по определенным правилам [Chernovol 2012b], а также применения вспомогательного топлива во время его сжигания. Как показали эксперименты, проведенные Стюартом Джонстоном из университета г. Дарем в 2015 г., классическая площадка со следами ошлакования может образоваться только в результате применения вспомогательного топлива [Chapman, Gaydarska 2015]. Вероятно, на этапе существования поселения Бернашевка такое топливо не применялось. Несмотря на это, по отдельным деталям удалось проследить конструктивные особенности сооружений и их элементы интерьера.

Толщина платформы колебалась в пределах 5-7 см, изредка встречались фрагменты толщиной 10-12 см. Нивелирующий слой на платформе отсутствовал. Это может косвенно указывать на слабость температурных режимов при сжигании построек. Когда эпицентр горения находился на первом этаже здания, температуры не хватало для прокаливании всей толщины платформы и, в частности, ее нивелирующего слоя, что обусловило бы его сохранность. Фрагменты платформы снизу носили отпечатки прутьев (рис. 3) в отличие от обмазки трипольских построек более позднего времени, имеющих отпечатки колотого дерева. Вероятно, в раннем Триполье между деревянным настилом межэтажного перекрытия и слоем глины закладывался слой ветвей и прутьев.

Рис. 2. Вид площадки №10.

Fig. 2. View of platform no.10.

Рис. 3. Отпечатки на платформе.

Fig. 3. Prints on the platform.

Для обмазки стен характерны отпечатки толстых прутьев, расположенных параллельно друг другу. Их ширина составляет около 3 см, толщина обнаруженных фрагментов стен колеблется в пределах 3-4 см (рис. 4). На отдельных площадках, по центру платформы, были обнаружены фрагменты стен. Ориентация их отпечатков перпендикулярна длинной оси площадки. Исходя из этого, можно предположить, что в доме мог быть сооружен перестенок, который разделял второй этаж постройки на входное и жилое помещение. Фрагменты перестенок были обнаружены на площадках №№ 9, 11, 12, 13, 15. Это позволяет высчитать длину входного помещения, в среднем составлявшую 3,0-3,5 м. Помимо фрагментов обмазки с отпечатками прутьев на стыке входного и жилого помещений, прослеживается поперечный разрыв в слоях обмазки, что может косвенно указывать на место разделения жилища при отсутствии других признаков. Характерно, что на площадках классического вида, напротив, вторичным признаком выступает ошлакованный гребень, образованный завалом перестенка. Он, вероятно, образовывался за счет высоких температурных режимов в месте сквозняка, который создавался между дверным проемом и окном, расположенным напротив входа. Вероятно, указанный разрыв на площадках раннего Триполья образовывался в результате падения платформы и слабого действия огня на перестенок, от которого оставались лишь отдельные фрагменты.

В связи с этим, можно предположить, что конструкция построек, несмотря на размеры и место их расположения на поселении, стандартизирована. Тем не менее, входное помещение площадки №15 характеризуется сохранностью обмазки только справа от центральной оси площадки, которая фактически имела размеры 2,0×3,5 м (рис. 5). Это можно было бы «объяснить» слабым действием огня, однако аналогичные конструкции раннего Триполья можно наблюдать на поселении Сабатиновка II [Makarevich 1960] (рис. 6). М.Л. Макаревич считал этот выступ дорожкой и местом входа в жилую часть. Тем не менее, концепция интерпретации строительных остатков изменилась, и данную часть конструкции относят ко второму этажу постройки. Кроме того, вход в жилое помещение на площадке №15, по ряду признаков, был именно в месте, где обмазка отсутствовала, т.е. слева от центральной оси площадки. Таким образом, вход в жилое помещение находился на уровне первого этажа и миновал сennую часть второго этажа. Подобная организация пространства постройки известна только в сооружениях раннего Триполья. На сегодня нет данных, объясняющих появление данной традиции.

Элементы интерьера. Выявленные элементы интерьера, в основном, имеют вид однослойных вымосток. От остальных фрагментов площадки они отличаются по составу глины. Платформа изготовлена с добавкой растительных примесей в глиняную массу. Детали инте-

Рис. 4. Отпечатки дерева от стен.

Fig. 4. Wood prints from the walls.

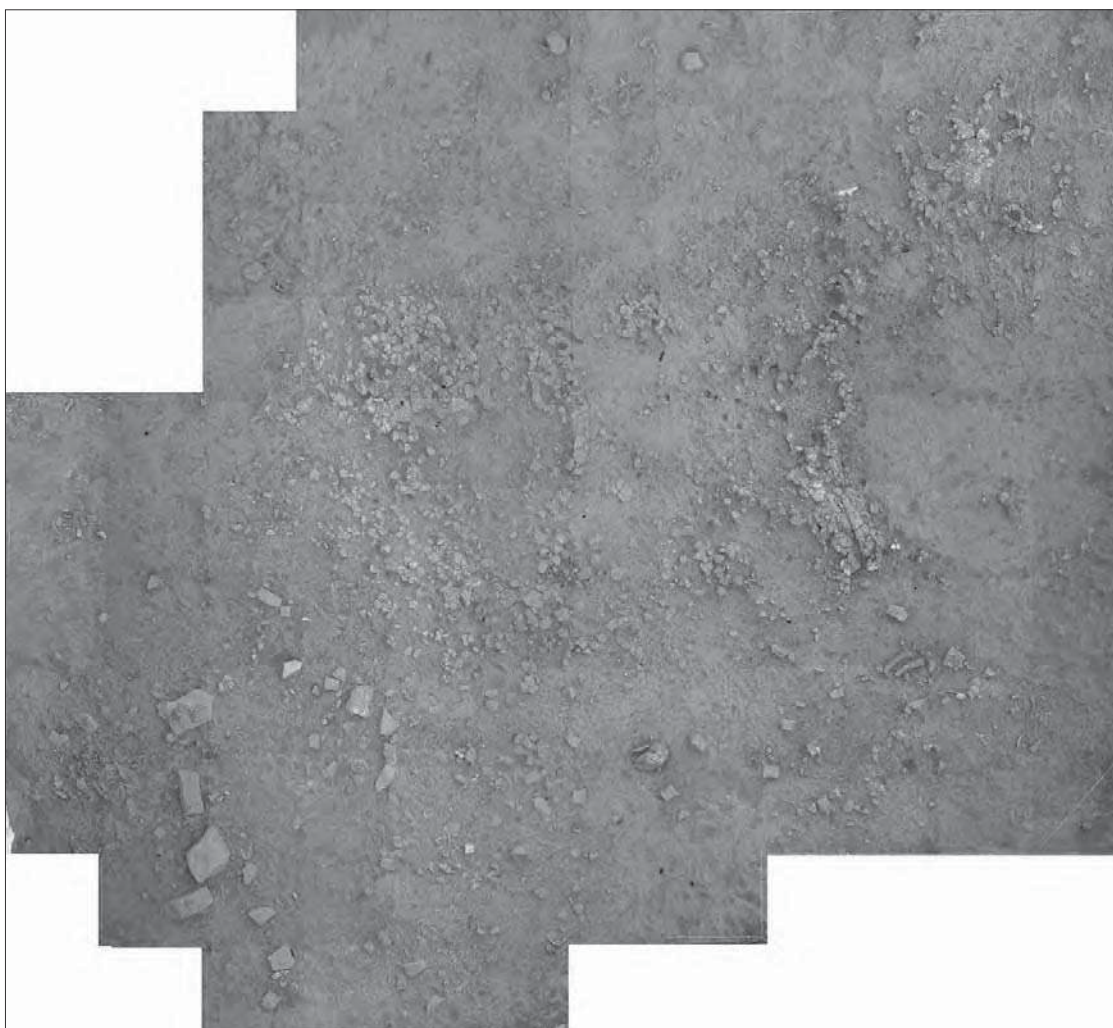

Рис. 5. Фотоплан площадки №15.

Fig. 5. Photo plan of platform no.15.

рьера преимущественно изготовлены из глины без растительных добавок. Они размещены на глинобитной платформе или находятся на грунтовом полу, под платформой. Можно отдельно выделить бортики от корытец, которые по составу глины аналогичны платформе. В двух случаях выявлены конструкции, аналогичные порожку в жилищах томашовской локальной группы этапа СІ. В ряде построек обнаружены вымостки разного назначения. На первом этаже сооружений найдены неглубокие ямы и вымостки. Впрочем, все указанные объекты выявлены в редких случаях, что ставит вопрос их интерпретации.

Для интерпретации выявленных объектов на площадках более позднего времени

используют глиняные модели трипольских жилищ открытого типа с изображением элементов интерьера. Такие модели в частности характерны для поселений томашовской локальной группы. Древними мастерами на них были изготовлены купольные печи, алтари, рабочие места и т.д., передано их размещение в постройке, а также деление жилища на входное и жилое помещение.

Детали интерьера на моделях изображались только в жилом помещении. Интерьер входной камеры, а также первый этаж постройки на них не отражен. Входное и жилое помещения разделены перегородкой и порожком на месте входа. Справа от него в жилом помещении переданы округлые купольные

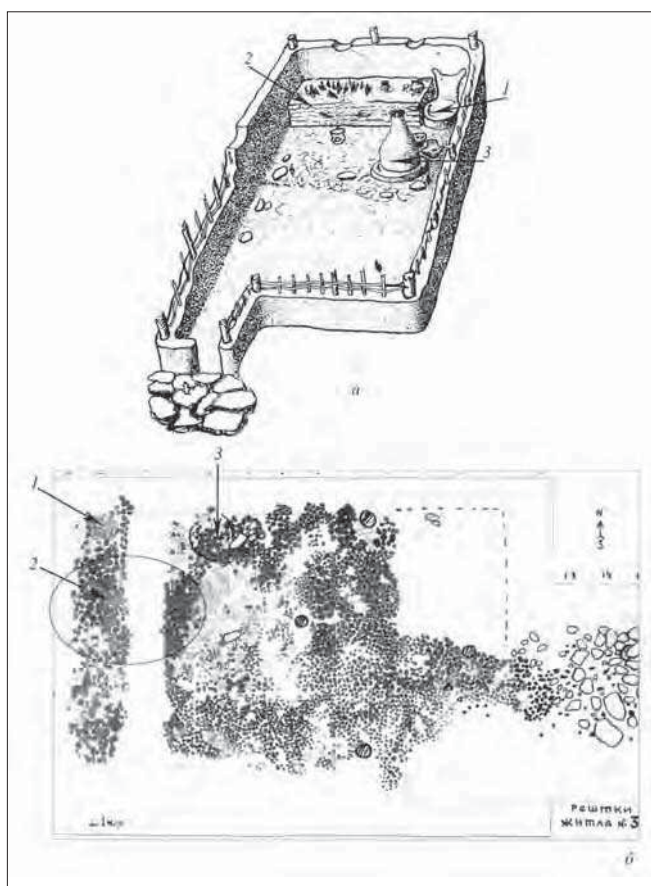

Рис. 6. Чертежи и реконструкция Макаревича площадки №2 поселения Сабатиновка II. 1 – алтарь, 2 – возвышение, 3 – печь.

Fig. 6. Makarevich's drawings and reconstruction of platform no. 2 from Sabatinovka II settlement. 1 – altar, 2 – dais, 3 – oven.

печи, поставленные на специальных возвышениях квадратной формы. За печью находилось припечное возвышение, которое узкой полосой тянется от длинной стены жилища вдоль печи, перпендикулярно длинной оси постройки. Слева, сразу же у входа, в отдельных моделях изготовлено корытце. Модели также передают подиум, размещавшийся вдоль длинной стены помещения, на котором выставлена посуда. Напротив входа, у торцевой стены по центральной оси модели размещен алтарь. Подобное расположение элементов интерьера можно проследить в большинстве исследованных жилищ, начиная с этапа VI до этапа CI включительно.

Учитывая расположение объектов интерьера в постройках поселения Бернашевка I, вымостки, размещенные вдоль длинной сто-

роны жилого помещения справа от входа, следует считать остатками подов печей или открытыми очагами. Между ними и объектами, выявленными в сооружениях позднего времени, есть определенные различия в конструкции и месте расположении в помещении. Печи в более поздних постройках всегда находятся сразу справа от входа. По ряду вторичных признаков можно утверждать, что у них был купольный свод: основа его, хотя и в редких случаях, была обнаружена на отдельных площадках. Под печи имел толщину от 0,1 м и преимущественно состоял из нескольких слоев глины.

Соответствующая деталь интерьера на площадке №15 в виде одного слоя глины толщиной 0,05 м, вероятно, имела аналогичное назначение, но находилась не возле входа, а в двух метрах от торцевой стены (рис. 5, 6). Ее очертания аморфны, размеры составляют 1,5×1,5 м (рис. 7). Схожие объекты были обнаружены на площадках №№8, 10, 11, 12, 15. Однако на площадке №11 такая деталь интерьера была изготовлена из слоя плоского камня. Следов глиняной обмазки, перекрывавших его, не обнаружено (рис. 8). Подобное оформление конструкций известно в более позднее время, в частности в небелевской локальной группе этапа VII, на поселениях Песчаная и Колодистое II. В основу объектов монтировался камень, вероятно, для укрепления конструкции. Обнаруженные объекты интерпретировались как рабочие места и место входа в помещение. Вероятно, в Бернашевке камни применялись для повышения теплоотдачи объекта (если рассматривать его как обогревательное устройство). Иногда вместо камня в поды печей на площадках позднего времени с этой же целью монтировалась битая керамика. Подобное размещение объектов было обнаружено и в других сооружениях на раннетрипольских поселениях, в частности на площадке №3 в Сабатиновке II [Makarevich 1960] и площадке №4 в Ленковцах [Chernish 1959, 14]. На поселении Сабатиновка II обогревательное сооружение имело округлую форму, диаметром 1 м. Указанные конструкции поселения Бернашевка I находились на расстоянии 2 м от торцевой стены. Следов свода у этих объектов не обнаружено. Следовательно,

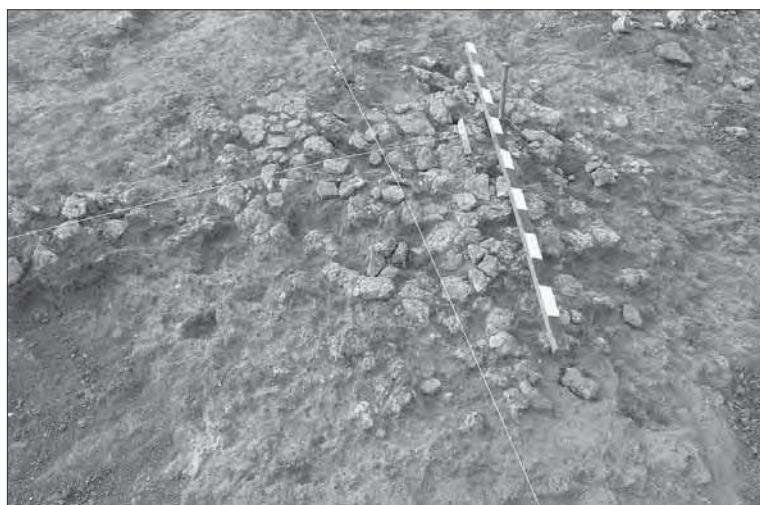

Рис. 7. Под печи с площадки №15.

Fig. 7. Under the oven from platform no.15.

возникает вопрос о типе конструкции – была ли это купольная печь или открытый очаг. Как уже отмечалось выше, из-за слабого действия огня при сожжении постройки, соответствующие детали просто не прослеживаются.

Напротив печи, у противоположной стены, на ряде площадок находилось по еще одной вымостке, аналогичной по оформлению и конструкции вышеописанным объектам. Разница между ними лишь в размерах – например, 0,5×0,5 м на площадке №10 поселения Бернашевка I. На площадках №№11 и 13 в этом месте обнаружены фрагменты бортика. Указанные вымостки могли быть рабочими местами, которые обычно оборудовались напротив печей. Известно, что так обустроен интерьер в постройках залешицкой локальной группы этапа VI-II на поселении Глыбочок [Chernovol, Sokhats'kii 2010] и томашовской группы этапа CI [Chernovol 2008].

В одном случае (площадка №15), вероятно, обнаружен порожек (рис. 9). Аналогичный объект является обязательным для построек томашовской локальной группы этапа CI; на раннетрипольских площадках он обнаружен впервые, поэтому есть сомнения относительно его назначения. Этот объект имел вид прямоу-

гольного в сечении валика шириной 0,15 м, высотой 0,05 м, длиной 1,00 м. Он был нанесен на глинобитную платформу и ориентирован перпендикулярно длинной оси площадки; изготовлен из глины с растительными добавками. Данный объект находился в месте перехода от входного к жилому помещению. Это подтверждено фрагментами перестенка, находящегося на одной линии с порожком, что косвенно подтверждает расположение, этого объекта на границе двух помещений. Ука-

занная конструкция только морфологически соответствует объектам, выявленным в более поздних постройках томашовской группы – на площадках раннего Триполья она раньше не встречалась. Поэтому однозначно утверждать о ее функциональном назначении довольно трудно. Не исключено, что этот объект мог быть частью какой-либо другой конструкции хозяйственного назначения, в связи со слабыми температурными режимами сохранившейся лишь частично. Если предположить, что эта конструкция является порожком, то вход в жилое помещение, вероятно, был смещен с центральной оси постройки и находился слева от нее. Трудно сказать, было ли это правилом для построек всего

Рис. 8. Под печи с площадки №11.

Fig. 8. Under the oven from platform no.11.

Рис. 9. Порожек с площадки №15.

Fig. 9. The doorstep from platform no.15.

поселения, поскольку других примеров нет. На поселении Песчаная небелевской группы этапа ВП прослежена сходная ситуация, где вход в помещение первого этажа также был смещен влево относительно центральной оси сооружения [Chernovol, Ryzhov 2006; Chernovol 2012a].

На площадке №13 во входном помещении была обнаружена аналогичная по морфологическим признакам конструкция. В отличие от предыдущей, она была ориентирована параллельно длинной оси сооружения и размещалась вдоль длинной стены постройки, слева от гипотетического входа. Если эту конструкцию рассматривать как порожек, то вход в постройку был расположен не в короткой стене, а у начала длинной стены. Итак, назначение этого объекта окончательно не выяснено.

Традиционно считается, что у торца трипольских сооружений был размещен алтарь. Однако на поселении Бернашевка I ни в одном случае не было обнаружено конструкции, которая по морфологическим признакам или локализации в постройке соответствовала бы указанным функциям. Хотя М.Л. Макаревич утверждал, что на площадке №3 поселения Сабатиновка II был найден объект сакрального назначения – стульчик-трон [Makarevich 1960],

эта информация не подтверждена ничем, кроме реконструкции и чертежей самого М.Л. Макаревича [Makarevich 1948]. Указанный объект находился в дальнем (относительно входа) правом углу жилого помещения. Расположение в этом месте вымостки зафиксировано на площадке №4 поселения Ленковцы. Вероятно, соответствующие конструкции в указанных постройках имели одинаковое (не исключено, что сакральное) назначение. На первом этаже площадки №1 поселения Тимково находился объект

синкретического характера [Burdo, Videiko 1985, 79–80], который совмещал функции хозяйственного и сакрального назначения.

Таким образом, отсутствие элементов интерьера сакрального назначения может объясняться слабым действием огня на глинобитные остатки или процессом формирования новых традиций, присущих на тот момент лишь отдельно взятым постройкам. Полностью исключать наличие элементов интерьера сакрального назначения будет преждевременным.

Среди элементов интерьера второго этажа построек поселения Бернашевка I были обнаружены фрагменты орнаментированных стен (площадка №15). Они представляли собой лепнину в виде зигзага: плавные переходы в

Рис. 10. Порожек с площадки №13.

Fig. 10. The doorstep from platform nr.13.

месте образования углов делали орнамент похожим на змею в движении (рис. 11). Схожие орнаменты известны в томашовской группе. Отличие заключается в технике нанесения орнамента – в раннем Триполье это рельефное изображение, в томашовской группе – прорисованный орнамент. Подобные орнаменты изображались вокруг дверных проемов глиняных моделей трипольских жилищ, где нанесена комбинация из бело-черных треугольников [Kozlov's'ka 1926].

Рис. 11. Лепка на стенах, площадка №15.

Fig. 11. Plaster clay on the wall, platform no.15.

На первом этаже построек в трех случаях были обнаружены фрагменты вымосток, в частности на площадке №3 (верхний горизонт) и площадках №12, 15. В последних двух случаях это были отдельные незначительные фрагменты обмазки, намазанные на землю. Остаются открытыми вопросы о размере указанных объектов и количестве нанесенных слоев. Например, на площадке №15 найдены единичные фрагменты, которые располагались на площади 2 м². Следовательно, точно определить их характер – подмазка пола первого этажа или хозяйственный объект – невозможно.

Указанные вымостки располагались ближе к центральной части постройки, что соответствует классическому их расположению в сооружениях позднего времени развития культуры. Можно сделать вывод, что жилые постройки (варианты А и В) появляются еще на раннем этапе существования культуры, но еще не становятся обязательным элементом интерьера, как в последующих периодах для отдельно взятых локально-хронологических образований. К варианту А относятся постройки с глинобитными

конструкциями на первом этаже, а к варианту В – постройки, в которых такие конструкции отсутствуют [Chernovol 2015]. Масштабные раскопки на других раннетрипольских памятниках могут, однако, изменить или скорректировать наши выводы.

Ямы, расположенные ближе к торцам построек, были обнаружены под площадками №№8 и 10. Их глубина составляла не более 0,5 м, диаметр – 1 м. Ямы выявлены по проседанию обмазки в грунт.

Движимые элементы интерьера, к которым в частности относятся керамические изделия, в основном концентрируются при входе в постройку, а также вокруг печей и рабочего места. Керамика представлена как отдельными фрагментами посуды, так и целыми изделиями.

Основным отличием интерьера раннетрипольских площадок от площадок позднего времени, является различие в расположении печи и возможного места перехода из входного в жилое помещение. Расположение печи в постройке продиктовано рациональностью. Печь, которая находилась в непосредственной близости от входа в позднее время существования культуры, вероятно, предотвращала проникновение холодного воздуха в жилое помещение. В жилищах раннего Триполья мы наблюдаем несколько иные принципы – обогревательное устройство находится в глубине помещения. Основная функция печи – обогрев помещения с минимальными потерями теплого воздуха. Вероятно, вход в помещение для этого и был смещен влево от центральной оси, предотвращая сквозняк от двери к окну, которое классически располагалось в торце жилища. В таком случае образовывался «мертвый угол» справа от входа, где могли разместиться на ночлег жители постройки. Поэтому пространство справа от входа, между перестенком и печью, следует считать полезной площадью постройки. Именно эту площадь сооружения в дальнейшем нужно учитывать при демографических расчетах для раннетрипольских поселений. Вытяжкой для дыма в первом случае выступало отверстие в чердаке на стыке между жилым и входным помещением. В раннем Триполье эту функцию могло выполнять окно в торце жилища. Именно в связи с этим торцевую часть нужно исключить из рас-

Рис. 12. Углубление в вымостке.

Fig. 12. Deepening in the pavement.

четов полезной площади сооружений. В более позднее время данная часть домов наполняется сакральными объектами интерьера. Именно так можно объяснить и расположение «сакральных» объектов в жилищах раннего Триполья в углу помещения: при вытяжке дым заполнял пространство между печью и окном. К алтарю, в случае если он находился бы по центральной оси сооружения, просто невозможно было бы подступиться, по крайней мере, в зимнее время.

Можно предположить, что расположение печи в раннетрипольском жилище также связано с более ранними традициями. Например, как известно из этнографических источников [Morgan 1934], более ранней фазой, предшествующей жилищу с нуклеарной семьей, было жилище, в котором проживал многосемейный коллектив. Для последних характерны очаги, которые располагались по центру сооружения, что давало возможность обогреть всех жителей, размещавшихся вокруг него. Вероятно, в раннетрипольских постройках мы наблюдаем смещение центрального очага под длинную стену, что автоматически увеличивало полезную площадь помещения для проживания в нем нуклеарной семьи. А в дальнейшем, с похолоданием на этапе BII [Diachenko 2010; Weninger,

Harper 2015; Harper 2015], мы наблюдаем перепланировку жилого помещения. Печь смещалась к входу, что предотвращало проникновение холодного воздуха в помещение.

По всем другим признакам можно утверждать, что принцип расположения элементов интерьера соответствует традициям, принятым в трипольской культуре. В жилом помещении эти элементы расположены вдоль длинных стен и в углу комнаты, что позволяет рационально использовать жилое пространство (и, соответственно,

рассчитать полезную площадь постройки). Полезная площадь постройки находится между печью и входным помещением. Обнаруженные вымостки на первом этаже расположены по центру, что дает возможность подойти к объекту с любой удобной стороны и максимизировать производственный процесс, т.е. задействовать в нем максимальное количество людей. Подобным образом обустроены рабочие места первого этажа в большинстве сооружений трипольской культуры.

Полезная площадь сооружений. Обнаруженные сооружения на поселении Бернашевка I можно разделить на три группы – большие, средние и малые. Однако, учитывая степень

Рис. 13. Вымостка с опорным камнями под столбы.

Fig. 13. The pavement with supporting stones under pillars.

Рис. 14. Культурный слой поселения между площадками.

Fig. 14. The cultural layer of the settlement between the platforms.

сохранности построек, точно определить их размеры невозможно. Наличие больших площадок не вызывает сомнений. Все-таки, какая фактическая разница в размерах между средними и малыми площадками? Существовали ли малые площадки как таковые, и каковы их реальные размеры? Малые сооружения известны на других поселениях, например в Тальянках этапа СІ. Наименьшая жилая постройка – площадка №32, которая там была обнаружена, имела длину 7 м, хотя ее сохранность крайне неудовлетворительна. Итак, справедливо будет предварительно предложить разделение обнаруженных сооружений на поселении Бернашевка І на две группы – крупные и средние.

Стандартная ширина постройки составляет 4-5 м. Однако известны и единичные случаи построек шириной 6-8 м.

Как известно, по результатам исследования поселения Тальянки, размер сооружений не влияет на размер элементов интерьера, их расположение и расстояние от реперных точек в постройке [Chernovol 2012b]. Фактически с увеличением размеров постройки увеличивается только ее полезная площадь. Итак, для вычисления полезной площади постройки необходимо отнять от общей площади 2 м пространства между печью и торцевой стеной, пространство, занимаемое печью (ее диаметр колеблется в пределах 1-1,5 м), а также рабочее место напротив нее и пространство, за-

ставленное керамическими изделиями вокруг этих двух объектов, и, наконец, размеры входного помещения (обычно имеющем длину 3-3,5 м). Следовательно, при длине большинства сооружений 9-11 м и ширине 4-5 м полезная площадь составляет 14-18 м². Полезная площадь постройки №2 максимально может составлять 80 м², минимально – 50 м². Постройки поселения Тальянки были разделены на три группы по признаку полез-

ной площадью жилища [Diachenko, Chernovol 2009, 5]. Малые сооружения имели полезную площадь 6,5-9 м², средние – 12,2-24 м², большие – 35-39,7 м². Большинство обнаруженных сооружений на поселении Бернашевка І по их полезной площади соответствуют средним жилищам поселения Тальянки. Одну большую постройку – площадку №2 можно интерпретировать как постройку (жилище) племенного авторитета или мужской дом [Diachenko, Chernovol 2009, 9].

Планировка поселения и организация хозяйственного пространства за пределами сооружений. В результате раскопок 2013-2015 гг. установлено, что на поселении отсутствует застройка рядами, характерная для более поздних трипольских поселений. Раскопками 1972-1975 гг. в основном исследованы внешние постройки на поселении. Раскопками последних лет исследована внутренняя застройка поселения. На данный момент неизвестно, сгруппированы ли внешние постройки, раскопанные В.Г. Збеновичем, в отдельные «гнезда» или расположены по кольцу вокруг мыса. Это можно выяснить лишь в результате последующих раскопок или геомагнитной съемки. Фактически предложенная реконструкция планировки поселения проведена по результатам раскопок 2013-2015 гг. Благодаря выявленным элементам интерьера в сооружениях удалось проследить их ориентировку на поселении. Все они, кроме площадки №8, входом ориентированы к центру поселения. Площадка №8, вероятно, была ориентирована входом к на-

Рис. 15. Культурный слой поселения в направлении его центральной части.

Fig. 15. The cultural layer of the settlement along its central part.

польной стороне. Таким образом, возникает вопрос, как были ориентированы постройки, в которых интерьер не обнаружен (в частности, сооружения №№9, 14, 16, 17 и постройки, раскопанные В.Г. Збеновичем).

Классическое представление о застройке трипольских поселений несколько иное. Все постройки одного ряда на поселении ориентированы в одном направлении. Расстояние между рядами колеблется от 30 м до 70 м. С торцевой стороны построек расположены хозяйственные ямы. Площадки сгруппированы в отдельные группы по три-пять построек – так называемые «гнезда», расстояние между которыми может составлять от 10 м и более, в зависимости от плотности застройки в самом ряду. Сооружения внешнего ряда ориентированы входом к центру поселения, второго ряда – в обратном направлении. Третий ряд – снова входом к центру поселения; четвертый ряд, если таковой имеется, соответственно, ориентирован как и второй. Кроме того, существуют постройки, которые находятся между рядами застройки и

ориентированы перпендикулярно указанным рядам; размещение входа у них не известно. Есть поселения, где между рядами существует хаотичная застройка, как это видно на геомагнитных планах поселения Майдаецкое [Shmaglii, Videiko 2003]. Однако в размещении этих сооружений также может быть определенная система, которая нам пока не известна, поскольку соответствующих раскопок проведено не было. В результате

создается впечатление улиц, разделяющих линии застройки поселения. Тем не менее, пространство между рядами является зоной хозяйственной деятельности жителей поселения. Там расположены хозяйственные ямы, котлованы для выборки глины, гончарные печи, вымостки. Эти данные подтверждены геомагнитной съемкой и раскопками многих лет.

На поселении Бернашевка I есть определенные отличия от указанной схемы, особенно учитывая группу из четырех построек – площадок №№11, 15, 16, 17. Расстояние между торцом первой постройки и другими

Рис. 16. Яма 1 и площадка под ней.

Fig. 16. Pit no.1 and underneath platform.

Рис. 17. Площадка №14.

Fig. 17. The platform no.14.

тремя составляет 4 м, также не обнаружены хозяйственные ямы с торца постройки. Следовательно, можно предположить, что эти постройки составляют один комплекс – «гнездо», где, вероятно, проживала большая патриархальная семья, и разделять их на отдельные ряды не следует. Второй такой группой можно считать площадки №№8, 9, 13, 14, и площадку №5, которая находилась позади них, ближе к центру поселения. Площадка №10 тяготеет ко второй группе, впрочем, ее место на поселении остается под вопросом. Расстояние между этими двумя группами составляет 30 м, однако между ними находилась площадка №12. В каждой из групп находится доминирующая постройка, которая, хоть и соответствует по длине средним сооружениям поселения, по

ширине значительно их превышает, что несколько увеличивает полезную площадь постройки. В первой группе это площадка №11, во второй группе – площадка №13. Кроме того, количество находок, обнаруженных в этих домах, значительно превышает число изделий, найденное на соседних площадках. Расстояние между сооружениями, раскопанными В.Г. Збеновичем, и постройками, раскопанными в последние годы, из-за проблем с их привязкой точно не установлено.

Можно утверждать, что в раннем Триполье отсутствовала концентрическая застройка поселения. В более позднее время «гнезда» располагались в рядах, а территория между рядами использовалась в хозяйственных нуждах. Центральным сооружением такого «гнезда», вероятно, была самая большая постройка, где проживал глава патриархальной семьи. В связи с этим, расположение площадок на поселении Бернашевка I следует не рассматривать с привязкой к какому-то

определенному ряду, а относить их к определенному «гнезду». Вопрос о соответствующей интерпретации площадки №12 пока остается открытым ввиду не исследованной части поселения к востоку от нее.

Во время раскопок были исследованы не только сами площадки, но и территория вокруг них; также были соединены все раскопы 2013-2015 гг. Благодаря этому можно проследить организацию хозяйственного пространства, по крайней мере, отдельно взятой патриархальной семьи.

Наилучшим образом исследовано «гнездо» площадок в южной части, где, вероятно, доминирующей являлась площадка №11. Обнаруженные вокруг нее объекты можно интерпретировать как рабочие места и хозяйственные ямы.

В частности, рядом с раннетрипольскими площадками впервые обнаружены вымостки.

Такие находились вблизи площадки №17 первой группы и площадки №11 второй группы. Вымостки за пределами площадок интерпретируются как открытые очаги. Они обустроивались для хозяйственно-бытовых потребностей – например, для приготовления пищи в летнее время, чтобы лишний раз не поднимать температуру в жилом помещении. Обнаруженные вымостки имели определенные различия в конструкции, хотя и их размеры примерно совпадали (около 1,5×1,5 м). Вымостка вблизи площадки №11 была обустроена на грунтовой подсыпке. Это несколько возвышало ее над уровнем древнего горизонта, благодаря чему людям, которые были задействованы в хозяйственных процессах, было удобнее выполнять работу. Вымостка вблизи площадки №17, напротив, была без такой подсыпки, однако высота обеспечивалась благодаря многослойности самой вымостки. На ней было обнаружено обмазанное глиной округлое углубление диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м, вероятно, для установки горшка (рис. 12). Вокруг самой вымостки, в радиусе двух метров от нее, найдено множество фрагментов кухонной керамики. Это косвенно может подтверждать назначение вымостки как открытого очага для приготовления пищи, по крайней мере, в летнее время. Между площадкой №17 и вымосткой было обнаружено компактное залегание пережженных галек (рис. 13). Вероятно, эти камни накалялись на вымостке, а затем ими нагревали воду или разогревали на них пищу, как это известно из этнографии. Вокруг вымостки, по квадрату, располагалось пять плоских камней размерами 0,2×0,3 м на расстоянии 3 м друг от друга. Предположительно, это опорные камни под столбы для крыши. Они были расположены параллельно площадке №17 с возможным входом со стороны площадки. Крыша могла быть необходимой во время дождя. Если это предположение верно, то мы имеем прообраз самой ранней в трипольской культуре хозяйственной постройки. В ней происходили определенные хозяйственно-бытовые действия, а именно накаливание камней, что в жилье делать крайне сложно и опасно, поскольку это могло привести к пожару.

С торца постройки, перед площадками №№11 и 15, находился ряд плоских больших

камней, размерами до 0,5×0,5 м каждый. Камни не были обработаны. Дальше за камнями находилось большое скопление костей животных. Вероятно, на этих камнях происходило свежевание и разделка туш, кости же просто выбрасывались рядом. В последующие периоды существования поселения на этом месте выкапывались ямы, где происходила утилизация отходов.

Нужно указать, что культурный слой поселения, в том числе между постройками, очень интенсивно насыщен различного характера хозяйственными отходами (рис. 14). Толщина слоя составляет около 0,2 м. Создается впечатление, что хозяйственные отходы просто выбрасывались за пределы жилищ. Центральная же часть поселения, в отличие от пространства между жилищами, достаточно чистая (рис. 15). На поселении обнаружены три ямы, одна из которых была исследована полностью, две – частично. Все они были заполнены хозяйственными отходами, но первичное назначение у них было разное. Первые две ямы – яма 1 и яма 2 – сначала, вероятно, были котлованами для выборки глины, назначение ямы 3 остается под вопросом. Обнаруженные котлованы находились у второй группы построек.

Яма 1 исследовалась в 2009 г., ее сохранившаяся часть составляла около 8 м в диаметре, площадь – около 32 м² [Chernovol et al. 2010]. Вероятно, общая площадь объекта составляла до 50–60 м². Она располагалась к северу от указанной группы жилищ. Следует отметить, что в пределах заполнения уже на незначительной глубине фиксировалась невероятно высокая концентрация находок, что также определенным образом маркирует приблизительные контуры объекта. Поскольку верх ямы залегал в гумусированной почве, верхний ее горизонт можно было обнаружить только по залеганию материала. В разрезе контур углубления (с востока на запад) сначала под небольшим углом опускался, потом стремительно, почти под прямым углом, нырял вниз и дальше так же выходил вверх, образуя яму с крутыми стенками. Контуры углубления как в плане, так и в разрезе четко совпадают.

После промывки почвы из ямы найдены фрагменты антропоморфной пластики, мелкие костяные иглы и проколки (шила), микролиты,

обугленные зерна злаковых культур, древесный уголь, а также фрагменты керамики. Кости животных птиц и рыб общим числом около 6000 единиц. Также, благодаря промывке, были найдены медные изделия и их фрагменты.

На глубине около 0,5 м был зафиксирован завал глиняной обмазки. Он плавно понижался с уровня древнего горизонта с юга на север до глубины около 0,7 м (рис. 16). Следовательно, заполнение ямы перекрывала постройка, которая упала на дно ямы. В таком случае можно утверждать, что сначала яма была под площадкой на склоне мыса. Затем постройка была сожжена, а образовавшееся углубление в процессе дальнейшего существования поселения обустроили под утилизацию хозяйственных отходов. Учитывая размеры ямы, можно предположить, что яма вначале была котлованом для выборки глины.

Яма 2 находилась к востоку от площадки №11 и к югу от площадки №5. Исследован только восточный край этого объекта. Длина обнаруженной части по линии юг–север составляет 5 м. Через яму по этой же линии проходит траншея 1970-х гг. шириной 1 м. Заметим, что в отчетах предшественников об объекте нет никакой информации – вероятно, специфика грунта не дала исследователям возможности интерпретировать расположение выявленных артефактов. Спуск в яму пологий, в ее стенке наблюдается плотное заполнение хозяйственными отходами, керамикой, костями животных. Судя по размерам объекта, можно предположить, что в первую очередь яма, как и предыдущий объект, использовалась как котлован для выборки глины. Однако по краю ямы и на ее дне обнаружен слой пережженной ракушки. В результате пережога створок ракушки можно было получить известь, которая затем применялась как паста для нанесения орнамента на керамику. Смесь извести и золы также использовалась в первичной обработке кожи, для снятия с нее шерсти. Возможно, на этом месте могли быть рабочие места. Эти находки перекрывает стерильный слой почвы толщиной 0,1 м. В дальнейшем яма использовалась как мусорная.

Яма 3 относится к первой группе сооружений. Она находилась к западу от площадки №17, напротив входа. В плане яма имела округлую форму, диаметр – 1,5 м, глубина – 0,2 м. Дно плоское, устлано слоем плоского камня,

выше камней зафиксировано скопление суставов и рогов крупного рогатого скота. Назначение ямы не выяснено. Возможно, ответ на этот вопрос можно будет получить после исследования костей.

Рассматривая ряд выявленных объектов, в частности площадку №3, где обмазка от сооружений залегала на двух горизонтах и два горизонта в ямах №№1 и 2, можно прийти к выводу о том, что поселение Бернашевка I является многослойным. Однако анализ керамических изделий, проведенный В.Г. Збеновичем, указывает, что обнаруженный керамический материал относится к одной фазе существования культуры. Объяснением здесь могут служить исследования Б.Т. Ридуша, который указал на возможность затопления мыса водами р. Днестр и р. Жван. Вероятно, во время затопления определенные сооружения прекращали свое существование, они подвергались ритуальному сожжению, а на их месте возникали другие объекты. Этим можно объяснить и мощность культурного слоя между жилищами, который образовался в результате смывов, и заиливание материала еще в процессе существования поселения. Наиболее интенсивно эти процессы происходили именно вокруг жилищ и между ними. Кроме того, можно объяснить состояние сохранности площадок, которые не только были слабо обожженными, но и размывались уже после исчезновения поселения (в частности, площадка №14 сохранилась лучше, чем остатки других сооружений). Последняя находилась в непосредственной близости от площадок №№9 и 13, и, вероятно, процесс ее размывания не так критично на нее влиял, как на остатки других построек.

Выводы. Рассмотрев планировку поселения Бернашевка, конструкцию жилищ на нем, их внутреннее обустройство, можно указать на некоторые общие моменты и некоторые различия с последующими периодами существования трипольской культуры. Поскольку разновременные поселения относятся к одной культуре, у них должны быть общие черты именно в обустройстве хозяйственного и жилого пространства. Тем не менее, мы также видим определенные различия.

Конструкция постройки двухэтажная, как и на всех других памятниках культуры,

жилая часть второго этажа разделена на два помещения, что продиктовано вопросами рационализма. Изменение климата заставило изменить расположение объектов интерьера внутри жилого помещения, в частности печи, которая стала более эффективной в использовании. Однако не следует отвергать и возможности появления новых традиций в связи с притоком в трипольскую среду иноэтничного населения, которое также могло принести изменения в культуру, как это прослеживается по керамическим комплексам.

«Гнездовая» застройка трансформировалась в концентрическую, вероятно, более эффективную при освоении территории мыса, где располагалось поселение. Однако этот вопрос подробно не изучен. Основные принципы не меняются: сооружения на поселении сгруппированы в «гнезда», которые, вероятно, соответствуют патриархальным семьям. В «гнездах» находится

по одной доминирующей постройке, которая выделяется размерами. Ближайшая к постройкам территория используется в хозяйственных нуждах, не имеет четких границ и могла бы рассматриваться как зона хозяйствования.

На поселении выявлены хозяйственные объекты, которые позднее встречаются на всех этапах существования культуры – вымостки, хозяйственные постройки, ямы.

Итак, мы имеем планировку раннетрипольского поселения, в котором заложены все основные принципы обустройства жилищно-хозяйственного пространства, получившего развитие в последующие периоды существования культуры. Изменения во времени были реакцией населения на различные факторы, в частности климат и хозяйство. Они были продиктованы исключительно рационализмом, связанным с возможностями хозяйства и ресурсами.

Бібліографія

- Burdo, Videiko 1985:** N.B. Burdo, M.Iu. Videiko, Rann'otripil's'ke poselennia Timkove v Odes'kii oblasti. *Arkheologiiia* 52, 1985, 78–85 // Н.Б. Бурдо, М.Ю. Відейко, Ранньотрипільське поселення Тимкове в Одеській області. *Археологія* 52, 1985, 78–85.
- Chapman, Gaydarska 2015:** J. Chapman, B. Gaydarska, The largest sites in 4th millennium BC Europe – The Trypillia mega-sites of Ukraine. *The European Archaeologist* 45, 2015, 37-45.
- Chernish 1959:** K.K. Chernish, Rann'otripil's'ke poselennia na serednomu Dnistri (Kiev 1959) // К.К. Черниш, Ранньотрипільське поселення Ленківці на середньому Дністрі (Київ 1959).
- Chernovol 2008:** D.K. Chernovol, Inter'er tripol'skogo zhilishcha po materialam poseleniia Tal'ianki. In: *Tripol'skaia kul'tura v Ukraine. Poselenie-gigant Tal'ianki* (Kiev 2008), 168-191 // Д.К. Черновол, Интер'єр трипольского жилища по материалам поселения Тальянки. В сб: *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки* (Київ 2008), 168-191.
- Chernovol, Sokhats'kii 2010:** D.K. Chernovol, M.P. Sokhats'kii, Inter'er zhitel zalishchits'koï lokal'noi grupi za materialami poselennia Glibochok Borshchivs'kogo raionu Ternopil's'koï oblasti. *Arkheologiiia Pravoberezhnoi Ukraïni: prisviach. pam'iatі Igoria Gereti* 2, 2010, 32-35 // Д.К. Черновол, М.П. Сохаський, Интер'єр жител заліщицької локальної групи за матеріалами поселення Глибочок Борщівського району Тернопільської області. *Археологія Правобережної України: присвяч. пам'яті Ігоря Герети* 2, 2010, 32-35.
- Chernovol et al. 2010:** D.K. Chernovol, O.V. Diachenko, A.O. Korvin-Pitrovs'kii, O.S. Kirilenko, Riativni roboti poblizu s. Bernashivka. *ADU* 2009 r., 2010, 463-465 // Д.К. Черновол, Є.В. Пічкур, О.В. Дяченко, А.О. Корвін-Піотровський, О.С. Кириленко, Рятівні роботи поблизу с. Бернашівка. *АДУ* 2009 р., 2010, 463-465.
- Chernovol 2012a:** D.K. Chernovol, Inter'er budivel' nebelivs'koï lokal'noi grupi tripil's'koï kul'turi. *Arkheologiiia* 1, 2012, 62-71 // Д.К. Черновол, Интер'єр будівель небелівської локальної групи трипільської культури. *Археологія* 1, 2012, 62-71.
- Chernovol 2012b:** D. Chernovol, Houses of the Tomashovskaya local group The. In: (eds. F. Menotti, A.G. Korvin-Piotrovskiy) *Tripolye culture giant-settlements in Ukraine: formation, development and decline* (Oxford 2012), 182-210.

Chernovol 2015: D. Chernovol, Varianti zhitloviikh sporud za elementami inter'eru. In: Na skhidnii mezhi Staroi Evropei: Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii (Kirovograd, Nebelivka, 12-14 travnea 2015 roku) (Kirovograd 2015), 54 // Д.К. Черновол, Варіанти житлових споруд за елементами інтер'єру. В сб.: На східній межі Старої Європи: Матеріали міжнародної наукової конференції (Кіровоград, Небелівка, 12-14 травня 2015 року) (Кіровоград 2015), 54.

Chernovol, Rizhov 2006: D.K. Chernovol, S.M. Rizhov, Doslidzhennia tripil's'kogo poselennia bilia s Pishchana. ADU 2004-2005, 2006, 373-376 // Д.К. Черновол, С.М. Рижов, Дослідження трипільського поселення біля с. Піщана // АДУ 2004–2005, 2006, 373-376.

Diachenko, Chernovol 2009: O.V. Diachenko, D.K. Chernovol, Serednii sklad sim'i naselennia yakhidnotripil's'koi kul'turi. Arkheologiya 3, 2009, 3–12 // О.В. Дяченко, Д.К. Черновол, Середній склад сім'ї населення західнотрипільської культури. Археологія 3, 2009, 3–12.

Diachenko 2010: A.V. Diachenko, Evstatische kolebaniia urovnea Chernogo moria i dinamika rayvitiia naseleniia kukuten'-tripol'skoi obshchnosti. Stratum Plus 2, 2010, 37-48 // А.В. Дяченко, Эвстатические колебания уровня Черного моря и динамика развития населения кукутень-трипольской общности. Stratum Plus 2, 2010, 37-48.

Harper 2015: T. Harper, Vpliv zmin klimatu na populiatsiinu dinamiku Cucuteni-Tripil's'kikh poselen'. Visnik riativnoi arkheologii 1 (Lviv 2015), 44-66 // Т. Харпер, Вплив змін клімату на популяційну динаміку Кукутень-Трипільських поселень. Вісник рятівної археології 1 (Львів 2015), 44-66.

Kozlov's'ka 1926: V. Kozlov's'ka, Tochki Tripil's'koi kul'turi bilia s. Sushkivki na Gumanshchini. In: Tripil's'ka kul'tura na Ukraïni, vup. I, 1926, 43-66 // В. Козловська, Точки Трипільської культури біля с. Сушківки на Гуманщині. В сб: Трипільська культура на Україні, вип. I, 1926, 43–66.

Makarevich 1948: M.L. Makarevich, Otchet Sredne-Bugskoi ekspeditsii na poselenii Sabatinovka II. NA IA NANU, fond ekspeditsii, nr. 1948/1 // М.Л. Макаревич, Отчет Средне-Бугской экспедиции на поселении Сабатиновка II. НА ИА НАНУ, фонд экспедицій, №1948/1.

Makarevich 1960: M.L. Makarevich, Ob ideologicheskikh predstavleniakh u tripol'skikh plemen. ZOO 1 (34), 1960, 290-301 // М.Л. Макаревич, Об идеологических представлениях у трипольских племен. ЗОО 1 (34), 1960, 290-301.

Morgan 1934: L.G. Morgan, Doma i domashniaia zhizni amerikanskikh tuzemtsev (Leningrad 1934) // Л.Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев (Ленинград 1934).

Shmaglii, Videiko 2003: N.M. Shmaglii, M.Iu. Videiko, Maidanets'koe – tripol'skii protogorod. Stratum plus 2, 2003, 44-140 // Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum Plus 2, 2003, 44-140.

Weninger, Harper 2015: B. Weninger, T. Harper, The geographic corridor for rapid climate change in Southeast Europe and Ukraine. In: (ed. E. Schultze) Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Archäologie in Eurasien 31, 2015, 485-515.

Zbenovich 1980: V.G. Zbenovich, Poselenie Bernashovka na Dnestre (Kiev 1980) // В.Г. Збенович, Поселение Бернашовка на Днестре (Киев 1980).

Дмитрий Черновол, младший научный сотрудник Института археологии НАН Украины; Киев, просп. Героев Сталинграда, 12, факс +38(044)4183306; e-mail: ch_d_k@ukr.net

Regina Anna Uhl

Textile im IV. Jt. v.Chr. und Nachweise für Gewebe aus Petreni in der Moldaurepublik

Schlüsselbegriffe: Gewebe, Textil, IV. Jt. v.Chr., Cucuteni-Tripol'e-Kultur, Petreni.

Cuvinte cheie: țesut, textile/pânză, mil. IV a.Chr., cultura Cucuteni-Tripolie, Petreni.

Ключевые слова: ткачество, текстиль, IV тыс. до н.э., культура Кукутень-Триполье, Петрень.

Regina Anna Uhl

Textile im IV. Jt. v.Chr. und Nachweise für Gewebe aus Petreni in der Moldaurepublik

Der Beitrag unternimmt einen Streifzug in die Welt der textilen Techniken im IV. Jt. v.Chr. Da aus dieser Zeit bis auf einige Feuchtbodenkontexte nur sehr wenige Textilfunde bekannt sind, bilden Bildwerke aber auch Spinnwirtel und Webgewichte wichtige, indirekte Nachweisgruppen für die Technik der Textilherstellung. Sie lassen sich durch Gewebeabdrücke auf Keramikböden präzisieren und ermöglichen konkrete Aussagen zur Kenntnis der Textilherstellung im nordwestpontischen Raum. Aus der Siedlung Petreni in der Moldaurepublik werden exemplarisch einige solche Nachweise vorgelegt und generelle Überlegungen zur Textilentwicklung im Untersuchungsgebiet angestellt.

Regina Anna Uhl

Textilele în mil. IV a.Chr. și dovezile de practicare a țesutului în așezarea de la Petreni, Republica Moldova

În articol se prezintă câteva aspecte legate de practicarea țesutului în mileniul IV a.Chr. Deoarece din această perioadă sunt cunoscute puține artefacte care ar reprezenta resturi de țesătură, fusaiiolele și greutatea reprezintă cele mai importante dovezi ale țesutului. Ampretele de țesătură păstrate pe fundurile unor vase ceramice de asemenea contribuie la cunoașterea tehnicilor utilizate la țesut și la gradul de cunoaștere și specializare a țesutului în regiunea nord-vest pontică. În calitate de exemple sunt prezentate câteva dovezi provenite din așezarea de la Petreni, Republica Moldova, care vorbesc direct despre evoluția textilelor în regiunea discutată.

Регина Анна Уль

Текстиль в IV тыс. до н.э. и свидетельства ткачества на поселении Петрень, Республика Молдова

В статье рассматриваются некоторые аспекты ткацкого дела в IV тыс. до н.э. Из-за того, что для этого времени известно мало доказательств находок текстиля, важными свидетельствами для доказательства текстильного производства являются такие артефакты, как пряслица и грузила. Отпечатки ткани на днищах керамических сосудов позволяют уточнить технику ткачества, а также сделать некоторые выводы о знаниях текстильного производства в Северо-Западном Причерноморье. В качестве примера представлены несколько отпечатков на керамике из поселения Петрень в Республике Молдова, которые могут дать общее представление о развитии текстилей в исследуемом регионе.

Die 1991 am Tisenjoch in Italien gefundene Gletschermumie "Ötzi" liefert eine einzigartige Momentaufnahme vom Leben eines im 4. Jt. v. Chr. in den Alpen zu Tode gekommenen Mannes und zog in den letzten Jahrzehnten ein großes Medieninteresse nach sich. Nicht zuletzt ging Ötzi als ältester Kriminalfall in die Geschichte ein und eröffnet mit seinem Habseligkeiten darüber hinaus facettenreiche Einblicke in seine Lebenswelt.

Die Radiokarbondatierung gibt für die Werkzeuge und die Mumie einen Zeitraum zwischen dem 34.-32. Jh. v.Chr. (3359-3105 cal BC). Spuren von Arsen könnten Ötzi als Schmied ausweisen, welcher auf der Suche nach Erzen war oder Güter

eintauschte. Die kulturelle Zuordnung des Mannes ist strittig, zumal Ötzi keine Keramik bei sich trug. Sein Kupferbeil ist gleicher Art, wie jene aus dem Gräberfeld von Remedello. Weitere Artefakte sind eher unspezifisch und können im weiteren Raum zahlreichen Kulturgruppen bzw. Regionen zugewiesen werden. So z. B. die Pfeile oder die Feuersteinklinge, deren Rohmaterial aus den Monti Lessini in der Nähe des Gardasees stammt [Fleckinger, Steiner 1998]. Die Schäftung der Feuersteinklinge mit Eschenholz gleicht der Schäftung von metallenen Dolchklängen, wie sie beispielsweise auch aus Usatovokontexten bekannt sind. Gleichwohl die Frage der kulturellen Zugehörigkeit nicht

vollständig geklärt werden kann, stellt Ötzi einen exzeptionellen Fund dar. Er kann als einer der ältesten und wohl prominentesten Nachweise für Bekleidung erachtet und wohl als der bestgekleidete Mann der Prähistorie verstanden werden.

Ötzi lebte in der zweiten Hälfte des 4. Jahrtausends, einer Zeit, welche von Umbruch geprägt ist. Zahlreiche Neuerungen, welche teilweise im Neolithikum wurzeln, etablieren sich oder werden mit neuen Technologien verknüpft. Man denke an Veränderungen in der Metallurgie, wonach beispielsweise mit Arsenkupfer ein härteres, andersfarbiges Metall erprobt wurde [vgl. Chernykh 1992; Dergačev 2002; Rezapkin 2012] oder aber die Nutzung der tierischen Zugkraft, welche eine erfolgreiche Domestizierung, Techniken der Kastration und auch der Anschirrung voraussetzte [vgl. Burmeister 2011; Țurcanu, Bejenaru 2015]. Des Weiteren vollzieht sich im 4. Jahrtausend v.Chr. im Bereich der textilen Techniken ein Wandel: Durch ein neues Fasermaterial, die tierische Wolle, erweitern sich die Anwendungsmöglichkeiten in der Nutzung von Textilien im Bereich Bekleidung. Diese neue Faser wird jedoch erst nutzbar, sofern die technischen Voraussetzungen dafür ausgereift sind: nämlich das Herstellen gleichmäßiger Garne und Textilien. Die Technik der Wollverarbeitung folgt einer altbekannten Traditionslinie, welche beispielsweise mit der Schnur- und Seilherstellung bis ins Paläolithikum reicht. Die Technik, Bastfasern zu verarbeiten wird im Neolithikum durch die Nutzung von Hanf- oder Leinenfasern erweitert. Matten und Textilien werden im Neolithikum durch Flechten, Zwirn- und Spiralwulstbindung hergestellt. Die Leinwandbindung ist eine Technik, welche neolithische Wurzeln hat und sich bis zum Chalkolithikum in vielen Regionen Europas etablierte – die Nutzung des Webstuhls und die damit verbundene Kenntnis, gleichmäßiges Gewebe herzustellen bildet hierfür eine wichtige Voraussetzung [Grömer 2010; Rast-Eicher 2015]. Für das 5. Jahrtausend finden sich Nachweise für Gewebe in Grablegen als Leinentücher oder in

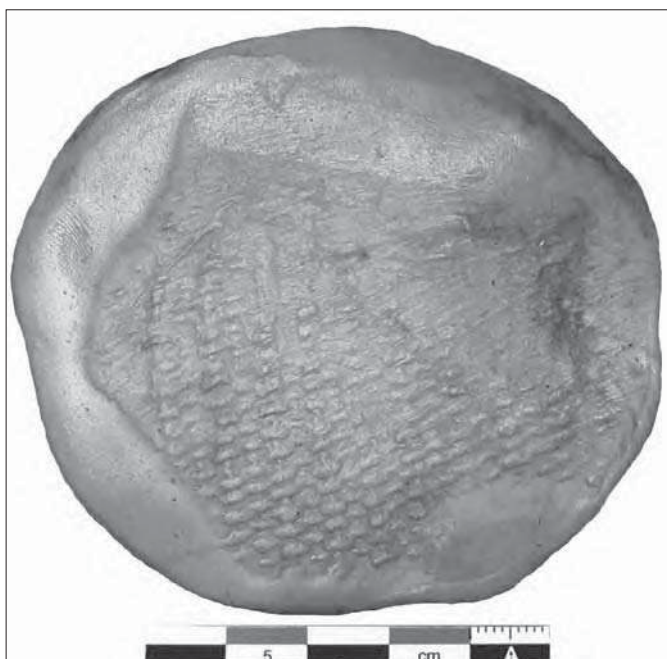

Abb. 1. Petreni. Gewebeabdruck auf Gefäß 1 (Foto: R. Uhl).

Fig. 1. Petreni. Mulajul unei amprente de țesătură de pe fragmentul ceramic 1 (Foto: R. Uhl).

Abb. 2. Petreni. Gewebeabdruck auf Gefäß 2 (Foto: R. Uhl).

Fig. 2. Petreni. Mulajul unei amprente de țesătură de pe fragmentul ceramic 2 (Foto: R. Uhl).

Abb. 3. Petreni. Gewebeabdruck auf Gefäß 3 (Foto: R. Uhl).

Fig. 3. Petreni. Mulajul unei amprente de țesătură de pe fragmentul ceramic 3 (Foto: R. Uhl).

Form von Säcken oder Beuteln. Korrodierte Reste von Geweben und Geflechten finden sind ebenso an Metallobjekten, was derart zu interpretieren ist, dass die Tücher in Stoffe eingeschlagen und im Grab niedergelegt wurden, wie es beispielsweise in Devnja rekonstruiert wurde [Todorova-Simenova

Abb. 4. Petreni. Fragmente von gebranntem Hüttenlehm mit Gewebeabdruck in einem Großgefäß. Ohne Maßstab. (Foto: R. Uhl).

Fig. 4. Petreni. Fragment de lut ars cu amprente de țesătură și fragmente de la un vas de dimensiuni mari. Fără scară (Foto: R. Uhl).

1971, 3-41, Tafel IX, 1-4; Todorova 1981, 38-42]. Eine solche Niederlegungssitte kann in vielen Regionen und Zeiten nachvollzogen werden – man denke beispielsweise an das komplett verhüllte Fürstengrab von Hochdorf [Banck 1999] oder aber an die in Textilien eingeschlagenen Metallbeigaben aus dem Tomba Royale von Arslantepe am Übergang zum dritten Jahrtausend v.Chr. [Frangipane et al. 2009].

Die Keramikböden spiegeln eine Vielfalt an Textilfertigungstechniken wieder und legen nahe, dass Matten in Spiralwulstbindung, Netze und Maschenwaren, Strickwaren sowie Gewebe in Leinwand- und Ripsbindung im Alltag in Verwendung gewesen sein dürften. Zeichnen sich

für das 6. und 5. Jahrtausend noch vermehrt Mattenabdrücke auf den Gefäßböden ab [z. B. Makkay 2003, 321-342], so häufen sich mit Beginn des 4. Jahrtausends die Abdrücke von Leinen- und Ripsbindungen. Es scheint, dass die Textilien und Matten intentionell auf den Keramikböden gelangt zu sein scheinen, da sie den Gefäßboden vollständig bedecken und keinen Faltenwurf zeigen. Bemerkenswert ist, dass es sich hierbei um kein kleinräumiges Phänomen handelt, sondern dass Gewebe und damit der Webstuhl weiträumig etabliert gewesen zu sein scheint. Die Funde und indirekten Nachweise verweisen in Anatolien [Schoop 2004; Ciringiroğlu 2009], dem nordpontischen Raum sowie dem Balkan-Karpatenraum [Mazăre 2013] auf die Herstellung von Leinwandgeweben, welche im vierten Jahrtausend v.Chr. größtenteils mit dem horizontalen Webstuhl erfolgt sein dürfte. Demgegenüber ist beispielsweise der liegende Webstuhl in Mesopotamien weit verbreitet [Völling 2008]. Gewebe in Leinwandbindung sind für das vierte Jahrtausend schließlich in zahlreichen Regionen Europas belegt, beispielsweise bei den Trichterbecherkulturen [Schabow 1959; Smid 1981] sowie den jung- und spätneolithischen Kulturgruppen in Süddeutschland und der Schweiz. Dort konnten zahlreiche Textilien aus Feuchtbodengebieten zu Tage gefördert werden [z. B. Rast-Eicher 2015].

In Studien zu Textilien wurden vereinzelt bereits Textilabdrücke aus Cucuteni-Tripol'e-

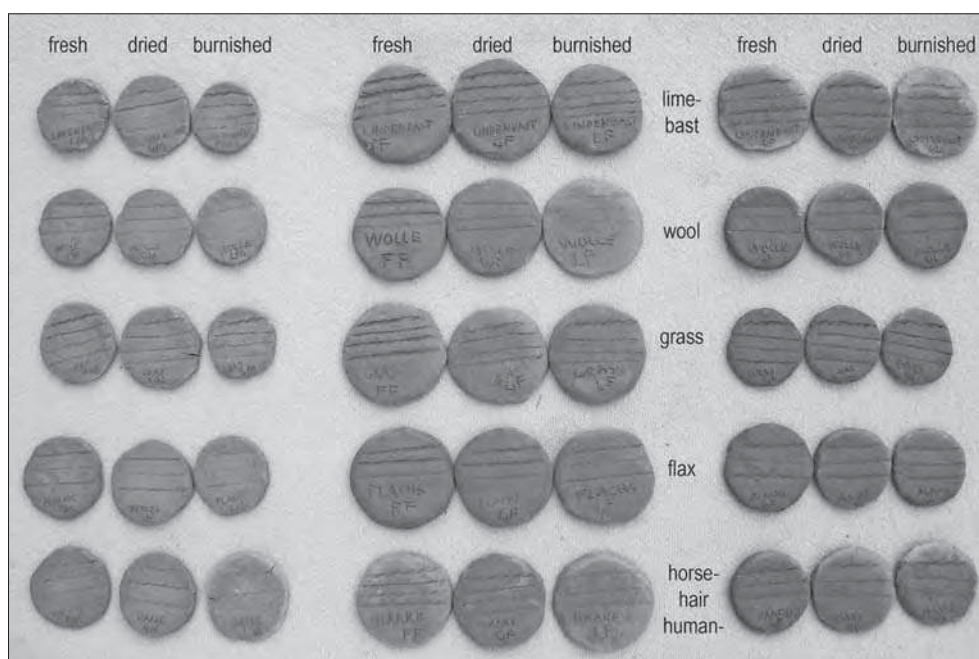

Abb. 5. Schnurabdrücke in Tonscheiben bei unterschiedlicher Oberflächenbehandlung (Quelle: Grömer/ Kern 2010, 3141 Fig. 5).

Fig. 5. Discuri de lut cu amprente de şnur cu prelucrarea diferită a suprafeţei (după: Grömer, Kern 2010, 3141, Fig. 5).

zeitlichen Fundorten vorgelegt [Kordysh 1951; Burdo 2004; Văleanu, Marian 2004, 318-326]. Da die abgedruckten Textilien die Gefäßböden zumeist vollständig bedecken, ist anzunehmen, dass die Keramik *bewusst* zum Trocknen abgestellt wurde oder aber im Fall von Abdrücken von Wulsthalbgeflechten oder Matten im Formungsprozess auf einem drehbaren Textil stand. Die Gewebeabdrücke bieten untersuchungstechnisch den Vorteil, dass die Textilien in ihrer Originalgröße abgedrückt wurden und so die Fadenstärken und auch die Dichte des Gewebes ermittelt werden können. Anders als bei Originalfunden muss daher nicht mit verwitterungsbedingten Schrumpfungen der Textilien gerechnet werden. Zahlreiche Keramikböden aus Petreni zeigen Abdrücke von Textilien, welche in Leinwand- und Ripsbindung hergestellt wurden. Einige so rekonstruierte Textilien werden von Kordysh als sehr ungleich beschrieben. Er wertete unter anderem Textilbödenabdrücke aus dem Material der Grabungen von Sterns auf und beschreibt, dass einzelne Fäden sehr dicht aufeinandergepresst sind und teils wiederum sehr weit auseinander liegen. Die Fadenstärken variieren zwischen 0,7-1,1 mm und erreichen teils 1,5 mm. 4-5 Kettfäden kommen in einem Quadratzentimeter auf 5-7 Schussfäden [Kordysh 1951, 102-110]. Von drei Gefäßböden aus

den neuen Grabungsunternehmen der Jahre 2011-2015 konnten Plastilinabdrücke genommen werden, welche die Fadenstärke messbar machen. Die Abdrücke von drei Gefäßen ergaben unterschiedliche Fadenstärken. Der Gefäßbodenabdruck 1 zeigt eine Leinwandbindung und die Fadenstärken bewegen sich zwischen 1mm und 1,5-2mm, wobei die hier quer orientierte Fadenrichtung (vermutlich Schussfaden) stärker hervortritt (Abb. 1). Der Textilabdruck von Gefäßboden 2 zeigt eine grobe Leinwandbindung mit einer Fadenstärke von 1-1,5mm (Abb. 2). Zunächst wirkt der Keramikboden von Gefäß 3 so, als wäre ein Maschengewebe abgebildet. Erst der Plastilinabdruck des Gefäßbodens gibt im positiv die Ripsbindung wieder. Die Fadenstärken bewegen sich zwischen 1-2mm, wobei die längs orientierten Fäden deutlich dicker sind als die quer orientierten (Abb. 3).

Die Ripsbindung entspricht der einfachen Webart in Leinwandbindung, bei welcher jedoch entweder Kett- oder Schussfaden eine höhere Dichte aufweisen. Der Schussrips ist im Vergleich zum Kett- oder Querrips zeitintensiver, weil die höhere Dichte an Schussfäden mehr Zeit in Anspruch nimmt. Da es sich bei den abgedruckten Textilien lediglich um Mittelstücke handelt kann die Orientierung des Gewebes nicht festge-

stellt und damit auch nicht zwischen Kett- und Schussfaden unterschieden werden. Die Ripsbindung dient letztlich der Verdichtung des Gewebes. Sie kann ebenso erzielt werden, indem beispielsweise ein dickerer oder knotigerer Schussfaden verwendet wird. Im Gewebeabdruck ist die Unterscheidung zum technisch *echten* Schussrips schwierig. Weitere Nachweise für Gewebe fanden sich auch in gebrannten Hüttenlehmfragmenten. Ein stark verziegeltes, großes Stück enthält ein zerstörtes Keramikgefäß, in welchem das Hüttenlehmfragment mit Gewebeabdruck verbacken ist (Abb. 4). Der gebrannte Ton über dem Gefäßboden zeigt Teile von Gewebe in Leinwandbindung. Ob es sich dabei um Gewebe handelt, das an der Wand hing oder aber um ein Stück Gewebe, welches mit Ton als Verschluss des Keramikgefäßes gedient haben kann, soll durch behutsames Freilegen des stark verbackenen Hüttenlehmblocks geklärt werden.

Im Hinblick auf die Textilentwicklung im nordwestpontischen Raum kann zusammengefasst werden, dass ab dem vierten Jahrtausend in vielen Gesellschaften Europas die Technik des Webens verbreitet war. Im Es zeigen sich sehr gute Fertigkeiten in der Herstellung der Textilien, welche im Alltag auf unterschiedliche Weise genutzt wurden. Die Technik der Textilherstellung und Fasernutzung Nutzung war also vor dem Etablieren von Wolle sehr vielfältig. Erst die Übertragbarkeit dieser technischen Erkenntnisse auf das neue Fasermaterial dürfte die Aufnahme eines neuen Fasermaterials, der Wolle, stimuliert haben.

Der Nutzung von Wolle geht ein Jahrtausende währender Prozess voraus, welcher seine Anfänge in Vorderasien nimmt [Benecke 1994]. Wolle tritt als neuer Aspekt in der Textilherstellung hinzu, verdrängt jedoch nicht die anderen pflanzlichen Fasermaterialien, welche im alltäglichen Gebrauch sind, so z. B. beim Knüpfen von Netzen, Fischreusen, Angelschnüren oder aber bei der Herstellung von Matten.

Wie man am Beispiel von Ötzi sieht, scheinen Webwaren und auch die Wollfaser nicht *notwendig* gewesen zu sein, um sich ausreichend vor schlechter Witterung zu schützen und sogar eine Alpenquerung zu unternehmen: Ötzi trägt eine Fellmütze aus Bärenfell, seine Oberbekleidung besteht aus einem Grasmantel. Der Fellmantel besteht aus Ziegenleder und aus einzelnen Fellstük-

ken, die mit Tiersehnern sauber vernäht wurden. Um die Hüfte trägt Ötzi einen 2m langen Kalbslederriemen, an welchem ein Beinkleid aus Ziegenleder und Hirschfell befestigt wird. Weiterhin dient dieser Ledergürtel als Halterung für weitere Ausrüstungsgegenstände wie einen Beutel oder auch das bereits genannte Feuersteinmesser sowie eine Bastschnur zum Befestigen des Retuscheurs. Die Schuhe stellen einen Kompositgegenstand aus Lindenbast, Bärenleder und Heu dar [Fleckinger, Steiner 1998].

Die Bekleidung von Ötzi ist technisch ausgereift, aber so unspezifisch, dass vermutlich jede(/-r) bei kalter oder nasser Witterung derartige Leder- und Fellbekleidungen getragen haben dürfte, wobei gewiss einzelne Fellarten nicht jedem zugänglich gewesen und vermutlich bedeutungsvoller waren als andere. Zugleich finden sich andernorts im zirkumalpinen Raum zahlreiche Nachweise für das Herstellen von Geweben und die Nutzung des Webstuhles. Jedoch scheint diese Traditionslinie für Gewebe der Nutzung im Alltag und in Haushaltskontexten vorbehalten zu sein und findet sich nicht in der Bekleidungs tradition des 4. Jahrtausends v.Chr. wieder. Davon zeugen auch im Untersuchungsraum einige Figurinen, welche Riemen, Gurte sowie Schurze und Röcke zeigen [vgl. Mitina 2014]. Bis zur Bronzezeit scheinen Gewebe noch keine bedeutende Rolle im Bereich der Bekleidung zu spielen. Erst in der Kombination aus einer verfeinerten Technik in der Gewebeherstellung und dem neuen Werkstoff Wolle dürfte eine neue Traditionslinie entstanden sein, die darüber hinaus auch vollkommen neue Arten der Repräsentation ermöglicht. Eine weitere Quellengattung bieten die Schnurabdrücke auf Keramik. Sie bergen allerdings mehr technische Informationen zur Schnurherstellung und können nicht als Marker für die Nutzung der Wollfaser gelesen werden, denn die Schnurabdrücke zeigen nicht an, ob Wolle oder pflanzliche Fasern genutzt wurden. Versuchsreihen ergaben, dass die Schnurabdrücke aus Wolle, Pflanzenfasern und weiteren Fasermaterialien sich technologisch nicht signifikant unterscheiden lassen (Abb. 5).

Die Gewebeabdrücke aus Petreni und aus weiteren Cucuteni-Tripol'e -zeitlichen Fundorten belegen, dass die Kenntnis der Garnherstellung und des Webens im 4. Jahrtausend weit

verbreitet war und bereits relativ gleichmäßige Gewebe hergestellt werden konnten. Gleichwohl der konkrete Zeitpunkt der Wollverarbeitung im Untersuchungsraum nicht fassbar ist, scheint die ausgereifte, technologische Kenntnis der Faser-

verarbeitung ab der zweiten Hälfte des 4. Jt. v.Chr. eine gute Basis für das Etablieren der neuen Faser Wolle und für das Ausbilden einer neuen Bekleidungs- tradition.

Literatur

- Banck 1999:** J. Banck, Hochdorf 4. Die Textilfunde aus dem späthallstattzeitlichen Fürstengrab von Eberdingen-Hochdorf (Kreis Ludwigsburg) und weitere Grabtextilien aus hallstatt- und latènezeitlichen Kulturgruppen. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 70 (Stuttgart 1999).
- Benecke 1994:** N. Benecke, Der Mensch und seine Haustiere. Die Geschichte einer jahrtausendealten Beziehung (Stuttgart 1994).
- Burdo 2004:** N.B. Burdo, Tekstil'. Entsiklopediia tripoliskoï tsivilizatsii (Kïv 2004), 514 // Н.Б. Бурдо, Текстиль. Енциклопедія тріпільської цивілізації (Київ 2004), 514.
- Burmeister 2011:** S. Burmeister, Innovationswege – Wege der Kommunikation. Erkenntnisprobleme am Beispiel des Wagens im 4. Jahrtausend v.Chr. S. Hansen. In: J. Müller (Hrsg.), Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v.Chr. zwischen Atlantik und Kaukasus. Archäologie in Eurasien 24 (Mainz 2011) 211-240.
- Chernykh 1992:** E.N. Chernykh, Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age (Cambridge 1992).
- Çilingiroğlu 2009:** Ç. Çilingiroğlu, Of Stamps, Loom Weights and Spindle Whorls: Contextual Evidence on the Function(s) of Neolithic Stamps from Ulucak, İzmir, Turkey. Journal of Mediterranean Archaeology 22.1, 2009, 3-27.
- Dergačev 2002:** V. Dergačev Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).
- Fleckinger, Steiner 1998:** A. Fleckinger, H. Steiner, Der Mann aus dem Eis (Wien 1998).
- Franigpane et al. 2009:** M. Frangipane, E. Andersson Strand, R. Laurito, S. Möller-Wiering, M.-I. Nosch, A. Rast-Eicher, A. Wisti Lassen, Arslantepe, Malatya (Turkey): Textiles, Tools and Imprints of Fabrics from the 4th to the 2nd Millennium BCE. Paléorient 35.1, 2009, 5-29.
- Grömer 2010:** K. Grömer, Prähistorische Textilkunst in Mitteleuropa: Geschichte des Handwerks und der Kleidung vor den Römern (Wien 2010).
- Grömer, Kern 2010:** K. Grömer, D. Kern, Technical data and experiments on corded ware. Journal of Archaeological Science 37, 2010, 3136-3145.
- Kordysh 1951:** N. Kordysh, Notes on weaving in the trypillian culture of the Ukraine. The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States 1.2, 1951, 98-113.
- Makkay 2003:** J. Makkay, Textile impressions and related finds of the early Neolithic Körös culture in Hungary. Arkeoloji ve Sanat Yayinlari (Istanbul 2003), 321-342.
- Mazăre 2013:** P. Mazăre, Interpretări funcționale ale „greutăților” din lut ars. Annales Universitatis Apulensis. Series Historica 17/II, 2013, 27-68.
- Mitina 2014:** M.N. Mitina, Antropomorfniaia plastika Tripol'ia-Kukuteni: telo i kostium (Sankt Petersburg 2014) // М.Н. Митина, Антропоморфная пластика Триполья-Кукутени: тело и костюм (Санкт-Петербург 2014).
- Rast-Eicher 2015:** A. Rast-Eicher, Neolithische und bronzezeitliche Gewebe und Geflechte. Die Funde aus den Seeufersiedlungen im Kanton Zürich. Monographien der Kantonsarchäologie Zürich 46 (Zürich Egg 2015).
- Rezepkin 2012:** A.D. Rezepkin, Novosvobodenskaia kul'tura (na osnove materialov mogil'nika „Klady”). RAN. IIMK. Trudy XXXVII (Sankt Petersburg 2012) // А.Д. Резепкин. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника „Клады”). РАН. ИИМК. Труды XXXVII (Санкт-Петербург 2012).
- Schabow 1959:** K. Schabow, Beiträge zur Erforschung jungsteinzeitlicher und bronzezeitlicher Gewebetechnik. Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 34, 1959, 101-120.
- Schoop 2004:** U. Schoop, Weaving Society in Late Chalcolithic Anatolia: Textile Production and Social Strategies in the 4th Millennium BC. In: B. Horejs, M. Mehofer (Hrsg.). Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC? (Wien 2014) 421-446.
- Smid 1981:** M. Smid, Stratifické pozorování na výnném eneolitičtém sídlíšti Rmíz u Laskova, okr. Prostějov,

Prehledy výzkum (Brno 1979).

Todorova 1981: H. Todorova, Die kupferzeitlichen Äxte und Beile in Bulgarien. PBF 14 (München 1981).

Todorova-Simeonova 1971: Kh. Todorova-Simeonova, Kashneneolitnaia nekropol krai grad Devnea, Varnensko. Izvestiia na Narodnii muzei Varna, 7, 1971 // X. Тодорова-Сименова, Кашнэнеолитния некропол край град Девня, Варненско. Известия на Народния музей Варна 7, 1971.

Țurcanu, Bejenaru 2015: S. Țurcanu, L. Bejenaru, Data Regarding the Usage of Animal Traction within the Cucuteni-Tripolye Cultural Complex. In: V. Spinei, N. Ursulescu, V. Cotiugă (eds.) Orbis Praehistoria. Mircea Petrescu-Dîmbovița – in memoriam (Iași 2015), 197-242.

Văleanu, Marian 2004: M.C. Văleanu, C. Marian, Amprente umane, vegetale și de textile pe ceramica eneolitică de la Cucuteni-Cetățuie. In: M. Petrescu-Dîmbovița/M.C. Văleanu (eds.) Cucuteni-Cetățuie, BMA XIV, 2004, 318-326.

Völling 2008: E. Völling, Textiltechnik im Alten Orient. Rohstoffe und Herstellung (Würzburg 2008).

Regina Anna Uhl, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasienabteilung, Im Dol 2-6, Haus 2, 14195 Berlin, Deutschland, e-mail: regina.uhl@dainst.de

Eugen Uşurelu

Vârfurile de lance cu tocul scurt din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre

Keywords: bronze spearheads with short sheath, late Bronze Age, late Srubnaia culture, Sabatinovka, Noua, Belozerka, Northern Black Sea cultures.

Cuvinte cheie: vârfuri de lance de bronz cu tocul scurt, perioada târzie a epocii bronzului, cultura Srubnaia târzie, culturile Sabatinovka, Noua și Belozerka, nordul Mării Negre.

Ключевые слова: бронзовые наконечники копий и дротиков с короткой втулкой, поздний бронзовый век, позднесрубная культура, культуры Сабатиновка, Ноуа и Белозерка, Северное Причерноморье.

Eugen Uşurelu

Spearheads and darts with a short sheath of the late Bronze Age in the Northern Black Sea region

Based on the analysis of newly discovered spearheads with a short sheath of the Late Bronze Age in the northern Black Sea, the data being obtained from virtual sources and those from literature, their new typological scheme is proposed. The items are classified into four types: Obukhovka, Marinovka, Dremailovka and Krasnyj Mayak. The first two and Krasnyj Mayak type are divided into three variants each and Dremailovka type into four. Variants I-IV delineated within these types represent groups of spearheads consecutively succeeded in time, starting with the set of Loboikovka-Golourov bronze of late Srubnaia culture (Berezhnovsk-Maevsk after V.V. Otroshchenko) from the left bank of the Dnieper and of the first phase of the early stages of Sabatinovka and Noua cultures until the early stage of Belozerka culture (stages IV-VI of the late Bronze age period in Eastern Europe, 16th/15th - 13th/12th centuries BC, or BzB2/C1-BzD/HaA1, according to central European chronological scheme.

Eugen Uşurelu

Vârfurile de lance cu tocul scurt din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre

În baza analizei descoperirilor noi de vârfuri de lance cu tocul scurt din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre, datele fiind obținute din sursele virtuale, cât și a celor din literatura de specialitate, este propusă o schemă tipologică nouă a acestora. Piesele sunt delimitate în patru tipuri: Obukhovka, Marinovka, Dremailovka și Krasnyi Maiak. Primele două și tipul Krasnyi Maiak sunt împărțite în câte trei variante, iar tipul Dremailovka – în patru. Variantele I-IV delimitate în cadrul acestor tipuri, reprezintă grupe de vârfuri de lance consecutiv perindate în timp, începând cu seria de bronzuri Loboikovka-Golourov a culturii Srubnaia târzie (Berezhnovsk-Maevsk după V.V. Otroshchenko) din partea stângă a Niprului și a primei faze a etapelor timpurii ale culturilor Sabatinovka și Noua, până în etapa timpurie a culturii Belozerka (etapele IV-VI ale perioadei târzii a epocii bronzului din Europa de Est, sec. XVI/XV-XIII/XII î.Hr. sau BzB2/C1-BzD/HaA1, conform schemei cronologice central-europene.

Евгений Ушурелу

Наконечники копий и дротиков с короткой втулкой эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья

На основании изучения новых находок наконечников копий и дротиков с короткой втулкой эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья, ставших известными по разным интернет ресурсам, и аналогичных находок из археологической литературы, предлагается новая типологическая схема этих наконечников. Они разделены на четыре типа: Обуховка, Мариновка, Дремайловка и Красный Маяк. Первые два и тип Красный Маяк подразделены каждый на три варианта, а тип Дремайловка на четыре. Выделенные варианты I-IV этих типов представляют собой последовательно сменяющиеся во времени группы наконечников копий и дротиков, начиная от лобойковско-голоуровского металлокомплекса позднесрубной культуры Левобережной Украины (бережновско-маевской по версии В.В. Отрощенко) и первой фазы раннего этапа культур Сабатиновка и Ноуа до раннего этапа Белозерской культуры (IV-VI периоды поздней бронзы Восточной Европы, XVI/XV-XIII/XII вв. до н.э. или BzB2/C1-BzD/HaA1 по центрально-европейской хронологической схеме.

Articolul include în circuitul științific descoperiri noi de vârfuri de lance cu tocul scurt din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre, datele fiind obținute din diverse surse virtuale. În

baza analizei acestora, cât și a celor din literatura de specialitate, este propusă o schemă tipologică nouă a acestor vârfuri de lance și sunt abordate subiectele apariției și evoluției lor în acest spațiu.

Vârfurile de lance sunt delimitate în patru tipuri: Obukhovka (Fig. 1,1-16), Marinovka (Fig. 2,1-20), Dremailovka (Fig. 3,1-23; 4,1-4) și Krasnyi Maiak (Fig. 4,5-20; 5,1-29). Primele două și tipul Krasnyi Maiak sunt împărțite în câte trei variante, iar tipul Dremailovka în patru.

În cazul primelor două tipuri, în literatura de specialitate sau lipsesc careva elaborări, sau acestea sunt insuficiente. O situație diferită este constatată în cazul tipurilor Dremailovka și Krasnyi Maiak, deoarece atât denumirile cât și conținutul acestora sunt mai mult sau mai puțin unanim acceptate. De aceea denumirile acestora au fost păstrate, în același timp fiind efectuate precizări substanțiale în ceea ce privește conținutul acestora.

În procesul delimitării tipurilor și a variantelor s-a ținut cont de cerințele actuale înaintate față de clasificările arheologice, conform cărora, în identificarea tipurilor depline importantă este nu cantitatea indicilor luate în considerație, ci calitatea lor, și anume indiciile semnificative sau cele definitorii, sau, uneori și combinațiile acestora. Și în calitate de tip este recunoscut numai acea unitate taxonomică, care înglobează mai complet informația scontată și conținutul căreia corespunde cel mai bine scopului cercetării [Bochkarev 2015a, 208-209].

Indicii semnificativi sau definitorii în delimitarea tipurilor enunțați de vârfuri de lance cu tocul scurt constituie lungimea și respectiv forma tocului, în primele două cazuri, iar forma lamei, în a celorlalte două. În ceea ce privește împărțirea acestora în variante, indicii definitorii le-au constituit forma tijei lamei și/sau a tocului.

Vârfurile de lance de tip Obukhovka au lama foliformă cu lățimea maximă preponderent în partea mediană și cele mai mici dimensiuni ale tocului dintre toate piesele eșantionului analizat. Lungimea tocului acestora variază de la cca 0,8 cm până la cca 1,5 cm. Lungimea vârfurilor de lance variază de la cca 10 cm până la cca 19 cm, lățimea maximă a lamei de la cca 2,5 până la cca 4,5 cm și diametrul tocului de la cca 1,9 cm până la cca 2,5 cm. Orificiile laterale pentru nituri sunt amplasate în toate cazurile la baza lamei.

Pe ambele suprafețe, tija lamei pieselor variantei I a acestui tip este prevăzută cu câte trei nervuri longitudinale delimitate de două caneluri (Fig. 1,1). La piesele variantei II, nervurile longitudinale sunt substituite cu câte trei muchii longitudinale pe ambele părți ale tijei lamei, care, cu o

singură excepție (Fig. 1,3), acoperă și ambele suprafețe ale tocului (Fig. 1,4-14). Astfel, secțiunea tijei lamei și a tocurilor pieselor acestei variante este hexagonală. La piesele variantei III tija lamei și tocul au formă simplă, fără muchii, având corespunzător secțiune circulară (Fig. 1,15-16).

Lungimea tocului pieselor următorului tip Marinovka, este ceva mai mare decât la piesele tipului precedent și variază de la cca 1 cm până la cca 2 cm. Însă, indiciul definitoriu al acestui tip îl constituie tocul în formă de manșetă, delimitat în partea superioară cu ajutorul unei muchii (Fig. 2,2-4,6-9,14,16) sau nervuri orizontale (Fig. 2,5,12-13), exceptând câteva exemplare (Fig. 2,1,10,15,17-19).

Similar pieselor tipului Obukhovka, lama acestui tip este foliformă cu lățimea maximă preponderent în partea mediană, de asemenea și orificiile laterale pentru nituri sunt amplasate în toate cazurile la baza lamei. Lungimea vârfurilor de lance ale tipului Marinovka variază de la cca 15 cm până la cca 22 cm, lățimea maximă a lamei de la cca 2,7 până la cca 4 cm și diametrul tocului de la cca 1,7 cm până la cca 2,5 cm.

Variantele acestui tip au fost delimitate în baza acelorași indicii ca și în cazul variantelor primului tip: I – tija lamei pe ambele suprafețe este prevăzută cu câte trei nervuri longitudinale, despărțite de două caneluri mai mult sau mai puțin evidențiate (Fig. 2,1-10); II – cu câte trei muchii longitudinale pe ambele suprafețe ale tijei lamei, respectiv, secțiunea tijei lamei (Fig. 2,11-19), cât și a tocului (Fig. 2,11,15,17-19), este hexagonală; III – condițional, conform desenului, tija lamei și a tocului au formă simplă, fără muchii, având corespunzător secțiune circulară (Fig. 2,20).

Lungimea tocului pieselor următorului tip este mai mare decât la piesele primelor două tipuri, variind de la cca 2 cm până la cca 4,5 cm. Totodată, indiciul definitoriu al tipului Dremailovka constituie, cu unele excepții (Fig. 3,4,13), lama foliformă, având lățimea maximă mai sus de partea mediană (Fig. 3,1-3,5-12,14-23; 4,1-4). Lungimea vârfurilor de lance variază de la cca 13 cm până la cca 26 cm, în două cazuri, cca 31 și 34 cm (Fig. 4,1-2), lățimea maximă a lamei de la cca 2,5 până la cca 4,5 cm și diametrul tocului de la cca 1,9 cm până la cca 3 cm.

Delimitarea primelor trei variante ale acestui tip a fost efectuată în baza acelorași indicii ca și în cazul variantelor primelor două tipuri, cu preci-

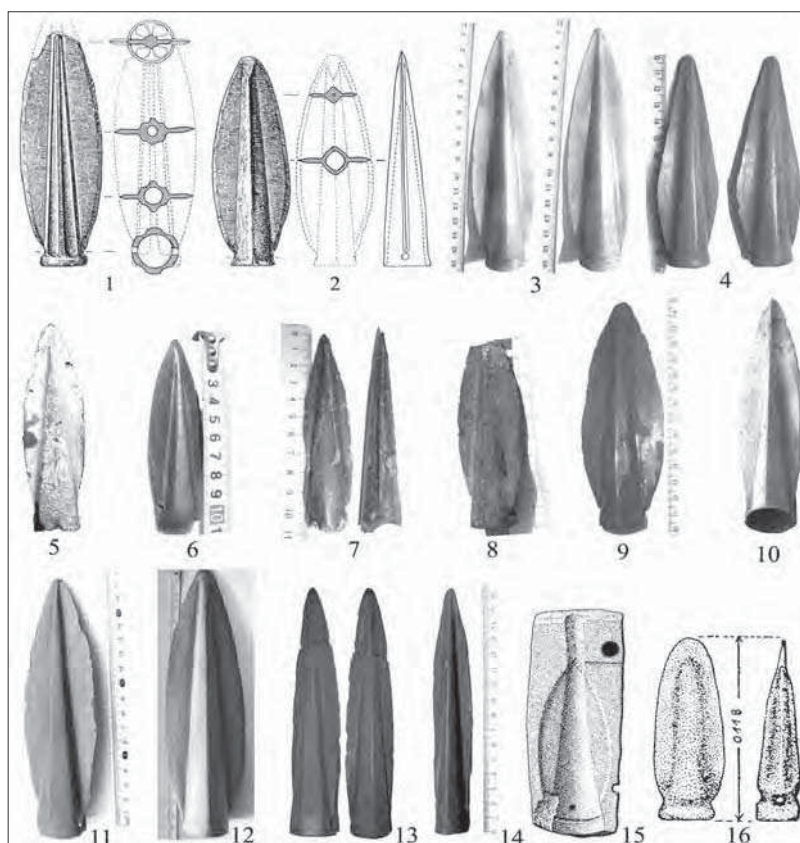

Fig. 1. Vârfuri de lance cu tocul scurt, tipul Obukhovka

Varianta I. 1- Obukhovo/Obukhovka/Sugakovka, reg. Dnepropetrovsk/Kherson, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 10,2].

Varianta II. 2- Grebeny, reg. Kiev, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 10,4]; 3- reg. Cherkassy, Ucraina; 4- probabil, reg. Chernigov, Ucraina; 5.10.11.13- locul descoperirii necunoscut I-IV, Ucraina; 6- probabil, reg. Cherkassy, Ucraina; 7- reg. Zhitomir, Ucraina; 8- reg. Poltava, Ucraina; 9- probabil, reg. Vinnitsa, Ucraina; 12- râul Rosi, reg. Kiev, Ucraina; 14- reg. Sumy, Ucraina.

Varianta III. 15- reg. Dnepropetrovsk(?), Ucraina [Bočkarev, Leskov 1980, 13. Taf. 3,38b]; 16- Huși, România [Coman 1980, 156, nota 1. Fig. 115,6].

3- după <http://www.sobiratel.org/>; 4.7.11.13- <http://arc.violity.com/>; 6.12.14- <http://forum.violity.com/>; 8- <http://auction.violity.com/>; 1.2.15- scara sursei inițiale a fost modificată.

Fig. 1. Spearheads with short sheath, Obukhovka type

Variant I. 1- Obukhovo/Obukhovka/Sugakovka, Dnepropetrovsk/Kherson region, Ukraine [Kločko 1995 94. Abb. 10, 2].

Variant II. 2- Grebeny, Kiev region, Ukraine [Kločko 1995 94. Abb. 10, 4]; 3- Cherkassy region, Ukraine; 4- probably Chernigov region, Ukraine; 5.10.11.13- unknown place of discovery I-IV, Ukraine; 6- probably Cherkassy region, Ukraine; 7- Zhitomir region, Ukraine; 8- Poltava region, Ukraine; 9- probably Vinnitsa region, Ukraine; 12- Rosi River, Kiev region, Ukraine; 14- Sumy region, Ukraine.

Variant III. 15- Dnepropetrovsk region(?), Ukraine [Bočkarev, Leskov, 1980, 13 Taf. 3,38b]; 16- Husi, Romania [Coman, 1980, 156, note 1. Fig. 115, 6].

3- according to <http://www.sobiratel.org/>; 4.7.11.13- <http://arc.violity.com/>; 6.12.14- <http://forum.violity.com/>; 8- <http://auction.violity.com/>; 1.2.15- the scale of the initial source has been changed.

zările, că în cazul pieselor variantei I a acestui tip, tocul este prevăzut în partea superioară cu două nervuri orizontale (Fig. 3,1). În ceea ce privește varianta II, spre deosebire de varianta II a tipului Obukhovka, include mai multe piese cu tocul prevăzut cu nervuri orizontale sau oblice (Fig. 3,2-4), decât cele la care muchiile acoperă ambele suprafețe ale tocului (Fig. 3,5-6).

Indiciul definitoriu al variantei IV a acestui tip, ce îl deosebește de alte variante nu numai ale acestui tip, dar și ale celorlalte, o constituie forma părților superioare și mijlocii ale ambelor suprafețe ale tijei lamei, care are secțiune dreptunghiulară (Fig. 4,1-4). În afară de aceasta, două vârfuri de lance prezintă indicii specifice numai acestei variante a entității analizate. Piesele au lamele prevă-

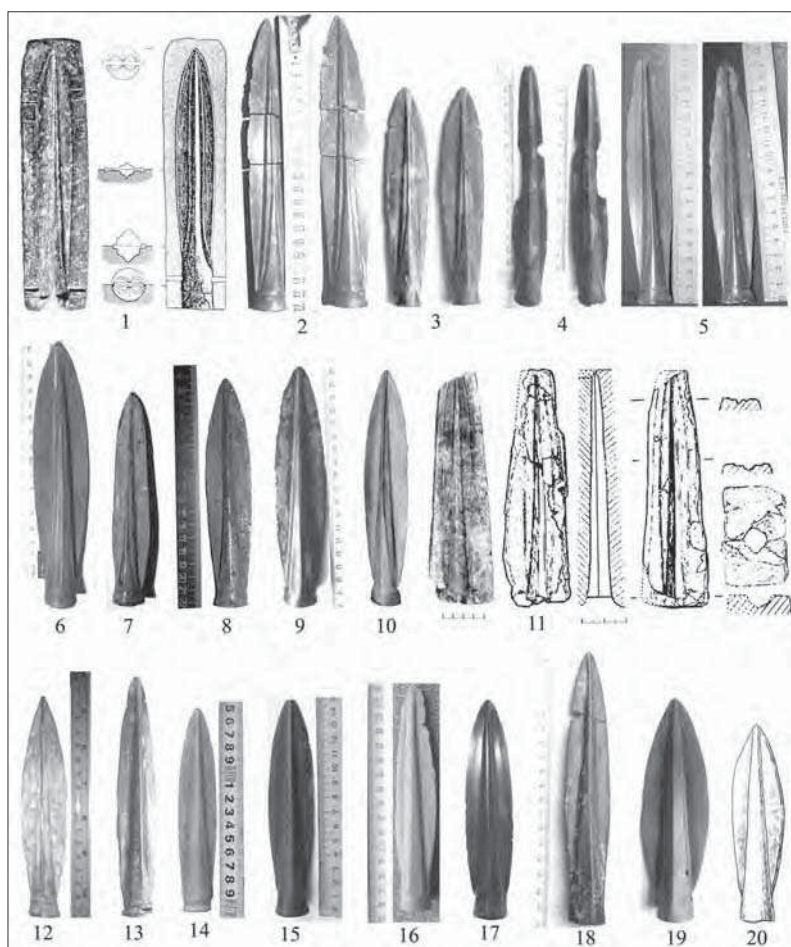

Fig. 2. Vârfuri de lance cu tocul scurt, tipul Marinovka

Varianta I. 1- Marinovka, reg. Zaporozh'e, Ucraina [foto V.A. Papanova; desen Kločko 1995, 91. Abb. 4,2]; 2.3.8- locul descoperirii necunoscut I-III, Ucraina; 4- probabil, reg. Zhitomir, Ucraina; 5- probabil, nord-vestul reg. Kirovograd, la frontiera cu reg. Cherkassy, Ucraina; 6- sudul reg. Cherkassy, Ucraina; 7- reg. Cherkassy, Ucraina; 9- probabil, r-nul Edinet, R. Moldova; 10- probabil, reg. Cherkassy, Ucraina.

Varianta II. 11- Dneprovo-Kamenka, reg. Dnepropetrovsk, Ucraina [Gershkovich 2005-2009, 583.587. Ris. 7,4; 8,1]; 12- reg. Khar'kov, Ucraina; 13- probabil, la frontiera dintre reg. Poltava și reg. Chernigov, Ucraina; 14- reg. Cherkassy (partea din dreapta r. Nipru), Ucraina; 15- probabil, sudul reg. Chernigov, Ucraina; 16- probabil, sudul reg. Cherkassy, malul drept al r. Nipru, Ucraina; 17- reg. Kirovograd, Ucraina; 18- reg. Khmel'nitsk, râul Iuzhnyi Bug, Ucraina; 19- reg. Sumy, Ucraina.

Varianta III. 20- Tsiurupinsk, reg. Kherson, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 7,2].

2- după <http://domongol.org/>; 3- <http://arc.violity.com/>; 4-6.10.13.15-18- <http://forum.violity.com/>; 7.19- <http://auction.violity.com/>; 8- <http://swordmaster.org/>; 9- <http://oldstory.info/>; 14- <https://reibert.info/>; 1.20- scara sursei inițiale a fost modificată.

Fig. 2. Spearheads with short sheath, Marinovka type

Variant I. 1- Marinovka, Zaporozh'e region, Ukraine [Photo by V. A. Papanova; drawing by Kločko 1995 91. Abb. 4, 2]; 2.3.8- unknown place of discovery I-III, Ukraine; 4- probably Zhitomir region, Ukraine; 5- probably northwest Kirovograd region, on the border with Cherkassy region, Ukraine; 6- southern Cherkassy region, Ukraine; 7- Cherkassy region, Ukraine; 9- probably Edinet district, Moldova; 10- probably Cherkassy region, Ukraine.

Variant II. 11- Dneprovo-Kamenka, Dnepropetrovsk region, Ukraine [Gershkovich 2005-2009, 583.587. Ris. 7, 4; 8, 1]; 12- Khar'kov region, Ukraine; 13- probably at the border between Poltava and Chernigov regions, Ukraine; 14- Cherkassy region (on the right bank of the Dnieper), Ukraine; 15- probably southern Chernigov region, Ukraine; 16- probably southern Cherkassy region, the right bank of the Dnieper, Ukraine; 17- Kirovograd region, Ukraine; 18- Khmel'nitsk region, Iuzhnyi Bug River, Ukraine; 19- Sumy region, Ukraine.

Variant III. 20- Tsiurupinsk, Kherson region, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 7, 2].

2- according to <http://domongol.org/>; 3- <http://arc.violity.com/>; 4-6.10.13.15-18- <http://forum.violity.com/>; 7.19- <http://auction.violity.com/>; 8- <http://swordmaster.org/>; 9- <http://oldstory.info/>; 14- <https://reibert.info/>; 1.20- the scale of the original source has been changed.

zute pe ambele suprafețe cu câte două linii subțiri, slab adâncite, longitudinale (Fig. 4,1,2). De asemenea, prima piesă mai este prevăzută pe ambele suprafețe cu câte o linie adâncită orizontală în partea superioară a tocului, la baza lamei, și cu alta puțin mai jos, iar marginile laterale ale lamelor în partea inferioară sunt zimțate.

Dimensiunile tocului următorului tip de vârfuri de lance sunt aproximativ similare cu cele ale tipului precedent Dremailovka. Acestea variază în cazul tipului Krasnyi Maiak de la cca 2 cm până la cca 5 cm. Cât privește lama, aceasta are formă romboidală în prima jumătate, superioară, iar în a doua, inferioară, „aripioarele” acesteia continuă pe părțile laterale, cu unele excepții (Fig. 5,5-6), predominant paralel tijei până la contactul cu tocul. Această caracteristică reprezintă indiciul definitoriu al tipului Krasnyi Maiak (Fig. 4,5-20; 5,1-29). Și alți indici dimensionali ai acestui tip sunt similari cu indicii corespunzători ai tipului precedent. Lungimea vârfurilor de lance ale tipului Krasnyi Maiak variază de la cca 11 cm până la cca 24 cm, lț. maximă a lamei de la cca 1,9 până la cca 4 cm și diametrul tocului de la cca 1,8 cm până la cca 2,9 cm.

Delimitarea variantelor I-III ale acestui tip a avut la bază aceiași indicii, ca și în cazul evidențierii aceluiași variante ale tuturor tipurilor anterioare, cu precizarea că în cazul variantei I, tija și partea superioară a tocului, pe ambele suprafețe, sunt prevăzute cu câte trei nervuri longitudinale, despărțite de două caneluri mai mult sau mai puțin evidențiate și au secțiune hexagonală, iar partea inferioară a tocului secțiune circulară (Fig. 4,5). Pieseile variantei II au deja muchii pe ambele suprafețe și secțiune hexagonală (Fig. 4,6-14), iar a variantei III, respectiv, circulară (Fig. 4,15-20; 5,1-29), a tijei lamei și/sau a tocului.

Spre deosebire de piesele primelor două tipuri ale entității analizate, la care orificiile laterale pentru nituri sunt amplasate în toate cazurile la baza lamei, la piesele ultimilor două tipuri acestea nu mai prezintă o astfel de amplasare, ci se întâlnesc începând de la baza lamei până aproape de marginea tocului.

Dintre toate variantele entității analizate, cel mai bine reprezentată de descoperiri din complexe, este varianta III a tipului Krasnyi Maiak. Valvele formelor de turnare cu negativele a două vârfuri de lance aparținând acestei variante (Fig. 4,15a,b), include complexul de forme de turnare Krasnyi Maiak, atribuit etapei târzii a culturii Sabatinovka

[Bočkarev, Leskov 1980, 15-16, Taf. 4.45; 5,44c].

În afară de aceasta, vârfuri de lance ale acestei variante fac parte din componența a două depozite de bronzuri din spațiul carpato-nistrean, de la Lozova (Fig. 4,16), atribuit orizontului Noua-Sabatinovka [Dergačev 2002, 33.37, Taf. 35,18], și de la Oțeleni (Fig. 4,17), datat în sec. XIII-XII a.Chr. și pus în legătură cu complexul cultural Noua-Sabatinovka [Lazanu, Ursache 2013, 178,183, Pl. 8].

Alte două astfel de vârfuri de lance au fost descoperite în Transilvania, România: unul intră în componența depozitului I de la Domănești (Fig. 4,19), celălalt (Fig. 4,18), ar proveni de asemenea dintr-un depozit [Bader 2015, 25,27, Abb. 1,2,3]. Primul depozit este datat în BzD, cel de-al doilea în HaA1 [Petrescu-Dîmbovița 1977, 43,90, Pl. 43,2; 134,4].

Încă un vârf de lance similar include un depozit de bronzuri din Ucraina (Fig. 4,20; Fig. 5,A7), locul descoperirii fiind necunoscut, care înglobează bronzuri caracteristice perioadei târzii a culturii Sabatinovka (Fig. 5,A1-12).

Un interval cronologic aproximativ asemănător, cu cel al variantei precedente, indică descoperirile din complexe ale variantei III a tipului Dremailovka. Forma de turnare cu negativul unui astfel de vârf de lance, provenind din așezarea culturii Noua de la Ostrovets, din bazinul Nistrului Superior (Fig. 3,7), a fost sincronizat cu perioada culturii Sabatinovka [Bočkarev, Leskov 1980, 17-18, Taf. 7,56]. Într-o lucrare recentă, depozitul de forme de turnare din această așezare este atribuit etapei Noua I [Bochkarev 2012, 202]. În susținerea ultimei datări ar veni și faptul, că dintre toate descoperirile atribuite tipului Dremailovka, negativul vârfului de lance al formei de turnare a acestui depozit, prezintă cele mai multe similitudini cu vârful de lance din raionul Volodarsk, regiunea Kiev (Fig. 3,6), care însă, aparține variantei II a acestui tip, ce are secțiune hexagonală a tijei lamei și a tocului.

Etapei evolute a culturii Sabatinovka este atribuită așezarea de la Novokievka din regiunea Khereson, în cadrul căreia au fost descoperite două forme de turnare cu negativele vârfurilor de lance aparținând acestei variante (Fig. 3,8a,b) [Gershkovich, Klochko, Evdokimov 1987, 143-144,156, Ris. 1,1-3; 2,1; 2,2; 3,1-3]. Depozitul de la Dremailovka ce include un vârf de lance al variantei III a acestui tip, a fost atribuit într-un caz culturii Sabatinovka [Leskov 1981, 16. Taf. 4,E1], în cel de-al doilea focarului Kar-

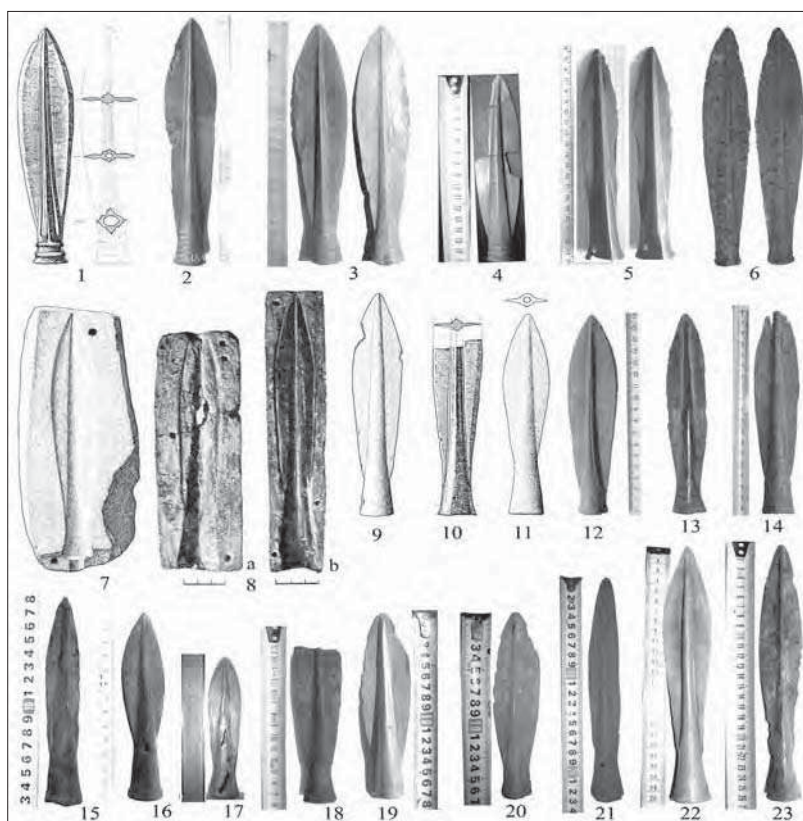

Fig. 3. Vârful de lance cu tocul scurt, tipul Dremailovka

Varianta I. 1- colecția Kunderevich, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 5,1].

Varianta II. 2- reg. Kirovograd, Ucraina; 3- locul descoperirii necunoscut I, Ucraina; 4- probabil, reg. Kirovograd, Ucraina; 5- reg. Cernăuți, Ucraina; 6- r-nul Volodarsk, reg. Kiev, Ucraina.

Varianta III. 7- Ostrovets, reg. Ivano-Frankovsk, Ucraina [Bočkarev, Leskov 1980, 17-18. Taf. 7,56]; 8-Novokievka, reg. Kherson, Ucraina [Gershkovich, Kločko, Evdokimov 1987, 143-144.156. Ris. 1,1-3; 2,1; 2,2; 3,1-3]; 9- Dremailovka, reg. Kherson, Ucraina [Leskov 1981, 16. Taf. 4,E1]; 10- Shabel'niki, reg. Cherkassy, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 7,1]; 11- Stuhuleț, jud. Vaslui, România [Dergačev 2002, 203. Taf. 70,A432]; 12- reg. Sumy, Ucraina; 13.14.17.18.23- locul descoperirii necunoscut I-V; Ucraina; 15- probabil, reg. Khar'kov, Ucraina; 16- probabil, r-nul Briceni, R. Moldova; 19- or. Kiev, Ucraina; 20- la frontiera dintre reg. Kiev și reg. Cherkassy, Ucraina; 21- probabil, reg. Zaporozh'e, Ucraina; 22- reg. Cherkassy, Ucraina.

2- după <http://arkaim.co/>; 3.13-14.18.23- <http://arc.violity.com/>; 4.6.20- <https://reibert.info/>; 5.12.17.21- <http://forum.violity.com/>; 15- <http://www.sobiratel.org/>; 16- <http://oldstory.info/>; 19- <http://olx.ua/>; 22- <http://auction.violity.com/>; 1.7.9-11- scara sursei inițiale a fost modificată.

Fig. 3. Spearheads with short sheath, Dremailovka type

Variant I. 1- Kunderevich collection, Ukraine [Kločko 1995 94. Abb. 5,1].

Variant II. 2- Kirovograd region, Ukraine; 3- unknown place of discovery I, Ukraine; 4- probably Kirovograd region, Ukraine; 5- Chernivtsi region, Ukraine; 6- Volodarsk rayon, Kiev region, Ukraine.

Variant III. 7- Ostrovets, Ivano-Frankovsk region, Ukraine [Bočkarev, Leskov, 1980, 17-18. Taf. 7, 56]; 8- Novokievka, Kherson region, Ukraine [Gershkovich, Kločko, Evdokimov 1987, 143-144. 156. Ris. 1.1 to 3; 2.1; 2.2; 3.1 to 3]; 9- Dremailovka, Kherson region, Ukraine [Leskov 1981 16. Taf. 4 E1]; 10- Shabel'niki, Cherkassy region, Ukraine [Kločko 1995 94. Abb. 7.1]; 11- Stuhuleț, Vaslui county, Romania [Dergačev 2002 203. Taf. 70, A432]; 12- Sumy region, Ukraine; 13.14.17.18.23- unknown place of discovery I-V; Ukraine; 15- probably Khar'kov region, Ukraine; 16- probably Briceni district, Moldova; 19- Kiev, Ukraine; 20- the border between Kiev and Cherkassy regions, Ukraine; 21- probably Zaporozhe region, Ukraine; 22- Cherkassy region, Ukraine. 2- according to <http://arkaim.co/>; 3.13-14.18.23- <http://arc.violity.com/>; 04/06/20-<https://reibert.info/>; 5.12.17.21- <http://forum.violity.com/>; 15- <http://www.sobiratel.org/>; 16- <http://oldstory.info/>; 19- <http://olx.ua/>; 22- <http://auction.violity.com/>; 1.7.9-11- the scale of the original source has been changed.

dashinka-Novoaaleksandrovka din etapa timpurie a culturii Belozerka [Bochkarev 2010, 146].

Însă, este evident faptul, că atât cazul negativului vârfului de lance de la Ostrovets și îndeo-

sebi al vârfului de lance din depozitul de la Dremailovka, reprezintă excepții, iar intervalul crono-logic de bază al răspândirii variantei III a tipului Dremailovka corespunde perioadelor târzii ale

culturilor Sabatinovka și Noua sau Sabatinovka II și Noua II. Confirmare în acest sens reprezintă vârfurile de lance ale variantei IV a tipului Dremailovka (Fig. 4,1-4).

Depozitul de bronzuri descoperit recent (Fig. 4,A1-8), probabil¹ în regiunea Kiev a Ucrainei, ce conține un vârf de lance aparținând acestei variante (Fig. 4,1; 4,A1), a determinat atât delimitarea acesteia, cât și a înlesnit datarea ei. Acesta include, pe lângă vârful de lance, încă șapte piese: un topor-celt cu o tortiță și lama ruptă (Fig. 4,A1), patru așa numite ferestraie sau lame de cuțit, dintre care una este ruptă în trei părți (Fig. 4,A2-5) și două ace cu câte trei protuberanțe în partea superioară a corpului (Fig. 4,A7-8). Conform datelor indicate de descoperitor, lg. toporului-celt fragmentar constituie cca 8,5 cm, a ferestraiilor sau lamelor de cuțit – cca 7,5 cm, 9 cm, 11 cm și 11,5 cm, a acelor – cca 11,5 cm și 20 cm.

Din punct de vedere tipologic, toporul-celt cu o tortiță și cu fațetele arcoidale se deosebește de topoarele-celt similare, specifice focarelor Krasnyi Maiak și Râșești din perioadele târzii ale culturilor Sabatinovka și Noua, prin amplasarea tortiței mai jos de marginea gurii. Conform acestui indiciu, acest topor-celt prezintă similitudini cu topoarele-celt ale focarului Kardashinka-Novoaleksandrovka din etapa timpurie a culturii Belozerka.

Piese similare așa numitelor ferestraie sau lame de cuțit ale acestui depozit, au fost descoperite în așezările culturii Chișinău-Corlăteni din spațiul carpato-nistrean, date în baza analogiilor din regiunea carpato-dunăreană în HaA și HaB [Smirnova 1985, 47, Ris. 1,13,14; Levițki 1994, 126-127, Fig. 58,15-20,22].

Acele cu protuberanțe sunt considerate caracteristice culturii Noua și seriilor de depozite din bazinul carpatic date în BzD-HaA1. Însă, acele cu protuberanțe ale depozitului în discuție, nu aparțin variantelor caracteristice acestora din urmă [Hochstetter 1981, Abb. 2-5]. Conform formei gămliei, cât și celor trei protuberanțe din partea superioară a corpului, acestea prezintă similitudini cu două ace similare ornamentate din tumului 16 al necropolei de la Hordeevka din bazinul Nistrului Mijlociu [Berezanskaja, Kločko 1998, 11, Taf. 27,1,2].

Vârfuri de lance similare piesei acestui depozit, intră în componența unor depozite de pe teritoriul Serbiei [Garashanin 1975, 94,96, T. LXXX,4], Croației [Vinski-Gasparini 1973, 97,183, T. 67,13], Ungariei [Mozsolics 1985, 102,104,199, Taf. 36,2; 117,10] și a unui monument funerar de pe teritoriul Germaniei [Jacob-Friesen 1967, 245,357, Taf. 129,2], date preponderent în BzD-HaA1.

Relevant este și faptul, că indiciul definitoriu al vârfului de lance din cadrul acestui depozit, cât și al altor piese atribuite variantei IV a tipului Dremailovka, și anume forma părților superioare și mijlocii ale ambelor suprafețe ale tijei lamei, care are secțiune dreptunghiulară, nu este întâmplătoare. Deoarece, formă similară are și nervura mediană a unor pumnale cu lamele paralele ale culturii Belozerka [Klochko 2006, 242, Ris. 100,14; Dergačev 2002, Taf. 51,J1; 52,K,L; 70,A429]. Totodată, la un alt tip de vârfuri de lance din nordul Mării Negre, având lama foliiformă cu lățimea maximă în partea inferioară, deja toată lungimea tijei lamei are secțiune dreptunghiulară. O astfel de tijă a lamei are spre exemplu negativul vârfului de lance al formei de turnare a complexului Zavadovka, ce aparține perioadei târzii a culturii Belozerka [Bočkarov, Leskov 1980, 23, Taf. 10,85], de asemenea și alte vârfuri de lance descoperite izolat în nordul Mării Negre [Kločko 1995, Abb. 20,3; 21,4; Kločko, Kozymenko 2011, 79, Ill. 122; 123]. Sunt documentate în această regiune de asemenea și vârfuri de lance la care nu numai tija lamei are secțiune dreptunghiulară, dar și tocul [Klochko 2006, 206, Foto 17]. Vârfuri de lance similare, având lama foliiformă cu lățimea maximă în partea inferioară, la care tija lamei, sau și tocul, au secțiune dreptunghiulară, sunt caracteristice culturilor hallstattiene timpurii din spațiul carpato-nistrean [Levițki 2003, fig. 11,15; Dergačev 2002, Taf. 51,B,K; 71,A433] și din bazinul Dunării de Mijloc [Garashanin 1975, 94,96, T. LXXX,10]. În acest caz, forma tijei lamei, cât și a tocului, având secțiunea dreptunghiulară, a unor grupe de vârfuri de lance din nordul Mării Negre, probabil reflectă rezultatul influențelor hallstattiene timpurii.

Astfel, atât componența depozitului discutat, cât și similitudinile tipologice ale indiciului definitoriu al vârfurilor de lance ale variantei IV a tipului Dremailovka cu pumnalele cu lamele paralele ale culturii Belozerka și cu tipul menționat de vârfuri de lance din nordul Mării Negre, de asemenea și cu vârfurile de lance similare hallstattiene timpurii,

1. În acest caz, cât și în cele similare, când se operează cu această formulă, determinarea regiunii s-a bazat pe alte plasmări ale aceluiași autor din sursele virtuale, în care sunt indicate regiunea descoperirii.

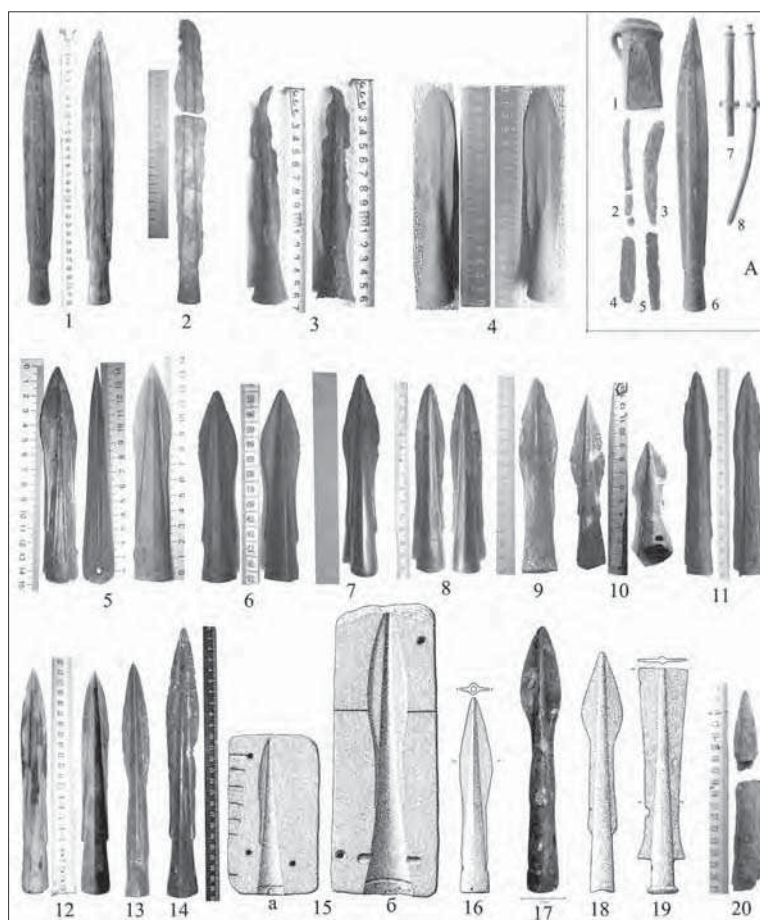

Fig. 4. 1-4- Vârfuluri de lance cu tocul scurt, tipul Dremailovka. Varianta IV. 1- probabil, reg. Kiev, Ucraina; 2- probabil, reg. Vinnitsa, Ucraina; 3- frontiera dintre reg. Cherkassy și reg. Kirovograd, Ucraina; 4- probabil, reg. Dnepropetrovsk, Ucraina. A1-8- depozit, probabil, reg. Kiev, Ucraina.

5-17- Vârfuluri de lance cu tocul scurt, tipul Krasnyi Maiak. Varianta I. 5- reg. Poltava, Ucraina.

Varianta II. 6- lacul de acumulare Kremenchug, reg. Cherkassy, probabil, malul stâng al r. Nipru, Ucraina; 7- probabil, reg. Khar'kov, Ucraina; 8- probabil, reg. Chernigov, Ucraina; 9- probabil, reg. Sumy, Ucraina; 10- probabil, reg. Cherkassy, Ucraina; 11- reg. Vinnitsa, Ucraina; 12- reg. Sumy, Ucraina; 13- locul descoperirii necunoscut I, Ucraina [Klochko, Kozymenko 2011, 49. Ill. 64]; 14- locul descoperirii necunoscut II, Ucraina.

Varianta III. 15- Maiaki, reg. Odessa, Ucraina (Krasnyi Maiak) [Bočkarev, Leskov 1980, 15-16. Taf. 4.45; 5,44c]; 16- Lozova, R. Moldova [Dergačev 2002, 33.37. Taf. 35.18]; 17- Oțeleni, jud. Vaslui, România [Lazanu, Ursache 2013, 178.183. Pl. 8]; 18- Crasna, jud. Sălaj, România [Bader 2015, 25. Abb. 1,2]; 19- Domănești I, jud. Satu Mare, România [Bader 2015, 25.27. Abb. 1,3]; 20- locul descoperirii necunoscut I, Ucraina.

1.6.11- după <http://auction.violity.com/>; 2-4.7-10.12- <http://forum.violity.com/>; 5- <http://www.sobiratel.org/>; 14.20- <http://arc.violity.com/>; 15.16.18.19- scara sursei inițiale a fost modificată.

Fig. 4. 1-4- Spearheads with short sheath of Dremailovka type. Variant IV. 1- probably Kiev region, Ukraine; 2- probably Vinnitsa region, Ukraine; 3- border between Cherkassy and Kirovograd regions, Ukraine; 4- probably. Dnepropetrovsk region, Ukraine. A1-8- deposit probably Kiev region, Ukraine.

5-17- Spearheads with short sheath of Krasnyj Mayak type. Variant I. 5- Poltava region, Ukraine.

Variant II. 6- Kremenchug accumulation lake, Cherkassy region, probably left bank of the Dnieper, Ukraine; 7- probably Khar'kov region, Ukraine; 8- probably Chernigov region, Ukraine; 9- probably Sumy region, Ukraine; 10- probably Cherkassy region, Ukraine; 11- Vinnitsa region, Ukraine; 12- Sumy region, Ukraine; 13- unknown place of discovery I, Ukraine [Klochko, Kozymenko 2011, 49. Ill. 64]; 14- unknown place of discovery II, Ukraine.

Variant III. 15- Mayaki, Odessa region, Ukraine (Krasnyi Mayak) [Bočkarev, Leskov, 1980, 15-16. Taf. 4.45; 5,44c]; 16- Lozova, Moldova [Dergačev 2002, 33.37. Taf. 35.18] 17- Oteleni, Vaslui county, Romania [Lazanu, Ursache 2013, 178. 183. Pl. 8]; 18- Krasna, Salaj county, Romania [Bader 2015, 25. Abb. 1, 2]; 19- Domănești I, Satu Mare county, Romania [Bader 2015, 25.27. Abb. 1, 3]; 20- unknown place of discovery I, Ukraine.

1.6.11- according to <http://auction.violity.com/>; 2-4.7-10.12- <http://forum.violity.com/>; 5- <http://www.sobiratel.org/>; 14.20- <http://arc.violity.com/>; 15.16.18.19- the scale of the original source has been changed.

indică legătura acestei variante de vârfuri de lance cu perioada timpurie a culturii Belozerka.

Unica descoperire din complex a variantei III a tipului Obukhovka, constituie valva cu negativul unui vârf de lance cu lama foliiformă și cu nervură pe marginea tocului scurt, având locul probabil de descoperire în regiunea Dnepropetrovsk (Fig. 1,15), atribuită culturii Sabatinovka [Krivtsova-Grakova 1955, 144, Ris. 34,30; Bočkarev, Leskov 1980, 13, Taf. 3,38b].

Dintre toate variantele II ale entității analizate, numai varianta II a tipului Marinovka este reprezentată de o descoperire din complex cunoscută în literatura de specialitate (Fig. 2,11). Ja.P. Gershkovichi atribuie complexul de forme de turnare Dneprovo-Kamenka așa numitului focar Ingul-Krasnyi Maiak, și-l datează în BzD-HaA1, subliniind în același timp faptul, că în acest interval s-ar afla numai, eventual, cea mai târzie dată a acestuia [Gershkovich 2005-2009, 587-588].

O interpretare diferită acestui complex îi acordă V.A. Dergachev, atribuindu-l grupei de complexe Dneprovo-Kamenka – Malye Kopani [Dergachev 2011, 249], care reflectă formarea setului de piese și tipuri propriu-zise caracteristice etapei timpurii a culturii Sabatinovka, care ulterior vor fi definitorii pentru focarele Krasnyi Maiak și Râșești din perioadele târzii ale culturilor Sabatinovka și Noua.

Valva fragmentară a complexului Dneprovo-Kamenka, cu negativul părții de jos a unei seceri având canalul de turnare dinspre partea inferioară a mânerului, considerată a fi prevăzută pentru turnarea secerilor cu ciotul de la turnare neîndepărtat, de la Dunărea de Jos [Gershkovich 2005-2009, 587-588, Ris. 4,1; 8,7], era mai degrabă prevăzută pentru turnarea unuia dintre tipurile locale ale seriei volgo-uralice de seceri ale focarului Loboikovka-Golourov. Eventualitate mai mare a ultimei supoziții este susținută și de negativele acului cu placa rombică și a unui pumnal ale acestui complex [Gershkovich 2005-2009, 581,583, Ris. 5,2; 7,1; 8,4,11], care sunt indicatori ai perioadei timpurii a culturii Sabatinovka [Dergachev 2011, 228; Bochkarev 2012, 202].

De menționat de asemenea și faptul, că în calitate de analogii pentru negativul vârfului de lance al complexului în discuție, sunt aduse negativele vârfurilor de lance ale orizontului (timpuriu) al complexului de forme de turnare din așezarea de la Novokievka [Gershkovich 2005-2009, 587]. Însă, spre deosebire de acesta din urmă, care mai de-

grabă indică trecerea de la etapa timpurie la etapa târzie a culturii Sabatinovka, complexul de la Dneprovo-Kamenka reflectă trecerea de la substratul Loboikovka-Golourov al prelucrării metalelor din etapa timpurie a culturii Sabatinovka la setul de piese și tipuri propriu-zise ale culturii Sabatinovka din etapa timpurie, sau altfel spus, la a doua fază a etapei timpurii a culturii Sabatinovka sau Sabatinovka I.

Grupei de complexe Dneprovo-Kamenka-Malye Kopani [Dergachev 2011, 249], aparține și un depozit inedit de bronzuri, descoperit probabil în regiunea Cherkassy din Ucraina. Acesta include, pe lângă vârful de lance cu lama foliiformă (lg., cca 13 cm, lg. tocului, cca 1 cm) și cu secțiunea hexagonală a tijei și a tocului, aparținând variantei II a tipului Obukhovka, încă două seceri cu cârlig obținut prin batere. Important este în acest caz faptul, că una dintre aceste două seceri reprezintă acel tip mixt sau de tranziție, care deja nemijlocit documentează valabilitatea versiunii cu privire la aceea, că prototipul secerilor cu cârlig obținut la turnare al seriei subcarpatice-transilvănene este reprezentat de către secerile cu cârlig obținute prin batere ale seriei volgo-uralice [Dergachev, Bochkarev 2002, 236-237], întemeiată la acea vreme numai în baza datelor tipologico-cronologice și cultural-arheologice².

Astfel, dacă se ia în considerație faptul, că complexul Dneprovo-Kamenka și cel descoperit probabil în regiunea Cherkassy, ce includ negativul unui vârf de lance a variantei II a tipului Marinovka și respectiv un vârf de lance a variantei II a tipului Obukhovka, reprezintă complexe de tranziție de la substratul Loboikovka-Golourov din etapa timpurie a culturii Sabatinovka la setul de tipuri propriu-zise ale culturii Sabatinovka din etapa timpurie, atunci, această calitate poate fi extinsă și asupra respectivelor variante de vârfuri de lance. Iar, drept urmare a lipsei descoperirilor din complexe ale variantelor II ale tipurilor Dremailovka și Krasnyi Maiak, în baza indiciului definitoriu al variantelor II ale tuturor tipurilor, calitatea menționată poate fi extrapolată și asupra variantelor II ale acestor din urmă tipuri.

Dovezi suplimentare în susținerea faptului, că variantele II ale tuturor tipurilor entității analizate sunt de tranziție către variantele III ale tuturor tipurilor, reprezintă prezența unor indicii caracteristice

2. Exprim și pe această cale sincere mulțumiri dr.hab. V.A. Dergachev pentru consultările și sfaturile primite în timpul elaborării articolului.

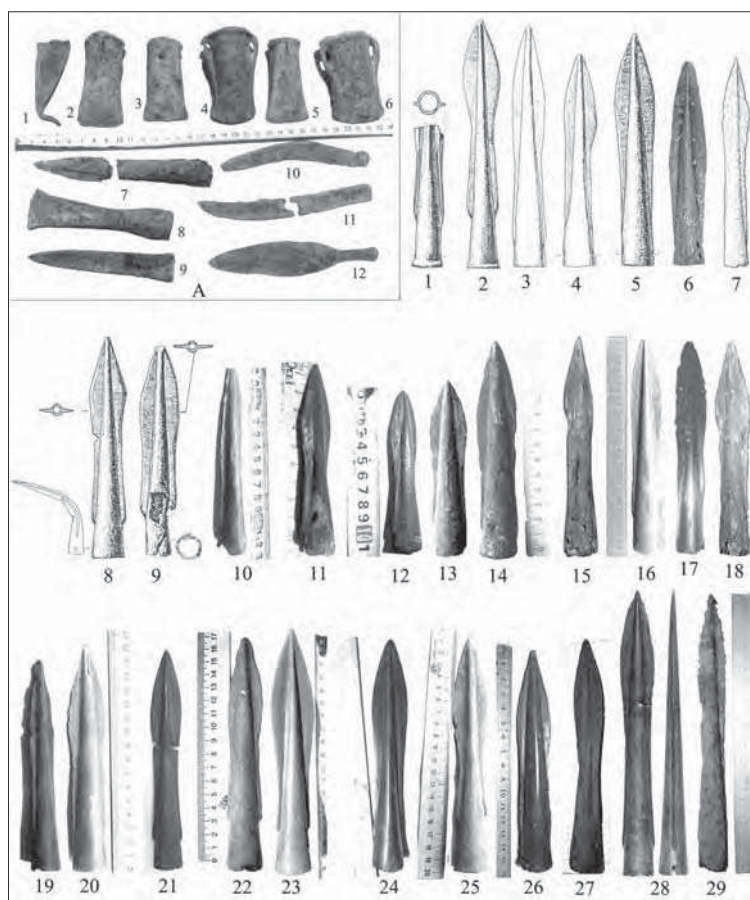

Fig. 5. A1-12- depozit, locul descoperirii necunoscut, Ucraina. Vârfuluri de lance cu tocul scurt, tipul Krasnyi Maiak. Varianta III. 1- Prokhorovka, reg. Cherkassy, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 9,8]; 2- Insula Igren' (r. Nipru) [Kločko 1995, 94. Abb. 9,2]; 3- Selishche, reg. Cherkassy, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 9,3]; 4- Romankovo, reg. Dnepropetrovsk, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 9,4]; 5- Grishintsy, reg. Cherkassy, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 8,1]; 6- reg. Cherkassy I, Ucraina [Kločko, Kozymenko 2011, 49. Ill. 63]; 7- Bârlad, România [Bader 2015, 25. Abb. 1,1]; 8- Razdol'noe pe râul Kal'mius, reg. Donetsk, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 9,6]; 9- colecția Kunderevich, Ucraina [Kločko 1995, 94. Abb. 9,7]; 10- probabil, reg. Kiev, Ucraina; 11- reg. Khar'kov, Ucraina; 12.14.16- probabil, reg. Khar'kov I-III, Ucraina; 13.15.20.22- locul descoperirii necunoscut I-IV, Ucraina; 17- R. Moldova; 18- nordul Mării Negre, Ucraina; 19- reg. Cherkassy II, Ucraina; 21- probabil, reg. Cherkassy, Ucraina; 23- sudul reg. Voronezh, FR; 24- reg. Belgorod, FR; 25- centrul reg. Chernigov, Ucraina; 26- partea centrală a Ucrainei; 27- reg. Chernigov, Ucraina; 28- r-nul Belogorsk, Crimeea; 29- reg. Poltava, Ucraina.

A1-12.15.18.20.22.27.29- după <http://arc.violity.com/>; 10-12.16-17.19.21.25- <http://forum.violity.com/>; 13.26- <http://auction.violity.com/>; 14- <http://www.sobiratel.org/>; 23- <http://domongol.org/>; 24- <http://www.reviewdetector.ru/>; 1-9- scara sursei inițiale a fost modificată.

Fig. 5. A1-12- deposit, unknown place of discovery, Ukraine. Spearheads with short sheath of Krasnyj Mayak type. Variant III. 1- Prokhorovka, Cherkassy region, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 9,8]; 2- Igren' Island (Dnieper river) [Kločko 1995, 94. Abb. 9, 2]; 3- Selishche, Cherkassy region, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 9, 3]; 4- Romankovo, Dnepropetrovsk region, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 9. 4]; 5- Grishintsy, Cherkassy region, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 8, 1]; 6- Cherkassy region I, Ukraine [Kločko, Kozymenko 2011, 49. Ill. 63]; 7- Barlad, Romania [Bader 2015, 25. Abb. 1, 1]; 8- Razdol'noe on Kal'mius River, Donetsk region, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 9, 6]; 9- Kunderevich collection, Ukraine [Kločko 1995, 94. Abb. 9, 7]; 10- probably Kiev region, Ukraine; 11- Khar'kov region, Ukraine; 12.14.16- probably Khar'kov region I- III, Ukraine; 13.15.20.22- unknown place of discovery I-IV, Ukraine; 17- Moldova; 18- northern Black Sea, Ukraine; 19- Cherkassy region II, Ukraine; 21- probably Cherkassy region, Ukraine; 23- southern Voronezh region, FR; 24- Belgorod region, FR; 25- centre of Chernigov region, Ukraine; 26- central part of Ukraine; 27- Chernigov region, Ukraine; 28- Belogorsk rayon, Crimea; 29- Poltava region, Ukraine.

A1-12.15.18.20.22.27.29- according to <http://arc.violity.com/>; 10-12.16-17.19.21.25- <http://forum.violity.com/>; 13.26- <http://auction.violity.com/>; 14- <http://www.sobiratel.org/>; 23- <http://domongol.org/>; 24- <http://www.reviewdetector.ru/>; 1-9- the scale of the original source has been changed.

primelor și în cazul pieselor ultimelor variante (Рис. 3,10,12,13,15,16; 4,16,17; 5,1). De asemenea, o confirmare indirectă în acest sens, constituie răspândirea, cu unele excepții, mai compactă a descoperirilor variantelor II ale tuturor tipurilor cu epicentrul în bazinul Niprului Mijlociu (Harta 1), în comparație cu răspândirea vârfurilor de lance ale tuturor variantelor III, care se întâlnesc atât în acest epicentru, cât și în tot arealul culturilor Sabatinovka și Noua, unele chiar depășindu-l (Harta 2).

Este relevant și faptul, că indiciul definitoriu al variantelor II ale entității analizate – trei muchii longitudinale pe ambele suprafețe ale tijei lamei sau și a tocului, și respectiv, secțiunea hexagonală a acestora, se întâlnește și la un alt tip de vârfuri de lance din nordul Mării Negre [Klochko, Kozymenko 2011, 40, Ill. 45]. Conform proporțiilor și formei sale, acest vârf de lance poate fi considerat, similar cazului variantelor II ale entității analizate, drept variantă posterioară a tipului de vârfuri de lance Odăile Podari [Dergachev 2011, 235, Ris. 149,1-4] sau de tip Netishin [Bochkarev 2012, 205, Ris. 4,16], utilat cu nervuri longitudinale trifurcate pe ambele suprafețe ale tocului. Astfel, prezența indicelui în discuție și la un alt tip de vârfuri de lance, constituie o confirmare suplimentară a faptului, că atât delimitarea variantelor II ale entității analizate, cât și semnificația suplimentară atribuită acestora, sunt fondate și nu poartă un caracter deliberat.

Dintre toate variantele I, relativ mai bine reprezentate cantitativ, sunt vârfurile de lance ale tipului Marinovka (Fig. 2,1-10). O situație diferită este constatată în cazurile variantelor I ale tipurilor Obukhovka (Fig. 1,1), Dremailovka (Fig. 3,1) și Krasnyi Maiak (Fig. 4,5).

Cât privește descoperirile din complexe, acestea lipsesc în cazul tuturor variantelor I ale entității analizate. Însă, în același timp, valva formei de turnare de la Marinovka (Fig. 2,1)³, pe partea opusă, include negativul unui pumnal cu pedunculul scurt al mânerului, gardă simplă arcoidală, lamă îngustată mai jos de gardă, cu lățimea maximă mai jos de partea de mijloc și cu o singură nervură mediană [Bočkarev, Leskov 1980, 26, Taf. 12,97a,b]. Unitar, o astfel de combinație a indiciilor, cu dimensiuni mai mici, se întâlnește doar la negativul pumnalului complexului de forme de turnare Malye Kopani

[Bočkarev, Leskov 1980, 14, Taf. 4,39b], considerat cel mai caracteristic complex ce reflectă activitatea de prelucrare a metalelor din perioada timpurie a culturii Sabatinovka [Dergachev 2011, 249; Bochkarev 2012, 205].

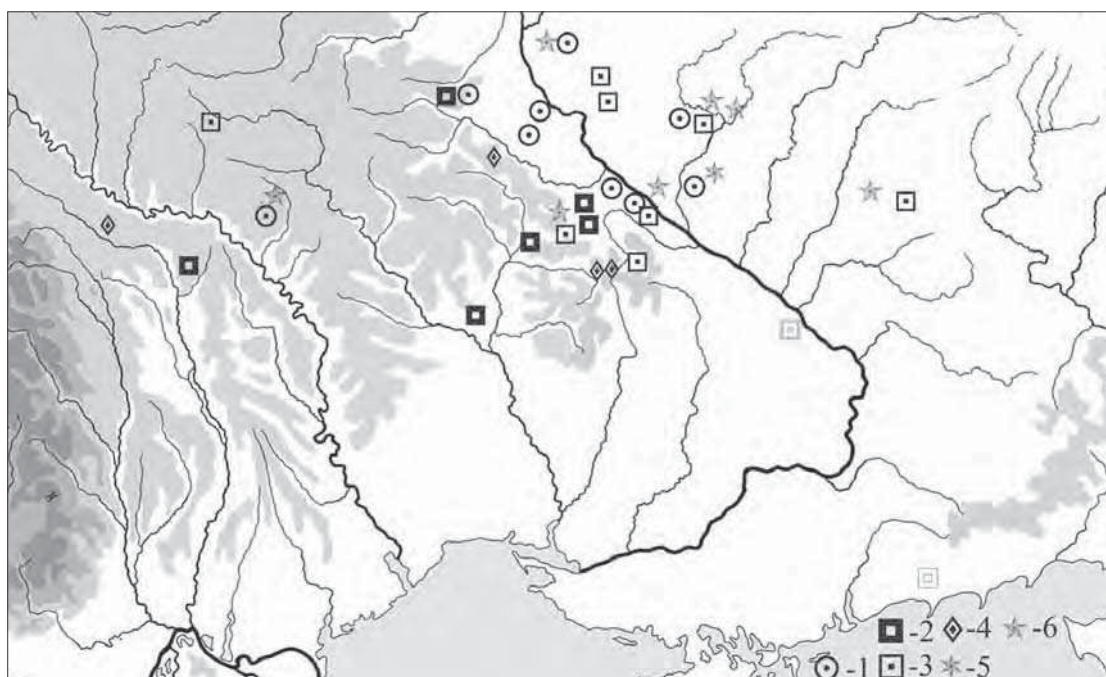
În ceea ce privește cele trei nervuri longitudinale, delimitate de două caneluri mai mult sau mai puțin evidențiate, ale tijei lamei negativului vârfului de lance de la Marinovka (Fig. 2,1), a fost indicată posibila legătură a acestui indiciu cu unul din elementele definitorii ale tipului Turbino de vârfuri de lance, și anume cu nervurile longitudinale trifurcate ale tijei lamei [Bočkarev, Leskov 1980, 61].

În calitate de derivat posterior al acestui indiciu definitoriu al tijei lamei vârfurilor de lance de tip Turbino, este considerată și utilizarea cu nervuri longitudinale trifurcate a ambelor suprafețe ale tocului vârfurilor de lance de tip Odăile Podari și de tip Keliberda [Dergachev 2011, 235, Ris. 149] sau de tip Netishin [Bochkarev 2012, 205, Ris. 4,16], datate în perioada pre Sabatinovka sau Sabatinovka timpurie. De asemenea, drept continuare a evoluției vârfurilor de lance de tip Turbino, cu tija lamei prevăzută cu nervuri longitudinale trifurcate, sunt considerate vârfurile de lance de tip Samus', care au tija lamei pe ambele suprafețe prevăzute cu așa numitele pseudo-nervuri longitudinale trifurcate și cele cu trei nervuri longitudinale, atribuite orizontului cronologic post-Seima din zona de taiga a Siberiei de Vest [Chernykh, Kuz'minykh 1989, 157, Ris. 81,1-8; 82,1-6].

Astfel, utilizarea tijei lamei cu trei nervuri longitudinale a variantelor I ale tuturor tipurilor, cât și utilizarea cu nervuri longitudinale trifurcate a ambelor suprafețe ale tocului vârfurilor de lance de tip Odăile Podari sau de tip Netishin și de tip Keliberda, reprezintă două variații ale aceleiași tradiții, ce își trage probabil originea de la utilizarea tijei lamei cu nervuri longitudinale trifurcate a tipului de vârfuri de lance Turbino.

Apariția acestor două variații ale aceleiași tradiții, a fost determinată probabil de lungimea diferită a tocului acestor două grupe de vârfuri de lance. Lungimea tocului vârfurilor de lance ale tipului Odăile Podari sau ale tipului Netishin și ale tipului Keliberda, permitea utilizarea cu nervuri longitudinale trifurcate a ambelor suprafețe ale tocului, în timp ce la vârfurile de lance ale tuturor variantelor I ale entității analizate, din cauza lungimii reduse a acestuia, s-a recurs probabil la utilizarea tijei lamei.

3. Exprim și pe această cale sincere mulțumiri d-nei V.A. Papanova și d-lui S.M. Agulnikov pentru ajutorul acordat în obținerea fotografiilor valvei tiparului.

Harta. 1. Răspândirea vârfurilor de lance cu tocul scurt din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre

Semne convenționale: 1- varianta II, tipul Obukhovka; 2- varianta I, tipul Marinovka; 3- varianta II, tipul Marinovka; 4- varianta II, tipul Dremailovka; 5- varianta I, tipul Krasnyi Maiak; 6- varianta II, tipul Krasnyi Maiak; semn gol- formă de turnat; semigol- descoperire izolată.

Map. 1. Spread of spearheads with short sheath of the Late Bronze Age in the northern Black Sea region

Conventional signs: 1- variant II, Obukhovka type; 2- variant I, Marinovka type; 3- variant II, Marinovka type; 4- variant II, Dremailovka type; 5- variant I, Krasnyj Mayak type; 6- variant II, Krasnyj Mayak type; bare sign- casting form; semi-bare- isolated finds.

Utilarea cu nervuri longitudinale trifurcate a tijei lamei vârfurilor de lance ale tipului Turbino, a avut la bază cel mai probabil considerente utilitare, determinate de necesitatea întăririi rezistenței acestora la joncțiunea tocului și a lamei, din cauza adâncimii insuficiente a tocului. În schimb la vârfurile de lance ale tipului Odăile Podari sau ale tipului Netishin și ale tipului Keliberda, de asemenea și la variantele I ale tuturor tipurilor, adâncimea tocului este suficientă. În afară de aceasta, diametrul tocului variantelor I ale tuturor tipurilor este substanțial și variază înre aproximativ 2 și 2,5 cm⁴, cât și mărirea lungimii lamei în raport cu cea a tocului [Krivtsova-Grakova 1955, 144] sau înglobarea tocului în lamă [Rumiantsev 1974, 13], de asemenea întăreau rezistența de ansamblu a acestora.

În această situație, necesitatea unei măriri

suplimentare a rezistenței, prin utilizarea tijei lamei cu trei nervuri longitudinale, nu s-ar impune și se prezintă a fi de prisos. Dacă luăm în considerare toate acestea, respectivul indiciu, reprezintă mai degrabă un element rudimentar, reprodus din inerție, caracteristică de fapt evoluției tipologice [Bochkarev 2010, 136] sau un element decorativ apărut în baza unui element inițial utilitar [Chernykh, Kuz'minykh 1989, 147]⁵. Și evoluția tipologică a variantelor tuturor tipurilor entității analizate, când la piesele variantelor II mai sunt prezente muchiile pe ambele suprafețe ale tijei lamei în schimbul nervurilor inițiale ale pieselor variantelor I, atunci la vârfurile de lance ale variantelor III și acestea dispar, denotă că indiciul dat își pierde utilitatea sa.

O situație diferită, în cazul aceluiași indiciu,

4. Conform acestui indiciu, vârfurile de lance ale acestor variante prezintă similitudini cu același indiciu al grupei de vârfuri de lance datată cu începutul celei de-a doua jumătăți a mil. II î.Hr., ce ocupă o poziție intermediară între vârfurile de lance ale tipurilor Turbino și Seima și vârfurile de lance ale tipului Krasnyi Maiak [Bochkarev 2010, 127.129. Ris. 3,1-10].

5. Perpetuarea indicilor rudimentari în cazul pieselor optimizate din punct de vedere tehnologic este explicată și drept rezultatul compromisului în cazurile când se ciocnesc două tendințe diametral opuse, de ridicare a eficacității funcționale a uneltelor și totodată de păstrare a formelor tradiționale [Grushin 2006, 61].

Harta. 2. Răspândirea vârfurilor de lance cu tocul scurt din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre

Semne convenționale: 1- varianta III, tipul Obukhovka; 2- varianta III, tipul Marinovka; 3- varianta III, tipul Dremailovka; 4- varianta IV, tipul Dremailovka; 5- varianta III, tipul Krasnyi Maiak; semn gol- formă de turnat; semn plin- depozit dronzuri; semigol- descoperire izolată.

Map. 2. Spread of spearheads with short sheath of Late Bronze Age in the northern Black Sea region

Conventional signs: 1- variant III, Obukhovka type; 2- variant III, Marinovka type; 3- variant III, Dremailovka type; 4- variant IV, Dremailovka type; 5- variant III, Krasnyj Mayak type; bare sign- casting form; full- sign bronze deposit; semi-bare- isolated finds.

este constatată la pumnalele-spadă din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre. În etapa timpurie a culturii Sabatinovka, utilizarea lamelor acestora cu câte trei nervuri mediane pe ambele suprafețe, este întâlnită mai rar, spre exemplu la pumnalul-spadă de la Borisovka, ce aparține seriei de piese Loboikovka-Golourov [Kločko 1995, Abb. 33,2; Dergachev 2011, ris. 142, 16; Bochkarev 2012, 200]. În schimb, în etapa târzie, acest indiciu, împreună cu nervura mediană simplă, predomină la pumnalele-spadă de tip Krasnyi Maiak [Kločko 1995, Abb. 33,1; 34,1,3,4-6].

Dintre complexe din Europa de Est, ce includ vârfuri de lance cu variația înrudită a utilizării cu nervuri longitudinale trifurcate a ambelor suprafețe ale tocului, poate fi menționat depozitul de la Karmanovo, din bazinul râului Kama, Federația Rusă [Kuz'minykh 1981, 62. Ris. 5,1-4], din etapa IV a perioadei târzii a epocii bronzului din Europa de Est [Dergachev, Bochkarev 2002, 98; Bochkarev 2015b, 84], ce aparține focarului Derbeden' [Bochkarev 2010, 49-50]. De asemenea și depozitul de la Odăile Podari, din sud-estul Ro-

mâniei, ce conține pe lângă vârful de lance și o seceră cu cârlig obținut prin batere, varianta Garbuzovka, tipul Pereliub [Dergachev, Bochkarev 2002, 106. Tab. 37,493], ambele aparținând tipurilor de piese Loboikovka-Golourov.

Focarele Derbeden' și Loboikovka-Golourov formează o zonă de prelucrare a metalelor unitară, care are la origine tradițiile metalurgice Srubnaia-Alakul' și Seima-Turbino [Bochkarev 2010, 50]. Sub aspect cultural-arheologic, focarul Derbeden' aparține grupului de culturi volgo-uralice (Cherkaskul', Suskan ș.a.), iar focarul Loboikovka-Golourov culturii Srubnaia târzie (Berezhnovsk-Maevsk după V.V. Otroshchenko) din Ucraina din partea stângă a Niprului [Bochkarev 2013, 75]. Totodată, tipurile de piese Loboikovka-Golourov, au constituit o parte componentă a setului de piese din etapele timpurii ale culturilor Sabatinovka și Noua [Bochkarev 2012, 200-205].

Rezumând cele expuse, se impun a fi subliniate următoarele.

Datele tipologice și cultural-arheologice ale analizei entității date, indică că variantele delimi-

tate I-IV, reprezintă grupe de vârfuri de lance cu tocul scurt, consecutiv perindate în timp. Desigur, această consecutivitate are un caracter absolut numai din punctul de vedere al genezei acestora. În realitate, ele puteau un anumit timp să fi circulat și paralel. Ceea ce o indică spre exemplu vârful de lance al variantei III a tipului Dremailovka [Leskov 1981, 16. Taf. 4,E1], care face parte din componența unui depozit al focarului Karda-shinka-Novooaleksandrovka din etapa timpurie a culturii Belozerka [Bochkarev 2010, 146)], cu toate că intervalul cronologic de bază al răspândirii pieselor acestei variante corespunde perioadelor târzii ale culturilor Sabatinovka și Noua.

Astfel, variantele I reprezintă verigile inițiale în evoluția tipologică a tipurilor date de vârfuri de lance. În ceea ce privește indiciul definitoriu al acestora, se întrevede legătura tipologico-genetică a acestuia cu utilizarea cu nervuri longitudinale trifurcate a tijei lamei vârfurilor de lance ale tipului Turbino. Însă, această legătură nu are un caracter direct, ci intermediar, prin mijlocirea tradițiilor de prelucrare a metalelor post Seima-Turbino din zonele de pădure ale bazinului Volga-Kama și pretaiga a Siberiei [Bochkarev 2010, 50]. Și, apariția și răspândirea în nordul Mării Negre a două grupe de vârfuri de lance prevăzute cu două variații înrudite ale aceleiași tradiții, a tipului Odăile Podari sau a tipului Netishin și a tipului Keliberda, cu utilizarea ambelor suprafețe ale tocului cu nervuri longitudinale trifurcate, cât și a pieselor variantelor I ale entității analizate, având tija lamei prevăzută cu câte trei nervuri longitudinale pe ambele suprafețe, se află în legătură cu constituirea și existența zonei de prelucrare a metalelor Loboikovka-Derbeden', din etapa IV a perioadei târzii a epocii bronzului din Europa de Est (sec. XVI/XV-XIV a.Chr.) (BzB2/C1-C2, conform schemei cronologice central-europene).

Totodată, spre deosebire de tipul Odăile Podari sau tipul Netishin și tipul Keliberda, care sunt mai aproape de prototipurile inițiale și conform altor indicii, vârfurile de lance ale variantelor I ale entității analizate, se caracterizează prin mărirea lungimii lamei în raport cu cea a tocului [Krivtsova-Grakova 1955, 144] sau înglobarea tocului în lamă [Rumiantsev 1974, 13]. Conform acestor modificări morfologice, vârfurile de lance ale variantelor I reprezintă unele din inovațiile locale ale focarului Loboikovka-Golourov al culturii

Srubnaia târzie (Berezhnovsk-Maevsk după V.V. Otroshchenko) din Ucraina din partea stângă a Niprului [Bochkarev 2013, 75], tipurile căruia au constituit o parte componentă a setului de piese din etapele timpurii ale culturilor Sabatinovka și Noua [Bochkarev 2012, 200-205]. Răspândirea descoperirilor acestor variante reprezintă o dovadă indirectă în acest sens (Harta 1).

Astfel, apariția și existența variantelor I ale tuturor tipurilor entității analizate, se află în legătură cu seria de piese ale focarului Loboikovka-Golourov al culturii Srubnaia târzie din Ucraina din partea stângă a Niprului și prima fază a etapelor timpurii ale culturilor Sabatinovka și Noua sau Sabatinovka I și Noua I.

Evoluția ulterioară a vârfurilor de lance ale entității analizate este reprezentată de variantele II, de tranziție la piesele variantelor III. Conform grupei de complexe Dneprovo-Kamenka – Malye Kopani, primele se datează în a doua fază a etapei timpurii a culturii Sabatinovka sau Sabatinovka I, care reflectă formarea setului de piese și tipuri propriu-zise caracteristice etapei timpurii a culturii Sabatinovka, care ulterior vor fi definitorii pentru focarele Krasnyi Maiak și Râșești din perioadele târzii ale culturilor Sabatinovka și Noua. Răspândirea descoperirilor acestora este de asemenea concludentă în acest sens (Harta 1).

Astfel, în baza descoperirilor din complexe, variantele I și II ale tuturor tipurilor entității analizate, se datează în etapa IV a perioadei târzii a epocii bronzului din Europa de Est (sec. XVI/XV-XIV a.Chr.) (BzB2/C1-C2).

Următoarele variante III, ale tipurilor Dremailovka și Krasnyi Maiak, sunt datate sigur de numeroasele descoperiri din complexe, în fazele târzii ale culturilor Sabatinovka și Noua, sau Sabatinovka II și Noua II, din etapa V a perioadei târzii a epocii bronzului din Europa de Est (sec. XIV-XIII/XII a.Chr.) sau BzC2-D/HaA1. Vârfurile de lance ale acestor variante sunt localizate în tot arealul culturilor Sabatinovka și Noua, unele depășindu-l (Harta 2), atât în direcția vestică, cât și în cea estică [Chernykh 1976, 102].

Cât privește variantele III ale tipurilor Obukhovka și Marinovka, exceptând două piese în primul caz (Fig. 1,15-16) și alta atribuită condițional, conform desenului, în cel de-al doilea (Fig. 2,20), acestea nu capătă o dezvoltare ulterioară în etapele târzii ale culturilor Sabatinovka și Noua.

Mai degrabă, că ele au fost substituite de vârfurile de lance ale variantelor III ale tipului Dremailovka și îndeosebi ale tipului Krasnyi Maiak.

Începând cu faza timpurie a culturii Belozerka, etapa VI a perioadei târzii a epocii bronzului din Europa de Est [Bochkarev 2015b, 85-86] (sec. XIII/XII a.Chr. sau BzD/HaA1), capătă răspândire în continuare numai vârfurile de lance ale variantei IV a tipului Dremailovka, în timp ce varianta III a acestuia și a tipului Krasnyi Maiak ies din uz.

În ceea ce privește indiciul definitoriu al vârfurilor de lance ale variantei IV a tipului Dremailovka, și anume forma părților superioare și mijlocii ale ambelor suprafețe ale tijei lamei, care are secțiune dreptunghiulară, acesta constituie cel mai probabil rezultatul influențelor culturilor hallstattiene timpurii din spațiul carpato-nistean.

Formă similară cu cea a vârfurilor de lance ale entității analizate, au și vârfurile de lance cu tocul scurt descoperite pe teritoriul Bulgariei [Chernykh 1978, 232, Tabl. 60,2] și a Greciei [Avila 1983, 20-21,33,134-134, Taf. 6,37-40; 7,41-43; 12,70,72,73-

74; 32,861-864; 33,865-870; 58B; 63,37,62,110], în ultimul caz, fiind datate în intervalul SHIIB/SMII (1520-1420 a.Chr.) – SHIIIB (1300-1190 a.Chr.).

Cu piesele tipului Obukhovka, prezintă similitudini vârfurile de lance cu lama îngustă și cu tocul scurt din bazinul r. Kama, apariția cărora în această regiune este considerată drept rezultat al legăturilor cu regiunile mai vestice [Tikhonov 1960, 30, Tabl. XVI,14].

Rezultatele cercetării efectuate denotă, că dezideratul conform căruia, elaborarea periodizării culturii Sabatinovka ar putea avea drept criteriu de bază tipologia pieselor legate de activitatea de prelucrare a metalelor din nordul Mării Negre [Bochkarev 2012, 203], are premise și potențial necesar în acest sens.

Totodată, se impune de a fi accentuată importanța deosebită a documentării adecvate și îndeosebi a desenelor și eventual a fotografiilor corespunzătoare la publicarea descoperirilor, de care depinde atât calitatea elaborărilor taxonomice, cât și atingerea prin intermediul acestora a obiectivelor de cercetare.

Bibliografie

- Avila 1983:** R.A.J. Avila, Brozene Lanzen- und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit. PBF V,1 (München 1983).
- Bader 2015:** T. Bader, Eine kleine Lanzenspitzengruppe in Osteuropa. Lanzenspitzen von Typ Krasnyj Majak. In: I. Szathmári (Hrsg.), An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit. Festschrift für T. Kemenczei zum 75. Geburtstag (Budapest 2015), 23-37.
- Berezanskaja, Kločko 1998:** S.S. Berezanskaja, V.I. Kločko, Das Gräberfeld von Gordeevka. Archäologie in Eurasien, Band 5, (Rahden/Westf. 1998).
- Bochkarev 2010:** V.S. Bochkarev, Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy (Sankt-Peterburg 2010) // В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).
- Bochkarev 2012:** V.S. Bochkarev, K voprosu ob ispol'zovanii metallicheskich serpov i serpovidnykh orudii v stepnykh (skotovodcheskich) kul'turach epokhi pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy. RAE 2, 2012, 194-214 // В.С. Бочкарев, К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. РАЕ 2, 2012, 194-214.
- Bochkarev 2013:** V.S. Bochkarev, Srubno-alakul'skaia zona metalloproizvodstva epokhi pozdnei bronzy. AVES. Vyp. 10, 2013, 75-83 // В.С. Бочкарев, Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы. ABEC. Вып. 10, 2013, 75-83.
- Bochkarev 2015a:** V.S. Bochkarev, Znachenie klassifikatsii v sovremennoi arkheologii. AVES. Vyp. 11, 2015, 206-212 // В.С. Бочкарев, Значение классификации в современной археологии. ABEC. Вып. 11, 2015, 206-212.
- Bochkarev 2015b:** V.S. Bochkarev, Dinamika kul'turno-istoricheskikh izmenenii v pozdnem bronzovom veke na Juge Vostochnoi Evropy (stepi i lesostepi). In: (ed. M.T. Kashuba, S. Reinhold, V.A. Alekshin) Kavkaz kak svyazuiushchee zveno mezhdu Vostochnoi Evropoi i Perednim Vostokom: dialog kul'tur, kul'tura dialoga. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii i Gumbol't lektorii (Sankt-Peterburg 2015), 78-87 // Бочкарев В.С. Динамика культурно-исторических изменений в позднем бронзовом веке на Юге Восточной Европы (степь и лесостепь). В сб.: (отв. ред. М.Т. Кашуба, С. Райнхольд, В.А. Алёкшин) Кавказ как связующее звено между

Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Материалы международной научной конференции и Гумбольдт лектория (Санкт-Петербург 2015), 78-87.

Bočkarev, Leskov 1980: V.S. Bočkarev, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XIX, 1 (München 1980).

Chernykh 1976: E.N. Chernykh, Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Moskva 1976) // Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).

Chernykh 1978: E.N. Chernykh, Gornoe delo i metallurgia v drevneishei Bolgarii (Sofia 1978) // Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Chernykh, Kuz'minykh 1989: E.N. Chernykh, S.V. Kuz'minykh, Drevniaia metallurgia Severnoi Evrazii (Moskva 1989) // Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Древняя металлургия Северной Евразии (Москва 1989).

Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al județului Vaslui (București 1980).

Dergachev 2002: V. Dergachev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX,9 (Stuttgart 2002).

Dergachev, Bochkarev 2002: V.A. Dergachev, V.S. Bochkarev, Metallicheskie serpy pozdnei bronzi Vostochnoi Evropy (Kishinev 2002) // В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Dergachev 2011: V.A. Dergachev, Topory-keľty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia. Keľty i serpy Nizhnego Podunav'ia. Vypusk 2 (Kishineu 2011) // В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Выпуск 2 (Кишинев 2011).

Jacob-Friesen 1967: G. Jacob-Friesen, Bronzezeitliche Lanzenspitzen Norddeutschlands und Skandinaviens (Hildesheim, 1967).

Garashanin 1975: M. Garashanin, Praistorijske ostave u Srbiji i Vojvodini I (Beograd 1975) // М. Гарашанин, Праисторийские оставы у Сербии и Войводины I (Београд 1975).

Gershkovich, Klochko, Evdokimov 1987: Ia.P. Gershkovich, V.I. Klochko, G.L. Evdokimov, Novokievskaja liteinaia masterskaia i problemy khronologii sabatinovskikh pamiatnikov Nizhnego Podneprov'ia. SA 2, 1987, 142-158 // Я.П. Гершкович, В. И. Ключко, Г. Л. Евдокимов, Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабашиновских памятников Нижнего Поднепровья. СА 2, 1987, 142-158.

Gershkovich 2005-2009: Ia.P. Gershkovich, Dneprovokamenskii kompleks liteinykh form epokhi pozdnei bronzy iz Srednego Podneprov'ia. Stratum plus 2, 2005-2009, 578-590 // Я.П. Гершкович, Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. Stratum plus 2, 2005-2009, 578-590.

Grushin 2006: S.P. Grushin, O proiskhozhdenii nekotorykh elementov ornamenta na bronzovykh predmetakh seiminsko-turbinskogo tipa. AEAE (26), 2006, 61-67 // С. П. Грушин, О происхождении некоторых элементов орнамента на бронзовых предметах сейминско-турбинского типа. АЭАЕ 2 (26), 2006, 61-67.

Hochstetter 1981: A. Hochstetter, Eine Nadel der Noua-Kultur aus Nordgriechenland. Germania 59, 2, 1981, 238-259.

Klochko, Kozymenko 2011: V.I. Klochko, A.V. Kozymenko, Nash nedavnii bronzovyi vek (Kiev 2011) // В.И. Ключко, А.В. Козыменко, Наш недавний бронзовый век (Киев 2011).

Kločko 1995: V. Kločko, Zur bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens 1, 1995, 81-163.

Kločko 2006: V.I. Kločko, Ozbroyennia ta viis'kova sprava davn'ogo naselennia Ukraïni (5000-900 rr. do R.H.) (Kiïv 2006) // В.И. Ключко, Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.) (Київ 2006).

Krivtsova-Grakova 1955: O.A. Krivtsova-Grakova, Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy. MIA 46 (Moskva 1955) // О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46 (Москва 1955).

Kuz'minykh 1981: S.V. Kuz'minykh, Metalloobrabotka sрубnykh plemen Zakam'ia. In: Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (Kazan' 1981), 41-70 // С.В. Кузьминых, Металлообработка срубных племен Закамья. В сб.: Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой (Казань 1981), 41-70.

Lazanu, Ursache 2013: C-C. Lazanu, C-N. Ursache, Depozitul de bronzuri de la Oțeleni-Cimitirul ortodox (com. Hoceni, jud. Vaslui). In: B.P. Niculică, D. Boghian (eds.), Semper Fidelis. In honorem magistri Mircea Ignat (Suceava 2013), 175-194.

Leskov 1981: A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen). PBF XX, 5 (München 1981).

Levițki 1994: O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpați. Bibliotheca Thracologica VII (București 1994).

Leviţki 2003: O. Leviţki, Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie. Bibliotheca Thracologica XL (Bucureşti 2003).

Mozsolics 1985: A. Mozsolics, Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Guermely (Budapest 1985).

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Rumiantsev 1974: A.N. Rumiantsev, Nekotorye voprosy razvitiia nakonechnikov kopii epokhi bronzy v Severnom Prichernomor'e. SA 1, 1974, 12-23 // А.Н. Румянцев, Некоторые вопросы развития наконечников копий эпохи бронзы в Северном Причерноморье. СА 1, 1974, 12-23.

Smirnova 1985: G.I. Smirnova, Osnovy khronologii predskifskikh pamiatnikov Iugo-Zapada SSSR. SA 4, 1985, 33-53 // Г.И. Смирнова, Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. СА 4, 1985, 33-53.

Tikhonov 1960: B.G. Tikhonov, Matallicheskie izdeliia epokhi bronzy na Srednem Urale i v Priural'e. MIA 90 (Moskva), 5-115 // Б.Г. Тихонов Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА 90 (Москва 1960), 5-115.

Vinski-Gasparini 1973: K. Vinski-Gasparini Kultura polja sa žarama u severnoj Hrvatskoj (Zadar 1973).

Eugen Uşurelu, doctor în istorie, Centrul Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova; e-mail: eugen_usurelu@mail.ru

Вячеслав Подобед, Анатолий Усачук, Виталий Цими́данов

Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты

Keywords: cheek-pieces, Central and Southern Europe, ceremonies.

Cuvinte cheie: psalii, Europa Centrală și de Sud, ritualuri.

Ключевые слова: псалии, Центральная и Южная Европа, обряды.

Vyacheslav Podobed, Anatolii Usachuk, Vitalii Tsimidanov

Cheek-pieces of Central and Southern Europe from Oarța de Sus and Mycenae to Babadag: archaeological contexts

The ritual use of the cheek-pieces (made of horn, bone and bronze which are typologically close to them) in the cultures of Central and Southern Europe of BA2-HB3 periods has been considered in the paper. The authors have proved that in the course of various ceremonial procedures cheek-pieces could be placed in graves, buildings, pits, which were located outside of buildings, ash-pits, treasures, etc. It should be noted that two of cheek-pieces often became simultaneous attributes of rites. Worn-out and broken parts of a horse bridle were often included in the context of a ceremony. Perhaps some of the found cheek-pieces had been intentionally damaged during the ceremonies. In some complexes, weapons were found beside cheek-pieces, but in most cases they were not. Thus, a horse bridle is not an exclusive attribute of warriors. In some periods, a surge of the ritual use of cheek-pieces is observed (BA2, BB1, BD, HA1). The paper also highlights the similarities and differences in the ritual use of the cheek-pieces in the cultures of Central and Southern Europe, on the one hand, and in the cultures of the Eurasian steppe and forest steppe, on the other.

Veaceslav Podobed, Anatolii Usaciuk, Vitalii Tsimidanov

Psaliile din Europa Centrală și de Sud de la Oarța de Sus și Mycene până la Babadag: contexte arheologice

În lucrare este examinată utilizarea ritualică a psaliilor (lucrate din corn, os și cele apropiate lor tipologic din bronz) în culturile Europei Centrale și de Sud din perioadele BA2-HB3. Autorii arată, că în procesul unor diverse manipulări de ritual psaliile puteau nimeri în morminte, construcții, gropi din afara construcțiilor, cenușare, depozite etc. Nu atât de rar rolul de atribut în aceste ritualuri îl jucau concomitent două psalii. Deseori în context apăreau detalii de frâu pentru cai, care erau uzate și deteriorate. Este posibil ca o parte din psaliile descoperite să fi fost sfărâmate special în timpul manifestărilor de ritual. În unele complexe alături de psalii au fost găsite și arme, însă în majoritatea cazurilor acest fenomen nu avea loc. Astfel, frâul de cal nu era un atribut specific doar luptătorilor. În anumite perioade s-a observat o utilizare ritualică foarte frecventă a psaliilor (BA2, BB1, BD, HA1). În articol de asemenea se atrage atenție asupra asemănărilor și diferențelor la folosirea ritualică a psaliilor în culturile Europei Centrale și de Est, pe de o parte, și în culturile de stepă și silvostepă ale Eurasiei, pe de alta.

Вячеслав Подобед, Анатолий Усачук, Виталий Цими́данов

Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты

В работе рассматривается обрядовое использование псалиев (роговых, костяных и типологически близких им бронзовых) в культурах Центральной и Южной Европы периодов BA2-HB3. Авторы показывают, что в ходе разнообразных обрядовых манипуляций псалии могли оказываться в погребениях, постройках, ямах, располагавшихся за пределами построек, зольниках, кладах и т.д. При этом атрибутами обрядов нередко становились два псалия одновременно. Зачастую в контекст обряда включались изношенные и сломанные детали конской узды. Возможно, часть археологизированных псалиев была намеренно повреждена в ходе обрядов. В некоторых комплексах псалии коррелировались с оружием, но в большинстве случаев это не имело места. Таким образом, конская узда не являлась атрибутом исключительно воинов. В отдельные периоды наблюдался всплеск обрядового использования псалиев (BA2, BB1, BD, HA1). В статье также заостряется внимание на сходстве и различии в обрядовом использовании псалиев в культурах Центральной и Южной Европы, с одной стороны, и в культурах степной и лесостепной Евразии, с другой.

Начиная с периода BA2¹ в различных куль-

1. Здесь и ниже мы используем хронологическую схему из работы В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева [2002, рис. 1], где выделение периодов развития центральноевропейских культур базируется на периодизациях П. Рейнеке и Г. Мюллер-Карпе.

турах Центральной и Южной Европы получила распространение конская упряжь с псалиями из рога и кости, а несколько позже – и из бронзы. Интерес к псалиям названной территории не угасает уже несколько десятилетий. По

меньшей мере, с 1950-х годов многие авторы занимались разработкой их типологии и хронологии (см., например [Mozsolich 1953; Oancea 1976; Hüttel 1981; Boroffka 1998; Penner 1998; Goncharova 2000; Ailincăi, Mihail 2010; Motzoi-Chicideanu etc. 2012, 70-78; Bochkarev, Kuznetsov 2013, 72, 74]). На основе данных изделий реконструировалась конская узда [Bökönyi 1953], причем ее развитие порой рассматривалось в связи с «социально-политической историей» [Hüttel 1978, 81-85]. Центрально- и южноевропейские псалии служили также источниками для изучения культурных связей и влияний в области конской упряжи [Hüttel 1978, 79-80; Nefedkin 2001, 122-131; Kristiansen, Larsson 2005, fig. 79; Korfmann, Zidarov 2006, 683-686; Motzoi-Chicideanu et al. 2012, 70-78; Bochkarev, Kuznetsov 2013, 72, 74; Metzner-Nebelsick 2013, 330-348]. Изучалась орнаментация этих изделий [Vladár 1973, 299-303; Penner 1998, 123-133]. Их касались и в связи с историей колесного транспорта [Hüttel 1994, 205-211], древними миграциями [Kuz'mina 1994, 407-408; Klein 2010, ris. 25]. Существует, однако, аспект, который до сих пор почти не затрагивался. Это – обрядовое использование псалиев в центрально- и южноевропейских культурах. Для рассмотрения данного вопроса прежде всего необходимо выяснить, в какие контексты псалии попадали в процессе археологизации². На наш взгляд, основными из контекстов являются следующие.

1. Погребальный комплекс

Пожалуй, самым известным погребальным комплексом с псалиями рассматриваемой территории является IV шахтная гробница могильного круга А из Микен (Греция). Здесь были обнаружены 4 щитковых псалия, изготовленных из слоновой кости. По меньшей мере, три из них орнаментированы [Karo 1930/33b, Taf. LXX, 532-535; Penner 1998, 30, 32, Taf. 1, 3-6]. Изделия относятся к типу А, по Х.-Г. Хюттелю³ [Hüttel 1981, 39] или типу I, подтипам Ia

и Ib, по Е.Е. Кузьминой [1980, ris. 1]. В могиле были погребены трое мужчин и две женщины. К сожалению, Г. Шлиман, описывая результаты раскопок гробницы, не уточнил, близ какого скелета (или скелетов) размещались псалии [Penner 1998, 30]. Люди, похороненные в гробнице, скорее всего, являлись лицами царского ранга [Blavatskaia 1966, 59-61]⁴. Обилие и разнообразие погребального инвентаря, происходящего из этого комплекса, поражает. В гробнице выявлены золотые маски, «короны», диадемы, бронзовые мечи с алебастровыми наконечниками, наконечники копий, кинжалы [в т.ч. инкрустированные золотом, серебром и черной эмалью], наконечники стрел из обсидиана, сосуды из золота, серебра, электра, бронзы (в т.ч. вазы, кубки, ритоны), многочисленные изделия из золотых пластин, служившие украшениями облачения, браслеты и иные предметы [Karo 1930/33, 71-120]. Поскольку псалии оказались включенными в состав этого социально неординарного «текста», можно сделать вывод, что они также относились к знакам высокого общественного положения. Об этом свидетельствует и материал⁵, из которого изготовлены данные предметы. Семантика конской узды в контексте микенского погребального обряда не вполне ясна. Скорее всего, узда заменяла колесницы по принципу *pars pro toto* [Nefedkin 2001, 165], как это имело место в степных культурах эпохи бронзы [Siniuk, Kozmirchuk 1995, 69; Goncharova 1999, 344, 347; Priakhin, Besedin 2001, 58-59].

Гробница IV, датируемая началом периода LH IA (Позднеэлладский IA), является самым ранним из микенских погребений со щитковыми псалиями [Bochkarev, Kuznetsov 2013, 6]. Добавим, что псалии найдены и в некоторых других погребальных комплексах эпохи расцвета Микенского царства, например, в гробницах 15 и 81 из Микен [Oancea 1976, 65, 68; Penner

2. Оговорим, что нас интересуют, главным образом, роговые и костяные псалии. Вместе с тем, мы учитываем и некоторые псалии из бронзы – те, которые демонстрируют типологическое сходство с псалиями из рога и кости (прежде всего, по наличию цапфы).

3. Существует большое количество классификаций псалиев бронзового века (по подсчетам А.Н. Усачука – не менее 26). В данной работе, чтобы не перегружать текст, мы опираемся, в основном, лишь на одну из классифи-

каций – ту, которую разработал Х.-Г. Хюттель [Hüttel 1981]. Однако, применительно к некоторым псалиям мы используем и другие классификации, если те позволяют более полно учесть конструктивные особенности данных изделий.

4. А.К. Нефёдкин, анализируя материалы этого погребения, пришел к выводу, что погребальный комплекс свидетельствует «о высоком социальном статусе людей» [Nefedkin 2001, 166].

5. Слоновая кость являлась важным объектом международной торговли и сырьем для изготовления престижных изделий [Cluzan 2008, 328-329].

1998, 49], погребениях 2 и 7 из **Дендры** [Penner 1998, 31, 48]. Дата последнего захоронения – ЛН IIIA (Позднеэлладский IIIA) [Oancea 1976, 74]. Все перечисленные выше комплексы с псалиями Микенской цивилизации датируются в пределах периодов BB1-BC.

Следует подчеркнуть, что псалии нечасто использовались в микенском погребальном обряде. Так, из 6 погребальных камер круга А они выявлены только в одной [16,7%]. Нелишне привести информацию о частоте встречаемости захоронений с псалиями в некоторых степных культурах. По нашим подсчетам, наиболее высокий показатель демонстрирует доно-волжская абашевская культура – 12,6% учтенных захоронений. Соответствующий показатель по потаповской культуре 9,9%, по синташтинской культуре 7,5%, по покровской культуре 5,1%. Все приведенные показатели в той или иной степени уступают тому, который демонстрируют погребения круга А. Но не следует забывать, что данный могильник являлся лишь «вершиной айсберга». Помимо выявленных в круге А гробниц должны существовать синхронные им захоронения людей, занимавших иные позиции в «табеле о рангах» микенского общества⁶. Подсчеты с подключением данного «фона» [сведениями о его объеме мы, к сожалению, не располагаем], несомненно, значительно снизят показатель, демонстрируемый комплексами круга А.

Нелишне заострить внимание и на том, что практически все известные к настоящему времени находки псалиев времени пика Микенской цивилизации, кроме разве что артефакта из Каковатоса (Толос А) [Penner 1998, Taf. 6,1], происходят с очень узкой территории (около 30-40 км в поперечнике (см. [Penner 1998, Taf. 16])). Вне ее известны микенские аристократические могильники (см., например [Evans 1906; Anderson Immerwahr 1971, 97-157]), но псалиев там не выявлено. Таким образом, использование рассматриваемых изделий в погребальной обрядности имело в пределах земель, которые захлестнула микенская экспансия, узколокальный характер. В данной

связи уместно вспомнить вывод, уже давно сделанный Х.-Г. Хюттелем: в Микенской Греции колесницы не имели большого значения как вид боевой техники и скорее являлась престижным транспортом [Hüttel 1978, 82-83]⁷.

В погребальных комплексах Греции «темных веков» псалии практически не встречаются. Во всяком случае, нам такой комплекс известен только один. В Лефканди (о. Эвбея), на территории западного могильника (Tumba cemetery), в кострище (pyre 1), были выявлены фрагмент удлинённого орнаментированного изделия из рога (рис. 1,2), железные наконечник копья и тесло(?), поврежденная бронзовая фибула, фрагмент железной булавы с фаянсовой вставкой и роговое коническое изделие с просверленным поперечным отверстием [Porham et al. 1979/1980, 226, pl. 190,1,1-1,6, 236,h,i]. Комплекс датируется периодом LPG (поздний Протогеометрический) [Lemos, Mitchell 2011, tabl. 1] (что примерно соответствует периоду НВ1-В.П., А.У., В.Ц). Н. Бороффка интерпретировал интересующее нас орнаментированное костяное изделие как фрагмент псалия, но воздержался от причисления его к какому-либо из типов своей схемы [Boroffka 1998, 102, 122, Abb. 16]. Действительно, артефакт слишком фрагментирован, чтобы найти ему место в существующих типологических схемах.

Обратим внимание на возможную аналогию фрагментированному псалию из **Лефканди**. В заполнении землянки 8 поселения саргаринско-алексеевской культуры Алексеевское (Казахстан) был обнаружен любопытный костяной предмет, который, скорее всего, также является обломком псалия. Здесь, как и на лефкандийском артефакте, имеется орнамент в виде двух параллельных рядов треугольных углублений [Krivtsova-Grakova 1948, рис. 22,2] (рис. 1,1). Поскольку углубления выполнялись по краям выпуклой поверхности, в итоге возник эффект «поднятой плоскости»: образовалась полоса с зубчатыми краями. То же характерно и для орнамента псалия из Лефканди.

Погребения с псалиями известны и в других культурах рассматриваемой территории. Так, в относящемся к *культуре Монтео-*

6. Общественно-политическая структура микенского общества вырисовывается как система с многоступенчатой шкалой социальных слоев (см., например [Bartonek 1991, 127-139; Andreev 2004, 301-302; Blegen 2008, 179-181]).

7. См. также [Nefedkin 2001, 153-167; Feldman, Sauvage 2010, 132-140].

ру погребении 35 могильника 2 из **Сэрата-Монтеору** (Румыния) присутствовал роговой стержневидный орнаментированный псалий [Hüttel 1981, 95, Taf. 9,93; Penner 1998, 127, Taf. 36,8]. Он может быть причислен к типу Ватина, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 94-95]. Погребение относится к фазе IC3 или фазе IIА культуры Монтеору [Sava 1992, 163], что соответствует периодам BB1 или BB2.

Обломок стержневидного псалия был выявлен в погребении 164 могильника **Питтен** (Австрия). Артефакт сопутствовал останкам трех детей [Penner 1998, 126, Abb. 26,5]. Фрагментарность изделия не позволяет причислить его к какому-либо типу. Комплекс относится к горизонту Косидер [Penner 1998, 126, Abb. 26,5], т.е. может быть датирован периодами BB1 или BB2 (см. [Dergachev, Bochkaev 2002, рис. 1]). В данном случае интересна корреляция псалия с лицами детского возраста. Это явление изредка встречается в погребальных комплексах бронзового века. Например, в захоронении синташтинской культуры из Каменного Амбара-5, 2/8 (Россия) псалий размещался в головах ребенка возрастом около 5 лет (погребенный III) [Erimakhov 2005, 36; илл. 29]. Попутно стоит отметить, что псалии порой оказывались и в женских захоронениях. Так, в погребениях синташтинской культуры из Кривого Озера, 9/2 (Россия) [Vinogradov 2003, 88] и Танабергена II, 7/23 – юго-восточный костяк (Казахстан) [Tkachev 2004, 10-11, 13] данные изделия лежали близ костяков женщин. А в относящемся к срубной культуре кургане 1 из Николаевки (Россия) псалий был выявлен близ женского погребения 11 [Ismagil et al. 2009, 19-21]. Перечисленные комплексы показывают, что считать псалии атрибутами исключительно мужчин-воинов, как это делают некоторые исследователи [Penner 1998, 30], не вполне правомерно.

В *предлужицкой* культуре известна серия погребений с фрагментированными роговыми стержневидными псалиями. Они выявлены на могильнике **Кетш** (Польша), причем здесь все интересующие нас артефакты были обожжены. В частности, в погребении 597, представлявшем собой небольшую округлую

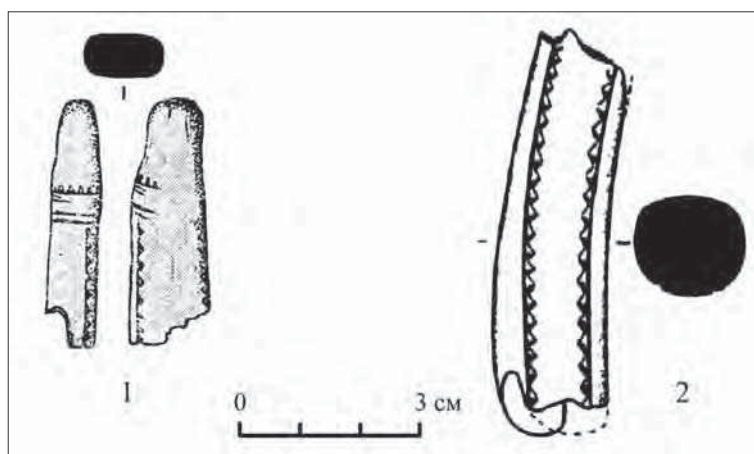

Рис. 1. 1 – Псалии с Алексеевского поселения 2 – псалий из Лефканди [1 – по: Krivtsova-Grakova 1948; 2 – по: Popham et al. 1979/1980].

Fig. 1. 1 – A cheek-piece from Alekseevskoe settlement – by: Krivtsova-Grakova 1948; 2 – A cheek-piece from Lefkandi – by: Popham et al. 1979/1980.

яму, заполненную кальцинированными человеческими костями, находились два фрагмента псалиев, а также сосуд [Bağ 1992, 201, Abb. 2,9-11]. Псалии относятся к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-83].

В погребении 1383 данного могильника, в овальной яме, где содержались кальцинированные кости взрослого человека, был обнаружен фрагмент псалия [Bağ 1992, 202, Abb. 2,8]. Изделие с некоторой долей осторожности может быть отнесено к типу Магдебург-Микушовце, по Х.-Г. Хюттелю [Bağ 1992, 207].

В погребении 2576 этого могильника, совершенном в округлой яме, помимо кальцинированных костей и фрагментов сосудов, также находился фрагмент псалия [Bağ 1992, 201, Abb. 3,1-5]. Артефакт, вероятно, относится к типу Магдебург-Микушовце, по Х.-Г. Хюттелю [Bağ 1992, 207].

В погребении 2824 рассматриваемого могильника (яма с кальцинированными костями мужчины, женщины и двух детей) инвентарь был более разнообразен: обломок псалия, целые и фрагментированные сосуды, фрагмент бронзового изделия неясного назначения и стеклянные бусы [Bağ 1992, 202-203, Abb. 3,6-21]. Причислить псалий из данного комплекса к какому-либо типу затруднительно.

Захоронения из Кетша датируются периодом HA1 [Bağ 1992, 203, 207]. Фрагментарность всех псалиев, выявленных в могильных

ямах, является, очевидно, следствием того, что в ходе сожжения умерших и данные изделия попадали в огонь.

В погребении из **Вёрсхаха** (Австрия) находился стержневидный бронзовый псалий с цапфой, относящийся к типу Ларнауд-Бевтофт, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 139, Taf. 37,B2]. Другие вещи из комплекса представлены большой керамической урной, двумя миниатюрными сосудиками, бронзовой орнаментированной трубочкой, а также дисковидным изделием из бронзы неясного назначения с ушками, куда вставлялись бронзовые же штырьки [Hüttel 1981, 139, Taf. 37,B1,3-6; Hansen 1994, 530]. Дата комплекса – НА2 [Hüttel 1981, 139].

Фрагмент стержневидного псалия происходит из относящегося к *кругу культур полей погребальных урн* погребения 3 кургана 16 могильника **Грос Упаль** (Германия). Инвентарь совершенного в урне захоронения включал, помимо упомянутого артефакта, сосуд, бронзовые бритву, булавку, заостренный стержень и квадратную пластинку [Nebelsick 2005, 579, Abb. 4]. Фрагментарность псалия не позволяет отнести его к какому-либо типу. Захоронение датируется, вероятно, периодами НА1 или НА2.

Нелишне сказать также о погребении *культуры Сахарна-Солончены* из курганного могильника **Сахарна I** (Молдова). Хотя, строго говоря, территория Республики Молдова традиционно относится к Восточной Европе, в нашем случае более важно то, что культура Сахарна-Солончены, вполне вероятно, имеет центральноевропейское происхождение [Kashuba 2000, 352-360]⁸. В погребении 1 кургана VI названного могильника находились два костяка взрослых, причем один из них был сдвинут при подзахоронении второго умершего. Данное погребение являлось основным под курганный насыпь, его окружал кромлех, а сверху перекрывал «настил» из камня. В насыпи обнаружены кости животных. Умерших (или – одного из них) сопровождали стержневидный трехдырчатый роговой псалий и одноколычатые железные удила. Кроме них в состав погребального инвентаря входили черпак, миска и мисковидный сосуд [Kashuba,

Gol'tseva 1991, 203-204, рис. 5]. Псалий может быть отнесен к типу а.1, по С.-К. Аилинкэи и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. Дата комплекса – рубеж IX-VIII – начало VIII вв. до н.э. [Kashuba 2000, 349], что соответствует периоду НВ3.

II. Постройка

На укрепленном поселении *культуры Отомань* **Спишский Штврток** (Словакия) под полом постройки [объект 1] находились два роговых стержневидных псалия – целый [Vladár 1971, 7, obr. 4,1a-1c; Hüttel 1981, 69, Taf. 5,48] и фрагментированный [Vladár 1971, 7, obr. 4,2; Hüttel 1981, 92, Taf. 9,86]. Первый артефакт по классификации Х.-Г. Хюттеля может быть причислен к типу Фюзешабонь [Hüttel 1981, 66-69], второй – к типу Спиш [Hüttel 1981, 91-92]. Постройка, где выявлены рассматриваемые изделия, относится, скорее всего, к периоду ВВ1 [Vladár 1971, 7]. В данном случае следует обратить внимание на то, что артефакты залегали под полом. В эпоху бронзы подобная локализация довольно часто присуща именно культовым комплексам (см., например [Berezanskaia 1974, 83; Formozov 1984, 239; Gorbov, Mimokhod 1999, 29; Potapov 2002, 76, 90; Tkacheva, Tkachev 2008, 22; Koriakova et al. 2011, 43; Snitkovskaia 2013, 70]).

Два фрагментированных стержневидных псалия были выявлены при исследовании относящегося к культуре Отомань (*этап III*) жилища В эпонимного поселения **Отомань** (Румыния) [Hüttel 1981, 105, Taf. 12,117, 118; Boroffka 1998, 92, Abb. 7,6,7]. На одном из них, судя по рисунку, приведенному в статье Н. Бороффки, имеется орнамент [Boroffka 1998, Abb. 7,7]. Рассматриваемые изделия были выделены Х.-Г. Хюттелем в особую форму псалиев с двумя овальными отверстиями [Hüttel 1981, 105, Taf. 12]. По Н. Бороффке, это – тип II, вариант IIa [Boroffka 1998, 119]. Постройка, в которой найдены псалии, учитывая ее позднюю стратиграфическую позицию в рамках культуры Отомань, может быть отнесена к периоду ВВ1 (см. [Dergachev, Vochkarev 2002, рис. 1]). Как псалии размещались в пределах жилища, нам неизвестно, но обратим внимание на два нюанса: а) оба изделия почти идентичны морфологически; б) оба предмета повреждены одинаково: на каждом отломаны оба конца,

8. Следует уточнить, что М.Т. Кашуба именует данное культурное образование культурой Козия-Сахарна.

причем один из сломов на каждом артефакте проходит по отверстию. Учитывая эти нюансы, следует признать, что случайная «встреча» псалиев из Отомани является маловероятной. Очевидно, данные изделия входили в состав одного «текста» и, кроме того, скорее всего, были намеренно повреждены перед депонированием. Заметим, что обрядовая порча вещей в бронзовом веке получила весьма широкое распространение [Tsimidanov 2011, 11-17].

На поселении *культуры Ноуа Коротень* (Румыния) в северо-восточном углу помещения был выявлен фрагментированный стержневидный псалий [Boroffka 1998, 90, Abb. 6,8]. Он может быть причислен к типу Спиш (скорее всего, вариант Тей), по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 85-86]. Судя по культурному контексту, комплекс датируется периодом BD (см. [Dergachev, Bochkarev 2002, кшы. 1]). В данном случае стоит обратить внимание на локализацию изделия. Псалий находился в углу жилища, а углы построек во многих мифологических системах считались медиативными локусами, позволяющими контактировать со сверхъестественными силами [Podobed et al. 2014]. Отсюда велика вероятность того, что нахождение фрагмента псалия в рассматриваемом месте является следствием обрядовой манипуляции.

III. Яма вне построек

На укрепленном поселении *культуры Отомань* Оарца де Сус (Румыния) в яме А были обнаружены костяки двух лошадей. На черепе одной из них размещались два костяных щитковых псалия [Boroffka 1998, 92]⁹. Изделия относятся к типу А, по Н. Бороффке [Boroffka 1998, 123]. Псалии, вероятно, датируются «позднепокровским и петровским временем» (см. [Bochkarev, Kuznetsov 2013, 72]), что соответствует периоду BA2 (см. [Dergachev, Bochkarev 2002, рис. 1]). Рассматриваемый комплекс, бесспорно, является культовым. Он может быть интерпретирован как остатки жертвоприношения. Добавим, что, по мнению Н. Бороффки, яма А размещалась на территории святилища. Нелишне отметить и то, что демонстрируемое комплексом из Оарца де Сус нахождение псалиев на черепе лишь одной из

пары погребенных лошадей находит параллели в регионах, весьма далеких от рассматриваемого. В частности, это имело место в относящемся к срубной культуре кургане 5 могильника Комаровка (Россия) [Usachuk 2013, 136-138]. А в храме на телле Харор (Израиль) было выявлено захоронение двух ослов. Здесь также были два псалия (бронзовые дисковидные), причем они вновь находились на черепе лишь одного из животных [Usachuk 2013, 136]. Очевидно, во всех трех случаях мы сталкиваемся с проявлениями одной и той же мифологемы, являвшейся надкультурной.

Возвращаясь к ямам с псалиями, следует констатировать, что таковых в Центральной и Южной Европе известно довольно много. Один из самых ярких комплексов подобного рода был выявлен при строительных работах в *Отаславице* (Чехия). Он включал фрагмент рогового стержневидного псалия с орнаментом и сосуд (черпак) *среднедунайской могильной культуры*. По сообщению владельца участка, вещи залегали в золистом пятне длиной около 1,5 м и мощностью около 0,2 м. Кроме того, в грунте, выброшенном из котлована, были найдены фрагменты еще нескольких сосудов. Имеют ли они отношение к интересующему нас комплексу, неизвестно [Prudká, Stuchlíková 1991, 253, obr. 1,1-10]. Поскольку ни о каких человеческих костях, происходивших бы из данного пятна, информатор не сообщил, мы сочли возможным интерпретировать объект не как погребение, а как яму, причем, учитывая присутствие в ней целого сосуда, – как культовый комплекс. Псалий относится к типу Магдебург-Микушовце, по Х.-Г. Хюттелю. Яма датируется периодом BC [Prudká, Stuchlíková 1991, 256].

Другой яркий комплекс был обнаружен на поселении *культуры полей погребальных урн Гор-Каполнадомб* (Венгрия). Здесь в яме d/2, имевшей колоколовидную форму, был обнаружен роговой стержневидный псалий [Gabor 2001, Taf. III,1]. Кроме него, в яме присутствовали угли, зерна злаков, многочисленные керамические фрагменты, два глиняных пряслица, керамическое изделие в виде диска с отверстием, смещенным к краю, бронзовые шило, фрагменты иглоков, пронизь, челюсть и ребро взрослого мужчины [Gabor 2001, 246].

9. С. Пеннер относит эти псалии к культуре Виттенберг [Penner 2004a, 75; 2004b, 88].

Псалий может быть отнесен к типу Фюзешабонь, вариант А, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 66-67]. Яма датируется периодом НВ2. По мнению автора публикации, она сначала функционировала как зерновая, а затем стала мусорной [Gabor 2001, 246]. С такой интерпретацией трудно согласиться, учитывая факт присутствия в комплексе костей человека. Из последних особенно знаковой является челюсть. Нам уже приходилось писать о практике обрядовой демандибуляции, широко бытовавшей в различных культурах [Usachuk et al. 2010, 197-198]. Таким образом, заполнение рассматриваемой ямы и, соответственно, помещение в нее псалия правомерно рассматривать как следствие обрядовых манипуляций.

Не менее выразительные находки происходят из ямы 21, исследованной при раскопках поселения **Глинжень II** (Молдова). Комплекс относится к культуре *Сахарна-Солончены*. В заполнении ямы выявлен роговой стержневидный трехдырчатый псалий, у которого сколоты оба конца. В местах отверстий имеются кубовидные муфты. Поверхность изделия слегка обожжена [Gol'tseva, Kashuba 1995, 9, табл. XLIII,2]. Псалий может быть причислен к классу муфтовых по классификации С.В. Махортыха [2005, рис. 11]. В яме находились также фрагменты керамики, согнутая второе бронзовая пластинка неясного назначения, астрагал косули со сточенными боковыми гранями, изделие из отростка рога оленя, глиняное пряслице, две гранитные гальки, использовавшиеся как абразивы и кремневый отщеп. Стоит добавить, что на дне ямы имелось заполненное кусками известняка углубление, интерпретированное как столбовая ямка [Gol'tseva, Kashuba 1995, 8, 9]. Комплекс может быть датирован серединой-второй половиной VIII в. до н.э. [Kashuba 2000, 350], что соответствует периоду НВ3. Авторы публикации интерпретировали данную яму как хозяйственную [Gol'tseva, Kashuba 1995, 8]. Стоит, однако, обратить внимание на то, что некоторые из выявленных в ней предметов имели в древних культурах высокую знаковую нагрузку. Это, в частности, относится к астрагалу (см., например: [Tsimidanov 2001; 2015]), абразивам [Tsimidanov 2015, 63], кремнево-му отщепу [Tsimidanov 2004, 56; Ostroverkhov

2007, 213-214; Gershkovich, Razumov 2009, 134] и пряслицу¹⁰. Отсюда вытекает вполне вероятный вывод, что псалий из рассматриваемой ямы находился в обрядовом контексте.

Содержимое прочих учтенных ям не столь выразительно. Так, на поселении *мадьярской культуры Велка Мана* («Гедна») (Словакия) в яме находились поврежденный роговой стержневидный псалий и фрагменты керамики [Točík 1959, 27, 48, tab. II,2; Hüttel 1981, Taf. 7,68]. Артефакт относится к типу Кисзомбор, по Х.-Г. Хюттелю. Комплекс датируется периодом FD III, по периодизации С. Хенселя [Hüttel 1981, 81], что примерно соответствует периоду ВА2 [см. Litvinenko 2009, 21].

На поселении *мадьярской культуры Веселе-Градиско* (Словакия) в яме находился поврежденный роговой стержневидный псалий с орнаментом [Točík 1964, 241, Abb. 29,3a-3c; Vladár 1973, Abb. 43,1a-1c; Hüttel 1981, 100, Taf. 10,103]. Изделие из-за его фрагментарности трудно отнести к какому-либо типу. Х.-Г. Хюттель датировал комплекс периодом FD III [Hüttel 1981, 100]. Й. Владар для группы орнаментированных изделий, в которую он включил и интересующий нас псалий, предложил более высокую дату – период ВА₃ [Vladár 1973, 303]. Данный хронологический интервал можно соотносить с периодом ВВ1 используемой нами схемы, тем более, что, согласно разработкам Й. Владара, орнамент упомянутых изделий находит аналогии в декоре артефактов из микенских шахтных гробниц [Vladár 1973, 303].

На поселении *мадьярской культуры Нитрянский Градок* (Словакия) в яме находился поврежденный роговой стержневидный псалий. Артефакт относится к типу Спиш. Комплекс датируется периодом FD III [Hüttel 1981, 84, Taf. 8,73] [ВА2).

На поселении *культуры Ветеров Блючина* (Чехия) в яме II из траншеи I был выявлен небольшой обломок рогового стержневидного псалия с орнаментом. Изделие относится к типу Фюзешабонь, по Х.-Г. Хюттелю. Яма датируется периодом ВА2 [Hüttel 1981, 70, Taf. 6,57a].

На поселении *культуры Монтеору Кырломэнешть* (Румыния) в заполнении ямы 41 были обнаружены роговой стержневидный псалий с орнаментом, а также фрагменты ке-

10. О семантике пряслиц будет сказано ниже.

рамики, бронзовая пронизь и кости животных [Motzoi-Chicideanu et al. 2012, 66-69, pl. 4-11]. По типологии Х.-Г. Хюттеля, псалий относится к типу Спиш [Motzoi-Chicideanu et al. 2012, 71]. Яма датируется поздним этапом культуры Монтеору, т.е., периодом BB2.

На **Велатицком** поселении культуры полей погребальных урн (среднедунайский круг) (Чехия) в относящейся к древнейшей фазе данной культуры яме I/62 был обнаружен роговой стержневидный псалий [Říhový 1982, 32, obr. 18,3]. Другие находки из комплекса – глиняные сосуды, в т.ч. и целые [Říhový 1982, obr. 18,5,7,8,13]. Псалий с некоторой долей условности он может быть отнесен к типу Фюзешабонь, вариант А, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 66-67]. Наиболее вероятная дата комплекса – BD.

На поселении **Якушевиче** (Польша) в относящейся к *тишинецкой* культуре яме (т.н. «объект 585») были выявлены обломок рогового стержневидного псалия с орнаментом и несколько фрагментов керамики [Bač 1992, 201, Abb. 2,1, 3-7]. Псалий относится к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-83]. Автор публикации отнес комплекс к периоду HA [Bač 1992, 203].

На поселениях культуры *Бабадаг* в ямах также были выявлены псалии. Все они изготовлены из рога и являются стержневидными [Jugănar 2005, fig. 50; Ailincăi 2013, fig. 22]. В частности, серия таких находок была сделана на памятнике **Бабадаг-Четэцуе** (Румыния). Так, в яме 131 (раскопки 1968 г.) находился фрагмент псалия с орнаментом [Boroffka 1998, 88, Abb. 7,10; Ailincăi, Mihail 2010, 190, fig. 2,2]. Псалий относится к типу b.2, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 163 (1968 г.) выявлен целый псалий [Boroffka 1998, 88, Abb. 7,12; Ailincăi, Mihail 2010, 190, fig. 2,3]. Изделие относится к типу a.2 [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 40 (2001 г.) обнаружен фрагмент псалия [Ailincăi, Mihail 2010, 192, fig. 2,7]. Он относится к типу b.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 21 (2006 г.) находился целый псалий [Ailincăi, Mihail 2010, 192, fig. 2,8]. Изделие относится к типу b.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 32 (2006 г.) выявлен фрагментированный пса-

лий [Ailincăi, Mihail 2010, 192, fig. 2,9]. Изделие относится к типу a.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4].

На бабадагском поселении **Енисала-Паланка** (Румыния) в яме 1 находились два обломка псалия [Ailincăi, Mihail 2010, 193, fig. 2,11]. Изделие относится к типу a.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4].

На поселении этой же культуры **Никулицел-Корнет** (Румыния) два почти идентичных типологически псалия (один слегка поврежден; оба орнаментированы) были выявлены в яме [Topoleanu, Jugănar 1995, 205, Fig. XV,1,2; XVI,1,2; Boroffka 1998, 92, Abb. 5,3,4; Ailincăi, Mihail 2010, 193, fig. 2,12,13]. Изделия могут быть отнесены к типу a.3, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4].

Упомянутые бабадагские комплексы, судя по разработкам С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайла, относятся к разным этапам культуры Бабадаг. К классическому этапу принадлежат ямы 131, 163, 40, 32 из Бабадага и яма из Никулицел-Корнет [Ailincăi, Mihail 2010, 197]. Данный этап датируется X-IX вв. до н.э. [Ailincăi, Mihail 2010, 196-197], что соответствует периодам HB1 и HB2. Яма 21 из Бабадага и яма из Енисала-Паланка относятся к заключительному этапу культуры Бабадаг [Ailincăi, Mihail 2010, 197], т.е. – к периоду HB3.

На поселении **Буку-Похинэ**, эпонимном для памятников *типа* Буку-Похинэ, в одной из ям, которая, по мнению автора публикации, являлась хозяйственной, были обнаружены два роговых стержневидных незначительно поврежденных (у каждого слегка обломан конец) псалия [Rența 2008, 110, 126, fig. 143,3,4]. Изделия относятся к типу a.3, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. Памятники типа Буку-Похинэ датируются X-VIII вв. до н.э. [Rența 2008, 126], что соответствует периодам HB1-HB3. Учитывая, что псалии почти идентичны морфологически, случайность их попадания в «мусорную» яму представляется нам маловероятной. Скорее всего, они были преднамеренно захоронены. Не исключено, что и повреждение их носило обрядовый характер.

Итак, известна большая серия ям различных культур, где находились псалии. К сожалению, в публикациях не всегда приво-

дится информации о том, с какими другими артефактами интересующие нас изделия образовывали «тексты» в этих ямах (авторов, как правило, интересовали псалии сами по себе, но не то, с чем они коррелировались). Тем не менее, повторяемость практики помещения псалиев в ямы, пусть даже порой и явно мусорные, позволяет сделать вывод, что такое их «захоронение» не является случайным. Очевидно, оно было обусловлено определенными верованиями.

IV. Зольник вне построек

На поселении *культуры Ноуа Флорень* (Румыния) в зольнике был обнаружен фрагмент рогового стержневидного псалия с орнаментом [Florescu 1991, 66, fig. 151,3; Boroffka 1998, 91, Abb. 6,7]. Артефакт может быть отнесен к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-83]. Судя по культурному контексту, комплекс датируется периодом BD.

В одном из зольников культуры Ноуа (*этап I*) на поселении **Гырбовэц** (Румыния) был выявлен фрагмент рогового стержневидного псалия с орнаментом [Hüttel 1981, 84, Taf. 8,74; Florescu 1991, 69-71, 73, fig. 150,3; Boroffka 1998, 91, Abb. 6,13]. Псалий относится к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-84].

При раскопках зольников данного поселения были найдены еще три фрагмента роговых стержневидных псалиев. Один из них орнаментирован [Florescu 1991, 73, fig. 152,3; Boroffka 1998, 91, Abb. 7,4]. Он относится к типу II, варианту II b, по Н. Бороффке [Boroffka 1998, 119]. Два других псалия [Florescu 1991, 73, fig. 151,4, 152,1; Boroffka 1998, 91, Abb. 7,2, 5] с некоторой долей осторожности могут быть причислены к типу IV, варианту IV b4, по Н. Бороффке. Судя по культурному контексту, все эти находки датируются BD.

Из зольников, вероятно, происходят еще три в разной степени поврежденных роговых стержневидных псалия. Они выявлены на поселении **Кавадинешть** (Румыния) [Dragomir 1980, 31-37; Florescu 1991, 44-45; Boroffka 1998, 89]. Один из артефактов [Dragomir 1980, fig. 6,2; Florescu 1991, fig. 151,1; Boroffka 1998, Abb. 5,6] относится к типу Фюзешабонь, варианту A по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 68-69]. Второй, орнаментированный [Dragomir 1980, fig. 6,3; Florescu 1991, fig. 150,2; Boroffka 1998, Abb. 7,1]

может быть причислен к типу Кисзомбор, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 80-81]. Третий псалий [Dragomir 1980, fig. 6,1; Florescu 1991, fig. 150,1; Boroffka 1998, Abb. 7,13] относится к типу b.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. А. Флореску связал все три артефакта со слоями культуры Ноуа (*этап II*). Вслед за ним, то же сделал и Н. Бороффка [Boroffka 1998, 120]. Однако, как отметили О.Г. Левицкий и Е.Н. Савва в рецензии на монографию А. Флореску, последний из упомянутых псалиев является более поздним: «Такой тип псалий наиболее характерен для периода раннего гальштата» [Levitskii, Savva 1993, 147]. Таким образом, первые два изделия относятся к периоду BD или, возможно, периоду HA1, третий же, по аналогиям в культуре Бабадаг (см. [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 2,1, 8]), может быть датирован в интервале HB1-HB3.

Следует сказать о еще одном интересном артефакте. На поселении Ноуа (*этап II*) **Трушешть** (Румыния) в верхнем горизонте зольника был найден обренок рога, на котором была выполнена цапфа с двумя выступами [Florescu 1991, 135, fig. 152,2; Boroffka 1998, 94, Abb. 8,6]. По мнению А. Флореску, изделие является заготовкой псалия [Florescu 1991, 135]. Н. Бороффка выразил сомнения относительно такой интерпретации [Boroffka 1998, 94]. В.Б. Панковский причислил рассматриваемый артефакт к группе изделий Трушешть-Кент, которые он поостерегся отнести к псалиям [Pankovskii 2004, 121, 123-125], подчеркнув, что «морфология группы Трушешть-Кент принципиально отличается от стандартов щитковых, стержневидных и желобчатых псалиев» [Pankovskii 2004, 125]. Мы более склоняемся к тому, что заготовка из Трушешть была все-таки предназначена для изготовления псалия (ср. [Usachuk 2013, 15]), хотя знакомство с изделием по рисунку и описанию оставляет без ответа многие вопросы, связанные с технологией изготовления предмета. Зольник, в котором заготовка найдена, датируется периодом BD или, возможно, периодом HA1.

Интерпретируя факт присутствия псалиев в зольниках, следует учитывать, что упомянутые объекты во многих культурах эпохи бронзы являлись «сакральными свалками» (термин В.Н. Горбова), связанными с культом огня и домашнего очага [Podobed et al. 2010, 23].

V. Слой вне комплексов

Следствием обрядовой деятельности может быть и залегание псалиев вне построек, ям и зольников – в «обычном» культурном слое. Вероятно, это имело место на поселении **Грэдиштя-Кослоджень** (Румыния), где имеется слой культуры *Кослоджень*. При раскопках памятника были выявлены два целых костяных стержневидных псалия [Neagu, Basarab Nanu 1986, 111, fig. 15,19; Boroffka 1998, 90-91, Abb. 5,1,2]. Изделия могут быть отнесены к форме Ловасберени, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 78-79]. Дата слоя культуры Кослоджени данного поселения – XII-XI вв. до н.э. [Neagu, Basarab Nanu 1986, 117], т.е. он относится к периодам HA1-HA2. Авторы публикации не уточняют, в каком контексте находились интересующие нас изделия, но, во всяком случае, они, судя по контексту статьи, не происходят из ям. Псалии почти идентичны типологически. Очевидно, они являлись частями одного уздечного набора, и, учитывая, что изделия были вполне годными для использования, трудно представить, что их выбросили за ненадобностью, к тому же – в двух разных местах. Скорее всего, псалии были намеренно захоронены в одном месте вследствие обрядовой манипуляции.

В данной связи нелишне коснуться еще двух находок. При раскопках поздних слоев **Трои VI** (Турция) в пределах Цитадели, на участке близ расположенных у края террасы крепостных стен Шестого города (квадрат E8), были обнаружены два фрагментированных стержневидных псалия из оленьего рога с пышным декором [Jablonka 2006, 9; Korfmann, Zidarov 2006, 678]. Один артефакт [Korfmann, Zidarov 2006, 678, 680-682, Abb. 1,1] может быть отнесен к типу Фюзешабонь, по Х.-Г. Хюттелю, а второй [Korfmann, Zidarov 2006, 682-683, Abb. 1,2] – к типу Спиш по Х.-Г. Хюттелю¹¹. Псалии датируются XIV-XIII вв. до н.э. [Zidarov 2006, 230], что соответствует периодам BC и BD. Важным моментом является то, что оба артефакта локализовались между «Домом с колоннами»¹² и Мегароном VI М. Как

они располагались друг относительно друга и в каком контексте находились, из доступных нам публикаций не ясно. К тому же, размеры квадратов, на которые разделена территории рассматриваемого памятника, довольно велики – 20×20 м (см. [Easton et al. 2002, fig. 6]). Учтем, однако, два факта: а) за многие десятилетия раскопок Трои были выявлены только эти два псалия; б) оба псалия тяготели к общественным постройкам¹³. Отсюда весьма вероятным будет допустить неслучайность «встречи» данных предметов на одном квадрате. Вполне возможно, их археологизация произошла вследствие каких-то обрядов. Косвенным аргументом в пользу того, что на участке, где обнаружены псалии, происходили обрядовые манипуляции, является обнаружение здесь нескольких каменных изделий, которые интерпретируются как навершия рукоятей мечей или украшения колесниц [Jablonka 2006, 9; Korfmann, Zidarov 2006, 686-688].

VI. Клад

В состав клада из **Бад-Райхенхаля** (Германия) входили два роговых стержневидных псалия. Один из них целый [Max 1904, 68, Taf. VII,2]. Второй представлен фрагментом [Max 1904, 68, Taf. VII,1]. Кроме данных предметов, в кладе были бронзовые изделия (фрагменты серпов, кинжал, наконечники стрел, штырьки, иглы, рыболовный крючок), абразив, орнаментированная бусина и два пряслица [Max 1904, 68-69, Taf. VII,3-19; Hansen 2012, 40, Abb. 13; 2013a, 382, Abb. 10]. У целого псалия на одном из концов имеется орнаментированное цилиндрическое утолщение, что делает данное изделие довольно своеобразным. Но если абстрагироваться от упомянутого конструктивного элемента, то псалий можно причислить к форме Ловасберени, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 78-79]. Более близок к изделиям данной формы фрагментированный псалий из рассматриваемого клада. Датировать комплекс из Бад-Райхенхаля, на наш взгляд, можно по содержащемуся в нем кинжалу. Данное изделие находит аналогии в кладе из Айюда (Румыния) [Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 106,16,17]. Этот клад относится к периоду HA1 [Petrescu-Dîmbovița 1977, 80-81]. Не противоречат такой дате и серпы из Бад-Райхенхаля. Они могут быть причислены к сер-

11. Напомним, что и на поселении Спишский Штврток была зафиксирована сходная ситуация: обнаруженные псалии являются разнотипными.

12. О данной постройке см. [Blegen 2002, 159-163, ris. 31].

13. О Мегароне см. [Jung 2000].

пам с кнопкой типа Косидер, по В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву (см. [Dergachev, Bochkarev 2002, 275-285]). Такие серпы бытовали довольно длительное время – от горизонта Косидер (BB1/BB2) до периода НВ [Dergachev, Bochkarev 2002, 285]. Стоит заострить внимание на том, что демонстрируемая кладом из Бад-Райхенхаля «связка» «псалий+пряслище+игла» имела место и в комплексе с поселении Гор-Каполнадомб (яма d/2). Возможно, отмеченная «связка» не является случайной, а отражает какую-то мифологию.

В кладе из **Чёкловины** (Румыния) присутствовали два в разной степени поврежденных роговых стержневидных псалия с орнаментом, очень близкие морфологически друг к другу [Petrescu-Dîmbovița 1977, 89, pl. 132,8; Hüttel 1981, 79-80, Taf. 7,64, 65; Boroffka 1998, 90, Abb. 5,10, 11]. Помимо псалиев, в состав комплекса входили еще около 5 тысяч различных предметов. Среди них преобладают украшения (бронзовые «фалары», бляшки, пронизи, янтарные, оловянные, стеклянные и фаянсовые бусы и т.д.), но имеются также и предметы, очевидно, культового назначения («кеглевидные» бронзовые изделия с солярными изображениями – навершия?) [Petrescu-Dîmbovița 1977, 89, pl. 132,1-7,9,10; Hüttel 1981, 79, Taf. 7,64, 65]. Псалии относятся к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 80]. Клад входит в состав серии Чинку-Сусень, т.е. датируется периодом HA1 [Petrescu-Dîmbovița 1977, 80].

В кладе из **Борияша** (Сербия) находились два морфологически тождественных роговых стержневидных псалия [Hüttel 1981, 90, Taf. 8,77, 78]. Другие изделия из клада – бронзовые кельты, серпы (целые и фрагментированные), фрагменты клинков ножей или кинжалов, разнообразные украшения и предметы облачения – «фалар», гривна, браслет, диски, проволоочные спирали, фрагмент колесовидного изделия и т.д. [Hüttel 1981, Taf. 29,1-19, 22-40]. Псалии относятся к типу Спиш, вариант Борияш, по Х.-Г. Хюттелю. Клад датируется периодом HA1 [Hüttel 1981, 90].

Стоит сказать также о кладах, где присутствовали бронзовые псалии, морфологически близкие некоторым из типов роговых псалиев, рассматривавшихся нами выше. Так, в кладе

из **Томешть** (Румыния) находился стержневидный псалий с цапфой [Petrescu-Dîmbovița 1977, 77, pl. 86,4-14, 87,1-9]. Другие вещи из комплекса представлены бронзовыми кельтом, серпами (целыми и фрагментированными), поясной пряжкой, изделием неясного назначения и двумя фрагментами предметов из бронзы [Petrescu-Dîmbovița 1977, 77, pl. 86,4-14, 87,1-9]. Серпы из клада разнообразны в типологическом плане и разновременны. Однако, самые поздние из них относятся к типу Гермэнешть, варианту Илишень, по В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву [2002, 237]. Серпы варианта Илишень бытовали в первой половине периода HA1 [Dergachev, Bochkarev 2002, 237].

В кладе бронзовых изделий из **Жбинце** (Словакия) присутствовали два бронзовых псалия с цапфами. Изделия относятся к типу Ларнауд-Бевтофт, по Х.-Г. Хюттелю [Furmánek 1979, 127, obr. 43; Hüttel 1981, 139, Taf. 19,208,209]. В комплексе присутствовали также топоры, серп, браслеты и другие предметы [Hüttel 1981, 139; Hansen 1994, 509]. Клад датируется XI в. до н.э. [Furmánek 1979, 127], т.е. периодом HA2.

Если стоять на позициях вотивной гипотезы интерпретации кладов, предполагающей их депонирование в ходе обрядов и, в частности, жертвоприношений божествам (см., например, [Hansen 1994; 2013; Agul'nikov, Ivanova 2010, 155]), то правомерно допустить, что в контексте кладов псалии имели определенную семантику. Для рассмотрения этого вопроса данных пока мало (слишком редко псалии оказывались в кладах), но, тем не менее, стоит обратить внимание на то, что вещи из упомянутых кладов могут быть соотнесены с тремя функциями – военной (клады из Бад-Райхенхаля и Жбинце, возможно, Борияша, если там были фрагменты кинжалов), производственной (эти же комплексы и клад из Томешть) и ритуальной (клад из Чёкловины; ритуальными, возможно, являются и некоторые предметы из клада Борияш, в т.ч. колесовидное изделие). Кроме того, в кладах из Чёкловины, Борияша, Томешть и Жбинце находились предметы облачения и украшения. Последние, вероятно, являлись дарами богам, предметы же, маркировавшие войну и производство, на наш взгляд, кодировали просьбы к высшим

существам об успешном протекании деятельности в этих сферах.

Стоит заострить внимание на том, что в кладе из Бад-Райхенхаля присутствовали пряслица. Напомним, что они коррелировались с псалиями и в ямах из Отославицы, Гор-Каполнадомба и Глинжень II. Как мы полагаем, данная корреляция не случайна. Нам уже приходилось писать о том, что псалии в определенных контекстах выступали как медиаторы [Podobed et al. 2010, 23]. Пряслице же является частью веретена, а веретено во многих мифологических системах выполняет функцию медиатора между мирами [Polidovich, Polidovich 1999, 220; Tsimidanov 1999, 225; Glushkova 2006, 52; Kotseva 2008, 75]. Таким образом, вероятно, «тексты», включавшие одновременно и псалии, и пряслица, были нацелены на установление контакта со сверхъестественными силами.

VI. Торфяник

В Эострюп Бюмарк (Дания) в торфянике были найдены два роговых стержневидных псалия, почти идентичных по форме и орнаментации [Hüttel 1981, 103, Taf. 11, 109-110; Penner 1998, 126]. По морфологии данные изделия не имеют полных аналогов среди псалиев более южных регионов Европы. Х.-Г. Хюттель счел, что некоторые их конструктивные особенности находят соответствия у бронзовых псалиев типа Менген-Каистен. Отталкиваясь от аналогий орнаменту, выполненному на изделиях из Эострюп Бюмарка, исследователь предложил отнести последние к периодам FD III или MD I, по периодизации С. Хенселя [Hüttel 1981, 103]. Это соответствует периоду ВА2. Такая дата, как нам представляется, очень занижена, тем более, что псалии из торфяника демонстрируют некоторое морфологическое сходство с бронзовыми псалиями, хронологическая позиция которых в рамках эпохи бронзы весьма высока. Словом, проблема датировки псалиев из Эострюп Бюмарка заслуживает отдельного изучения. Для нашей темы более важен другой момент. Псалии найдены в торфянике и, следовательно, они могут фиксировать существование практики обрядового утопления жертв в болотах, хорошо известной в культурах Европы эпохи бронзы и более позднего времени (см., например, [Androshchuk 2010, 438, 440; Hansen 2013b, 279]). Обратим внима-

ние и на то, что оба псалия имеют идентичные повреждения: сломаны в области отверстия, бывшего на цапфе. Отсюда правомерно допущение, что нарушение целостности псалиев являлось намеренным и, скорее всего, обрядовым. Суммируя всю приведенную выше информацию, можно сделать следующие наблюдения и выводы.

В культурах Центральной и Южной Европы периодов ВА2–НВ3 обрядовые манипуляции с конской уздой получили значительное распространение. Следствием этих манипуляций являлось попадание псалиев в погребения и культовые комплексы поселений. Очевидно, и клады, включавшие псалии, были не скрытыми до лучших времен наборами ценных в материальном плане вещей, но целенаправленно составленными «тестами», предназначенными для контактов с божествами.

Нам уже приходилось рассматривать контексты, в которых обнаруживаются псалии культур эпохи бронзы степной Евразии (здесь и ниже имеются в виду степь и лесостепь, взятые вместе) [Podobed et al. 2010; 2013]. Некоторые манипуляции, производившиеся с псалиями в культурах Центральной и Южной Европы, находят соответствия в культурах степей:

а) псалии использовались в погребальном обряде. При этом они выступали, как правило, в качестве погребального инвентаря и очень редко помещались в комплексы вне могил;

б) псалии оказывались в постройках, ямах за их пределами и в зольниках. Иногда их погружали в воду, что, вероятно, связано с представлениями о «водяных» конях [Podobed et al. 2013, 33];

в) в манипуляциях часто использовалась пара псалиев, а не один;

г) в обрядовый контекст порой включались отслужившие свой век изделия – изношенные и сломанные;

д) в части комплексов псалии коррелировались с пряслицами;

е) псалии входили в состав «текстов», где присутствовали наконечники стрел и колюще-режущие/рубящие орудия (в степях это преимущественно ножи, в Центральной и, особенно, Южной Европе – кинжалы и мечи). Подчеркнем, однако, то, что в большинстве учтенных комплексов с псалиями, включая и

погребения, оружие отсутствовало. Отсюда рассматривать конскую узду как атрибут исключительно воинов было бы неверным.

Между обрядовым использованием псалиев в степях, с одной стороны, и в Центральной и Южной Европе, с другой, прослеживаются и существенные различия:

а) в степях псалии чаще всего обнаруживаются в постройках, причем, как правило, они лежат на полу. Для поселений Центральной и Южной Европы такая локализация псалиев не характерна, но зато на данных памятниках псалии очень часто оказываются в ямах вне построек, что поселения степных культур, напротив, демонстрируют значительно реже;

б) в степях псалии относительно часто тяготели ко рвам или обнаруживались в их заполнении, локализовались близ стен построек. В Центральной и Южной Европе это не фиксируется. Отсюда можно предположить, что в степных культурах псалии играли важную роль в обрядах, приуроченных к границам, пролежавшим на горизонтальной плоскости. В Центральной и Южной Европе, учитывая тенденцию класть псалии в ямы, по-видимому, более важна была роль псалиев в манипуляциях, связанных с вертикальной структурой мира;

в) материалы степей значительно ярче, чем материалы Центральной и Восточной Европы, демонстрируют связь псалиев с почитанием огня и металлургическими культами;

г) в степях псалии совершенно не попадали в клады, в отличие от Центральной и Южной Европы, где это иногда имело место. Стоит, правда, уточнить, что в состав центрально- и южноевропейских кладов псалии стали включаться относительно поздно – лишь начиная с периода НА1;

Щитковые псалии юга Балкан имеют восточно-европейское происхождение [Bochkarev, Kuznetsov 2013, 6]. В свете этого следует признать, что территория Подунавья являлась «мостиком», по которому из степей распространялись новшества в области совершенствования конской узды. Любопытно, однако, следующее. Присущая ряду степных культур (синташинской, петровской, покровской, доно-вожской, абашевской и некоторым другим) практика включения псалиев в контекст социально не-

ординарных погребальных комплексов находит параллели в Микенской Греции, но не в культурах промежуточной территории севера Балкан. Если же быть более точным, то на юге Восточной Европы данная практика не фиксируется западнее Подонья. В итоге мы сталкиваемся с любопытной картиной. На начальной стадии распространения псалиев последние выступали в качестве маркеров высокой социальной позиции погребенных лишь на противоположных концах «псалиевого» ареала, но не в его середине. Объяснить данный факт мы пока затрудняемся. Добавим, что фиксируются определенные циклы использования псалиев в погребальном обряде населения Евразии эпохи бронзы. Так, в некоторых культурах степей в период, переходный от среднего к позднему бронзовому веку (соответствует периоду ВА2), имел место всплеск практики помещения псалиев в захоронения. В начальный период эпохи поздней бронзы (= ВВ1/ВВ2) данная практика постепенно угасла и лишь в финале бронзового века (= НА1-НВ1) начала возрождаться. В Южной Европе с небольшим опозданием происходил аналогичный процесс: в микенской культуре и культурах более северной территории получил некоторое распространение обычай класть псалии в погребения. В основном, это имело место в периоды ВВ1 и ВВ2. В период ВС этот обычай почти не фиксируется, а в период ВД, он, похоже, совсем угас, чтобы вновь возродиться в период НА1.

На территории Центральной и Южной Европы практика обрядовых манипуляций с псалиями, пусть и не повсеместно, существовала на всем протяжении рассматриваемого хронологического интервала (от периода ВА2 по период НВ3 включительно). В то же время, судя по тем данным, которые нам удалось собрать, масштабы рассматриваемого явления то нарастали, то сокращались. Так, вслед за всплеском интереса к обрядовому использованию псалиев в периоды ВА2 и ВВ1 (к первому относятся 5 учтенных комплексов, ко второму – минимум 5) в периоды ВВ2 и ВС произошел его спад (максимум 3 и максимум 4 комплекса соответственно). Затем вновь последовал всплеск: к периоду ВД можно отнести минимум 7 комплексов, к периоду НА1 – минимум 8. Далее, похоже, интерес к манипуляциям с

псалиями несколько упал: период НА2 представлен максимум пятью из учтенных комплексов. Ситуация в периоды НВ1-НВ3 не вполне ясна, т.к. значительная часть известных нам комплексов с псалиями этого временного интервала датируется довольно широко. Тем не менее, можно допускать, что, по крайней мере, в периоды НВ2-НВ3 обрядовая роль конской упряжки возрастает, о чем свидетельствуют

клады т.н. «фрако-киммерийского горизонта» [Chochorowski 1993; Metzner-Nebelsick 1994, 383-450; 2012, 157-179; Makhortykh 2005].

В заключение скажем, что сделанные нами наблюдения и выводы нуждаются в проверке и детализации. Расширение базы данных по контекстам обнаружения псалиев культур Центральной и Южной Европы, несомненно, позволит это сделать.

Библиография

- Agul'nikov, Ivanova 2010:** S. Agul'nikov, S. Ivanova, Kinzhal «kimmeriiskogo tipa» iz okrestnostei s. Severinovka. RA V, 2, 2010, 151-157 // С. Агульников, С. Иванова, Кинжал «киммерийского типа» из окрестностей с. Севериновка. RA V, 2, 2010, 151-157.
- Ailincăi 2013:** S.-C. Ailincăi, Începuturile epocii fierului în Dobrogea. SCIVA 64, 3-4, 2013, 223-292.
- Ailincăi, Mihail 2010:** S.-C. Ailincăi, F. Mihail, Psalii din corn descoperite în aşezări ale culturii Babadag din nordul Dobrogei. Studii de Preistorie 7, 2010, 189-200.
- Anderson Immerwahr 1971:** S. Anderson Immerwahr, The Neolithic and Bronze Ages. The Athenian agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XIII, 1971, 286.
- Andreev 2004:** Iu.V. Andreev, Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia Gretsii XI-VIII vv. do n.e. (Sankt-Petersburg 2004) // Ю.В. Андреев, Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н.э. (Санкт-Петербург 2004).
- Androshchuk 2010:** F. Androshchuk, Nahodka na ozere Hjeminde v Danii (nekotorye voprosy proizvodstva i obrashcheniya mechei v epokhu vikingov). Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia G.F. Korzukhinov. Sankt-Petersburg, 10-16 aprilia 2006 g. (Sankt-Petersburg 2010), 433-448 // Ф. Андрощук, Находка на озере Hjeminde в Дании (некоторые вопросы производства и обращения мечей в эпоху викингов). Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10-16 апреля 2006 г. (Санкт-Петербург 2010), 433-448.
- Bak 1992:** U. Bak, Bronzezeitliche Geweiheknebel in Südpolen. Archäologisches Korrespondenzblatt 22, 1992, 201-208.
- Bartonek 1991:** A. Bartonek, Zlatoobilnyie Mikenyi (Moskva 1991) // А. Бартонек, Златообильные Микены (Москва 1991).
- Berezanskaia 1974:** S.S. Berezanskaia, Pustynka. Poselenie epokhi bronzy na Dnepre (Kiev 1974) // С.С. Березанская. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре (Киев 1974).
- Blegen 2002:** K. Blegen, Troia i troiantsy. Bogi i geroi goroda-prizraka (Moskva 2002) // К. Бlegen, Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака (Москва 2002).
- Blegen 2008:** C.W. Blegen, The expansion of the Mycenaean civilization. In: (Ed. I.E.S. Edwards, N.G.L. Hammond, E. Sollberger) The Cambridge ancient history II, 2 (Cambridge University), 2008, 165-187.
- Blavatskaia 1966:** T.V. Blavatskaia, Akheiskaia Greciia vo vtorom tysyacheletii do n.e. (Moskva 1966) // Т.В. Блаватская, Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. (Москва 1966).
- Bochkarev, Kuznetsov 2013:** V.S. Bochkarev, P.F. Kuznetsov, Kul'turno-khronologicheskie kharakteristiki drevneishikh diskovidnykh psaliev Severnoi Evrazii. Problemy periodizatsii i khronologii v arheologii epokhi rannego metalla Vostochnoi Evropy. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Petersburg, 4-6 dekabria 2013 g. (Sankt-Petersburg 2013), 61-79 // В.С. Бочкарев, П.Ф. Кузнецов, Культурно-хронологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии. Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 4-6 декабря 2013 г. (Санкт-Петербург 2013), 61-79.
- Bökönyi 1953:** S. Bökönyi, Reconstruction des mors en bois de cerf et en os. Acta Archaeologica III. Academiae

Scientiarum Hungaricae (Budapest 1953), 113-122.

Boroffka 1998: N. Boroffka, Bronze- und früheisenzeitliche Geweiltrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II. EA 4, 1998, 81-135.

Cluzan 2008: S. Cluzan, Cyprus: An International Nexus of Art and Trade. In: (Eds. J. Arus, K. Benzel, J.M. Evans) Beyond Babylon: Art, Trade and Diplomacy in the Second Millenium B.C. (Metropolitan Museum of New-York 2008), 311-385.

Chochorowski 1993: J. Chochorowski, Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy środkowej. (Kraków 1993).

Dergachev, Bochkarev 2002: V.A. Dergachev, V.S. Bochkarev, Metallicheskie serpy pozdnei bronzы Vostochnoi Evropy (Kishinev 2002) // В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Dragomir 1980: I.T. Dragomir, Contribuții arheologice și etnografice referitoare la procesul de formare al așezărilor de tip cenușar «zolniki». Danubius X, 1980, 31-58.

Easton et al. 2002: D.F. Easton, J.D. Hawkins, A.G. Sherratt, E.S. Sherratt. Troy in recent perspective. Anatolian Studies 52, 2002, 75-110.

Epimakhov 2005: A.V. Epimakhov, Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5), ch. 1 (Cheliabinsk 2005) // А.В. Епимахов, Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5), ч. 1 (Челябинск 2005).

Evans 1906: A.J. Evans, The prehistoric tombs of Knossos (London 1906).

Feldman, Sauvage 2010: M.H. Feldman, C. Sauvage, Object of Prestige? Chariots in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean and Near East. Ägypten und Levante XX, 2010, 67-181.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. Cultură și civilizație la Dunărea de Jos IX (Călărași 1991).

Formozov 1984: A.A. Formozov, Stroitel'nye zhertvy na poseleniiakh i v zhilishchakh epokhi rannego metalla. SA 4, 1984, 238-241 // А.А. Формозов, Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла. СА 4, 1984, 238-241.

Furmánek 1979: V. Furmánek, Svedectvo bronzového veku (Bratislava 1979).

Gábor 2001: I. Gábor, Siedlungswesen und Bestattungssitten in Gór. Zum Übergang von der Urnenfelder- zur Hallstattzeit. Die Drau-, Mur- und Raab-Region im I vorchristlichen Jahrtausend. Akten des internationalen interdisziplinären Symposiums vom 26 bis 29, Bad Radkersburg, april 2000 (Bonn 2001), 243-268.

Gershkovich, Razumov 2009: Ia.P. Gershkovich, S.M. Razumov, „Anomal'nii” kompleks zakliuchnogo periodu piznogo bronzovogo viku z Pivnichnogo Prichornomor'ia. In: (vidp. red. V.V. Otroshchenko) Vzaemozv'iazki kul'tur epokh bronzы i rannogo zaliza na teritorii Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi (Kiiv-L'viv 2009), 132-139 // Я.П. Гершкович, С.М. Разумов, «Аномальный» комплекс заключного периода позднего бронзового века з Північного Причорномор'я. У сб.: (відп. ред. В.В. Отрошенко). Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи (Київ; Львів 2009), 132-139.

Glushkova 2006: T.N. Glushkova, Istoriia izucheniia drevnego pleteniia i tkachestva v otechestvennoi arkheologii (Surgut 2006) // Т.Н. Глушкова, История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии (Сургут 2006).

Gol'tseva, Kashuba 1995: N.V. Gol'tseva, M.T. Kashuba, Glinzhen' II. Mnogosloinyi pamiatnik Srednego Podnestrov'ia (materialy raskopok 1978-79 gg. i 1989-90 gg.) (Tiraspol' 1995) // Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.) (Тирасполь 1995).

Goncharova 1999: Iu.V. Goncharova, Nekotorye aspekty interpretatsii pogrebenii s diskovidnymi psaliiami v stepnoi i lesostepnoi zonakh Evrazii. Stratum plus 2, 1999, 336-349 // Ю.В. Гончарова, Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии. Stratum plus 2, 1999, 336-349.

Goncharova 2000: Ju.V. Goncharova, Dorogami stepnogo koridora. Tipy, varianty, predpolozheniia. Stratum plus 2, 2000, 590-594 // Ю.В. Гончарова, Дорогами степного коридора. Типы, варианты, предположения. Stratum plus 2, 2000, 590-594.

Gorbov, Mimokhod 1999: V.N. Gorbov, R.A. Mimokhod, Kul'tovye komplekсы na poseleniiakh sрубnoi kul'tury Severo-Vostochnogo Priazov'ia. In: (otv. red. A.N. Usachuk) Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ja (Donetsk 1999), 24-69 // В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход, Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В сб.: (отв. ред. А.Н. Усачук) Древности Северо-Восточного Приазовья (Донецк 1999), 24-69.

Hansen 1994: S. Hansen, Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfeldderzeit zwischen

Rhôneal und Karpatenbecken, Teil II. Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 21, 1994, 407-650.

Hansen 2012: S. Hansen, Bronzezeitliche Horte: Zeitliche und räumliche Rekontextualisierungen. Horte und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Mitteleuropa. Topoi. Berlin Studies of Ancient World 10, 2012, 23-48.

Hansen 2013a: S. Hansen, Bronzezeitliche Deponierungen in Europa nördlich der Alpen. Weihgaben ohne Tempel. In: (Hrsg. I. Gerlach und D. Raue) Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund (Rahden 2013), 371-387.

Hansen 2013b: S. Hansen, Klady v Evrope v epokhu bronzy. In: (nauchn. red. Iu.Iu. Piotrovskii) Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysyacheletie do n.e. Katalog vystavki (Sankt-Petersburg 2013), 279-289 // С. Хансен, Клады в Европе в эпоху бронзы. В сб.: (научн. ред. Ю.Ю. Пиотровский) Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки (Санкт-Петербург 2013), 279-289.

Hüttel 1978: H.-G. Hüttel, Altbronzezeitliche Pferdetrensen. Ein Beitrag zur Geschichte des 16. Jahrhunderts v.Chr. Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M. (Frankfurt am Main 1978), 65-86.

Hüttel 1981: H.-G. Hüttel, Bronzezeitliche Tensen in Mittel- und Jsteuropa. Grundzüge ihrer Entwicklung. PBF XVI,2, 1981, 159.

Ismagil et al. 2009: R. Ismagil, Ju.A. Morozov, M.S. Chaplygin, Nikolaevskie kurgany („Elena“) na reke Sterlia v Bashkortostane (Ufa 2009) // Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин, Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане (Уфа 2009).

Jablonka 2006: P. Jablonka, Vorbericht zu Frbeiten in Troia 2005. Studia Troica 16, 2006, 3-26.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag (Constanța 2005).

Jung 2000: R. Jung, Das Megaron – ein Analogie(kurz)schluss der Ägäischen Archäologie. Vergleichen als archäologische Methode. Analogien in den Archäologien. Mit Beiträgen einer Tagung der Arbeitsgemeinschaft Theorie (T-AG) und einer Kommentierten Bibliographie. British Archaeological Reports 825 (Oxford 2000), 71-95.

Karo 1930/33a: G. Karo, Die Schachtgräber von Mykenai. Text (München 1930/33).

Karo 1930/33b: G. Karo, Die Schachtgräber von Mykenai. Tafeln (München 1930/33).

Kashuba 2000: M.T. Kashuba, Rannee zhelezo v lesostepi mezhdru Dnestrom i Siretom (kul'tura Koziiia-Sakhar-na). Stratum plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Kashuba, Gol'tseva 1991: M.T. Kashuba, N.V. Gol'tseva, Sakharhianskii mogil'nik I (Tsygleu). SA 1, 1991, 197-209 // М.Т. Кашуба, Н.В. Гольцева, Сахарнянский могильник I (Цыглэу). СА 1, 1991, 197-209.

Klein 2010: L.S. Klein, Vremia kentavrov. Stepnaia prarodina grekov i ariev (Sankt-Petersburg 2010) // Л.С. Клейн, Время кентавров. Степная прародина греков и ариев (Санкт-Петербург 2010).

Kotseva 2008: J. Kotseva, Divchina-svitliachok abo bolgars'ki zhinochi charivni kazki. Narodna tvorchist' ta etnografiia 2. 2008, 73-80 // Й. Коцева, Дівчина-світлячок або болгарські жіночі чарівні казки. Народна творчість та етнографія 2, 2008, 73-80.

Korfmann, Zidarov 2006: M.O. Korfmann, P. Zidarov, Tensenknebel in Troia. In: (Hrsg. H.-P. Wotzka) Grundlagen. Beiträge zur europäischen und afrikanischen Archäologie für Manfred K.H. Eggert (Tübingen 2006), 677-690.

Koriakova et al. 2011: L.N. Koriakova, R. Krauze, A.V. Epimakhov, S.V. Sharapova, E. Kaizer, S.E. Panteleeva, N.A. Berseneva, V.V. Noskevich, V.V. Zaikov, Mikroraion Kamennyi Ambar (Cheliabinskaia oblast'): kratkie itogi issledovaniia v 2005-2008 g. Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale, t. IV (Moskva 2011), 41-43 // Л.Н. Корякова, Р. Краузе, А.В. Епимахов, С.В. Шарапова, Э. Кайзер, С.Е. Пантелеева, Н.А. Берсенева, В.В. Носкевич, В.В. Зайков, Микрорайон Каменный Амбар (Челябинская область): краткие итоги исследований в 2005-2008 г. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, т. IV (Москва 2011), 41-43.

Kristiansen, Larsson 2005: K. Kristiansen, T.B. Larsson. The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations (Cambridge 2005).

Krivtsova-Grakova 1948: O.A. Krivtsova-Grakova O.A., Alekseevskoe poselenie i mogil'nik. Arkheologicheskii sbornik. Trudy GIM XVII, 1948, 57-164 // О.А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. Археологический сборник. Труды ГИМ XVII, 1948, 57-164.

Kurmankulov et al. 2007: Zh. Kurmankulov, A.S. Ermolaeva, Zh.S. Kalieva, In: (otv. red. V.G. Loman) Arheologicheskie issledovaniia na poselenii Taldysai. Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki (Karaganda 2007), 93-105 // Ж. Курманкулов, А.С. Ермолаева, Ж.С. Калиева, В сб.: (отв. ред. В.Г. Ломан) Археологические исследования на поселении Талдысай. Историко-культурное наследие Сарыарки (Караганда 2007), 93-105.

Kuz'mina 1980: E.E. Kuz'mina, Eshche raz o diskovidnykh psaliiakh evraziiskikh stepi. KSIA 161, 1980, 8-21 //

Е.Е. Кузьмина, Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей. КСИА 161, 1980, 8-21.

Kuz'mina 1994: E.E. Kuz'mina, Horses, chariots and the Indo-Iranians: an archaeological spark in the historical dark. South Asian Archaeology. 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of South Asian Archaeologists held in Helsinki University I, Helsinki, 5-9 July 1993 (Helsinki 1994), 403-412.

Lemos, Mitchell 2011: I.S. Lemos, D. Mitchell, Elite burials in Early Iron Age Aegean. Some preliminary observations considering the spatial organization of the Toumba cemetery of Lefkandi. In: (Ed. A. Mazarakis-Ainian) Dark Ages revisited (University of Thessaly 2011), 636-646.

Levitskii, Savva 1993: O.G. Levitskii, E.N. Savva, Rets.: Adrian C. Florescu. Repertoriul Culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole In: Cultură și civilizație la Dunărea de Jos. Călărași, 1991, vol. IX – 170 p. 209 pl. Revista Arheologică 1, 1993, 145-149 // O.G. Левицкий, Е.Н. Савва, Рец.: Adrian C. Florescu. Repertoriul Culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. В сб.: Cultură și civilizație la Dunărea de Jos. Călărași, 1991, vol. IX – 170 p. 209 pl. Revista Arheologică 1, 1993, 145-149.

Litvinenko 2009: R.O. Litvinenko, Kul'turne kolo Babine (po materialam pokhovaľnikh pam'iatok): Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk (Kiiv 2009) // Р.О. Литвиненко, Культурне коло Бабине (по матеріалам поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... докт. іст. наук (Київ 2009).

Makhortykh 2003: S.V. Makhortykh, Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Kiev 2003) // С.В. Махортых, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).

Makhortykh 2005: S.V. Makhortykh, Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 2005) // С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).

Max 1904: Dr. Max, Der Knochenhügel am Langacker und die vorgeschichtliche Herdstelle am Eisenbichl bei Reichenhall in Oberbayern. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien XXXIV, 1904, 53-70.

Metzner-Nebelsick 1994: C. Metzner-Nebelsick, Die früheisenzeitliche Trensensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa. Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus: Ergebnisse eines Kolloquiums in Regensburg 28.-30. Oktober 1992 (Bonn 1994), 383-450.

Metzner-Nebelsick 2012: C. Metzner-Nebelsick, Das Opfer. Betrachtungen aus archäologischer Sicht. Bios-Cultus-(Im)mortalitas. Zu Religion und Kultur – Von den biologischen Grundlagen bis zu Jenseitsvorstellungen. Beiträge der interdisziplinären Kolloquien vom 10.-11. März 2006 und 24.-25. Juli 2009 in der Ludwig-Maximilians-Universität München (Leidorf 2012), 157-179.

Metzner-Nebelsick 2013: C. Metzner-Nebelsick, Gedanken zur Frage des kulturellen Wandels in der Zeit um 1600 v.Chr. in Nordwest-Rumänien und Nordost-Ungarn. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. Band 9. (Halle 2013), 327-353.

Motzoi-Chicideanu et al. 2012: I. Motzoi-Chicideanu, S. Matei, D. Măgureanu, O piesă de harnașament din epoca bronzului descoperită la Cărlomănești-Ceățuia. Mousaios XVII, 2012, 65-95.

Mozsolich 1953: A. Mozsolics, Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes. Acta Archaeologica III. Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest 1953), 69-111.

Neagu, Basarab Nanu 1986: M. Neagu, D. Basarab Nanu, Considerații preliminare asupra așezării eponime de la Grădiștea Coslogeni, județul Călărași. Cultură și civilizație la Dunărea de Jos II, 1986, 99-128.

Nebelsick 2005: L.D. Nebelsick, Ikonographie und Geschlecht: Bilinguale figürliche Darstellungen zwischen Nordischen Kreis und Mitteleuropa. In: (Hrsg. B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser und B. Teržan) Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 121 (Bonn 2005), 575-598.

Nefedkin 2001: A.K. Nefedkin, Boevyie kolesnitsy i kolesnichie drevnikh grekov (XVI-I vv. do n.e.) (Sankt-Petersburg 2001) // А.К. Нефёдкин, Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н.э.) (Санкт-Петербург 2001).

Oancea 1976: A. Oancea, Branches de mors au corps en forme de disque. Thraco-Dacica. Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie (București 1976), 59-75.

Ostroverkhov 2007: A.L. Ostroverkhov, Rets.: V.A. Papanova. Urochishche Sto Mogil (nekropol' Ol'vii Pontiiskoi). Kiev, 2006, SSPK XIV (Zaporizhzhia 2007), 201-221 // А.Л. Островерхов, Рец.: В.А. Папанова. Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев, 2006, ССПК XIV (Запоріжжя 2007), 201-221.

Pankovskii 2004: V.B. Pankovskii, Osobyi klass psaliev epokhi bronzy? Psalii. Elementy upriazhi i konskogo snariazheniia v drevnosti. Arkheologicheskii al'manakh 15 (Donetsk 2004), 115-127 // В.Б. Панковский, Особый класс псалиев эпохи бронзы? Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах 15 (Донецк 2004), 115-127.

Penner 1998: S. Penner, Schliemanns Schachtgrüßung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft

der frühmykenischen Streitwagenausstattung. Saabrücker Beiträge zur Altertumskunde 60 (Bonn 1998).

Penner 2004a: S. Penner, Die Wangenscheiben aus Mykene und nordöstlichen Beziehungen, *Arkheologicheskii al'manakh* 15 (Donetsk 2004), 62-81.

Penner 2004b: S. Penner, Shchitkovye psalii iz Miken i ikh severo-vostochnye analogii. *Arkheologicheskii al'manakh* 15 (Donetsk 2004), 82-91 // С. Пеннер, Щитковые псалии из Микен и их северо-восточные аналогии. *Археологический альманах* 15 (Донецк 2004), 82-91.

Petrescu-Dîmbovița 1977: M. Petrescu-Dîmbovița, *Depozitele de bronzuri din Romania* (București 1977).

Podobed et al. 2010: V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Psalii, «zabytye» v ostavlennom dome (po materialam poselenii Azii i Vostochnoi Evropy epokhi bronzy). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* 3(15) (Gorno-Altaysk 2010), 14-33 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы). *Древности Сибири и Центральной Азии* 3(15) (Горно-Алтайск 2010), 14-33.

Podobed et al. 2013: V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Konskaia uzda – atribut initsiatsii? (po materialam kul'tur stepnoi i lesostepnoi Evrazii finala pozdnei bronzy i nachala rannego zheleza). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* 5(17) (Gorno-Altaysk 2013), 23-44 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Конская узда – атрибут инициаций? (по материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа). *Древности Сибири и Центральной Азии* 5(17) (Горно-Алтайск 2013), 23-44.

Podobed et al. 2014: V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Ugly zhilishch kak mediativnye lokusy (Poseleniia epokhi bronzy Tsentral'noi Azii i Sibiri). *Arkheologiya zhāne ētnologiyadary mādenieter sabaqtastyghy māselesi atty “VI Orazbaev” okulary halyqaralyq ғылыми-тәжірибелік konferenciya materialdary*, Almaty, 25 sāuir 2014 (Almaty 2014), 87-94 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Углы жилищ как медиативные локусы (Поселения эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири). *Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі атты «VI Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары*, Алматы, 25 сәуір 2014 (Алматы 2014), 87-94.

Polidovich, Polidovich 1999: Iu.B. Polidovich, E.A. Polidovich, Priadenie i tkachestvo v sisteme kul'tury narodov Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza. *Tekstil' epokhi bronzy Evraziiskikh stepei. Trudy GIM* 109, 1999, 217-223 // Ю.Б. Полидович, Е.А. Полидович, Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа. *Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ* 109, 1999, 217-223.

Popham et al. 1979/1980: M.R. Popham, L.H. Sackett, P.G. Themelis, Lefkandi I. *The Iron Age. BSA* 11, 1979/1980, 464.

Potapov 2002: V.V. Potapov, Poselenie epokhi pozdnei bronzy Varenovka III v Vostochnom Priazov'e. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g.* 18 (Azov 2002), 70-94 // В.В. Потапов, Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г.* 18 (Азов 2002), 70-94.

Priakhin, Besedin 2001: A.D. Priakhin, V.I. Besedin, Konskaia uzda perioda srednei bronzy v Vostochnoevropeskoi lesostepi i stepi. In: (nauch. red. V.I. Molodin) *Dono-Volzhskaya abashevskaya kul'tura* (Voronezh 2001), 33-63 // А.Д. Пряхин, В.И. Беседин, Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи. В сб.: (науч. ред. В.И. Молодин) *Дона-Волжская абашевская культура* (Воронеж 2001), 33-63.

Prudká, Stuchlíková 1991: A. Prudká, J. Stuchlíková, Nálezy kostěné industrie ze střední doby bronzové z Otaslavic. *Archeologické rozhledy* XLIII, 1991, 253-258.

Rența 2008: E. Rența, Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița (Târgoviște 2008).

Říhovský 1982: J. Říhovský, Hospodářský a společenský život Velatické osady v Lovčickáh. *Památky archeologické* LXXIII, 1982, 5-56.

Sava 1992: E.N. Sava, Kul'tura mnogovalikovo keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Kishinev 1992) // Е.Н. Сава, Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1992).

Siniuk, Kozmichuk: A.T. Siniuk, I.A. Kozmichuk, Nekotorye aspekty izucheniia abashevskoi kul'tury v basseine Dona (po materialam pogrebenii). In: (otv. red. I.B. Vasil'ev) *Drevnie indoiranskii kul'tury Volgo-Ural'ia* (II tys. do n.e.) (Samara 1995), 37-72 // А.Т. Синюк, И.А. Козмирчук, Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений). В сб.: (отв. ред. И.Б. Васильев) *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья* (II тыс. до н.э.) (Самара 1995), 37-72.

Snitkovskaia 2013: P.A. Snitkovskaia, K voprosu o rekonstruktsii obriadovoi praktiki naseleniia tashkovskoi kul'tury Srednego Zaural'ia. *XLV Uralo-Povolzhskaya konferentsiia studentov i molodykh uchenykh* (Izhevsk 2013), 70-71 // П.А. Снитковская, К вопросу о реконструкции обрядовой практики населения ташковской культуры Среднего Зауралья. *XLV Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых* (Ижевск 2013), 70-71.

- Tkachev 2004:** V.V. Tkachev, Pogrebal'nye komplekсы s shchitkovymi psaliami v Stepnom Priural'e. Psalii. Elementy upriazhi i konskogo snariazheniia v drevnosti. Arkheologicheskii al'manakh 15 (Donetsk 2004), 7-30 // B.B. Ткачев, Погребальные комплексы с щитковыми псалиями в Степном Приуралье. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах 15 (Донецк 2004), 7-30.
- Tkacheva, Tkachev 2008:** N.A. Tkacheva, A.A. Tkachev, Epoha bronzы Verkhnego Priirtysh'ia (Novosibirsk 2008) // Н.А. Ткачева, А.А. Ткачев, Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья (Новосибирск 2008).
- Točik 1959:** A. Točik, Parohová a kostená industriá maďarovskej kultúry na juhozápadnom Slovensku. Študijné Zvesti Archeologický Ústav Slovenkej Akadémie Vied v Nitre 3, 1959, 23-53.
- Točik 1964:** A. Točik, Befestigte Bronzezeitliche Ansiedlung in Veselé. Študijné Zvesti Archeologického Ústavu Slovenkej Akadémie Vied 12, Nitra 1964, 187-291.
- Topoleanu, Jugănanu 1995:** F. Topoleanu, G. Jugănanu, Așezarea de tip Babadag de la Niculițel-„Cornet“ (județul Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1988. Peuce XI, 1995, 203-229.
- Tsimidanov 1999:** V.V. Tsimidanov, Vereteno v obriadah naseleniia srubnoi kul'tury. Tekstil' epokhi bronzы Evraziiskikh stepei. Trudy GIM 109, 1999, 224-227 // B.B. Цимиданов, Веретено в обрядах населения срубной культуры. Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ 109, 1999, 224-227.
- Tsimidanov 2001:** V.V. Tsimidanov, Astragaly v pogrebeniakh stepnykh kul'tur Vostochnoi Evropy epokhi pozdnei bronzы i rannego zheleza. Arkheologicheskii al'manakh 10 (Donetsk 2001), 215-248 // B.B. Цимиданов, Астргалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Археологический альманах 10 (Донецк 2001), 215-248.
- Tsimidanov 2004:** V.V. Tsimidanov, Social'naia struktura srubnogo obshchestva (Donetsk 2004) // B.B. Цимиданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).
- Tsimidanov 2011:** V.V. Tsimidanov, Sny i proiskhozhdenie nekotorykh predstavlenii o potustoronnem mire. Litopis Donbasu 19 (Donets'k 2011), 10-35 // B.B. Цимиданов, Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире. Літопис Донбасу 19 (Донецьк 2011), 10-35.
- Tsimidanov 2015:** V.V. Tsimidanov, Pogrebeniia srubnoi kul'tury s astragalami iz Novopokrovki-2 (Nizhnee Povolzh'e): «igroki» ili mediatory? Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniĭ 1(11) (Barnaul 2015), 56-69 // B.B. Цимиданов, Погребения срубной культуры с астралами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы? Теория и практика археологических исследований 1(11) (Барнаул 2015), 56-69.
- Usachuk 2013:** A.N. Usachuk, Drevneishie psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) (Kiev-Donetsk 2013) // А.Н. Усачук, Древнейшие псалии (изготовление и использование) (Киев-Донецк 2013).
- Usachuk et al. 2010:** A.N. Usachuk, V.A. Podobed, Iu.B. Polidovich, V.V. Tsimidanov, Raskopki kurgana srubnoi kul'tury na territorii aeroporta goroda Donetska. DAZ 13/14, 2010, 185-202 // А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка. ДАЗ 13/14, 2010, 185-202.
- Vinogradov 2003:** N.B. Vinogradov, Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Iuzhnom Zaural'e (Cheliabinsk 2003) // Н.Б. Виноградов, Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье (Челябинск 2003).
- Vladár 1971:** J. Vladár, Parohové bočnice zubadiel Otomanskej kultúry na Slovensu. Slovenska archeologia XIX-1, 1971, 5-12.
- Vladár 1973:** J. Vladár, Osteuropäische und mediterrane Einflüsse im Gebiet der Slowakei während der Bronzezeit. Slovenska archeologia, 21, 253-357.
- Zidarov 2006:** P. Zidarov, Alltagsleben in Zeiten von Krieg und Frieden – Bronzezeitliche Artefakte aus Knochen und Elfenbein. In: (Hrsg. M.O. Korfmann) Troia. Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft (Mainz 2006), 227-230.

Вячеслав Подобед, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, Украина 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, e-mail: achaeon@rambler.ru

Анатолий Усачук, кандидат исторических наук, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, Украина 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, e-mail: dood@mail.ru

Виталий Цимиданов, кандидат исторических наук, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, Украина 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, e-mail: archaeodon@front.ru

Oleg Levițki

Considerații cu privire la limita cronologică inferioară a culturii hallstattului canelat Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic

Keywords: Chișinău-Corlăteni grooved Hallstatt culture, East Carpathian region, lower chronological limit, Late Bronze Age, Noua culture, last quarter of the 13th century BC.

Cuvinte cheie: cultura hallstattului canelat Chișinău-Corlăteni, spațiul est-carpatic, limita cronologică inferioară, bronz târziu, cultura Noua, ultima pătrime a sec. XIII a.Chr.

Ключевые слова: культура канелированного гальштатта Кишинэу-Корлэтенъ, Восточно-Карпатский регион, нижняя хронологическая граница, поздняя бронза, культура Ноуа, последняя четверть XIII в. до н.э.

Oleg Levițki

Study on the lower chronological limit of the Chișinău-Corlăteni grooved ware of the Hallstatt culture from the East Carpathian regions

The forest steppe zone of the Carpathian and Dniester regions in the Hallstatt period was inhabited by the communities of early Thracians, natives of the middle Danube basin who expanded eastwards. From an archaeological perspective, these populations are known as the Chișinău-Corlăteni culture, which replaced the Noua culture of the Late Bronze Age. This process is demonstrated by a succession in multilayered settlements, where the early Hallstatt horizons overlay on stratum specific for the late Bronze Age which occurred, according to the specialists, at the middle of the 12th century BC. The results of recent research of the Noua culture prove that the final stages of the Noua and Sabatinovka cultures must be limited to the 13th century BC. Therefore, the formation of the Chișinău-Corlăteni culture in the East Carpathian area should be placed in the same chronological sequence. This situation requires for further examination of the discoveries that serve as markers of the Chișinău-Corlăteni culture, accumulated so far, in terms of determination of an area of its origin, cultural identification, and chronological framework of their advent in the East Carpathian region.

In this regard, diagnostics are certain categories of bronzes and decor motifs on bitronconic vessels. The first ones are represented by pieces of the Central European tradition, specific for the Middle-Late Bronze Age (*Hügelgräberkultur* and respectively, *Urnenfelderkultur*), spread in the basins of the Middle Danube, Upper Tisa and the Carpathian basin, mostly during BrD-HaA1 (13th-12th century BC) (pieces of jewellery and clothing, weapons, tools). Among the ornamental motifs specific for bitronconic vessels characteristic of the complex Belegiš II-Chișinău-Corlăteni the conclusive decor consists of parallel horizontal flutes in combination with a number of circular impressions, which were not used in the ceramic ornamentation of the post Belegiš II cultural groups, the evolution of which begins in middle of the 12th century BC. In conclusion, the vestiges specific for the Chișinău-Corlăteni culture, accumulated so far, provide the basis to talk about its appearance in the Eastern Carpathian region already in the first half of the 12th century, possibly even in the last quarter of the 13th century BC.

Oleg Levițki

Considerații cu privire la limita cronologică inferioară a culturii hallstattului canelat Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic

Zona de silvostepă a regiunii carpato-nistrene în epoca hallstattiană a fost populată de comunitățile tracilor timpurii, originari din bazinul Dunării de Mijloc, ca rezultat al extinderii acestora spre est. Din punct de vedere arheologic, populațiile respective sunt atestate prin cultura Chișinău-Corlăteni, ce a înlocuit cultura Noua din bronzul târziu. Procesul este demonstrat în baza succesivității din așezările pluristratificate, unde orizonturile hallstattiene timpurii suprapun nemijlocit straturile specifice perioadei târzii a epocii bronzului, și, în opinia specialiștilor, a avut loc pe la mijlocul sec. XII a.Chr. Rezultatele cercetărilor recente cu privire la cultura Noua demonstrează că fazele finale ale culturilor Noua și Sabatinovka trebuie încadrate în limitele sec. XIII a.Chr., astfel, apariția în regiunea est-carpatică a culturii Chișinău-Corlăteni urmează a fi plasată în aceeași secvență cronologică. În această situație se impune o nouă examinare a vestigiilor-marcheri cronologici ai culturii Chișinău-Corlăteni, acumulate până în prezent, din punctul de vedere al identificării zonei de proveniență, apartenenței culturale și a limitelor cronologice când acestea au apărut în regiunea est-carpatică.

Diagnosticul în această privință sunt anumite categorii de bronzuri și motive de decor pe vasele bitronconice. Primele sunt reprezentate prin piese de tradiție central-europeană, specifice pentru perioadele mijlocie-târzie a epocii bronzului (*Hügelgräberkultur* și, respectiv, *Urnenfelderkultur*), răspândite în bazinele Dunării de Mijloc, Tisei Superioare și bazinul carpatic cu precădere în perioadele BrD-HaA1 (sec. XIII-XII a.Chr.) (piese de podoabă și de vestimentație, arme, unelte). Dintre motivele ornamentale proprii vaselor bitronconice caracteristice pentru complexul Belegiš II-Chișinău-Corlăteni concludent este deco-

rul format din caneluri orizontale paralele în asociere cu un șir de impresiuni circulare, care în ornamentația ceramicii grupurilor culturale post Belegiș II, evoluția cărora începe pe la mijlocul sec. XII a.Chr., nu erau utilizate. În concluzie, vestigiile proprii culturii Chișinău-Corlăteni, acumulate până în prezent, permit să vorbim despre apariția ei în regiunea est-carpatică deja în prima jumătate a sec. XII, eventual chiar în ultima pătrime a sec. XIII a.Chr.

Олег Левицкий

О нижней хронологической границе культуры каннелированного гальштатта Кишинэу-Корлэтенъ Восточно-Карпатского региона

Лесостепная зона Карпато-Днестровского региона в гальштаттскую эпоху была заселена общностями ранних фракийцев, выходцев из Среднего Подунавья, как результат их продвижения на восток. С археологической точки зрения, это население представляет культуру Кишинэу-Корлэтенъ, которая сменила в регионе культуру Ноуа позднего периода эпохи бронзы. Процесс проиллюстрирован стратиграфией многослойных поселений, на которых горизонты с каннелированной керамикой расположены непосредственно над слоями культуры Ноуа и, по мнению специалистов, имел место в середине XII в. до н.э. Современные разработки относительно культуры Ноуа доказывают, что финальные этапы культур Ноуа и Сабатиновка должны быть помещены в рамках XIII в. до н.э., таким образом, появление культуры Кишинэу-Корлэтенъ в Восточно-Карпатском регионе следует поместить в этом же хронологическом отрезке. В этой ситуации необходимо по-новому рассмотреть имеющиеся древности – хронологические маркеры культуры Кишинэу-Корлэтенъ с точки зрения идентификации зоны их происхождения, культурной атрибуции и хронологических границ, когда они могли появиться в Восточно-Карпатском регионе.

Диагностическими в этом направлении являются определенные категории бронзовых предметов и орнаментальные мотивы декора биусеченноконических сосудов. Первые представлены изделиями Центрально-Европейских традиций среднего – позднего периодов эпохи бронзы (*Hügelgräberkultur* и, соответственно, *Urnenfelderkultur*), распространенные в Среднем Подунавье, Верхнем Потисье и Карпатском Бассейне преимущественно в периоды BrD-HaA1 (XIII-XII вв. до н.э.) (украшения и детали костюма, оружие и орудия труда). Среди орнаментальных мотивов декора верхней части биусеченноконических сосудов специфичные для комплекса Белегиш II-Кишинэу-Корлэтенъ доказательными являются композиции из пояса горизонтальных каннелюр в сочетании с параллельным рядом округлых вдавлений. В орнаментации керамики культурных групп пост-Белегиш II, эволюция которых начинается в середине XII в. до н.э., эти композиции не использовались. Таким образом, известные в настоящее время древности культуры Кишинэу-Корлэтенъ позволяют говорить о её появлении в Восточно-Карпатском регионе уже в первой половине XII, возможно, в последней четверти XIII в. до н.э.

La sfârșitul epocii bronzului, conform datelor arheologice, în zona de silvostepă a spațiului carpato-nistrean pătrund și se stabilesc comunitățile-purtătoare a culturii hallstattiene timpurii cu ceramică canelată Belegiș II sau Cruceni-Belegiș II, originare din bazinul Dunării de Mijloc, care formează aici cultura Chișinău-Corlăteni (în continuare C-C). Ea a substituit cultura Noua, comunitățile căreia au populat acest teritoriu în perioada târzie a epocii bronzului [Meliukova 1961, 35 ș.u.; Lapushnian 1979, 27 ș.u.; Smirnova 1990, 20 ș.u.; László 1994, 105 ș.u.; Levițki 1994, 51 ș.u.; 2010, 333 ș.u.; Levitskii, Kashuba 2014; Levițki, Kașuba 2015].

Derularea nemijlocită a procesului de „hallstattizare” a spațiilor de la est de Olt, inclusiv a celui est-carpatic, însă, este prezentat de specialiști în mod diferit. Unii consideră că formarea culturii C-C constituie rezultatul pătrunderii efective prin teritoriul limitrof malului stâng al Dunării

(adică prin Oltenia și Muntenia, îndeosebi zonele piemontane), a unor comunități de tip Belegiș II (Bobda II-Susani-Belegiș II) în spațiul est-carpatic, pe parcursul perioadei HaA1 [Smirnova 1990, 32; Levițki 1994, 144-145; 2010, 335-336]. Alții discută numai despre răspândirea spre est a ceramicii hallstattiene cu decor canelat, originară din Banat și teritoriile învecinate, proprie grupului Ticvaniul Mare-Caraburma III [Gumă 1993, 176; László 1994, 157-158) care ajunge, probabil, pe linia Dunării, până în zonele est-carpatic, în aria manifestărilor de tip C-C, cu deosebire în faza HaA2

Evident, în stadiul actual al cercetărilor, este încă greu de răspuns univoc la întrebarea cum s-a desfășurat procesul de hallstattizare al spațiului est-carpatic și de constituire a culturii C-C. Totodată, considerăm că transformarea culturală radicală intervenită la sfârșitul epocii bronzului – începutul Hallstattului, soldată cu substituirea culturii Noua prin formațiunile complexului hallstattian

timpuriu cu ceramica canelată, aspectul cărora nu atestă o evoluție în stil hallstattian a fondului cultural local de la sfârșitul epocii bronzului [Nestor 1970, 17-18; Morintz 1977, 1465-1488], prezintă o evidentă dovadă în favoarea unor deplasări de populație.

Traseul deplasării purtătorilor complexului hallstattian timpuriu cu ceramica canelată spre est, inclusiv în spațiul est-carpatic (hallstattizarea spațiului carpato-dunărean), în prezent, potrivit recentelor elaborări ale lui A. László și O. Levițki, pare a fi marcat de descoperirile hallstattiene timpurii cu ceramica canelată din teritoriile intermediare, părțile de nord ale Olteniei – Călugăreni, Răureni, Brezoi, Ocnele Mari, Căzănești, Bârsești etc. [Petre-Govora 1983, 85-95; Lazăr 2005] și ale Munteniei – Cătunul, Sărata Monteoru, Cârloănești [László 2001, 318], de depozitele de bronzuri ce conțin piese de tradiții de la Dunărea de Mijloc – Socu, Sacoți, Drajna de Jos [Petrescu-Dîmbovița 1977, 120, pl. 284,4; 120, pl. 281,6,7,16; pl. 282,1; 78-79, pl. 90,12; 92,5], precum și de descoperirile fortuite de piese de bronz – spade/săbii de tipuri central-europene – Ostrovu Mare/Mehedinți; Gruj/Gorj; Belcești, Mateești, Prundeni/Vâlcea; Valea Voievozilor/Dîmbovița [Bader 1991, Călătoiu 2002, 36-62; Lazăr 2005, 76, 93, 99, 103, 107], pumnalul de tip Peschiera din regiunea muntoasă a județului Gorj [Berciu 1939, 287, fig. 171], așezarea din Subcarpații de Curbură de la Căndești [Florescu, Florescu 1983, 112-123; 1990, 49-102] reprezentând punctul de legătură cu masivul monumentelor culturii C-C (fig. 1). Cu totul deosebit se prezintă traseul de răspândire a purtătorilor tradițiilor din zona Dunării de Mijloc în baza analizei și localizării uneltelor de bronz (celturi, seceri), care conform acestora, pornea din zona Banatului dunărean, în sus, pe Mureș, în centrul Transilvaniei și mai departe pe râul Olt și peste trecătoarea Brețcu spre zona interfluviului Siret și Nistru [Dergachev 1997, 54].

Cronologia relativă a culturii C-C din spațiul est-carpatic, la stadiul actual al cercetărilor, se prezintă în felul următor. Limita ei inferioară este stabilită, unanim, de către toți specialiștii în baza datelor stratigrafice, obținute în urma cercetării prin săpătură a așezărilor cu mai multe niveluri de locuire, unde cele hallstattiene timpurii ale culturii C-C suprapun nemijlocit straturile perioadei târzii a epocii bronzului specifice culturii Noua de

la Corlăteni, Trușești, Andrieșeni, Căndești, Suruceni, Petruha, Petrușeni etc. [vezi Levițki 1994, 54; László 1994, 106-107].

Coraportul stratigrafic cu cultura precedentă Noua (succesivitate directă) de asemenea servește drept reper de bază și pentru stabilirea cronologiei absolute a culturii C-C. Ținând cont de datele existente referitoare la limita cronologică superioară a culturii Noua, plasată în a doua jumătate a sec. XII a.Chr. [Florescu 1964, 185, 189; Petrescu-Dîmbovița 1964, 264-267; Smirnova 1978, 70; Morintz 1978, 155; etc.] și de seria de obiecte sigur databile, provenite din siturile hallstattiene timpurii, cercetătorii atribuie apariția în spațiul est-carpatic a culturii hallstattiene timpurii cu ceramică canelată în sec. XII a.Chr. (Hänsel 1976, 111-113), către hotarul sec. XII-XI/nu mai târziu de sfârșitul sec. XII a.Chr. [Smirnova 1985, 47] sau către mijlocul sec. XII a.Chr. [László 1976, 98; 1989, 121-122; 1994, 129; 2001, 320; Levițki 1994, 146-147; 2010, 337, etc.; Levitskii, Kashuba 2014; Levițki, Kașuba 2015].

La nivelul actual al cercetărilor, cunoștințele despre limitele cronologice ale blocului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni în multe privințe s-au schimbat. Datele radiocarbon calibrate și noile analogii egeene ale bronzurilor carpato-balcanice demonstrează o tendință clară spre datări mai timpurii, îndeosebi a începutului evoluției acestor culturi [vezi: Sava 2002, 213-220; Dergachev 2011, 241-246; Bochkarev 2012, 194 ș.u.; etc.]. E. Sava aduce argumente în favoarea trecerii de la perioada mijlocie a epocii bronzului la blocul cultural Noua-Sabatinovka încă în sec. XVI a.Chr., limita cronologică de existență a căruia este plasată în sec. XIII a. Chr. [Sava 2002, 219-220; Sava, Kaizer 2011, 378 ș.u.]. Bazându-se pe datele radiocarbon din siturile complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni și hallstattiene timpurii, V. Dergachev stabilește perioada de existență a primelor în perioada 1600/1500-1250/1150 BC (BrB1/BrB2-BrD/HaA1), iar a celor hallstattiene – în diapazonul sec. XII-X a.Chr. [vezi Dergachev 2011, 241-246, fig. 154]. La rândul său, V. Bochkarev examinează această coborâre a limitei superioare a blocului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni în baza cronologiei est-europene, utilizând în calitate de artefacte de bază piesele din metal de tip estic, descoperite la Dunărea de Jos, Carpații de Est și regiunea nord-vest pontică. După părerea lui, datele aduse permit atribuirea începutului culturilor

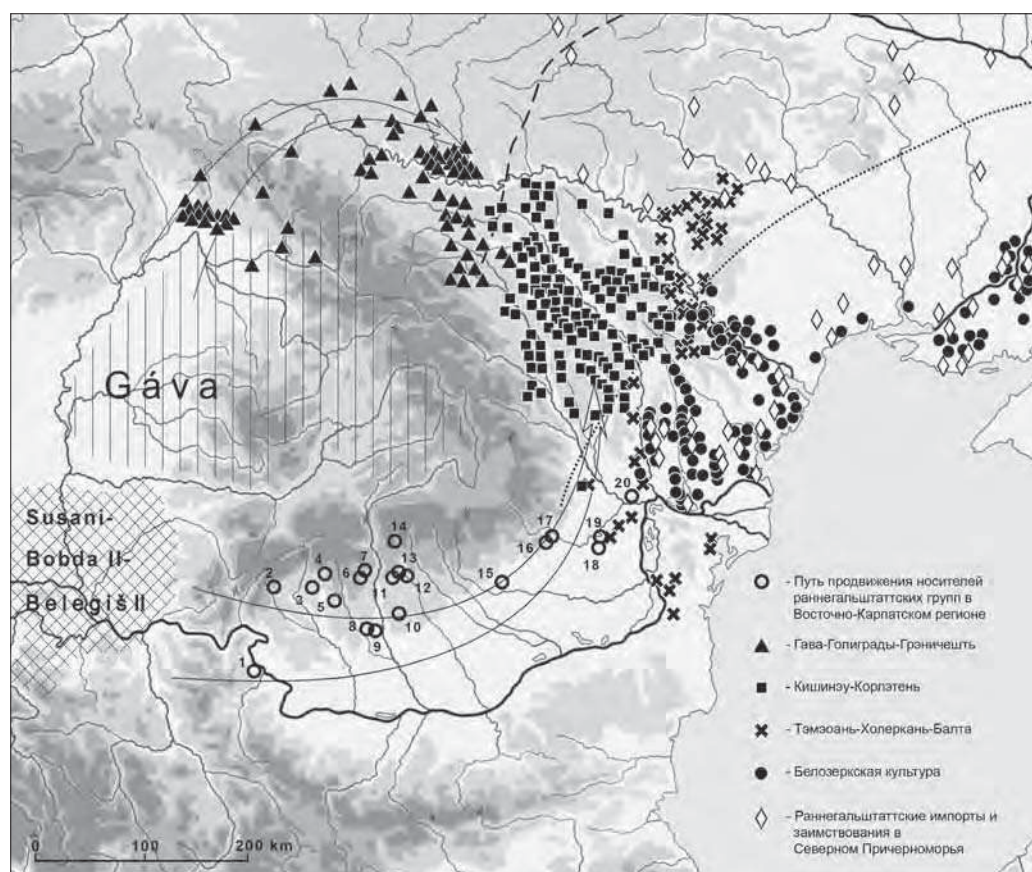

Fig. 1. Traseul probabil al deplasării purtătorilor complexului hallstattian timpuriu cu ceramica canelată spre est. Descoperiri halstattiene timpurii din părțile de nord ale Olteniei și Munteniei care marchează extinderea spre est.

1- Ostrovu Mare; 2- Călugăreni; 3- Gorj; 4- Gruji; 5- Socu; 6- Mateești; 7- Sacoți/Slătioara; 8- Căzănești; 9- Bălcești; 10- Prundeni; 11- Bârsești; 12- Răureni; 13- Ocnele Mari; 14- Berzoi; 15- Valea Voievozilor; 16- Drajna de Jos; 17- Cătușu; 18- Sărata-Monteoru; 19- Cărlomănești; 20- Căndești.

Fig. 1. A probable route of eastward movement of the carriers of the early Hallstatt culture of grooved ceramics and discoveries from Northern Oltenia and Muntenia that mark this expansion.

1- Ostrovu Mare; 2- Călugăreni; 3- Gorj; 4- Gruji; 5- Socu; 6- Mateești; 7- Sacoți/Slătioara; 8- Căzănești; 9- Bălcești; 10- Prundeni; 11- Bârsești; 12- Răureni; 13- Ocnele Mari; 14- Berzoi; 15- Valea Voievozilor; 16- Drajna de Jos; 17- Cătușu; 18- Sărata-Monteoru; 19- Cărlomănești; 20- Căndești.

Noua și Sabatinovka nu mai târziu de perioada sec. XV a.Chr., iar fazele lor finale să fie încadrate în limitele sec. XIII a.Chr. [Bochkarev 2012, 206].

În această situație se impune o nouă examinare a vestigiilor-marcheri cronologici ai culturii Chișinău-Corlăteni, acumulate până în prezent, din punctul de vedere al identificării zonei de proveniență, apartenenței culturale, limitelor cronologice de circulație și perioadei când acestea au apărut în regiunea est-carpatică.

Pentru aceasta vom apela la anumite categorii de piese de bronz care reprezintă cele mai timpurii „infiltrări hallstattiene”, de tradiție central-europeană, de la Dunărea de Mijloc, transilvăneană și/sau ungurească atestate în spațiul est-carpatic în

depozite, așezări, necropole ori descoperite fortuit (Fig. 2), precum și la unele elemente și compoziții ornamentale utilizate în decorul părții superioare a vaselor bitronconice (amfore/urne) – tip de recipient definitoriu pentru cultura Belegiș II – Chișinău-Corlăteni, care are și valență cultural-genetică [vezi Levițki, Kașuba 2015], datorată unor grupuri de păstori și agricultori războinici din marginea vestică a blocului carpato-balcanic, ce pun în mișcare o puternică expansiune spre răsărit, asimilând cultural în calea lor toate grupele ce se formaseră în perioada „bronzului final” (grupul Noua-Sabatinovka și cel sudic de la Dunărea de Jos) și realizează o nouă mare unitate mobilă carpato-balcanică, acea a *hallstattului timpuriu*

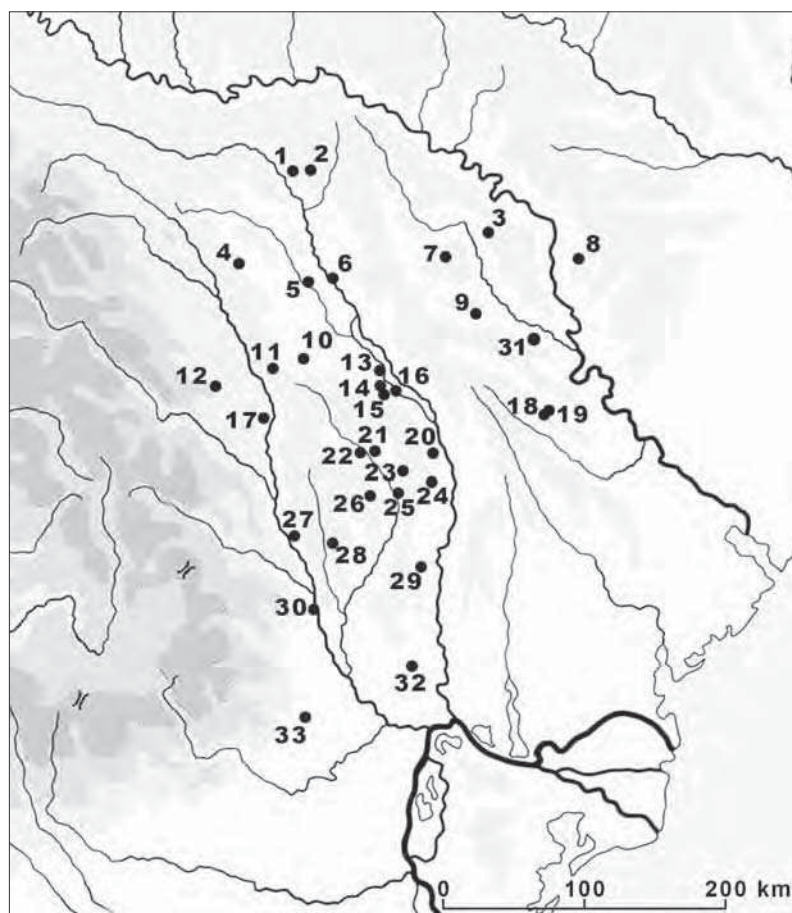

Fig. 2. Bronzuri de tradiție central-europeană, specifice perioadei BrD–HaA1 (sec. XIII–XII a.Chr.) atestate în spațiul est-carpatic.

1- Tețcani; 2- Trinca-Izvorul lui Luca; 3- Gura Camencii; 4- Stâncești-Bobeuca; 5- Jijia; 6- Ilișeni; 7- Heciul Nou; 8- Rîbnița; 9- Mîndrești; 10- Ulmi Liteni; 11- Ruginoasa; 12- Târpești-Rîpa lui Bodai; 13- Dorobanț-La lutărie; 14- Iași-În lungul vântului; 15- Bucium; 16- Tomești; 17- Poiana Dulcești-Siliște; 18- Durlăști; 19- Buiucanii Vechi; 20- Bunești; 21- Răteșu Cuzei-La Chiuă; 22- Negrești; 23- Văleni; 24- Tătărăni; 25- Vaslui-Curțile Domnești; 26- Poieniști; 27- Gioșeni; 28- Țigănești; 29- Horga; 30- Ruginești-Gorgana; 31- Pădurea Furceni; 32- Băleni; 33- Căndești-Coasta Banului.

Fig. 2. Bronzes of Central European tradition specific to the period of BrD–HaA1 (13th–12th centuries BC) from the East Carpathian region.

1- Tețcani; 2- Trinca-Izvorul lui Luca; 3- Gura Camencii; 4- Stâncești-Bobeuca; 5- Jijia; 6- Ilișeni; 7- Heciul Nou; 8- Rîbnița; 9- Mîndrești; 10- Ulmi Liteni; 11- Ruginoasa; 12- Târpești-Rîpa lui Bodai; 13- Dorobanț-La lutărie; 14- Iași-În lungul vântului; 15- Bucium; 16- Tomești; 17- Poiana Dulcești-Siliște; 18- Durlăști; 19- Buiucanii Vechi; 20- Bunești; 21- Răteșu Cuzei-La Chiuă; 22- Negrești; 23- Văleni; 24- Tătărăni; 25- Vaslui-Curțile Domnești; 26- Poieniști; 27- Gioșeni; 28- Țigănești; 29- Horga; 30- Ruginești-Gorgana; 31- Pădurea Furceni; 32- Băleni; 33- Căndești-Coasta Banului.

carpato-balcanic [Nestor 1970, 27–28]. Să analizăm situația.

În literatura de specialitate este unanim acceptată opinia, conform căreia prezența în spațiul carpato-nistean a pieselor de bronz de tradiție central-europeană, specifice pentru perioadele mijlocie-târzie a epocii bronzului (*Hügelgräberkultur* și respectiv, *Urnenfelderkultur*), răspândite în bazinele Dunării de Mijloc, Tisei Superioare și în bazinul carpatic, cu precădere în perioadele BrD–HaA1 (sec. XIII–XII a.Chr.), mărturisesc despre faza inițială a „contraatacului blocului carpatic” și a „hallstattizării” acestei regiuni, precum și a datării timpurii a începutului culturii hallstattului canelat C-C [Petrescu-Dîmbovița 1971, 180; 1984, 191–192; Iconomu 1977, 213–229; Vulpe, Căpitănu 1989, 69–81; 1995, 237–244; László 1994, 139, nota 361; etc.].

Dupa cum credem, diagnostice din punctul de vedere al

stabilirii secvenței cronologice când în regiunea est-carpatică încep să apară bronzurile de origine apuseană (în cazul unor deplasări efective de populație), ar fi piesele de podoabă și vestimentare, armele, dar și unele categorii de unelte.

În acest context, trebuie să fie invocate, în primul rând, depozitele de bronzuri care conțin primele „infiltrări hallstattiene” cunoscute în arealul culturii Noua – de exemplu, piesele de tradiție de la Dunărea de Mijloc, transilvănene și/sau ungurești: Căndești, Băleni, Gioșeni, Țigănești, Tătărăni, Negrești, Tomești, Măndrești, Tețcani etc., tradițional atribuite ori sfârșitului perioadei BrD, ori perioadei HaA1 [Dergachev 2011, 259–260], precum și „depozitul” de la Kamennyi Rot (Gura Camencii) [Klochko, Kozymenko 2011, 65–66, 164] și cel de la Jijia/Botoșani [Păunescu, Șadurschi 1983, 231, fig. 19,1]. În al doilea rând, sunt sugestive depozitele de bronzuri descoperite în așezările culturii C-C, care nu au în componența lor piese de tip estic, specifice pentru cultura Noua – Ilișeni [Foit 1964, 461–469], Ruginoasa [Ursachi 1968, 27 ș.u.] etc.

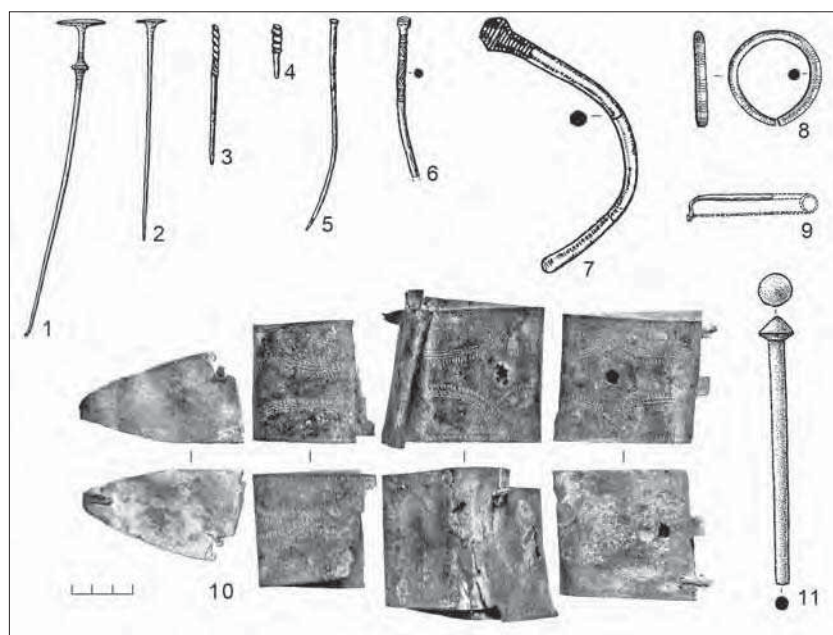

Fig. 3. Piese de bronz de podoabă și de port de tradiții vestice (central-europeană, inclusiv dunăreană și carpatică) în aria culturii Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic. 1,2- Poiana Dulcești-Siliște; 3-5- Târpești-Rîpa lui Bodai; 6,8,11- Trinca-Izvorul lui Luca; 7- Vaslui-Curțile Domnești; 9- Rateșu Cuzei; 10- depozitul Gura Camencii; (1,2- după Ursachi 1968; Bichir 1973; Hänsel 1976; 3-5- după Marinescu-Bălcu 1981; 6,8,11- după Levițki et al. 2003; 7- după Andronic 1981-1982; 9- după Buzdugan 1979; 10- după Klocho, Kozymenko 2011).

Fig. 3. Bronze adornment and clothing pieces of a Western tradition (the Central European, including the Danubian and Carpathian) discovered in the area of the Chișinău-Corlăteni culture in the East Carpathian region. 1,2- Poiana Dulcești-Siliște; 3-5- Târpești-Rîpa lui Bodai; 6,8,11- Trinca-Izvorul lui Luca; 7- Vaslui-Curțile Domnești; 9- Rateșu Cuzei; 10- deposit from Gura Camencii; (1-2- after Ursachi 1968; Bichir 1973; Hänsel 1976; 3-5- after Marinescu-Bălcu 1981; 6,8,11- after Levițki et al. 2003; 7- after Andronic 1981-1982; 9- after Buzdugan 1979; 10- after Klocho, Kozymenko 2011).

În rândul al treilea, menționăm bronzurile de tradiție central-europeană specifice pentru perioadele mijlocie-târzie ale epocii bronzului (*Hügelgräberkultur* și, respectiv, *Urnenfelderkultur*), răspândite în bazinele Dunării de Mijloc, Tisei Superioare și în bazinul carpatic cu precădere în perioadele BrD-HaA1 (sec. XIII-XII a.Chr.), încadrate în seriile *Uriu-Domănești* (BrD) – Cin-cu-Suseni (HaA1), depistate în așezările cu mai multe niveluri de locuire (inclusiv Noua – hallstatt canelat), materialele cărora nu au putut fi separate stratigrafic: Căndești „Coasta Banului”/Vrancea [Florescu, Florescu 1990, 49-102], Poiana Dulcești

„Siliște”/Neamț [Ursachi 1968, 147-152; Bichir 1973, 97-105 (98-102); Târpești „Rîpa lui Bodai”/Neamț [Marinescu-Bălcu 1981, 147-159], Rateșu Cuzei „La Chiuă”/Vaslui [Buzdugan 1979, 60-61, fig. 7,3], Horga, com. Epureni/Vaslui [Udrescu 1973-1974, 24, nr. 113b, fig. 8,5; Coman 1980, 131, nr. XXVIII.24, fig. 123,9], eventual, Văleni „La Moară”/Bacău [Ursachi 1968, 117-119; 1970, 265; Florescu 1991, 140, Fig. 102A, 9]¹, precum și în siturile hallstattiene timpurii cu ceramica canelată: Buiucanii Vechi/ mun. Chișinău [Agul’nikov, Tkachuk 1990, 105-107], Trinca „Izvorul lui Luca”/ r-nul Edineț [Levițki et al. 2003, 171-182], necropola Vaslui „Curțile Domnești” [Andronic 1981-1982, 117-126] etc.

În cel de-al patrulea rând, sunt concludente piesele de bronz descoperite izolat la Bucium/Iași [Petrescu-Dîmbovița 1953, 463], Poienești/Vaslui [Petrescu-Dîmbovița 1953, 465], Bunești/Iași [Petrescu-Dîmbovița 1953, 465; 1964, 260], Dorobanțu „La Lutărie”/„La ieșătură lângă sat”/Iași [Florescu 1991, 61], Iași „În Lungul Vântului”/„Ceairul lui Peretz” [Petrescu-Dîmbovița 1953, 14], Stăncești „Bobeuca”/Botoșani [Șadurschi 1989, 171], Ruginești „Gorgana”/Vrancea [Petrescu-Dîmbovița 1978, 15] etc. În sfârșit, anumite elemente și compoziții ornamentale utilizate în decorul părții superioare a vaselor bitronconice (amfore/urne) – tip definitiv pentru cultura Belegiș II-Chișinău-Corlăteni [Forenbaher, 1994, 49-50, fig. 1,2; Levitskii, Kashuba 2014, 256 ș.u.], lucrate conform tehnologiei apărute în zona Dunării de Mijloc în procesul transformărilor culturale de la sfârșitul epocii bronzului, în faza târzie a culturii Belegiș (Belegiș II) și în grupul Igrîța sub influențe din partea culturii mormintelor tumulare *Hügelgräberkultur* și preluată de ceramiștii din perioada

1. Acest punct este discutabil, deoarece autorul săpăturilor V. Ursachi indică prezența, de rând cu vestigiile Noua, și a unor resturi sporadice din prima epocă a fierului, dar nu menționează acul de bronz cu capul discoidal. La rândul său, A. Florescu nu menționează existența nivelului din prima epocă a fierului, dar prezintă acul.

de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului [vezi: László 1973, 598-599, nota 168; Gumă 1993, 168 ș.u.].

Bronzurile de tradiție central-europeană, specifice pentru perioadele mijlocie-târzie ale epocii bronzului (*Hügelgräberkultur* și, respectiv, *Urnenfelderkultur*), răspândite în bazinele Dunării de Mijloc, Tisei Superioare și bazinul carpatic cu precădere în perioadele BrD-HaA1 (sec. XIII-XII a.Chr.), încadrate în seriile Uriu-Domănești (BrD) – Cincu-Suseni (HaA1) în spațiul est-carpatic sunt cunoscute prin *piese de podoabă și de port, arme și unelte*.

Categoria pieselor de podoabă și de port este reprezentată prin ace de diverse tipuri, brățări, fibule și fragmente de brăie/centuri (fig. 3).

Acele predomină cantitativ. Sunt cunoscute ace cu capul în formă de disc-pecete, unul prevăzut cu o nodozitate bitronconică în partea de sus a tijeii, ornamentat cu incizii paralele orizontale pe tijă și verticale pe partea proeminentă a nodozității (tip *Scheibenkopf-Petschaftskopfnadel*) – Poiana Dulcești „Siliște” [Ursachi 1968, fig. 29,1,6; Bichir 1973, fig. 2,1,2 [vezi desenul, Hansel 1976, 2, Taf. 42,9], Văleni „La Moară” [Florescu 1991, fig. 102A,9]; ace în formă de cui, cu capul simplu, aplatizat sau ușor plan-convex; ace cu tija torsionată în partea superioară; ace ușor îngroșate în partea superioară, cu capul plat/lățit, ornamentat prin incizii oblice încadrate în registre limitate prin linii orizontale paralele, sub care se află două mici nodozități neornamentate – Târpești „Rîpa lui Bodai” [Marinescu-Bîlcu 1981, fig. 4,1-3]; ace cu capul bitronconic, ornamentate prin linii incizate orizontal pe gămălie și partea superioară a tijeii – M.9, necropola Vaslui „Curtile Domnești” [Andronic 1981-1982, fig. 5,6], Horga, com. Epureni/ Vaslui [Udrescu 1973-1974, 24, nr. 113b, fig. 8,5; Coman 1980, 131, nr. XXVIII.24, fig. 123,9]², sau, linii incizate orizontal pe gămălie și partea superioară a tijeii în asociere cu incizii în zigzag încadrate în registre limitate prin linii orizontale paralele – Trinca „Izvorul lui Luca” [Levițki et al. 2003, fig. 4,2]; ace cu capul conic – Trinca „Izvorul

lui Luca” [Levițki et al. 2003, fig. 4,6].

Brățările de formă circulară cu secțiunea ușor ovală, cu capetele subțiate apropiate, ornamentate cu grupuri a câte cinci linii incizate perpendiculare pe corp și separate de mici intervale – Trinca „Izvorul lui Luca” [Levițki et al. 2003, fig. 3,7].

Fibulele sunt cunoscute printr-un exemplar în stare fragmentară care se atribuie tipului *Peschiera*, descoperit în așezarea cu mai multe niveluri de locuire (așezare din bronzul târziu – cultura Noua, suprapusă de vestigii ceramice din prima și cea de-a doua vârstă a fierului) de la Rateșu Cuzei [Buzdugan 1979, fig. 7,3] sau tipul VBF I.1.A [vezi Kašuba 2008, 205, 224, Abb. 12]³.

Brăiele/centurile reprezintă o categorie de vestigii extrem de rar întâlnită la est de Carpați. În aria C-C este cunoscută o placă de centură cu cârlig în componența depozitului Tomești/Vaslui [Palade 1976, 233, 238, 243-244, fig. 2,2; 3a,4]⁴ și mai multe fragmente de la un brâu/centură de bronz ornamentat în depozitul Kamennyi Rot (Gura Camencii) [Klochko, Kozymenko 2011, 65-66, 164, ill. 99-100]⁵.

3. Această piesă reconstituie una din variantele timpurii ale fibulei în formă de arcuș de vioară – tip *Peschiera*, datat de autorul săpăturilor în intervalul de timp cuprins între sec. XIV-XII a.Chr. și atribuit comunității Noua [Buzdugan 1979, 59-75].

4. Piesa din depozitul de la Tomești, la care ne referim, este considerată de M. Petrescu-Dîmbovița drept piesă de harnasament [Petrescu-Dîmbovița 1977, 77].

5. Depozitul constă din fragmente de brâu de bronz și de seceri cu cârlig, desemnate de autorii publicației de tip Ghermănești, iar depozitul în întregime este considerat tipic pentru cultura Noua. Cu privire la secerile cu cârlig de tip Ghermănești, categorie de vestigii/bronzuri caracteristice pentru epoca bronzului târziu din Europa de Est (grupa est-carpatică), menționăm, că recent acestea au fost examinate într-un studiu fundamental [Dergachev, Bochkarev 2002, 188-239; Dergachev, Bochkarev 2006, 229-286]. În cadrul acestui tip de seceri, se identifică trei grupe mari, diferite după proporții – înalte, medii și joase, desemnate respectiv varianta Ghermănești, varianta Ruginoasa și varianta Ilișeni [Dergachev, Bochkarev 2006, 229-240, Harta 25, 26], care ilustrează succesiunea cronologică a evoluției secerilor cu cârlig. Astfel, cele mai timpurii sunt secerile de dimensiuni mari, varianta Ghermănești (prima jumătate a perioadei BrD), relativ mai târzii – secerile medii, varianta Ruginoasa (a doua jumătate a perioadei BrD) și cele mai târzii sunt secerile mici, varianta Ilișeni (prima jumătate a perioadei HaA1). Astfel, din punct de vedere cronologic, secerile cu cârlig sunt caracteristice pentru complexe perioadelor BrD-HaA1 [Dergachev, Bochkarev 2006, 278]. În contextul studiului de față mai menționăm și faptul că două depozite, în componența cărora predomină secerile cu cârlig, și care desemnează variantele succesive de evoluție a acestora – Ruginoasa și Ilișeni, sunt descoperite în așezări hallstattiene timpurii (vezi mai sus), fapt ce pune sub

2. T. Udrescu (p. 24) și Gh. Coman (p. 131) atribuie această piesă orizontului culturii Noua, iar A. Laszlo – începutului hallstattului (grupului Corlăteni) [Laszlo 1994, 150, nota 100]. Similitudinea morfologică și a ornamentației acelor de la Vaslui și Horga, precum și aflarea primului într-un mormânt de incinerare depus într-o urnă care reprezintă unul dintre cele mai timpurii tipuri ale ceramicii canelate a culturii Chișinău-Corlăteni confirmă opinia exprimată de A. Laszlo.

Armele (fig. 4; 5,4,12) sunt reprezentate prin *spade cu limbă la mâner*, atribuite la mai multe variante ale tipului *Nenzingen/Reutlingen* [Alexandrescu 1966; Bader 1991] – depozitele de la Ilișeni/Botoșani [Foit 1964, 461-469, fig. 3,7,8; Petrescu-Dîmbovița 1964, 255-256] și Jijia/Botoșani [Păunescu, Șadurschi 1983, 231, fig. 19,1]⁶, eventual, Mîndrești/r-nul Telenești [Dergachev 1975, 13, ris. 3,21; Dergachev 2002, Taf. 37,9] și Gioseni/Bacău [Vulpe, Căpitanu 1989, 71, 74, fig. 5,1,6; 1995, 239, Abb. 3,2,4], precum și descoperirile izolate de la Bucium/Iași [Petrescu-Dîmbovița 1953, 463, fig. 12] și Poieniști/Vaslui [Petrescu-Dîmbovița 1953, 465, 472-473, fig. 13]; un *pumnal* de bronz cu limbă la mâner (mânerul având marginile laterale îngroșate), prevăzut cu trei orificii, iar la bază – cu trei nervuri orizontale; garda este în formă de potcoavă, fără nituri, iar lama triunghiulară (vârful a fost rupt în vechime), cu secțiunea romboidală, ce are nervură mediană reliefată – Trinca „Izvorul lui Luca”/Edineț [Levițki et al. 2003, 177, fig. 2] și *vârfuri de săgeată* plate cu două aripioare și peduncul, prevăzute cu bară perpendiculară – Căndești/Vrancea [Florescu, Florescu 1990, 61, fig. 16,6], calificat drept vârf de lance (Florescu, Florescu 1990, 70); Buiucanii Vechi/mun. Chișinău [Agul’nikov, Tkachuk 1990, 105-107, fig. 1,2] și trei descoperiri fortuite: două piese finite provenind din r-nul Rîbnița (stânga Nistrului) [<https://reibert.info/threads/pomogite-opredelit-nakonechnik.657662/>], respectiv „Pădurea Furceni”/r-nul Orhei și o formă de turnat, găsită în preajma cetății getice de la Durlești/mun. Chișinău, situată la cca 4-4,5 km nord-vest de așezarea hallstattiană timpurie de la Buiucanii Vechi⁷.

Categoria *uneltelor* include (fig. 5,1-3; 5-11) seceri cu buton de *tip Koszider* [după Dergachev

semnul întrebării atribuirea acestei categorii de bronzuri și a depozitului în întregime în exclusivitate comunităților Noua.

6. Piesa la care ne referim a fost desemnată de autorii primei publicații drept pumnal sau spadă(?), probabil cu limbă la mâner, depozitul în întregime fiind atribuit sec. XIII-X a.Chr. – îngroparea lui a avut loc în Hallstattul timpuriu. A. Laszlo consideră că fragmentul în discuție ar proveni de la un pumnal care ar putea aparține hallstattului timpuriu [1994, 148]. L. Dascălu, de asemenea, numește această piesă pumnal, complexul fiind examinat în cadrul vestigiilor culturii Noua, atribuindu-l sec. XIII-X a.Chr. [2007]. V. Dergaciov atribuie depozitul de la Jijia culturii Chișinău-Corlăteni, datându-l în sec. XI-IX a.Chr. Piesa în discuție este identificată de T. Bader ca fragment de spadă de tip Šprockhoff Ib [Bader 1991, 85].

7. Informații, desene și foto – S. Agulnicov.

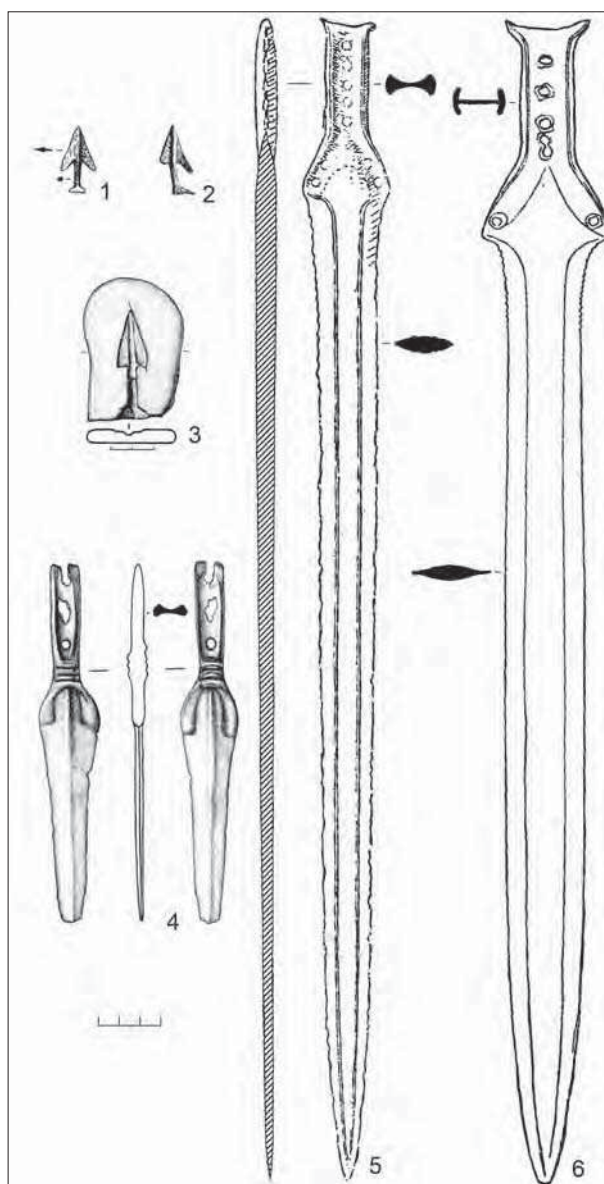

Fig. 4. Arme de bronz de tradiții vestice (central-europeană, inclusiv dunăreană și carpatică) în aria culturii Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic. 1- Buiucanii Vechi; 2- Rîbnița; 3- Durlești; 4- Trinca-Izvorul lui Luca; 5- Bucium; 6- Poieniști (1- după Agul’nikov, Tkachuk 1990; 2- după <https://reibert.info/threads/pomogite-opredelit-nakonechnik.657662/>, vizualizare 07.04.2016; 3- după Levițki 2010; 4- după Levițki et al. 2003; 5,6- după Petrescu-Dîmbovița 1953).

Fig. 4. Bronze weapons of a Western tradition (the Central European, including the Danubian and Carpathian) discovered in the area of the Chișinău-Corlăteni culture in the East Carpathian region: 1- Buiucanii Vechi; 2- Rîbnița; 3- Durlești; 4- Trinca-Izvorul lui Luca; 5- Bucium; 6- Poieniști (1- after Agul’nikov, Tkachuk 1990; 2- after <https://reibert.info/threads/pomogite-opredelit-nakonechnik.657662/>, visualization 07.04.2016; 3- after Levițki 2010; 4- after Levițki et al. 2003; 5,6- after Petrescu-Dîmbovița 1953).

1997] – depozitele Tomești/Vaslui [Palade 1976, 235-245; Petrescu-Dîmbovița 1977, 77, pl. 86,6], Ilișeni/Botoșani [Foit 1964, 462, fig. 1,1-3] și descoperirile izolate de la Dorobanțu „La Lutărie”/„La iezătură lângă sat”/Iași [Florescu 1991, 61, fig. 99,3]⁸, Iași „În Lungul Vântului”/„Ceairul lui Peretz” [Petrescu-Dîmbovița 1953, 14, fig. 6]⁹, Stâncești, punctul „Bobeuca”/Botoșani [Șadurschi 1989, 171, fig. 6,3]¹⁰, Ruginești, punctul „Gorgana”/Vrancea [Petrescu-Dîmbovița 1978, 15, Taf. 278, 73-74]¹¹; seceri cu limba la mâner de *tip Pecs* [după Dergachev 1997] – cunoscute după exemplele din depozitele Gioseni/Bacău [Vulpe, Căpitanu 1989, 71, fig. 4,1], Tătărăni/Vaslui [Iconomu 1977, 215, fig. 15.16], Măndrești/Telenești [Dergachev 1975, 13, ris. 3,20], Ilișeni/Botoșani [Foit 1964, 463, fig. 1,8] și descoperirea izolată din cenușarul nr. V al așezării culturii Noua de la Gârbovăț punctul „Zahareasca”/Galați [Petrescu-

8. Seceră de bronz, fragmentară, cu buton, semnalată la suprafața unui sit arheologic cu mai multe niveluri de locuire, inclusiv resturi de locuire Noua, cu elemente ceramice de tradiție Belopotok-Costișa și Monteoru, Hallstatt timpuriu etc. [Zaharia et al. 1970, 188-189; Chirica, Tănăsachi 1984, 42; Florescu 1991, 61; Laszlo 1994, 172, nr. 80a], inclusă în repertoriul vestigiilor de tip Noua [Florescu 1991, 61, vezi și Dascălu 2007, 124].

9. Seceră de bronz de tipul cu buton găsită pe suprafața unui cenușar de la marginea nordică a sitului cu mai multe niveluri de locuire, (inclusiv așezare din bronzul târziu cu cenușare – cultura Noua I, suprapusă de vestigii ceramice din Hallstatt etc. [Zaharia et al. 1970, 203; Chirica, Tănăsachi 1984, 186; Laszlo 1994, 174, nr. 118b]. M. Petrescu-Dîmbovița [1978, 15] și L. Dascălu [2007, 124] atribuie această piesă nivelului de locuire Noua, A. Laszlo – o califică ca descoperire izolată din perioada Hallstattului timpuriu [1994, 147]. Remarcăm de asemenea și faptul, că în repertoriul culturii Noua, cu privire la descoperirile din situl dat, nu este menționată piesa examinată aici [Florescu 1991, 79-80].

10. Seceră cu buton (fragment), prevăzută cu trei nervuri suplimentare, slab evidențiate pe suprafața lamei [Șadurschi 1989, 171, fig. 6,3]. A. Laszlo atribuie această piesă obiectelor de metal caracteristice Hallstattului timpuriu [1994, 147], iar L. Dascălu – culturii Noua [2007, 124]. Secera cu buton de la Stâncești, în studiul despre secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est, este examinată împreună cu cele din depozitele de bronzuri din arealul culturii C-C de la Ilișeni și Tomești datate în faza HaA1, caracteristice comunităților hallstattiene timpurii [Dergachev, Bočkarov 2006, 344, 345-346].

11. Două exemplare de seceri cu buton [Petrescu-Dîmbovița 1978, 15, Taf. 278,73-74]. Piese de la Ruginești, similar celorlalte seceri de acest tip, în arealul culturii C-C apar odată cu începutul procesului de hallstattizare a spațiului carpato-dunărean și constituirea formațiunilor hallstattiene timpurii Gava-Holihrași și Chișinău-Corlăteni [Dergachev 1997, 150].

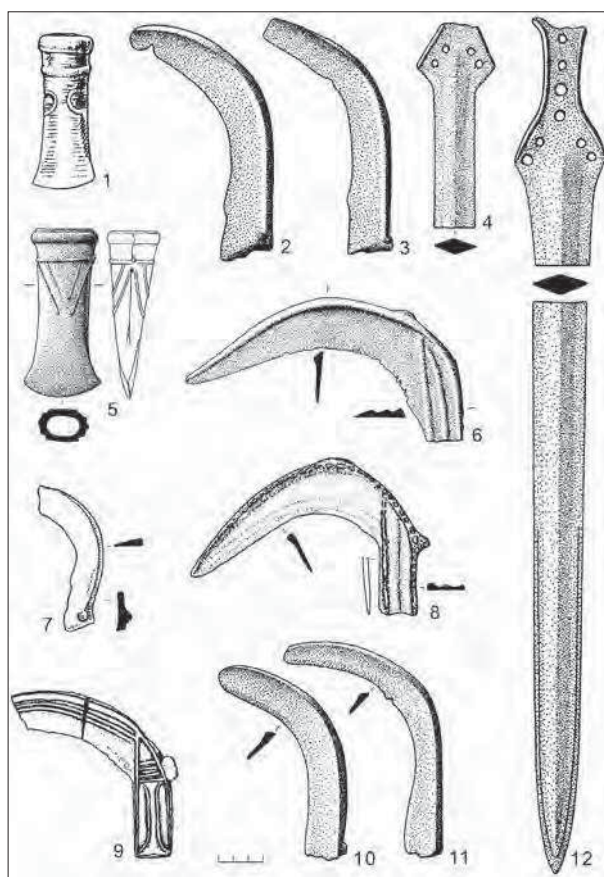

Fig. 5. Arme și unelte de bronz de tradiții vestice (central-europeană, inclusiv dunăreană și carpatică) în aria culturii Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic. 1- Bunești-Dealul lui Bob; 2-4,12- depozitul Ilișeni; 5-6- depozitul Măndrești; 7- Gârbovăț-Zahareasca; 8- depozitul Gioseni; 9- depozitul Tătărăni; 10-11- Ruginești-Gorgana (1- după Petrescu-Dîmbovița 1953; 1964; Coman 1980; 2-4,12- după Foit 1964; Petrescu-Dîmbovița 1964; 5-6- după Dergachev 1975; 7- după Petrescu-Dîmbovița 1953; 8- după Vulpe, Căpitanu 1989; 9- după Iconomu 1977; 10-11- după Petrescu-Dîmbovița 1978).

Fig. 5. Bronze weapons and tools of a Western tradition (the Central European, including the Danubian and Carpathian) found in the area of Chișinău-Corlăteni culture in the East Carpathian region: 1- Bunești-Dealul lui Bob; 2-4,12- deposit from Ilișeni; 5-6- deposit from Măndrești; 7- Gârbovăț-Zahareasca; 8- deposit from Gioseni; 9- deposit from Tătărăni; 10-11- Ruginești-Gorgana; (1- after Petrescu-Dîmbovița 1953; 1964; Coman 1980; 2-4,12- after Foit 1964; Petrescu-Dîmbovița 1964; 5-6- after Держачев 1975; 7- after Petrescu-Dîmbovița 1953; 8- after Vulpe, Căpitanu 1989; 9- after Iconomu 1977; 10-11- after Petrescu-Dîmbovița 1978).

Dîmbovița 1978, 43, Taf. 282,1109]¹²; celturi de *tip*

12. Exemplarul dat, din care s-a păstrat doar partea mediană arcuită, cu nervură longitudinală paralelă cu baza lamei, chiotul de turnare amplasat pe curbura spatelui lamei, spre mâner, deși este considerat „fragment indeterminabil”, condițiile de descoperire fiind „necunoscute”, este examinat de

Peterd [după Dergachev 1997] – depozitul Mîndrești/Telenești [Dergachev 1975, 11-13, ris. 3,17] și descoperirea izolată din punctul „Dealul Bob”, de la Bunești/Iași [Petrescu-Dîmbovița 1953, 465; 1964, 260, fig. 6,4; Coman 1980, 89].

Categoriile, respectiv, tipurile/varianțele pieselor de bronz invocate au fost examinate în cadrul unor studii de sinteză, realizate de specialiști notorii în domeniul metalurgiei bronzului din Europa Centrală și de Sud-Est pentru perioadele mijlocie-târzie ale epocii bronzului – hallstattului timpuriu [Junghans et al. 1968; Patek 1968; Vinski-Gasparini 1973; Bona 1975; Rihovsky 1979, 1983; Novotna 1980; Gedl 1983; Furmanek 1973; Kemenczei 1984; Moszolics 1985; Essen 1985; Blajer 1999, 2001; Kytlicova 2007; Pančiková 2008; Tasič 1992, Kobal 2000; Alexandrescu 1966; Bader 1983, 1991; Petrescu-Dîmbovița 1977, 1978; Dergachev 1975, 1997; Dergačev 2002; Dergačev, Bočkarev 2006 etc.], astfel că aspectele ce țin de încadrarea cronologică (inclusiv în perioadele BrD-HaA1); mediile culturale de proveniență cu ariile lor; răspândirea ulterioară a acestora în spațiu, la stadiul actual al cercetărilor, în linii mari, sunt definite destul de argumentat.

Categoria pieselor de podoabă și de port este reprezentată prin ace de diverse tipuri, brățări, fibule și fragmente de brăie/centuri.

Acele cu capul în formă de disc-pecete sunt cunoscute în așezările cu mai multe niveluri de locuire de la Poiana Dulcești (două exemplare) și de la Văleni „La Moară” (o piesă). Unul dintre acele de la Poiana Dulcești este prevăzut cu o nodozitate bitronconică în partea de sus a tijei și ornamentat cu incizii paralele orizontale pe tijă și verticale pe partea proeminentă a nodozității.

În Transilvania, ace cu capul în formă de disc-pecete, ornamentate cu incizii paralele orizontale în partea superioară a tijei, sunt atestate deja în complexe din perioada mijlocie a epocii bronzului – sec. XVI-XIV a.Chr.: în depozitele Pecica I și Vârșand [Petrescu-Dîmbovița 1977, 42, pl. 6,8; 46, pl. 16,1]. Totodată, acestea lipsesc totalmente în depozitele datate în BrD (sec. XIII a.Chr.), precum și în inventarul complexelor funerare ale comunităților Noua, atât din spațiul est-carpatic, cât și din cel intracarpatic [vezi Sava 2002]. Sporadic, acele

de tipul discutat sunt atestate în unele așezări Noua din sud-estul Transilvaniei – unul, în zona celei de la Rotbav/Brașov, materialul ceramic al căreia indică elemente decorative de tradiție Wietenberg, Monteoru și Belopotok-Costișa, acesta aflându-se în asociere cu o seceră cu buton ușor curbată [Florescu 1991, 113, Fig. 98A,5,9], altul provine din săpăturile unui cenușar din așezarea Noua I, de la Nicoleni/ Harghita, în cadrul ceramicii din așezare identificându-se și elemente decorative de tradiție Wietenberg [Florescu 1991, 97-98, Fig. 98A,3]. În acest context se cere de remarcat, că (doar cu excepția cazului Nicoleni) piese de tipul respectiv nu au fost găsite în așezările monoculturale de tip Noua, cercetate prin săpături. Se demonstrează, astfel, că această categorie de piese de podoabă nu era în uz la comunitățile Noua, lor fiindu-le caracteristice ace de podoabă cu totul de alte tipuri [vezi: Florescu 1991, Fig. 98A-112A; Sava 2002, Taf. 136-139; 157, 159 etc.].

Revenind la acele cu capul în formă de disc-pecete din spațiul est-carpatic examinate în acest studiu, punctăm că ele au analogii directe în depozitele seriei Cincu-Suseni – HaA1 din Transilvania. Un exemplar întreg este în depozitul de la Felnac [Petrescu-Dîmbovița 1977, 93, pl. 142,13] și mai multe exemplare fragmentare – la Uioara de Sus [Petrescu-Dîmbovița 1977, 116, pl. 268,22,50-51; respectiv, pl. 268,49,53-54]¹³.

În general, acele cu cap în formă de disc-pecete (tip *Scheibenkopf-Petschaftskopfnadel*), tija căroră în partea superioară era ornamentată cu incizii paralele orizontale, prevăzută cu o nodozitate/umflătură sau cu tortiță, reprezintă o categorie a pieselor de podoabă de tradiție central-europeană caracteristică purtătorilor complexelor culturale din perioadele mijlocie-târzie ale epocii bronzului *Hügelgräberkultur* și respectiv, *Urnenfelderkultur* [Furmanek 1973, Taf. 1,3; 3,13-14;47, 2,4,5,10,11; Rihovsky 1979, Taf. 30-32; 1983, Taf. 7,98-99; Kytlicova 2007, Taf. 29-31], iar odată cu mișcarea acestora în direcția est-sud-est, se răspândesc și în bazinul Dunării de Mijloc [Patek 1968, Taf. I, 20; II,5; Kemenczei 1984, 87] și a Tisei Superioare [Kobal 2000, 99]. Astfel, piese de tipul examinat, în cadrul culturii mormintelor tumulare din spațiul carpato-

V. Dergaciov și V. Bočkarev [Dergačev, Bočkarev 2006, 353] în cadrul secerilor „de tip Pecs” [tip desemnat anterior de V. Dergaciov – 1997, 152].

13. În opinia lui A. László, piesele de acest tip constituie argumente sigure în favoarea datării timpurii a începutului grupului Corlăteni în Moldova (László 1994, 129, 139-140, nota 361).

dunărean, sunt atestate cu precădere în complexe funerare – Salka I/Cehia [Tocik 1964, Abb. 6,1,2], Keszthely/ Ungaria [Kemenczei 1986, ris. 16,30] și mai rar în depozite – Smolenice/ Slovacia [Furmanek et al. 1999, Abb. 25,11], precum și în depozitul de la Velikie Lučki din regiunea Transcarpatică a Ucrainei [Kobal 2000, 99, Taf. 30,23,29], atribuit seriei Kriva – BrC2-BrD [Kobal 2000, 15, Abb. 12]. Mult mai reprezentative sunt acele cu cap în formă de disc-pecete din perioada târzie a epocii bronzului – în obiectivele culturii câmpurilor de urne funerare din bazinul Dunării de Mijloc: Velatice-Čaka-Hotin în Slovacia [Rihovsky 1961, Obr. 13, 1,6; 15, 1,5; Furmanek, et al. 1999, Abb. 34, 11, 15] și ale culturilor din perioada bronzului târziu/ Hallstattului timpuriu Piliny, Berkesz, Kyjatice, Gava din nord-estul Ungariei [Kemenczei 1984, Taf. XV,9,20,25; XXX,2; XXXVI,3; LI,16; C,29; CXVIIa,30; CLXXXVIII,21; CCXXIV,10], corespunzătoare depozitelor orizonturilor Aranyos, Kurd și Gyermely (B.Va, B.Vb, B.Vc) [Moszolics 1985, 66-67, Taf. 2,9; 35,9,10; 164,11; 260,11], precum și în siturile grupului cultural Igrîța din Crișana [Emodi 1980, 264, fig. 5,10; 11,67; Chidioșan, Emodi 1982, 80-82, fig. 8,1-2,5; 1983, 23, fig. 9,5; Ignat 1985, 10, Pl. XII,4].

Piese de tipul examinat sunt caracteristice, de asemenea, și pentru obiectivele culturii câmpurilor de urne funerare din Croația de Nord – Virovitica, Satnita, Sotin [Vinski-Gasparini 1973, Fig. 10,10; 66,22; 100,10; Sl.1,16-17; Perkic, Loznjak, Dizdar 2005, 68-69, T. 6,107], culturii Belegiš II din Slavonia de Est – Veliko Nabre, Brodski Varoš, Sarvaš-Gradac [Vinski-Gasparini 1973, Fig. 44,16; 52,40; Forenbaher 1994, Tabl. 2,7], Syrmia – Paračin, Jakovo – Ekonomia „Sava”, Surcin [Garashanin 1958, T.IV, гр.4; Тасић 1962, T.II, 13; Vinski-Gasparini 1973, Fig. 4,13-14] și Banat – Idoș-Gradište, Hetina [Bukvici 2000, 85-86, T. 48,5], precum și pentru monumentele de la sfârșitul epocii bronzului din nord-vestul Bulgariei [Chernykh 1978, 243, T. 66,13].

Acele cu cap în formă de disc-pecete, uneori confundate cu acele în formă de cui (*Nagelkopfna-dei*) din obiectivele perioadei târzii a epocii bronzului (orizonturile Aranyos, Kurd, Gyermely) din Ungaria, sunt datate în etapele Reinecke – BrD-HaA [Moszolics 1985, 76-84]; cele din siturile grupului Igrîța fiind atribuite perioadei BrC-D [Chidioșan, Emodi 1982, 82] sau sfârșitului perioadei

BrC-începutul perioadei BrD [Boroffka 1994, 9]; din nordul Croației – fazelor I și II ale culturii câmpurilor de urne funerare atribuite perioadelor Reinecke BrC1 târzie-BrD timpurie (sf. sec. XIV-1230 a.Chr.) și respectiv, BrD târzie-HaA1 (1230-1100 a.Chr.) [Vinski-Gasparini 1973, 22; Perkic, Loznjak, Dizdar 2005, 68]. Actualmente, în intervalul BrD-HaA1 se datează și piesele cunoscute în siturile culturii Belegiš II [Vinski-Gasparini 1973, 68, 72,78; Forenbaher 1994,54].

Ace în formă de cui, cu capul ușor plan-convex sau simplu, aplatizat. Un exemplar întreg, neornamentat, a fost depistat în așezarea de la Târpești, împreună cu cele două prezentate mai sus. În spațiul carpato-dunărean, acele de acest tip, similar acelor cu cap în formă de disc-pecete, se încadrează în categoria pieselor de podoabă de tradiție central-europeană din perioadele mijlocie-târzie a epocii bronzului *Hügelgräberkultur* și respectiv, *Urnenfelderkultur* și sunt atestate în aceleași medii culturale atribuite perioadei târzii a epocii bronzului – hallstattiene timpurii, BrD-HaA1 (vezi mai sus).

Acele cu tija torsionată în partea superioară sunt reprezentate doar prin fragmentul din așezarea de la Târpești, exemplare similare în alte situri hallstattiene timpurii din spațiul est-carpatic nu sunt cunoscute¹⁴.

Piesa respectivă, împreună cu celelalte două ace din această așezare, conform autorului săpăturilor de la Târpești, este încadrată vestigiilor de la începutul grupului Corlăteni în Moldova (László 1994, 149). Pentru încadrarea acului cu tija torsionată în etapa HaA, făcând referire la piesa din depozitul seriei Cincu-Suseni (HaA1) de la Zău de Câmpie din Transilvania [Petrescu-Dîmbovița 1977, 119, Pl. 277,13], a optat, cu altă ocazie și subsemnatul, remarcând totodată, că tija torsionată în partea de sus a piesei reprezintă un parametru propriu mai multor tipuri de ace aflate în uz în bazinul Dunării de Mijloc la sfârșitul epocii bronzului – hallstattul timpuriu [Levițki 1994, 134]. În continuare, vom specifica că acele cu tija torsionată, în Europa Centrală și de Sud-Est, au fost în uz pe parcursul întregii epoci a bronzului, deosebit de frecvent fiind în complexe din perioadele timpurie – mijlocie. Tija torsionată în

14. Tija torsionată este caracteristică acelor cu capul în formă de placă rombică și vârful rulat, atestate în unele obiective ale culturii Noua [Florescu 1991, Fig. 98A,6; 107A,5], fapt ce l-a determinat pe A.C. Florescu să atribuie tipului de ac cu placă și piesa fragmentară de la Târpești [Florescu 1991, 131],

partea superioară este caracteristică acelor cu capul în formă de placă rombică cu părțile laterale rulate spre interior (*Hülsenkopfnadeln*) și de placă rombică și vârful rulat, precum și celor cu capul sferic (*Kugelpkopfnadel, verziert*); semisferic (*Pilzkopfnadel*), ac cu capul lățit și rulat – *Rollenadel* și biconic (*Doppelkonischen Kopf*) [Junghans et al. 1968, Teil 2, T. 10/5565; 11/5629, 5723; 24/2047; 30/8745; 30/8745; 31/8935, 8935; 34/10331, 10364; 35/10620, 10705; Novotna 1980, Taf. 1,50-53; 5,170,171,193, 6,238-248, 254-255; 9-13; Rihovsky 1983, Taf. 1; 2, 1-4; Furmanek et al. 1999, Abb. 10,20,22,24,31; 16/9,11; 18/12,18; 25/15; Bona 1975, Abb. 12/4,5; 21/21,22; 22/30; Tasić 1997, Taf. II,2].

Cu privire la bazinul Dunării de Mijloc, menționăm prezența acelor cu partea superioară a tije torsionată în obiectivele perioadei târzii a epocii bronzului, acestea fiind atestate în diverse medii culturale: Piliny – ac cu capul lățit și rulat – *Rollenadel* – M.18/68 din necropola Šafarikovo [Furmanek 1977, Taf. III,7]; câmpurilor de urne funerare din Croația de Nord (faza I, BrC1-D) – ac cu capul sferic ornamentat (*Kugelpkopfnadel, verziert*) [Vinski-Gasparini 1973, Sl. 1,13] și Cruceni-Belegiš – ac cu capul bitronconic (*Doppelkonischen Kopf*) în M.220 din necropola Karaburma (faza II, BrC1-D) [Todorović 1977, 62-63, 144-146, T. XXIV,3], ac cu capătul ușor îngroșat și un fragment de tijă torsionată în M.84, respectiv, M.101 din necropola Cruceni (faza II, BrC-D) [Radu 1973, 508, 518, Pl. 3,6; 9,5].

Acul fragmentar ușor îngroșat în partea superioară, cu capul plat/lățit, ornamentat prin incizii oblice încadrate în registre limitate prin linii orizontale paralele, sub care se află două mici umflături/nodozități neornamentate, din punct de vedere tipologic, reprezintă o variantă a acelor cu capul îngroșat (de formă conică), ornamentat prin grupuri de linii incizate în zigzag și dispuse în registre – piese neatestăte în alte situri est-carpătice din perioada târzie a epocii bronzului – hallstattiană timpurie.

Acele cu capul îngroșat (*Nadeln mit abschliessender Verdickung*), în Europa Centrală sunt cunoscute deja în perioada mijlocie a epocii bronzului – M.2 din necropola de la Szoreg [Bona 1975, Taf. 128,8], M.105 din necropola culturii Piliny Gelei, Kanalis-dulo [Kemenczei 1984, 100, Taf. XVIII,6] etc. Totodată, răspândirea maximă a acestora are loc în faza timpurie a culturii câmpurilor de urne funerare din bazinul Dunării de Mijloc (*ältere Urnenfelderzeit* – BrD–HaA1)[Fur-

manek et al. 1999, Abb. 34,3; 39,30; 47,12; Patek 1968, T. X,7; XXIX,23-25,30; LIII, 1,4,5; LXXVII.

În spațiul carpato-dunărean, cele mai timpurii apariții ale acestor piese sunt atestate în BrD – așezarea de la Crasna/ Sălaj, mediul cultural Otomani târziu [Lako, 1987, 78, pl. II,5], peștera Izbândiș, grupul cultural Igrîța/ Crișana din perioada târzie a epocii bronzului, datat în limitele BrC-D [Chidioșan, Emodi 1983, 23, fig. 9,7,8], depozitul Doștat/ Alba – seria Uriu-Domănești (BrD) [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 46,26] și în depozitul de la Cornuțel/ Banat [Stratan 1964, fig. 3,4] atribuit seriei Uriu-Domănești (BrD) [Petrescu-Dîmbovița 1977, 55; Boroffka 1994, 9]. Răspândite pe larg ele devin îndeosebi în perioada HaA1: în Transilvania – așezarea datată la începutul perioadei HaA de la Uioara de Jos „Grui” [Ciugudean 1994, 27, 35, fig. 2,9] și depozitele seriei Cincu-Suseni de la Dipșa, Gușterița II, Uioara de Sus [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 140,11; 160,11-12; 268, 268, 36-41, 47-48]; Banat – necropolele Ticvaniul Mare [Gumă 1993, pl. XXV, 4d, 5f], Voilovica-Rafineria II [Bukvici 2000, 83, T. 15,6; 28,5]; Slovenia de Est – așezările culturii Belegiš II – Vucedol-Streim, Osijek-Retfiva, Sarvaš, Sotin, Lovas [Forenbaher 1994, 52-53, Fig. 8,3, Tabl. 2; Šimić 1994, 199, Pl. 6,2]; Syrmia – așezarea Jakovo – Ekonomia „Sava” [Tasić 1962, T. IV, 2] și depozitele orizontului II după K. Vinski-Gasparini (1230–1100 a.Chr.) – Don’i Petrovats [Popovič 1994b, T. XXIII,2] Dobrinats [Popovič 1994a, T. XVIII,2], Nove Bingule [Popovič 1975a, XXXV,6], Simanovats [Popovič 1975b, T. XLIV,3], Privina Glava [Garašanin 1975, T. LXVII,15]. După cum reiese din cele prezentate, circulația acestor ace se limitează la perioada BrD–HaA1, unica excepție fiind reprezentată de exemplarul depistat în cadrul nivelului II de locuire de la Teleac, atribuit perioadei HaB2 [Vasiliev et al.1991, 64-65, fig. 18,12].

Acele cu capul bitronconic provin din siturile hallstattiene timpurii cu ceramica canelată ale culturii C-C – necropola de la Vaslui „Curtile Domnești” și, eventual, așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, precum și din așezarea cu mai multe niveluri de locuire (inclusiv Noua și Hallstatt) de la Horga.

Acul din urna M.9 din necropola de la Vaslui și cel de la Horga sunt ornamentate pe gămălie și partea superioară a tije prin linii incizate orizontale, iar cel de la Trinca – cu linii incizate orizontale pe gămălie și partea superioară a tije în asociere

cu incizii în zigzag încadrate în registre limitate prin linii orizontale paralele.

În spațiul dintre Nistru și Prut o piesă identică celei de la Vaslui este prezentă în materialele așezării de la Holercani, care aparține orizontului hallstattian timpuriu cu ceramica incizată [Passek 1956, 24; Dergachev 1975, 28, ris. 10,1; Levițki 1994a, 229, pl. 12,1].

În general, acele de tipul examinat, ornamentate similar, prezintă vestiii de tradiții central-sud-est europene: în Slovacia ele sunt caracteristice culturii Piliny (descoperiri fortuite de la Slizké) [Novotna 2000, 134-135, Taf. 40,866-867] și Lausitz (L'uborča) [Furmanek et al. 1999, Taf. 39,3]. În Transilvania, analogii apropiate găsim în depozitele seriei Cincu-Suseni (HaA1) de la Șpálnaca II și Tășad [Petrescu-Dîmbovița 1977, 112, Pl. 210,17-18; 213,5], iar în Croația – în depozitele fazei a II-a a culturii câmpurilor de urne – 1230-1100 a.Chr. [Vinski-Gasparini 1973, T. 52,30,31].

Exemplarul de la Trinca atestă un cerc restrâns de analogii. Cele cunoscute nouă provin din complexe funerare care aparțin mediilor culturale din perioada târzie a epocii bronzului BrC-D – Lausitz din Slovacia (Furmanek et al. 1999, Abb. 39,4) și Piliny din nord-estul Ungariei [Kemenczei 1984, T. VI,19; XV,17]. Mai menționăm că decorul incizat pe partea superioară a acului de la Trinca este identic celui aplicat pe acele cu capul îngroșat (*Nadeln mit abschliessender Verdickung*), care după cum s-a arătat mai sus, în spațiul carpato-dunărean au fost în uz, cu precădere, în perioada BrD-HaA1.

Acele cu capul conic/bitronconic sunt reprezentate printr-un fragment al părții superioare a unui exemplar de mari dimensiuni din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. Astfel de piese nu ne sunt cunoscute în cadrul obiectivelor hallstattiene timpurii din spațiul est-carpatic. De asemenea, ele lipsesc și în siturile din perioada târzie a epocii bronzului. Totodată, acele cu capul conic/bitronconic fără decor sunt răspândite în Europa de Sud-Est începând cu perioada timpurie a epocii bronzului [Junghans et al. 1968, Teil 2, T. 28,8636, 37,13237], însă pe larg ele sunt prezentate în complexe funerare din perioada mijlocie – cultura Vátya III [Bona 1975, T. 47,1,8-9; 48,1-3] și târzie – cultura câmpurilor de urne funerare din bazinul Dunării de Mijloc (*ältere Urnenfelderzeit* – BrD-HaA1) [Furmanek 1973, Taf. 5,11; 18,2; 42,7, etc.; Patek

1968, XLVII,1; LI,6; LVI], precum și la începutul epocii hallstattiene [Kemenczei 1984, T. LXXXI-II,22; LXXXV,24; LXXXVII,28] și mult mai rar în depozite – Debrecen II (orizontul Gyermely) [Moszolics 1985, 67, T.259,10]. În Transilvania, cele mai timpurii apariții ale pieselor neornamentate de acest tip sunt atestate în complexe de la sfârșitul epocii bronzului – începutul celei hallstattiene: depozitul seriei Uriu-Domănești (BrD), Arcuș [Petrescu-Dîmbovița 1977, 51, Pl. 22,1], așezarea datată în BrD-HaA1 de la Uioara de Jos [Ciugudean 1994, 27, fig. 2,10] și depozitul seriei Cincu-Suseni de la Brâglez (HaA1) [Bejinariu 2007, 53-54, 63, Pl. XIX,121], continuând să persiste și în perioadele ulterioare – HaA2: așezarea Augustin [Ciugudean 2010, Pl. XVIII,15] și HaB: așezările de la Cernatu [Szekeli 1966, Fig. VII,5] și Teleac [Vasiliev et al. 1991, 64, Fig. 18,1-4]. În acest context, se cere remarca că majoritatea acelor cu capul bitronconic, cunoscute în zona nominalizată, sunt bogat ornamentate în partea superioară cu motive incizate, și provin din depozitele seriei Cincu-Suseni (HaA1): Aiud, Șpálnaca II, Tășad [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 112,11; 210,17-18; 213,5] și mai puține din așezările date în perioada HaA: Augustin [Ciugudean 2010, Pl. XVIII,8].

Brățara de formă circulară cu secțiunea ușor ovală, cu capetele subțiate apropiate, ornamentată cu grupuri a câte cinci linii incizate perpendicular pe corp, de la Trinca, aparține unui tip de brățări care în Europa Centrală apar în perioada mijlocie a epocii bronzului (etapa BrB1) și persistă până în etapa HaA1 [Furmanek 1977, 273, Taf. XV,8] – mormântul 137 din necropola de la Šafárikovo). În spațiul carpato-dunărean sunt răspândite, cu precădere la sfârșitul bronzului – începutul hallstattului. În nord-estul Ungariei acestea provin din complexe funerare ale culturilor Piliny și Barca [Kemenczei 1984, T. V,14; XXXV,4] și mai rar din depozite atribuite culturii Kyjatice [Kemenczei 1984, T. CXXI, 13a-13b]; în Transilvania, majoritatea brățărilor de acest tip provin din depozitele seriilor Uriu-Domănești [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 29,12-13; 32,10-10a; 34, 4-4a; 40,3; 45,8; 84,16], Cincu-Suseni [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 119,3-4; 183,7] și în cazuri izolate din așezări – Otomani-Cetatea de pământ [Bader 1978, 101, Pl. LXXXVIII,10] în Banat, un exemplar de tipul celei examinate este în componența depozitului de la Pojejena – seria Cincu-Suseni [Gumă 1983, Pl. XXVI,8], depozitul Donja

Petrovci (faza a II – BrD târziu – HaA1, după Vinski-Gasparini 1973) [Popvich 1994, 30, T. XXII,8] și posibil, în inventarul M.148 din necropola Karaburma [Todorovici 1977, 36-38]. În contextul lucrării date, important este că brățelele de formă circulară cu capetele subțiate apropiate, ornamentate cu grupuri de linii incizate vertical, în Transilvania (spațiul carpato-dunărean – n.n.) apar spre sfârșitul epocii bronzului, probabil sub influența culturii mormintelor tumulare [Bader 1978, 101] și că la est de Carpați acestea nu sunt atestate în complexe de la sfârșitul epocii bronzului, atât în depozite, cât și în complexe funerare [Petrescu-Dîmbovița 1977; Dergachev 2002; Sava 2002].

Fibula fragmentară de la Rateșu Cuzei, în studiul lui T. Bader referitor la evoluția fibulelor pe teritoriul României, este atribuită celor mai vechi descoperiri de astfel de piese datate în Bronz D (sec. XIII a.Chr.) [Bader 1983, 15]. A. László, ținând cont de faptul că așezarea Noua de la Rateșu Cuzei a fost suprapusă de un nivel hallstattian timpuriu de tip Corlăteni, nu exclude posibilitatea ca fibula să fi aparținut acestei perioade din urmă, astfel indicându-se asupra datării timpurii a începutului grupului Corlăteni, supoziție argumentată prin cronologia tipului care nu exclude datarea lui la începutul Hallstattului, precum și de faptul că în mediul cultural Noua nu se cunosc descoperiri de fibule, ce se datorează, în opinia cercetătorului, trăsăturilor specifice ale portului [László 1994, 139, nota 361]. Apartenența acestei fibule comunității hallstattiene timpurii a fost susținută și de subsemnatul [Levițki 2003, 92-93]. Aici reiterăm doar că piesa de la Rateșu Cuzei, similar celei din depozitul de la Sacoți din zona piemontană a Olteniei, se atribuie aceleiași perioade, HaA1 – sec. XII a.Chr. [Petrescu-Dîmbovița 1977, 120, Pl. 281,16].

Piesa în discuție a fost invocată și în contextul elaborării cronologiei absolute a culturii Belozerka din spațiul nord-vest-pontic, considerându-se că ea provine din stratul cultural corespunzător etapei finale de evoluție a culturii Noua, datat în perioada sec. XII – prima jumătate a sec. XI a.Chr., similitudinea acesteia și a fibulei din tumulul 7 de la Strumok fiind calificată drept argument al sincronismului etapei timpurii a culturii Belozerka și a celei finale a culturii Noua [Ванчугов 1990, 111, 117].

Brăurile de bronz în aria culturii Chișinău-Corlăteni sunt reprezentate prin placa de centură cu cârlig din depozitul de la Tomești/Vaslui,

ornamentată prin două rânduri de proeminențe dispuse în diagonală, realizate prin presiune de pe spatele plăcii cu un instrument cu vârful bont și fragmentele de la Gura Camencii acoperite cu ornament, realizat prin tehnica inciziei fine a unor mici segmente de linii succesive. În spațiul est-carpatic, în general, mai este cunoscut un exemplar din depozitul de la Gruszka din bazinul Nistrului Superior, ornamentat prin tehnica punctării [Żurowski 1949, 161, 200, Tabl. LVII, 4-7], în prezent datat în faza HaA1 [Dergachev 2010, 119, ris. 92].

Piese de acest tip sunt de tradiție central-europeană, proprii comunităților complexului cultural din perioadele mijlocie-târzie a epocii bronzului *Hügelgräberkultur*. În bazinul carpatic ele se răspândesc odată cu expansiunea spre sud și sud-est a purtătorilor grupului culturii mormintelor tumulare din zona Dunării de Mijloc [Kemenczei 1986, 47, 100]. Cele mai timpurii apariții a brăurilor de bronz pare să țină de sfârșitul perioadei mijlocii a epocii bronzului – catarama (descoperire întâmplătoare) din așezarea de la Otomani-Ceta-tea de pământ [Bader 1978, 99, pl. LXXXVIII,8]. Exemplare singulare sunt atestate și în complexe de perioade BD – depozitul Cehăluț I, din Transilvania [Petrescu-Dîmbovița 1977, 54, Pl. 32,1,2], Medvež'je și Bezirk Užgorod, în regiunea Transcarpatică a Ucrainei [Bernjakovič 1960, 343, Taf. XVII,1,4; Balaguri 2001, 263, рис. 81,31]. Totodată, cea mai largă circulație a centurilor de bronz revine, în exclusivitate, fazei HaA1, când acestea s-au răspândit pe teritoriile Austriei, Cehiei, Slovaciei, Ungariei, Croației, Serbiei, României și Ucrainei. Astfel, cu privire la Ungaria, remarcăm că brăiele de bronz sunt atestate doar în depozitele seriei Kurd (HaA1) [Moszolics 1985, 59-60, Taf. 92,12-17,20,30; 106,20,21; 114,1; 192,29; 207,1,2; 241,10; Kemenczei 1984, Abb. 25, Taf. LXIIIa,8a-8b; CLXXV,49; CLXXXVIII,11-12; CCa,11]. În România, cele mai numeroase piese din această categorie de bronzuri au fost găsite în depozitele seriei Cincu-Suseni (HaA1) concentrate în special în Transilvania, Crișana și Banat [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 108; 115,13; 126,26-37; 140,19; 158,20; 159,1-3; 171; 172; 181,2; 192,7-13; 202,18-24; 203; 204; 255-257; 267,1-3; Emodi 1980, fig. 9,46; Chidioșan, Emodi 1981, fig. 3; Bozu 1982, Pl. VIII-IX; Bejenariu 2007, 49-51, pl. XVIII,100-110]. În nordul Croației acestea sunt caracteristice pentru faza a II-a a culturii câmpu-

rilor de urne funerare – 1230-1100 a.Chr. [Vinski-Gasparini 1973, Sl. 3,17; Tab. 29,21-22; 44,1-4; 48,30; 55,2-23; 57,1-5; 66,37-40; 69,13-15; 79,18-20; 83,17; 86,7,17].

Categoria armelor este reprezentată prin spade, pumnale și vârfuri de săgeată.

Spadele se încadrează în tipul celor cu limba la mâner. Conform clasificării spadelor de pe teritoriul României, elaborate de T. Bader [Bader 1991], unul din fragmentele din depozitul de la Ilișeni și exemplarul de la Jijia constituie un tip aparte în cadrul spadelor cu limbă la mâner, care amintește de tipul *Sprockoff Ib* [Bader 1991, 85]; al doilea exemplar de la Ilișeni este atribuit tipului *Sprockoff Ila* [Bader 1991, 88]; descoperirea fortuită de la Bucium constituie o variantă aparte (Bucium) în cadrul spadelor de tip Reutlingen [Bader 1991, 97]; piesa de la Poienesti este atribuită așa numitului „tip slavonic” [Bader 1991, 105], lama cărora este prevăzută cu o nervură centrală și două laterale bine reliefate. Acestui tip poate fi atribuit și fragmentul lamei din depozitul de la Mândrești, prevăzută cu trei nervuri longitudinale. Spadelor cu limbă la mâner, cu anumite rezerve, sunt atribuite și fragmentele de lamă de la Gioseni.

Depozitul de la Ilișeni, în componența căruia sunt prezente două spade fragmentare, una atribuită tipului *Sprockoff Ib*, alta, tipului *Sprockoff Ila*, după cum se cunoaște, a fost depistat în cadrul unei așezări care aparține culturii hallstattului canelat C-C. Spada de la Poienesti, dealul „Cetatea”, de tip Nenzingen (conform terminologiei utilizate E. Alexandrescu în 1966), în opinia lui A. László aparține, probabil, etapei HaA1 și ar putea fi pusă în legătură, eventual, cu urmele de locuire hallstattiene timpurii, de tip Corlăteni, identificate în campania din anul 1983 în punctul „Măgura” [László 1994, 139-140, nota 361]¹⁵.

Spadele cu limba la mâner, ca o categorie distinctă de arme, s-a constituit definitiv în Europa Centrală în perioada mijlocie a epocii bronzului, în mediul *Hügelgräberkultur*. Cele mai timpurii exemplare se atribuie etapei BrB1, fiind în uz și în etapele următoare BrB2-BrC, inclusiv BrD-HaA1 [Furmanek 1973, 104, Obr. 47; Blajer 1999, 196, Taf. 149; 2001, 323]. În perioadele BrD-HaA1 acest tip

de arme a fost pe larg răspândit în Europa Centrală și de Sud-Est, cea mai mare concentrare a acestora aflându-se în bazinul carpatic [Tasić 1992, 18-19, Catalog 33-35]. Se consideră că spadele/săbiile de tipul examinat prezente în componența depozitelor de bronzuri din HaA1 din Transilvania au supraviețuit din etapa anterioară a Bronzului târziu, iar cu referire la regiunile extracarpatică – că acestea datează nu numai de la sfârșitul epocii bronzului, ci și din HaA1, din perioada corespunzătoare așezărilor hallstattiene timpurii de la Corlăteni, cu analogii directe în așezările din această vreme de pe teritoriul dintre Prut și Nistru, care urmează după așezările culturii Noua [Petrescu-Dîmbovița 1977, 24].

Spadele cu limbă la mâner (reprezentate prin fragmente sau exemplare întregi) din spațiul est-carpatic, din punct de vedere tipologic aparțin celor de origine central-europeană, de tip *Sprockoff Ib* și *Sprockoff Ila* = Reutlingen = Nenzingen și sunt date în BrD-HaA1 [Bader 1991, 85, 99-100, 105].

Pumnalele sunt cunoscute printr-un exemplar cu limbă la mâner, turnat dintr-o bucată, din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. Se caracterizează prin mâner cu marginile laterale îngroșate, prevăzute cu trei orificii, iar la bază cu trei nervuri orizontale; gardă în formă de potcoavă, fără nituri și lama triunghiulară (vârful este rupt în vechime), cu secțiunea romboidală, prevăzută cu nervură mediană reliefată.

Încadrarea tipologică și cronologică a pumnalului întâmpină anumite dificultăți, determinate de particularitățile morfologice eclectice ale acestuia. Formă similară a mânerului, cu excepția nervurilor amplasate mai sus de gardă, care constituie o limbă cu orificii pentru fixarea niturilor și margini laterale îngroșate, au pumnalele fără gardă caracteristice culturii Piliny, respectiv, orizonturilor Aranyos și Kurd, date BrD și respectiv HA1 [Kemeneczei 1984, 119, Taf. LI,4; Mozsolics 1985, 104-105, Taf. 2,8; 97, Taf. 18,5]. Garda este similară cu cea a spadelor scurte cu mânerul plin de tipul celei descoperite la Siliștea Nouă/ Suceava, cu paralele în depozitele fazei târzii *Hügelgräberkultur*, date BrC2 [Bader 1991, 56-57, Taf. 8,32]. Trecerea de la gardă spre lama triunghiulară a pumnalului de la Trinca, de asemenea, este mult apropiată cu cea a exemplarului de la Siliștea Nouă, de altfel, lamele de formă triunghiulară sunt caracteristice pentru pumnalele mai timpurii – BrB1 (eventual BrB2) [Bader 1991, 56-57, Taf. 8,31]. În ansamblu, pum-

15. Spadele examinate, cu referințe la multiple analogii în spațiul carpato-dunărean (Ungaria, Transilvania, Croația, Serbia etc.), au fost atribuite perioadei de evoluție a culturii Hallstattului timpuriu cu ceramica canelată C-C (HaA) și de către autorul acestui studiu [Levițki 1994, 131-132].

nalul examinat atestă asemănări cu un exemplar de la Saghegy, din cadrul culturii câmpurilor de urne funerare din bazinul Dunării de Mijloc (*ältere Urnenfelderzeit*, BrD–HaA1), singura deosebire constând în aceea că ultimul nu are gardă – mânerul trece direct în lamă [Patek 1968, T. XXXV,5]. Tot aici, mai remarcăm că pumnale turnate dintr-o bucată, similare celui de la Trinca după dimensiuni, forma gârzii și a lamei, însă cu mânerul plin, în Europa Centrală erau răspândite începând cu perioada timpurie a epocii bronzului [vezi Junghans et al. 1968, T. 18,9567,9630; Novak 1975, 14, Taf. 37A,9; Gedl 1980, Taf. 6,32-33].

Vârfurile de săgeată sunt cunoscute prin exemplarele din așezarea cu mai multe niveluri de locuire (Noua, hallstatt canelat, inclusiv) de la Căndești/Vrancea, așezarea culturii Chișinău-Corlăteni de la Buiucanii Vechi/mun. Chișinău, și descoperirile fortuite: două piese finite, una din „Pădurea Furceni”/Orhei, a doua din r-nul Rîbnița (stânga Nistrului) și o forma de turnat, în preajma cetății getice de la Durlăști/mun. Chișinău.

Piese finite, cât și negativul forme de turnat, se atribuie tipului de vârfuri de săgeată cu două aripioare. În cadrul acestora se identifică: a) exemplare plate cu peduncul prevăzut cu bară perpendiculară la bază (Căndești, Buiucanii Vechi, „Pădurea Furceni”) sau doar cu un spin lateral (r-nul Râbnița) și, b) cu dulia scurtă (matrița de la Durlăști).

Primele sunt reprezentate prin piesele de la Căndești, Buicani Vechi, „Pădurea Furceni”, respectiv, exemplarul din r-nul Rîbnița (stânga Nistrului). Cu excepția exemplarului de la Căndești, care are lungimea de 7,5 cm, restul se încadrează între 4,7-6 cm; 3,4 cm, în lungime, are și negativul de pe forma de turnat de la Durlăști.

Vârfurile de săgeată plate cu peduncul, cu sau fără bară perpendiculară la bază, în interfluviul Nistru-Prut sunt reprezentate pe formele de turnat depistate în așezarea fazei târzii a culturii Sabatinovka – Suvorovo VI [Cherniakov et al. 1986, 48-50, ris. 2,2,5; 3,1-2; Vanchugov 1990, 92, ris. 34,1], examinată de ultimul în cadrul culturii Belozerka [Vanchugov 1990, 92, ris. 34,2] și datată în sec. XII-XI a.Chr. [Vanchugov 1990, 112], precum și prin descoperirea fortuită de la Slobodka, regiunea Odesa [Vanchugov 1990, 92, ris. 34,2], din interfluviul Nistru-Bug (arealul grupului Balta) [Vanchugov 1990, рис. 1, punctul 57] atribuită sec.

XI-X a.Chr. [Vanchugov 1990, 117]. Analogii directe pentru vârful de săgeată de la Buiucanii Vechi cunoaștem în depozitele Tallya, orizontul Kurd [Moszolics 1985, T. 162,14] și Nagyhalasz, atribuit primei etape de dezvoltare a metalurgiei culturii Gava [Kemenczei 1986e, 125, ris. 44,11] din Ungaria. Un exemplar identic celui din r-nul Rîbnița, atât din punct de vedere tipologic, cât și al dimensiunilor, fără a fi cunoscute condițiile descoperirii, a fost găsit în regiunea Khmelnytsk din Ucraina de Vest [<http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=996775>]. Vârful de săgeată plat cu două aripioare din depozitul Viss (c), atribuit culturii Berkesz (BrC–BrD), are baza pedunculului prevăzută cu o prelungire ascuțită [Kemenczei 1984, 127, Taf. LXVb,1].

Vârfuri de săgeată cu două aripioare și dulia, de tipul celui de pe matrița de la Durlăști, drept că cu dulia mai lungă, în spațiul est-carpatic, sunt cunoscute după un exemplar din umplutura unei gropi menagere din așezarea fazei târzii a culturii Sabatinovka Suvorovo VI [Cherniakov et al. 1986, 51, рис. 3,16; Vanchugov 1990, 92, ris. 35,1].

În Europa Centrală și de Vest vârfurile de săgeată cu două aripioare au apărut încă în perioada mijlocie a epocii bronzului, în mediul cultural *Hügelgräberkultur* (BrB–BrC), fiind în uz și în perioada târzie, la comunitățile de tip *Urnenfelderkultur* [Furmanek 1973, 1977; Blajer 1999, 2001; Pančiková 2008]. În obiectivele *Hügelgräberkultur* din Slovacia sunt atestate atât forme de turnat [Furmanek 1973, Obr. 44,23; 46,16], cât și piese finite [Furmanek 1973, Obr. 6,3; 8,3; 12, 1,2,4; 33,3,5,9,10; 42, 9; 44,18; 46,7]. Cu privire la perioada târzie a epocii bronzului (*Urnenfelderkultur*), menționăm forma de turnat din așezarea culturii Piliny de la Horne Plachtice din Slovacia [Furmanek 1977, 257, Tab. XX,2; Pančiková 2008,133, Obr. 3,6] și piesele finite din situile Gorzewo și Wielbark din Polonia [Blajer 1999, T. 40,2,3,4; 189,6]. În spațiul carpato-dunărean vârfurile de săgeată cu două aripioare sunt prezente în depozitele seriei Cincu-Suseni (HaA1) Șpălnaca II și Moldova Veche din Transilvania [Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 165,5; 202,12-13], precum și în cetatea de pământ Sântana-Cetatea Veche din bazinul r. Mureș, atribuită BrD–HaA1 [Gogâltan, Sava 2010, 43, Fig. 40; Gogâltan, Sava, Mercea 2013, 38, Pl. 10,3a-3b]. Exemplarele din așezarea de la Căndești și de la Buicani Vechi denotă că vârfurile de săgeată din bronz de proveniență central-vest-

europeană în spațiul est-carpatic au apărut pe la sfârșitul perioadei târzii a epocii bronzului, persistând și în perioada timpurie a epocii hallstattiene [Levițki 2003, 89-90].

Categoria uneltelor include seceri cu buton de tip *Koszider*, seceri cu limba la mâner de tip Pecs și culturi de tip Peterd.

Secerile cu buton de tip Koszider în spațiul est-carpatic sunt cunoscute prin exemplarele din depozitele Tomești/ Vaslui și Ilișeni/Botoșani, precum și prin descoperirile izolate de la Iași „În Lungul Vântului”/„Ceairul lui Peretz”, Dorobanțu „La Lutărie”/„La iezătură lângă sat”/Iași, Stăncești, punctul „Bobeuca”/Botoșani, Ruginești, punctul „Gorgana”/ Vrancea.

Investigațiile realizate cu privire la secerile cu buton din Europa de Est din perioada târzie a epocii bronzului – hallstattul timpuriu demonstrează că acestea au avut o largă răspândire teritorială și o durată cronologică îndelungată. Cele mai timpurii seceri cu buton apar în perioada mijlocie a epocii bronzului, în zonele ungare limitrofe Dunării, de unde sunt preluate de centrele de prelucrare a metalelor din zona Tisei Superioare. În perioada BrD acestea se întâlnesc în depozitele orizonturilor Forro și Opaly din Ungaria și Uriu-Domănești din Transilvania, concentrate pe cursul superior al Tisei și Someșului, cu precădere, în aria culturii Suciu de Sus-Felsőszőcsi-Stanovo și, mai rar, în arealul culturii Piliny. În limitele culturii Noua, cu excepția a două cazuri din centrul Transilvaniei (Seleuș, Mociu), acest tip de seceră nu se întâlnește, acolo fiind răspândite diferite variante ale secerilor cu cârlig [Dergachev 1997, 150]. Începând cu etapa HaA1, secerile cu buton din regiunea Tisei Superioare pătrund masiv în centrul și sud-estul Transilvaniei și în bazinul Nistrului Superior, într-o măsură mai mică în regiunea Dunării de Mijloc și în spațiul est-carpatic, respectiv în ariile culturilor Gava-Holihrad-Grănicești, Belegiș II-Bobda II, Chișinău-Corlăteni și, episodic, în regiunea Niprului, în cadrul culturilor Belozerka și Belogrudovka [Dergachev, Bočkarev 2006, Harta 33].

Apariția și răspândirea secerilor cu buton în spațiul est-carpatic este pusă în legătură cu deplasarea și statornicirea în această zonă a purtătorilor culturii Gava (grupul Holihrad în zona Nistrului Superior și Grănicești în Podișul Sucevei) [Levițki 2003, 87-88, 198; Dergachev, Bočkarev 2006, 346]. În ceea ce privește arealul culturii C-C, secerile cu buton cunoscute în prezent sunt caracteristi-

ce complexelor (depozite, niveluri de locuire în așezări) din HaA1 [Petrescu-Dîmbovița 1978, 25; Dergachev, Bockarev 2006, 345-346], concentrate în partea de nord a Moldovei, în spațiul limitrof arealului grupului Grănicești (oarecum izolat fiind amplasate doar cele de la Tomești și Ruginești), fapt ce în opinia lui A. László ar indica asupra unei eventuale transiteri prin intermediul culturii Gava-Holihrad, originară din bazinul superior al Tisei [László 1994, 147]¹⁶.

Secerile cu limba la mâner de tip Pecs sunt cunoscute după exemplarele din depozitele Gioseni/Bacău, Tătărăni/Vaslui, Ilișeni/Botoșani, Mîndrești/Telenești și descoperirea izolată din cenușarul nr. V al așezării culturii Noua de la Gârbovăț/Galați, punctul „Zahareasca”.

Secerile de tip Pecs, originare din centrul Europei, în zona Tisei Superioare și în centrul Transilvaniei apar în perioada BrD, în componența depozitelor orizontului Opaly și Uriu-Domănești. Răspândirea masivă a acestora corespunde orizonturilor Kurd, Cincu-Suseni (HaA1), atunci când sunt produse în cantități mari în centrele de prelucrare a bronzului în cadrul culturilor Belegiș I-II – Bobda II, Kyjatice și în tot arealul culturii Gava, inclusiv pe Nistrul Superior, în arealul grupului Holihrad. Pe parcursul perioadelor HaA2–HaB1 secerile de tipul examinat dispar treptat [Dergachev, Bočkarev 2006, 354]. În spațiul est-carpatic, inclusiv în arealul culturii C-C sau Belozerka, acestea reprezintă piese de import și, de regulă, se asociază cu piese caracteristice pentru orizonturile târzii ale culturilor Noua și

16. În acest context, trebuie remarcată descoperirea unei seceri cu buton la suprafața așezării culturii Noua de la Șcheia, punctul „Siliște” [Petrescu-Dîmbovița 1964, 260], în bazinul cursului superior al Siretului. Resturile sporadice din situl Șcheia „Siliște” în repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România sunt atribuite nivelului de locuire Noua II, fără ca seceră să fie menționată [Florescu 1991, 122]. Mai mult ca atât, în studiul lui M. Petrescu-Dîmbovița referitor la secerile de bronz din România [1978, 19] și în compartimentul despre metalurgia și circulația obiectelor de metal în spațiul est-carpatic la începutul epocii fierului, elaborat de A. Laszlo [1994, 147], piesa discutată este desemnată drept descoperire izolată. Recent, săpăturile arheologice efectuate la Șcheia nu au identificat nici un reper care să indice că piesa în discuție ar aparține Hallstattului timpuriu, astfel considerându-se că seceră descoperită acolo aparține perioadei BrD – culturii Noua [Ignat 2000, 90]. Situație care nu este atestată în alt sit Noua din Podișul Sucevei și nici din bazinul Nistrului Superior – toate secerile cu buton cunoscute în aceste regiuni provin exclusiv din depozite de bronzuri datate în HaA1 sau niveluri de locuire atribuite culturii Gava-Holihrad [vezi Dergachev, Bočkarev 2006, 333-346].

Sabatinovka. Toate depozitele (cu excepția celui de la Nikopol), care conțin astfel de seceri se datează în perioada HaA1: Gioseni, Tătărăni, Mîndrești, Antovka, Rajgorodka [Dergačev, Bočkarev 2006, 354].

Celturile de tip Peterd sunt fără toartă, cu bordură masivă și lama lărgită și arcuită, prevăzute la o anumită distanță de bordură cu o nervură orizontală, sub care, pe fațete, se află câte două nervuri dispuse în unghi una față de alta în forma literei V sau câte două nervuri semicirculare. Au fost semnalate în depozitul Mîndrești/Telenești și la Bunești/Iași (descoperire izolată).

Celturile de acest tip au fost considerate inițial și mult timp de origine transilvăneano-ungară [Petrscu-Dîmbovița 1964, 260, 264, fig. 6,4], mai recent sunt desemnate drept tip hallstattian timpuriu de la Dunărea de Mijloc – Peterd [Dergachev 1997, 151]. Conform cercetărilor lui V. Dergaciiov, celturile de acest tip, cu decor în forma literei V, amplasat pe fațete, în principal, sunt localizate la periferia sud-estică a culturii mormintelor cu urne (*Urnenfelderkultur*), la joncțiunea cu arealul culturii Belegiș I-II - Cruceni I - Bobda II, circulația cărora în Ungaria nu depășește limita cronologică superioară a orizontului Kurd, iar în Transilvania, a seriei Cincu-Suseni – HaA1. Menționăm de asemenea că în nordul Croației acestea sunt caracteristice pentru faza a II-a a culturii câmpurilor de urne funerare – 1230-1100 a.Chr. [Vinski-Gasparini 1973, T. 27,11; 31,5; 36,6-11; 61,1,7,13; 78,1-3], precum și faptul, că un celt ornamentat similar celui de la Bunești este atestat în componența depozitului Pölöske din Vestul Ungariei, fiind atribuit orizontului Kurd [Mozsolics 1985, T. 124,3].

Cu privire la **elementele și compozițiile ornamentale** utilizate în decorul părții superioare a vaselor bitronconice (amfore/urne) – tip de recipiente definitorii pentru cultura Belegiș II-Chișinău-Corlăteni, care posedă nu numai valență cultural-genetică, dar și cronologică [Forenbaher, 1994, 49-50, fig. 1,2; Levitskii, Kashuba 2014, 256 ș.u.], în studiul de față invocăm, succint, doar un singur element – șirul de impresiuni circulare și motivele decorative formate cu elementele ornamentale în relief proprii culturii Belegiș II-Chișinău-Corlăteni – bandă din caneluri orizontale; caneluri verticale; proeminențe-suporturi; proeminențe conice, precum și de unul singur (fig. 6)¹⁷. Apelarea la aceste

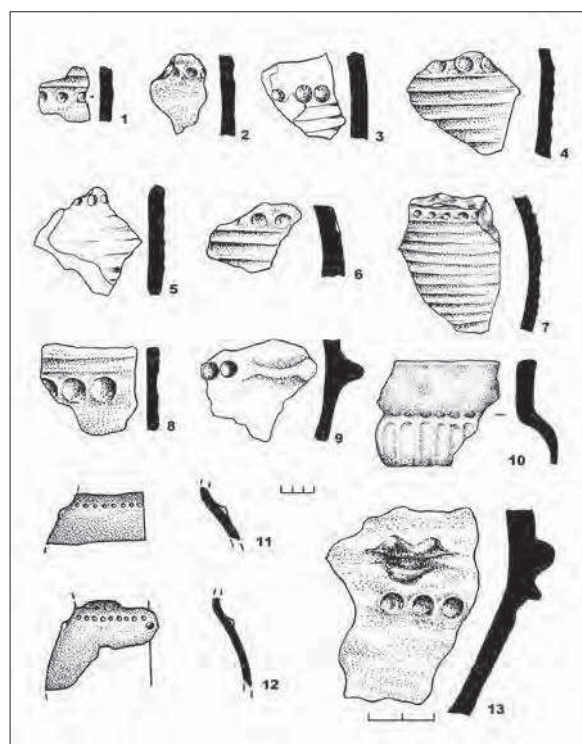

Fig. 6. Compoziții ornamentale formate dintr-un șir orizontal de impresiuni circulare și motive decorative în relief în decorul părții superioare a vaselor bitronconice atestate în siturile culturii Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic. 1- Petruha; 2- Lucașeuca; 3,5- Bursuceni; 4- Podul Iloaei; 6- Petrușeni; 7- Seliște; 8- Mîndrești (așezare); 9- Slobozia Măgura; 10- Epureni; 11-12- Trinca-Izvorul lui Luca, 13- Mîndrești (necropola) (1,2,6,7,8,13- după Levițki 1994; 3,5,9- după Larina, Postike 1985; 4- după Nestor 1952; 10- după Coman, Rotaru 1981; 11-12- după Levițki 2002).

Fig. 6. Ornamental compositions of a horizontal row of circular impressions and relief decorative motifs on the upper part of frustoconical vessels found at the sites of the Chișinău-Corlăteni culture in the East Carpathian region: 1- Petruha; 2- Lucașeuca; 3,5- Bursuceni; 4- Podul Iloaei; 6- Petrușeni; 7- Seliște; 8- Mîndrești (settlement); 9- Slobozia Măgura; 10- Epureni; 11-12- Trinca-Izvorul lui Luca, 13- Mîndrești (necropolis) (1,2,6,7,8,13- after Levițki 1994; 3,5,9- after Ларина, Постикэ 1985; 4- after Nestor 1952; 10- after Coman, Rotaru 1981; 11-12- after Levițki 2002).

compoziții ornamentale este condiționată de faptul că ele, fiind caracteristice pentru siturile Cruceni-Belegiș, nu sunt cunoscute în cele din perioada de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului în Banat și teritoriile limitrofe (grupurile culturale Ticvaniu Mare-Karaburma III, Vučedol-Novii Begej, Moldova Noua-Liborajdea, Hinova-Mala Vrbița, Susani, Bobda etc., evoluția cărora

ornamentale formate constituie subiectul altui studiu aflat în stadiul de elaborare.

17. Examinarea detaliată a acestor compoziții, precum și a altor elemente (canelurile dispuse în ghirlandă) și motivele

începe la mijlocul fazei HaA1 (mijlocul sec. XII a.Chr.) [vezi Gumă 1993, 1995].

În spațiul est-carpatic, șirul de impresiuni circulare și motivele decorative formate din elementele ornamentale în relief proprii culturii Belegiș II-Chișinău-Corlăteni sunt atestate pe fragmente de vase bitronconice din așezările de la Epurenii/Vaslui [Coman, Rotari, 1981, 58, fig. 6,3; László 1994, 121], Bălțați/Iași [Zaharia et al., 1970, 168, Pl. II, 4], Podul Iloaiei/Iași [Nestor 1952, 31, fig. 5,1; László 1994, 123, 137 Nota 294], Brădicești/Iași [Iconomu 1997, 125, fig. 1,3; desen vezi la Iconomu 2002, 93, fig. 2,2], Lucășeuca/Orhei [Levițki 1994, 85, fig. 16,7], Mîndrești-așezare/Telenești [Lapushnian 1979, ris. 22,2,5; Levițki 1994, 85, fig. 24,4], Mîndrești-necropolă/Telenești [Levițki 1994, 85, fig. 26,5], Petruha/Orhei [Levițki 1994, 85, fig. 39,4], Bursuceni I/Sîngerei [Larina, Postike 1990, 257, ris. 2,2,6], Slobozia Măgura/Sîngerei [Larina, Postike 1990, 263, ris. 2,18], Petrușeni/Rîșcani [Levițki 1994, 85, fig. 35,10], Seliște/Nisporeni [Levițki 1994, fig. 46,11], Trinca „Izvorul lui Luca”/Edineț [Levițki 2002, 49, fig. 39,11; 49,6,7], Mănoilești/Ungheni, Ghidighici-sat/mun. Chișinău (material inedit).

Compozițiile ornamentale în care este prezent șirul de impresiuni, utilizate în decorul părții de sus a vaselor bitronconice a complexului hallstattian cu ceramica canelată est-carpatic (cultura C-C), de fapt, au similitudini doar în complexele ceramice din perioada târzie a epocii bronzului din bazinul Dunării de Mijloc (cultura Cruceni-Belegiș – Banat, Voivodina și regiunile învecinate), bazinul Tisei Superioare (cultura mormintelor tumulare *Hügelgräberkultur*, Piliny și sporadic Kijatice – nord-estul Ungariei, sud-vestul Slovaciei) și Crișana, faza târzie (IV) a culturii Otomani (grupul Cehăluț sau Hajdubagos/Pișcolț-Cehăluț) (fig.7).

În Banat, compozițiile ornamentale care includ șirul orizontal de impresiuni este atestat în decorul urnelor din ambele necropole-situri eponime ale culturii Cruceni-Belegiș [Radu 1973, fig. 7,1; Трбухович 1960-1961, сл. 33], precum și a celor de la Vatin – Bele Vode [Bukvici 2000, T. 58,9], Novi Bečej – Bord'oš [Медовић 1988-1989, T. III,8] și în situl „A1_1” din perioada târzie a epocii bronzului (BrD/HaA1) de la Șagu, județul Arad, în apropiere de Cruceni [Sava, Hurezan, Mărginean 2012, Pl. 1,2]. În acest context merită să fie menționat că în această regiune șirul orizontal de impresiuni este utilizat deja în ornamentația recipientelor culturii

Cruceni I, când acesta apare în asociere cu motive realizate în tehnica inciziei sau a șnurului fals în necropolele Karaburma, urna M.294 atribuit fazei a doua de evoluție a acesteia (1400-1230 a.Chr.) [Todorovic 1977, 95, 145] și Livezile (Tolvadia) [Gogâltan 1988, 185, Pl. II,1; 186-187, Pl. V,2], precum și în nivelul de locuire atribuit perioadelor BrB2–BrC din așezarea „A1_1” de la Șagu, județul Arad, Comp. 236 și 291 [Sava, Hurezan, Mărginean 2012, 91, Pl. 14,1,2; Pl. 14, 3-12].

În bazinul Tisei Superioare, asocierea elementelor ornamentale (caneluri orizontale însoțite de un șir paralel de gropițe rotunde), de asemenea, era utilizată cu precădere în decorarea diverselor tipuri și variante de urne funerare de ceramicii culturii mormintelor tumulare *Hügelgräberkultur* – Szeged [Kemenczei 1986, ris. 14,4], Haidúbagos [Kemenczei 1986, ris. 14,18,19] de cei care activau în cadrul culturii Piliny – Nagibátony [Kemenczei 1984, T. II,2], Salgótarján-Kenyérgyár [Kemenczei 1984, T. XIII,3], Zagyvapálfalva [Kemenczei 1986b, ris. 26,5,10], Šafarikovo [Furmánek 1977, Abb. 4,II; T. III,17; Abb. 7,II, T. III,11], precum și de cei din cadrul comunităților culturii Kyjatice de la Szaila, Aggetelek, Miskolc [Kemenczei 1984, T. LXXXIII,8; CI,22; CVI,2] și Radzovce [Furmánek et al. 1999, Abb. 44,13].

Cu referire la Crișana, remarcăm prezența acestei combinații de elemente ornamentale pe gâtul unor vase bitronconice (urne) din necropola de la Ciumești, M.6 [Bader 1978, 56, pl. XXVI,8], așezările de la Nicula [Boroffka 1999, 123-124, Abb. 4,10], Tășnad-sere (Parcare/Parkingzona) [Nemeti 2010, 281-282, pl. XXVIII,1] și Suplacu de Barcău [Ignat 1984, 12, Pl. XI,2], primele două obiective fiind atribuite fazei a IV-a a culturii Otomani, iar ultimele, grupului Hajdubagos/Pișcolț-Cehăluț (BrD) [vezi și Kacsó 1990, 42].

O semnificație deosebită pentru obiectivul de bază al acestui studiu prezintă faptul că elementul de decor examinat lipsește complet în compozițiile ornamentale ale ceramicii grupurilor culturale care au evoluat în Banat după sfârșitul culturii Cruceni-Belegiș II-Bobda I, sincrone grupului Susani, din perioada de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului – a doua jumătate a fazei HaA1 – prima jumătate a fazei HaA2 (mijlocul sec. XII – mijlocul sec. XI a.Chr.) – Bobda (Bobda-Csórva), Ticvaniul Mare-Karaburma III, Vučedol-Novi Begej, Moldova Nouă (Moldova Nouă-Liborajdea),

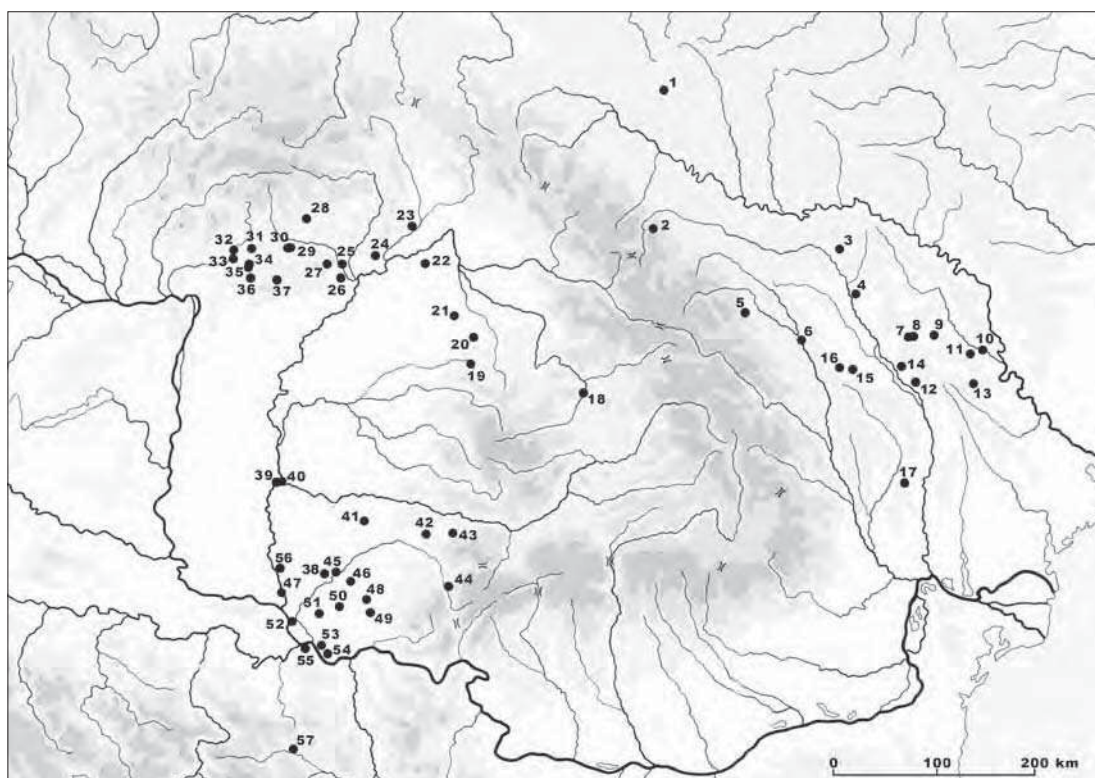

Fig. 7. Compoziții ornamentale în care este prezent șirul de impresiuni utilizate în decorul părții de sus a vaselor bitronconice din complexele ceramice din perioada târzie a epocii bronzului din spațiul est-carpatic, bazinul Dunării de Mijloc, bazinul Tisei Superioare și Crișana.

1- Jukiv; 2- Tekucea; 3- Trinca-Izvorul lui Luca; 4- Petrușeni; 5- Botoșana; 6- Siliștea Nouă; 7- Slobozia-Măgura; 8- Bursuceni; 9- Mîndrești; 10- Păhărnicieni-Petruha; 11- Lucașeuca; 12- Seliște; 13- Ghidighici; 14- Mănoilești; 15- Podu Iloaiei; 16- Bălțați; 17- Epureni; 18- Nicula; 19- Șuplacu de Barcău; 20- Tășnad-Sere; 21- Ciumești; 22- Berkesz-Vajdacska; 23- Somotor; 24- Bodro-gkeresztúr; 25- Princ-Tanya; 26- Muhi; 27- Miskolc; 28- Aggtelek; 29- Kőalja; 30- Ózd; 31- Radzovice; 32- Litke; 33- Šafariko-vo; 34- Salgótarján-Kenyérgyár; 35- Zagyvapálfalva; 36- Nagybátony; 37- Szajla; 38- Šagu; 39- Szeged; 40- Tápé; 41- Cornești; 42- Susani-Grămurada lui Ticu; 43- Românești-Peștera cu Apă; 44- Valea Timișului-Rovina; 45- Cruceni; 46- Livezile-Tolvadia; 47- Feudvar Kod Mosorina; 48- Vatina-Bele Vode; 49- Vršac-Crvenca; 50- Ilandza; 51- Kovačica-Vinogradi; 52- Belegiš; 53- Voj-lovica-Ražinerija; 54- Omoljica; 55- Belgrad-Karaburma; 56- Novi Bečej-Bord'os; 57- Lugovi-Bent de la Mojsinje.

Fig. 7. Ornamental compositions with the row of impressions used in the decoration of the upper part of frustoconical vessels found in ceramic complexes of the late Bronze Age in the East Carpathian region, the basins of the Middle Danube, Upper Tisa and Crișana.

1- Jukiv; 2- Tekucea; 3- Trinca-Izvorul lui Luca; 4- Petrușeni; 5- Botoșana; 6- Siliștea Nouă; 7- Slobozia-Măgura; 8- Bursuceni; 9- Mîndrești; 10- Păhărnicieni-Petruha; 11- Lucașeuca; 12- Seliște; 13- Ghidighici; 14- Mănoilești; 15- Podu Iloaiei; 16- Bălțați; 17- Epureni; 18- Nicula; 19- Șuplacu de Barcău; 20- Tășnad-Sere; 21- Ciumești; 22- Berkesz-Vajdacska; 23- Somotor; 24- Bodro-gkeresztúr; 25- Princ-Tanya; 26- Muhi; 27- Miskolc; 28- Aggtelek; 29- Kőalja; 30- Ózd; 31- Radzovice; 32- Litke; 33- Šafariko-vo; 34- Salgótarján-Kenyérgyár; 35- Zagyvapálfalva; 36- Nagybátony; 37- Szajla; 38- Šagu; 39- Szeged; 40- Tápé; 41- Cornești; 42- Susani-Grămurada lui Ticu; 43- Românești-Peștera cu Apă; 44- Valea Timișului-Rovina; 45- Cruceni; 46- Livezile-Tolvadia; 47- Feudvar Kod Mosorina; 48- Vatina-Bele Vode; 49- Vršac-Crvenca; 50- Ilandza; 51- Kovačica-Vinogradi; 52- Belegiš; 53- Voj-lovica-Ražinerija; 54- Omoljica; 55- Belgrad-Karaburma; 56- Novi Bečej-Bord'os; 57- Lugovi-Bent de la Mojsinje.

inclusiv și a celor din aval de Porțile de Fier – Hinova-Mala Vrbica, Vârtop-Ploșor, Zimnicea-Novgrad [Gumă 1995, 99-137]¹⁸. În bazinul Tisei

Superioare, acest motiv de decor este abandonat deja în etapa a doua a culturii Kijatice (Kijatice II) – faza HaA2-HaB1 (după G. Bandi), sau HaB1 (conform lui T. Kemenczei) [Титов 1986, 12], fapt ilustrat de compozițiile ornamentale atestate pe ve-

18. Aici considerăm necesar să atenționăm, că necropola de la Hinova, conform publicării complete a complexelor funerare cercetate și a examinării vaselor bitronconice ornamentate cu caneluri și a puținelor piese de bronz în comparație cu cele cunoscute în bazinul Dunării de Mijloc, în opinia autorilor,

ar putea fi datată cu sfârșitul sec. XIII – prima jumătate a sec. al-XII-lea a Chr. [Davidescu, Vulpe 2010, 62].

sela celei mai semnificative necropole din această perioadă Ózd, Köalja [Kemenczei 1984, T. XC,4,17; Kemenczei 1986c, 109]. Relevantă, în contextul discuției de față, este lipsa totală a acestui element de decor în ornamentația ceramicii culturii câmpurilor de urne funerare din bazinul Dunării de Mijloc (*ältere Urnenfelderzeit* – BrD-HaA1) [Patek 1968, Kemenczei 1986a, ris. 20-22; Furmánek et al. 1999, Abb. 29], culturii Gava din nord-estul Ungariei și estul Slovaciei [vezi Kemenczei 1984, T. CXXIV-CLXI; Kemenczei 1986d, ris. 41-43; Furmánek et al. 1999, Abb. 46], singura excepție fiind o urnă de la Somotor, prevăzută la baza gâtului cu două șiruri paralele de puncte adâncite și proeminențe conice înconjurate, de asemenea, de un cerc format din aceleași elemente [Furmánek et al. 1999, Abb. 46,6].

Șirul de impresiuni circulare nu este atestat nici în ornamentația vaselor grupurilor culturale din perioada HaA în centrul Transilvaniei: Uioara de Jos – considerat strâns legat de descoperirile de tip Igrița și contemporan cu sfârșitul grupului Igrița; Cugir-Band – sincron cu tumulul de la Susani și cimitirul de la Ticvaniul Mare, cu a doua fază a grupului Lă-

puș [Ciugudean 1994, 25-40; 2010, Pl. IX-XI]; nici în complexele ceramice ale siturilor hallstattiene timpurii din zonele deluroase din nordul Olteniei și Munteniei [Petre-Govora 1995; Călătoiu 2002; Lazăr 2005].

În concluzie, bronzurile de tradiție central-europeană, specifice pentru perioadele mijlocie-târzie ale epocii bronzului (*Hügelgräberkultur* și, respectiv, *Urnenfelderkultur*), răspândite în bazinele Dunării de Mijloc, Tisei Superioare și în bazinul carpatic cu precădere în perioadele BrD-HaA1 (sec. XIII-XII a.Chr.) încadrate în seriile Uriu-Domănești (BrD) – Cin-cu-Suseni (HaA1) din spațiul est-carpatic, precum și elementele/compozițiile ornamentale utilizate în decorul părții superioare a vaselor bitronconice (amfore/urne), tip de recipient definitoriu pentru cultura Belegiș II-Chișinău-Corlăteni, cu valență cultural-genetică și cronologică – șirul de impresiuni circulare și motivele decorative formate cu elementele ornamentale în relief proprii culturii Belegiș II-Chișinău-Corlăteni – permit să vorbim despre constituirea ei în regiunea est-carpatică ceva mai timpuriu decât mijlocul sec. XII a.Chr.: în prima jumătate a sec. XII, eventual chiar în ultima pătrime a sec. XIII a.Chr.

Bibliografie

- Agul'nikov, Tkachuk 1990:** S. Agul'nikov, M. Tkachuk, Nakhodka rannego zheleznoogo veka s pos. Starye Boiukany. In: *Arheologicheskie issledovaniya molodyh uchenykh Moldavii*. (Kishinev 1990) // С. Агульников, М. Ткачук, Находки раннего железного века с пос. Старые Боюканы. В сб.: *Археологические исследования молодых ученых Молдавии* (Кишинев 1990), 105-107.
- Alexandrescu 1966:** A.D. Alexandrescu, Die Bronzeschwerter aus Rumänien. *Dacia* NS X, 117-189.
- Andronic 1981-1982:** Al. Andronic, Descoperirile traco-geto-dacice de la Vaslui. *CI (NS) XII-XIII*, 1981-1982, 117-126.
- Bader 1978:** T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei (București 1978).
- Bader 1983:** T. Bader, Evoluția fibulelor pe teritoriul României de la sfârșitul epocii bronzului până în perioada Hallstattului târziu. *TD IV*, 1-2, 1983, 12-22.
- Bader 1991:** T. Bader, Die Schwerter in Rumänien. *PBF IV*, 8 (Stuttgart 1991).
- Balaguri 2001:** E. Balaguri, Naselenie Verkhnego Potis'ia v epokhu bronzы (Uzhgorod 2001) // Э. Балагури, Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы (Ужгород 2001).
- Bejinariu 2007:** I. Bejinariu, Depozitul de bronzuri de la Brâglez (comuna Surduc, județul Sălaj) (Cluj Napoca 2007).
- Berciu 1939:** D. Berciu, Arheologia preistorică a Olteniei (Craiova 1939).
- Bernjakovič 1960:** K. Bernjakovič, Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten ufergebiet des oberen theisstales (Karpatoukraine USSR). *Sl.A. VIII-2*, 1960, 325-392.
- Bichir 1973:** Gh. Bichir, Șantierul arheologic Poiana-Dulcești, jud. Neamț. *MCA X*, 1973, 97-105.
- Blajer 1999:** W. Blajer, Skarby ze starszej i środkowej epoki brązu na ziemiach polskich. (Krakow 1999).
- Blajer 2001:** W. Blajer, Skarby przedmiotów metalowych z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza na ziemiach polskich (Krakow 2001).
- Bochkarev 2012:** V.S. Bochkarev, K voprosu ob ispol'zovanii metallicheskich serпов i serповidnykh orudii v stepnykh (ckotovodcheskich) kul'turakh epokhi pozdnei bronzы Vostochnoi Evropy. *RAE 2*, 2012, 194-214 // B.C.

- Бочкарёв, К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. РАЕ 2, 2012, 194–214.
- Bona 1975:** I. Bóna, Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre Südöstlichen Beziehungen. (Budapest 1975).
- Boroffka 1994:** N. Boroffka, Probleme der Jungbronzezeitlichen keramik in Ostungarn und Westrumänien. In: The early Hallstatt period (1200-700 B.C.) South-Eastern Europe (Alba Iulia 1994), 7-23.
- Boroffka 1999:** N.G.O. Boroffka, Probleme der späten Otomani-Kultur. In: Jan Gancarski (ed.), Kultura Otomani-Füzesabony – rozwój, chronologia, gospodarka. Materiały z konferencji archeologicznej Dukla, 27-28.11.1997/ Die Otomani-Füzesabony-Kultur – Entwicklung, Chronologie, Wirtschaft. Materialien der archäologischen Konferenz Dukla, 27-28.11.1997 (Krosno 1999), 113-129.
- Bozu 1982:** O. Bozu, Depozitul de bronzuri de la Fizeș (județul Caraș-Severin). StComC, Etnografie-istorie, IV, 1982, 137-154
- Bukvić 2000:** Lj. Bukvić, Kanelovana keramika Gava kompleksa u Banatu (Novi Sad 2000).
- Buzdugan 1979:** C. Buzdugan, Cercetările arheologice de la Rateșu Cuzei, jud. Vaslui. C.Arh. III, 59-75.
- Călătoiu 2002:** Gh. Călătoiu, Prima epocă a fierului în nordul Olteniei (Traco-geții din nordul Olteniei în secolele XII-IV a.Chr.) (Târgu Jiu 2002).
- Cherniakov et al. 1986:** I.T. Cherniakov, V.P. Vanchugov, V.G. Kushnir, Drevneishie bronzovye nakonechniki strel Severnogo Prichernomor'ia. SA 2, 1986 // И.Т. Черняков, В.П. Ванчугов, В.Г. Кушнир, Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья. СА 2, 1986, 47-55.
- Chernykh 1978:** E.N. Chernykh, Gornoe delo i metallurgii v drevneishei Bolgarii (Sofia 1978) // Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).
- Chirică, Tănăsachi 1984:** V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al județului Iași. Vol. I (Iași 1984).
- Ciugudean 1994:** H. Ciugudean, The Hallstatt A period in central Transylvania. In: The early Hallstatt period (1200-700 B.C.) in south-eastern Europe (Alba Iulia 1994), 25-40.
- Ciugudean 2010:** H. Ciugudean, The Late Bronze Age in Transylvania (With Primary focus on the central and Southern areas). Satu Mare – Studii și Comunicări XXVI/1 (Satu Mare 2010), 157-202.
- Chidioșan, Emödi 1982:** N. Chidioșan, I. Emödi, Grupul cultural Igrîța de la sfîrșitul epocii bronzului. Crisia XII, 1982, 61-85.
- Coman 1980:** Gh. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al județului Vaslui. (București 1980).
- Coman, Rotaru 1981:** Gh. Coman, M. Rotaru, Obiecte de lut, piatră și os descoperite în județul Vaslui. MA 6-8 (1974-1976) 1981, 57-63.
- Dascălu 2007:** L. Dascălu, Bronzul mijlociu și târziu în Câmpia Moldovei (Iași 2007).
- Davidescu, Vulpe 2010:** M. Davidescu, A. Vulpe, The Urnenfeld in Hinova, Mehedinți county (Roumania). Dacia N.S. LIV, 2010, 43-95.
- Dergachev 1975:** V.A. Dergachev, Bronzovye predmety XIII-VIII vv. do n.e. iz Dnestrosko-Prutskogo mezhdurech'ia (Kishineu 1975) // В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).
- Dergachev 1997:** V.A. Dergachev, Metallicheskie izdeliia k probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Kishineu 1997) // В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона (Кишинэу 1997).
- Dergachev 2002:** V. Dergachev, Die aneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).
- Dergachev 2010:** V.A. Dergachev, Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia. Vypusk 1. Odnoushkovye kel'ty s arkovidnymi faskami (Kishineu 2010) // В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 1. Одноушковые кельты с арковидными фасками (Кишинэу 2010).
- Dergachev 2011:** V.A. Dergachev, Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia. Vypusk 2. Kel'ty i serpy Nizhnego-Podunav'ia (Kishineu 2011) // В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. (Кишинэу 2011).
- Dergachev, Bočkarev 2006:** V. Dergachev, V. Bočkarev, Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est (Iași 2006).
- Emödi 1980:** I. Emödi, Necropola de la sfîrșitul epocii bronzului din peștera Igrîța. SCIVA 31, 2, 1980, 229-273.
- Essen 1985:** R. Essen, Die Nadeln in Polen II (Mittlere Bronzezeit). PBF XIII, 9 (München 1985).
- Florescu 1964:** A. Florescu, Contribuții la cunoașterea culturii Noua. AM II-III, 1964, 143-216.
- Florescu 1991:** A. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. CCDJ IX, 1991.

- Florescu, Florescu 1983:** M. Florescu, A. Florescu, Cercetările arheologice de la Cindești-Coasta Banului com. Dumbrăveni (jud. Vrancea), în perioada 1976-1980. MCA, a XV-a sesiune anuală de rapoarte (București 1983), 112-123.
- Florescu, Florescu 1990:** M. Florescu, A. Florescu, Unele observații cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbura a Carpaților Răsăriteni. AM XIII, 1990, 49-102.
- Foit 1964:** Gr., Foit, Depozitul de obiecte de bronz de la Ilișeni. AM II-III, 1964, 461-474.
- Forenbaher 1994:** S. Forenbaher, The "Belegiš II" group in eastern Slavonia. In: The early Hallstatt period (1200-700 B.C.) in South-Eastern Europe (Alba Iulia 1994), 49-62.
- Furmanek 1973:** V. Furmanek, Bronzova industrie stredodunajské Mohylově kulture na Moravě. Sl.A XXI, 1, 1973, 25-145.
- Furmánek 1977:** V. Furmánek, Pilinyer Kultur. Sl.A. XXV, 2, 1977, 251-270.
- Furmánek et al. 1999:** V. Furmánek, L. Velaicik L, J. Vladar, Die Bronzezeit im Slowakischen Raum. PAS, Band 15 (Rahden/West. 1999).
- Garashanin 1958:** D. Garashanin, Ka problemu pol'ia sa urnama u Srbuiu. ZRNM I, 297-309 // Д. Гарашанин, Ка проблему поља са урнама у Србији. ЗРМ I, 297-309.
- Gedl 1980:** M. Gedl, Die Dolche und Stabdolche in Polen. PBF VI, 4 (München 1980).
- Gedl 1983:** M. Gedl, Die Nadeln in Polen I (Frühe und altere Bronzezeit). PBF XIII, 7 (München 1983).
- Gogâltan 1998:** F. Gogâltan, The Cruceni-Belegiš Cemetery of Livezile (Tolvădia), Commune Bahloc, District Timiș (Romania). In: The Thracian World and the Crossroads of civilizations. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology. Vol. II (Bucharest 1998), 181-205.
- Gogâltan, Sava 2010: F. Gogâltan, V. Sava, Sântana „Cetatea Veche” (Arad 2010).
- Gogâltan, Sava, Mercea 2013:** F. Gogâltan, V. Sava, L. Mercea, Sântana „Cetatea Veche”. Metal and power. Ziridava 27, 2013, 21-72.
- Gumă 1993:** M. Gumă, Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României (B.THR III) (București 1993).
- Gumă 1995:** M. Gumă, The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review. TD XVI, 1-2, 1995, 99-137.
- Hänsel 1976:** B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der Älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. T. I-II (Bonn 1976).
- Iconomu 1977:** C. Iconomu, Depozitul de bronzuri de la Tătărăni (comuna Dănești, jud. Vaslui). CI VIII, 1977, 213-229.
- Iconomu 1997:** C. Iconomu, Unele rezultate și probleme privind evoluția triburilor trace din prima epocă a fierului în conformitate cu cercetările arheologice din județul Iași. In: Prima epocă a fierului la Gurile Dunării și în zonele circumponice (Tulcea 1997), 125-137.
- Iconomu 2002:** C. Iconomu, Descoperiri arheologice în așezarea din epoca fierului de la Brădicești – Iași (III). AM XXV, 2002, 93-112.
- Ignat 1984:** D. Ignat, Așezarea de la sfârșitul epocii bronzului de la Suplacu de Barcău (jud. Bihor). Crisia XIV, 1984, 9-26.
- Ignat 2000:** M. Ignat, Metalurgia în epoca bronzului și prima epocă a fierului din Podișul Sucevei (Suceava 2000).
- Junghans et al. 1968: S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schroder, Kupfer and Bronze in der fruhen Metallzeit Europas. Die Materialgruppen bleim Stand von 12000 Analysen (Berlin 1968).
- Kacsó 1990:** C. Kacsó, Bronzul târziu în nord-vestul României. Simpozia Thracologica 8 (Satu Mare–Carei 1990), 41-50.
- Kašuba 2008:** M. Kašuba, Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa. Eurasia Antiqua. Bd. 14, 2008, 193-231.
- Kemenczei 1984:** T. Kemenczei, Die Spätbronzezeit Nordostungarns (Budapest 1984).
- Kemenczei 1986:** T. Kemenczei, Kul'tura kurgannykh podrebenii. In: Arkheologiya Vengrii. Konets II tysiacheletia do n.e. // Т. Кеменцей, Культура курганных погребений. В сб.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. (Москва 1986), 37-51.
- Kemenczei 1986a:** T. Kemenczei, Kul'tura polei podrebal'nykh urn. In: Arkheologiya Vengrii. Konets II tysiacheletia do n.e. // Т. Кеменцей, Культура курганных погребений, В сб.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. (Москва 1986), 52-71.
- Kemenczei 1986b:** T. Kemenczei, Kul'tura Piliny. In: Arkheologiya Vengrii. Konets II tysiacheletia do n.e. // Т. Кеменцей, Культура Пилинь. В сб.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. (Москва 1986), 77-82.
- Kemenczei 1986c:** T. Kemenczei, Kul'tura Kiiatitse. In: Arkheologiya Vengrii. Konets II tysiacheletia do n.e. // Т.

Кеменцей, Культура Киятице. В сб.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. (Москва 1986), 103-115.

Kemenczei 1986d: T. Kemenczei, Kul'tura Gava. In: Arkheologiiia Vengrii. Konets II tysiacheletiiia do n.e. // Т. Кеменцей, Культура Гава. В сб.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. (Москва 1986), 115-131.

Klochko, Kozymenko 2011: V.I. Klochko, A.V. Kozymenko, Nash nedavnii bronzovyi vek (Kiev 2011) // В.И. Клочко, А.В. Козыменко, Наш недавний бронзовый век (Киев 2011).

Kobal' 2000: I.V. Kobal', Bronzezeitlichen Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). PBF XX, 4 (Stuttgart 2000).

Kytlicova 2007: O. Kytlicova, Jungbronzezeitliche Hortfunde in Bohmen. PBF XX, 12 (Stuttgart 2007).

Lakó 1987: E. Lakó, Piese de bronz din așezarea de cultură Otomani de la Crasna (jud. Sălaj). AMP 11, 1987, 77-81.

Lapushnian 1979: V.L. Lapushnian, Rannie frakiitsy X – nachala IV v. do n.e. v lesostepnoi Moldavii (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

Larina, Postike 1990: O.V. Larina, G.I. Postike, Arkheologicheskie pamiatniki u s. Bursucheny. AIM v 1985 g. (Kishinev 1990) // О.В. Ларина, Г.И. Постикэ, Археологические памятники у с. Бурсучены. АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 256-266.

László 1973: A. László, Considerații asupra ceramicii de tip Gava din Hallstattul timpuriu. SCIV 24, 4, 575-609.

László 1976: A. László, Începuturile primei vârste a fierului pe teritoriul Moldovei. Unele rezultate și probleme. CI 7, 1976, 57-75.

László 1989: A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe-VIIe siècles av. n.è. In: La civilisation de Hallstatt. ERAUL 36 (Liege 1989), 111-129.

László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpați. B.THR. VI (București 1994).

László 2001: A. László, Prima epocă a fierului. In: Istoria românilor (Coord. M. Petrescu-Dîmbovița, Al. Vulpe). Vol. I: Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 294-353.

Lazăr 2005: S. Lazăr, Cultura Vârtop în Oltenia (Craiova 2005).

Levițki 1994: O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați. B.THR. VII (București 1994).

Levițki 1994a: O. Levițki, Grupul Holercani-Hanska. Aspectul pruto-nistean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată. In: Relations Thraco-Illyro-Helleniques (București 1994), 219-256.

Levițki 2002: O. Levițki, Raport despre investigațiile arheologice efectuate în obiectivele arheologice de la Trinca, jud. Edineț, Republica Moldova. Campania 2002 (Chișinău 2002). Arhiva MNIM, nr.inv. 421.

Levițki 2003: O. Levițki, Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.). B.THR. XL (București 2003).

Levițki et al. 2003: O. Levițki, E. Ușurelu, Gh. Coban, Piese de metal din așezarea Trinca-Izvorul lui Luca. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 171-182.

Levițki 2010: O. Levițki, Primă epocă a fierului (sec. XII-VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura Chișinău-Corlăteni. Cultura Tămăoani-Holercani-Hanska. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 333-357.

Levitskii, Kashuba 2014: O.G. Levitskii, M.T. Kashuba, Final epokhi bronzy v Karpato-Podunav'e: Kul'turno-istoricheskii landshaft i ego vostochnye (severo-prichernomorskie) rubezhi. In: Arkheologiiia drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiiia, kul'turogenez, religioznye vozzreniia. Pamiati V.M. Massona. Trudy IIMK RAN. T. XLII (Sankt-Petersburg 2014), 240-270 // О.Г. Левицкий, М.Т. Кашуба, Финал эпохи бронзы в Карпато-Подунавье: Культурно-исторический ландшафт и его восточные (северо-причерноморские) рубежи. В сб.: Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII (Санкт-Петербург 2014), 240-270.

Levițki, Kașuba 2015: O. Levițki, M. Kașuba, Două culturi hallstattiene timpurii cu ceramică canelată din regiunea est-carpatică: trăsături generale și locale. In: Orbis Praehistoriae. Mircea Petrescu-Dîmbovița – in memoriam (eds. V. Spinei, N. Ursulescu, V. Cotiugă). Honoraria 11 (Iași 2015), 579-614.

Marinescu-Bâlcu 1981: S. Marinescu-Bilcu, Cîteva elemente de cultură Noua și hallstattiene descoperite în Moldova Centrală. TD II, 1981, 147-159.

Medoviĥ 1988-1989: P. Medoviĥ, Kanelovana keramika prelaznog perioda u Vojvodini. RVM 31, 1988-1989, 45-57 // П. Медовиĥ, Канелована керамика прелазног периода у Војводини. PBM 31, 1988-1989, 45-57.

Meliukova 1961: A.I. Meliukova, Kul'tura predskifskogo perioda v lesostepnoi Moldavii. MIA 96, 5-52 // А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА 96, 5-52.

Morintz 1977: S. Morintz, Probleme privind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice. Revista de Istorie 30, 8 (București 1977), 1465-1488.

- Morintz 1978:** S. Morintz, Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii (I). Epoca bronzului în spațiul carpa-to-balcanic (București 1978).
- Moszolics 1985:** A. Moszolics, Bronzefunde aus Ungarn (Budapest 1985).
- Nemeti 2010:** J. Nemeti, Acăș-Rătul lui Veres (Veres-rét). The Late Bronze Age settlement. In: Amurgul mileniului II a.Chr. în Câmpia Tisei și Transilvania. Simpozion Satu Mare 18-19 iulie 2008. Studii și Comunicări. Seria Arheologie XXVI/I (Satu Mare 2010), 265-316.
- Nestor 1970:** I. Nestor, Epoca aramei și a bronzului. In: Istoria poporului român (București 1970), 22-28.
- Nestor et al. 1952:** I. Nestor et al., Șantierul Valea Jijiei. SCIV III, 1952, 84-94.
- Nikitović et al. 1997:** L. Nikitović, R. Vasić, M. Stojić, The Mound Necropolis Lugovi-Bent in Mojsinje. Excavations in 1997. Старинар XLVIII, 1997, 123-132.
- Novak 1975:** P. Novak, Die Schwerter in der Tschechoslowakei I. PBF IV, 4 (München 1975).
- Novotna 1980:** M. Novotna, Die Nadeln in der Slowakei. PBF XIII, 6 (München 1980).
- Palade 1976:** V. Palade, Depozitul de obiecte din epoca bronzului de la Tomești, comuna Pogana (județul Vaslui). SCIVA 27, 2, 1976, 233-245.
- Pančiková 2008:** Z. Pančiková, Metalurgia v období popolnicových poli na Slovensku, Památky Archeologické XCIX (Prague 2008), 93-160.
- Passek 1956:** T.S. Passek, Raskopki na mnogoslinoim poselenii u s. Golerkany na Dnestre v 1954 g. Izv. MF AN SSSR, 4(31) (Kishinev 1956), 19-35 // T.C. Пасек, Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 г. Изв. МФ АН СССР 4(31) (Кишинев 1956), 19-35.
- Patek 1968:** E. Patek, Die Urnenfelderkultur in Transdanubien (Budapest 1968).
- Păunescu, Șadurschi 1983:** A. Păunescu, P. Șadurschi, Repertoriul arheologic al României. Județul Botoșani. I. Comuna Albești. Hierasus V, 1983, 221-269.
- Perkić, Ložnjak Dizdar 2005:** D. Perkic, D. Ložnjak Dizdar, Kasnobrončanodobna ostava Siča/Lučica. Opvscvla Archæologica, vol 29 (Zagreb 2005), 41-120.
- Petre-Govora 1983:** Gh. Petre-Govora, Un orizont hallstattian timpuriu în nord-estul Olteniei. TD IV, 1983, 89-95.
- Petre-Govora 1995:** Gh.I. Petre-Govora, O preistorie a nord-estului Olteniei (Rm. Vâlcea 1995).
- Petrescu-Dîmbovița 1953:** M. Petrescu-Dîmbovița, Contribuții la problema sfârșitului epocii bronzului și începutul epocii fierului în Moldova. SCIV IV, 3-4, 1953, 443-481.
- Petrescu-Dîmbovița 1964:** M. Petrescu-Dîmbovița, Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârșitul epocii bronzului și începutul Hallstattului din Moldova. AM II-III, 1964, 251-272.
- Petrescu-Dîmbovița 1971:** M. Petrescu-Dîmbovița, Quelques considérations concernant la fin de l'âge du bronze et le debut du Hallstatt dans l'espace carpatho-balkanique. Studia Balcanica 5 (Sofia 1971), 107-117.
- Petrescu-Dîmbovița 1977:** M. Petrescu-Dîmbovița, Depozitele de bronzuri din România (București 1977).
- Petrescu-Dîmbovița 1978:** M. Petrescu-Dîmbovița, Die Sichen in Romanien. PBF XVIII, I (München 1978).
- Popoviĥ 1975a:** D. Popoviĥ, Ostava iz Nove Bingule. In: Praistorijcke ostave u Srbiji i Vojvodini I (Beograd 1975), 34-43 // Д. Поповић, Остала из Нове Бингуле. В сб.: Праисторијске оставе у Србији и Војводини I (Београд 1975), 34-43.
- Popoviĥ 1975b:** D. Popoviĥ, Ostava iz Shimanovatsa. In: Praistorijcke ostave u Srbiji i Vojvodini I (Beograd 1975), 43-52 // Д. Поповић, Остала из Шимановаца. В сб.: Праисторијске оставе у Србији и Војводини I (Београд 1975), 43-52.
- Popoviĥ 1994a:** D. Popoviĥ, Ostava iz Dobrinatsa. In: Praistorijcke ostave u Srbiji i Vojvodini II (Beograd 1994), 8-25 // Д. Поповић, Остала из Добринаца. В сб.: Праисторијске оставе у Србији и Војводини II (Београд 1994), 8-25.
- Popoviĥ 1994b:** D. Popoviĥ, Ostava iz Don'ikh Petrovatsa. In: Praistorijcke ostave u Srbiji i Vojvodini II (Beograd 1994), 25-35 // Д. Поповић, Остала из Доњих Петроваца. В сб.: Праисторијске оставе у Србији и Војводини II (Београд 1994), 25-35.
- Radu 1973:** O. Radu, Cu privire la necropola de la Cruceni (jud. Timiș). SCIV 24, 3, 503-520.
- Rihovsky 1961:** I. Rihovsky, Počatok Velatické kultury na Moravě. Sl.A. IX 1-2, 1961, 107-154.
- Rihovsky 1979:** I. Rihovsky, Die Nadeln in Mahren und im Ostalpengebiet. PBF XIII, 5 (München 1979).
- Rihovsky 1983:** I. Rihovsky, Die Nadeln in Westungarn. PBF XIII, 10 (München 1983).
- Sava 2002:** E. Sava, Die Bestattungen der Noua-kultur. PAS 19 (Kiel 2002).
- Sava, Kaizer 2011:** E. Sava, E. Kaizer, Die Siedlung mit «Aschehügeln» beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova (Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen). Bibl. «Tyragetia» XIX (Chișinău 2011) // E. Сава, Е. Кайзер, Поселение с «золянками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические

и естественнонаучные исследования). Bibl. «Tyragetia», XIX (Chișinău 2011).

Sava, Hurezan, Mărginean 2012: V. Sava, G.P. Hurezan, F. Mărginean, Late Bronze Age metal Artefacts Discovered in Șagu, Site „A1_1” Arad-Timișoara Highway (km 0+19.900–0+20.620). *Ziridava* 26/1, 2012, 83-107.

Smirnova 1978: G.I. Smirnova, Kul'turno-istoricheskaia stratigrafiia poseleniia Magala. In: *Problemy arkheologii*, vyp. II (Leningrad 1978), 68-72 // Г.И. Смирнова, Культурно-историческая стратиграфия поселения Магала. В сб.: *Проблемы археологии*, вып. II (Ленинград 1978), 68-72.

Smirnova 1985: G.I. Smirnova, Osnovy khronologii predskifskikh pamiatnikov Iugo-Zapada SSSR. SA 4, 1985, 33-53 // Г.И. Смирнова, Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. СА 4, 1985, 33-53.

Smirnova 1990: G.I. Smirnova, Pamiatniki tipa Kishinev-Korleteni v Dnestrovsko-Siretskom mezhdurech'e i grupa Belegish v iugoslavskom Podunav'e. ASGE 30, 1990, 20-33 // Г.И. Смирнова, Памятники типа Кишинев-Корлэтенъ в Днестровско-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье. АСГЭ 30, 1990, 20-33.

Stratan 1964: I. Stratan, O nouă descoperire hallstattiană din Banat. SCIV 15, 4, 1964, 523-528.

Szekely 1966: Z. Székely, Așezări din prima vârstă a fierului în sud-estul Transilvaniei (Sf. Gheorghe 1966).

Șadurschi 1989: P. Șadurschi, Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani. *Hierarchia VII-VIII*, 1989, 157-182.

Šimici 1994: I. Šimić, 1984. Early Hallstatt horizon in north-eastern Slavonia. In: *The early Hallstatt period (1200-700 B.C.) in South-Eastern Europe* (Alba Iulia 1994), 197-218.

Tasić 1962: N. Tasić, Nasel'e kulture pol'a sa urnama u istochnom delu Spema. RVM 11, 1962, 127-144 // Н. Тасић, Населъе културе полъа са урнама у источном делу Срема. РВМ 11, 1962, 127-144.

Tasić 1992: N. Tasić, Metal bronzanog doba – Metal of the Bronze Age. In: *Praistorijski metal Pomoravlja* (Beograd 1992), 17-21.

Tasić 1997: N. Tasić, Niederösterreich und der jugoslawische Donauraum in der Früh – und Mittelbronzzeit. *Старинар XLVIII*, 1997, 41-52.

Titov 1986: V.S. Titov, 2500 let proshlogo Karpato-Dunaiskogo basseina v zerkale vengerskoi arkheologii (Vmes-to vvedeniia). In: *Arkheologija Vengrii. Konets II tysiacheletiia do n.e.* (Moskva 1986), 7-36 // В.С. Титов, 2500 лет прошлого Карпато-Дунайского бассейна в зеркале венгерской археологии (Вместо введения). В сб.: *Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.* (Москва 1986), 7-36.

Točik 1964: A. Točik, Die Gräberfelder der Karpatenlandischen Hügelgraberkultur (Pragae 1964).

Todorović 1977: I. Todorović, Praistorijska Karaburma II. Nekropola bronzanog doba (Beograd 1977).

Trbukhovič 1960-1961: V. Trbukhovich, Ptaistorijska nekropola u Belegishu. *Starinar NS*, kn. II (Beograd 1960-1961), 163-180 // В. Трбуховић, 1960-1961. Праисторијска некропола у Белегишу. *Старинар НС*, кн. II (Београд 1960-1961), 163-180.

Udrescu 1973-1974: T. Udrescu, Descoperiri arheologice în jumătatea de sud a Moldovei cu privire la cultura Noua. *Carpica* 6, 1973-1974, 17-42.

Ursachi 1968a: M. Ursachi, Depozitul de obiecte de bronz de la Ruginoasa. *Carpica* I, 1968, 27-34.

Ursachi 1968b: V. Ursachi, Cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Roman. *Carpica* I, 1968, 111-188.

Ursachi 1970: M. Ursachi, Săpăturile arheologice de la Văleni (jud. Neamț). *MCA* IX, 265-270.

Vanchugov 1990: V.P. Vanchugov, Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Kiev 1990) // В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).

Vasiliev et al. 1991: V. Vasiliev, I. Al. Aldea, H. Ciugudean, Civilizația dacică timpurie în aria intracarpatică a României. *Contribuții arheologice: așezarea fortificată de la Teleac* (Cluj-Napoca 1991).

Vinski-Gasparini 1973: K. Vinsky-Gasparini, Kultura polja sa sarama u sjevernoj Hrvatskoj (Zadar 1973).

Vulpe, Căpitanu 1989: A. Vulpe, V. Căpitanu, Depozitul de bronzuri de Gioseni. *Carpica* XX, 1989, 69-81.

Vulpe, Căpitanu 1995: A. Vulpe, V. Căpitanu, Der Hortfund von Gioseni, Kr. Bacău, in der Moldau. In: *Bronzefunde aus Rumänien*. PAS 10 (Berlin 1995), 237-244.

Zaharia et al. 1970: N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmbovița, E. Zaharia, Așezări din Moldova. De la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea (București 1970).

Żurowski 1949: K. Żurowski, Zabytki brazowe z mlodszej epoki brazu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd Archeologiczny* VIII, 2 (Poznan 1949), 155-247.

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com

Клады чернолесской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи

Keywords: The hoards, Cernyi Les culture, Ukrainian Forest-Steppe.

Cuvinte cheie: depozite, cultura Chernyi Les, silvostepa ucraineană.

Ключевые слова: клады, чернолесская культура, украинская Лесостепь.

Sergei Skoryi, Iurii Kostenko, Vsevolod Boriak

The hoards of Cernyi Les culture in the north of Dnieper's Forest-Steppe Terrace

The article is consecrated to the publication of two hoards of Cernyi Les culture. They were found by chance in the north part of Dnieper's Forest-Steppe Terrace. The hoards consist of 34 bronze objects (decorations, details of horse equipment, tools) and, considering their quantity, are the most representative artifacts of this category belonging to Cernyi Les culture. The artifacts have different dates starting, at least, with the 10th century BC, but time of placing of them in earth approximately belongs to 8th century BC that is determined by the date of most late find.

Sergei Skoryi, Iurii Kostenko, Vsevolod Boriak

Depozite atribuite culturii Chernyi Les în nordul silvostepii de terasă a Niprului

Articolul este consacrat publicării a două depozite aparținând culturii Chernyi Les. Ele au fost descoperite fortuit în regiunea de nord a silvostepii de terasă a Niprului. Depozitele includ 34 piese de bronz (podoabe, piese de harnașament, unelte) și sunt, cantitativ, cele mai reprezentative artefacte din această categorie în cultura Chernyi Les. Obiectele au diverse datări, începând, cel puțin, din sec. X î.e.n., însă au fost îngropate aproximativ în sec. VIII î.e.n., după datarea celei mai târzii piese.

Сергей Скорый, Юрий Костенко, Всеволод Боряк

Клады чернолесской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи

Статья посвящена публикации двух кладов чернолесской культуры. Они случайно обнаружены в северной части Приднепровской Террасовой Лесостепи. Клады состоят из 34 бронзовых предметов (украшения, детали конского снаряжения, орудия труда) и являются наиболее представительными по количеству памятниками этой категории в чернолесской культуре. Вещи имеют разные даты, по крайней мере, с X в. до н.э., но время размещения их в земле ориентировочно относится к VIII в. до н.э., что определяется датой наиболее поздней находки.

Совокупность металлических предметов, относящихся ккладам, т.е. преднамеренно спрятанным, в том числе в земле, предметам, в ареале чернолесской культуры, на территории украинской Лесостепи, встречается вовсе не часто. Достоверно мы знаем лишь семь подобных случаев¹. Пять кладов обнаружены в Днепровском Лесостепном Правобережье, в бассейне р. Тясмин, на Черкасщине. Один из них в 1946 г. у с. Залевки Смелянского р-на (Залевкинский

клад) [Tret'iakov 1949, 230, 238, рис. 7], и четыре на известном Суботовском городище, у с. Суботов Чигиринского р-на; один – в 1910 г. [Lysenko 2004, 256], два – в 1955 г. [Terenzhkin 1961, 159, рис. 105,8; рис. 106,6-7; 1976, 82, рис. 51; Lysenko 2004, 256-257, рис. 2], ещё один – в 1971 гг. [Terenzhkin 1976, 82-83, рис. 49-52; Lysenko 2004, 258, рис. 3]. Все они в основном близки по времени и относятся, по периодизации А.И. Тереножкина, ко второй ступени чернолесской культуры. Шестой клад, в медном(?) котле был найден на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи, вблизи г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области, в 1886 г. [Kovranenko 1967, 47-48, рис. 19,8-11]. Наконец, ещё один клад обнаружен в Среднем Поднестровье, у с. Мошанец Кельменецкого р-на Черновицкой области в 1991 г. Он относится, по мнению авторов статьи, к IX – первой половине VIII вв. до н.э. и со-

1. Когда настоящая статья уже была полностью подготовлена к печати, нам стало известно об открытии ещё одного клада чернолесской культуры в Среднем Поднестровье (юг Киевской области). Он включает следующие бронзовые изделия: шесть браслетов (четыре – плоских овальных суботовского типа, два – проволочных пружинных многовитковых, один с концами в виде спиралей), 15 восьмёрковидных блях, 14 трубковидных пронизей, две круглые тонкие бляхи. Вещи, судя по всему, были обнаружены в горшке чернолесской культуры. Клад хранится в частной коллекции.

ответствует первой ступени чернолесской культуры, или черногородовской группе степных предскифских (киммерийских) древностей, по периодизации А.И. Тереножкина [Smirnova, Voinarovs'kii 1994]. Однако есть и иное мнение о более позднем времени этого клада, а именно VIII в. до н.э. или даже конец указанного столетия [Erlikh 2005, 170-171]².

Совсем недавно перечень подобных памятников пополнился ещё двумя кладами бронзовых изделий, обнаруженными в сентябре и декабре 2015 г. краеведом В.В. Боряком, с помощью металлодетектора, южнее с. Леляки Барышевского р-на Киевской обл., что соответствует северной части Приднепровской Террасовой Лесостепи³.

Местоположение кладов. Точные ориентиры

Оба клада найдены неподалёку от полевой дороги, тянущейся, от леса, параллельно р. Трубезь, в сторону с. Козлов Переяслав-Хмельницкого р-на. Эта дорога в свою очередь ответвляется от просёлочной грунтовой дороги, ведущей из с. Волчков Переяслав-Хмельницкого р-на в с. Семёновка Барышевского р-на Киевской области. Расстояние до первого места находки по полевой дороге, от ответвления от упомянутой просёлочной дороги, 1400 м.

Поле, на котором найдены клады, представляет собой задернованную песчаную возвышенность, в заплаве, между р. Трубезь и его левым притоком – р. Выбла (рис. 1). Место находки первого клада расположено в 40 м к ЮВ от упомянутой полевой дороги, ориентир по JPS: N 50°13'03.4", E 031°31'01.08". Предметы в переплетённом состоянии находились на глубине 10-20 см, по сути, в дерновом супесчаном слое, и представляли собой кельт и шесть украшений: два целых проволочных пружинных браслета и четыре целых пластинчатых браслета (рис. 2). Ёмкости, в которой находились первоначально вещи, не выявлено. Скорее всего, ею мог быть

Рис. 1. Места обнаружения кладов чернолесской культуры и случайных находок браслетов суботовского типа в бассейне р. Трубезь.

Fig. 1. Places of discovering hoards of Chernyi Les culture and accidental finds of Subotovskiy type bracelets in the basin of the Trubezh river.

небольшой мешочек.

Группа предметов второго клада располагалась в 53 м к ЮВ от названной полевой дороги и в 40 м к СВ от первого места находки. Ориентир по JPS: N 50°13'03.0", E 031°31'03.9". Бронзовые изделия встречены на несколько большей глубине – 30-40 см. Здесь кучно располагались два псаля, бляшки от конской упряжи, целый и деформированный пластинчатые браслеты, два обломка таких же украшений, два слитка бронзы. Остальные вещи фиксировались в радиусе 1,0-15 м от этого места находки, что, несомненно, связано с их перемещением плугом по полю, в процессе вспашки. Это хорошо подтверждается состоянием отдельных предметов. Интересна наход-

2. Сходные соображения высказали и среднеевропейские исследователи, см. библиография: [Erlikh 2005, 170-171].

3. В настоящее время данные находки готовятся для передачи в фонды Института археологии НАН Украины.

Рис. 2. Бронзовые изделия из клада № 1: 1-4 – пластинчатые овальные браслеты суботовского типа; 5,7 – проволочные пружинные браслеты; 6 – кельт.

Fig. 2. Bronze pieces from hoard Nr. 1: 1-4 – plate oval bracelets of Subotovskiy type; 5,7 – wire spring bracelets; 6 – socket axes.

ка целого, слегка помятого, многovitкового пружинного браслета, на расстоянии 11 м к В от места скопления предметов клада, на глубине 0,25-0,30 м. Ориентир по JPS: N 50°13'03.0", E 031°31'04.3" (рис. 14,1; 15,2). Вероятно, предметы этого клада также первоначально были помещены в какую-то ёмкость из органического материала, поскольку никаких обломков керамики в районе расположения вещей не обнаружено.

Второй клад намного представительнее первого по количеству предметов и их составу. Он включал украшения – бронзовые браслеты, пластинчатые (пять целых или деформированных, и обломки ещё от четырех), проволочные пружинные многovitковые браслеты (два экз.), два проволочных с незамкнутыми концами, подвески (пять экз.), детали конского снаряжения – псалии (два экз.), бляхи (три экз.) от конской уздечки, а также долото, фрагмент предмета неясного назначения и два небольших слитка бронзы. Иными словами, от

клада сохранилось 27 предметов, хотя полной уверенности в том, что это все вещи, входившие в его состав, разумеется, нет.

Бронзовые предметы в момент обнаружения были покрыты коррозией и впоследствии подвергнуты чистке и реставрации⁴. В целом, оба клада включают 34 предмета, и это – наиболее представительные памятники чернолесской культуры, относящиеся к данной категории.

Описание находок

Поскольку в состав обоих кладов входит ряд одинаковых предметов чернолесской культуры, прежде всего – литые пластинчатые и кованые пружинные браслеты, можно а priori считать их синхронными и рассматривать совместно, по функциональным категориям. При этом вполне логично начать описание и анализ находок с наиболее многочисленной категории предметов – украшений, включающих браслеты, пластинчатые и проволочные, а также подвески.

Украшения. Браслеты

Пластинчатые широкие браслеты суботовского типа с рельефным орнаментом

Всего найдено 14 браслетов, целых или сохранившихся на большую часть длины, а также ряд фрагментов. Пять экземпляров сохранились полностью, два из них помяты частично плугом при вспашке. Три браслета были переломаны и впоследствии реставрированы. Один экземпляр сильно деформирован, но его также удалось восстановить почти целиком. Наконец, ещё пять браслетов представлены отдельными фрагментами и не подлежат восстановлению. Несомненно, наличие обломков среди находок пластинчатых браслетов также может быть объяснено следствием воздействия плуга.

Браслеты могут быть разделены на две группы – *овальные* (11 целых и фрагментиро-

4. Реставрация предметов клада осуществлена А.И. Калашником (Институт археологии НАН Украины). Рисунки вещей, представленные в данной статье, осуществлены до их реставрации. По этой причине возможны минимальные расхождения между обмерянными реставрированными предметами и представленными на иллюстрациях.

ванных экземпляров) и *круглые* (три экземпляра, два из которых целые, и два фрагмента третьего). Отливались они по восковой модели. Пластинчатые браслеты суботовского типа, с рельефным орнаментом, являются одним из ярких маркёров чернолесской культуры [Terenozhkin 1952, 90-94; 1954, 102; 1961, 160-166; Gershkovich 2003, 43-46; 2008, 38; Lysenko 2004, 255; Poltavets 2009, 27; 2013, 199; Bessonova 2015, 171].

Все *овальные* браслеты изготавливались в виде пластины, а затем им механическим путём придавали необходимую форму. Некоторые из них имели незамкнутые концы, застёгивающиеся с помощью гвоздевидного стержня с одной стороны, который вставлялся в отверстие выпуклой дисковидной бляшки на другой стороне. Но большинство соединялись внахлёт (место соединения покрыто круглым щитком), имея на противоположной стороне цельнолитой кружок в виде грибка на низкой ножке. Указанные округлые выпуклые щитки (или бляшки грибовидной формы), как бы, входили в систему рельефного орнамента браслета.

По характеру расположения орнамента на пластине браслеты составляют два типа:

Тип 1. Рельефный орнамент у них выходит за пределы пластины браслета. Такие экземпляры в публикуемыхкладах представлены наибольшим количеством: пять целых (или условно целых) браслета и большие фрагменты ещё, как минимум, от четырех экземпляров. Широкая пластина браслета украшена двумя весьма сходными композициями рельефного орнамента, разделёнными двумя круглыми выпуклыми щитками, каждая из которых включает по девять равновеликих или отличающихся по диаметру спиралей, сгруппированных по три, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, перпендикулярно пластинке браслета.

У одного из браслетов упомянутый орнамент не имеет каких-либо дополнительных деталей (*вариант 1*). Сохранность браслета хорошая, орнамент чётко выражен. Браслет отлит тщательно, внутренняя поверхность заполирована. Размеры браслета 10,2х6,7, ширина пластины 1,7, с учётом выступающих спиралей – 3,1 см. Толщина пластины 0,1 см (рис. 3,1; 5,1).

У иных браслетов между центральными

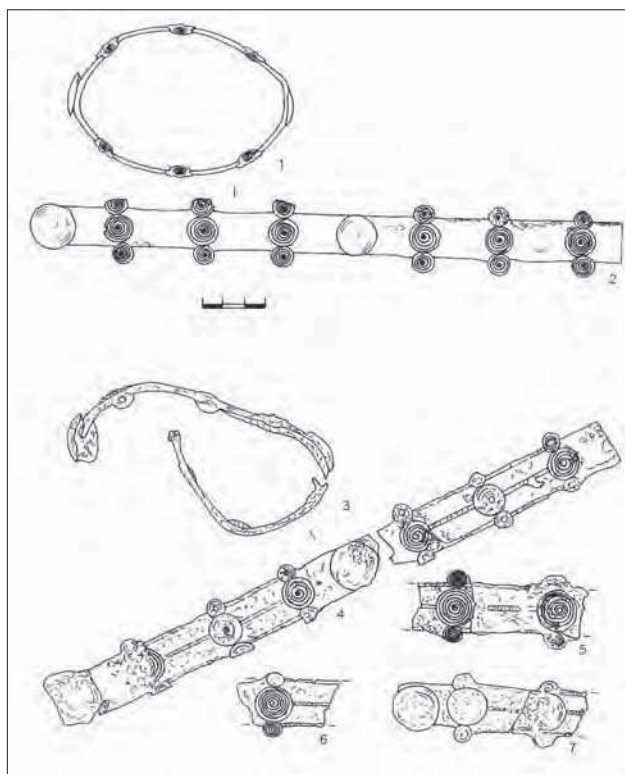

Рис. 3. Пластинчатые овальные браслеты 1-го типа: 1-2 – первый вариант; 3-7 – второй вариант.

Fig. 3. Plate oval bracelets of the first type: 1-2 – first version; 3-7 – second version.

спиралями каждой тройки и по краям пластины браслета, в районе композиций – рубчатые кантики (*вариант 2*). К этому варианту относятся три браслета, два из которых были переломаны плугом, но восстановлены, и шесть фрагментов от третьего экземпляра (рис. 3,4-7). Один из браслетов, массивный, реставрированный (был слегка сжат ударом плуга), имеет длину до 12,6, при ширине пластины 2,6, с учётом выступающих спиралей – 3,5 см. Толщина пластины 0,15 см. Орнамент чётко выражен, браслет отлит тщательно, с внутренней стороны поверхность заполирована (рис. 4; 5,2). Второй браслет, сильно деформированный (плугом?) отлит крайне небрежно, орнамент не отличается чёткостью, края спиралей в трёх случаях загнуты, с внутренней стороны следы полировки отсутствуют и хорошо видны неубранные наплывы металла. По-видимому, этот экземпляр является производственным браком. Сохранился в длину на 12,2, ширина пластины 2,2, с учётом выступающих спиралей – 3,0-3,1 см. Толщина пластины 0,1 см (рис. 3,3). Судя по шести обломкам

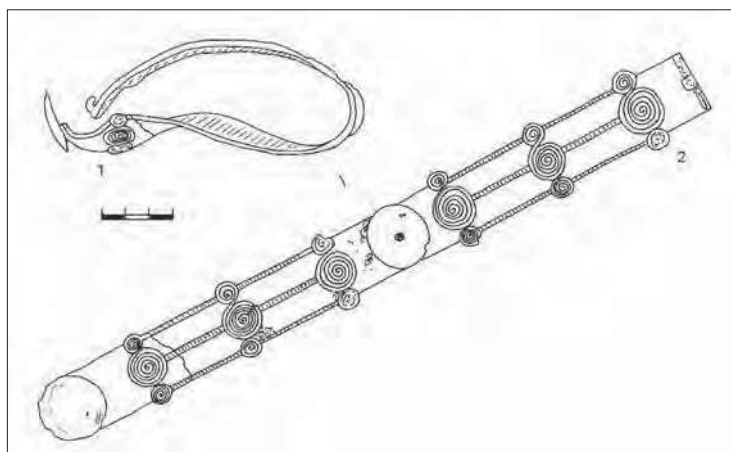

Рис. 4. Пластинчатый овальный браслет 1-го типа, 2-го варианта.

Fig. 4. Plate oval bracelets of the first type: 1 – first version; 2 – second version.

третьего браслета этого варианта, он довольно долго носился, поскольку спирали орнамента основательно затёрты. На металле просматриваются следы воздействия огня. Ширина браслета 2,0-2,2, с учётом выступающих спиралей – 3,5, толщина 0,1 см (рис. 3,5-7).

Третий вариант представлен двумя, по сути, идентичными по внешнему виду, массивными браслетами, в орнаментальном поле которых, на кантиках между центральными спиралями, располагаются дополнительные спирали маленького диаметра. Оба экземпляра сохранились полностью, но в разной степени помяты при вспашке плугом. Сохранность орнаментов неодинакова: одни спирали видны чётко, иные – не столь выразительно, что, вероятно, объясняется долговременностью ношения этих украшений. У одного из браслетов – застёжка в районе дисковидной бляшки (рис. 6,1; 7,1), у другого концы запаены наглухо (рис. 6,2; 7,2). Размеры браслетов (по наименее помятому экземпляру): 11х8, ширина пластины – 2,2-2,3, с учётом выступающих спиралей – 4,0-4,1 см. Толщина пластины 0,1 см. Внутренняя сторона браслетов тщательно заполирована. Несомненно, браслеты этого варианта отлиты в одинаковых формах.

Наконец, у трёх браслетов, также идентичных по оформлению, маленьких спиралей в цен-

тре композиции нет, но они заменены небольшими кружочками, составляющими горизонтальные линии между центральными спиралями орнамента (вариант 4). Украшения поломаны, по-видимому, плугом, их части имеют рваные края. От одного браслета сохранилось два довольно больших фрагмента. Орнамент на них виден довольно чётко. Ширина полосы браслета 2,0, с учётом выступающих спиралей – 3,5-3,6 см. Толщина пластины 0,1 см. Обратная сторона в определённой степени заполирована

(рис. 8,1-2; 9,2). На одном из фрагментов видны следы воздействия огня. Второй браслет представлен двумя фрагментами, которые удалось склеить. Этот браслет шире первого: 2,2, а при учёте выступающих спиралей – 3,6-3,7 см. На сохранившейся части браслета – участок композиции в виде двух совокупностей спиралей, одна из которых сохранилась чётко, вторая достаточно затёрта. Внутренняя сторона браслета хорошо заполирована (рис. 9,3). Третий браслет представлен четырьмя фрагментами. Орнамент на них – крайне невыразителен, затёртый или неудачно пролитый. Ширина браслета 1,8-2,0, с учётом выступающих спиралей – 3,2-3,3 см. Толщина пластины 0,1 см (рис. 9,4). На браслете –

Рис. 5. Пластинчатые овальные браслеты 1-го типа: 1 – первый вариант; 2 – второй вариант.

Fig. 5. Plate oval bracelets of the first type: 1 – first version; 2 – second version.

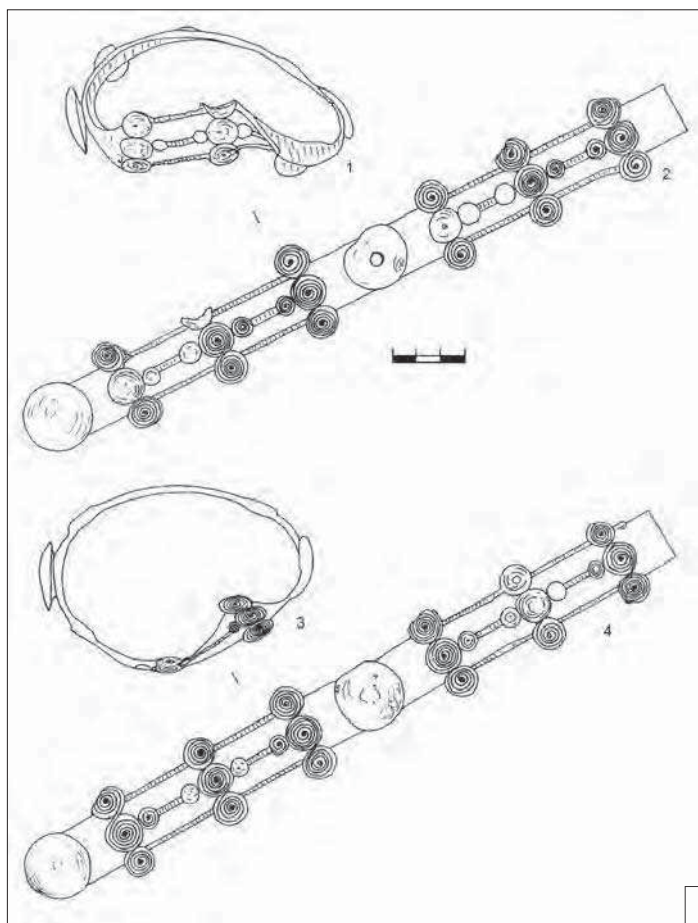

Рис. 6. Пластиначные овальные браслеты 1-го типа, 3-го варианта.

Fig. 6. Plate oval bracelets of the first type, the third version.

следы сильного воздействия огня.

Таким образом, в рамках упомянутого типа выделяются четыре, в определённых деталях отличающихся, варианта браслетов.

Довольно близкая аналогия орнамента на браслете первого варианта известна из Ржищева Киевской области (Киевское Поднепровье), хотя этот экземпляр – круглый, а не овальный [Terenzhkin 1952, 93, ris. 28,6].

Аналогии второму варианту – фрагмент браслета из с. Хмельна Каневского р-на (Поросье), судя по всему, из трупосожжения, поскольку подпорчен огнём [Terenzhkin 1961, 163, ris. 110,3; 166]. Аналогии третьему варианту – браслет, найденный в районе Канева (Поросье) и обломок беспаспортного браслета, изданного А.И. Тереножкиным [Terenzhkin 1952, 93, ris. 28,9; 1961, 163, ris. 110,6]. Прямые аналогии четвёртому варианту браслетов – с

горизонтальными линиями из маленьких кружочков между строенными вертикальными спиралями – пока нам не известны.

Тип 2. Браслеты, у которых рельефный орнамент не выходит за пределы пластины. В нашем распоряжении всего лишь два таких браслета (один из которых сохранился целиком, другой – склеен), достаточно отличающихся по рельефному орнаменту, что позволяет выделить их в два варианта.

Вариант 1. Широкая пластина браслета украшена двумя одинаковыми композициями, разделёнными круглыми выпуклыми щитками. Каждая композиция состоит из трёх групп находящихся на равном расстоянии выпуклых кантиков, расположенных вертикально, поперёк пластины браслета, и ограниченных с двух сторон линиями маленьких кружков. Между указанными группами кантиков – по три кружка: в центре большего размера, по краям – меньшего. Размеры браслета:

Рис. 7. Пластиначные овальные браслеты 1-го типа, 3-го варианта.

Fig. 7. Plate oval bracelets of the first type, the third version.

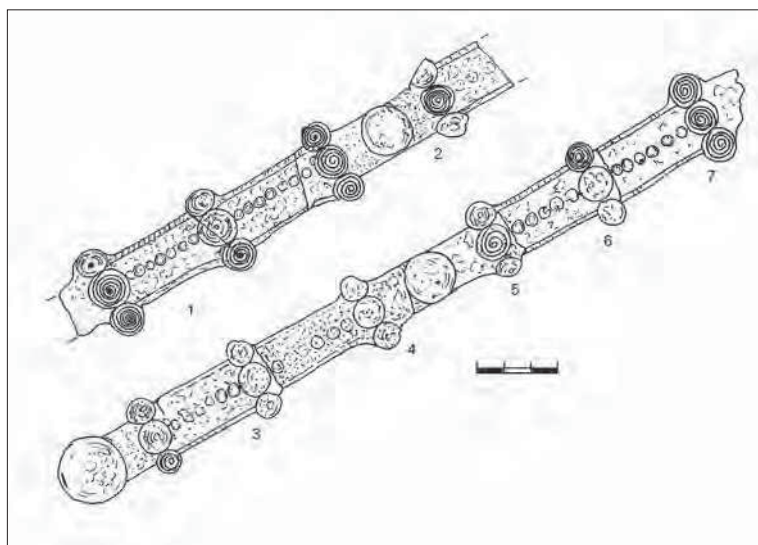

Рис. 8. Фрагменты пластинчатых овальных браслетов 1-го типа, 4-го варианта.

Fig 8. Fragments of plate oval bracelets of the first type, fourth version.

10х6 см. Ширина пластины 2,2, толщина до 0,2 см. Браслет отлит довольно тщательно, рельефный орнамент просматривается чётко, внутренняя сторона украшения заполирована. Браслет застёгивался на руке с помощью гвоздевидного стержня, соединённого с круглой грибовидной головкой (рис. 10,1-2; 11,1).

Известен ряд браслетов, близких, но не идентичных по орнаменту данному экземпляру, например, из с. Бобрица Каневского р-на Черкасской области (Поросье) [Terenozhkin 1952, 94, ris. 29,1], с. Стретовка Ржищевского р-на и с. Лука Таращанского р-на Киевской области (Киевское Поднепровье) [Terenozhkin 1952, 93, ris. 28,2; 92, ris. 28,2]. Отличия весьма незначительны: на упомянутых браслетах поперечные кантики – из маленьких окружностей одного диаметра.

Вариант 2. Широкая пластина браслета украшена двумя одинаковыми орнаментальными композициями, разделёнными круглыми выпуклыми щитками. Каждая композиция оформлена в виде трёх поперечно расположенных линий небольших кружков, крайние из которых соединены двумя кантиками, проходящими под острым углом через центральный кружок центральной линии (орнамент в виде «косого креста»).

Размеры браслета: 11,0х7,2 см. Ширина

1,8-2,0 см. Толщина 0,2 см. На поверхности браслета хорошо просматриваются следы воздействия сильного огня, что привело к оплавке металла, особенно на одной из сторон (рис. 10,3-4; 11,2).

Весьма сходный орнамент известен на браслетах из с. Стретовка Ржищевского р-на (Киевское Поднепровье) и с. Лука Таращанского р-на на Киевщине (Поросье) [Terenozhkin 1952, ris. 28,4-5; 29,2].

Есть мнение, что овальные пластинчатые браслеты были наручными и одевались выше локтя,

поддерживая одежду [Terenozhkin 1961, 161]. Однако отмечено и то, что некоторые из них, судя по размерам, носили ниже локтя руки [Poltavets 2009, 25] или на кисти [Klochko, Vasina 2004, 194, ris. 3].

Круглые браслеты в составе данногоклада представлены тремя(?) экземплярами: один из них целый, от второго сохранилась значитель-

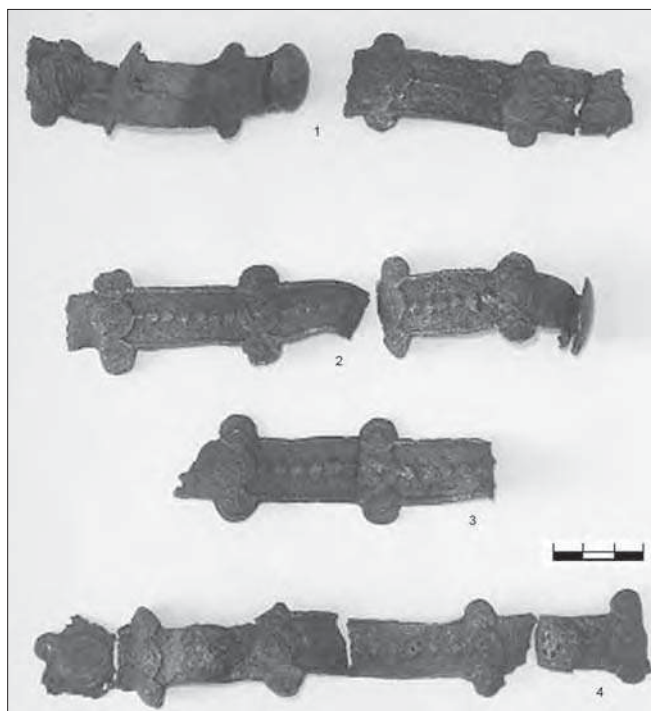

Рис. 9. Фрагменты пластинчатых овальных браслетов 1-го типа, 4-го варианта.

Fig 9. Fragments of plate oval bracelets of the first type, fourth version.

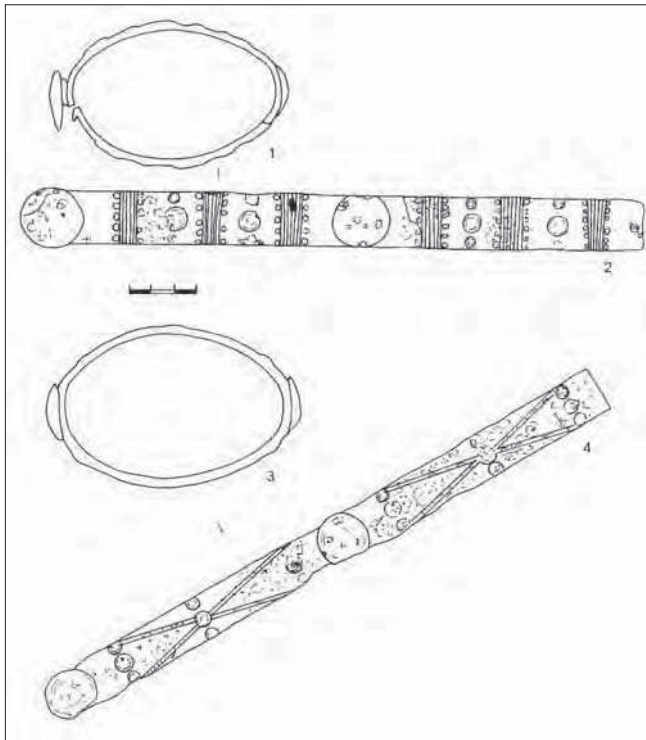

Рис. 10. Пластиначатые овальные браслеты 2-го типа: 1-2 – первый вариант; 3-4 – второй вариант.

Fig. 10. Plate oval bracelets of the second type: 1-2 – first version; 3-4 – second version.

ная часть (восстановлен), от третьего – два обломка. Эти браслеты, в отличие от овальных, отливались не в виде пластины, а целиком.

Они могут быть отнесены к двум основным типам.

Тип 1. Довольно узкий браслет, плоская поверхность которого покрыта рядом горизонтальных параллельных узких жгутов, украшенных ёлочным орнаментом.

Представлен двумя слегка различающимися вариантами.

Вариант 1. Упомянутая орнаментация целого экземпляра дополнена поперечной планкой с двумя небольшими полукругами, выступающими на 0,6-0,7 см за пределы пластины. Диаметр браслета внешний примерно 6,7 см. Ширина пластины браслета 2,0, толщина 0,1 см. Браслет был помят плугом и разломан на две части. Восстановлен в ходе реставрации. Орнамент просматривается чётко, внутренняя часть украшения заполирована. На браслете видны следы воздействия огня (рис. 12,3; 13,2).

Вариант 2. Основная орнаментация браслета аналогичная, но по краям – выступы в

виде двойных спиралевидных окружностей или бегущей волны. От браслета (или браслетов?) сохранились лишь два фрагмента длиной 4,5-4,8 см. Ширина неясна (рис. 12,4-5).

Обломки литейных форм, в которых изготавливались подобные браслеты, известны на Суботовском городище, в бассейне р. Тясмин [Terenozhkin 1961, 115, рис. 81,6а-6б; 116, рис. 82,6]. Значительная часть такого браслета найдена у с. Витачов в Киевском Поднепровье [Terenozhkin 1952, 162, рис. 109,1].

Тип 2. Широкий, хорошо сохранившийся браслет, украшенный восемью горизонтальными параллельными жгутами, из которых по два с каждой стороны орнаментированы «ёлочкой». Дополнительный декор – по две маленькие спирали с противоположных сторон браслета, дополненные в одном случае небольшой круглой выступающей бляшкой, расположенной по центру и вписывающейся в общий орнамент наручного украшения. Внутренний диаметр браслета 6, внешний 6,4 см. Ширина пластины браслета 2,5, а с учётом выступающих спиралей 3,6, толщина пластины 0,2 см (рис. 12,1-2; 13,1). Склады

Рис. 11. Пластиначатые овальные браслеты 2-го типа: 1 – первый вариант; 2 – второй вариант.

Fig. 11. Plate oval bracelets of the second type: 1 – first version; 2 – second version.

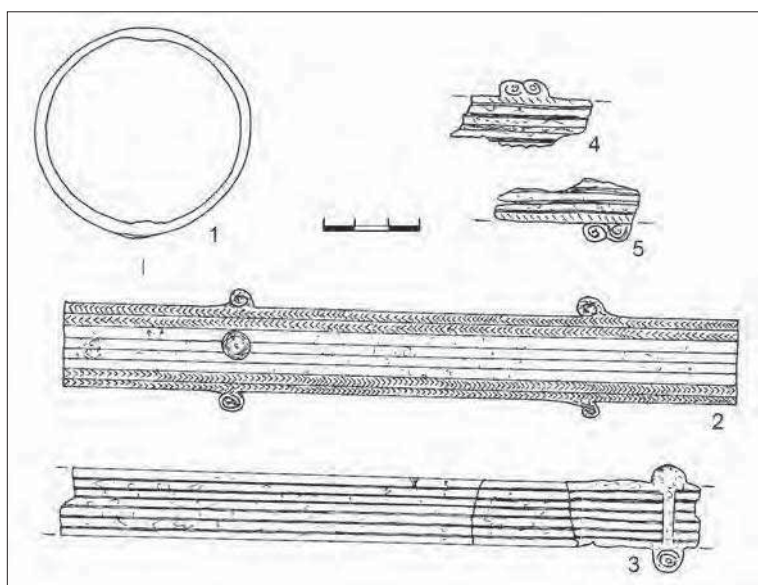

Рис. 12. Пластиновые круглые браслеты: 1-2 – 2-ой тип; 3 – первый вариант 1-го типа; 4-5 – второй вариант 1-го типа.

Fig. 12. Plate circular bracelets: 1-2 – second type; 3 – first version of the first type; 4-5 – second version of the second type.

вается вполне определённое впечатление, что подобные браслеты имитировали проволоочные многовитковые наручные украшения. Аналогии таким браслетам пока нам не известны.

Подобные круглые пластиновые браслеты, несомненно, носились на кисти руки. Учитывая их небольшой диаметр и отсутствие застёжки (браслеты, напомним, цельнолитые), можно предположить, что их надевали на руку с детства, и они впоследствии являлись несъёмными украшениями на протяжении жизни.

Фрагменты нескольких литых браслетов суботовского типа были известны в Приднепровской Террасовой Лесостепи и ранее. Так, один из них, имеющий аналогии на Суботовском городище, был найден в Золотоношском р-не [Terenozhkin 1952, 95, ris. 29,6], другой браслет – у с. Леплявы Каневского р-на Черкасской области [Terenozhkin 1952, 94; 1961, 163, ris. 110,7].

Кроме того, подчеркнём, что ещё два пластиновых браслета суботовского типа, помимо входящих в публикуемые клады, обнаружены не столь давно в Среднем Потрубье. Один из них, состоящий из трёх частей, найден на песчаной, хорошо выделенной дюне, в заплаве левого берега р. Трубей, справа от моста

через эту речку, по дороге Волчков – Семёновка-Леяки. Ориентир по JPS: N 50°11'53.2", E 031°30'21.6". Экземпляр достаточно близок одному из браслетов второго клада. У него также рифлёный орнамент не выходит за пределы пластины. При этом он включает в себя группы поперечных кантов, находящихся на равном удалении (рис. 23,1-2). Различия этих браслетов незначительны. Ширина пластины браслета 2,1-2,2, толщина 0,1 см. Вполне аналогичен данному браслету по характеру рифлёного орнамента фрагмент украшения, найденный у с. Лука Таращанского р-на Киевской области (Поросье) [Terenozhkin 1952, 93, ris. 28,1]. Достаточно близок, но не идентичен по орнаментальной композиции, и браслет, обнаруженный у с. Бобрица Каневского р-на Черкасской области (Поросье) [Terenozhkin 1952, 87, ris. 27,3].

Обломок второго браслета найден также на песчаной дюне левого берега р. Трубей,

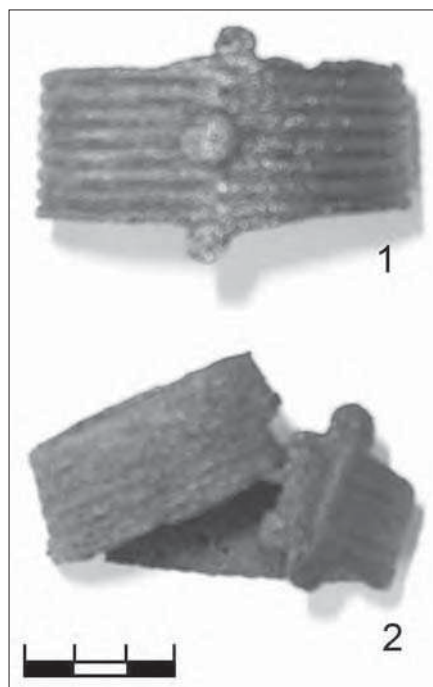

Рис. 13. Пластиновые круглые браслеты первого (2) и второго (1) типов.

Fig. 13. Plate circular bracelets of the first (2) and second (1) types.

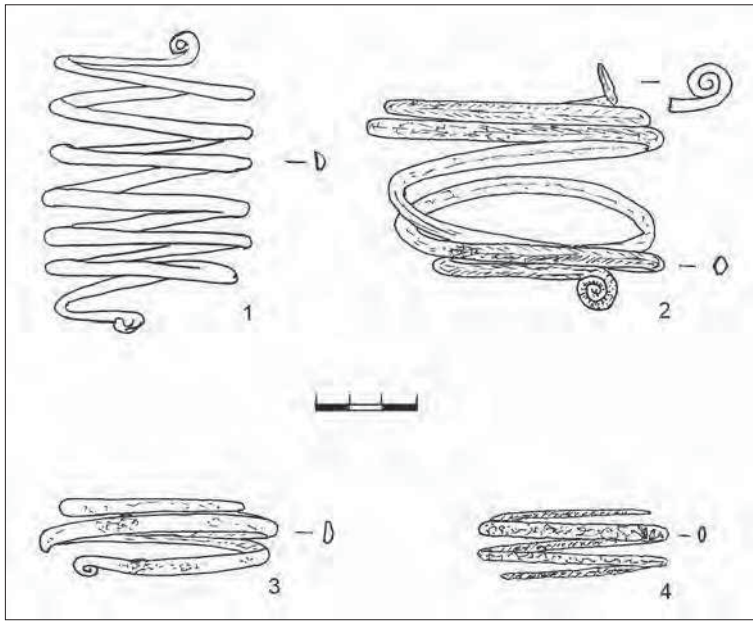

Рис. 14. Проволочные пружинные многovitковые браслеты: 1-3 – со спиралевидными концами; 4 – острыми концами.

Fig. 14. Wire spring multi-turn bracelets: 1-3 – with spiral ends; 4 – with sharp ends.

возле шлюза №3, напротив хутора Ленино. Ориентир по JPS: N 50°10'42.2", E 031°31'40.3". У браслета также рифлёный орнамент не выходил за пределы пластины, но отличается своеобразием. Фрагмент имеет длину 4,0, при ширине 1,8 и толщине 0,2 см. Орнамент на сохранившейся части достаточно прост: по краям пластины – рельефные бортики, ещё один бортик, украшенный прямой насечкой, расположен в центре пластины, отходя от спирального(?) диска, расположенного по всей ширине пластины (рис. 23,3). Прямая аналогия – браслет, найденный в бывшем Золотоношском уезде Полтавской губернии, т.е. в Левобережной Террасовой Лесостепи [Terenzhkin 1952, 94, ris. 29,6].

Вопрос о происхождении столь яркой категории изделий чернолесской культуры, каковыми являются пластинчатые браслеты суботовского типа, довольно сложный и давно обсуждается в специальной литературе, по крайней мере, со времени А.М. Таллгрена [Tallgren 1926, 204-206], и не входит в число задач настоящей работы. Отметим лишь, что недавнее обстоятельное его рассмотрение привело, на наш взгляд, к вполне обоснованному выводу о том,

что найти конкретные истоки происхождения украшений этого типа пока невозможно: подобия форме украшений, их орнаментике представлены достаточно выразительно как в древностях кобанской культуры Кавказа, так и в Карпато-Дунайском регионе, прежде всего – лужицкой, висоцкой культур [Poltavets 2013, 205-214]. Иными словами, браслеты суботовского типа являются симбиозом различных культурных традиций конца эпохи бронзы – начала раннего железного века, хотя, на первый взгляд, воспринимаются как яркое самобытное явление чернолесской культуры Среднего Поднепровья.

Время производства браслетов суботовского типа в Среднем Поднепровье, по последним данным, охватывает хронологический горизонт не менее чем в 100 лет и относится к позднему этапу чернолесской культуры. Начало его связывают с периодом интенсивной металлообработки на эпонимном Суботовском городище – с конца IX в. до н.э. [Lysenko 2004, 256; Poltavets 2013, 200], распространяя процесс производства таких украшений на весь VIII в. до н.э. [Poltavets 2013, 200, 213].

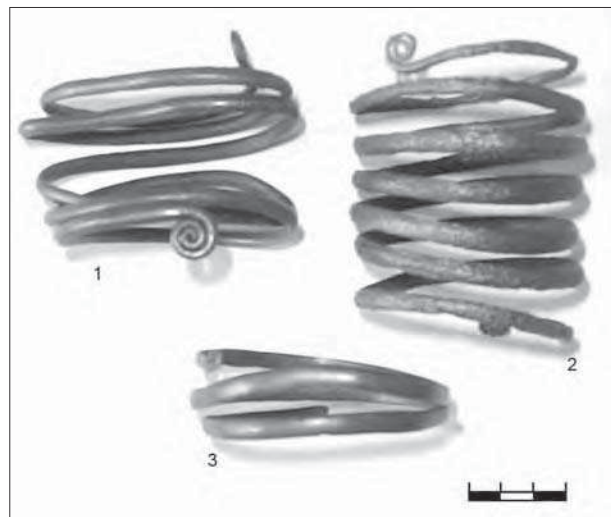

Рис. 15. Проволочные пружинные многovitковые браслеты со спиралевидными концами.

Fig. 15. Wire spring multi-turn bracelets with spiral ends.

Сопоставление дизайна пластинчатых браслетов, происходящих из Среднего Поднепровья (а их распространение охватывает территорию от севера Кировоградской области до южной части Киевской области), позволило выделить три территориальные группы этих украшений, разнящихся по орнаментике – киево-поднепровскую, поросскую и тясминскую, при этом в первых двух украшения достаточно близки между собой. За этим видится некое этнографическое разнообразие чернолесского населения, проживающего на указанных территориях, и соответственно – наличие конкретных металлургических центров [Poltavets 2009, 26; 2013, 200]. Любопытно, что в публикуемых кладах, найденных вне указанных территорий, в Приднепровской Террасовой Лесостепи, присутствуют пластинчатые браслеты, свойственные по орнаментике, прежде всего, упомянутым киево-поднепровской и поросской группам. Лишь круглые пластинчатые браслеты находят аналогии и в киево-поднепровской группе, и в тясминской (там известны обломки форм для изготовления таких браслетов).

Различие в размерах пластинчатых браслетов, на наш взгляд, может свидетельствовать в пользу их изготовления по индивидуальным заказам. Возможно, этим обстоятельством в некоторой степени объясняется и разнообразие, украшающих браслеты орнаментов, соответствующее определённым эстетическим вкусам их владельцев.

Проволочные пружинные многовитковые браслеты

Два из них обнаружены в кладе №1 (рис. 14,2-3; 15,1,3), ещё два – в кладе №2 (рис. 14,1,4; 15,2).

Браслеты изготовлены путёмковки и кручения.

Относятся к одному типу, но представлены двумя вариантами.

Вариант 1. Многовитковые браслеты, окончания которых (одно или оба) закруглены в виде спиралей. Два целых экземпляра найдены в кладе №1, третий – в кладе №2. Один из браслетов, в три оборота, диаметром 7 см, изготовлен из проволоки (ширина 0,4-0,5 см), внутренняя сторона которой ровная, а внешняя – слегка выпуклая. Один из концов

браслета оформлен в виде спирали, иной – заострённый (рис. 14,3; 15,3). Другой браслет, более массивный, в пять оборотов, диаметром 6,5-6,6 см, из шестигранной в сечении проволоки (ширина 0,5 см), имеет на обоих концах сплюснутые спирали (рис. 14,2; 15,1). Браслет слегка помят, вероятно, при вспашке плугом. Третий экземпляр, происходящий из клада №2, изготовлен из такой же проволоки, но отличается ещё большим количеством оборотов – семь. Он также снабжён спиралевидными концами. Диаметр браслета 6 см. Ширина проволоки различна, но по большей части до 0,5 см (рис. 14,1; 15,2).

Аналогичные многовитковые браслеты со спиралевидными окончаниями известны уже в белогрудовской культуре Днепровского Лесостепного Правобережья [Terenozhkin 1961, 157-158, рис. 104,2], встречаются они и на более западных территориях, в частности довольно широко – в области высоцкой культуры [Sulimirski 1931, 96, tab. XXIV,16; Bandrivs'kii 2014, 224, рис. 100,9; 228, рис. 102,7].

Вариант 2. Браслет в 1,5 оборота, диаметром 5,6 см, изготовлен из довольно тонкой проволоки (ширина 0,3-0,4 см), ровной изнутри и слегка выпуклой снаружи. Концы не имеют каких-либо украшений, заострены (рис. 14,4). Входил в состав клада №2. Подобные браслеты широко известны в памятниках чернолесской культуры, прежде всего, Днепровского Лесостепного Правобережья [Terenozhkin 1961, 168, рис. 111,3], хорошо представлены, например, на Суботовском городище [Terenozhkin 1961, 158-159, рис. 105,8; 106,6-8]. Зафиксированы они и в иных местах, в частности в уже упоминаемом кладе 1886 г. близ г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области, на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи [Kovranchenko 1967, 47, рис. 19,10]. Следует заметить, что сходные пружинные, многовитковые браслеты известны довольно неплохо для предскифского времени и на других территориях, например, в высоцкой культуре [Bandrivs'kii 2002, 57, рис. 23,6; 86, рис. 29,1-4] и на Северном Кавказе в древностях начала раннего железа [Belinskii, Dudarev 2015, 249, рис. 220; 366, рис. 260].

Говоря о наручных украшениях, следует упомянуть и два небольших, вероятно, детских, браслета, весьма простого исполнения, в виде

незамкнутого кольца. Один из них с внутренним диаметром около 3,6х4,4, внешним – 4,1х4,7 см. Ширина полуовальной в сечении пластины 0,5 см. Концы браслета округлые. Он был поломан на две части и восстановлен в ходе реставрации (рис. 16,2). Другой браслет очень тонкий, с ориентировочным диаметром до 4, 7 см. Концы сильно заострены (рис. 16,1).

В области чернолесской культуры нам неизвестны именно такие украшения, но они нередко встречаются в степных предскифских новочеркасских комплексах Северного Причерноморья, близких по времени [Makhortykh 2005, 86, ris. 30,32,37], в памятниках висоцкой культуры Прикарпатья [Bandrivs'kii 2002, 52, ris. 21,6], в древностях начала раннего железного века на Северном Кавказе [Erlikh 2007, 393, ris. 218,1,3-4; Belinskii, Dudarev 2015, 114, ris. 99,6], а также хорошо известны в памятниках предскифского периода Подунавья [Kemenczei 2005, Taf. 30]. При этом подчеркнём, что среднеевропейские браслеты, по сути, абсолютно ничем не отличаются от экземпляра, присутствующего в публикуемом кладе.

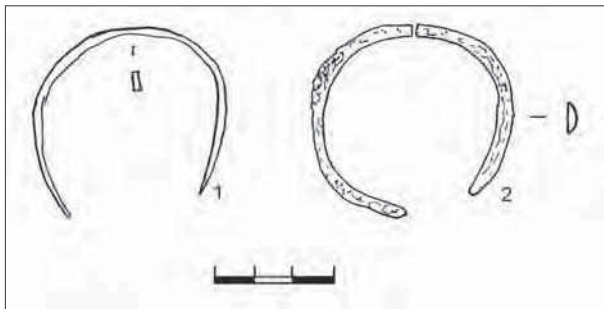

Рис. 16. Проволочные браслеты с незамкнутыми концами.

Fig. 16. Wire bracelets with open ends

Подвески

Все они близки по исполнению и имеют треугольную или подтреугольную форму (пять экз.). Одна из подвесок сохранилась почти целиком (обломана слегка верхняя часть), остальные в той или иной степени фрагментированы. Подвески изготовлены из листовой бронзы путём обрезания по контуру. Две из них (целая и одна из фрагментированных), относительно широкие подвески, были украшены по бокам и в центре рядами вертикального пуансонного орнамента, а снизу, горизонтально – более

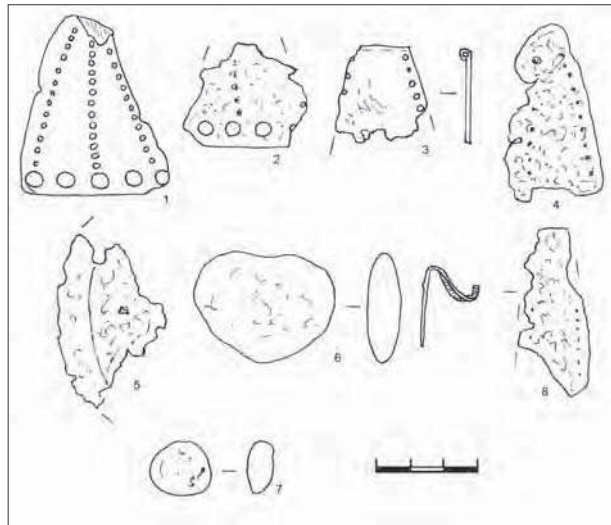

Рис. 17. Разнообразные изделия: 1-4, 8 – подвески; 5 – фрагмент дисковидного фалара (?); 6-7 – слитки бронзы.

Fig. 17. Various items: 1-4, 8 – pendants; 5 – fragment of discoid phalar (?); 6-7 – bronze ingots.

крупными выпуклинами (рис. 17,1-2; 18,1-2). Три иные, более узкие подвески, декорированы лишь мелким пуансонным орнаментом по краям изделий (рис. 17,3-4,8; 18,3-5). Верхний край у двух из них был закруглённо загнут, вероятно, для продевания бечевы, на которой носились подвески (рис. 17,3,8; 18,3-4). Размеры сохранившегося в высоту экземпляра 5,7х4,2 см (рис. 17,4; 18,5).

Абсолютно идентичные подвески были обнаружены в 1946 г. в составе клада у с. Залевки Смелянского р-на Черкасской области, в бассейне р. Тясмин [Tret'iakov 1949, 233, рис. 7,3-5]. Залевкинский клад датировали в своё время концом VIII – началом VII вв. до н.э. [Pokrovs'ka 1952, 48], позже относили ко второй ступени чернолесской культуры [Terenzhkin 1976, 74, ris. 40,6-8]. Ныне его время определяют концом IX – началом VIII вв. до н.э. или к первой фазой древностей новочеркасского типа, по В.И. Козенковой [Kozenkova 2004, 76, ris. 3,III].

Аналогичная по форме подвеска, также имеющая пуансонный орнамент, нанесённый по большей части поверхности, происходит из Среднего Поднепровья и хранится в Национальном музее истории Украины (из коллекции А.А. Бобринского) [Terenzhkin 1961, 170, ris. 112,8; 172].

Бликие по форме и размерам, но не идентичные бронзовые подвески, украшенные по

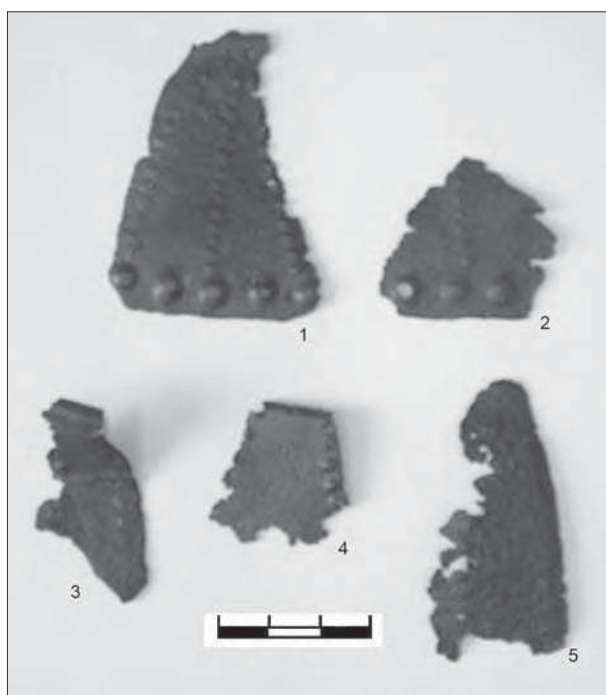

Рис. 18. Подвески, украшенные пуансонным орнаментом.

Fig. 18. Pendants, decorated with piercer ornament.

всей поверхности мелким пуансонным орнаментом, известны среди предметовклада, найденного в Среднем Приднестровье, у г. Шепетовка Хмельницкой области (IX – начало VII в. до н.э.) [Klochko, Kozymenko 2011, 124]. Стоит также отметить, что подвески подобной формы, но украшенные по-иному, известны в древностях гальштаттской культуры [Äberg 1931, Abb.143-144].

Предметы конской упряжи

Представлены пятью предметами – парой псалиев, шлемовидной бляхой, пронизью для перекрестных ремней, круглой бляхой (рис. 19; 20).

Псалии трёхмуфтовой схемы или так называемого «цимбальского» типа [Terenozhkin 1976, 151], которые иногда также называют трубчатыми, имеют прямой, плавно изогнутый сверху стержень с тремя отверстиями, оформленными тремя муфтами и с двумя одинаковыми грибовидными шляпками – сверху и снизу стержней. Длина псалиев 14,7, диаметр стержня 0,7-0,9, диаметр отверстий 0,9 см. Диаметр верхних грибовидных головок 1,2, нижних – 1,5 см (рис. 19,1-2; 20,1-2). Стержень одного из псалиев слегка изогнут, возможно,

задет плугом при вспашке.

Такие псалии крайне малочисленны на территории Украины и юга России [Val'chak 2009, 66]. Собственно говоря, в Украине нашим псалиям лишь в определённой степени подобны экземпляры из эпонимного кургана Малая Цимбалка у с. Большая Белозорка Каменско-Днепровского р-на Запорожской области (Нижнее Поднепровье), и в более значительной степени – пять экземпляров, найденных в составе кладов или случайно в Западной Украине – у с. Голиграды Залещицкого р-на Тернопольской области (Западная Подолия) [Chochorowski 1993, 198, ris. 42,1-3] и у с. Медыня Галицкого р-на Ивано-Франковской области (Прикарпатье) [Bandrivs'kii 2008, 141, 143, ris. 7,4-5].

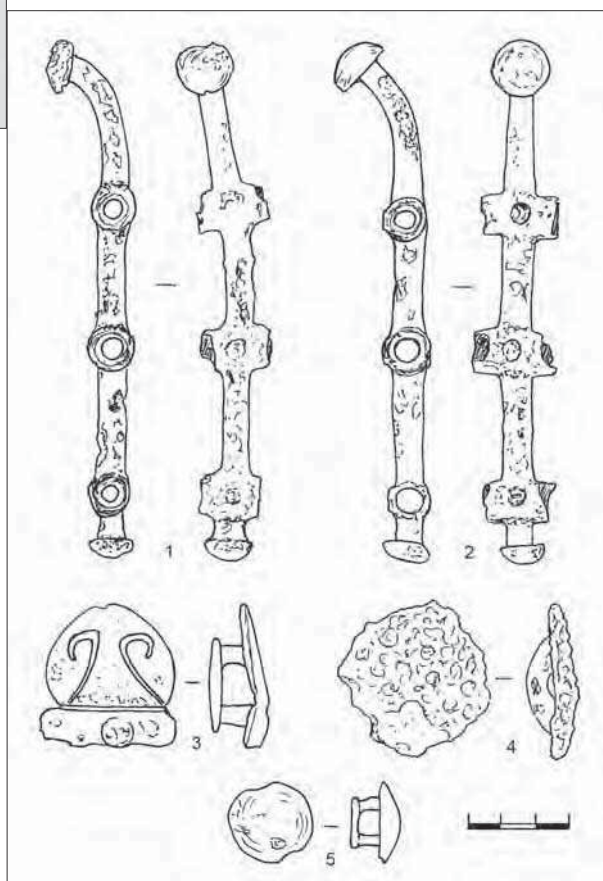

Рис. 19. Детали конского снаряжения: 1-2 – псалии типа «Dunakömlöd-Füzesabony»; 3 – шлемовидная бляха; 4 – круглая бляха; 5 – пронизь для перекрестных ремней оголовья.

Fig. 19. Details of horse equipment: 1-2 – cheek-pieces of “Dunakömlöd-Füzesabony”; 3 – hooded plaque; 4 – round metal plate; 5 – bead for head cross-belts.

Псалии из Малой Цимбалки, по периодизации А.И. Тереножкина, относятся к черногоровской ступени предскифской (киммерийской культуры) или в абсолютной хронологии IX – первая половина VIII вв. до н.э. [Terenzhkin 1976, 54, ris. 24,1-2; 151, 153, ris. 88; 199, 208]. В качестве черногоровских видит указанные псалии и ряд иных специалистов, в том числе С.В. Махорты, относящий Малую Цимбалку ко второму периоду развития черногоровской культуры или второй половине IX – первой половине VIII вв. до н.э. [Makhortyk 2005, 83, ris. 27,13-14; 255, 263]. Нужно отметить, что экземпляры из Малой Цимбалки не совсем подобны псалиям нашего клада, поскольку не имеют подобного им изгиба и шляпок на нижних концах. Псалии этого типа в несравненно большем количестве встречаются в памятниках предскифского времени на иных территориях – на Северо-Западном Кавказе, а точнее в Закубанье [Erlikh 2007, 128-129, 374, ris. 193; Val'chak 2009, 82-83, 247-249, ris. 60-63], где, по данным В.Р. Erlikha, сосредоточено до 40% таких псалиев [Erlikh 2007, 129], а также – в Средней Европе, где число подобных псалиев весьма значительно [Chochorowski 1993, 67, ris. 2,8-11; 67, ris. 3; Makhortyk 2003, 96, ris. 24,5; 99, ris. 27; 102, ris. 30,1-4; 103, ris. 31,8,14,17-18; 104, ris. 32; 119, ris. 47,9,11; 126, ris. 54,5; 127, ris. 55, 7,10; 128, ris. 56,7-8; 130, ris. 58,9; Kemenczei 2005, Taf. 2, A2-3, B2-3; Taf. 8, A3, B7-8; Taf. 19, B4-7; Taf. 20, 8-13; Taf. 21, 1-4; Taf. 32, 4-7; Taf. 36, 1-4; Taf. 37, 1-2]⁵.

При этом следует заметить, что псалиям, входившим в состав нашего второго клада, наиболее близки вовсе не экземпляры, найденные в кургане Малая Цимбалка в Нижнем Поднепровье и довольно многочисленные подобные предметы, обнаруженные в северокавказском регионе. Наибольшее сходство они имеют с целым рядом *среднеевропейских* трёхмуфтовых или трубчатых псалиев, в числе которых, прежде всего – находки из Венгрии, Румынии [Chochorowski 1993, 57, ris. 2,8-9; 67, ris. 3; Makhortyk 2003, 96, ris. 24,8; 102, ris. 30,1-3; 103, ris. 31,17-18; 104, ris. 32; Kemenczei 2005: Taf. 2, A2-3, B2-3; Taf. 8, A3, B7-8; Taf. 19, B4-7; Taf. 20, 8-13; Taf. 21, 1-4; Taf.

32,4-7; Taf. 36,1-4; Taf. 37,1-2] и с упомянутыми пятью экземплярами, обнаруженными в Западной Украине. Подчеркнём, что абсолютно аналогичны нашим экземплярам среднеевропейские трубчатые псалии, выделенные Я. Хохоровским в тип «Dunakömlöd», в частности их ранний вариант «Füzesabony», или псалии «Dunakömlöd-Füzesabony» [Chochorowski 1993, 62, 67, рис. 3,8]. По мнению польского исследователя, совпадающему с представлениями ряда предшественников, среднеевропейских специалистов, псалии типа «Dunakömlöd» сложились в Средней Европе на основе восточноевропейских экземпляров типа «Малая Цимбалка» и получили там широчайшее распространение [Chochorowski 1993, 62, 67, ris. 3,9]. Я. Хохоровски при этом не исключает, что некоторая часть таких псалиев могла попасть в Восточную Европу. И тут уместно заметить, что упомянутые ранее западноукраинские трубчатые трёхмуфтовые псалии вполне определённо относят к центральноевропейскому кругу трубчатых псалиев [Metzner-Nebelsick 1994, 381]. Подчеркнём, что псалии «Dunakömlöd-Füzesabony», по Я. Хохоровскому, могут быть соотнесены с концом НаВ2 – началом НаВ3, что по мнению современных специалистов, в абсолютной хронологии соответствует тем или иным временным отрезкам, например, 950-900/900-850 гг. до н.э. [Trachsel 2004, 316-319], или, как полагает Я. Хохоровски, концу X – первой половине IX вв. до н.э.⁶ Укажем, что в своё время Г. Мюллер-Карпе относил появление трубчатых псалиев в Средней Европе к IX в. до н.э., а бытование их доводил до середины VIII в. до н.э. [Müller-Karpe 1959, 128]. Любопытно, что в свете этих хронологических построений, восточноевропейские псалии типа «Малая Цимбалка» должны датироваться значительно более ранним временем, нежели это отражено в современных работах по предскифскому времени в Восточной Европе.

В контексте рассуждения о генезисе трубчатых трёхмуфтовых псалиев в Средней Европе не лишним будет вспомнить мнение ряда исследователей о том, что бронзовые псалии (близкие, но не идентичные, по ряду признаков Ма-

5. В Средней Европе существует обширная литература, посвящённая происхождению и датировке «трубчатых» трёхмуфтовых псалиев, начиная от работ С. Галуса-Т. Хорвата. Её обзор см. [Козенкова 1975, 59].

6. Искренне благодарим за любезную консультацию проф. Яна Хохоровского, который ознакомился с изображением наших псалиев и высказал свои соображения по поводу их классификации и датировки.

лой Цимбалке), появились впервые именно на территории Средней Европы, сложившись на основе ассиметричных более ранних, восточноевропейских костяных псалиев типа Жирноклевский-2 – Весёлая Долина. Затем они были заимствованы населением Восточной Европы, прежде всего – Северного Кавказа, в среде которого возник тип (или версия) «Малая Цимбалка» [Val'chak, Mamontov, Sazonov 1996, 38]. Впрочем, точки зрения – об автохтонном генезисе данного типа псалиев или о кавказском их происхождении, высказывались в средневропейской литературе давно и каждая из них имеет как сторонников, так и противников (см. обзор: [Kozenkova 1975, 59]). По нашему представлению, учитывая масштабное распространение подобных псалиев именно в Продунавье, мнение об автохтонном генезисе этих деталей предскифской узды и дальнейшем проникновении их в Восточную Европу имеет право на существование. Как бы там ни было, но, на наш взгляд, псалии, входящие в состав второго клада близ с. Леляки на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи, несомненно, являются импортными средневропейскими изделиями.

Шлемовидная бляха в виде полукруглой пластины, расположенной на узком прямоугольном щитке. Украшена двумя желобками, поднимающимися снизу вверх и имеющими в конце симметричные волюты. В центре нижней, прямоугольной пластины – небольшой выпуклый кружок. С обратной стороны бляхи – довольно массивная петля для перекрещивающихся ремней. Бляха имеет лёгкую выпуклость. Высота предмета 4 см, максимальная ширина по нижнему прямоугольному щитку 3,5 см (рис. 19,3; 20,3).

Подобные бляхи могли использоваться в конской узде предскифского времени в качестве как налобной бляхи, так и нащёчных [Terenozhkin 1976, 179; Kozenkova 1995, 108]. В нашем случае, учитывая наличие петли для перекрещивающихся ремней, бляха, несомненно, являлась налобной. Как и псалии цимбальского типа, шлемовидные бляхи относятся к черноголовским древностям, являясь одним из характерных элементов конской узды указанного периода.

Существует несколько, в деталях различающихся типологий этих изделий [Val'chak,

Mamontov, Sazonov 1996, 34; Val'chak, Tarasova 2004, 40; Makhortykh 1999, 171], но, в любом случае, бляхи, близкие публикуемой, выделяют в отдельный тип или вариант, сочетающий в себе вытянуто-овальный верхний и прямоугольный нижний щитки и орнамент на верхнем щитке в виде двух симметричных волут.

По мнению С.Б. Вальчака и Н.В. Тарасовой, если такие бляхи рассматривать шлемовидной стороной вниз, они семантически могут трактоваться в виде стилизованной головы быка и генетически восходить к более ранним изображениям эпохи поздней бронзы. Но это, конечно, не более, чем предположение [Val'chak, Tarasova 2004, 42].

Несколько «шлемовидных» блях, близких нашей бляхе, но не идентичных ей по исполнению и орнаменту, известно в украинской Лесостепи. Три случайные находки происходят из Среднего Поднепровья и хранятся ныне в Национальном музее истории Украины [Terenozhkin 1976, 73, рис. 39,5-7; 76, рис. 42,8-9], ещё одна бляха найдена в бассейне Северского Донца (пос. Коломак) [Makhortykh 2003, 125, рис. 53,10]. В значительно большем количестве представлены подобные детали конского оголовья на территории Прикубанья и Северного Кавказа [Makhortykh 2003, 125, рис. 53,4,6-7,12-13; Erlikh 2007, 379, рис. 199]. Между тем, прямых аналогий нашей бляхи нет и в указанном регионе. Показательно, что более близки публикуемой бляхе по форме и исполнению некоторые экземпляры, обнаруженные в предскифских древностях Средней Европы (Штильфридский клад; могильник в Мезочате, погребение №15) [Makhortykh 2003, 124, рис. 52,22-23; Kemenczei 2005, Taf. 5,C1]. Отличия их крайне незначительны. Правда, средневропейские бляхи имеют намного меньшие размеры.

Часть шлемовидных блях, известных в Восточной Европе, и в целом близких публикуемой бляхе, происходит из хорошо датируемых предскифских комплексов Северного Кавказа, относящихся к новочеркасскому времени, в частности ко второй половине или концу VIII в. до н.э. [Makhortykh 1999, 170], что, вероятно, приемлемо и к бляхе из нашего клада.

Пронизь для перекрёстных ремней оголовья принадлежит к четвертому типу пронизей, по классификации В.Р. Эрлиха: про-

низь – обойма с плоским щитком [Erlikh 2007, 138]. Она имеет вид небольшого столбика с отверстиями для ремней оголовья, покрытого сверху круглой, слегка выпуклой шляпкой. Высота изделия 1,2, размеры в нижней части 1,2x1,2, диаметр шляпки 2,4 см. Шляпка по краям слегка повреждена (рис. 19,5; 20,4).

Следует сказать, что указанные пронизи свойственны как для предскифского времени, в частности черногоровского этапа, так и для более позднего периода, например, раннескифского, причём ареал их довольно широк. Абсолютно идентичные пронизи известны в черногоровских древностях Северного Причерноморья [Makhortykh 2005, 84, ris. 28,3; 155, ris. 58,4-6], в Закубанье, на Северном Кавказе [Erlikh 2007, 138, 258, ris. 60,3; Valchak 2009, 235, ris. 48,5-6], в памятниках конца IX-VIII вв. до н.э., в значительном количестве представлены в древностях периода НаВЗ Средней Европы [Chochorowski 1993, 101, Abb. 8,1,3-4; Kemenczei 2005, Taf. 14,42-44; Taf. 15,16-17]. При этом в ряде случаев они сочетаются с трёхмуфтовыми псалиями, описанными выше [Kemenczei 2005, Taf. 20,8-13, 16-17; Taf. 36,1-4,7-15].

Для раннескифского времени, в частности для второй половины VII в. до н.э., можно упомянуть пронизи, найденные в кургане №6 (погребение №1) у с. Яснозорье в бассейне Роси, в Днепровском лесостепном Правобережье [Kovranenko, Bessonova, Skoryi 1994, 55, ris. 6,6].

Круглая, слегка выпуклая бляха, с массивной дуговидной петлей на оборотной стороне имеет ярко выраженные следы пребывания в огне в виде оплавленности части металла, особенно по краю. Сохранившийся диаметр бляхи 4, ширина петли 2,5, высота 0,8 см (рис. 19,4; 20,5).

Подобные круглые бляхи, относящиеся к деталям конского оголовья, не имеют узкой даты и известны как в предскифское время, так и на протяжении всей скифской эпохи. Для предскифского времени они зафиксированы в ряде погребений новочеркасской группы в ареале степного Северного Причерноморья [Makhortykh 2005, 212, ris. 115,8; 238, ris. 141,12,14-15], украинской Лесостепи [Terenozhkin 1976, 72, ris. 38,1-8; 78, ris. 45,10-14; Skoryi 1999, 120, ris. 14,29,39], хорошо представлены на Северном Кавказе [Erlikh 2007,

Рис. 20. Детали конского снаряжения: 1-2 – псалии типа «Dunakömlöd-Füzesabony»; 3 – шлемовидная бляха; 4 – пронизь для перекрестных ремней оголовья; 5 – круглая бляха.

Fig. 20. Details of horse equipment: 1-2 – cheek-pieces of “Dunakömlöd-Füzesabony” type; 3 – hooded plaque; 4 – bead for head cross-belts; 5 – round metal plate.

376, ris. 195,1-13; Val’chak 2009, 261, ris. 74,2], при этом в отдельных случаях подобные круглые бляхи конского оголовья соседствуют со шлемовидными бляхами, о которых речь шла выше (например, могильник Фарс/Клады, погребение №13) [Leskov, Erlikh 1999, 107, ris.15,11-12], дата которого определяется в рамках первой половины – третьей четверти VIII в. до н.э. [Leskov, Erlikh 1999, 71]. Достаточно хорошо известны подобные круглые бляхи и в предскифских древностях Средней Европы [Kemenczei 2005, Taf. 2,4; Taf. 7,4-6; Taf. 15,68-69; Taf. 20,18; Taf. 34,5].

Возможно, к деталям конского снаряжения принадлежит обломок от предмета, судя по всему, округлой, дисковидной формы. По краю его проходит выделенный бортик шириной до 0,8 см. Фрагмент сохранился в длину на 5 и ширину на 3,2 см (рис.17,5). В определённой степени данный предмет похож на бронзовые дисковидные бляхи-фалары, известные в предскифских погребениях Средней Европы [Kemenczei 2005, Taf. 51,4,7]. Наличие фраг-

мента бляхи в составе клада говорит о предназначении его для переплавки.

Орудия труда

Представлены кельтом (клад №1) и долотом (клад №2).

Кельт одноушковый, с круглой втулкой, обведённой узким ободком, стройным прямым клином, шестигранным в сечении, слегка расширяющимся к лезвию. Украшен несколькими горизонтальными линиями у ободка, а ниже – ёлочный орнамент в четырёх вертикальных секторах. Лезвие имеет следы зазубренности и сработанности. Сверху ободок втулки слегка расклёпан. Длина кельта 11,5, ширина лезвия 3 см. Внутренний диаметр втулки 2,4, диаметр ободка 3,3 см. С двух сторон кельта хорошо виден шов, свидетельствующий об отливке изделия в двухстворчатой форме (рис. 21,1; 22,1).

Данный экземпляр относится к типичным кельтам чернолесской культуры, которые достаточно широко представлены в Среднем Поднепровье [Terenozhkin 1961, 125-126, ris. 80], в том числе найдены на Суботовском городище, в составе одного из кладов 1955 г. [Grakov, Terenozhkin 1958, 175, ris. 11,2; Lysenko 2004, 257, ris. 2]. Литейные формы для отливки сходных кельтов с ёлочным орнаментом найдены у сёл Подгорцы Киевской области [Terenozhkin 1961, 112, ris. 78,2] и Рыжовка Уманского р-на Черкасской области [Khraban 1971, 86, ris. 6,1]. Отсутствие подобных кельтов на иных территориях Европы делают вполне убедительным предположение, что они являлись местными изделиями, свойственными именно чернолесской культуре. По большому счёту, одноушковые кельты с ёлочным орнаментом, как и пластинчатые браслеты суботовского типа, являются наиболее характерными металлическими изделиями чернолесской культуры.

Долото втульчатое, желобчатое, небольших размеров, со слабо конической, ничем не оформленной втулкой, сужающейся к рабочей части, и расширяющимся лезвием. Втулка в одном месте имеет небольшой

разрыв-повреждение. Конец лезвия – со следами сработанности в виде выемок. Длина долота 6,7, максимальная ширина лезвия 1,7 см. Внутренний диаметр слегка овальной втулки 1,8x1,6, внешний – 2,0x1,8 см (рис. 21,2; 22,2). Подобные долота достаточно хорошо известны по случайным находкам в Среднем Поднепровье, и, по мнению А.И. Тереножкина, являются местными изделиями, хотя конкретно определить их время, во всяком случае, к началу 1960-х гг. было невозможно [Terenozhkin 1961, 146-147, ris. 97,8-10]. Долото, абсолютно идентичное экземпляру из публикуемого клада, найдено у с. Малый Букрин на Киевщине [Terenozhkin 1961, 146, ris. 97,8]. Ныне вполне очевидно, что подобные долота входили в круг орудий труда чернолесской культуры.

Слитки бронзы в кладах предскифского времени встречаются редко. В нашем случае их два. Один, больший, подовальной формы размерами 4,3x3,2x0,7 (рис. 17,6), второй, меньший, округлой формы, размерами 1,8x1,6x0,5 см (рис. 17,7). В кругу упомянутых чернолесских кладов нам известны лишь два случая нахождения слитков бронзы в составе вещей: в

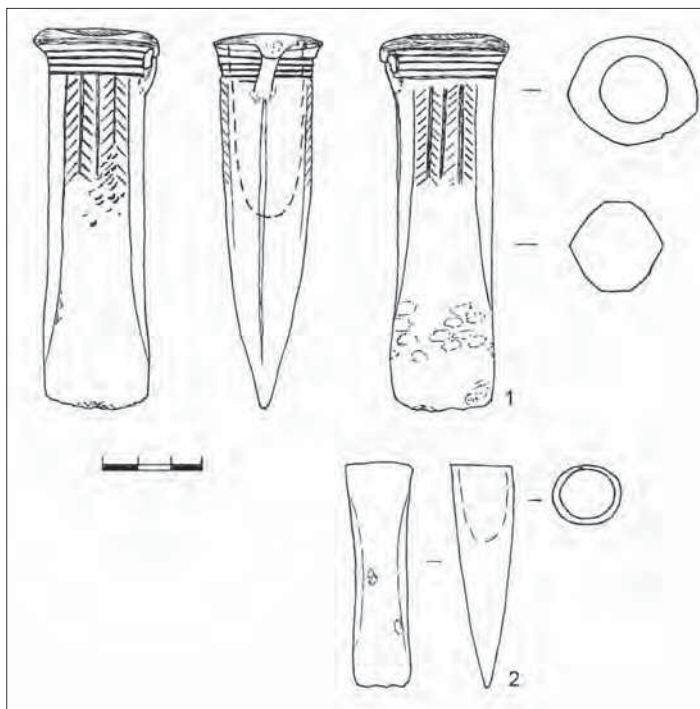

Рис. 21. Орудия труда: 1 – одноушковый кельт чернолесского типа; 2 – втульчатое долото.

Fig. 21. Labour tools: 1 – Chernyi Les type one ear socket axes; 2 – socketed chisel.

Рис. 22. Кельт чернолесского типа и втульчатое долото.

Fig. 22. Chernyi Les type socket axes and chisel.

Залевкинском кладе (выразительный слиток) [Tret'iakov 1949, 238, ris. 7,21] и в кладе 1971 г. на Суботовском городище (несколько миниатюрных слитков) [Lysenko 2004, 246]. Можно полагать, что наличие в кладах слитков бронзы, помимо общего состояния вещей, является определённым индикатором того, что данные предметы предназначались для *переплавки*.

Крайне любопытно присутствие среди вещей клада, по меньшей мере, шести предметов (пяти пластинчатых браслетов и круглой большой бляшки от конского оголовья), с ярко выраженными следами воздействия огня. В своё время находки браслетов суботовского типа с подобными признаками траковались А.И. Тереножкиным, как результат воздействия на них сильного огня в ходе кремации человеческих останков [Terenozhkin 1961, 43-44]. Нельзя этого исключать и для указанных находок из публикуемых кладов. Как же объяснять в таком случае наличие этих предметов в кругу вещей, большинство из которых не имеет никаких следов обожжённости? На наш взгляд, можно осторожно предположить, что упомянутые предметы попали в состав кладов в результате ограбления каких-то чернолесских погребений,

выполненных по обряду кремации. Подобная ситуация не представляется такой уж не реальной, если вспомнить, с одной стороны, о нехватке металла для литейщиков указанного периода, а, с другой стороны, о расположении кремаций с бронзовыми вещами – на небольшой глубине. При этом совершенно не обязательно считать, чтобы подобными ограблениями занимались непосредственно мастера-литейщики.

О дате сокрытия кладов

Предметы, входящие в состав кладов у с. Леяки в Приднепровской Террасовой Лесостепи, не составляют единый хронологический пласт и, по-видимому, отражают некий процесс накопления вещей. Наиболее ранние находки – провололочные пружинные браслеты со спирально закрученными концами (белогрудовское время). Трёхмуфтовые псалии могут быть размещены в хронологическом диапазоне второй половины X – первой половины IX вв. до н.э., треугольные подвески характерны для конца IX – начала VIII вв. до н.э. Основное количество находок укладывается в рамки конца IX – VIII в. до н.э. Похоже, что наиболее поздней находкой в кладах является шлемовидная бляха: она относится ко второй половине – концу VIII в. до н.э. Видимо, этим временем и можно ориентировочно определять время сокрытия кладов в земле.

Как известно, по поводу трактовки кладов существуют две основные точки зрения. По одной из них, те или иные предметы прятались в период опасности с целью последующего изымания их владельцами. Согласно другой точке зрения, предметы, входящие в состав кладов, представляли собой некие ритуальные комплексы и их сокрытие в земле осуществлялось с определённой культовой целью (см. обзор точек зрения: [Makhortikh 1996, 9]).

Ряд кладов, чаще бронзовых, реже железных предметов кочевнического облика предскифского времени (обычно принадлежности конского снаряжения или вооружения), иногда содержащих ломаные вещи, вполне справедливо рассматриваются как совокупность изделий, предназначенных для переплавки, т. е. так называемые клады литейщиков [Makhortykh 1999, 12].

Тезис о некоем культовом характере большинства кладов эпохи бронзы-раннего железн

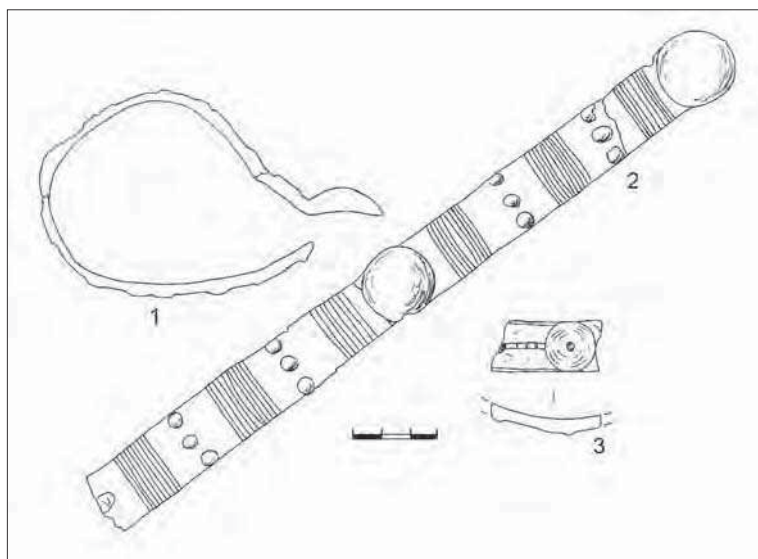

Рис. 23. Браслеты суботовского типа – случайные находки на песчаных дюнах левого берега р. Трубезж.

Fig. 23. Bracelets of Subotovsky type – accidental finds on the sandy dunes of the left bank of the Trubezh river.

ного века нашёл отражение в некоторых новейших работах [Ivanova 2011, 62-64; Bandrivs'kii 2014, 177-185].

Что же касается кладов чернолесской культуры, и в частности тех, которые обнаружены на Суботовском городище, то также высказывалось мнение об их ритуальном характере, своего рода неких жертвоприношениях социально-престижных вещей на определённых, условно сакральных участках поселения [Gershkovich 2003, 43-46; 2008, 38; Lysenko 2004, 260]. Возможно, это соответствует действительности.

В нашем же случае, увы, нет оснований трактовать подобным образом публикуемые чернолесские клады. Как уже указывалось ранее, они найдены вне поселения. Состав кладов – довольно пёстрый. Это касается как набора вещей (украшения, предметы конской упряжи, орудия труда), так и происхождения находок. При этом, если подавляющая часть вещей свойственна именно лесостепным древностям предскифского времени (при этом, к примеру, присутствующие в кладах пластинчатые браслеты находят аналогии, прежде всего, в Поросье и Киевском Поднепровье, некоторые известны на Тясмине; ряд предметов обычен для территории всего Среднего Поднепровья), то отдельные предметы (детали конского снаряжения)

больше характерны для степных кочевнических древностей, более того – указывая на несомненные связи с Карпато-Подунавьем.

Полагаем, что следы обожжённости, оплавленности некоторых предметов кладов и присутствие в их составе слитков бронзы наводят на вполне определённую мысль о том, что предметы, входящие в состав кладов, предназначались для переплавки, т.е. являлись – также, как и ряд степных кладов с кочевническими вещами – кладами литейщиков.

Клады у с. Леяки и приведённые выше примеры случайных находок браслетов суботовского типа, на наш взгляд, отражают один их этапов продвижения правобережных племён чернолесской культуры на Левобережье Днестра, с освоением промежуточной территории – Приднепровской Террасовой Лесостепи. В последние годы здесь, в частности в бассейне р. Трубезж, обнаружена достаточно выразительная керамика чернолесского и жаботинского времени. Речь идёт, в частности, о пунктах у с. Цибли Переяслав-Хмельницкого р-на [Rozdobud'ko 2003, 33-36], у с. Остролучье (урочище Остролівка) [Kostenko 2015, 331-333, 343, рис. 4; 348-349, рис. 9-10].

При этом, как представляется, это не было движение правобережных племён в бассейн Ворсклы или более южные районы левобережной Лесостепи.

По-видимому, указанные керамические находки, как и публикуемые клады металлических вещей и отдельные находки браслетов суботовского типа в бассейне Среднего Трубежа, более ярко, чем считалось ранее, маркируют перемещение чернолесского населения по террасе, на северо-восток, в южный ареал племён лебедовской культуры. Вероятно, этим чернолесским населением являлись представители киевской и поросской локальных групп, наиболее близких территориально к району р. Трубезж, пересекавшие Днестр в районе каневских переправ, путём, функционировавшим как в эпоху бронзы, так и в более позднее, скифское время [Bessonova, Poltavets 2015, 23, рис. 2, VI]. Как полагают неко-

торые исследователи, подобная активизация правобережных предскифских племён решительным образом сказалась на исторических

судьбах лебедовского населения: часть его была оттеснена на север, часть ассимилирована пришельцами [Berezanskaia 1976, 218-219].

Бібліографія

- Äberg 1931:** N. Äberg, *Bronzezeitliche und Früheisenzeitliche Chronologie. Teil II. Hallstattzeit* (Stockholm 1931).
- Bandrivs'kii 2002:** M. Bandrivs'kii, *Mogil'nik v Petrikovi bilia Ternopolia v konteksti pokhoval'nogo obriada visots'koï kul'turi* (L'viv 2002) // М. Бандрівський, Могильник в Петрикові біля Тернополя в контексті поховального обряду висоцької культури (Львів 2002).
- Bandrivs'kii 2014:** M. Bandrivs'kii, *Etnokul'turna situatsiia na zakhodi Ukraïni u postgavs'kii chas: goligrads'ka kul'tura i pam'iatki latoritskoï grupi (problemi khronologii i periodizatsiï)*. In: *Materiali i doslidzhennia z arkheologii Prikarpatia i Volini* 12, 2008, 127-161 // М. Бандрівський, Етнокультурна ситуація на заході України у постгавський час: голіградська культура й пам'ятки латорицької групи (проблеми хронології й періодизації). Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 12, 2008, 127-161.
- Bandrivs'kii 2014:** M. Bandrivs'kii, *Kul'turno-istorichni protsesi na Prikarpati i Zakhidnomu Podilli v piznii period epokhi bronzi – na pochatku dobi rann'ogo zaliza* (L'viv 2014) // М. Бандрівський, Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи – на початку доби раннього заліза (Львів 2014).
- Belinskii, Dudarev 2015:** A.B. Belinskii, S.L. Dudarev, *Mogil'nik Klin-Iar III i ego mesto sredi drevnostei Kavkaza i Iugo-Vostochnoi Evropy nachala rannego zheleza* (Moskva 2015) // А.Б. Белинский, С.Л. Дударев, Могильник Клиньяр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа (Москва 2015).
- Berezanskaia 1976:** S.S. Berezanskaia, *Lebedovskaia kul'tura epokhi bronzy v lesostepnoi Ukraine*. In: *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy* (Kiev 1976), 190-221 // Березанская С.С. 1976. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине. В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины (Киев 1976), 190-221.
- Bessonova 2015:** S.S. Bessonova, *Nakhodka brasletov subotovskogo tipa u s. Zakutintsy v Poros'e (raskopki E.F. Pokrovskoi v 1963 g.)*. In: *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku. Arkheologii i davnia istoriia Ukraïni* 2 (15) (Kiïv 2015), 169-176 // С.С. Бессонова, Находка браслетов суботовского типа у с. Закутинцы в Поросье (раскопки Е.Ф. Покровской в 1963 г.). В сб.: Старожитности раннего железного века. Археология и древняя история Украины 2(15) (Київ 2015), 169-176.
- Bessonova, Poltavets' 2015:** S.S. Bessonova, V.I. Poltavets', *Shliakhi spoluchennia v baseinu Tiasmina na pochatku dobi zaliza*. In: *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku. Arkheologii i davnia istoriia Ukraïni* 2 (15) (Kiïv 2015), 21-37 // С.С. Бессонова, В.І. Полтавець, Шляхи сполучення в басейну Тясмина на початку доби заліза. В сб.: Старожитности раннего железного века. Археология и древняя история Украины 2 (15) (Київ 2015), 21-37.
- Chochorowski 1993:** J. Chochorowski, *Ekspansja kimmeryjska na tereny Evropy Środkowej* (Kraków 1993).
- Erlikh 2005:** V.R. Erlikh, *K diskussii o meste i vremeni poiavleniia predskifskikh kolesnits*. In: *Drevnosti Evrazii ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamiati V.S. Ol'khovskogo*. (Moskva 2005), 166-182 // В.Р. Эрлих, К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц. В сб.: Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского (Москва 2005), 166-182.
- Erlikh 2007:** V.R. Erlikh, *Severo-Zapadniy Kavkaz v nachale zheleznoogo veka* (Moskva 2007) // В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века (Москва 2007).
- Gershkovich 2003:** Ia.P. Gershkovich, *Spetsializovani virobnichi dilianki ta metaloobrobka Subotivs'kogo gorodishcha*. In: *Problemi girnichoï arkheologii (Dopovidi II-go mizhnarodnogo Kartamish's'kogo pol'ovogo arkheologichnogo seminaru)* (Alchevs'k 2003), 43-46 // Я.П. Гершкович, Специализованные производственные участки Суботовского городища. В сб.: Проблемы горничей археологии (Доповіді II-го міжнародного Картамишського польового археологічного семінару) (Алчевськ 2003), 43-46.
- Gershkovich 2008:** Ia.P. Gershkovich, *Spetsializirovannye proizvodstvennye uchastki Subotovskogo gorodishcha*. In: *Starozhitnosti Verkh'n'ogo Pridnistrov'ia. Iuvileinii zbirnik na chest' 60-richchia Iuriia Mikolaiovicha Maleeva* (Kiïv 2008), 37-38 // Я.П. Гершкович, Специализированные производственные участки Суботовского городища. В сб.: Старожитности Верхнего Приднестровья. Юбилейный сборник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малеева (Київ 2008), 37-38.
- Grakov, Terenozhkin 1958:** B.N. Grakov, A.I. Terenozhkin, *Subotovskoe gorodishche (raskopki 1955 g.)*. SA 2, 1958,

- 164-178 // Б.Н. Граков, А.И. Тереножкин, Суботовское городище (раскопки 1955 г.). СА 2, 1958, 164-178.
- Iessen 1953:** A.A. Iessen, K вопросу o pamiatnikakh VIII-VII vv. do n.e. na iuge Evropeiskoi chasti SSSR. SA XVIII, 1953, 49-110 // А.А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. СА XVIII, 1953, 49-110.
- Ivanova 2011:** S.V. Ivanova, Klady bronzovogo veka: funktsii artefaktov i semiotika diskursa. In: Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia, vyp. 12, 2011, 62-85 // С.В. Иванова, Клады бронзового века: функции артефактов и семиотика дискурса. В сб.: Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 12, 2011, 62-85.
- Kemenczei 2005:** T. Kemenczei, Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. PBF Abb. XX. 10 Bd. (Mainz 2005).
- Khraban 1971:** G.Iu. Khraban, Pam'iatki chornolis'koi kul'turi na Umanshchini. Arheologiya 2, 1971, 81-87 // Г.Ю. Храбан, Памятники чернολіської культури на Уманщині. Археологія 2, 1971, 81-87.
- Klochko, Kozymenko 2011:** V.I. Klochko, A.V. Kozymenko, Nash nedavnyi bronzovyi vek (Kiev 2011) // В.И. Ключко, А.В. Козыменко, Наш недавний бронзовый век (Киев 2011).
- Klochko, Vasina 2004:** L.S. Klochko, Z.A. Vasina, Kostium predskifskogo vremeni na territorii Ukrainy. In: Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci (Kraków 2004), 185-198 // Л.С. Ключко, З.А. Васина, Костюм предскифского времени на территории Украины. В сб.: Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci (Kraków 2004), 185-198.
- Kovpanenko 1967:** G.T. Kovpanenko, Plemena skifs'kogo chasu na Vorskli (Kiiv 1967) // Г.Т. Ковпаненко, Племена скифского часу на Ворсклі (Київ 1967).
- Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1994:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Novye pogrebeniia rannego zhelezного veka v Poros'e. In: Drevnosti skifov (Kiiv 1994), 41-63 // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросяе. В сб.: Древности скифов (Киев 1994), 41-63.
- Kozenkova 1975:** V.I. Kozenkova, Sviazi Severnogo Kavkaza s Karpato-Dunaiskim mirom (nekotorye arkheologicheskie paralleli). In: Skifskii mir (Kiev 1975), 52-73 // В.И. Козенкова, Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели). В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 52-73.
- Kozenkova 1995:** V.I. Kozenkova, Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoii kul'tury (sistemizatsiia i khronologiya). Zapadnyi variant. SAI B2-5 (Moskva 1995) // В.И. Козенкова, Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ B2-5 (Москва 1995).
- Kozenkova 2004:** V.I. Kozenkova, Drevnosti novoчеркасского tipa: fazy mezhkul'turnykh kontaktov kobanskoii kul'tury. In: Arkheologicheskie pamiatniki rannego zhelezного veka iuga Rossii (Moskva 2004), 66-92 // В.И. Козенкова, Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. В сб.: Археологические памятники раннего железного века юга России (Москва 2004), 66-92.
- Kostenko 2015:** Iu.V. Kostenko, Arkheologichni pam'iatki Seredn'ogo Potrubizhzhia. Pereiaslav-Khmel'nyts'kii // Ю.В. Костенко, Археологічні пам'ятки Середнього Потрубіжжя. Переяслав-Хмельницький.
- Leskov, Erlikh 1999:** A.M. Leskov, V.R. Erlikh, Mogil'nik Fars / Klady (Moskva 1999) // А.М. Лесков, В.Р. Эрлих, Могильник Фарс / Клады (Москва 1999).
- Lysenko 2004:** S.D. Lysenko, Fenomen Subotovskogo gorodishcha. In: Materiali i doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukraïni, vip. 3 (Lugans'k 2004), 249-267 // С.Д. Лысенко, Феномен Суботовского городища. В сб.: Материалы и дослідження з археології Східної України, вип. 3 (Луганськ 2004), 249-267.
- Makhortykh 1999:** S.V. Makhortykh, O predskifskikh shlemovidnykh bliakhakh. In: Problemy skifo-sarmatskoii arkheologii (k 100-letiiu B.N. Grakova) (Zaporozh'e 1999), 166-171 // С.В. Махортых, О предскифских шлемовидных бляхах. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии (к 100-летию Б.Н. Гракова) (Запорожье 1999), 166-171.
- Makhortykh 2003:** S.V. Makhortykh, Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Kiev 2003) // С.В. Махортых, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).
- Makhortikh 2005:** S.V. Makhortikh, Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 2005) // С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).
- Metzner-Nebelsick 1994:** K. Metzner-Nebelsick, Die Früheisenzeitliche Trensensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa. Regensburger Beiträge zur prähistorischen Archäologie Bd.I (Bonn 1994).
- Müller-Karpe 1959:** H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nördlich und Südlich der Alpen T.1 (Berlin 1959).
- Pokrovs'ka 1952:** E.F. Pokrovs'ka, Poselennia VIII-VI st. do n.e. na Tiasmini. Arkheologiya VII, 1952, 43-65 // Є.Ф. Покровська, Поселення VIII-VI ст. до н.е. на Тясміні. Археологія VII, 1952, 43-65.

- Poltavets 2009:** V.I. Poltavets, Novaia nakhodka brasletov Subotovskogo tipa. Muzeini chitannia (Київ 2009), 24-31 // В.И. Полтавец, Новая находка браслетов Суботовского типа. Музейні читання (Київ 2009), 24-31.
- Poltavets 2013:** V. Poltavets, Braslety subotovskogo tipa (k voprosu o kontaktakh chernolesskoi kul'tury Srednego Podneprov'ia). RA IX, 1, 2013, 198-220 // В. Полтавец, Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья). RA IX, 1, 2013, 198-220.
- Rozdobud'ko 2003:** M.V. Rozdobud'ko, Materiali peredskifs'kogo ta rann'oskifs'kogo chasu z bogatosharovogo poselennia Bile Ozero I na livomu berezi Seredn'ogo Dnipra. In: Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2001-2002 rr. (Київ 2003), 33-36 // М.В. Роздобудько, Матеріали передскіфського та ранньоскіфського часу з богатошарового поселення Біле Озеро I на лівому березі Середнього Дніпра. В сб.: Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. (Київ 2003), 33-36.
- Smirnova, Voinarovs'kii 1994:** G.I. Smirnova, V.M. Voinarovs'kii, Moshanets'kii skarb bronz kimmeriis'kogo tipu z Seredn'ogo Podnistrov'ia. Arkheologiiia 1, 1994, 137-141 // Г.И. Смирнова, В.М. Войнаровський, Мошанецький скарб бронз киммерійського типу з Середнього Подністров'я. Археологія 1, 1994, 137-141.
- Sulimirski 1931:** T. Sulimirski, Kultura wysocka (Kraków 1931).
- Tallgren 1926:** A.M. Tallgren, La Pontide prescethique après l'introduction de metaux. ESA (Helsinki 1926).
- Terenzhkin 1952:** A.I. Terenzhkin, Poseleniia i gorodishcha v basseine reki Tiasmina. KSIIMK XLIII, 1952, 90-93 // А.И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК XLIII, 1952, 90-93.
- Terenzhkin 1954:** A.I. Terenzhkin, Kul'tura predskifskogo vremeni v Srednem Podneprov'e (chernolesskii etap). In: Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (Moskva 1954), 94-111 // А.И. Тереножкин, Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап). В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии (Москва 1954), 94-111.
- Terenzhkin 1961:** A.I. Terenzhkin, Predskifskii period na dneprovskom Pravoberezh'e (Kiev 1961) // А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Terenzhkin 1976:** A.I. Terenzhkin, Kimmeriitsy (Kiev 1976) // А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).
- Trachsel 2004:** M. Trachsel, Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit (Bonn 2004).
- Tret'iakov 1949:** P. Tret'iakov, Zvit pro arkheologichni doslidzhennia 1949 r. v baseini richok Rosi i Tiasminu. AP 1, 1949, 223-245 // П. Третьяков, Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. АП 1, 1949, 223-245.
- Val'chak 2009:** S.B. Valchak, Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n.e. na iuge Vostochnoi Evropy (Moskva 2009) // С.Б. Вальчак, Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы (Москва 2009).
- Val'chak, Mamontov, Sazonov 1996:** S.B. Valchak, V.I. Mamontov, A.A. Sazonov, Rannie pamiatniki chernogorovskogo etapu v Vostochnoi Evrope: proiskhozhdenie i khronologiiia. In: Istoriko-arkheologicheskii al'manakh, vyp. 2 (Armavir-Moskva 1996), 23-44 // С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов, Ранние памятники черногогоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология. В сб.: Историко-археологический альманах, вып. 2 (Армавир-Москва 1996), 23-44.
- Val'chak, Tarasova 2004:** S.B. Valchak, N.V. Tarasova, Semantika shlemovidnykh bliashek i lunnits predskifskogo vremeni. II Mezhdunarodnaia konferentsiia „Skify i sarmaty v VIII-III vv. do n.e.”, posviashchennaia pamiati B.N. Grakova (TD. Azov – Rostov-na-Donu 2004), 39-43 // С.Б. Вальчак, Н.В. Тарасова, Семантика шлемовидных блишек и лунниц предскифского времени. II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII-III вв. до н.э.», посвященная памяти Б.Н. Гракова (ТД. Азов – Ростов-на-Дону 2004), 39-43.

Сергей Скорый, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии НАН Украины, проспект Героев Сталинграда №12; Киев; 04210; Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

Юрий Костенко, историк.

Всеволод Борjak, краевед.

Сергей Вальчак

Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе

Keywords: bronz helmets, preScythian period, Northern Caucasus, Kimmerians, chronology, morphology

Cuvinte cheie: coifuri de bronz, perioada prescitică, Caucazul de Nord, cimerienii, morfologie, cronologie

Ключевые слова: бронзовые шлемы, предскифский период, Северный Кавказ, киммерийцы, морфология, хронология.

Sergei Val'chak

Bronze forged helmets of the preScythian period on Caucasus

In article maximum full information on finds of bronze helmets known now "assyrian" or "kimmerian" type is collected. On the basis of the received data the general and especial details of a design of helmets are analyzed, technological process of their manufacture is reconstructed, elements of design some of them are examined. Besides the basic questions on an origin and chronology analyzed helmets are discussed. As a result of the lead analysis cited the additional data on dependence of helmets of Northern Caucasus from helmets – prototypes of Urartu and Assyria, dating helmets by a late stage of the preScythian period, not earlier than 714 BC proves to be true, their belonging historical Kimmerians is proved.

Sergei Val'chak

Coifurile de bronz forjate din perioada prescitică în Caucaz

În articol este prezentată informația cea mai completă pentru momentul de față cu referire la descoperirile de coifuri de bronz de tip „asirian” sau „cimerian”. Pe baza datelor acumulate sunt analizate detaliile comune și cele particulare în confecționarea coifurilor, este reconstituit procesul tehnologic de producere a lor, se examinează elementele de decor a unora dintre piese. În afară de aceasta, sunt puse în discuție problemele de bază despre originea și cronologia coifurilor examinate. Drept rezultat al analizei efectuate, sunt furnizate date adăugătoare despre influența asupra coifurilor din Caucazul de Nord a coifurilor-prototipuri din Urartu și Asiria, este confirmată datarea coifurilor în etapa târzie a perioadei prescitice, nu mai devreme de anul 714 a.Chr., este demonstrată apartenența lor cimerienilor istorici.

Сергей Вальчак

Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе

В статье собрана максимально полная информация об известных в настоящее время находках бронзовых шлемов «ассирийского» или «киммерийского» типа. На основании полученных данных анализируются общие и особенные детали конструкции шлемов, реконструируется технологический процесс их производства, рассматриваются элементы орнаментации некоторых из них. Кроме того, дискутируются основные вопросы о происхождении и хронологии анализируемых шлемов. В результате проведенного анализа приводятся дополнительные данные о зависимости шлемов Северного Кавказа от шлемов-прототипов Урарту и Ассирии, подтверждается датирование шлемов поздним этапом предскифского периода, не ранее 714 г. до н.э., доказывається их принадлежность историческим киммерийцам.

Бронзовые кованые изделия, получившие в археологической литературе наименования: шлемы «ассирийского» или «ассиро-урартского типа», «передневоосточные» или «киммерийские шлемы», являются одной из довольно ярких находок в памятниках предскифского времени на юге Восточной Европы. Шлемы эти имеют конусовидную форму верхней части, тулья в нижней части расширяется, где ей придана полушаровидная или полуэллиптическая форма, повторяющая форму головы. У всех шлемов имеются на уши. Такие шлемы упрощенно и условно будут именоваться шлемами «киммерийского типа» или «киммерийскими шлемами».

Приведу сведения об известных находках этих шлемов.

1. Шлем, скроенный из двух бронзовых листов, был найден в результате грабительских раскопок на могильнике Фаскау, близ селения Галиат, в отрогах Дигорского ущелья (Северная Осетия) и впервые опубликован П.С. Уваровой [Uvarova 1900, 277; Rabinovich 1941, 104-105, ris. 1; Kuftin 1949, 141, ris. 25a]. Он частично фрагментирован в нижней части тульи в области венца, на уши не сохранились (рис. 1,1). Относительно недавно фото и рисунок современного состояния шлема из Фаскау были вновь опубликованы. Сохранившаяся высота шлема 27,5 см

(реконструируемая 28,5 см), диаметр 23,5 см. Скроен он из двух бронзовых листов различной ширины (толщиной не более 0,6 мм), которые были скреплены бронзовыми скобами (длиной 1,3-1,7 см, шириной 2-4 мм). На сохранившихся участках нижней части тульи (венца) имеется несколько отверстий диаметром 3-5 мм, которые расположены на расстоянии 9-10 мм друг от друга. На одной из сторон, в средней части тульи у шва, ниже второй сверху скобы, на покрывающем конце листа имеется сквозное отверстие. Ещё одно отверстие находится на венце тульи, на том же крае листа, у верхней части нижней скобы [Ivanchik, Moshinskii 2001, 287-288, fig. 1; 2].

2. Находка фрагментов подобного же шлема у села Приморское (бывш. Петропавловское) в Абхазии (рис. 1,2). Края листа были скреплены скобами (сохранились три из них). Высота шлема около 30 см [Ivanchik 2001, 230-232; Ivanchik, Moshinskii 2001, 293-294, Fig. 5]. Вместе с фрагментами шлема были случайно найдены и другие бронзовые вещи, которые представляли собой инвентарь не менее двух разрушенных погребений [Strazhev 1926, 106-107, 112, no.26; Kuftin 1949, 139, 141, Tabl. X,9], поэтому, контекст находки не достоверен [Val'chak, Skakov 2003, 118-119].

3. В 1936-1940 гг. Б.А. Куфтин проводил раскопки в Грузии, в том числе, и могильника у с. Бешташени. В погребении 13 среди многочисленных находок различных категорий из бронзы, кости и керамики (детали конского снаряжения, оружие, украшения и сосуды) был найден в буквально расплюсненном виде и шлем с наушами, изготовленный из бронзового листа (рис. 1,3). Это был первый факт обнаружения шлема рассматриваемого типа в достоверном контексте других археологических находок. Детальное описание комплекса, как и самого шлема, его прорисовка в публикации исследователя отсутствуют, а форма сплюсненного давлением земли шлема угадывается только по общей фотографии погребения [Kuftin 1941, 68, Tabl. XL]. Не проясняют деталей формы и конструкции шлема и сведения А.И. Иванчика, осматривавшего, по его заявлению, фрагмен-

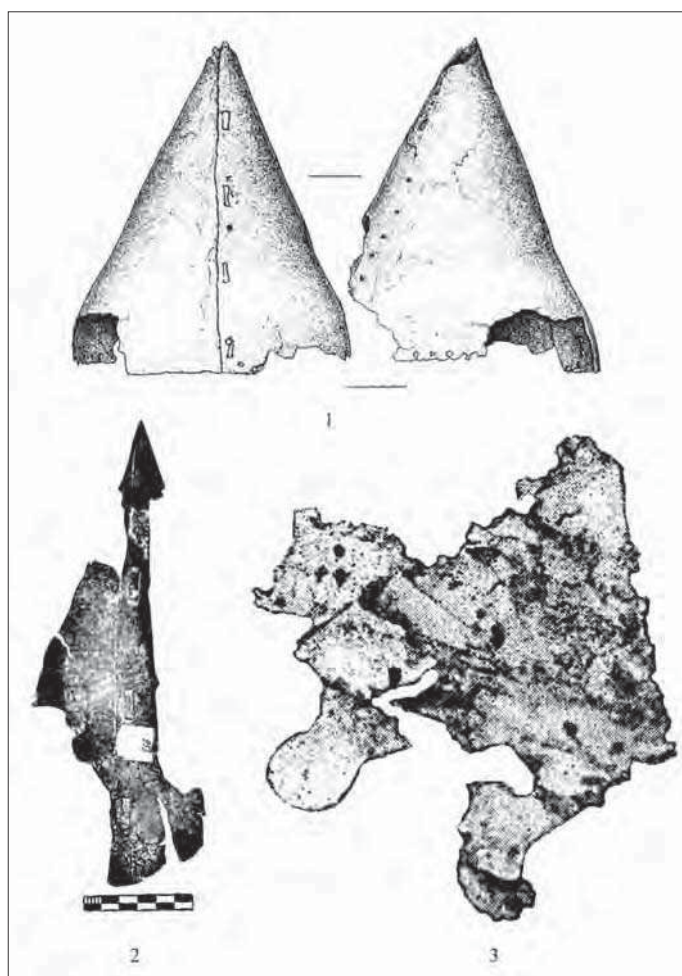

Рис. 1. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1- Фаскау (Ivanchik, Moshinski 2001); 2- Приморское (Куфтин 1949); 3- Бешташени, погребение 13 (Куфтин 1941).

Fig. 1. Bronze "kimmerian helmets". 1- Faskau (Ivanchik, Moshinski 2001); 2- Primorskoe (Kuftin 1949); 3- Beshtasheni, burial 13 (Kuftin 1941).

ты шлема в Музее Грузии в Тбилиси [Ivanchik, Moshinskii 2001, 300].

4. Ещё один шлем был найден в 1987 г. в разрушенном погребении могильника Клиньярь III в Кисловодске (рис. 2,1). Кроме шлема с наушами здесь был найден меч с железным клинком и бронзовой рукоятью, два железных длинновтульчатых наконечника копья и бронзовая орнаментированная пластина – «пектораль», являющаяся, по мнению некоторых исследователей, украшением конского нагрудника [Makhortykh, Chernenko 1995, 21-28; Val'chak, Skakov 2003, 114-120], по мнению других – частью воинского доспеха [Kozenkova 1995, 96, 97; Belinskii, Dudarev 2013, 202-204]. Судя по

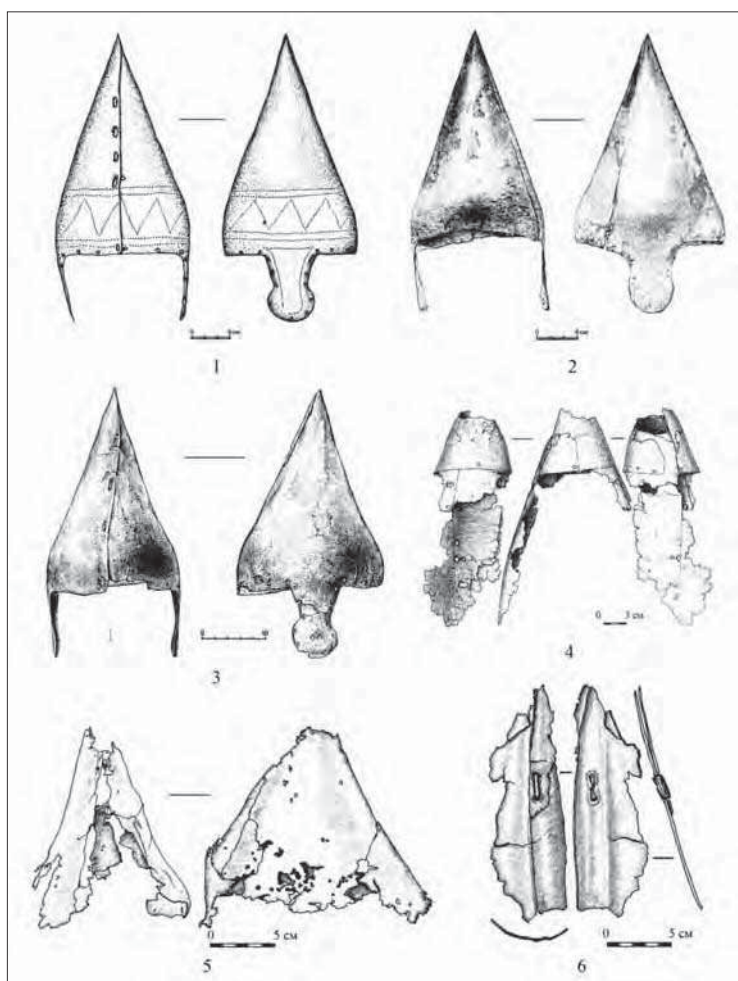

Рис. 2. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1- Клин-Яр III, 1987 г. (Дударев 2011); 2- Клин Яр III, погребение 186 (Дударев 2011); 3- Нарзанный-2, погребение 1 (Белинский, Дударев 2013); 4- Фаскау (Ivanchik, Moshinski 2001); 5- Заюково (рис. С.Б. Вальчака); 6- Заюково (рис. С.Б. Вальчака).

Fig. 2. Bronze "kimmerian helmets". 1- Klin Yar III, 1987 (Дударев 2011); 2- Klin Yar III, burial 186 (Дударев 2011); 3- Narzanny-2, burial 1 (Белинский, Дударев 2013); 4- Faskau (Ivanchik, Moshinski 2001); 5- Zaiukovo (S. Val'chak's fig.); 6- Zaiukovo (S. Val'chak's fig.).

описанию, шлем был скроен из двух листов бронзы толщиной около 1 мм [Дударев 1991, 53; Ivanchik 2000, 210], но приводимые в публикациях иллюстрации и осмотр мною реставрированного шлема в витрине Кисловодского музея в 2000 году не дают возможности уверенно утверждать это. Обычно воспроизводится в иллюстрациях один шов с пятью скрепляющими скобами. Общая высота шлема (с наушами) 44 см, максимальный диаметр 20,5 см. Шлем имеет не менее 18 отверстий по краю венца и по

краю наушей, которые служили для крепления подшлемника из органических материалов. В средней части тульи у шва, близ четвертой сверху скобы, на подлежащем конце листа имеется отверстие. Ещё одно, выпадающее из линии других, находится у края тульи, близ нижней скобы [Дударев 1991, 52, 53, Tabl. 8,15,17; 1999, 162-164, ris. 122-126; Berezin, Dudarev 1999, 194-195, Abb. 7,8]. Отличительной особенностью этого шлема является геометрический орнаментальный фриз в нижней части тульи и орнамент на наушах, выполненные в пуансонной технике. Орнамент сделан чеканом с округлым наконечником с внутренней стороны шлема. Деталей конского снаряжения среди находок не оказалось, что, учитывая состав других воинско-всаднических комплексов со шлемами и «пекторалиями», представляется странным. Не исключено, что удила и псалии, обычные составляющие наборов конской сбруи, были утрачены при частичном разрушении погребения.

5. Аналогичный шлем с наушами, но без орнамента, был найден в 1988 г. в погребении 186 могильника Клин-Яр III (рис. 2,2). Кроме того, в этом комплексе обнаружены: бронзовый уздечный набор, состоявший из удила, псалиев и бляшек-украшений, положенных внутрь шлема, биметаллический кинжал, железный наконечник копья, железный ножик и каменный оселок [Belinskii 1990, 190-195, ris. 1-3]. Шлем был свёрнут из одного бронзового листа толщиной в 1 мм, края которого перекрывают друг друга на 1,15 см и сшиты четырьмя скобами шириной 3 мм. Высота тульи 31 см, по венцу тульи и в наушах пробиты 24 парных отверстия диаметром 3 мм. Расстояние между отверстиями в паре 7 мм, между парами – 2,8-2,9 см. Размеры наушей несколько разнятся. Их ширина у основания (у венца тульи) 10,3 и 10 см, в средней части – 6, в нижней (округлой) – 6,6 см [Belinskii 1990, 190]. До недавнего времени это был единственный абсолютно достоверный археологический комплекс со шлемом на Север-

ном Кавказе, тщательно зафиксированный археологически, который может считаться отправной точкой для хронологических построений и датировки самих шлемов.

6. Находка практически аналогичного шлема в богатом погребальном комплексе воина-всадника, погребении 1 могильника «Нарзанный 2» в Кисловодске была опубликована недавно (рис. 2,3). В погребении находились биметаллический кинжал с бронзовым наконечником ножен, железный наконечник копья с длинной втулкой, железный молоток, набор костяных и бронзовых наконечников стрел, бронзовые удила и псалии, бронзовая пектораль, каменный оселок, украшения узды и костюма из бронзы, железа и золота, глиняные орнаментированные сосуды [Belinskii, Dudarev 2013, 181-216, ris. 1-29]. Шлем был свёрнут из одного бронзового листа толщиной в 1-1,5 мм, края которого перекрывают друг друга и сшиты четырьмя скобами. Науши и тулья, как и у описанных выше, были вырезаны из одного листа. Общая высота шлема (с наушами) 43,2 см, длина наушей 12 см, диаметр шлема по венцу тульи 21,2 см. В нижней части тульи (по венцу) и наушах нерегулярно пробиты 30 парных отверстий диаметром около 2-3 мм, изначально их было чуть больше. Ширина наушей у основания (у венца тульи) 8 см, в средней части (максимально узкой) около 4,5, в нижней (округлой) – около 7-7,5 см. В центре округлой части наушей горизонтально расположены по два отверстия диаметром около 0,4-0,5 см, а в средней части тульи, на уровне перехода в коническую вершину, «на затылочной части»(?) также имеются два аналогичных отверстия [Belinskii, Dudarev 2013, 187-188, ris. 17; 18].

7. Фрагменты ещё одного шлема были определены А.П. Мошинским в фондах ГИМ, тогда же исследователь предположил, что шлем происходит из коллекции В.И. Долбежева и был найден в 1887 г. в окрестностях селения Чми. Дальнейшие изыскания показали ошибочность этой версии, ныне А.П. Мошинский считает его второй находкой шлема на могильнике Фаскау в Северной Осетии¹. Тулья сильно фрагментирована, средняя и нижняя части практически не сохранились (рис. 2,4). Шлем принципиально отличается от упомянутых выше особенностей

ми своей конструкции, он склёпан из трёх отдельных листов внахлест, но полностью детали его формы восстановить не представляется возможным. Два листа по вертикали сшиты заклёпками, а не скобами, как обычно, третий наклонно охватывал их по спирали и образовывал вершину тульи. С нижележащими листами он также был соединён заклёпками. Общая толщина трёх наложенных друг на друга пластин не превышает 4 мм. Наложение двух нижних листов внахлест на одном из швов – до 1 см, на другом – 7 см. Третий лист у вершины шлема имеет наложение внахлест до 5,7 см. Сохранившаяся высота шлема 27,5 см (реконструируемая – 32 см). Сохранившийся диаметр 21,5 см (реконструируемый – более 23 см). Нижняя часть тульи разрушена, нет возможности установить изначальное наличие или отсутствие наушей. В средней части тульи, у шва, имеется отверстие, расположенное близ него и не входящее в систему крепления частей шлема. Контекст находки остаётся неясным [Ivanchik 2000, 203-204; Ivanchik, Moshinskii, 2001, 288-292, fig. 3,4]. Можно предположить вероятность ремонта верхней части этого шлема в древности, при помощи наложения третьей пластины.

В последние 15 лет мне стали известны находки ещё нескольких экземпляров шлемов «киммерийского типа» различной степени сохранности. Все они были найдены в результате грабительских раскопок, хранятся в различных частных и государственных коллекциях России и других стран. Их фото и описания были собраны мною в коллекциях и на различных Интернет-сайтах, соответственно, не всегда отличаются полнотой и качеством информативности.

8. На могильнике «Заюково-3» в Кабардино-Балкарии при грабительских раскопках был найден шлем, близкий по деталям изделиям из Клин-Яра. На это, по мнению С.Л. Дударева, указывают «характер тульи, конфигурация нащёчников (наушей – С.В.), способ крепления бронзового листа, расположение отверстий для крепления подшлемника» [Dudarev 2011a, 10-11, ris. 7; 8]. Шлем известен по опубликованным фотографиям без масштаба, детальное описание и промеры отсутствуют, нижняя часть тульи разрушена, но имеются фрагментированные наушы (рис. 3,1-2). Характеризуя собранные на могильнике разноо-

1. Пользуюсь случаем выразить признательность А.П. Мошинскому за устное сообщение в мае 2016 г.

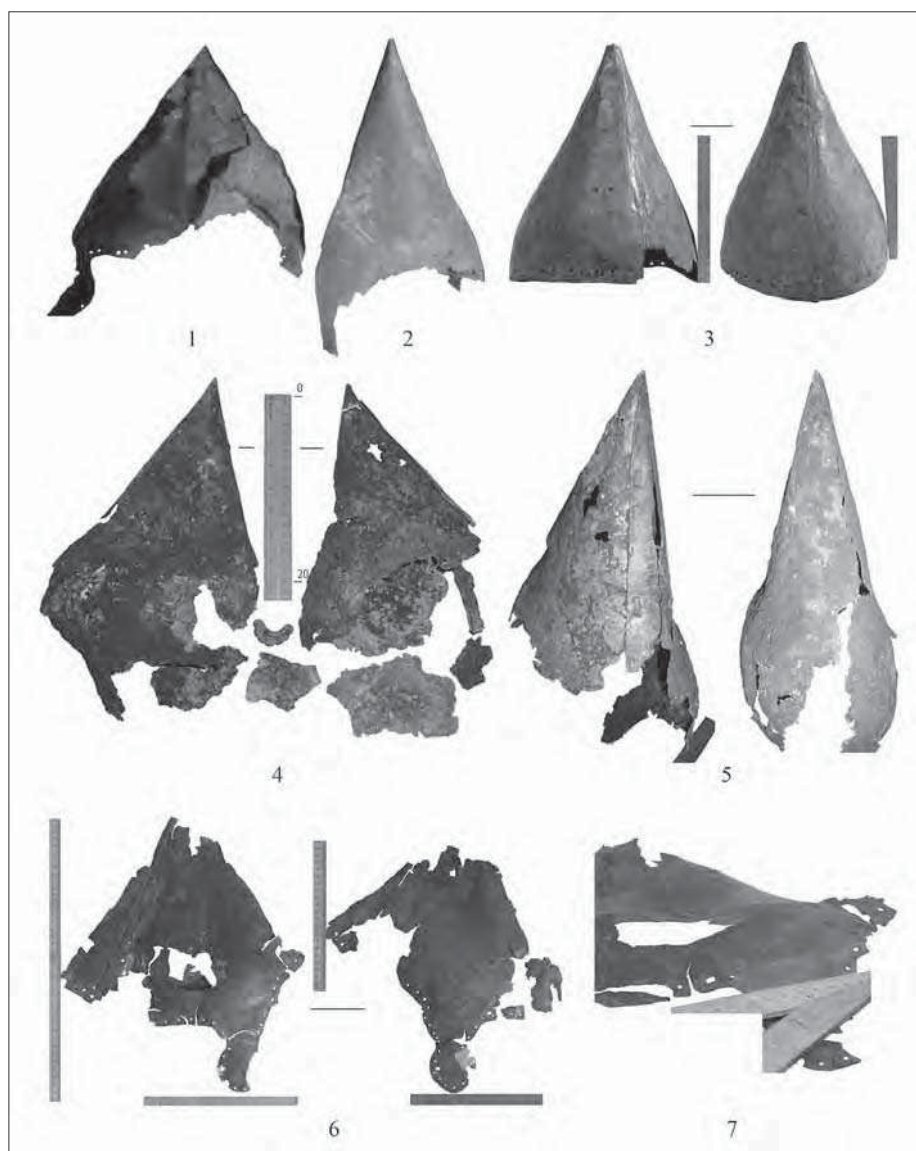

Рис. 3. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1,2- Заюково (Дударев 2011a); 3- КШ-1; 4,5- КШ-2: вид до и после реставрации; 6,7- КШ-3: фрагменты шлема и деталь. (3,6,7- фото С.Б. Вальчака; 4,5- фото из Internet).

Fig. 3. Bronze "kimmerian helmets". 1,2- Zaiukovo 3 (Dudarev 2011a); 3- KH-1; 4,5- KH-2: a kind before and after restoration; 6,7- KH-3: fragments of a helmet and a detail. (3,6,7- S.Val'chak's photo; 4,5- a photo from Internet).

бразные находки, где были разграблены более 120 погребений, С.Л. Дударев вполне справедливо сомневается в их комплексности и отношении к шлему, что и подтверждают приведенные исследователем вещи, аналогии и датировки [Dudarev 2011a, 9, 11-15; Belinskii, Dudarev 2013, 181]. Шлем этот происходит из сборов краеведа В.Н. Котлярова и, по его сведениям, здесь было обнаружено «около 10 шлемов» [Dudarev 2011a, 10, 17], но неясно каких, поскольку время существования памятника Заюково-3 охватывает период около тысячелетия. В последние годы на территории

могильника из отвалов грабительских раскопок были собраны многочисленные мелкие бронзовые изделия и фрагменты листовой бронзы, среди которых определены части сосудов, боевых поясов и двух шлемов «киммерийского типа», которые были переданы в коллекцию ГИМ в Москве, где и удалось их изучить².

9. Фрагмент одного из шлемов (второго) из могильника Заюково-3 (ГИМ 2107/24/4) пред-

2. Пользуюсь случаем выразить признательность сотруднику отдела археологии ГИМ А.А. Кадиевой за предоставленную возможность детального изучения коллекции.

ставляет собой небольшую часть вершины тульи (рис. 2,5). Сохранились остатки одного или двух(?) раскованных бронзовых листов, наложенных внахлест друг на друга, и одна скрепляющая их скоба. Высота фрагмента составляет 18,4 см, ширина – до 6 см. Толщина нижнего листа бронзы составляет 1-2 мм, верхнего – 1-1,4 мм, что в известных мне случаях является рекордным показателем (обычно около 1 мм). Правая часть нижнего (более толстого) листа имеет неровную, но достаточно четкую грань, свидетельствующую именно об его вырубании из более крупного листа. Левая часть верхнего (более тонкого) листа отличается аналогичной характеристикой. После наложения внахлест шов был прокован, отчего в нижнем листе образовался вертикальный желобок-уступ (шириной 3-5 мм) от вдавливания края верхнего листа. Листы (или один лист) были соединены скобами, одна из которых сохранилась на фрагменте шлема, длина её с внешней стороны – 2 см. Для этого скрепления, в наложенных друг на друга листах или краях одного листа, с внешней стороны шлема, были пробиты по вертикали два отверстия, около 0,3-0,4 мм диаметром. До этого была отдельно вырублена (орудием, сходным с зубилом) из листа бронзы прямоугольная заготовка скобы (ширина 0,4 мм, толщина около 1-1,1 мм, длина заготовки – 4,5-5 см) с заостренными треугольными концами. Заготовке скобы придана П-образная форма под размер расстояния между отверстиями, что рассчитывалось заранее, после чего скобу вколачивали в отверстия налегающих краёв бронзового листа, следы этого вколачивания небольшим ударным инструментом (небольшой прогиб верхнего листа вовнутрь) отчетливо прослеживаются на внешней стороне фрагмента шлема. Плотно входящие в близкие по размерам отверстия в листах бронзы края скобы обеспечивали жесткое и надежное крепление. Слегка прогибая эти листы внутрь, скобы обеспечивали прочное (локально-плоскостное) крепление всего шва, более надежное, чем заклепки, являющиеся точечными соединениями. Заключительной операцией являлось загибание концов скобы изнутри шлема ударами инструмента (молотка) на относительно длинной рукояти, что завершало основной процесс производства всего объемного изделия. Контекст находки неизвестен.

10. Ещё один шлем из могильника Заюково-3 (ГИМ 2107/23) был также собран из мелких

фрагментов и восстановлен в ГИМ. Сохранилась лишь часть тульи шлема без вершины и нижней части (рис. 2,6). Высота сохранившейся части составляет около 14-15 см, нижний абрис овальной формы – около 21х15 см, толщина бронзового листа – 0,5-0,6 мм. Шлем изготовлен из одного листа бронзы. Шов в месте наложения листа не сохранился (эта часть восстановлена реставратором), но в верхней части тульи заметен выступающий над внешней поверхностью фрагмент бронзового стержня, который можно считать остатком заклепки(?). Коническая форма шлема, толщина листа и вероятные остатки заклепки позволяют предполагать его принадлежность к изделиям предскифского периода. Контекст находки неизвестен.

Все шлемы из грабительских раскопок лишены контекста, но уже составляют внушительную серию в рассматриваемой здесь совокупности. Практически все они были найдены в раздавленном и частично фрагментированном виде, часть из них реставрирована. Тем не менее, они являются интересными изделиями рассматриваемой эпохи, которые добавляют сведения для классификационных и технологических заключений.

11. Киммерийский шлем-1 (далее: КШ-1 и т.д.). Шлем в раздавленном виде будто бы найден в кургане вместе с вещами других категорий из бронзы и железа. Имеются косвенные и недостоверные данные, что он происходит из предгорных или горных районов восточной части Краснодарского края.

Шлем свёрнут из одного бронзового листа толщиной в 0,9-1 мм, края которого перекрывают друг друга на 3 см и скреплены четырьмя заклепками с округлыми шляпками, которые расположены по шву неравномерно, одна – у венца тульи, вторая – в верхней части её расширения, две верхние – близ конической вершины шлема (рис. 3,3). Пик конической вершины утрачен. Высота сохранившейся части тульи (без наушей) 26 см, реконструируемая высота шлема от основания тульи до вершины 28 см. Нижняя раскованная часть тульи имеет максимальный диаметр по краю, размерами 20,5х21,5 см. Некогда шлем имел цельнокроенные науши, которые не сохранились. Ширина правого науша у основания, судя по сохранившимся его остаткам, составляет 5 см, левый – не восстанавливается, т.к. здесь утрачена

и нижняя часть тульи. В нижней части по венцу тульи с внешней стороны шлема горизонтально и неровно пробиты 16 парных отверстий и 3 одинарных между парами, на расстоянии около 1 см выше края тульи. Диаметр отверстий 3-4 мм, расстояние между отверстиями в паре 1-1,5 см, между парами расстояние нерегулярно. Отверстия были пробиты и по краю наушей.

В 10 см выше края тульи на противоположной шву стороне, на расстоянии около 1 см друг от друга пробиты два отверстия, расположенные горизонтально. Ниже их и со смещением в правую часть шлема, чуть ниже ряда отверстий на венце имеется ещё пара отверстий. Со стороны шва на 1 см ниже и близ вершины тульи, выше верхней заклёпки пробита ещё одна пара горизонтальных отверстий. Контекст находки неизвестен.

12. Киммерийский шлем-2 (КШ-2) известен мне только по фотографиям с масштабной линейкой. Место находки – Северный Кавказ, возможно, предгорные или горные районы востока Краснодарского края. По форме он совпадает с описанными выше, свёрнут из одного бронзового листа, который был скреплён прямоугольными скобами, две из которых сохранились. Нижняя часть тульи сохранилась очень плохо, но можно заметить фрагменты одного из наушей с отверстиями по краю (рис. 3,4-5). Науши были выкроены из одного бронзового листа с тульей. Высота от основания тульи – не менее 30 см. Остальные параметры достоверно реконструировать не представляется возможным. На одной из фотографий вместе с фрагментами шлема присутствует бляшка-лунница, украшенная семью выпуклыми дисками. Возможно, она найдена в том же комплексе, остальной контекст неизвестен.

13. Киммерийский шлем-3 (КШ-3). Место находки – Северный Кавказ, возможно, предгорные или горные районы востока Краснодарского края. Фактически представляет собой фрагменты двух половин одного бронзового листа, из которого и был выкроен вместе с наушами (рис. 3,6). Бронзовая пластина была скреплена внахлёст четырьмя скобами прямоугольной формы и сечения. Скобы имели 1-1,5 см в длину и около 0,3 см в ширину. Сохранились три скобы, от места крепления второй от основания тульи остались только отверстия в тулье шлема. Толщина бронзового листа шлема 0,5-0,7 мм. Высота сохранившейся части тульи от края венца 29

см, вместе с овальными по вертикали наушами – 38,5 см. В нижней части по венцу тульи с внешней стороны шлема горизонтально и неровно пробиты не менее 22 отверстий неправильной округлой формы на расстоянии около 0,3-0,5 см выше края тульи. Диаметр отверстий 3-6 мм, расстояние между отверстиями около 0,5-1,5 см. Такие же неправильной формы отверстия были пробиты и по краю наушей, сохранилось 14 и 20 отверстий, соответственно.

Шлем этот имеет ряд особенностей, на которых стоит остановиться подробнее. Во-первых, нижний край тульи при переходе его в науши, с обеих сторон рельефно выделен плавным уступом от внешней поверхности шлема к внутренней, отделяя общий объём поверхности тульи шлема от вертикальной плоскости наушей. Края основания наушей в горизонтальной плоскости отделены от нижней части тульи небольшими, но заметными в плане угловыми выступами, расположенными под рельефными уступами (рис. 3,6-7). Выше рельефного уступа, у концов основания наушей и в ряду отверстий по краю тульи, с внешней стороны горизонтально пробиты по два отверстия подпрямоугольной формы, размерами около 0,5х0,3 см. Аналогичные отверстия пробиты и в максимально расширенной округлой части наушей, отступая к середине этой части от отверстий по краю. Можно предположить, что более крупные отверстия имеют отношение к совершенно другому аксессуару мягкой подложки шлема, чем мелкие отверстия по основанию венца, которые, несомненно, относятся к системе крепления подшлемника. Вполне вероятно, что крупные отверстия могли быть связаны с креплением подбородочного ремня, который фиксировал шлем на голове воина в боевом положении. Рельефные уступы позволяют предположить, что этот северокавказский кованый из тонкой листовой бронзы экземпляр копирует некие образцы, возможно литые, в которых тулья шлема и науши изготавливались отдельно, следовательно, крепление наушей к тулье шлема-прототипа отчётливо выделялось визуально в плане и профиле. Крупные отверстия у венца и на наушах вполне могли повторять систему крепления подбородочного ремня и подшлемника у шлемов-прототипов. Во-вторых, на той стороне шлема, где два края пластины были соединены внахлёст, есть несколько примечательных отверстий, расположен-

ных в разных планах. В середине тульи, вдоль шва, в нижнем крае бронзового листа по вертикали пробиты три отверстия. В перекрывающем крае листа, на уровне верхнего из них, имеется ещё одно около 0,5 см в диаметре. Несколько ниже, в перекрывающем (верхнем) крае листа имеется такое же отверстие. В ряду отверстий по венцу тульи, слева от шва пробиты два отверстия, которые крупнее остальных, а в 0,5 см выше их имеется ещё одно малое отверстие. По всей вероятности, к креплению подшлемника или краёв листа эти отверстия отношения не имеют. Контекст находки неизвестен.

14. Киммерийский шлем-4 (КШ-4) известен только по нескольким безмасштабным фотографиям. Вероятно, происходит с Северного Кавказа. По форме он практически не отличается от описанных выше шлемов (рис. 4,1). Свёрнут из одного бронзового листа, который сшит четырьмя бронзовыми прямоугольными скобами. Отверстия по краю венца тульи и наушей располагались парами и сохранились плохо. В середине расширенной округлой части наушей имеется одно круглое отверстие, очевидно для крепления подбородочного ремня. Контекст находки неизвестен.

15. Киммерийский шлем-5 (КШ-5) известен по безмасштабной фотографии очень плохого качества (рис. 4,2). Место находки неизвестно, скорее всего – Северный Кавказ. По форме шлем не отличается от остальных. Свёрнут из одного бронзового листа, способ соединения краёв листа неизвестен. В средней части тульи на гладкой стороне имеется два горизонтальных отверстия. Науши отломаны и имеют парные отверстия по краю. Количество отверстий по краю тульи остались неизвестно. Контекст находки неизвестен.

16. Киммерийский шлем-6 (КШ-6) известен только по двум безмасштабным фотогра-

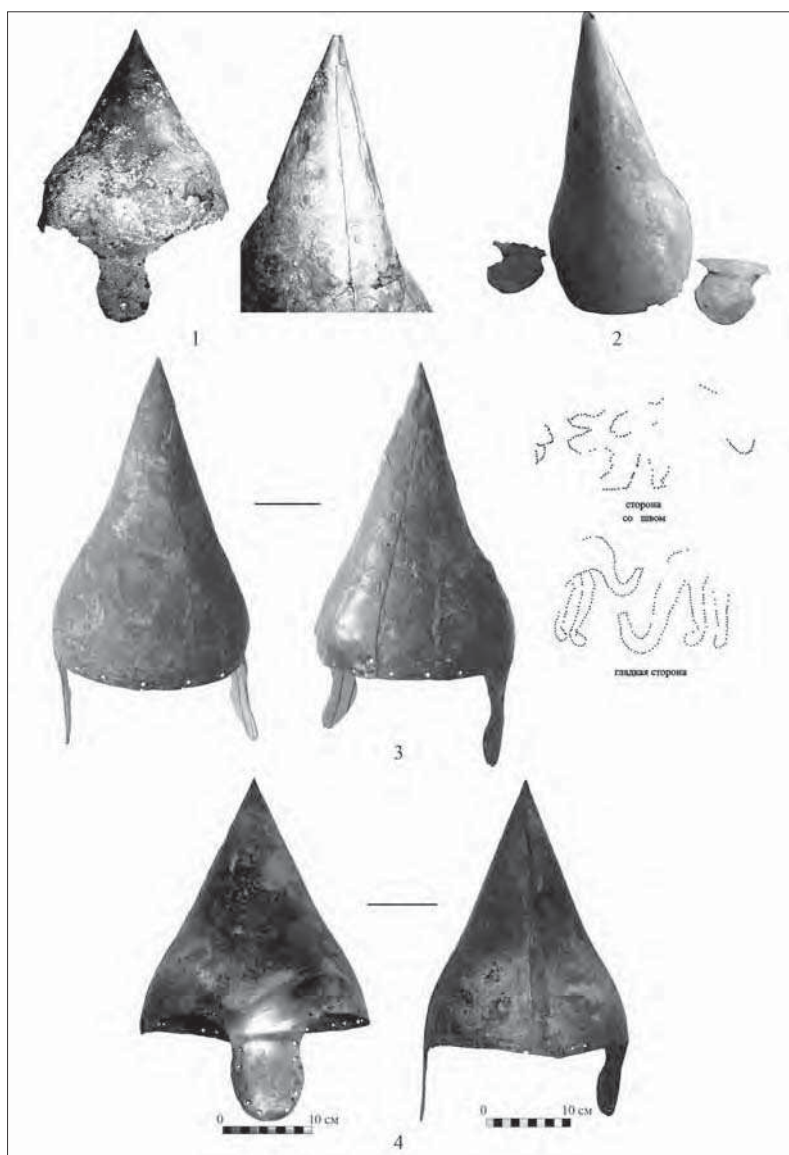

Рис. 4. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1- КШ-4: вид шлема и деталь; 2- КШ-5; 3- КШ-6: вид шлема и прорисовка орнамента; 4- КШ-7. (1,2,3- фото из Internet, прорисовка С.Б. Вальчака; 4- фото С.Б. Вальчака).

Fig. 4. Bronze "kimmerian helmets". 1- KH-4: a kind of a helmet and a detail; 2- KH-5; 3- KH-6: a kind of a helmet and a portrayal of an ornament; 4- KH-7. (1,2,3- a photo from Internet, S. Val'chak's portrayal; 4- S. Val'chak's photo).

фиям (рис. 4,3). Место находки неизвестно, скорее всего – Северный Кавказ. По форме шлем не отличается от остальных. Свёрнут из одного бронзового листа, края которого соединены четырьмя (сохранилось три из них) прямоугольными скобами. По краю венца тульи равномерно пробито не менее 14 отверстий, наличие и характер отверстий на наушах неизвестны. В средней части тульи, со стороны шва (между

средними скобами) имеется отверстие. Отличительной особенностью этого шлема является орнаментальный фриз на тулье. Как удалось рассмотреть на фотографиях, здесь в пуансонной технике изображены два фантастических животных – «гвери», повернутые головами друг к другу. Голова одного из них пересекает линию шва. Изображение «гвери» является характерным для искусства кобанской культуры раннего железного века Кавказа. Орнамент сделан чеканом с округлым наконечником с внутренней стороны шлема. Контекст находки неизвестен.

17. Киммерийский шлем-7 (КШ-7). Место находки – Северный Кавказ. Был выкроен вместе с наушами из одного бронзового листа (рис. 4,4). Бронзовая пластина была скреплена внахлест четырьмя скобами прямоугольной формы и сечения, верхний край перекрывает нижний на 1,5-2 см. Скобы имели разные размеры: 1,5-2,5 см в длину и около 0,7-0,8 см в ширину. Две скобы смещены к вершине, одна в середине и одна у венца тулова. Толщина бронзового листа шлема 0,8-0,9 мм. Высота сохранившейся части тульи от края венца 26 см, вместе с наушами – 36 см. В нижней части по венцу тульи с внешней стороны шлема горизонтально и попарно пробиты 20 отверстий округлой формы на расстоянии около 0,8 см выше края тульи. Расстояния между отверстиями и их парами неравномерны. Диаметр отверстий 4-5 мм. Такие же парные отверстия были пробиты и по краю наушей, по 10 отверстий на каждом. На венце у шва сделаны ещё два непарных отверстия. Ширина наушей у основания 7 см, в узкой части – 5,5 см, в округлой нижней части – 6,5 см.

Нижний край тульи при переходе его в науши, с обеих сторон рельефно выделен плавным уступом от внешней поверхности шлема к внутренней, отделяя общий объём поверхности тульи шлема от вертикальной плоскости наушей, как и у КШ-3 (№13). На одной из боковых сторон шлема, у основания науша (в месте древних надломов) были пробиты по два узких прямоугольных отверстия, в которые были вставлены небольшие скобы (одна из них сохранилась) – следы древнего ремонта. Контекст находки неизвестен.

18. Киммерийский шлем-8 (КШ-8). Имеются косвенные свидетельства, что он был найден в районе Кавказских Минеральных вод. В

момент находки шлем представлял собой расплющенный и изогнутый монолит фрагментов листовой бронзы, при разборе которого были выявлены и фрагменты «пекторали» из бронзового листа толщиной 1,5-2 мм. По форме он совпадает с описанными выше, свёрнут из одного бронзового листа, который был скреплён четырьмя прямоугольными скобами (рис. 5,1-2). Размеры скоб – около 2-2,5 см в длину и 0,5 см в ширину. Края листа перекрывают друг друга на 1 см. Толщина листа 1-1,2 мм. Высота от основания тульи около 30 см (без наушей). Нижняя часть тульи сохранилась очень плохо, но среди её фрагментов имеются и основания цельнокроеных наушей с отверстиями по краю. Остальные параметры, количество и характер расположения отверстий по окружности венца достоверно реконструировать не представляется возможным.

Со стороны шва на крупном фрагменте у края излома прослежены остатки двух горизонтально расположенных отверстий, находившихся в средней части тульи, как и у некоторых других шлемов. На этом же фрагменте выше венца, перпендикулярно пересекая линию шва и нижнюю из скрепляющих его скоб, горизонтально расположена ещё одна скоба, спинка которой не прилегает к поверхности шлема (рис. 5,2). При сопоставлении с фрагментами «пекторали», пара верхних отверстий в её центральной части точно совпала с отверстиями в средней части тульи шлема, а горизонтальная скоба шлема – с разрушенным отверстием фрагмента нижней части «пекторали». Создаётся впечатление, что эти изделия были совмещены, цвет окислов на шлеме в месте прилегания листа «пекторали» несколько отличается от окружающей поверхности (рис. 5,3). Остальной контекст находки неизвестен.

19-21. Среди некоторых неясных находок в литературе упоминаются три бронзовых шлема из погребения в кургане 1 близ с. Арчадзор в Нагорном Карабахе, который был раскопан Э. Реслером в первой половине 1890-х гг. [Ivanchik 2000, 209; 2001, 233, рис. 113]. В описании погребения – коллективной гробницы, сообщается, что на черепах двух из четырёх погребённых находились «остатки бронзового шлема», а на третьем – «остатки убора из листовой бронзы». Один из них, «шлем из листовой бронзы», упоминается и в перечне предметов из этого курга-

на [Kushnareva 1957, 137, 140, ris. 1]. План погребения крайне схематичен, так что соотносить изображенные на нём конические остроконечные шлемы с рассматриваемыми находками невозможно. В разрушенном кургане 3 (1893 г.) Арчадзора, Э. Реслер нашел остатки ещё одного бронзового шлема [Kushnareva 1957, 136], но все эти находки при имеющемся качестве документации не могут быть отождествлены с рассматриваемыми шлемами «киммерийского типа».

23. Публиковались и сведения о находке шлема вместе с деталями узды и упряжи, кинжалом и наконечниками двух копий в разрушенном кургане 1950 г. у Лермонтовского разъезда (Широкая балка) на горе Бештау близ Пятигорска. Шлем был утрачен, его тип остался неизвестным [Iessen 1954, 122; Kozenkova 1995, 98]. Вероятность того, что шлем мог являться изделием «киммерийского типа» велика, так как найденные здесь же бронзовые детали конского снаряжения соответствуют позднейшим формам предскифского материального комплекса [Dudarev 1999, 56, 166-167]. Тем не менее, учитывая, что железный кинжал-акинак из этих находок имеет типичные конструктивные признаки раннескифского вооружения [Murzin 1984, 74-75, ris. 28,1], нельзя исключать и того, что шлем мог оказаться литым экземпляром «кубанского типа» или какой-либо иной формы, характерной уже для памятников раннескифского времени. При разрушении кургана вполне могли быть смешаны материалы нескольких погребений.

24. Аналогичным образом можно интерпретировать и находку бронзового шлема в кургане 1895 г. у станции Махошевской в Закубанье. Шлем был утрачен, его тип остался неизвестным, но набор якобы найденных с ним вещей: детали конского снаряжения предскифского времени и навершие с зооморфным изображением, которое относится к характерным

Рис. 5. Бронзовый «киммерийский шлем» (КШ-8) и «пектораль» (фото С.Б. Вальчака). 1- вид шлема; 2- фрагмент шлема, внутренняя сторона; 3- совмещение шлема и «пекторали»; 4- способ нанесения орнамента изнутри шлема (Born, Siedl 1995).

Fig. 5. Bronze "kimmerian helmet" (KH-8) and "pectoral" (S. Val'chak's photo). 1- a kind of a helmet; 2- a fragment of a helmet, the internal side; 3- overlapping of a helmet and "pectoral"; 4- a way of drawing of an ornament from within a helmet (Born, Siedl 1995).

формам раннескифского времени [Chernenko 1968, 81; Galanina 1985, 171]. Шлем вполне мог оказаться кованым «киммерийского типа» или литым экземпляром «кубанского типа». Комплекс находок у Махошевской нельзя считать достоверным, возможно и здесь был смешан материал нескольких погребений в кургане.

25. Существует вероятность находки остатков кованого шлема среди обломков бронзовых пластинок из находок не менее трёх разрушен-

ных погребений могильника в сел. Эшера близ Сухума в Абхазии [Ivaschenko 1935, 58-62]. Тип шлема неизвестен, источник этот крайне не достоверный.

Вопросы классификации, технологии и конструкции шлемов. Прежде чем представлять рассуждения и заключения о происхождении и датировке какой-либо категории археологических находок, следует определить базовые позиции их классификации или типологии. К сожалению, в прошедшие 25 лет, исследователи рассматриваемых кованых шлемов не уделяли этому вопросу должного внимания, но намного успешнее выстраивали разнообразные гипотезы об их истоках и дате.

Шлемом обычно называется вид защитного вооружения, головной убор, предохраняющий от действия холодного оружия [Voennyi 2002, 1604]. Согласимся и с мнением, что шлемом «называют всякое древнее металлическое наголовье независимо от того, к какому типу оно принадлежит» [Vinkler 1992, 276]. Если рассмотреть описанные целые и частично сохранившиеся кованые бронзовые экземпляры предскифского времени, то нет сомнения, что в них мы видим шлемы одного типа. Тип этот можно назвать коническим с округлой нижней частью тульи, не имеющим полей, козырька и назатыльника, с округло расширяющимися цельнокроеными наушами. Некоторые деталильные отличия между шлемами можно считать вариантными признаками, но для многоуровневой классификации данных пока недостаточно. Характерная для рассматриваемых экземпляров деталь – на уши, иногда называется нащёчками [Belinskii 1990, 190; Ivanchik 2001, 234], но более корректным представляется наименование «науши», как традиционно называлась деталь, защищавшая уши и скулы воина [Vinkler 1992, 89]. Нащёчники, оправдывая своё название, характерны для несколько более поздних античных шлемов, в которых иногда были специально моделированы и вырезы для ушей [Rabinovitch 1941, ris. 6; 7; 13; 16-18, tabl. XIV-XXI].

Технологический процесс изготовления можно считать дополнительным признаком выделенного типа, поскольку он одинаков у большинства шлемов. Из раскованного бронзового листа (иногда двух) вырубалась вместе с науша-

ми выкройка-развёртка шлема. Толщина бронзового листа обычно составляла 0,5-1 мм, лишь иногда доходя до 1,5-2 мм. По этому показателю «киммерийские шлемы» близки более поздним кованым греческим (античным) шлемам разных типов, толщина тульи которых составляла от «не более 1 мм» до 1,5-2 мм [Rabinovich 1941, 122, 142], а на моделированных участках лицевой, затылочной и боковых частей обычно превышала эти параметры. Толщина же литых шлемов Урарту и Ассирии находилась в пределах от 1 до 3,5 мм, иногда достигая и 4 мм [Born, Siedl 1995, Tabl. I, II], а литых скифских «кубанского типа» – в пределах от 2 до 3-3,5 мм, иногда достигая 4 мм [Rabinovich 1941, 107-114]. Края бронзового листа «киммерийских шлемов», соединялись внахлест и скреплялись четырьмя-пятью бронзовыми скобами, а не были «прошиты бронзовой тесьмой», как предполагали некоторые исследователи [Kuftin 1949, 141; Ivanchik 2001, 230]. Технология скрепления хорошо реконструируется по фрагментам некоторых шлемов (Заюково – №9, КШ-8 – №18), с небольшими различиями в количестве и размерах скоб, она одинакова у большинства экземпляров (рис. 2,6; 5,2). Исключение составляют шлемы из Фаскау и Заюково (№№7, 10), а также КШ-1 (№11), которые скреплены несколькими заклёпками, а не скобами. Кроме того, у шлема из Фаскау (№7) необычным образом сконструирована и вершина тульи, с использованием третьей пластины. Скрепление бронзовых пластин при помощи заклёпок является распространённым технологическим приёмом в эпоху бронзы и начале раннего железного века, в частности, при изготовлении бронзовой посуды кобанской культуры Северного Кавказа [Kozenkova 1998a, 109]. Но соединение частей бронзового листа скобами в каком-либо изделии является для всей Восточной Европы и Закавказья новационным признаком технологии позднейшего предскифского времени, который встречен пока только на шлемах. Окончательный объём тульи и её рельеф формировался выколоткой изнутри по уже скреплённому полуфабрикату. Затем края тульи и наушей обрабатывались абразивным камнем, удаляя неровности. После этого снаружи по венцу и на наушах пробивались отверстия для крепления подшлемника. В тех редких случаях, когда шлемы имеют орнамент (Клин-Яр, КШ-6 – №№4, 16), он выполнен

изнутри уже готового шлема, возможно способом (рис. 2,1; 4,3), который был предложен исследователями для переднеазиатских литых изделий [Born, Siedl 1995, 127, 128, Abb. 98] (рис. 5,4). Сам же этот орнамент, скорее всего, является подражанием чеканным многофигурным фризам на литых переднеазиатских шлемах [Piotrovskii 1955, 26; Esaiian 1986, 27-31, Tabl. XIV-XVIII].

Довольно частым, но не обязательным признаком является наличие на многих шлемах нескольких отверстий в средней части тульи и под ними, у её края (Фаскау, Клинь-Яр, Нарзан-2, КШ-1, 3, 5, 6 – №№1, 4, 6, 7, 11, 13, 15, 16). Эти отверстия пробиты с внешней стороны уже готовых шлемов, иногда пробивают уже имеющийся шов, не совпадают с рядом отверстий для подшлемника на венце. Вполне вероятно, что они служили для крепления какого-либо предмета, аппликации (из органических материалов?) на фронтальной поверхности шлема. В этом случае здесь могли быть расположены какие-либо знаковые фигуры, подобные рельефным «четырёхзубцам», или «дуговидным змеям» на литых урартских шлемах, или чего-либо подобного [Piotrovskii 1955, 24-26, ris. 16; Esaiian 1986, 27-32, Tabl. XIII, XIX, XX; Born, Siedl 1995, Abb. 1, 27, 40, 85, 96, Taf. I, II, IV]. Можно очень осторожно предположить, учитывая обстоятельства совместной находки КШ-8 и «пекторали», совпадения на них отверстий для крепления, что таким предметом могла быть и она (рис. 5,3). Если вспомнить сходное положение шлема и «пекторали» в Нарзанном-2 (№6), то данные факты могут в корне изменить наши представления о назначении «пекторалей» [Belinskii, Dudarev 2013, 202-204, ris. 3; 4; 16; 19]. В этом случае, предположение о том, что довольно тонкие шлемы служили не столько для защиты, сколько для обозначения социального статуса воина, являлись парадным головным убором вероятного участника киммерийских рейдов [Val'chak, Skakov 2003, 118], может найти дальнейшее подтверждение.

В связи с изложенным выше, вызывает интерес вопрос о фронтальной (лицевой) и тыльной сторонах шлемов, которые рельефно не отличаются в профиле. Некоторые исследователи считают, что два отверстия в средней части тульи шлема из Нарзанного-2 (№6) располагались «на затылочной части» [Belinskii, Dudarev 2013,

188, ris. 17; 18], следовательно, фронтальной частью они считают сторону, где расположен шов и скобы. Вроде бы логично, именно этот участок шлема оказывается несколько толще и прочнее остальных. Дополнительные отверстия на линии шва или рядом с ним находились у шести шлемов: из Клинь-Яра (1987 г.), двух из Фаскау, КШ-3, 6 и 8 (№№1, 4, 7, 13, 16, 18). Сомнительно также, чтобы головы «гвери» на орнаменте КШ-6 (одна из них перекрывает шов) были обращены к тыльной части шлема. Вертикальный рельефный шов на шлемах киммерийского типа, впрочем, вполне мог подражать аналогично расположенному рельефному выступу на лицевой стороне многих литых шлемов Урарту. Но, аналогичные парные отверстия были расположены и на противоположной шву (гладкой) стороне трёх шлемов: из Нарзанного-2, КШ-1 и КШ-5 (№№6, 11, 15). Если исходить из гипотезы о креплении на поверхности шлема каких-либо накладных украшений или деталей, то отверстия должны были бы находиться на лицевой стороне. Представляется, что фронтальная и тыльная стороны произвольно определялись мастером или заказчиком кованого шлема при его декорировке.

Возможность говорить подробнее о других шлемах, информация о которых фрагментарна, отсутствует. Технология изготовления шлема из Бешташени неясна. Гипотеза об идентичности с другими экземплярами подкрепляется лишь мнением Б.А. Куфтина, который при сопоставлении этого шлема с находками из Фаскау и Приморского, вообще не рассматривал вопрос технологии [Kuftin 1941, 68; Ivanchik 2001, 233]. На фотографии шлема, выше венца, вроде бы, различим либо довольно широкий горизонтальный рельефный уступ, либо край одной из формирующих шлем пластин [Kuftin 1941, Tabl. XL], что было повторено и в рисунке, но никак не прокомментировано А.И. Иванчиком, осматривавшим фрагменты шлема [Ivanchik 2000, ris. 4,20; 2001, 232, ris. 78,21; Ivanchik, Moshinskii 2001, 300, Fig. 6,20]. Эти обстоятельства заставляют сомневаться в однозначном отнесении шлема из Бешташени к выделенному типу, хотя по форме тульи и наушей он похож на другие известные экземпляры.

Вопросы происхождения и хронологии. Контекст находок со шлемами из Клинь-Яра и

Нарзанного-2 даёт возможность отнести эти погребения к кобанской культуре Северного Кавказа, соотнести комплексы с позднейшим, «классическим новочеркасским» этапом предскифского периода, который может быть датирован в рамках последней четверти – конца VIII – первой половины VII в. до н.э. [Erlikh 2007, 178-187; Dudarev 2011, 142; Belinskii, Dudarev 2013, 210-212]. Большинство известных шлемов лишены контекста, но то немногое, что имеется, подтверждает аналогичную датировку перекрёстными аналогиями в десятках закрытых погребальных комплексах позднего предскифского времени. Например, многокружковая бронзовая бляшка-лунница в контексте КШ-2 [Tarasova 2006, 242-244, 247, Tabl. 7] и «пектораль» из бронзового листа, найденная вместе с КШ-8 [Val'chak, Skakov 2003, 114-122].

Сходство формы рассматриваемых шлемов с переднеазиатскими экземплярами отмечалось давно [Uvarova 1900, 276-277; Rabinovich 1941, 105; Piotrovskii 1944, 308; 1955, 26; Chernenko 1968, 150; Voronov 1980, 207-208; Galanina 1985, 180-181], в этом не сомневается и большинство современных исследователей, определённо считающих форму предскифских кованых шлемов зависимой от прототипов из Урарту и Ассирии. Исследователи связывают их появление с военными действиями киммерийцев в Передней Азии, датируя это событие (согласно своим концепциям) различно, но обычно в рамках VIII – первой половины VII, чаще не ранее двух последних десятилетий VIII в. до н.э. [Belinskii 1990, 195; Dudarev 1991, 51-54; 1995, 31-33; 2011, 134-145; Erlikh 1991, 39; 1992, 177-179; 1994, 64-65, 83-85; 2007, 190-191; Alekseev 1992, 82-83; 2003, 145; Polin 1998, 53-54; Skoryi 1999, 52-56; Val'chak, Skakov 2003, 118-119].

Существуют и другие точки зрения на вопрос появления кованых шлемов на Кавказе. В.И. Козенкова, не отрицая привнесённый характер «ассирийских шлемов», высказала справедливое соображение, что появились они в памятниках кобанской культуры Северного Кавказа «значительно раньше, чем скифские элементы», но последовательно и бездоказательно датирует это событие «от 888 г. до н.э. и позднее», «не позднее рубежа VIII-VII вв. до н.э.», затем связав этот факт с некими «внутренними региональными взаимодействиями военного

характера конца IX – первой половины VIII в. до н.э.» [Kozenkova 1995, 98; 1998a, 53], что отчасти совпадает с позициями А.Ю. Алексеева и С.В. Полина, высказанными в упомянутых выше работах. Намного более радикальна концепция А.И. Иванчика, вообще отрицающего связь предскифских памятников юга Восточной Европы и Северного Кавказа с историческими киммерийцами, соответственно и заимствование местным населением формы рассматриваемых шлемов в период походов конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Опорой исследователю служит погребение 13 могильника Бешташени, где был найден похожий шлем, датированное исследователем XIII-XII вв. до н.э., а также синхронизированные с ним курганы Арчадзора, со шлемами неясной формы [Ivanchik 2001, 160, 232-239]. В разное время предлагались различные варианты датировок этих комплексов от XIV до VIII-VII вв. до н.э. [Kuschnareva 1957, 165-166, 177; Voronov 1980, 207-208; Polin 1998, 54; Ivanchik 2000, 207-210; Pogrebova 2011, 137, 147-148] и сегодня опора на них не может считаться убедительным аргументом, по крайней мере, до более-менее убедительной синхронизации комплексов многочисленных археологических культур периода финальной бронзы – раннего железного века Закавказья. Следовательно, апеллировать к неким мифическим военным контактам, приведшим к появлению шлемов «киммерийского типа» ранее начала военных рейдов киммерийцев во время правления Русы I в Урарту (730-714 гг. до н.э.) или Саргона II в Ассирии (721-705 гг. до н.э.) преждевременно. На основании изучения письменных источников, для факта поражения армии Русы киммерийцами была предложена дата – 714 г. до н.э. [Ivanchik 1996, 23-28, 50, 161], которая вполне согласуется с мнением большинства археологов, исследующих предскифские («классические новочеркасские») комплексы юга Восточной Европы (напр., см. с библиогр.: [Dudarev 2011, 134-145; Belinskii, Dudarev 2013, 181-216]).

Следует отметить и тот факт, что предпринимаемые исследователями попытки поиска детального соответствия рассматриваемых шлемов с переднеазиатскими изображениями оказались не очень продуктивным. Сходство их общей формы очевидно, но точного соответствия в деталях, например, в форме наушей на приво-

димых изображениях нет [Belinskii 1990, ris. 2,3; Dudarev 2011, ris. 4-13]. Обоснованным следует считать суждение, что изображения шлемов на рельефах «позволяют лишь подтвердить их соответствие по форме и времени существования» [Belinskii 1990, 195]. Информативность реальных вещей и их изображений может быть разной, а технологическая разница в изготовлении литых и кованых изделий неизбежно отражалась на точности копирования формы предметов из листовой бронзы сравнительно с их литыми прототипами [Val'chak, Skakov 2003, 118]. Но, например, профилировка места соединения цельнокроенных науш и тульи на двух шлемах (КШ-3 и 7 – №№13 и 17) явно свидетельствует об их подражательности изделиям с отдельным скреплением этих деталей (рис. 3,7; 4,4).

О заимствовании населением Кавказа не столько самих вещей переднеазиатского происхождения, сколько их образных и конструктивных «идей», к которым относятся шлемы, цельнолитые уздечные комплекты и другие категории находок, уже приходилось говорить некоторым исследователям [Erlikh 1992, 177-179; Val'chak 1993, 27-28; Val'chak, Erlikh 1993, 18-19]. Эти «идеи» творчески перерабатывались и воплощались на базе северокавказских производственных центров кобанской и соседних культур сообразно их богатым традициям и технологическим навыкам, эстетическим вкусам местного населения. Вкусы и запросы населения, технологические приёмы мастеров изменялись во времени, подвергаясь внешним влияниям и обстоятельствам, соответственно, изменялись формы и набор используемых вещей. Абсолютное сходство формы и технологии изготовления большинства из «киммерийских шлемов» Северного Кавказа свидетельствует не в пользу определения периода их существования на протяжении 1–1,5 столетий и более, как это представляется некоторым

исследователям [Ivanchik 2000, 214-215; 2001, 234, 238]. Ранее справедливо отмечалось, что рассматриваемые шлемы «существовали непродолжительное время, не оставив традиций в кавказском защитном вооружении» [Belinskii 1990, 195], как и многие другие категории материальной культуры населения предскифского времени. Тотальная замена основных категорий воинско-всаднического вещевого комплекса иными их формами, не имевшими традиции в регионах юга Восточной Европы, может быть связана только с неким экстраординарным событием. Таким событием могло быть появление скифов, повлёкшее кардинальные изменения в жизни восточноевропейского населения. Единственно сравнимым, качественно и количественно, воинско-всадническим материальным комплексом с «жаботинским» и «келермесским», считающимися соответствующими ранним скифам, является непосредственно предшествующий им комплекс вооружения и конского снаряжения позднейшего, «классического новочеркасского» этапа предскифского периода. Основа этого комплекса во многом сформировалась на традициях и производственной базе кобанской и протомеотской археологических культур Северного Кавказа. Следовательно, «классический новочеркасский» комплекс может быть отождествлён с историческими киммерийцами. Именно к этому хронологическому этапу большинство исследователей относят появление целого ряда новаций в культуре восточноевропейского населения, в том числе и рассмотренные выше «киммерийские шлемы». Время их существования, таким образом, определяется периодом в неполные 40 лет между 714 г. до н.э. – первым упоминанием киммерийцев, и 780-776 гг. до н.э. – первым упоминанием скифов переднеазиатскими источниками [Ivanchik 1996, 27, 82]. Другие версии представляются мне менее вероятными.

Библиография

- Alekseev 1992:** A.Iu. Alekseev, Skifskaja khronika (Skify v VII-IV vv. do n.e: istoriko-arkheologicheskii ocherk) (Sankt-Petersburg 1992) // А.Ю. Алексеев, Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк) (Санкт-Петербург 1992).
- Alekseev 2003:** A.Iu. Alekseev, Khronografija Evropeiskoi Skifii VII-IV vekov do n.e.) (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).
- Belinskii 1990:** A.B. Belinskii, K voprosu o vremeni poavleniia shlemov assiriiskogo tipa na Kavkaze. SA 4, 1990,

190-195 // А.Б. Белинский К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе. СА 4, 1990, 190-195.

Belinskii, Dudarev 2013: A.B. Belinskii, S.L. Dudarev, Bogatoe pogrebenie so shlemom assiriiskogo tipa iz mogil'nika Narzannyi-2. In: (ed. A.B. Belinskii) Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza. Vyp. XI. Arkheologiya, kraevedenie, muzevedenie (Moskva 2013), 181-216 // А.Б. Белинский, С.Л. Дударев, Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2. В сб.: (гл. ред. А.Б. Белинский) Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение (Москва 2013), 181-216.

Berezin, Dudarev 1999: J.B. Berezin, S.L. Dudarev, Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien. Eurasia Antiqua. Bd. 5, 1999, 179-216.

Born, Seidl 1995: H. Born, U. Seidl, Schutzaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung Axel Guttman. Bd. IV (Mainz am Rhein 1995).

Chernenko 1968: E.V. Chernenko, Skifskii dospek (Kiev 1968) // Е.В. Черненко, Скифский доспех (Киев 1968).

Dudarev 1991: S.L. Dudarev, Iz istorii svyazei naseleniia Kavkaza s kimmeriisko-skifskim mirom (Groznyi 1991) // С.Л. Дударев, Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром (Грозный 1991).

Dudarev 1995: S.L. Dudarev, K probleme vzaimodeistviia plemen Severnogo Kavkaza s rannimi kochevnikami v predskifskuiu epokhu (Armavir 1995) // С.Л. Дударев, К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху (Армавир 1995).

Dudarev 1999: S.L. Dudarev, Vzaimootnosheniia plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Iugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuiu epokhu (Armavir 1999) // С.Л. Дударев, Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (Армавир 1999).

Dudarev 2011: S.L. Dudarev, K voprosu o khronologii assiriiskikh shlemov s ostrokonechnoi tul'ei i ikh kavkazskikh podrazhanii. In: (ed. V.B. Vinogradov) Sbornik nauchnykh rabot S.L. Dudareva (Moskva 2011), 134-145 // С.Л. Дударев, К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний. В сб.: (отв. ред. В.Б. Виноградов) Сборник научных работ С.Л. Дударева (Москва 2011), 134-145.

Dudarev 2011a: S.L. Dudarev, Blesk i gorech drevnei bronzy (o novykh nakhodkakh u seleniia Zaiukovo). In: (ed. V.B. Vinogradov) XVI-e chteniia po arkheologii Srednei Kubani (Armavir 2011), 9-20 // С.Л. Дударев, Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково). В сб.: (отв. ред. В.Б. Виноградов) XVI-e чтения по археологии Средней Кубани (Армавир 2011), 9-20.

Erlikh 1991: V.R. Erlikh, Bronzovye uzdechnye nabory i problema khronologii kompleksov predskifskogo i ranneskifskogo vremeni Zakuban'ia. In: (ed. A.P. Abramov) Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia (Moskva 1991), 31-47 // В.Р. Эрлих, Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии комплексов предскифского и раннескифского времени Закубанья. В сб.: (отв. ред. А.П. Абрамов) Древности Северного Кавказа и Причерноморья (Москва 1991), 31-47.

Erlikh 1992: V.R. Erlikh, O vremeni poiavleniia i karaktere "vostochnykh" elementov v culture Severnogo Kavkaza kontsa VIII – pervoi poloviny VII vv. do n.e. In: (ed. V.M. Masson) Severnaia Evraziia ot drevnosti do srednevekov'ia. Tezisy konferentsii (Sankt-Petersburg 1992), 177-179 // В.Р. Эрлих, О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII – первой половины VII вв. до н.э. В сб.: (отв. ред. В.М. Массон) Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции (Санкт-Петербург 1992), 177-179.

Erlikh 1994: V.R. Erlikh, U istokov ranneskifskogo kompleksa (Moskva 1994) // В.Р. Эрлих, У истоков раннескифского комплекса (Москва 1994).

Erlikh 2007: V.R. Erlikh, Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznoogo veka. Protomeotskaia gruppa pamiatnikov (Moskva 1997) // В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников (Москва 2007).

Esaian 1986: S.A. Esaian, Dospek Drevnei Armenii (Erevan 1986) // С.А. Есаян, Доспех Древней Армении (Ереван 1986).

Galanina 1985: L.K. Galanina, Shlemy kubanskogo tipa (voprosy khronologii i proiskhozhdeniia). In: (ed. V.M. Masson) Kul'turnoe nasledie Vostoka (Leningrad 1985), 169-183 // Л.К. Галанина, Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). В сб.: (ред. В.М. Массон) Культурное наследие Востока (Ленинград 1985), 169-183.

Ivanchik 1996: A.I. Ivanchik, Kimmeriitsy. Drevnevostochnye tsivilizatsii i stepnye kochevniki v VIII-VII vekakh do n.e. (Moskva 1996) // А.И. Иванчик, Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII веках до н.э. (Москва 1996).

- Ivanchik 2000:** A.I. Ivanchik, O tak nazyvaemykh "perednevostochnykh" shlemakh, naidennykh na Kavkaze. In: (ed. V.S. Ol'khovskii) Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (Moskva 2000), 203-225 // А.И. Иванчик, О так называемых «передневосточных» шлемах, найденных на Кавказе. В сб.: (отв. ред. В.С. Ольховский) Археология, палеоэкология и палеodemография Евразии (Москва 2000), 203-225.
- Ivanchik 2001:** A.I. Ivanchik, Kimmeriitsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni. Stepnye narody Evrazii. T. II (Moskva 2001) // А.И. Иванчик, Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. Т. II (Москва 2001).
- Ivanchik, Moshinskii 2001:** A.I. Ivanchik, A. Moshinskii, Two Bronze North-Caucasian Helmets from the State Historical Museum (Moscow). Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol.7, No.3-4, 2001, 287-305.
- Ivaschenko 1935:** M.M. Ivashchenko, Issledovanie arkhaicheskikh pamiatnikov material'noi kul'tury v Abkhazii. In: Izvestiia NII kavkazovedeniia 3 (Tiflis 1935), 53-67 // М.М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. В сб.: Известия НИИ кавказоведения 3 (Тифлис 1935), 53-67.
- Iessen 1954:** A.A. Iessen, Nekotorye pamiatniki VIII-VII vv. do n.e. na Severnom Kavkaze. In: (ed. D.B. Shelov) Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (Moskva 1954), 112-131 // А.А. Иессен, Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе. В сб.: (отв. ред. Д.Б. Шелов) Вопросы скифо-сарматской археологии (Москва 1954), 112-131.
- Kozenkova 1995:** V.I. Kozenkova, Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistemizatsiia i khronologiya). Zapadnyi variant. SAI V2-5 (Moskva 1995) / В.И. Козенкова, Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ В2-5 (Москва 1995).
- Kozenkova 1998:** V.I. Kozenkova, Material'naia osnova byta kobanskikh plemen. SAI V2-5 (Moskva 1998) // В.И. Козенкова, Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ В2-5 (Москва 1998).
- Kozenkova 1998a:** V.I. Kozenkova, Kobanskii drevnosti v maloizvestnykh evropeiskikh sobraniakh. Mezhdunarodnye XX "Krupnovskie chteniia" po arkheologii Severnogo Kavkaza (tezisy dokladov). Zheleznovodsk, 1998 (Stavropol 1998), 52-53 // В.И. Козенкова, Кобанские древности в малоизвестных европейских собраниях. Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Железноводск, 1998 (Ставрополь 1998), 52-53.
- Kuftin 1941:** B.A. Kuftin, Arkheologicheskie raskopki v Trialeti. T. I (Tbilisi 1949) // Б.А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети. Т. I (Тбилиси 1941).
- Kuftin 1949:** B.A. Kuftin, Materialy k arkheologii Kolkhidy. T. I (Tbilisi 1941) // Б.А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды. Т. I (Тбилиси 1949).
- Kushnareva 1957:** K.Kh. Kushnareva, Nekotorye pamiatniki epokhi pozdnei bronzy v Nagornom Karabakhe. SA XXVII, 1957, 135-177 // К.Х. Кушнарёва, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА XXVII, 1957, 135-177.
- Makhortykh, Chernenko 1995:** S.V. Makhortykh, E.V. Chernenko, O kavkazskikh "pektoralakh" VIII-VII vv. do n.e. RA 2, 1995, 21-28 // С.В. Махортых, Е.В. Черненко, О кавказских «пекторалях» VIII-VII вв. до н.э. РА 2, 1995, 21-28.
- Murzin 1984:** V.Iu. Murzin, Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1984) // В.Ю. Мурзин, Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев 1984).
- Pogrebova 2011:** M.N. Pogrebova, Istoriia Vostochnogo Zakavkaz'ia. Vtoraia polovina II – nachalo I tys. do n.e. (Moskva 2011) // М.Н. Погребова, История Восточного Закавказья. Вторая половина II – начало I тыс. до н.э. (Москва 2011).
- Piotrovskii 1944:** B.B. Piotrovskii, Istoriia i kul'tura Urartu (Erevan 1944) // Б.Б. Пиотровский, История и культура Урарту (Ереван 1944).
- Piotrovskii 1955:** B.B. Piotrovskii, Karmir-Blur. III. Rezul'taty raskopok 1951-1953 godov (Erevan 1955) // Б.Б. Пиотровский, Кармир-Блур. III. Результаты раскопок 1951-1953 годов (Ереван 1955).
- Polin 1998:** S.V. Polin, O khronologii ranneskifskoi kul'tury (po I.N. Medvedskoi). RA 4, 1998, 50-63 // С.В. Полин, О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской). РА 4, 1998, 50-63.
- Rabinovich 1941:** B.Z. Rabinovich, Shlemy skifskogo perioda. In: (ed. A.A. Iessen) Trudy otдела istorii pervobytnoi kul'tury. T. I (Leningrad 1941), 99-171 // Б.З. Рабинович, Шлемы скифского периода. В сб.: (отв. ред. А.А. Иессен) Труды отдела истории первобытной культуры. Т. I (Ленинград 1941), 99-171.
- Skoryi 1999:** S.A. Skoryi, Kimmeriitsy v Ukrainskoi lesostepi (Kiev-Poltava 1999) // С.А. Скорый, Киммерийцы

в Украинской лесостепи (Киев-Полтава 1999).

Strazhev 1926: V.I. Strazhev, Bronzovaia kul'tura v Abkhazii. In: *Izvestiia Abkhazskogo nauchnogo obshchestva* 4 (Sukhum 1926), 98-120 // В.И. Стражев, Бронзовая культура в Абхазии. Известия Абхазского научного общества 4 (Сухум 1926), 98-120.

Tarasova 2006: N.V. Tarasova, klassifikatsiia i khronologii ukrashenii-lunnits predskifskogo perioda. In: (ed.: V.G. Petrenko, L.T. Iablonskii) *Drevnosti skifskoi epokhi* (Moskva 2006), 237-261 // Н.В. Тарасова, Классификация и хронология украшений-лунниц предскифского периода. В сб.: (отв. ред. В.Г. Петрено, Л.Т. Яблонский) *Древности скифской эпохи* (Москва 2006), 237-261.

Uvarova 1900: P.S. Uvarova, Mogil'niki Severnogo Kavkaza. Materialy po arkheologii Kavkaza. T. VIII (Moskva 1900) // П.С. Уварова, Могилики Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII (Москва 1900).

Val'chak 1993: S.B. Val'chak, O nekotorykh tsel'nolitykh uzdechnykh komplektakh predskifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy. Grakovskie chteniia na kafedre arkheologii MGU 1989-1990 gg. Materialy seminar po skifo-sarmatskoi arkheologii (Moskva 1993), 23-29 // С.Б. Вальчак, О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы. Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии (Москва 1993), 23-29.

Val'chak, Erlikh 1993: S.B. Val'chak, V.R. Erlikh, Eshche raz o kompleksakh tipa Novocherkasskogo klada. Vtoraia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia (Krasnodar 1993), 17-19 // С.Б. Вальчак, В.Р. Эрлих, Ещё раз о комплексах типа Новочеркасского клада. Вторая Кубанская археологическая конференция (Краснодар 1993), 17-19.

Val'chak, Skakov 2003: S.B. Val'chak, A.Iu. Skakov, Digorskie "pektoralii" predskifskogo perioda. RA 3, 2003, 114-122 // С.Б. Вальчак, А.Ю. Скаков, Дигорские «пекторали» предскифского периода. РА 3, 2003, 114-122.

Vinkler 1992: P. von Vinkler, Oruzhie. Rukovodstvo k istorii, opisaniiu i izobrazheniiu ruchnogo oruzhiia s drevneishikh vremen do nachala XX veka (Moskva 1992) // П. фон Винклер, Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времён до начала XIX века (Москва 1992).

Voennyi 2002: Voennyi entsiklopedicheskii slovar' (Moskva 2002) // Военный энциклопедический словарь (Москва 2002).

Voronov 1980: Iu.N. Voronov, o khronologicheskikh svyaziakh kimmeriisko-skifskoi i kolkhidskoi kul'tur. In: (ed. A.I. Terenozhkin) *Skifiia i Kavkaz* (Kiev 1980), 200-218 // Ю.Н. Воронов, О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) *Скифия и Кавказ* (Киев 1980), 200-218.

Сергей Вальчак, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук. Россия, 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: valchaks@yandex.ru

Денис Гречко

**Классическая Скифия:
начало (последние десятилетия VI – первая четверть V в. до н.э.)**

Keywords: the Scythians, periodization, chronology, North Black Sea region.

Cuvinte cheie: sciți, periodizare, cronologie, țărmul de nord al Mării Negre.

Ключевые слова: скифы, периодизация, хронология, Северное Причерноморье.

Denis Grechko

Classical Scythia: the beginning

In the article is examined the complexes of the last quarter of the 6th – beginning of the 5th centuries BC from the South-Eastern of Europe. The funeral ceremony of the population of the Northern Black Sea region at this time associated with more ancient traditions only in the Forest-Steppe area. At this time there area appears sufficiently representative group of entrance burials in the Steppe, which is not connected with traditions of transitional period (second-third quarters of the 6th century BC). The funeral ceremony of these heterogeneous groups of the population evidences their forming on the partly local basis under the influence of migration of new nomadic tribes predominantly from the Northern Caucasus and more Eastern regions. The qualitative changes of the funeral traditions and forming of the whole of it complex will be linked with the transition to the second stage of the migration. We have some basis to suppose that formation of the Classical Scythia actively passed in the last quarter of the 6th – the beginning of the 5th centuries BC and it was associated with the migration of new group of nomads (Scythians) from the Pre-Caucasus area. This period was finished with the conquest of the Forest-Steppe population, establishing of the tributary relations with ancient Greeks and creation of the “Great” Scythia at the end of the first quarter of the 5th century BC.

Denis Grechko

Sciția clasică: începutul (ultimele decenii ale sec. VI – primul sfert al sec. V î.e.n.)

În articol sunt analizate complexele din ultimul sfert al sec. VI – începutul sec. V î.e.n. din sudul Europei de Est. Ritualul funerar al populației nord-pontice din această perioadă doar în zona silvostepii este legat de tradițiile mai vechi. În regiunea de stepă atunci apare o grupă destul de reprezentativă de înmormântări secundare, care nu are tangențe cu tradițiile perioadei de trecere (sferturile doi-trei ale sec. VI î.e.n.). Ritualul funerar al acestor grupuri de populație neomogenă dovedește formarea lor pe bază locală, parțial, și sub influența migrației altor nomazi, veniți prioritar din zona Caucazului de Nord și din regiuni mai estice. Schimbările calitative ale tradițiilor funerare și formarea întregului complex al acestora vor fi legate de trecerea la etapa a doua. Sunt motive pentru a considera, că consolidarea Sciției clasice s-a petrecut activ în ultimul sfert al sec. VI – începutul sec. V î.e.n. în legătură cu venirea unui nou grup de nomazi (sciți) din regiunea precaucaziană. Această perioadă se încheie prin cucerirea populației din silvostepă și instalarea unor relații tributare cu elinii, prin crearea așa-numitei Sciții Mari la sfârșitul primului sfert al sec. V î.e.n.

Денис Гречко

Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI – первая четверть V в. до н.э.)

В статье рассматриваются комплексы последней четверти VI – начала V вв. до н.э. юга Восточной Европы. Погребальный обряд населения Северного Причерноморья данного периода лишь в Лесостепи связан с более древними традициями. В Степи в это время появляется достаточно представительная группа впускных захоронений, которая не связана с традициями переходного периода (вторая-третья четверти VI в. до н.э.). Погребальный обряд данных не однородных групп населения говорит об их формировании на частично местной основе под влиянием переселения новых народов преимущественно из районов Северного Кавказа и более восточных регионов. Качественные изменения погребальных традиций и сложение всего их комплекса будет связано с переходом ко второй стадии. Есть основания полагать, что становление Классической Скифии активно проходило в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. в связи с перекочевкой новой группы кочевников (скифов) из Предкавказья. Данный период завершается покорением лесостепного населения и установлением даннических отношений с эллинами и созданием т.н. Великой Скифии в конце первой четверти V в. до н.э.

Изучение основных этапов истории Скифии и культуры ее населения на протяжении VII–IV вв. до н.э. является постоянно актуаль-

ным вопросом в скифологии. Накопление источниковой базы позволяет детализировать события и процессы, которые имели место в

переходные периоды, и имели определяющее значение для определенных этапов скифской истории. При этом постоянно происходило взаимодействие автохтонного на определенном этапе населения Северного Причерноморья с мигрантами. Долгое время, начиная с М.И. Ростовцева [Rostovtsev 1925, 309], предполагалось поступательное развитие скифского объединения, которое начиналось с их прихода с востока, властвования в Передней Азии, дальнейшего перемещения центра Скифии в Северное Причерноморье, и завершалось сарматским вторжением [Alekseev 2003, 15]. В начале 90-х годов прошлого века появились первые реконструкции истории населения юга Восточной Европы скифского времени, в которых предполагалось выделение двух Скифий – Древней (Архаической) и Геродотовой (Классической), которые были различны в этническом отношении и сменяли одна другую [Alekseev 2003]. Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко также отмечают, хотя и не так четко как А.Ю. Алексеев, влияние миграции нового населения в регион в конце VI – начале V в. до н.э. [Vinogradov, Marchenko 1990, 149-150]. На сегодня нет единого исследовательского подхода к периодизации Европейской Скифии. К концу VI – V в. до н.э. В.Ю. Мурзин относит завершение формирования северопричерноморской Скифии с центром в Нижнем Поднепровье и Степном Крыму в результате перемещения основной массы скифов из более восточных регионов (в первую очередь, Северного Кавказа) [Murzin 1984, 102-104]. Третью, северопричерноморскую волну скифских вторжений С.А. Скорый датирует V в. до н.э. [Skoryi 2003, 89].

Последними десятилетиями VI – первой четвертью V в. до н.э. А.Ю. Алексеев датирует пятый период скифской истории, который характеризуется сменой культурного комплекса¹ на Северном Кавказе и Причерноморье, связанной, вероятно, с появлением новой группы кочевников (предположительно скифов, вытесненных массагетами). Данное событие, возможно, описано у Геродота [IV, 10] и у Диодора [Diod., II, 43]. В данный период происходит заселение кочевниками Южного Приуралья, Поволжья и других регионов [Alekseev 2003, 27]. В начале V в. до н.э. часть скифов проникает на Балканы

[Herod. VI, 40, 84]. Различные подходы при анализе памятников среднескифского времени проанализированы А.Ю. Алексеевым, что лишает меня необходимости возвращаться к этой историографической теме [Alekseev 2003 195-196].

Данная работа является продолжением серии статей, в которых ранее были затронуты вопросы развития материальной культуры и этнокультурных процессов на юге Восточной Европы с конца VIII по третью четверть VI вв. до н.э., т.е. с предскифского времени по конец переходного периода [Grechko 2012; 2013; 2016]. Ниже основное внимание будет уделено древнейшим комплексам ССК (последние два десятилетия VI – первые два десятилетия V вв. до н.э.).

Памятники указанного периода представляют первую группу захоронений Классической Скифии по А.Ю. Алексееву. Данное время, по мнению исследователя, является рубежом, разделяющим две Скифии, когда происходит распространение нового вещевого комплекса. Данная группа, как отмечает исследователь, самая сложная для интерпретации [Alekseev 2003, 196–202]. Именно в этот период в степном регионе появляется значительное количество погребений, большинство из которых впускные. В данную группу захоронений я буду включать комплексы, которые не образуют могильники и отражают ситуацию близкую к первой (таборовой) стадии кочевания по С.А. Плетневой, когда группы кочевников находились на стадии завоевания и освоения новой родины.

А.Ю. Алексеев рассматривает как наиболее поздние в первой группе памятников и древнейшие погребения Аджигольского (1G) и Журовского (№400) могильников [Alekseev 2003, 196–202]. Я данные памятники соотношу со следующим периодом истории скифов в этом регионе, связанным с переходом ко второй стадии кочевания (с 480–470-х гг. до н.э.), которая и характеризуется образованием стационарных могильников вследствие упорядочивания отношений с соседями (подчинение либо установление даннических отношений) и ограничении территории кочевания².

2. Стоит отметить трудность в разделении этих групп погребений, поскольку древнейшие комплексы в могильниках (около 480 –х годов до н.э.) (Перещепино, Журовка, Ковалевка и др.) по составу колчаных наборов неотличимы от захоронений первых десятилетий дан-

1. Материальной культуры среднескифского времени (далее – ССК).

Среди комплексов последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. можно выделить раннюю и позднюю группы захоронений. А.Ю. Алексеев к первой из них относит Дзюбину Могили и Александровку (последние десятилетия VI в. до н.э.) [Alekseev 2003, 201]. Данные комплексы были выделены, в первую очередь, на основании анализа состава колчаных наборов. На мой взгляд, Александровка все же несколько более поздняя, поскольку в ее инвентаре есть много аналогий с Журовским курганом № 400, который датируется не ранее 480-470 годов до н.э. [Alekseev 2003, 199], а состав колчанного набора существенно отличается от Дзюбиной Могилы³.

Недавно исследованный курган №1/2013 в бельском могильнике Скоробор позволяет уточнить ряд моментов. Протофасосская амфора из данного комплекса датируется двумя последними десятилетиями VI в. до н.э. [Shramko, Zadnikov 2013]. Разнообразный инвентарь позволяет дать привязку некоторым комплексам, которые датировались в рамках всего данного периода. Судя по составу колчанного набора, к синхронным комплексам можно отнести Дзюбину Могили, Вишневку, Владимировку, Верхнюю Тарасовку и Приднепровку. Набор из Александровки, о чем уже шла речь выше, существенно отличается и говорит, скорее, о начале V в. до н.э.

Интерес вызывают бронзовые уздечные бляшки с изображениями в фас головы хищника из Скоробора [Shramko, Zadnikov 2014, 59, fig. 71, 12–13]. Данный комплекс позволяет датировать этим временем подобные бронзовые бляшки и аналогичные изображения на иных изделиях (кляках, в первую очередь)⁴.

Вторая хронологическая группа комплексов может быть датирована первыми двумя десятилетиями V в. до н.э. Среди них выделя-

ного столетия (Золотой курган и др.). Лишь предметы античного импорта помогают уточнять датировку.

3. Так, 69 экземплярами представлены трехлопастные наконечники стрелных пропорций (рис. 6, 15), которые будут шире представлены несколько позднее [Kovaleva, Mukhopad 1982, 95, fig. 4, 2, e]. В целом, состав набора ближе к Золотому кургану и, скорее, может быть датирован первыми двумя десятилетиями V в. до н.э. [Koltukhov 1999, 16–17].

4. Наиболее поздним подобным изображением можно считать находку золотой аппликации в кургане 402 у с. Журовка [Bobrinskii 1904, 20, fig. 50].

ются Золотой курган [Koltukhov 1999], Острая Томаковская Могила, Александровка и Новокиевка [Murzin 1984]. Данные комплексы непосредственно предшествуют погребениям, которые являются основными в курганах и являются первыми в новых⁵ курганных могильниках дружинного характера в Степи и Лесостепи. В их инвентаре все еще отсутствуют бронзовые бляшки в виде свернувшегося в кольцо хищника, орлиные головки с выделенной восковицей, «головы лося», ромбической формы и в виде розетки, некоторые типы ворворок, которые будут характерны II группе [Alekseev 2003, 203]. Именно с поздней группой комплексов связаны находки мечей с парадными ножнами, которые украшены сканным орнаментом с эмалями⁶. Интересно, что подобные парадные изделия не представлены во II группе и массово появляются лишь в начале позднескифского времени (серия мечей типа Солоха).

Рубеж, разделяющий первую и вторую группу погребений (около 475 г. до н.э.), представляется обоснованным [Alekseev 2003, 199] с некоторым удревнением датировки древнейших памятников второй группы во вторую половину 480-х г. до н.э., на что указывают находки подобных изделий в датированных слоях Пантикапея [Tolstikov 2011, 58].

Погребальный обряд. В данный период можно выделить несколько групп захоронений. Погребения Крыма все были впускными (21 комплекс) и принадлежали мужчинам воинам. Ориентировка стабильная на запад с отклонениями⁷ [Koltukhov 2012, 104, 115; 2012a, 67–68, 86]. Кроме захоронений в ямах, зафиксировано два подбоя [Koltukhov 2012a, 65]. Эта группа наиболее многочисленная. Северо-Западный Крым и район Перекопа выделяются концентрацией комплексов (рис. 1).

Аналогичные крымской группе, единичные комплексы в Низовьях Днепра, Южного Буга также являются впускными. Интересно,

5. В могильниках могут присутствовать курганы раннескифского времени, но они связаны со среднескифскими лишь символически, учитывая более чем столетний разрыв.

6. А.Ю. Алексеев считает данные изделия характерными всей I группе без уточнения [2003, 197].

7. Лишь погребенный к. 12/1 у Красноперекопска был ориентирован на СВ [Koltukhov 2012a, 92].

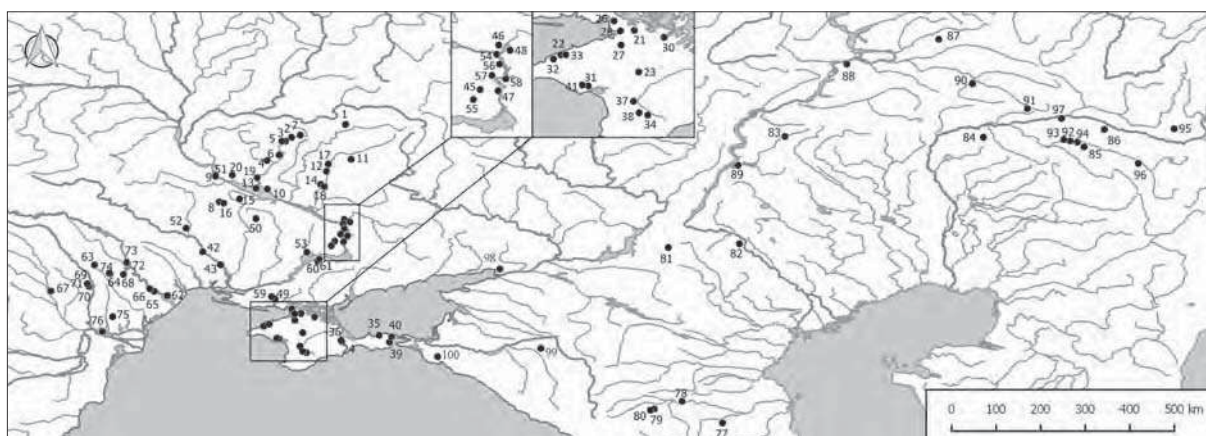

Рис. 1. Комплексы последней четверти VI – первой половины V вв. до н.э. юга Восточной Европы. 1 – Басовка; 2 – Стайкин Верх; 3 – Поповка; 4 – Поставмуки; 5 – Ярмолинцы; 6 – Риги; 7 – Кулешовка; 8 – Макеевка; 9 – Пекари; 10 – Броварки; 11 – Купьеваха; 12 – Олефирщина; 13 – Дзюбина Могила; 14 – Мачухи; 15 – Грушевка; 16 – Пастырское; 17 – Бельск (Скоробор, Перещепино); 18 – Пожарная Балка; 19 – Чутовка; 20 – Подольское; 21 – Вишневка; 22 – Владимирова; 23 – Дальнее; 24 – Надежда; 25 – Котельниково; 26 – Суворово; 27 – Крыловка, Красноперекопского р-на; 28 – Красноперекопск; 29 – Рисовое; 30 – Мартыновка; 31 – Суворовское; 32 – Водопойное; 33 – Далекое-Журавлевка; 34 – Золотой курган; 35 – ур. Стоячий Камень; 36 – Ильичево; 37 – Курганное; 38 – Кулаковского курган; 39 – Нимфей; 40 – Пантикапей; 41 – Колоски; 42 – Бугский; 43 – Ковалевка; 44 – Ольвия; 45 – Верхняя Тарасовка; 46 – Подгородное; 47 – Приднепровка; 48 – Александровка; 49 – Новокиевка; 50 – Медерово; 51 – Подольское; 52 – Владиславка; 53 – Орджоникидзе; 54 – Новослободка; 55 – Острая Томаковская Могила; 56 – Волошское; 57 – Башмачка; 58 – о. Дубовый; 59 – Брилевка; 60 – Великая Знаменка; 61 – Мамай-Гора; 62 – Маяки; 63 – Пыржолтены; 64 – Данчены; 65 – Олонешты; 66 – Новые Раскайцы; 67 – Милешти-де-Сус; 68 – Мерены; 69 – Редиу; 70 – Мынженешты; 71 – Хушь; 72 – Дубоссары; 73 – Коржево; 74 – Суручены; 75 – Кубей; 76 – Чауш; 77 – Гойты; 78 – Павлодольское; 79 – Нартан 1-2; 80 – Нальчик; 81 – Аксеновские могильники; 82 – Кривая Лука; 83 – Лебедевка 2-3; 84 – Кырык-Оба 2; 85 – Илекшар; 86 – Блюменфельд; 87 – Калиновка; 88 – Фриденберг (Мирное); 89 – Бережновка; 90 – Соболевский курган; 91 – Покровка; 92 – Тамар-Уткуль; 93 – Мечетсай; 94 – Пятимары; 95 – Сара; 96 – Сынтас; 97 – Нижнепавловский могильник; 98 – Дутино; 99 – Уляп; 100 – Рассвет.

Fig. 1. Complexes of the last quarter of the 6th – the first half of the 5th centuries BC of the South Eastern Europe. 1 – Basovka; 2 – Staykin Verh; 3 – Popovka; 4 – Postavmuki; 5 – Yarmolintsi; 6 – Rigi; 7 – uleshovka; 8 – Makeevka; 9 – Pekari; 10 – Brovarki; 11 – Kupevaha; 12 – Olefirshina; 13 – Dzyubina Mogila; 14 – Machuhi; 15 – Grushevka; 16 – Pastyrskoe; 17 – Belsk (Skorobor, Pereschepino); 18 – Pozharnaya Balka; 19 – Chutovka; 20 – Podolskoe; 21 – Vishnevka; 22 – Vladimirovka; 23 – Dalnee; 24 – Nadezhda; 25 – Kotelnikovo; 26 – Suvorovo; 27 – Krylovka, Krasnoperekopskogo r-na; 28 – Krasnoperekopsk; 29 – Risovoe; 30 – Martynovka; 31 – Suvorovskoe; 32 – Vodopoynoe; 33 – Dalekoe-Zhuravlevka; 34 – Zolotoy kurgan; 35 – ur. Stoyachiy Kamen'; 36 – Illichevo; 37 – Kurgannoe; 38 – Kulakovskogo kurgan; 39 – Nymphaion; 40 – Panticapaeum; 41 – Koloski; 42 – Bugskiy; 43 – Kovalevka; 44 – Olbia, Pribugskoe; 45 – Verhnaya Tarasovka; 46 – Podgorodnoe; 47 – Pridneprovka; 48 – Aleksandrovka; 49 – Novokievka; 50 – Mederovo; 51 – Podolskoe; 52 – Vladislavka; 53 – Ordzhonikidze; 54 – Novoslobodka; 55 – Ostraya Tomakovskaya Mogila; 56 – Voloshskoe; 57 – Bashmachka; 58 – o. Duboviy; 59 – Brilevka; 60 – Velikaya Znamenka; 61 – Mamay-Gora; 62 – Mayaki; 63 – Pyirzholtenyi; 64 – Danchenyi; 65 – Oloneshtyi; 66 – Novyye Raskaytsy; 67 – Mileshti-de-Sus; 68 – Merenyi; 69 – Rediu; 70 – Myinzheneshtyi; 71 – Hush; 72 – Dubossaryi; 73 – Korzhevo; 74 – Suruchenyi; 75 – Kubey; 76 – Chaush; 77 – Goytyi; 78 – Pavlodolskoe; 79 – Nartan 1-2; 80 – Nalchik; 81 – Aksenovskie mogilniki; 82 – Krivaya Luka; 83 – Lebedevka 2-3; 84 – Kyiryik-Oba 2; 85 – Ilekshar; 86 – Blyumenfeld; 87 – Kalinovka; 88 – Fridenberg (Mirnoe); 89 – Berzhnovka; 90 – Sobolevskiy kurgan; 91 – Pokrovka; 92 – Tamar-Utkul; 93 – Mechetsay; 94 – Pyatimaryi; 95 – Sara; 96 – Syintas; 97 – Nizhnepavlovskiy mogilnik; 98 – Dugino; 99 – Ulyap; 100 – Rassvet.

что наиболее богатые комплексы (Острая Томаковская Могила, Александровка, Золотой курган) также были впускными (рис. 2,4) [Murzin 1984, 106–108]. А.Ю. Алексеев справедливо отмечает, что данная ситуация отражает начальный этап освоения территории [2003, 197].

Рассматриваемая группа впускных захоронений в прямоугольных в плане могилах и

ориентировкой погребенных в западный сектор имеет аналогии в Предкавказье (рис. 5,3,4) [Burkov, Maslov 2007; Prokopenko 2014, 372, 6Б]. В целом данный обряд близок традициям рядового кочевого населения раннескифского времени Северного Причерноморья и Нижнего Подонья [Dubovskaia 1997, 206, ris. 12; Riabkova 2003, 8–9].

На этом фоне выделяется группа основных погребений в районе современного Днепропетровска (Подгороднее, Волошское, Башмачка, Новослободка) (рис. 4) [Murzin 1984, 25–28; Ol'khovskii 1991, 187]. Основной характер погребений может говорить в пользу отнесения данной серии погребений к древнейшим комплексам второй группы погребений по А.Ю. Алексееву (начало второй четверти V в. до н.э.). К сожалению, в этих комплексах не было найдено четких хронологических индикаторов. Интересны близкие аналогии таким комплексам среди более ранних комплексов Предкавказья (рис. 5,1,2) [Prokopenko 2014, 380–381, fig. 9–10].

Сложностью характеризуются этнокультурные процессы в Северо-Западном Причерноморье (рис. 1). Проникновение в данный регион кочевников сопровождалось контактами с местным фракийским населением, что привело к появлению синкретических погребальных комплексов (см. подробнее [Bruiako 2005, 158–164]). И.В. Бруйко выделяет несколько групп погребений периода ССК Бессарабии. Данные комплексы разнообразны и были разделены на три группы. К «воинской» группе указанного времени относятся подкурганые захоронения у сел Суручень и Кубей. «Всадническая» группа захоронений относится к более позднему времени (вторая-третья четверть V в. до н.э., вторая хронологическая группа по А.Ю. Алексееву)⁸. Третья группа представлена подкурганными кремациями в могильных ямах или на уровне древнего горизонта (Коржова, Дубэсарь, Чауш). И.В. Бруйко предполагает определенное влияние на формирование данной группы традиции населения Лесостепи раннескифского и ССК

8. Я также склонен датировать захоронение у Арциза данным временем (середина-третья четверть V в. до н.э.) [Alekseev 2003, 201].

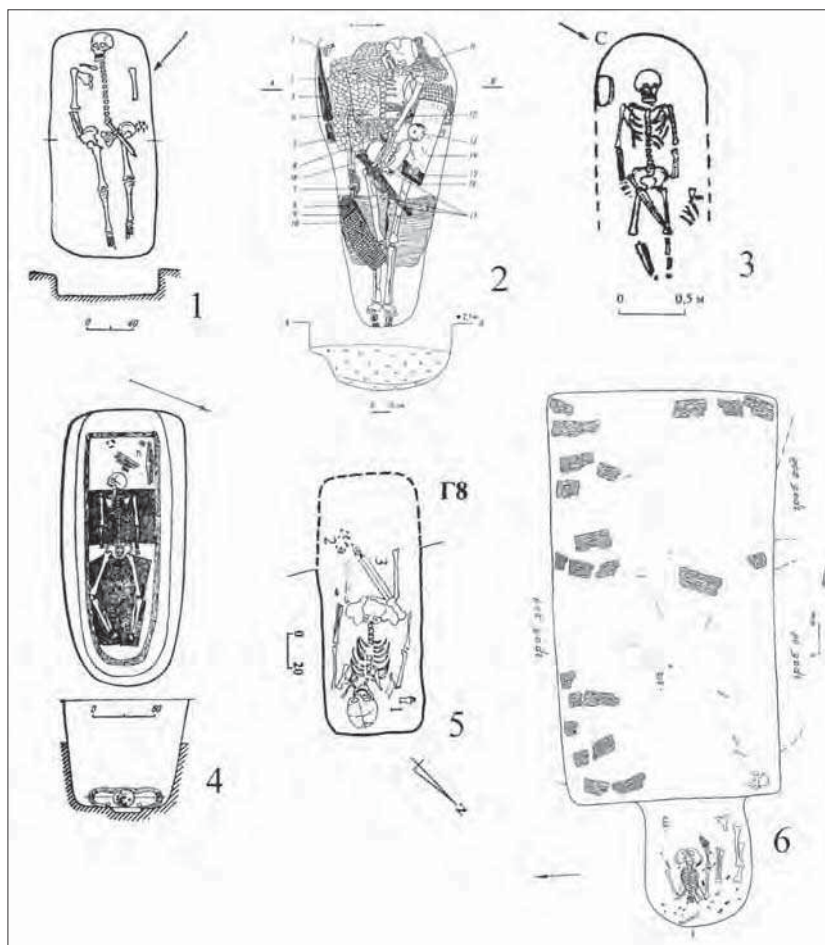

Рис. 2. Погребения последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. Северного Причерноморья и Крыма. 1 – Верхняя Тарасовка; 2 – Вишневка; 3 – Дальнее 8/1; 4 – Александровка; 5 – Нимфей, погр. Г8; 6 – Подольское, кург. 3 (по: Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Grach 1999; Koltuhov 2012; Grigoryev, Bashtovoy 1989).

Fig. 2. Burials of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC. 1 – Verkhnyaya Tarasovka; 2 – Vishnevka; 3 – Dalnee 8/1; 4 – Aleksandrovka; 5 – Nymphaion, burial G8; 6 – Podolskoe, burial mound 3 (by Murzin, 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Grach 1999; Koltuhov 2012; Grigoryev, Bashtovoy 1989).

периода. Выделяется горизонт Пыржолтень-Дэнчень-Олэнешть (конец VI – конец V в. до н.э.), для памятников которого, свойственен культурный (скифо-фракийский) синкретизм. В Дэнчень⁹ зафиксировано как сочетание подбойных погребений с кремациями и ингумациями, так и смешан-

9. Могильник в Данчанах, который по праву может именоваться раннегетским, в значительной мере заполняет лакуну между группой Шолданешты и гетскими памятниками и имеет важное значение в изучении развития фракийской культуры в данный период [Bruiako 2005, 169–170].

ный погребальный инвентарь. Широкому распространению кремации среди более ранних комплексов более восточных регионов нет аналогий, что может говорить о местном, фракийском происхождении обряда. Появление скифов в данном регионе, вероятно, связано с их проникновением на Балканы.

Впервые фиксируется захоронение в дубовой колоде [Kovaleva Mukhopad 1982]. Дважды встречено захоронение на разостланном доспехе (рис. 2,2,4). В раннескифских погребениях восточноевропейской Лесостепи, Северного Кавказа и Прикубанья находки защитного снаряжения не редкость [Riabkova 2010]. К сожалению, большинство комплексов ограблено. Размеры могил раннескифского времени позволяли размещать инвентарь и погребенных достаточно свободно. Захоронения начала ССК незначительны по размерам, что, вероятно, и обусловило положение воина на доспехе и компактное размещение инвентаря. К началу V в. до н.э. относится захоронение в сожженной деревянной гробнице на уровне древнего горизонта у с. Медерово [Bokii 1974].

К интересующему нас периоду относится незначительное количество захоронений *Лесостепи*. От большинства степных комплексов их отличает то, что они были основными и сооружены на территории уже существующих могильников (Купьеваха, Басовка, Skorobor, Олефирщина) [Boiko, Berestnev 2001; Berestnev, Boiko 2005; 1968; Shramko, Zadnikov 2014; Kulatova, Lugovaia, Suprunenko 1993]¹⁰. Абсолютное большинство погребений принадлежало воинам и датируются концом VI – первыми двумя десятилетиями V в. до н.э.

10. Выделяется серия погребений конца VI – первой четверти V в. до н.э. с протофасосскими амфорами третьей серии по С.Ю. Монахову (Риги, Купьеваха, к. 17, 24, Олефирщина, кург. 2 и Надежда в Степи) [Polin 2014, 212, 240].

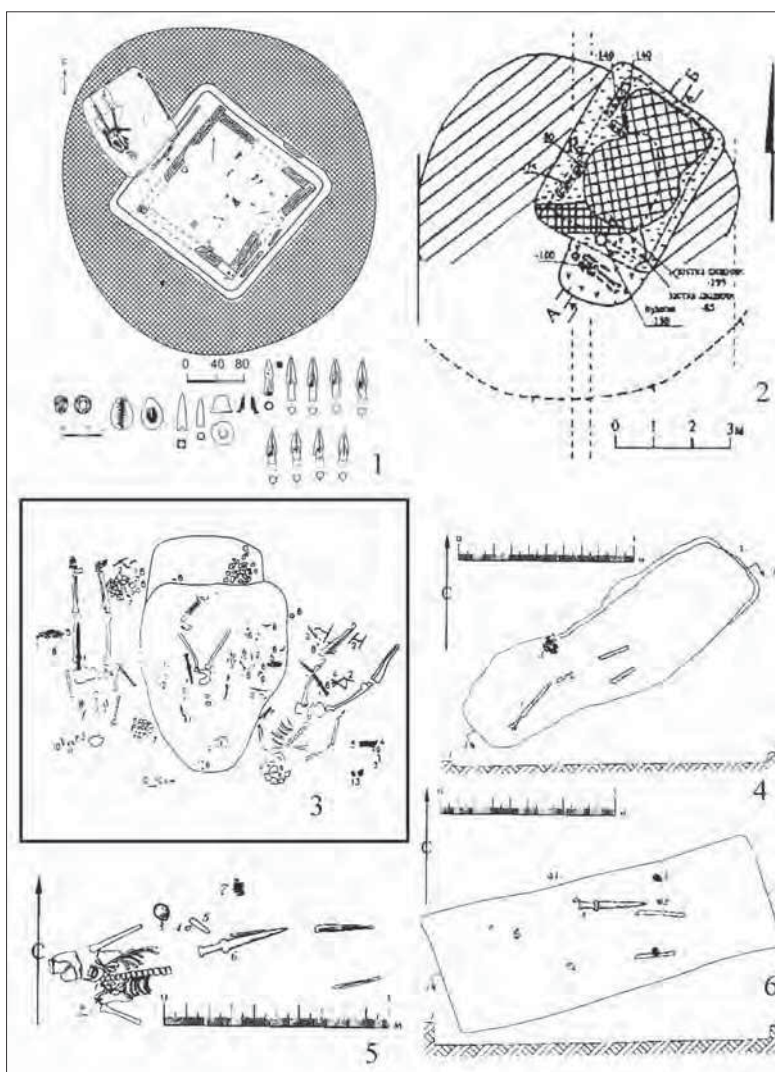

Рис. 3. Комплексы последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы. 1 – Нартан 2, кург. 6; 2 – Skorobor, кург. 1/2013; 3 – Syintas 1, кург. 1; 4 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, пог. 1; 5 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, пог. 26; 6 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, пог. 4 (по: Kerefov, Karmov 2009; Shramko, Zadnikov 2014; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015).

Fig. 3. Complexes of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the South Eastern Europe. 1 – Nartan 2, burial mound 6; 2 – Skorobor, burial mound 1/2013; 3 – Syintas 1, burial mound 1; 4 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 1; 5 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 26; 6 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 4 (by Kerefov, Karmov 2009; Shramko, Zadnikov 2014; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015).

А.Ю. Алексеев, учитывая данные В.П. Копылова, отмечает отсутствие комплексов первой группы на Нижнем Дону [Koryulov 2002, 16; Alekseev 2003, 203]. Однако, опубликованные

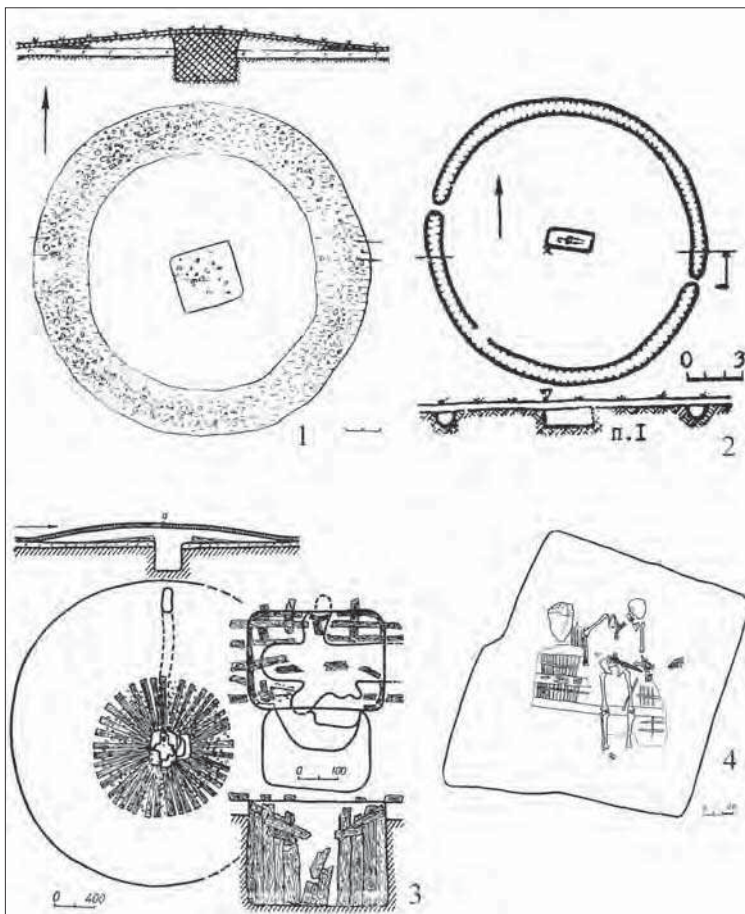

Рис. 4. Погребения последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. Северного Причерноморья. 1 – Башмачка, 14/1; 2 – Кубей, кург. 2/3; 3 – Подгороднее, кург. 7; 4 – Новокиевка (по: Murzin 1984; Subbotin *et al.* 1992).

Fig. 4. Burials of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the Northern Black Sea region. 1 – Bashmachka, 14/1; 2 – Kubey, burial mound 2/3; 3 – Podgorodnee, burial mound 7; 4 – Novokievka; (by Murzin 1984; Subbotin *et al.* 1992).

недавно захоронения грунтового могильника Крест и Дугино X¹¹ заполняют данную лакуну [Prokof'ev 2014, 79, 171, 197, 203]. Интересно, что данные погребения впущены в дюну в дельте Дона, что аналогично могильнику вблизи устья Сулы у с. Чутовка [Grechko, Sherstiuk, Shcherban 2016]. Данное явление, вероятно, связано с одними и теми же этнокультурными процессами. Данные нижнедонские комплексы возникли до появления Елизаветовского городища и его курганного могильника. Учитывая наличие еще захоронения в Ливенцовке IV [Maksimenko 1983,

194, рис. 10,8], данный регион не уступает по количеству погребений данного времени Северному Причерноморью. Можно предполагать, что не стоит искать истоки погребальной традиции Елизаветовского могильника в Лесостепи [Korylov 2002, 16], а можно говорить об его образовании при переходе групп населения, которые проникли в Нижнее Подонье в последней четверти VI в. до н.э. с Северного Кавказа и Прикубанья, ко второй стадии кочевания. Аналогичная ситуация наблюдается для всей территории юга Восточной Европы.

Интересно погребение в кургане 1/2013 Скоробора с человеческим дозахоронением, примыкающим к основной могиле (рис. 3) [Shramko, Zadnikov 2014]. Комплекс находит очень близкие аналогии в кург. 6 могильника Нартан-2. Авторы раскопок предполагают также практически одновременное создание комплекса [Kerefov, Karmov 2009, 10–11. 17–18]. Колчаный набор указывает на датировку не позднее конца VI в. до н.э. (рис. 3,1).

Интерес вызывает серия захоронений начала среднескифского времени в зольниках поселения раннескифского времени Пожарная Балка. По мнению В.П. Андриенко, в зольники раннескифского времени были впущены более поздние захоронения [Andrienko 1983, 10].

Под насыпями с погребениями не найдены хозяйственные и жилые сооружения, поэтому нельзя исключать того, что данные курганы были насыпаны из культурного слоя поселения.

Рассмотренные погребения относятся к хронологическому горизонту, который следует за Опишлянкой и Витовой Могилой. Погребения Лесостепи переходного периода и начала ССК практически не отличаются. Выделяется лишь серия погребений, которая имеет параллели на Северном Кавказе (Днепровская группа, Медерово, Скоробор 1/2013). В Степи ситуация иная. Комплексы переходного времени (основные захоронения Шолохово, Великомихайловка и др.)

11. Погр. 49, погр. 1, 4, 22, 26 Южного участка раскопа 1.

не находят своего продолжения среди захоронений последней четверти VI – начала V вв. до н.э. В Крыму, в отличие от предшествующего времени, появляется представительная серия захоронений. Можно говорить о приходе новой группы кочевников с территории Северного Кавказа и, возможно, более восточных регионов.

В конце периода, в первой четверти V в. до н.э. (около 480 г. до н.э.) формируются новые могильники дружинного характера, как в Степи (Аджигол и Ковалевка в Побужье, Нимфейские курганы), так и Лесостепи (Журовка, Перещепино¹², Протопоповка, Коротич, Стеблев). Безусловно, что когда уже существовали могильники, во время перекочевки или при других обстоятельствах могли совершаться и впускные погребения. Время появления могильников можно соотнести с завершением военных действий скифов против соседей и переходом ко второй стадии кочевания.

Таким, образом, погребальный обряд населения Северного Причерноморья последней четверти VI – начала V вв. до н.э. лишь в Лесостепи связан с более древними традициями. В Степи в это время появляется достаточно представительная группа впускных захоронений, которая не связана с традициями переходного периода (вторая-третья четверти VI в. до н.э.). Погребальный обряд данных не однородных групп населения говорит об их формировании на частично местной основе под влиянием переселения новых кочевников преимущественно из районов Северного Кавказа и более восточных регионов. В данный период в Северном Причерноморье начинается процесс завершения формирования погребальной обрядности населения Классической Скифии V–IV вв. до н.э. Качественные изменения погребальных традиций и сложение всего их комплекса будет связано с переходом ко второй стадии кочевания по С.А. Плетневой в конце первой четверти V в. до н.э.

Материальная культура

Вооружение. *Наконечники стрел.* Рассматриваемая хронологическая группа наконечников стрел следует за комплексами из Опишлянки и Витовой Могины. Для данных погребений, которые можно датировать око-

ло 530–520 гг. до н.э., характерно уже полное отсутствие раннескифских типов наконечников стрел¹³, что было характерно для наборов переходного периода. Среди стрел все еще встречаются башневидные трехлопастные наконечники с выступающей втулкой и шипом и без нее со срезанными под тупым углом по отношению к втулке гранями. Большие распространение получают трехлопастные наконечники со скрытой втулкой вытянутых пропорций [Grachko 2016, 44–45].

Комплексы начала ССК (ранние комплексы первой хронологической группы по А.Ю. Алексееву) представлены несколькими достаточно репрезентативными комплексами (Дзюбина Могила, Владимировка, Вишневка, Скоробор 1/2013 (рис. 6,1–11), которые можно датировать двумя последними десятилетиями VI в. до н.э. [Alekseev 2003, 201; Shramko 2016]. В данный период начинают доминировать наборы с абсолютным преобладанием базисных трехлопастных (иногда и трехгранных) наконечников стрел нескольких вариантов (рис. 6,5–11), что в целом соответствует традиционным представлениям [Alekseev 2003, 158–159; Bruiako 2005, 239].

В наиболее ранних комплексах данной группы продолжают присутствовать в колчаных наборах двухлопастные наконечники стрел различных модификаций (рис. 6,1–4), появившиеся в переходный период, которые завершают традицию использования подобных стрел.

Трехлопастные наконечники стрел острой формы с короткой выступающей втулкой и шипом уменьшаются в размерах по сравнению с переходным периодом и в небольшом количестве встречаются в наборах последней четверти VI – начала V вв. до н.э. (рис. 6,6,13,15) [Lipavskii, Snytko 1990, 2–5].

Комплексы начала V в. до н.э. (Александровка Золотой Кургана) отличаются от более ранних появлением и распространением трехлопастных наконечников стрел стройных пропорций с короткой выступающей втулкой (рис. 6,13–15) [Kovaleva, Mukhopad 1982, 95, рис. 4,2; Meliukova 1964], которые будут массово распро-

12. В могильнике есть погребения раннескифского времени, не связанные генетически с некрополем ССК.

13. Единичные образцы будут встречаться вплоть до первых веков нашей эры в памятниках поздних скифов и сарматов.

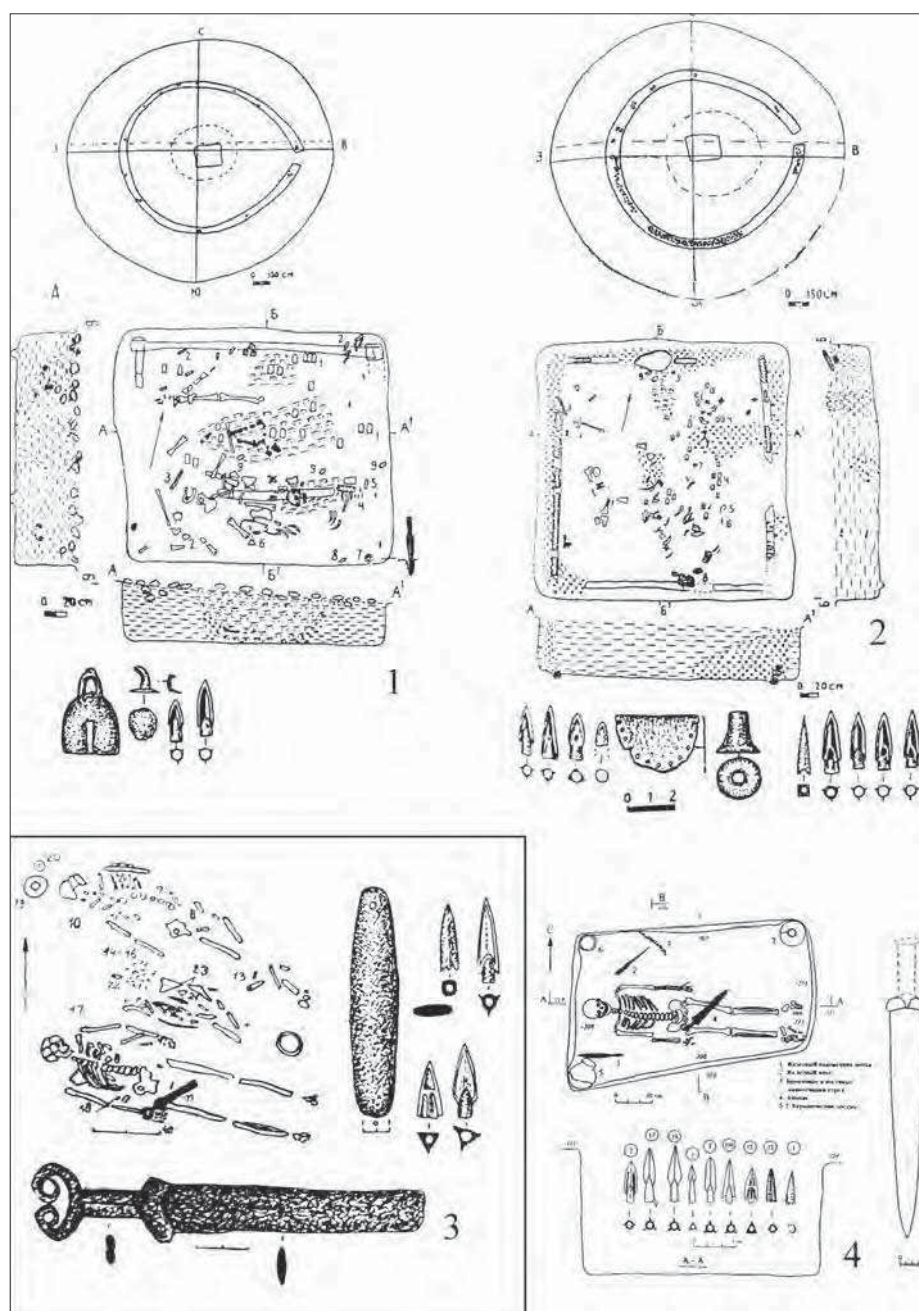

Рис. 5. Погребения последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. Предкавказья. 1 – Нальчик, кург; 2 – Нальчик, кург; 3 – Павлодольское (по: Prokopenko 2014).

Fig. 5. Burials of the last third of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the Northern Caucasus. 1 – Nalchik, burial mound; 2 – Nalchik, burial mound; 3 – Pavlodolskoe; 4 – Assinovskaya (by Prokopenko 2014).

странены в следующий период.

Одномоментное массовое появление базисных наконечников стрел в последней четверти VI в. до н.э. можно связывать с появлением новых групп кочевников и, вероятно, с началом деятельности бронзолитейных мастерских. Базисные стрелы со скрытой втулкой и высту-

пающими ниже края втулки лопастями хорошо известны в раннескифское время в Приаралье [Vishnevskaya 1973 tabl. XX,13]. Некоторые из мастерских, судя по большому количеству не заточенных наконечников и спектральному анализу металла, можно локализовать в Нижнем Побужье. Анализ наконечников из Верх-

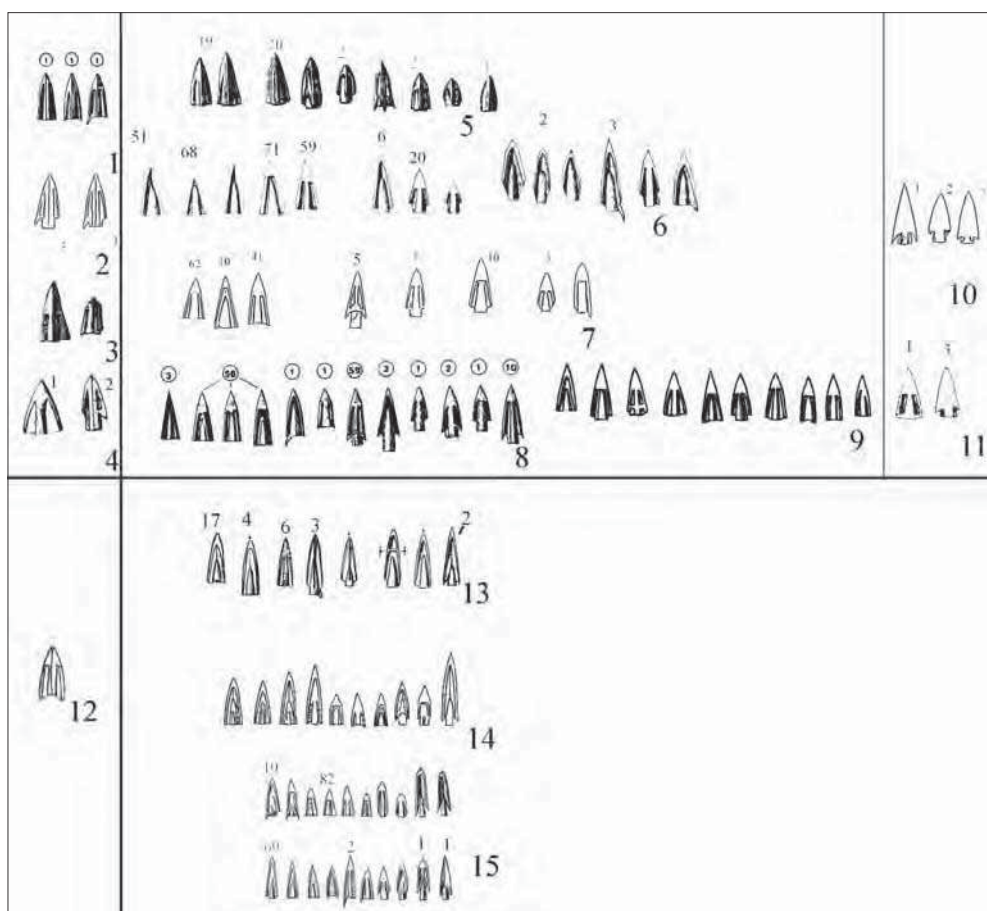

Рис. 6. Наконечники стрел последней четверти VI – первых двух десятилетий V вв. до н.э. Северного Причерноморья и Крыма. 1, 8 – Дзюбина Могила; 2, 7, 10 – Скоробор 1/2013; 3, 5 – Владимировка 2/16; 4, 6, 11 – Вишневка; 12, 14 – Золотой курган; 13 – Новокиевка; 15 – Александровка (по: Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Melyukova 1964; Koltuhov 1999; 2012; Alekseev 1991; Shramko 2016). Масштаб произвольный.

Fig. 6. Arrowheads of the last quarter of the 6th – the first two decades of the 5th cc. BC from the Northern Black Sea and Crimea. 1, 8 – Dzyubina Mogila; 2, 7, 10 – Skorobor 1/2013; 3, 5 – Vladimirovka 2/16; 4, 6, 11 – Vishnevka; 12, 14 – Zolotoy kurgan; 13 – Novokievka; 15 – Aleksandrovka (by Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Melyukova 1964; Koltuhov 2012; Alekseev 1991; Shramko 2016). Free scale.

ней Тарасовки, показал наличие сурьмы в качестве искусственной лигатуры. С.Я. Ольговский склоняется к мысли о массовом производстве базисных наконечников стрел в Ольвии заезжими мастерами-варварами, которые использовали Волго-Уральское сырье [Ol'govskii 2005, 92–94]. А.Д. Таиров допускает возможность переселения части кочевников из Северного Причерноморья не только на Средний и Нижний Дон, но и на Южный Урал, где они участвуют в сложении местной элиты в конце VI в. до н.э. Все это связывается с прекращением существования ананьинской культуры и как следствие прекращение поступления металла из данного региона. С другой стороны, в зависимость от кочевников попадает иткульское население, а ко-

чевники начинают обменные операции (включая металлы) по «торговому пути Геродота». Таким образом, кочевники Южного Зауралья становятся одними из основных поставщиков металла в Северное Причерноморье, что могло привести к притоку в данный регион кочевников с запада, которые желали контролировать, а, возможно, и оттеснить местных кочевников от управления иткульскими металлургами [Taіrov 2008, 32–33].

Все это позволяет согласиться с исследователями в том, что появление и возобладание базисных наконечников стрел приходится на последнюю четверть VI в. до н.э. Их доминирование продолжается и в первые два десятилетия следующего столетия.

Детали колчанов. Не используются крестовидные бляхи¹⁴. Достаточно широкое распространение получают полусферические конусы («конусы») (рис. 7). Первые конусы имеют полусферическую форму (тип I-1¹⁵) [Alekseev 2003, 214–215]. Наиболее ранние образцы найдены в древнейших среднескифских захоронениях середины – третьей четверти VI в. до н.э. (Райгород, кург. 2¹⁶, Витова Могила (рис. 7,5). Такие полусферы («конусы»), я вслед за А.Ю. Алексеевым, считаю маркерами материальной культуры новых групп кочевников. Подобные, преимущественно железные, полусферы найдены в комплексах последней четверти VI в. до н.э. Нартана¹⁷ [Batchaev 1985], Вишневецке (рис. 7,9) [Andrukh 1988], погр. 22 Южного участка раскопа 1 Дугино Х (рис. 7,4) [Prokofev 2014, 203, рис. 81, 40], могилы 1/1940 г. некрополя Гермонассы (рис. 7,6) [Gaidukevich 1959, 183, fig. 49], кург. 9 у с. Мачухи (рис. 7,8) [Kovpanenko 1970, 155]. В это время появляется и иной тип подобных изделий, которые, в отличие от вышеописанных, сделаны из золота – конусы с усеченной верхушкой (тип I-2) (Дзюбина Могила) (рис. 7,11) [Alekseev 1991]. Известны они и в начале следующего столетия (Александровка, Острая Томаковская Могила (рис. 7,10) [Alekseev 2003, 214–216].

Подобные изделия хорошо известны в Северном Китае (Синьцзян), на Алтае и Южном Приуралье (рис. 7,12–20). Крупные ворворки относятся к периоду Чуңьцю (770–475 гг. до н.э.). Основной период их бытования, по мнению П.И. Шульги, приходится на финал периода Чуңьцю примерно с 550 гг. до н.э. и начало Чжаньго (Воюющие государства,

Подобные изделия хорошо известны в Северном Китае (Синьцзян), на Алтае и Южном Приуралье (рис. 7,12–20). Крупные ворворки относятся к периоду Чуңьцю (770–475 гг. до н.э.). Основной период их бытования, по мнению П.И. Шульги, приходится на финал периода Чуңьцю примерно с 550 гг. до н.э. и начало Чжаньго (Воюющие государства,

14. Исключение представляет кург. 2 у с. Волковцы (1897 г.), где бляха переиспользована [П'инскайа 1968].

15. Типы тут и далее по А.Ю. Алексееву.

16. Являлся, вероятно, частью ножен.

17. Два железных изделия найдено в кург. 4 (рис. 7,1-2) и железное серебряной обкладкой - в кург. 8 (рис. 7,3).

Рис. 7. Ворворки VI – V вв. до н.э. Евразии. 1,2 – Нартан, кург. 4; 2 – Нартан, кург. 8; 3 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, погр. 26; 4 – Витова Могила; 6 – Гермонасса, погр. 1/1940 г.; 7 – Ольвия, погр. 1913/82; 8 – Мачухи, кург. 9; 9, 22 – Вишневецке; 10 – Острая Томаковская Могила; 11 – Дзюбина Могила; 12 – 15 – Алтай (Новотроицкое-2, Рогозиха-1); 16–20 – Синьцзян; 21 – Александровка; 23 – Купьеваха, кург. 24 (по: Shulga 2010; Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Ilinskaya, Terenozhkin, 1983; Alekseev 1991; Prokofev 2015; Skudnova 1988; Gaydukevich 1959; Kovpanenko 1970; Batchaev 1985; Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005; Shulga, Umanskiy, Mogilnikov 2009). Масштаб произвольный.

Fig. 7. Vorvorkai of the 6th – 5th centuries BC from the Eurasia. 1,2 – Nartan, burial mound 4; 2 – Nartan, burial mound 8; 3 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 26; 4 – Vitova Mogila; 6 – Hermonassa, burial 1/1940; 7 – Olbia, burial 1913/82; 8 – Machuhi, burial mound 9; 9, 22 – Vishnevka; 10 – Ostraya Tomakovskaya Mogila; 11 – Dzyubina Mogila; 12 – 15 – Altay; 16–20 – Sintszyan; 21 – Aleksandrovka; 23 – Kupevaha, burial mound 24 (by Shulga 2010; Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Melyukova 1964; Ilinskaya, Terenozhkin 1983; Alekseev 1991; Shramko 2016; Prokofiev 2015; Skudnova 1988; Gaydukevich 1959; Kovpanenko 1970; Batchaev 1985). Free scale.

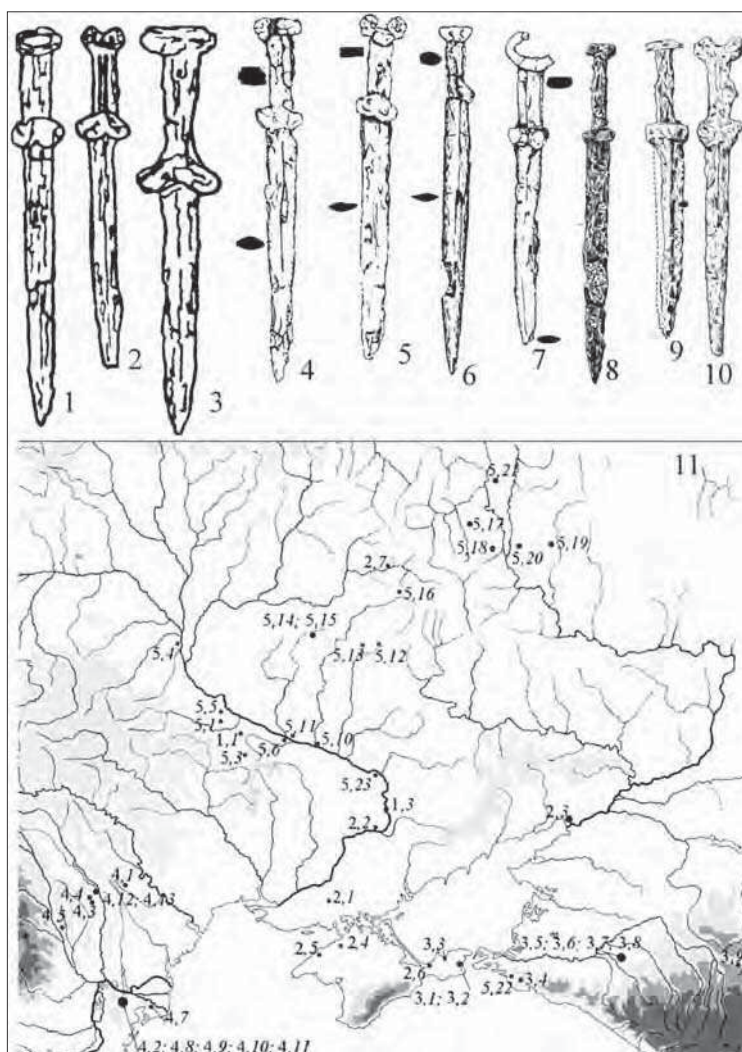

Рис. 8. Мечи и кинжалы последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы. 1-3 – Сынтас I, кург. 1; 4 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, погр. 26; 5 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, погр. 1; 6 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, погр. 22; 7 – «Дугино Х», южный участок раскопа 1, погр. 4; 8 – Тли, погр. 298; 9 – Тли, погр. 205; 10 – Тли, погр. 139; 11 – находки мечей и кинжалов с сегментовидным, трапециевидным и овальным перекрестьем (по: Babenko, Shelehan 2015; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015; Tehov 1980). Масштаб произвольный.

Fig. 8. Swords and daggers of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the South Eastern Europe. 1-3 – Syntas I, burial mound 1; 4 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 26; 5 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 1; 6 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 22; 7 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 4; 8 – Tli, burial 298; 9 – Tli, burial 205; 10 – Tli, burial 139; 11 – findings of swords and daggers with segment-, trapezoidal, and oval crosshairs (by Babenko, Shelehan 2015; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015; Tekhov 1980). Free scale.

475–221 гг. до н.э.) [Shul’ga 2010, 102-103]. Конические ворворки широко использовались: в узде и поясах – мелкие изделия, а крупные – для подвешивания колчанов и горитов [Kubarev, Shul’ga 2007, 103, 108-109]. Происхождение данной категории изделий не связано с Северным Причерноморьем. Можно предполагать их восточное происхождение (Восточный Туркестан, Северный Китай и соседние регионы)¹⁸. Определенную роль в их распространении сыграли и кочевники Предкавказья.

В качестве деталей одежды и амуниции продолжают использоваться небольшие, по-прежнему преимущественно железные, ворворки конической формы (рис. 7, 21-23).

Мечи и детали ножен. Мечи и кинжалы данного периода достаточно разнообразны. Одними из наиболее распространенных типов мечей и кинжалов в это время являются изделия с брусковидным навершием и сегментовидным перекрестьем. Данному типу предметов была посвящена специальная работа А.В. Шелеханя и Л.И. Бабенко [Babenko, Shelehan’ 2015]. Иссле-

дователями были собраны все известные им подобные мечи и кинжалы. Предполагается их северопричерноморское происхождение. В целом, отмечается, что на протяжении второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. происходит развитие формы перекрестья, а раннескифские и среднескифские формы определенное время сосуществуют [Babenko, Shelehan’ 2015, 79]. Стоит остановиться на вопросах датировки и происхождения данного типа холодного оружия. Исследователи неверно датировали комплекс с паросским киликом из Прикубанья (Уляп, кург. 15, погр. 51), который должен

18. На пути решения данного вопроса стоит отсутствие четких датировок для находок из Северного Китая и Алтая. Подобная ситуация характерна для скифологии. Отсутствие надежных хронологических индикаторов на Востоке не позволяет уточнить происхождение многих инновационных категорий вещей и, даже, говорить о хронологической доминанте изделий из Европы.

датироваться не позднее середины VI в. до н.э. [Koshelenko, Malyshev, Ulitin 2010, 268]. Кроме того, не было обращено внимания на аналогичные изделия раннескифского времени из погр. 205 и 298 из могильника Тли на Северном Кавказе (рис. 8,8–9) [Tekhov 1980, 234, fig. 16,3, 239, fig. 20,4]. Вышеприведенные факты позволяют предполагать появление данных типов кинжалов в Предкавказье. Карта, составленная авторами, показывает путь распространения этих изделий из вышеуказанного региона через Прикубанье, Крым в Северное Причерноморье (рис. 8, 11).

Интерес привлекают мечи и кинжалы с сегментовидным перекрестьем, на рукоятках которых есть выгравированные изображения, в частности, изображения в фас головы хищника [Makhortykh, Ievlev 2001]. Данный элемент декора подчеркивает хронологическую близость подобных мечей и кинжалов комплексам с бронзовыми бляшками с близкими изображениями.

В одном из наиболее ранних комплексов ССК (Вишневка) найден кинжал с перекрестьем близким к почковидному и брусковидным навершием (рис. 9,2) [Andrukh 1988]. Близкой формы кинжал, но с антенновидным навершием, был обнаружен в погр. 1 южного участка раскопа 1 могильника Дугино X (рис. 8,5). В погр. 4 данного участка могильника был найден кинжал с перекрестьем близким по форме келермесскому, но с антенновидным навершием (рис. 8,7) [Prokof'ev 2015].

Несколько позднее, в конце VI – начале V в. до н.э., появляются и распространяются мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием (Александровка, Острая Томаковская Могила) (рис. 9,1,4). При этом, данные изделия, как и их ножны, украшены золотом с использованием скани, зерни и эмалей.

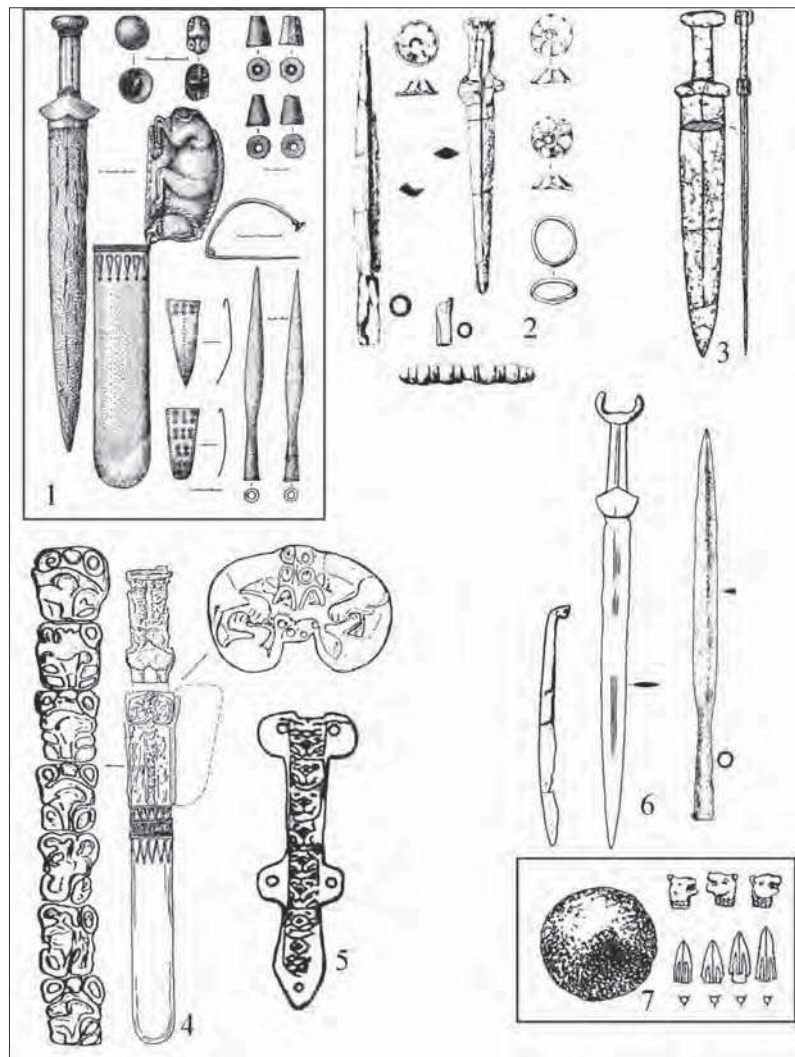

Рис. 9. Предметы вооружения и детали аммуниции последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы и аналогии. 1 – Александровка; 2 – Вишневка; 3 – Дальнее 8/1; 4 – Острая Томаковская Могила; 5 – Усть-Иштовка-1; 6 – Пыржолтены; 7 – Мачухи, кург. 9 (по: Koltuhov 2012; Kovaleva, Muhopad 1982; Andrukh 1988; Lapushnyan 1979; Ilinskaya, Terenozhkin 1983; Alekseev 1991; Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005). Масштаб произвольный.

Fig. 9. Weapons items and ammunition parts of the last quarter of 6th – the first quarter of 5th centuries BC from the South Eastern Europe and the analogies. 1 – Aleksandrovska; 2 – Vishnevka; 3 – Dalnee 8/1; 4 – Ostraya Tomakovskaya Mogila; 5 – Ust-Ishtovka; 6 – Pyirzholtenty; 7 – Machuhi, burial mound 9 (by Koltuhov 2012; Kovaleva, Muhopad 1982; Andrukh 1988; Lapushnyan 1979; Ilinskaya, Terenozhkin 1983; Alekseev 1991; Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005). Free scale.

Все многообразие форм мечей и кинжалов данного периода показывает, скорее всего, практически синхронный комплекс кург. 1 могиль-

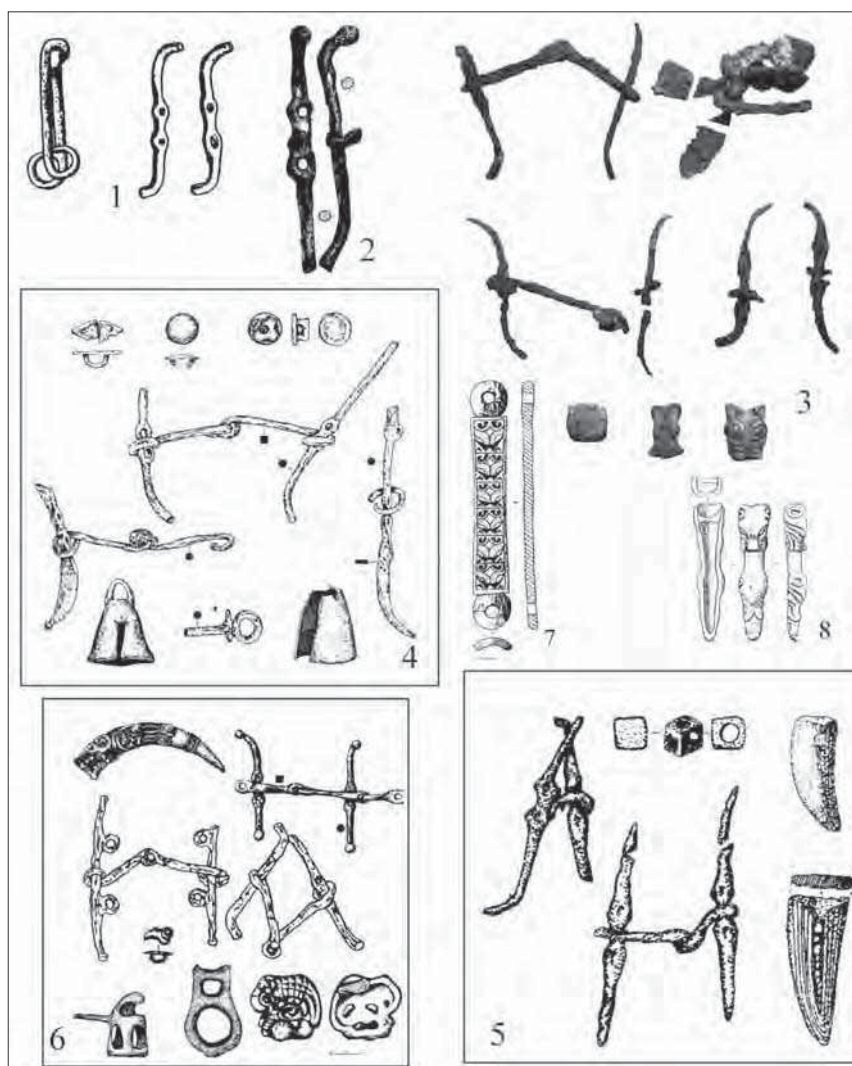

Рис. 10. Детали конской узды последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы и аналогии. 1 – Пыржолтены; 2 – Олефирищина, кург. 2; 3 – Скоробор, кург. 1/2013; 4 – Ульский курган 1/1898; 5 – Кривая Лука XVII, кург. 15; 6 – узда из комплексов Южного Приуралья (Сара, Сынтас 1); 7-8 – Алтай (по: Ochir-Goryaeva 2012; Kadyrbaev, Kurmankulov 1976; Lapushnyan 1979; Shramko, Zadnikov 2014; Ulskie kurgany 2015; Shulga, Umanskiy, Mogilnikov 2009). Масштаб произвольный.

Fig. 10. Details of the horse reins of the last quarter of the 6th – the first quarter of 5th centuries BC from the South Eastern Europe and the analogies. 1 - Pyirzholtenyi; 2 - Olefirschina, burial mound 2; 3 - Skorobor, burial mound 1/2013; 4 - Ul'skiy kurgan 1/1898; 5 - Krivaya Luka XVII, burial mound 15; 6 - rein from the South Urals complexes (Sara, Syintas 1) (by Ochir-Goryaeva 2012; Kadyrbaev, Kurmankulov 1976; Lapushnyan 1979; Shramko, Zadnikov 2014; Ulskie kurgany 2015). Free scale.

ника Сынтас 1 (рис. 8,1–3). Один из кинжалов имел почковидное перекрестье и кольцевидное навершие, второй – сердцевидное перекрестье, двуглавую рукоятку и антенновидное навершие, третий – сердцевидное перекрестье несколько иной формы и брусковидное навершие [Kadyrbaev, Kurmankulov 1984, 142].

Важно отметить наличие на юге Восточной Европы мечей с кольцевидным навершием (Золотой курган, антропоморфное изваяние

из Кировограда, случайная находка у Кисловодска), которые могут иметь восточные истоки (Монголия, Северный Китай, Алтай) [Alekshev 2003, 170].

В целом, данный период, судя по всему, связан с поиском оптимальной формы рукояти холодного оружия. Многообразие форм мечей и кинжалов юга Восточной Европы, вероятно, говорит о смешении традиций – местной раннескифского времени, и нескольких

привнесенных, среди которых северокавказский очаг металлообработки имел наиболее заметную роль.

К деталям мечей относятся обкладки ножен, плакированные золотом, эмалями, сканью и зернью (Золотой курган, Острая Томаковская Могила и Александровка) (рис. 9,1,4). Место производства их дискуссионно (см. подробнее [Alekseev 2003, 201]). Интересны аналогии декору ножен томаковского меча в виде столбика изображенных в анфас морд хищников в Приобье (погр. 10 могильника Усть-Иштовка-1) (рис. 9,5), отмеченный Ю.Б. Полидовичем [Polidovich 2014, 158].

В погребении во Владимировке в Северо-Западной Таврике, так же как и в Александровке, деталью амуниции, связанной с мечом, была бронзовая бляшка в виде головы кабана (рис. 11,2) [Koltukhov 2012, 228, fig. 68, 2]. Изображения кабана-вепря семантически связаны с мечом скифского Ареса [Polidovich 2014, 159].

Ажурная оловянная бутероль с изображениями лося и горного козла из Приднестровья (рис. 11,2) имеет параллели на Северном Кавказе [Il'inskaia, Terenozhkin 1983, 96].

Наконечники копий были найдены в восьми степных и трех лесостепных захоронениях. Железные наконечники имели как лавролистную, так и остролистную формы с нервюрой или без. Заметно уменьшение длины втулки по сравнению с раннескифскими изделиями. Копье в погребении у с. Надежда в Крыму было, вероятно, воткнуто в дно могилы [Polin, Koltukhov 2015, 163]. Данный элемент в большой степени скифского погребального обряда в раннескифское время неизвестен.

Доспех или его фрагменты найдены в шести степных комплексах. Наиболее полно он представлен в погребениях у Вишневки и Александровки [Andrukh 1988; Kovaleva, Mukhopad 1982]. Пластинчатый шлем, панцирь, набедренники и наголенники. Переделанный греческий шлем был найден у с. Надежда [Polin, Koltukhov 2014]. В захоронениях данного периода не найдено наконечников дротиков.

Узда. В данный период (I среднескифская группа/этап – последняя четверть VI – первая половина V вв. до н.э. по А.Д. Могилову) полностью возобладал новый тип узды [Mogilov 2008, 94–136].

Интересно полное отсутствие в северо-причерноморской Степи среди комплексов данного периода деталей узды, что, скорее всего, не случайно. В Лесостепи последними двумя десятилетиями VI в. до н.э. датируется кург. 1/2013 Скоробора (рис. 10,3) [Shramko, Zadnikov 2013]. Данный комплекс показывает, что в данный период используются исключительно железные кольчатые удила и железные двухдырчатые псалии с секировидными либо S-ной формы концами. Несколько более поздним является захоронение в кург. 2 у с. Олещина в Поворсклье, в котором на выкиде были найдены детали узды (сохранился железный двухдырчатый псалий с загнутыми в разные стороны концами) (рис. 10,2) [Kulatova, Lugovaia, Suprunenko 1993, 16].

К данному времени относятся железные псалии с одним загнутым концом и S-ной формы из коллективного погребения 2 кург. 15 могильника Кривая Лука XVII в Нижнем Поволжье (рис. 10,5) [Ochir-Goriaeva 2012, 194], которые находят аналогии в Ульских курганах [Ul'skie kurgany 2015].

В последней четверти VI в. до н.э. (Ульский кург. 1898/2) продолжают встречаться железные двухдырчатые псалии с изогнутыми пластинами-лопастями (рис. 10,4). Появляются изделия с одним загнутым концом [Ul'skie kurgany 2015]. Данные изделия отличаются от более поздних Г-образных псалиев (угол близок прямому) углом загиба одного из концов. Подобные детали узды в Северном Причерноморье и Лесостепи не найдены¹⁹, а во второй четверти V в. до н.э. распространяются Г-образные псалии.

Железные двухдырчатые псалии с изогнутыми пластинами-лопастями в это время трансформируются в секировидные изделия (S-видные с расплюснутыми концами), которые характерны для комплексов именно последних двух десятилетий VI – первой четверти V вв. до н.э. Данные псалии маркируют комплексы начала среднескифского времени (Скоробор 1/2013, Кулешовка, Медерово) и встречаются в древнейших захоронениях второй группы захоронений Классической Скифии по А.Ю. Алексею.

В Прикубанье известны также прямые псалии с головками орлов, одна из которых сильно

19. Известны в Нижнем Поволжье (Кривая Лука).

расклепана и имеет серповидную форму (рис. 10,4). В конце VI – начале V вв. до н.э. (1898/1) продолжают использоваться прямые псалии с головкой орла серповидной формы. Представлены бронзовые ромбовидные бляшки, которые получают распространение несколько позднее в Северном Причерноморье. В конце VI – первых десятилетиях V в. до н.э. в уздечке полностью исчезают пряжки-пронизки для перекрещивающихся ремней. На их смену приходит целая серия разнообразных бляшек, которые имеют параллели в более ранних комплексах Прикубанья (Ульские курганы 1909/1-2, 1982/10) [Ul'skie kurgany 2015].

Для комплексов последней четверти VI – самого начала V в. до н.э. характерны бронзовые и костяные бляшки с изображениями хищников в анфас, которые не имеют истоков в Северном Причерноморье (Острая Томаковская Могила, Скоробор) (рис. 9,4; 10,3). Данные изображения проанализированы Ю.Б. Полидовичем, хотя автор не высказывает своего мнения об истоках данной традиции [Polidovich 2008].

Еще одна яркая инновация данного периода в Северном Причерноморье – орнаментированные клыки и их имитации, имеет восточное происхождение и в качестве культурного влияния распространившегося из Южной Сибири, Тувы на запад (Korol'kova 2006, 123). Картографирование находок орнаментированных клыков и их имитаций позволяет проследить направление (на определенных отрезках и путь носителей?) данной традиции из Зауралья через Поволжье, Северный Кавказ, Крым в Северное Причерноморье [Korol'kova 2006, 226, табл. 59].

По сравнению с материальной культурой переходного периода (вторая-третья четверти VI в. до н.э.) можно отметить следующие изменения. В колчаных наборах абсолютно доминируют базисные трехлопастные наконечники стрел. Иной является изобразительная традиция, а типы изображений с крестовидных блях не используются. Происходит замена типов мечей и кинжалов, при этом изделия очень разнообразны. Узда нового типа полностью возобладала. Изменения можно связывать с влиянием традиций Северного Кавказа и Прикубанья

при определенном восточном влиянии.

Периодизацию памятников переходного периода и начала ССК можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Комплексы
Переходный период (560–540*): Аксай, Куцеволовка, Купьеваха к. 19, Тетюшино, Басовка к. 482, Нартан к. 5, Ольвия 1910/12, 1909/6, 1911/66, 1911/52, Таманский некрополь п.3 1931 г., Огородное п.5 к.9. (530–520): Витова Могила, Опишлянка, Гусарка, Скоробор к. 4, Купьеваха, к. 21
515–500: Ольвия 1912/48, 1913/87, 1913/91, Верхняя Тарасовка, Нартан к. 2, 3, 8, Приднепровка, Вишневка, Ольвия 1912/1, 1913/91, 1913/87, 1912/48, Скоробор 1/2013, 500-480: Золотой курган, Александровка, Новокиевка, курган №3 южного и курганы 1 и 3 северного некрополей у с. Прибугское, Острая Томаковская Могила, Купьеваха к. 17/1, 24.

* гг. до н.э.

Табл. 1. Возможный вариант периодизации памятников VI – начала V вв. до н.э.

Древняя Скифия с ее раннескифским материальным комплексом постепенно уступила место Классической в середине-второй половине VI в. до н.э. под влиянием новой группы кочевников, которая проникла с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Причерноморье. Данные коллективы не отличались однородностью и могли включать в свой состав как кочевников Предкавказья и Прикубанья раннескифского времени, так и новые группы номадов с более восточных областей. Миграция середины VI в. до н.э. была очередным перемещением групп населения с Северного Кавказа в Северное Причерноморье (катакомбная культура, памятники новочеркасского типа, раннескифское время). Данные группы нового населения не подчинили себе население Лесостепи, вероятно, в виду своей малочисленности и большей заинтересованностью походом в Центральную Европу [Grechko 2016].

Большее влияние на формирование материальной культуры Классической Скифии имели описанные выше традиции более многочисленных мигрантов последней четверти VI в. до н.э. с Северного Кавказа и, возможно, более вос-

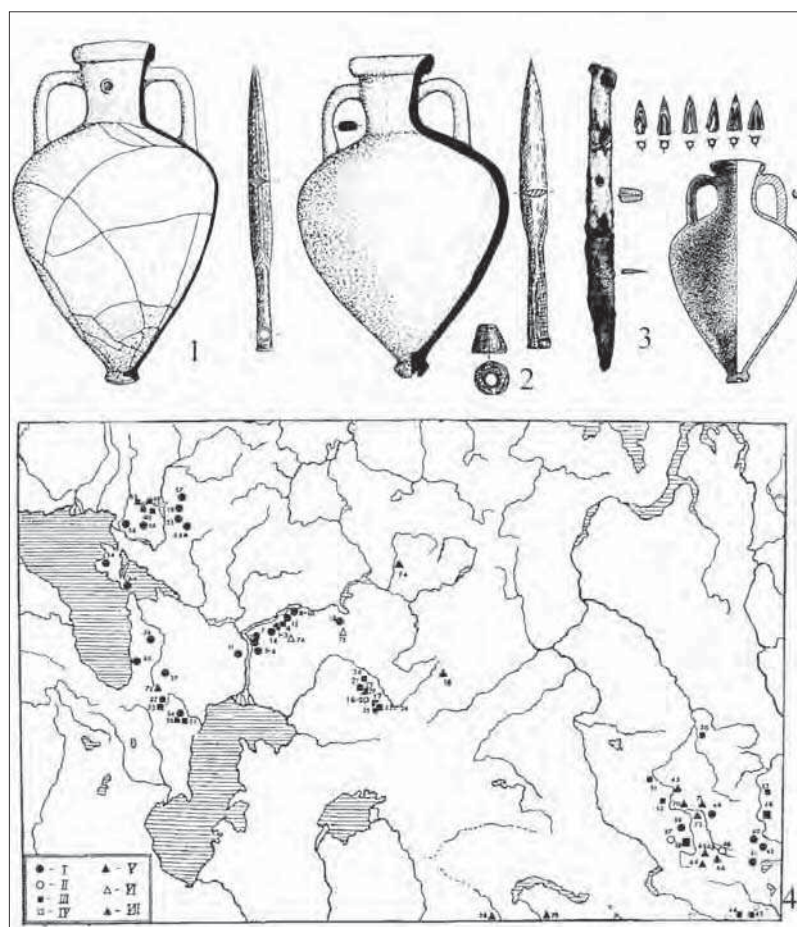

Рис. 12. Материалы последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы и карта распространения орнаментированных клыков. 1- Купьеваха, кург. 17/1; 2 – Купьеваха, кург. 24/1; 3 – Олэфирщина, кург. 2; 4 – находки орнаментированных клыков и их имитаций (по: Kulatova, Lugovaya, Suprunenko 1993; Boyko, Berestnev 2001; Berestnev, Boyko 2005; Korolkova 2006). Масштаб произвольный.

Fig. 12. Materials of the last quarter of 6th – the first quarter of 5th centuries BC from the South Eastern Europe and the map of distribution of ornamented canines. 1 – Kupievaha, burial mound 17/1; 2 – Kupievaha, burial mound 24/1; 3 – Olefirschina, burial mound 2; 4 – finds of ornamented canines and it imitations (by Kulatova, Lugovaya, Suprunenko 1993; Boyko, Berestnev 2001; Berestnev, Boyko 2005; Korolkova 2006). Free scale.

сто с угловыми столбами, погребения на уровне древнего горизонта под деревянными настилами), как минимум, не противоречат данному предположению.

Путь кочевников из Предкавказья и Прикубанья в Северное Причерноморье проходил через Таврику. На Таманском полуострове зафиксированы следы разрушений последней четверти

VI – начале V вв. до н.э. в Патрее, Торики, Фанагории (см. подробнее [Zavoikin 2010, 24]).

Пожары и, как следствие, возведение оборонительных сооружений фиксируются на нескольких античных памятниках Керченского полуострова (Мирмекий, Порфмий, Пантикапей, Тиритака) (подробнее см. [Alekseev 2003, 165, Zavoikin 2010, 25, 53-54, сноска 71]). Появление скифских захоронений данного периода вблизи Феодосии (Надежда и др.) исследователи считают не случайным [Polin, Koltukhov 2015, 170].

С.Г. Колтухов связывает захоронения в Золотом Кургане и Острой Томаковской Могиле с предводителями крупных формирований скифской орды, которая заселила Северное Причерноморье на рубеже VI/V вв. до н.э. Исходные районы миграции исследователь не определяет, но отмечает,

что данные мигранты начали сразу оказывать сильное влияние на греческие апойкии Крыма [Koltukhov 1999, 17].

В Лесостепи, вопреки существующему мнению, следов погромов этого времени не зафиксировано и большинство поселений непрерывно существуют до конца первой трети V в. до н.э. На данный момент не совсем ясно, когда произошло массовое строительство укреплений в Днепровском лесостепном Левобережье – в середине-третьей четверти (в связи с появлением носителей крестовидных блях) либо в последней четверти VI – начале V в. до н.э. (общая дестабилизация ситуации в Северном Причерноморье при переходе скифов ко второй стадии кочевания и покорении или установлении даннических отношений с населением Лесостепи и греками). В Лесостепи погребения кочевников данного времени единичны. Стоит отметить, что негативных изменений в жизни лесостепного населения не происходит. Наоборот, фиксируется расцвет поселенческой структуры и обмена с антич-

ными городами Северного Причерноморья. Скифы, пришедшие в регион в это время, продолжают использовать земли вдоль Днепра (террасовую Лесостепь, районы), контролировали перекопский перешеек и, вероятно, начинают борьбу за господство в регионе.

Возможно, во второй половине VI – начале V в. до н.э. скифы²¹ были сконцентрированы на походе на Балканы [Herod. VI, 40, 84]. Так, в Добрудже в начале V в. до н.э. прекращает свое функционирование поселение Тариверде, а в Истрии фиксируются достаточно масштабные разрушения, которые П. Александреску связывает со скифским походом вдоль черноморского побережья Балкан около 500 г. до н.э., либо в начале V в. до н.э. [Alexandrescu 1988, 288-289].

Можно предполагать и перемещения разного характера кочевников с запада на восток. Есть аргументы говорящие в пользу того, что в это время номады Предкавказья продвинулись, кроме Северного Причерноморья, и в Южное Приуралье, где появляется несколько воинских могильников (см. подробнее о дискусии [Alekseev 2003, 190].

Ситуацию последней четверти VI – начала V вв. до н.э. можно условно соотнести с первой стадией кочевания номадов, периодом нашествия по С.А. Плетневой [Pletneva 1982, 14, 17]. В нашем случае, новые группы населения были достаточно аморфными и, скорее всего, разнородными. Погребальный обряд нестабилен, а немногочисленные погребения маркируют перемещения кочевников. С данной стадией кочевания Б.Н. Мозолевский соотносил развитие сообществ кочевников в Северном Причерноморье на протяжении VII–VI вв. до н.э. [Mozolevskii 1990, 25]. Мы присоединяемся к мнению исследователей, что проникновение кочевников в раннескифское время в Лесостепь носило иной характер (см. подробнее [Alekseev 2003, 192-193]), а характеристики первой стадии кочевания (захват и начало освоения новых территорий) по С.А. Плетневой применимы к новым группам населения, которые в последней четверти VI в. до н.э. принесли новые элементы материального

комплекса и являются основателями Классической Скифии. Данная стадия продолжалась до первой четверти следующего столетия (80-е годы V в. до н.э.) и завершается ограничением территории кочевания и началом функционирования постоянных некрополей. При этом, стоит отметить, что массовое проникновение нового населения фиксируется в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. Процесс перехода ко второй стадии кочевания составил менее полувека, что находит параллели в освоении Северного Причерноморья кочевниками средневековья (печенег, половцы) [Polin 1992, 118-119].

Данный период заканчивается дестабилизацией обстановки – угасание поселенческой структуры Лесостепи, сокращение хор античных городов-государств. Появляется большое количество новых могильников с основными захоронениями (вторая группа погребений по А.Ю. Алексееву). В основе активного заселения степей юга Восточной Европы А.Д. Таиров справедливо считает изменение климатических условий, которые стали более благоприятны для ведения кочевого хозяйства в степи [Tairov 2008, 161].

В целом, на сегодня получается картина миграций кочевников с востока через Предкавказье в Северное Причерноморье в VII–VI вв. до н.э. (не менее трех случаев) близкая ситуации в раннем средневековье²². Античные письменные источники, в отличие от византийских, вероятно, не оставили нам имен нескольких племенных объединений, которые перемещались по «пульсирующей степи». Мы можем лишь предполагать, что кроме киммерийцев и скифов, среди номадов могли быть, например, меланхлены, которые упоминаются Гекатеем, Скилаком [Peripl. 79], Помпонию Мелой [I, 110; II, 14] и другими авторами рядом с колхами. И.В. Куikliна допускает, что они могли продвинуться с Кавказа в бассейн Северского Донца [Kuklina 1985, 98].

Таким образом, есть основания полагать, что становление Классической Скифии активно проходило в последней четверти VI – начале V

21. Вероятно, сперва их численность была недостаточной для проведения военных акций как в Средней Европе, так и в Лесостепи.

22. Интересным является отмеченный С.В. Полиным факт, что кочевники, которые проходили через Северное Причерноморье транзитом, оставляли немногочисленные, но яркие следы, в основном, на Кавказе и в Карпатской котловине [Polin 1992, 118].

вв. до н.э. в связи с перекочевкой новой группы кочевников (скифов) из Предкавказья. Данный период завершается покорением лесостепного

населения и установлением даннических отношений с эллинами и созданием т.н. Великой Скифии в конце первой четверти V в. до н.э.

Библиография

- Alexandrescu 1988:** P. Alexandrescu, Geten, Skythen und chora von Histria in archaischer Zeit. In: Mestnye etnopoliticheskie ob"edineniia Prichernomor'ia VII–IV vv. do n.e. (Tbilisi 1988), 281–294 // P. Alexandrescu, Geten, Skythen und chora von Histria in archaischer Zeit. В сб.: Местные этнополитические объединения Причерноморья VII–IV вв. до н.э. (Тбилиси 1988), 281–294.
- Alekseev 1991:** A.Iu. Alekseev, Khronologii i khronografiia Prichernomorskoï Skifii v V v. do n.e. ASGE 31, 43–57 // А.Ю. Алексеев, Хронология и хронография Причерноморской Скифии в V в. до н. э. АСГЭ 31, 43–57.
- Alekseev 2003:** A.Iu. Alekseev, Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vekov do n.e. (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).
- Andrienko 1983:** V.P. Andrienko Otchet o raskopkakh arheologicheskoi ekspeditsii Donetskogo gosudarstvennogo universiteta u s. Pozharnaia Balka v 1983 godu. NA IA NANU. Inv. nr. 1983/51 (Doneck 1983) // В.П. Андриенко Отчет о раскопках археологической экспедиции Донецкого государственного университета у с. Пожарная Балка в 1983 году. НА ИА НАНУ. Инв. ном. 1983/51 (Донецк 1983).
- Andrukh 1988:** S.I. Andrukh, Pogrebenie ranneskifskogo voïna v Prisivash'e. SA 1, 159–170 // С.И. Андрух, Погребение раннескифского воина в Присивашье. СА 1, 159–170.
- Babenko, Shelekhan 2015:** L.I. Babenko, O.V. Shelekhan, Kindzhali z segmentopodibnim perehrestyiam u zibranni Kharkivs'kogo istorichnogo muzeiu. Arkheologii, 4, 68–82 // Л.И. Бабенко, О.В. Шелехань, Кинджали з сегментоподібним перехрест'ям у зібранні Харківського історичного музею. Археологія, 4, 68–82.
- Batchaev 1985:** V.M. Batchaev, Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. In: Arheologicheskie issledovaniya na novostroykah Kabardino-Balkarii, 2 (Nalchik 1985), 7–115 // В.М. Батчаев, Древности предскифского и скифского периодов. В сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, 2 (Нальчик, 1985), 7–115.
- Berestnev, Boiko 2005:** S.I. Berestnev, Iu.N. Boiko, Novye issledovaniia kurgannogo mogil'nika u s. Kup'evakha (Khar'kov 2005). Preprint // С.И. Берестнев, Ю.Н. Бойко, Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха (Харьков 2005). Препринт.
- Bobrinskii 1904:** A.A. Bobrinskii Otchet o raskopkakh v Chigirinskom uезде Kievskoy gubernii v 1903 godu. IAK, 14, 1–43 // А.А. Бобринский, Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1903 году. ИАК, 14, 1–43.
- Boiko, Berestnev 2001:** Yu.N. Boiko, S.I. Berestnev, Pogrebeniia VII–III vv. do n.e. kurgannogo mogil'nika u s. Kup'evakha (Vorsklinskii region skifskogo vremeni) (Khar'kov 2001) // Ю.Н. Бойко, С.И. Берестнев, Погребения VII–III вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени) (Харьков 2001).
- Bokii 1974:** N.M. Bokii, Skifskiy kurgan u sela Mederovo. SA 4, 264 – 271 // Н.М. Бокий, Скифский курган у села Медерово. СА, 4, 264 – 271.
- Bruiaiko 2005:** I.V. Bruiaiko, Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do R.K.) (Kishinev 2005) // И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.) (Кишинев 2005).
- Burkov, Maslov 2007:** S.B. Burkov, V.E. Maslov, Voïnskie pogrebeniia iz kurganov u stanitsy Assinovskoi. In: Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke (Moskva 2007), 295–320 // С.Б. Бурков, В.Е. Маслов, Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской. В сб.: Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке (Москва 2007), 295–320.
- Gaidukevich 1959:** V.F. Gaidukevich, Nekropoli некотorykh Bosporskikh gorodov. MIA 69, 178–180 // В.Ф. Гайдукевич, Некрополи некоторых Боспорских городов. МИА 69, 178–180.
- Grach 1999:** N.L. Grach, Nekropol' Nimfeia (Sankt-Petersburg 1999) // Н.Л. Грач Некрополь Нимфея (Санкт-Петербург 1999).
- Grechko 2012:** D.S. Grechko, O vozmozhnykh "prosvetakh" v "temnoe" vremia (VI v. do n.e.) skifskoi istorii. Stratum plus, 3, 75–106 // Д.С. Гречко, О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории. Stratum plus 3, 2012, 75–106.

- Grechko 2013:** D.S. Grechko, O pamiatnikakh kimmeriitsev i "ranneskifskoi" kul'ture. *Stratum plus* 3, 2013, 133–154 // Д.С. Гречко, О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре. *Stratum plus*, 3, 133–154.
- Grechko 2016:** D.S. Grechko, Ot Arkhaicheskoi Skifii k Klassicheskoi. *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini* 2, 33–60 // Д.С. Гречко, От Архаической Скифии к Классической. *Археология і давня історія України*, 2, 33–60.
- Grechko, Sherstiuk, Shcherban 2016:** D.S. Grechko, V.V. Sherstiuk, A.L. Shcherban, Gruntovii mogil'nik pochatku seredn'oskifs'kogo chasu v Posulli. In: (ed. O.B. Suprunenko) *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovia* (Kiev 2016), 117–124 // Д.С. Гречко, В.В. Шерстюк, А.Л. Щербань, Грунтовий могильник початку середньоскифського часу в Посуллі. В сб.: (отв. ред. О.Б. Супруненко) *Старожитності Лівобережного Подніпров'я* (Киев 2016), 117–124.
- Grigor'ev, Bashtovoi 1989:** V.P. Grigor'ev, A.N. Bashtovoi, Otchet o raskopkakh Levoberezhnogo otriada Cherkasskoi Lesostepnoi ekspeditsii v 1989 godu. *NA IA NANU. Inv. nr. 1989/134* (Cherkassy 1990) // В.П. Григорьев, А.Н. Баштовой, Отчет о раскопках Левобережного отряда Черкасской Лесостепной экспедиции в 1989 году. *НА ИА НАНУ. Инв. ном. 1989/134* (Черкасы 1989).
- Dubovskaia 1997:** O.R. Dubovskaia, Ob etnokulturnoi atributsii "novocherkasskikh" pogrebenii Severnogo Prichernomor'ia. *Arkheologicheskii al'manakh* 6, 181–217 // О.Р. Дубовская, Об этнокультурной атрибуции «новочеркаских» погребений Северного Причерноморья. *Археологический альманах* 6, 181–217.
- Zavoikin 2010:** A.A. Zavoikin, Arkhaicheskii, klassicheskii i ellinisticheskii periody (VI–II vv. do n.e.). In: (ed. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov) *Antichnoe nasledie Kubani 2* (Moskva 2010), 12–79 // А.А. Завойкин, Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.). В сб.: (отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов) *Античное наследие Кубани 2* (Москва 2010), 12–79.
- Il'inskaia 1968:** V.A. Il'inskaia, Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ia (Kiev 1968) // В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (Киев, 1968).
- Il'inskaia, Terenozhkin 1983:** V.A. Il'inskaia, A.I. Terenozhkin, Skifia VII–IV vv. do n.e. (Kiev 1983) // В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII–IV вв. до н.э. (Киев 1983).
- Itina, Iablonskii 1997:** M.A. Itina, L.T. Iablonskii, Saki Nizhnei Syrdari (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken) (Moskva 1997) // М.А. Итина, Л.Т. Яблонский, Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) (Москва 1997).
- Kadyrbaev, Kurmankulov 1976:** M.K. Kadyrbaev, Zh.K. Kurmankulov, Zakhoroneniia voinov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilel. In: *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* (Alma-Ata 1976), 137–156 // М.К. Кадырбаев, Ж.К. Курманкулов, Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. В сб.: *Прошлое Казахстана по археологическим источникам* (Алма-Ата 1976), 137–156.
- Kerefov, Karmov 2009:** B.M. Kerefov, T.M. Karmov, Nartan 2. Kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni (Nal'chik 2009) // Б.М. Керефов, Т.М. Кармов, Нартан 2. Курганный могильник скифского времени (Нальчик. 2009).
- Kovaleva, Mukhopad 1982:** I.F. Kovaleva, S.E. Mukhopad, Skifskoe pogrebenie kontsa VI – V vv. do n.e. u s. Aleksandrovka. In: (ed. A.I. Terenozhkin). *Drevnosti stepnoi Skifii* (Kiev 1982), 91–102 // И.Ф. Ковалева, С.Е. Мухопад, Скифское погребение конца VI – V вв. до н.э. у с. Александровка. В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) *Древности степной Скифии* (Киев 1982), 91–102.
- Kovpanenko 1970:** G.T. Kovpanenko, Kurgani poblizu s. Machukhi na Poltavshini (za materialami M.Ia. Rudinskogo). *Arkheologiya XXIV*, 146–169 // Г.Т. Ковпаненко, Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині (за матеріалами М.Я. Рудинського). *Археологія*, XXIV, 146–169.
- Koltukhov 1999:** S.G. Koltukhov, "Zolotoi" Simferopol'skii kurgan. *KhS*, 10, 7–20 // С.Г. Колтухов, «Золотой» Симферопольский курган. *ХС* 10, 1999, 7–20.
- Koltukhov 2012:** S.G. Koltukhov, Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamiatniki). *Arkheologicheskii al'manakh* 27 (Donetsk 2012) // С.Г. Колтухов, Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники). *Археологический альманах* 27 (Донецк 2012), 268 с.
- Koltukhov 2012a:** S.G. Koltukhov, Skify Krymskogo Prisivash'ia v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamiatniki. *Landshaftno-istoricheskoe raionirovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Kryma. Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma 10* (Simferopol' 2012) // С.Г. Колтухов, Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники. *Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Материалы к археологической карте Крыма 10* (Симферополь 2012).
- Kopylov 2002:** V.P. Kopylov, Nizhnii Don i Bospor Kimmeriyskii v tret'ei chetverti VII – pervoi polovine III v. do n.e. *IV Donskie arkheologicheskie chteniia* (Rostov-na-Donu 2002), 15–18 // В.П. Копылов, Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой половине III в. до н.э. *IV Донские археологические чтения* (Ростов-на-Дону 2002), 15–18.

- Korol'kova 2006:** E.F. Korol'kova *Zverinyi stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinaladzhnosti* (Moskva 2006) // Е.Ф. Королькова, Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности (Москва 2006).
- Koshelenko, Malyshev, Ulitin 2010:** G.A. Koshelenko, A.A. Malyshev, V.V. Ulitin, *Torgovlia*. In: (ed. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov) *Antichnoe nasledie Kubani 2* (Moskva 2010) // Г.А. Кошеленко, А.А. Малышев, В.В. Улитин, Торговля. В сб.: (отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов) *Античное наследие Кубани* (Москва 2010), 2.
- Kubarev, Shul'ga 2007:** V.D. Kubarev, P.I. Shul'ga, *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* (Barnaul 2007) // В.Д. Кубарев, П.И. Шульга, Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) (Барнаул 2007).
- Kuklina 1985: I.V. Kuklina, *Etnogeografia Skifii po antichnym istochnikam* (Leningrad 1985) // И.В. Куклина, Этногеография Скифии по античным источникам (Ленинград 1985).
- Kulatova, Lugovaia, Suprunenko 1993:** I.N. Kulatova, L.N. Lugovaia, A.B. Suprunenko, *Kurgany skifskogo vremeni mezhdu rech'ia Vorskly i Psla (Poltava–Moskva 1993)* // И.Н. Кулатова, Л.Н. Луговая, А.Б. Супруненко, Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла (Полтава–Москва 1993).
- Lipavskii, Snytko 1990:** S.A. Lipavskii, I.A. Snytko, *Kurgany ranneantichnogo vremeni v urochische Chertovatoe i nekotorye problemy naseleniia ol'viiskoi khory. Materialy po arkheologii Olvii i ee okrug* (Kiev 1990). Preprint, 1–7 // С.А. Липавский, И.А. Снытко. Курганы раннеантичного времени в урочище Чертоватое и некоторые проблемы населения ольвийской хоры. Материалы по археологии Ольвии и ее окружи (Киев 1990). Препринт, 1–7.
- Lapushnian 1979:** V.L. Lapushnian, *Rannie frakiitsy X – nachala IV vv. do n.e. lesostepnoi Moldavii* (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
- Maksimenko 1983:** V.E. Maksimenko, *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Rostov-na-Donu 1983)* // В.Е. Максименко, Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (Ростов-на-Дону 1983).
- Makhortykh, Ievlev 2001:** S.V. Makhortykh, S.M. Ievlev, *Skifskie mechi i kinzhaly iz sobraniia Natsional'nogo muzeia istorii Ukrainy*. In: *Drevnosti Severskogo Donetsa* (Lugansk 2001), 100–107 // С.В. Махортых, С.М. Иевлев, Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины. В сб.: *Древности Северского Донца* (Луганск 2001), 100–107.
- Meliukova 1964:** A.I. Meliukova, *Vooruzhenie skifov. SAI D 1–4* (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ, Д 1–4. (Москва 1964).
- Mogilov 2008:** O.D. Mogilov *Sporyadzhennia konia skifskoi doby u lisostepu Shidnoi Evropy (Kiyiv-Kam'yanets-Podilskiy 2008)* // О.Д. Могилев Спорядження коня скифської доби у лісостепу Східної Європи (Київ-Кам'янець-Подільський 2008).
- Mozolevskiy 1990:** B.M. Mozolevskiy, *Kurgani vischoyi skifskoyi znati i problema politichnogo ustroiu Skifiyi*. *Arheologiya*, 1, 122–139 // Б.М. Мозолевський, Кургани вищої скифської знаті і проблема політичного устрою Скифії. *Археологія*, 1, 122–139.
- Murzin 1984:** V.Iu. Murzin, *Skifskaia arhaika Severnogo Prichernomor'ia* (Kiev 1984) // В.Ю. Мурзин, Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев 1984).
- Ol'govskii 2005:** S.Ia. Ol'govskii, *Skifo-antichnaia metalloobrabotka arkhaicheskogo vremeni* (Kiev 2005) // С.Я. Ольговский, Скифо-античная металлообработка архаического времени (Киев 2005).
- Ol'khovskii 1991:** V.S. Ol'khovskii, *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost' naseleniia stepnoi Skifi (VII–III vv. do n.e.)* (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.) (Москва 1991).
- Ochir-Goriaeva 2012:** M.A. Ochir-Goriaeva, *Drevnie vsadniki stepei Evrazii* (Moskva 2012) // Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии (Москва 2012).
- Pletneva 1982:** S.A. Pletneva *Kochevniki srednevekov'ia* (Moskva 1982) // С.А. Плетнева, Кочевники средневековья (Москва 1982).
- Polidovich 2008:** Iu.B. Polidovich, *Ob odnoi izobrazitelnoi traditsii v iskusstve narodov skifskogo mira. Nomady kazahskikh stepei: etnosotsiokul'turnye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoi epokhi* (Astana 2008), 39–59 // Ю.Б. Полидович, Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира. Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи (Астана 2008), 39–59.
- Polidovich 2014:** Iu.B. Polidovich, *Struktura i simvolika dekora nozhen mechei ranneskifskogo vremeni. Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A.I. Meliukovoi*

(s. Kagal'nik, 26-29 aprelia 2014 g.) (Rostov-na-Donu 2014), 290–309 // Ю.Б. Полидович, Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени. Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) (Ростов-на-Дону 2014), 290–309.

Polin 1987: S.V. Polin, Khronologiiia rann'oskifskikh pam'iatok. Arkheologiiia 59, 17–36 // С.В. Полин, Хронология ранньоскифських пам'яток. Археологія, 59, 17–36.

Polin 1992: S.V. Polin, Ot Skifii k Sarmatii (Kiev 1992) // С.В. Полин, От Скифии к Сарматии (Киев 1992).

Polin 2014: S.V. Polin, Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Kiev 2014) // С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).

Polin, Koltukhov 2014: S.V. Polin, S.G. Koltukhov, Skifskoe pogrebenie u s. Nadezhda v Krymu. Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A.I. Meliukovoi (s. Kagal'nik, 26-29 aprelia 2014 g.) (Rostov-na-Donu 2014), 310–329 // С.В. Полин, С.Г. Колтухов, Скифское погребение у с. Надежда в Крыму. Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) (Ростов-на-Дону 2014), 310–329.

Prokof'ev 2014: R.V. Prokof'ev, Raskopki u hutora Dugino v del'te Dona v 2009 godu (Rostov-na-Donu 2014) // Р.В. Прокофьев, Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году (Ростов-на-Дону 2014).

Prokopenko 2014: Iu.A. Prokopenko, Skify, sarmaty i plemena kobanskoi kultury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroi polovine I tys. do n.e. (Stavropol' 2014) // Ю.А. Прокопенко Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. (Ставрополь 2014).

Rostovtsev 1925: M.I. Rostovtsev, Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Leningrad 1925) // М.И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических (Ленинград 1925).

Riabkova 2003: T.V. Riabkova, Ranneskifskie pamyatniki Nizhnego Podon'ia i Prikuban'ia. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk (Sankt-Petersburg 2003) // Т.В. Рябкова, Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. (Санкт-Петербург 2003).

Riabkova 2010: T.V. Riabkova, Cheshuichatye pantsiri ranneskifskogo vremeni. ASGE, 38, 87–107 // Т.В. Рябкова, Чешуйчатые панцири раннескифского времени. АСГЭ, 38, 87–107.

Skoryi 2003: S.A. Skoryi, Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (problema vyideleniya iranskogo etnokulturnogo elementa) (Kiev 2003) // С.А. Скорый, Скифы в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).

Skudnova 1988: V.M. Skudnova, Arkhaicheskii nekropol' Ol'vii (Leningrad 1988) // В.М. Скуднова, Архаический некрополь Ольвии (Ленинград 1988).

Staviskii 1971: B.Ia. Staviskii, Sredniaia Aziya i Akhemenidskii Iran. In: Istoriia iranskogo gosudarstva i kul'tury (Moskva 1971), 155–163 // Б.Я. Ставиский, Средняя Азия и Ахеменидский Иран. В сб.: История иранского государства и культуры (Москва 1971), 155–163.

Subbotin et al. 1992: L.V. Subbotin, A.S. Ostroverkhov, S.B. Okhotnikov, E.F. Redina, Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Odessa 1992). Preprint // Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Одесса 1992). Препринт.

Shramko, Zadnikov 2014: Shramko I.B., Zadnikov S.A. Doslidzhennia Bil's'kogo gorodishcha u 2013 r. In: (ed. O.B. Suprunenko) Arkheologichni doslidzhennia Bil's'kogo gorodishcha-2013 (Kiiv-Kotelva 2014), 5–44 // I.B. Шрамко, С.А. Задников, Дослідження Більського городища у 2013 р. В сб: (отв. ред. О.Б. Супруненко) Археологічні дослідження Більського городища-2013 (Київ–Котельва 2014), 5–44.

Shramko 2016: I.B. Shramko, Kolchannyi nabor iz pogrebeniia kontsa VI v. do n.e. mogil'nika Skorobor. Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini 2, 270–279 // И.Б. Шрамко, Колчаный набор из погребения конца VI в. до н.э. могильника Скоробор. Археологія і давня історія України, 2, 270–279.

Shul'ga, Umanskii, Mogil'nikov 2009: P.I. Shul'ga, A.P. Umanskiy, V.A. Mogilnikov, Novotroitskii nekropol' (Barnaul 2009) // П.И. Шульга, А.П. Уманский, В.А. Могильников, Новотроицкий некрополь (Барнаул 2009).

Shul'ga 2010: P.I. Shul'ga, Sin'tsian v VIII–III vv. do n.e. (pogrebalnye kompleksy. Hronologiya i periodizatsiya) (Barnaul 2010) // П.И. Шульга Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация) (Барнаул 2010).

Tairov 2006: A.D. Tairov, Saki Priaral'ia v stepiakh Iuzhnogo Zaural'ia (po materialam mogil'nika Marovy Shliakh). In: Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Ufa 2006), 76–91 // А.Д. Таиров, Саки

Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях). В сб.: Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время (Уфа 2006), 76-91.

Tairov 2008: A.D. Tairov Ritmy stepnoi Evrazii: impul's VI v. do n.e. Nauka IuUrGU 1 (Cheliabinsk 2008), 160-164 // А.Д. Таиров, Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. Наука ЮУрГУ 1 (Челябинск 2008), 160-164.

Tekhov 1980: B.V. Tekhov, Skify i material'naia kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza v VII-VI vv. do n.e. (po materialam Tliyskogo mogilnika). In: (ed. A.I.Terenozhkin Skifiya i Kavkaz (Kiev 1980), 219-256 // Б.В. Техов, Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 219-256.

Tolstikov 2011: V.P. Tolstikov, K probleme "vzaimovliyaniia" ellinskoi i varvarskikh kul'tur na Bospore v VI-V vv. do n.e. Bosporskii fenomen (SPb 2011), 54-58 // В.П. Толстиков, К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварских культур на Боспоре в VI-V вв. до н.э. Боспорский феномен (СПб 2011), 54-58.

Ul'skie kurgany 2015: Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2 (Moskva-Berlin-Bordo 2015) // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2 (Москва-Берлин-Бордо 2015).

Umanskii, Shamshin, Shul'ga 2005: A.P. Umanskii, A.B. Shamshin, P.I. Shul'ga, Mogilnik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi (Barnaul 2005) // А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга, Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби (Барнаул 2005).

Vinogradov, Marchenko 1991: Iu.A. Vinogradov, K.K. Marchenko, Severnoe Prichernomor'e v skifskuiu epokhu. Opyt periodizatsii istorii. SA 1, 145-155 // Ю.А. Виноградов, К.К. Марченко, Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. СА 1, 145-155.

Vishnevskaiia 1973: O.A. Vishnevskaiia, Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII-V vv. do n.e. Po materialam Uigaraka. Tr. KhAEE VIII (Moskva 1973) // О.А. Вишневская, Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. /Труды ХАЭЭ VIII (Москва 1973).

Денис Гречко, канд. ист. наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: ukrspadshina@ukr.net

Александр Могилов

Мотив ног копытного животного на скифских уздечных бляхах

Keywords: Scythian, harness, animal style, plates, tumulus.

Cuvinte cheie: sciți, căpăstru, stil zoomorf, aplice, tumul.

Ключевые слова: скифы, узда, звериный стиль, бляхи, курган.

Oleksandr Mogyllov

The image of hoofed animals' legs on Scythian bridle plates

The article analyzes the bridle bronze plates depicting the legs of hoofed animals. Three motives are among them: 1 – the hind legs with a portion of rump, 2 – a single leg, 3 – the image of the hoof. The findings date back to the 5th-4th centuries BC. The earliest artifacts are executed in a quite realistic way, while in the 4th century BC, they become highly stylized.

Alexandr Mogilov

Motivul picioarelor de animale copitate pe aplicele de căpăstru scitice

În articolul de față se analizează aplicele de căpăstru din bronz cu reprezentări ale picioarelor de animale copitate. Printre ele se evidențiază trei motive: 1 – picioarele din spate cu o porțiune din crupă, 2 – piciorul redat separat, 3 – imaginea copitei. Descoperirile se încadrează cronologic în sec. V–IV a.Chr. Artefactele cele mai timpurii sunt executate destul de realist, în timp ce cele de secol IV a.Chr. devin deja puternic stilizate.

Александр Могилов

Мотив ног копытного животного на скифских уздечных бляхах

Статья посвящена анализу бронзовых уздечных блях с изображением ног копытного животного. Среди них выделяются три мотива: 1 – задние ноги с частью крупа, 2 – отдельная нога, 3 – копыто. Находки датируются V–IV вв. до н.э. Ранние изделия демонстрируют реалистичность, тогда как в IV вв. до н.э. происходит сильная их стилизация.

Изделия в зверином стиле входят в число наиболее узнаваемых предметов скифских типов. Наряду с вооружением и уздой, они являются культурно определяющими компонентами этого круга древностей, выделенными в «скифскую триаду». Весьма часто эти элементы сочетались, что проявилось, например, в предметах снаряжения коня, изготовленных в зооморфных традициях. Среди наиболее эффективных артефактов этого круга можно выделить уздечные бляхи в зверином стиле. Их ассортимент огромен [Mogilov 2008, 39-59]. Столь же велико и число представленных на них образов, включающих как все фигуры животных, так и их части, а также синтетические образы, объединяющие компоненты нескольких животных и разнообразные сцены взаимодействия существ. К числу наиболее любимых древним населением Северного Причерноморья образов принадлежали копытные животные. Чаше других изображали лошадь, оленя, лося, барана, козла, кабана. Как упоминалось, отнюдь не всегда отливалась вся

фигура, иногда изготавливались отдельные ее части. Среди таких изделий можно выделить бляхи, передающие ноги копытного. Безусловно, выбор этого элемента не был случаен. Ноги, символизирующие скорость этих животных, в представлениях племен скифского времени, могли передавать эти качества лошади, с такими бляхами в узде, а возможно – и ее хозяину. Кроме этого, великолепно выполненные изделия выступали прекрасными украшениями оголовья, одновременно выполняя и практические функции крепления перекрестия ремней узды, а иногда, возможно, выступая и налобниками¹.

Именно таким бляхам, передающим ноги крупных копытных животных (рис. 1), бытовавшим в V–IV вв. до н.э., и посвящена настоящая работа. Количественно они уступа-

1. Кроме этого, зафиксированы случаи использования зооморфных блях в качестве украшений панцирей, щитов, горитов, а возможно – и ножен меча [см. Mogilov, Didenko 2008, 99]. Но главным, безусловно, всегда было их использование в уборе коня.

ют другим однотипным изделиям, но по художественному исполнению занимают надлежащее место в бестиарии скифской культуры.

К достаточно редким образам относятся задние ноги и часть круп животного (рис. 1,1-3). Все они найдены на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. Впервые находка такого изделия (рис. 1,1) была сделана в конце XIX в., в кургане 3 в урочище Галушино у с. Пастырское, относящегося к V в. до н.э. [Drevnosti Pridneprov'ia 1899, tab. XX, 3206]. Массивная бляха имеет продольную петлю на обороте и передает задние ноги и круп животного. Образ реалистичен. Хорошо проработаны копыта. Над ними выступами передается, очевидно, сустав и шерсть, иногда выделяющаяся здесь у животных, или же – редуцированные пальцы парнокопытного. Еще один предмет (рис. 1,2) происходит из кургана 32 у с. Ольшанка (раскопки Н.М. Бокий, 1970 г.). Он заметно более стилизован. Внутри коленного изгиба помещена розетка с тремя лепестками. Впереди бедренного сустава изображена голова орлиноголового грифона. На ней ясно виден глаз, клюв, а также выступающее ухо. Копыта декорированы волнообразным орнаментом. Над ними обозначена шерсть. Часть еще одной такой бляхи (рис. 1,3) найдена в погребении 42 грунтового могильника в с. Заломы [Panchenko 2016, fig. 2,12]. Сохранилась пара копыт с крючковидными выступами сверху. Все указанные предметы относятся к V в. до н.э., а когда возможно более точное датирование, не выходят за пределы второй – четвертой четвертей этого столетия.

Каким же животным могли принадлежать рассматриваемые образы? Их массивность заставляет отдавать предпочтение крупным копытным животным: лошади, оленю, лосю, быку. Дальше, однако, атрибуция усложнена. В виду изображения копыт в фас, невозможно даже отнесение к парнокопытным или непарнокопытным. Мотив копыта хорошо известен уже с раннескифского времени. Наиболее часто он встречается на концах костяных псалиев или их навершиях [Mogilov 2008, fig. 40-54,56; 2011, fig. 4]. Причем, на этих деталях узды они сочетаются с головками не только

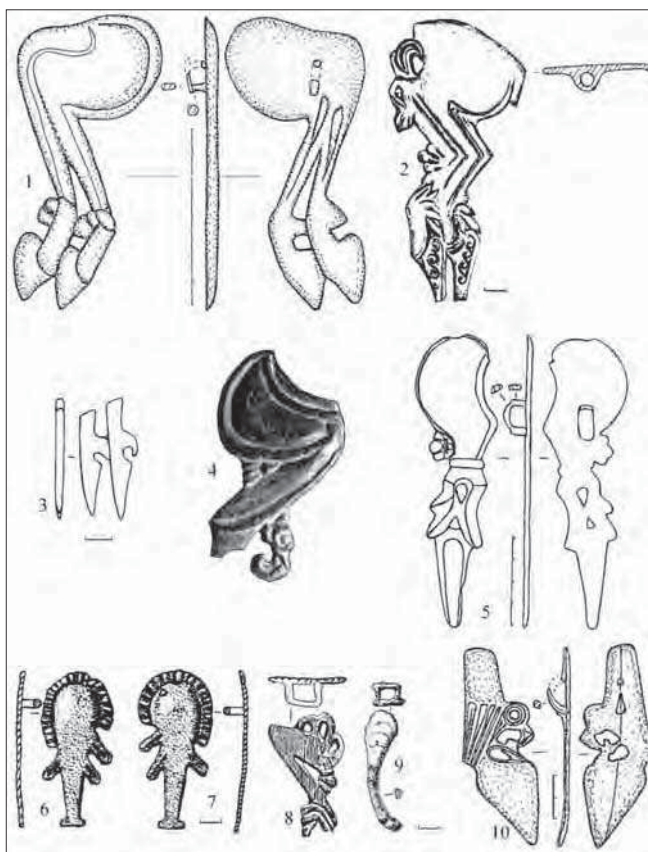

Рис. 1. Зооморфные бляхи скифского времени: 1- Пастырское, курган 3; 2- Ольшанка, курган 32 (по Н.М. Бокий); 3- Заломы, могила 42 (по Панченко 2016, рис. 2, 12); 4- Крым (по Скорый, Зимовец 2014, 92); 5- Турия, курган 459; 6,7- Вакулина Могила (по Клочко, Скорый 1991, рис. 5,7,8); 8- Мастюгино, курган 2/23 (по Пузикова 2001, рис. 32,11); 9- Петровка, курган 2 (по Братченко, Швецов, Дубовская 1989, рис. 3,16); 10- Пастырское, курган 2.

Fig. 1. The zoomorphic plaques of the Scythian time: 1- Pastyrskoe, barrow 3; 2- Ol'shanka, barrow 32 (after N.M. Bokii); 3- Zalomy, grave 42 (after Panchenko 2016, fig. 2, 12); 4- Krym (after Skoryi, Zimovets 2014, 92); 5- Turia, barrow 459; 6,7- Vakulina Mogila (after Klochko, Skoryi 1991, fig. 5,7,8); 8- Mastiugino, barrow 2/23 (after Puzikova 2001, fig. 32,11); 9- Petrovka, barrow 2 (after Bratchenko, Shvetsov, Dubovskaia 1989, fig. 3,16); 10- Pastyrskoe, barrow 2.

копытных животных: коня (наиболее часто), барана (и его производного – грифобарана), лося, но и с кошачьим хищником, а возможно – и с хищной птицей². С конской(?) головкой отлиты они на бронзовых двухпетельчатых псалиях из Шумейковского кургана [Drevnosti Pridneprov'ia 1900, tab. XL,333], имеющих как раннескифские, так и среднескифские черты.

2. В кургане 2 у с. Жаботин встречены отдельные части псалиев с головкой орла и копытом.

Рис. 2. Изделия в зверином стиле: 1- Костромской курган (по Ильинская, Тереножкин 1983, 71); 2- Келермесский могильник (по Артамонов 1966, табл. 50); 3- Журовка, курганы «Г» (по Артамонов 1966, табл. 76); 4- Золотоношский уезд/Шумейковский курган (по Ильинская 1968, рис. 22); 5,6- IV Семибратний курган (по Артамонов 1966, табл. 128; 130); 7- Нимфей, курган 17 (по Силантьева 1959, рис. 40, 3); 8- II Семибратний курган (по Ильинская, Тереножкин 1983, 223).

Fig. 2. The animal style wares: 1- Kostromskoi barrow (after Il'inskaia, Terenozhkin 1983, 71); 2- Kelermes burial ground (after Artamonov 1966, tab. 50); 3- Zhurovka, barrows «G» (after Artamonov 1966, tab. 76); 4- Zolotonosha district / Shumeiko barrow (after Il'inskaia 1968, fig. 22); 5,6- IV Semibratnyi barrow (after Artamonov 1966, tab. 128; 130); 7- Nimfei, barrow 17 (after Silant'eva 1959, fig. 40,3); 8- II Semibratnyi barrow (after Il'inskaia, Terenozhkin 1983, 223).

Известны достаточно схематичные изображения коней из Келермесского кургана [Galanina 1997, tab. 26,55,58]. Копыто с выступом на задней ноге, хорошо просматривается на знаменитой бляхе с изображением оленя из Костромского кургана (рис. 2,1) [Artamonov 1966, tab. 62], золотом наконечнике с фигурой оленя из Келермесского кургана (рис. 2,2) [Galanina 1997, tab. 5, 89]. Такую же черту видим на фигурке бычка (рис. 2,4) из Золотоношского уезда Полтавской губернии [Drevnosti Pridneprov'ia 1899, 28; 1900, tab. XLV, 330], приписанной к

Шумейковскому кургану [Il'inskaia 1968, рис. 22]. Кроме этого, следует отметить, что выступы на копытах известны и на раннескифских изображениях горного козла с повернутой головой [Kantorovich 2016, ris. 6,1b; 3].

В среднескифское время наиболее характерным образом крупного копытного животного становятся лось и олень. Мотив копыт с выступом сверху достаточно часто читается на многих из них. Он виден, в частности, на бронзовых уздечных бляхах (рис. 2,5-7) из IV Семибратнего кургана [Artamonov 1966, tab. 128, 130], насыпи 17 в Нимфее [Silant'eva 1959, ris. 40,3], на волюто-видной бляхе с фигуркой лося (рис. 2,3) из курганов «Г» у Журовки [Bobrinskoi 1905, ris. 67].

Рис. 3. Золотые обивки чаш: 1,2- I Завадская Могила (по Мозолевский 1980, рис. 44,6,9); 3- IV Испанова Могила (по Мозолевский 1980, рис. 83); 4- Ак Мечетский курган (по Артамонов 1966, табл. 73); 5- IV Семибратний курган (по Ильинская, Тереножкин 1983, 221); 6- Журовка, курган 401 (по Бобринской 1905, рис. 41); 7,8- Перещепинский могильник, курган 15 (по Мурзин и др. 1999, рис. 12,1,2).

Fig. 3. The golden upholstery of the bowls: 1,2- I Zavadskaia Mogila (after Mozolevskii 1980, fig. 44,6,9); 3- IV Ispanova Mogila (after Mozolevskii 1980, fig. 83); 4- Ak Mechetskii barrow (after Artamonov 1966, tab. 73); 5- IV Semibratnii barrow (after Il'inskaia, Terenozhkin 1983, 221); 6- Zhurovka, barrows 401 (after Bobrinskoi 1905, fig. 41); 7,8- Pereshchepinskii burial ground, barrow 15 (after Murzin et al. 1999, fig. 12,1,2).

Присутствует подобный мотив и у оленей на золотых пластинах – обивках деревянных чаш (рис. 3) из курганов Ак-Мечетского [Artamonov 1966, tab. 73], I Завадской Могилы [Mozolevskii 1980, ris. 44,6,9], IV Испановой Могилы³ [Mozolevskii 1980, ris. 83], 401 у Журовки [Bobrinskoi 1905, ris. 41], IV Семибратнего [Atlas OAK 1880, tab. 2; Artamonov 1966, tab. 120], 15 Перещепинского могильника [Murzin et al. 1999, ris. 12,1,2].

На двухдырчатых псалях, в то же время, копыто продолжает сочетаться с разнообразными образами: баран, кошачий хищник, крыло, фантастическое животное [Mogilov 2008, ris. 71-73].

В IV в. до н.э., напротив, доминирует образ коня, известный нам, в первую очередь, по многочисленным изображениям на предметах скифской торевтики. Характерные утолщения на месте суставов выше копыт видим у скакунов на гребне, чаше и горите из Солохи (рис. 4) [Artamonov 1966, tab. 147, 148, 152-155; Mantsevich 1987, кат. 34, 53, 61], амфоре из Чертомлыка (рис. 5,1-4) [Atlas OAK 1865, tab. 3; Artamonov 1966, tab. 162-168], золотой пластине с изображением охотящегося на зайца скифа (рис. 5,6) из Куль-Обы [Artamonov 1966, tab. 253], пекторали (рис. 6) из Толстой Могилы [Mozolevskii 1979, ris. 59]. Несмотря на сильную стилизацию, просматривается он на золотой пластине (рис. 5,5) из Геремесова кургана [Drevnosti Gerodotovoi Skifii 1872, tab. XXII,9; Artamonov 1966, tab. 188]. Интересно, что выступ выше копыт имеют и коровы на пекторали из Толстой Могилы (рис. 6,4,5) [Mozolevskii 1979, ris. 71; 72].

Представляется, что дополнительные основания для атрибуции этого образа дает бляха из Ольшанки. Хвост здесь небольшой, что характерно для оленя и лося, и невозможно для лошади и быка. В пользу такой интерпретации говорит и то, что для V в. до н.э., когда бытовали наши бляхи, господствовали именно изображения этих лесных животных. Выступы выше копыт на упомянутой бляхе

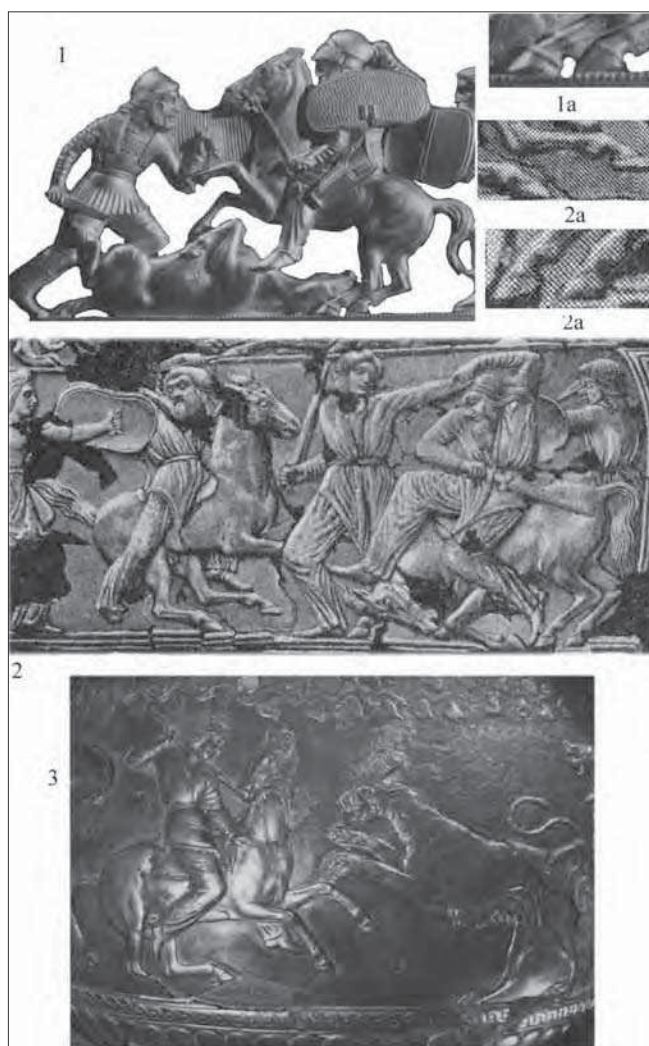

Рис. 4. Изображения скифских лошадей из кургана Солоха: 1- гребень (по Артамонов 1966, табл. 147; 148), 2- горит (по Ильинская, Тереножкин 1983, 129), 3- чаша (по Артамонов 1966, табл. 152-155).

Fig. 4. The images Scythian horses from the Solokha barrow: 1- crest (after Artamonov 1966, tab. 147; 148), 2- horit (after Il'inskaya, Terenozhkin 1983, 129), 3- bowl (after Artamonov 1966, tab. 152-155).

из курганов «Г» у Журовки по форме близки бляхе из Пастырского. К тому же, крючкоподобные элементы над копытами из Заломов находят параллели на некоторых из упомянутых золотых обивок чаш, и вероятно передают немного отходящие назад редуцированные пальцы в конечностях оленей и лосей.

Еще на нескольких бляхах изображена отдельная нога копытного животного (рис. 1,4-9). Реалистичность изображения демонстрирует бляха V в. до н.э. из кургана 459 в Ту-

3. По мнению А.Р. Канторовича, на бляхе из IV Испановой Могилы передан образ «лосекозла» [Kantorovich 2016, 93].

Рис. 5. Изображения коней на изделиях торевтики IV в. до н.э.: 1–4- чертомлыкская амфора (по Артамонов 1966, табл. 162–168), 5- пластина из Геремесова кургана (по Артамонов 1966, табл. 188); 6- пластина из Куль Обы (по Артамонов 1966, табл. 253).

Fig. 5. The images of horses at the toreutics product IV-th BC: 1–4- Chertomlyk amphora (after Artamonov 1966, tab. 162–168), 5- plaque from the Hermesov barrow (after Artamonov 1966, tab. 188); 6- plaque from the Kul-Oba barrow (after Artamonov 1966, tab. 253).

рии (рис. 1,5) [Bobrinskoi 1906, ris. 6; Mogilov, Didenko 2014, ris. 2,2]. Вместе с этим, выступы над копытом здесь поданы более схематически, чем на упомянутых выше бляхах. Изгиб коленного сустава украшен розеткой с тремя лепестками. Подобный декор видим и на одновременном предмете из Крыма (рис. 1,4), точное место находки которого не известно [Skoryi, Zimovets 2014, 92]. Вместе с тем, он имеет дополнительную стилизацию: выпуклость над копытом передана в форме головки хищной птицы, с ясно обозначенным глазом и клювом. В IV в. до н.э. происходит дальнейшая схематизация таких блях. И если экземпляр из

кургана 2 возле Петровки в Степном Подонцовье (рис. 1,9) [Bratchenko, Shvetsov, Dubovskaia 1989, ris. 3,16], который содержал изделия как среднескифского, так и познескифского времени, еще демонстрирует реалистичность, то бляхи второй половины IV в. до н.э. из Вакулиной Могилы (рис. 1,6,7) [Klochko, Skoryi 1991, ris. 5,7,8) показывают уже сильную схематизацию мотива. Верх бедра передан рубчатым поясом. Копыта все еще читаются, но изгибы и выступы выше превратились в три боковых отростка. По всей видимости, мастер уже полностью не понимал образ, который отливал. Сильно стилизован и экземпляр из кургана 2/23 Мастюгинского могильника (рис. 1,8) [Puzikova 2001, ris. 32,11]. Бедро передано ажурным волнообразным мотивом. В коленном изгибе – все еще трехлепестковая розетка. А вот копыто едва просматривается, в то время, как линии над ним заметно увеличены.

Видовая интерпретация данного образа еще более сложна, и на безусловном уровне вряд ли возможна. В пользу ноги лося или оленя на бляхе из Турии косвенно может свидетельствовать разве что стилистическая близость к охарактеризованным выше двуногим изображениям, и доминирование этих образов в V в. до н.э. когда ее отлили. Это же можно сказать и о предмете из Крыма. Экземпляр из Мастюгино более поздний и стилизованный. Вместе с тем, эта композиция является развитием бляхи из Турии: повторяются изгибы, розетка, копыто с линиями сверху. В отношении предметов из Вакулиной Могилы говорить что-то определенное уже сложно, если только не считать, что 2 выступа с одной стороны ноги и один с другой, схематически повторяют схему с небольшими выпуклостями над копытом на бляхе-ноге из Турии. Изделие из Петровки, судя по форме и четко выраженному копыту без дополнительного рельефа сверху, передает все же ногу лошади.

Наконец, следует упомянуть копытовидную бляху с петлей на обороте (рис. 1,10) из кургана 2 у Пастырского [Drevnosti Pridneprov'ia 1899, tab. XX, 320a]. Шерсть над передней частью копыта передана линиями. Выступ сзади оформлен в виде головки хищной птицы, с хорошо

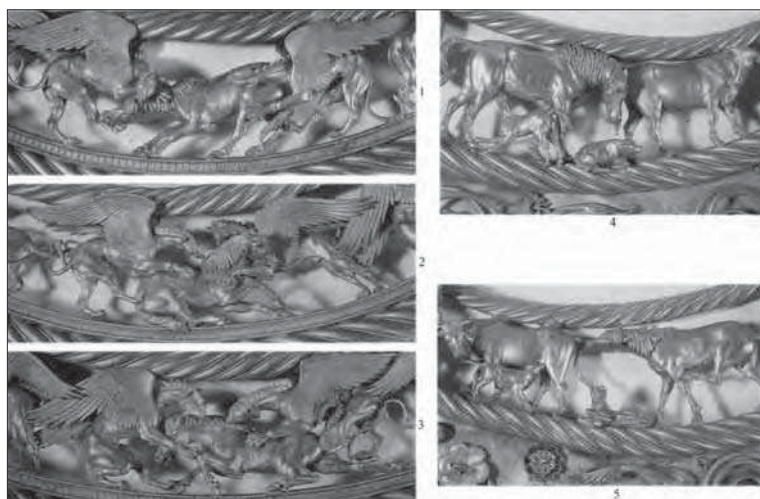

Рис. 6. Изображения животных на золотой пекторали из Толстой Могилы (по Мозолевский 1979, рис. 59; 71; 72).

Fig. 6. The images of animals on a gold pectoral from the Tovsta Mogyla barrow (after Mozolevskii 1979, fig. 59; 71; 72).

обозначенным глазом и клювом. Точная видовая интерпретация этого копытного усложнена. Стилизованная шерсть и крючковидный выступ сзади находят параллели среди упомянутых выше ног оленей и лосей. С другой стороны, копыто с похожими полосами на псалии из II Семибратнего кургана (рис. 2,7) сопровождалось головкой гиппокампа на противоположном его конце [Artamonov 1966, tab. 125], несомненно перекликающейся с образом коня.

С гибелью Великой Скифии и наступлением сарматского господства в Северном Причерноморье уздечные бляхи с изображениями ног копытных животных, наряду с многими другими изделиями скифских типов, выходят из употребления.

Библиография

- Artamonov 1966:** M.I. Artamonov, Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Praga–Leningrad 1966) // М.И. Артамонов, Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа (Прага–Ленинград 1966).
- Atlas OAK 1865:** Atlas OAK za 1864 g. (Sankt Petersburg 1865) // Атлас ОАК за 1864 г. (Санкт-Петербург 1865).
- Atlas OAK 1880:** Atlas OAK za 1877 g. (Sankt Petersburg 1880) // Атлас ОАК за 1877 г. (Санкт-Петербург 1880).
- Bobrinskoi 1905:** A.A. Bobrinskoi, Otchet o raskopkakh, proizvedennykh v 1903 godu v Cherkasskom uезде Kievskoi gubernii. IAK 14, 1905, 1-43 // А.А. Бобринской, Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Черкасском уезде Киевской губернии. ИАК 14, 1905, 1-43.
- Bobrinskoi 1906:** A.A. Bobrinskoi, Otchet o raskopkakh v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v 1905 godu. IAK 20, 1906, 1-16 // А.А. Бобринской, Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году. ИАК 20, 1906, 1-16.
- Bratchenko, Shvetsov, Dubovskaia 1989:** S.N. Bratchenko, M.L. Shvetsov, O.R. Dubovskaia, Kurgan IV v. do n.e. v basseine Severskogo Dontsa. SA 1, 1989, 170-177 // С.Н. Братченко, М.Л. Швецов, О.Р. Дубовская, Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. СА 1, 1989, 170-177.
- Drevnosti Gerodotovoi Skifii 1872:** Drevnosti Gerodotovoi Skifii. Atlas (Sankt Petersburg 1872) // Древности Геродотовой Скифии. Атлас (Санкт-Петербург 1872).
- Drevnosti Pridneprov'ia 1899:** Drevnosti Pridneprov'ia 2 (Kiev 1899) // Древности Приднепровья 2 (Киев 1899).
- Drevnosti Pridneprov'ia 1900:** Drevnosti Pridneprov'ia 3 (Kiev 1900) // Древности Приднепровья 3 (Киев 1900).
- Galanina 1997:** L.K. Galanina, Kelermesskie kurgany (Moskva 1997) // Л.К. Галанина, Келермесские курганы (Москва 1997).
- Il'inskaia 1968:** V.A. Il'inskaia, Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ia (Kiev 1968) // В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (Киев 1968).
- Il'inskaia, Terenozhkin 1983:** V.A. Il'inskaia, A.I. Terenozhkin, Skifia VII–IV vv. do n.e. (Kiev 1983) // В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII–IV вв. до н.э. (Киев 1983).
- Kantorovich 2016:** A.R. Kantorovich, Obraz «losekozla» v skifskom zverinom stile v svete novykh nakhodok na territorii Stavropol'ia i Prikuban'ia. ADIU 19, 2016, 89–99 // А.Р. Канторович, Образ «лосекозла» в скифском

- зверином стиле в свете новых находок на территории Ставрополя и Прикубанья. АДИУ 19, 2016, 89–99.
- Klochko, Skoryi 1991:** V.I. Klochko, S.A. Skoryi, Kurgan Vakulina Mogila. PASP (Kherson 1991), 99–109 // В.И. Ключко, С.А. Скорый, Курган Вакулина Могила. ПАСП (Херсон 1991), 99–109.
- Mantsevich 1987:** A.P. Mantsevich, Kurgan Solokha (Leningrad 1987) // А.П. Манцевич, Курган Солоха (Ленинград 1987).
- Mogilov 2008:** O.D. Mogilov, Sporiadzhennia konia skifskoi dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropy (Kiiv, Kam'ianets'-Podils'kii 2008) // О.Д. Могилов, Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи (Київ, Кам'янець-Подільський 2008).
- Mogilov 2011:** O.D. Mogilov, Ranneskifskie nakonechniki psaliev iuga Vostochnoi Evropy. AV 17, 2011, 122–128 // А.Д. Могилов, Раннескифские наконечники псалиев юга Восточной Европы. АВ 17, 2011, 122–128.
- Mogilov, Didenko 2008:** O.D. Mogilov, S.V. Didenko, Kurgan 5 u s. Berestniagi – pamiatnik sredneskifskogo vremeni v Poros'e. RA 4, 2008, 84–90 // А.Д. Могилов, С.В. Диденко, Курган 5 у с. Берестняги – памятник среднескифского времени в Поросье. РА 4, 2008, 84–90.
- Mogilov, Didenko 2008:** O.D. Mogilov, S.V. Didenko, Kurgan V v. do n.e. u s. Turii v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi. RA 2, 2014, 96–107 // А.Д. Могилов, С.В. Диденко, Курган V в. до н.э. у с. Турия в Днепровской Правобережной Лесостепи. РА 2, 2014, 96–107/
- Mozolevs'kii 1979:** B.M. Mozolevs'kii, Tovsta Mogila (Kiiv 1979) // Б.М. Мозолевський, Товста Могила (Київ 1979).
- Mozolevskii 1980:** B.M. Mozolevskii, Skifskie kurgany v okresnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972–1975 gg.). Skifia i Kavkaz (Kiev 1980), 70–155 // Б.Н. Мозолевский, Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.). Скифия и Кавказ (Киев 1980), 70–155.
- Murzin et al. 1999:** V.U. Murzin, R. Rolle, V. Herts, S.V. Mahortyh, V.P. Belozor, Issledovaniia sovместnoi Ukrainsko-Nemetskoj arkheologicheskoi ekspeditsii v 1998 g. (Kiev 1999) // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. (Киев 1999).
- Panchenko 2016:** K.I. Panchenko, Pokhovannia skifs'kogo chasu z gruntovogo mogil'nika bilia s. Zalomi Kirovogradskoi oblasti. ADIU 19, 2016, 237–240 // К.И. Панченко Поховання скіфського часу з ґрунтового могильника біля с. Заломи Кіровоградської області. АДИУ 19, 2016, 237–240.
- Puzikova 2001:** A.I. Puzikova, Kurgany skifskogo vremeni Srednego Podon'ia (Moskva 2001) // А.И. Пузикова, Курганы скифского времени Среднего Подонья (Москва 2001).
- Silant'eva 1959:** L.F. Silant'eva, Nekropol' Nimfeia. MIA 69, 1959, 5–107 // Л.Ф. Силантьева, Некрополь Нимфея. МИА 69, 1959, 5–107.
- Skoryi, Zimovets 2014:** S. Skoryi, R. Zimovets, Skifskie drevnosti Kryma (Kiev 2014) // С. Скорый, Р. Зимовец, Скифские древности Крыма (Киев 2014).

Александр Могилов, кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины, просп. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина; e-mail: mogilovod@gmail.com

Vasile Haheu

Locuințe și anexe gospodărești ale tracilor septentrionali: tradiții și inovații

Keywords: North Thracians, dwellings, secondary constructions, traditions, innovations.

Cuvinte cheie: traci septentrionali, locuințe, anexe gospodărești, tradiții, inovații.

Ключевые слова: северные фракийцы, жилища, хозяйственные сооружения, традиции, инновации.

Vasile Haheu

Houses and annexes of the northern Thracians: traditions and innovations

The addressed artifacts represent the most important elements in reconstructing the life style, as well as the socio-economic, political and spiritual aspects of Northern Thracians. The proposed study area is the Carpathian-Dniester-Pontic lands and it covers chronologically the period from the end of the 7th – 3rd century BC. The purpose of the research is to emphasize the specifics of the living space, the possible developments of the dwelling structures (houses) and the daily activities of the Thracians. Both identify several Greek influences not only in the zone surrounding the colonies but also in more distant structures. At the moment, a synchrony of the different types of houses within the component categories is attested for the whole period.

Vasile Haheu

Locuințe și anexe gospodărești ale tracilor septentrionali: tradiții și inovații

Artefactele abordate constituie categoriile de vestigii dintre cele mai importante pentru reconstituirea modului de habitat al tracilor septentrionali, precum și a aspectelor social-economice, politice și spirituale. Arealul propus studiului sunt pământurile carpato-nistreano-pontice, iar cadrul cronologic cuprinde perioada de la sfârșitul sec. VII – sec. III a.Chr. Scopul cercetării este de a evidenția particularitățile spațiale, precum și posibilele evoluții în timp a structurilor de trai (locuințe) și celor de activitate cotidiană a traco-geților. Atât primul, cât și al doilea deziderat documentează anumite influențe grecești, nu numai în zona limitrofă coloniilor, dar și asupra structurilor mai îndepărtate. În prezent se constată sincronismul diferitelor tipuri de obiective în interiorul categoriilor componente pentru întreaga perioadă.

Василе Хахеу

Жилища и хозяйственные сооружения северных фракийцев: традиции и инновации

Предложенные артефакты составляют важные категории древностей в реконструкции образа жизни и жизнедеятельности северных фракийцев, равно как и социально-экономических, политических и духовных аспектов. Географически рассматриваются памятники карпато-днестровско-пантийских земель – ареал распространения культуры северных фракийцев, а временной период включает конец VII – III вв. до н.э. – ее становление и расцвет. Цель исследования выявить пространственные особенности и возможную эволюцию во времени жилых и хозяйственных структур фрако-гетов. Обе эти составные указывают на отдельные греческие влияния, особенно в зоне их непосредственной близости, да и в отдаленных регионах. В настоящее время доказывается некий синхронизм для всего периода разных типов структур внутри составных категорий.

Unul dintre componentele importante ale culturii materiale a tracilor septentrionali este reprezentat de structurile de trai (locuințe) și cele legate de activitățile cotidiene ale acestora (ateliere, diverse construcții în aer liber, gropi cu diverse destinații, obiecte de cult). Până în prezent pentru spațiul de la est de Carpați sunt cunoscute aproximativ 200 de complexe de trai (pentru restul structurilor nu se știu cifre exacte). Numărul acestora este în dependență de nivelul de cercetare a siturilor de habitat (fortificații și așezări civile) de epocă și spațiu, în general nesatisfăcător. Referitor la locuințe, situația este determinată și de

faptul că investigarea acestei categorii de monumente este de lungă durată, necesită un volum de lucru mai mare și implică cheltuieli. Cele mai multe locuințe – 69 (nepublicate) au fost depistate la fortificația de la Bunești, unde acestea erau înșirate în două rânduri paralele [Teodoru 1998, 31]. Pentru microzona Hansca (Pidașca și Limbari) sunt cunoscute 13 obiecte [Niculiță 1992, 112]. La Butuceni s-au cercetat șapte locuințe, două dintre ele fiind descoperite de către Gh. Smirnov în 1949-1953 [Niculiță, Teodor, Zanolci 2002, 38-41], tot atâtea câte și la Calfa [Chebotarenko 1969, 56-60]. La Saharna-La Revechin s-au cercetat șase

[Levinschi 2001, 104] și patru la Alcedar-*La Cordon* [Haheu 1998, 112-115]. Pentru zona Dobrogei sunt invocate 44 de obiecte [Buzoianu 2001, 136-139], datele fiind departe de a fi complete. Nu cunoaștem totalul de locuințe pentru teritoriul dintre Carpați și Prut, pentru care dispunem doar de publicații aparte ale siturilor fără specificări. În general, pentru ultimul, numărul complexelor cercetate și publicate este surprinzător de redus, trezind nedumeriri mai ales cazul de la Bunești.

Locuințe. În cadrul structurilor de trai am inclus trei tipuri de asemenea vestigii; locuințe de suprafață, cu baza adâncită și bordie. Pentru toate acestea pot fi evidențiate mai multe variante. De regulă, majoritatea aveau intrarea dinspre S, uneori cu variații spre E și V. Acoperișul era în două ape, pentru cele adâncite mai puteau fi doar înclinate pe o parte sau orizontale. Podeaua era foarte diferită – simplă, bătătorită sau unsă cu lut. Cel puțin pentru zona subcarpatică la căptușitul podelelor era utilizat lemnul (Palanca, Urechești), peste care se aplica pământ bătătorit și lut crud [Bobi 1999, 75]. Pereții unși cu lut și paie sau alte compoziții vegetale erau uneori văruiți. Un element obligatoriu al locuințelor era sursa de căldură asigurată de un cuptor, vetre de diverse tipuri, mai rar – ruguri deschise. În mai multe cazuri în cadrul locuințelor se aflau gropi cu cele mai diferite destinații. La unele obiecte a fost fixată intrarea în formă de întrerupere în perete, care era asigurată de o ușă prevăzută cu un prag. Uneori suprafața din fața acestora era pavată cu plăci de piatră sau era prevăzută aici cu un pridvor (Hansca) [Nikulitse 1987, 113, fig. 32,1]. Un ultim moment, care este caracteristic și structurii interne a siturilor de habitat, îl constituie amplasarea complexelor de trai și a celor auxiliare în contextul atestării unor vestigii ce demonstrează prezența gardurilor/îngrădirilor din elemente vegetale – Alcedar [Haheu 1998, 113] sau piatră – Nadlimanskoe [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 36-41, ris. 14], care înrămau curtea interioară a unei gospodării individuale.

Locuințe de suprafață. S-au descoperit în majoritatea siturilor în care au fost făcute nemijlocit săpături arheologice. Forma de plan a acestor construcții este, de regulă, rectangulară. Acoperișul era într-o pantă sau două. Podeaua consta din

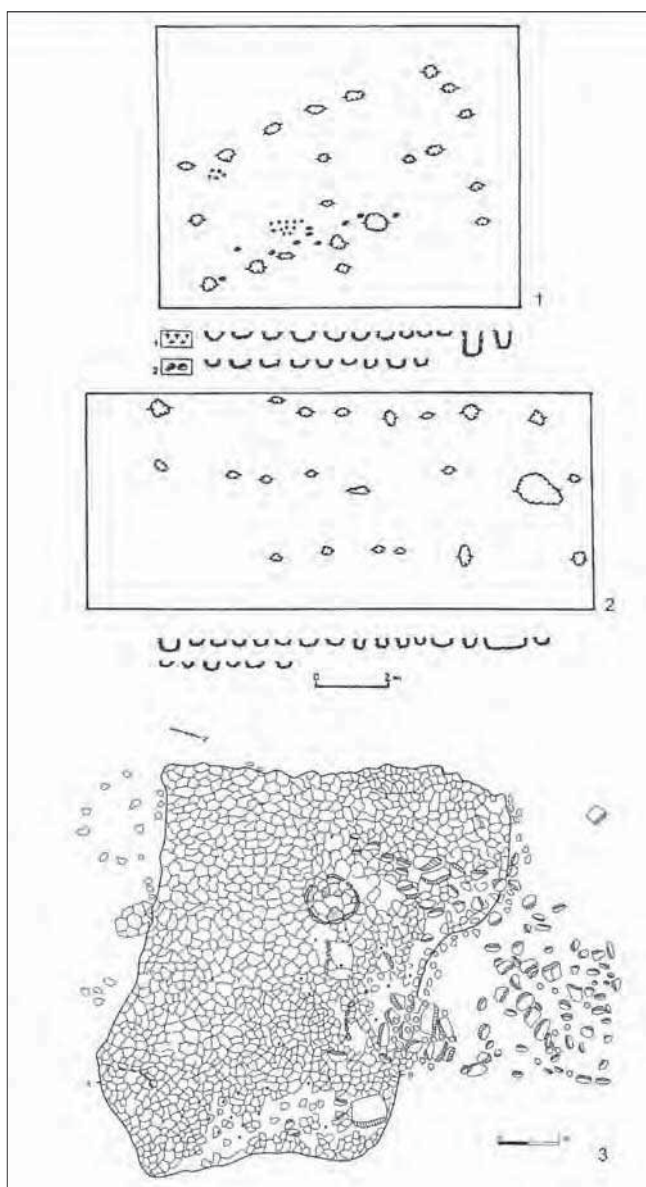

Fig. 1. Locuințe de suprafață cu structură lemnoasă (1,3) și fundament de piatră (2) (1,2 – Butuceni, după Niculiță, Teodor, Zanoci 2002; 3 – Saharna Mică, după Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008).

Fig. 1. Surface houses made of wood (1,2 – Butuceni, after Niculiță, Teodor, Zanoci 2002; 3 – Saharna Mică, after Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008).

pământ bătătorit, uneori special amenajată și unsă cu lut. Erau alcătuite dintr-o cameră, mai rar – două. În legătură cu structura pereților și a bazei obiectelor, se disting mai multe variante ale acestei categorii de vestigii.

Locuințe cu structură lemnoasă. Prezintă cel mai numeros grup de obiecte. Baza o constituie și-rurile de pari verticali, deseori împlețiți cu nuiele,

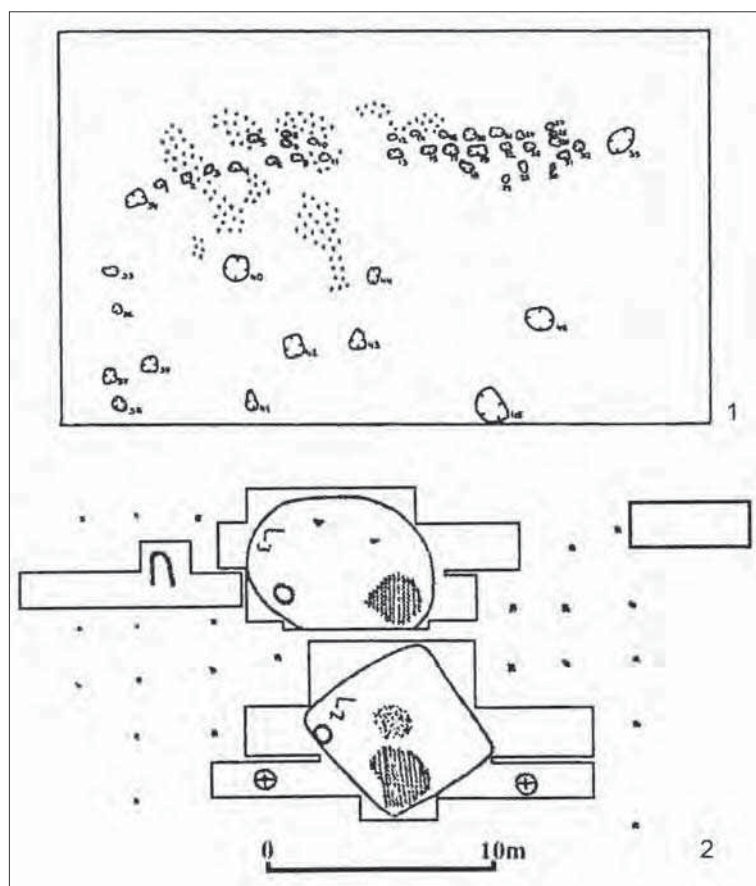

Fig. 2. Locuințe de suprafață cu structură lemnoasă (1 – Butuceni, după Niculiță, Teodor, Zancoci 2002; 3 – Huși-Corni, Teodor 1981).

Fig. 2. Surface houses made of wood (1 – Butuceni, after Niculiță, Teodor, Zancoci 2002; 3 – Huși-Corni, after Teodor 1981).

unși din ambele părți cu lut având în compoziție paie, iarbă și alte amestecuri vegetale. La obiectul 2 de la Butuceni se prezenta sub forma a 46 de gropi ovale în plan (diametrul 20x12, adâncimea 25-82 cm) săpate în roca nativă, dispuse sub forma unui patrulater cu lungimea de 6,1 m și lățimea de 4,2 m, orientat longitudinal NV-SE. Acestea erau pentru fixarea parilor verticali. În partea de N gropile erau în două rânduri, pereții fiind mai groși [Niculiță, Teodor, Zancoci 2002, 38-39] (Fig. 2,1). O mică remarcă pentru acest complex, care este în legătură cu desenul publicat [Niculiță, Teodor, Zancoci 2002, Fig. 56/1]. Este vorba despre linia gropițelor de pari dintre numerele 35,40,44 pe axa V-E și 41-44 în direcția SV-NE. În felul cum acestea sunt redată pe planul obiectului, ele ar contura o eventuală diviziune aparte în construcția generală – cameră aparte? Locuința 4 din același sit avea în interior două gropi ce o întretă-

iau de-a curmezișul, formând două încăperi cu dimensiunile de 4,2x3,2 m și respectiv 3,8x3,2 m [Niculiță, Teodor, Zancoci 2002, 39] (Fig. 1,1). Structuri asemănătoare s-au cercetat la Saharna Mică, construcția 4, la care sub stratul de lipitură din pereți s-a păstrat o altă cu suprafața fățuită, acoperită cu un slip subțire gălbui-deschis ce provenea de la podea. Tot aici, în sectorul de NNV a fost descoperit un cuptor [Niculiță, Zancoci, Arnăut 2008, 28-29; Fig. 12] (Fig. 1,3). Acestui tip de locuințe îi sunt similare construcțiile 1 și 2 de la Saharna Mare. La ultima, în partea centrală s-au descoperit două bârne înfipte în pământ, iar în colțul de S – o vatră [Niculiță, Zancoci, Arnăut 2008, 102-104] (Fig. 3,3). La Nadli-manskoe, construcția orientată longitudinal pe axa NE-SV avea o podea din lut bătătorit cu grosimea de 15 cm, gropi pentru pari ai suportului lemnos și două gropi, dintre care una placată cu piatră și pereții lipiți

cu lut și resturi vegetale (păstrarea grăunțoarelor) și o groapă menajeră [Dzis-Raiko et al. 2012, 44]. Locuințe similare sunt cunoscute la Hansca-Limbari [Nikulitse 1977, 47], Stâncești [Florescu, Rață 1969, 13], Bunești [Bazarciuc 1983-1984, 169], Poiana-Tecuci [Vulpe et al. 1951, 194-195], Albești [Berciu, Moscalu 1972, 634-638], Beidaud [Simion, Lăzarcă 1980, 46-47] etc. La Cotu-Copălău au fost dezvelite 13 obiecte de acest tip, în formă de aglomerații de lipitură arsă de forme dreptunghiulare, unde nici la una nu au fost surprinse gropile de pari, autorii presupunând o bază din bârne orizontale (dezagregate lent, fără urme), în care era prinsă construcția de bârne verticale și împletituri de nuiele [Șovan, Ignat 2005, 19-24]. O situație similară a fost atestată la Huși-Corni [Teodor 1981, 171-174] (Fig. 2,2), Alcedar-La Cordon [Haheu 1998, 111-112; Fig. 2,1] (Fig. 6,1) și Stâncești – pentru nivelul doi de locuire nu sunt menționate gropile de pari ai bazei lemnoase a locuințelor I-VIII [Florescu, Florescu 2005, 36-42]. Deși este semnalată structura lemnoasă a construcțiilor de locuit din microzona Saharna în baza lipiturii cu amprente de nuiele, la nici unul dintre obiecte nu

au fost fixate gropițele pentru parii care formau baza pereților [Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 28-35, 102-104]. În unele cazuri (Stânțești etc.), pe suprafața lipiturii pereților s-a semnalat un strat subțire cu carbonat de calciu, fapt ce presupune văruierea acestora [Florescu, Rață 1969, 13].

Analizând acest tip de construcții în contextul zonei de litoral a Mării Negre (Histria, Tomis, Histria-sat, Tariverde, Nadlimanskoe III, Beliaevka I), I. Niculiță enunță supoziția că ele ar fi o preluare de către greci de la tracii locali, care cunoșteau această tradiție din epocile precedente [Nikulitse 1987, 35]. Dacă prezența bordeielor [Dzis-Raiko et al. 2012, 49-53, ris. 19] (despre acestea mai jos – V.H.) mai poate fi acceptată ca tip de locuință temporară la primii coloniști [Kashuba, Levitskii 2011, 522-533], apoi preluarea tipurilor de locuințe de suprafață de la aborigeni de către grecii care veneau dintr-o lume cu cea mai înaltă civilizație la acel moment, pare puțin verosimilă.

Locuințe cu fundament de piară. Sunt reprezentate de obiectul 5 de la Butuceni. Se prezintă printr-un strat gros (15-25 cm) de pietre de calcar (30x15x10–50x30x20 cm) și bucăți de lipitură arsă cu amprente de pari și nuiile pe o suprafață de 10x5 m. După degajarea acestuia s-au descoperit 13 gropi (20-30 cm) pentru parii structurii lemnoase, care formau în plan un patrulater (8,0x4,4 m). Distanța dintre gropi era de 0,6-1,0 m. Baza construcției a fost întărită cu pietre ce prezentau fundamentul locuinței. Pe centru, în direcție longitudinală s-au mai descoperit 5 gropi pentru stâlpii acoperișului (Fig. 1,2). Locuința 6 se deosebește prin săparea la bază a unui șanț (lățimea 20-40 cm, adâncimea 35-40 cm) ce înrămează un perimetru rectangular (6,0x3,8 m). În șanț a fost clădit un zid de piatră de calcar ce se înalță cu 10-20 cm față de roca nativă. La fundul șanțului erau patru gropi de pari de la structura lemnoasă a pereților. La mijlocul construcției erau parii pentru susținerea acoperișului [Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 40] (Fig. 3,1).

Un exemplu complex de prezență a tuturor tipurilor de locuințe a fost semnalat ca rezultat al investigațiilor din incinta cetății de la Nadlimanskoe [Dzis-Raiko 1966, 163-175] pe Nistrul Inferior – construcții de tip bordei și semibordei, clădiri de suprafață din chirpici (pereții) și piatră (fundament), chirpici și carcasă lemnoasă. Materia primă utilizată (lut, piatră) era de proveniență loca-

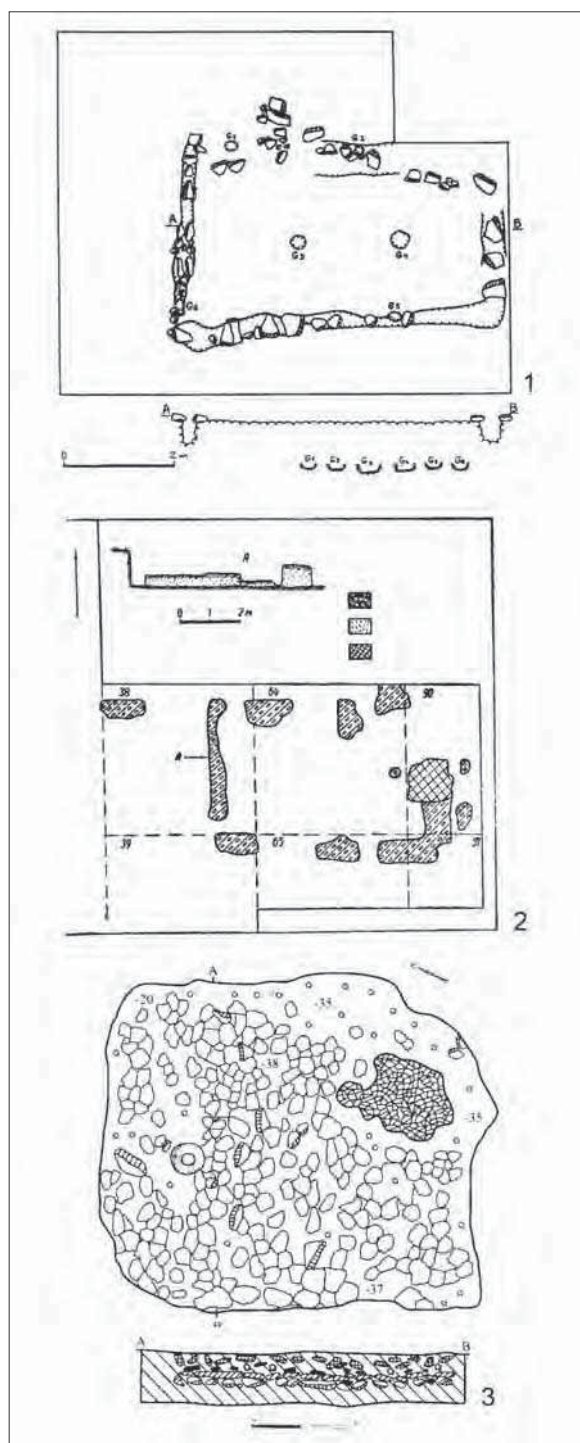

Fig. 3. 1,2 – Locuințe de suprafață cu fundament de piatră (1 – Butuceni, după Niculiță, Teodor, Zanoci 2002; 2 – Pivdennoe, după Sal'nikov 1965); 3 – Locuință de suprafață cu structură lemnoasă (Saharna Mică, după Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008).

Fig. 3. 1,2 – Surface houses with stone foundation (1 – Butuceni, after Niculiță, Teodor, Zanoci 2002; 2 – Pivdennoe, after Sal'nikov 1965); 3 – Surface houses made of wood (Saharna Mică, after Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008).

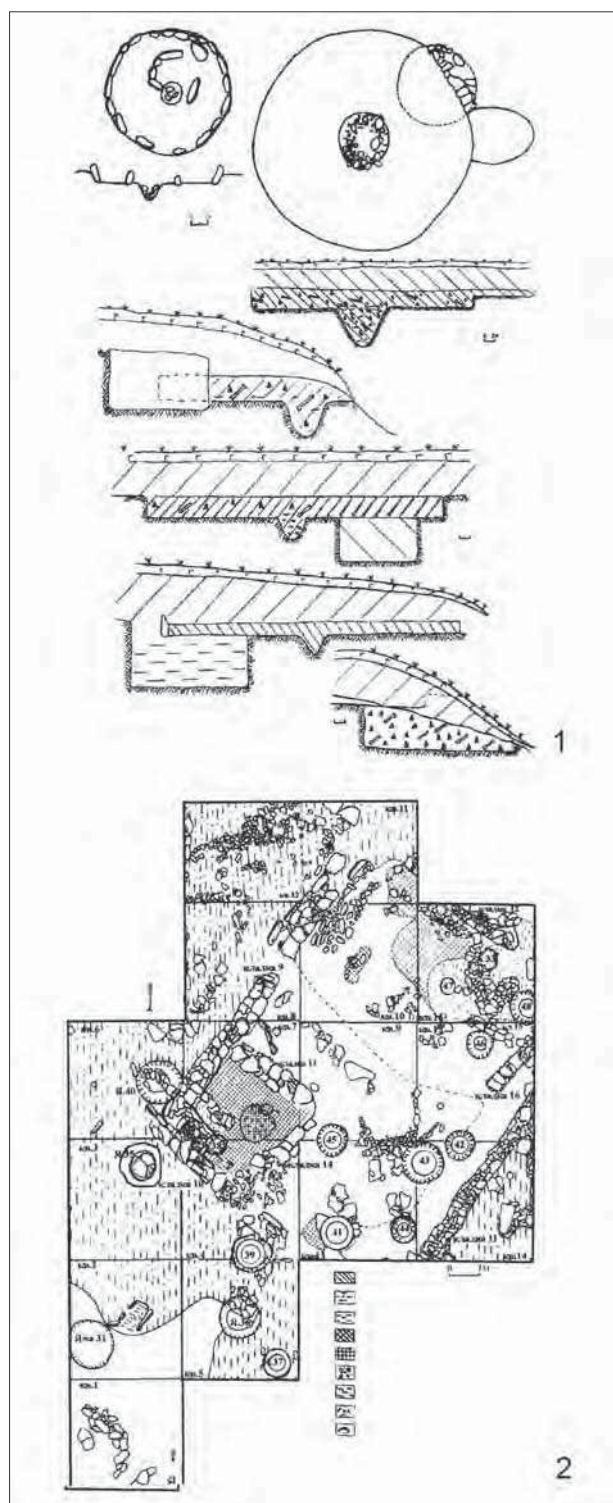

Fig. 4. Locuințe adâncite (1) și cu fundament de piatră (2) (1,2 – după Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012).

Fig. 4. Dug houses (1) and with stone foundation (2) (after Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012).

lă [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 33]. Un interes aparte îl prezintă secțiunea V din partea de

N a fortificației, în care a fost dezvelit un complex de suprafață de proporții cu destinație de trai și gospodăresc, având în plan o formă dreptunghiulară înconjurată cu pereți masivi din chirpici și piatră (Fig. 4,2). Locul acestuia preventiv fusese nivelat. Orientarea complexului corespunde sistemului general al planului de sistematizare a construcțiilor de pe teritoriul sitului: de la NE la SV. Dimensiunile obiectivului erau de 13,4x10,4 m (139 m.p.) (conturul extern a pereților), lățimea pereților – 0,65-0,7 m, înălțimea păstrată – 0,9 m. Trei dintre zidăriile (9,10,11) sunt asemănătoare tipologic, fiind limitate din două părți de plăci mari de calcar neprelucrat, adâncite în solul viu, spațiul dintre care este umplut cu piatră brută și incluziuni de lut galben. Intrarea era din partea de NV, unde a fost fixată o întrerupere în perete. În cadrul complexului s-a cercetat o încăpere cvasipatrată nr.1, construcții gospodărești și gropi. Doi pereți ai acesteia îi formau zidăriile complexului 9 și 10, la care s-au adăugat altele două – 13 și 14. Dimensiunile exterioare – 4,2x4,2 m, cele interioare – 3,2x3,2 m. Suprafața – 10,24 m. Podeaua era din lut galben bătătorit, gros de 10 cm de unde începea baza construcției. Partea superioară a pereților era probabil din lut. S-au păstrat gropițe cu diametrul 0,35 m de la stâlpii de sprijin a acoperișului. Intrarea era în partea de SV a zidăriei 14, unde a fost fixată o ruptură între baza de piatră, și lipitura podelei iese din limitele bazei din piatră. Tot la intrare, în afară a fost evidențiată o platformă din pietre calcaroase neprelucrate. În colțul de SV al construcției s-a descoperit un cuptor (1,1-1,2x0,9-1,0x0,55 m) cu horn, care ieșea în afară. Vatra era formată din lut bătătorit cu pietre native, peste care era un strat de pietre de râu. În exterior avea o adâncitură pentru deșeurile arderii. Acoperișul era, probabil, din trestie lipită cu lut. În exterior, între zidăriile 9 și 13 era o îngrăditură din plăci de piatră – un „hambar” sau „cămară” (1,1x0,8 m). În interiorul complexului nu s-au mai semnalat vestigii certe de construcții, deși nu este exclus să fi fost anumite construcții din lut-lemn, fapt la care indică zidăriile, podine din lut, gropițe. S-au mai descoperit 8 gropi, dintre care se evidențiază obiectul 41 – o groapă placată cu piatră, în care s-au descoperit rămășițe de mălai [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 36-40]. Prezența unui astfel de complex în regiunea de litoral pune mai multe probleme de ordin etno-social, practic nemaîntâlnindu-se în arealul tracilor septentrionali. Nu este exclusă originea gre-

cească a acestuia sau, cel puțin, având puternice influențe elene. În cadrul aceluiasi sit (Secțiunea G) s-au mai descoperit locuințe de suprafață, dar cu fundamentul de piatră (calcar rupt) neadâncit în lut și fără urme de liant. Mai multe locuințe de acest tip au fost atestate la fortificația de la Pivdennoe [Sal'nikov 1965, 176-255] (Fig. 3,2).

La acest tip de construcții T. Arnăuț, în baza datelor de arhivă ale lui Gh. Smirnov, atribuie și pe cele la care era „o temelie de piatră peste care se sprijineau pereții ridicați din cărămizi și chirpici” [Arnăuț 2003, 35-36]. O altă variantă a acestora o constituiau cele mixte – *locuințele cu temelie din piatră și pereții pe structură lemnosă*. În acest caz parii se sprijineau pe baza de piatră sau erau prinși în aceasta (uneori adânciți în sol), peste ei fiind aplicată o lipitură de lut cu paie.

Locuințe din piatră (Fig. 5).

Două dintre acestea s-au cercetat la Butuceni de către Gh.D. Smirnov în cadrul săpăturilor din 1946-1949, de la care s-au păstrat fundamentele și partea de jos a pereților din piatră.

Partea inferioară a fundamentului constă din plăci masive din piatră îngrijit prelucrată, dimensiunile cărora ajung la 135x50x35 cm. În continuare pereții sunt clădiți din plăci de piatră neprelucrată cu liant din lut. Are o suprafață de 50 m.p. Pereții groși de 20-30 cm erau din pietre prelucrate prinse cu liant din lut și nisip, înălțimea în jur de doi metri, acoperișul în două pante, podeaua lipită cu lut. Locuința era despărțită în două camere printr-un perete transversal cu întrerupere pentru ușă. La ieșire era un tambur din pietre de formă dreptunghiulară. În prima cameră s-a descoperit un cuptor, în a doua – o vatră [Arnăuț 2003, 34-35]. După cum reiese din documentația disponibilă și schițele de teren [Smirnov 1946, 6-8], nivelul tehnic de realizare a construcției era destul de înalt, fiind în linii mari similar celor din orașele grecești nord-pontice

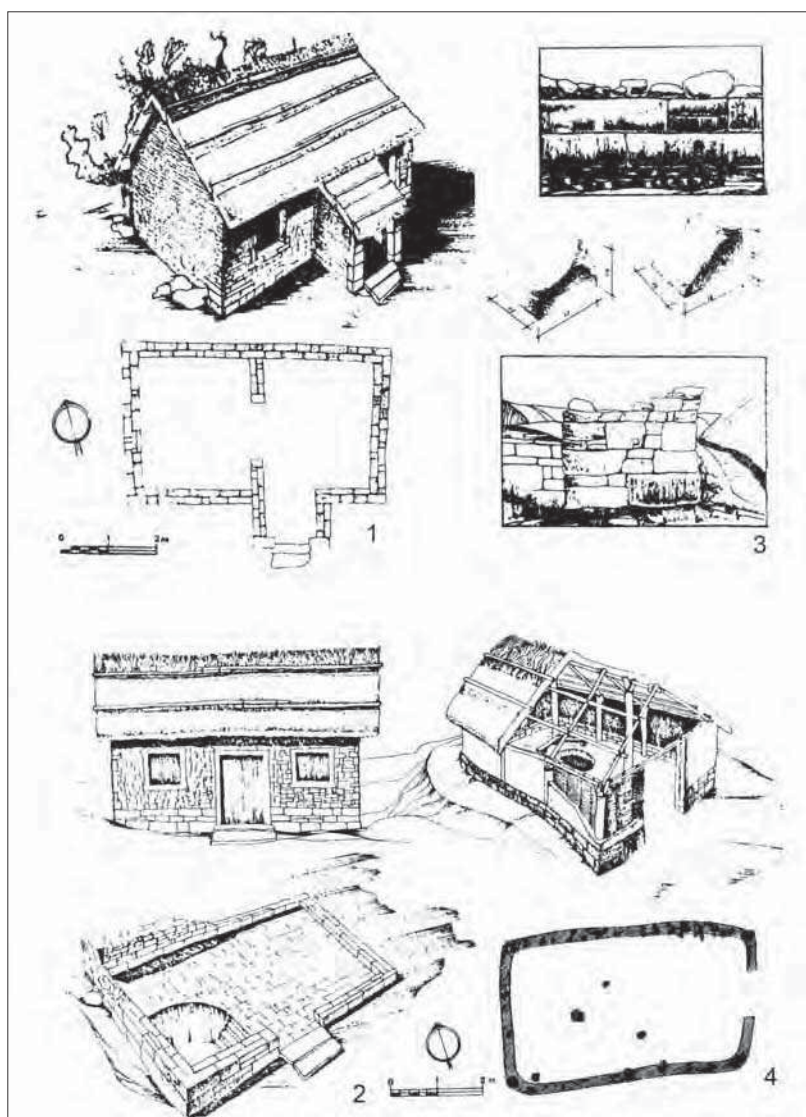

Fig. 5. Locuințe din piatră (Butuceni – arhiva Gh.D. Smirnov, după Niculiță, Teodor, Zanoci 2002).

Fig. 5. Surface stone houses (Butuceni – the arhiva of Gh.D. Smirnov, după Niculiță, Teodor, Zanoci 2002).

[Okhotnikov, Ostroverkhov 2013, 443-49]. Pentru una dintre acestea se menționează un beci săpat în stânca nativă [Nikulitse 1987, 101, ris. 18], deși se pare că este vorba despre o groapă de provizii. Este simptomatică descoperirea în acestea a ceramicii lucrate la roată, amforelor grecești întregi și fragmentare, precum și a recipientelor cu lac negru [Smirnov 1946, 10-12].

O locuință asemănătoare a fost dezvelită prin săpăturile de la Pivdennoe, cu dimensiunile pe axa E-V de 5,75 m și NS de 4,15 m. Grosimea pereților era de 0,6 m, înălțimea păstrată – 1,3-1,4 m. Pe peretele din E s-au păstrat urme de lipitură. Po-

deaua a fost unsă cu lut de mai multe ori. În partea de V a încăperii, în colțul de N era un cuptor de lut de formă ovală (1,4x1,0 m). Baza era din plăci de piatră, după care urma cupola din lut. Urmele hornului nu au fost surprinse. Dedesubtul cuptorului s-au descoperit urmele unui rug bătătorit la bază care, probabil, era sursa de căldură inițială. Încăperea se unește cu alta, între acestea fiind o întrerupere pentru ușă. Lângă perețele de E era un cuptor cu horn. Spre V de acesta se găsea o groapă piriformă având pereții unși cu lut, cu destinație menajeră. Alături de construcție, afară era o curte mică placată cu piatră ruptă. În complexul arheologic „B” s-au mai investigat 7-9 case cu o stradă pe axa E-V. Unele sunt din material mixt: piatră-văltuci din lut. În total aici s-au cercetat în jur de 15 complexe de locuit [Sal'nikov 1966, 179-192].

Dimensiunile locuințelor de suprafață sunt foarte diferite (depinzând de necesitățile individuale și, credem, de statutul social al indivizilor), fiind mai puțin relevante. Invocăm și câteva cazuri concrete. Pentru obiectele din siturile fortificate din spațiul extracarpatic suprafețele variază între 8 și 60 m.p. [Zanoci 1998, 66]. La Bunești (69 locuințe de suprafață) – între 40-50 m.p. [Bazarcu 1983, 249], Stâncești (8 locuințe de suprafață) – 25-60 m.p. [Florescu, Florescu 2005, 36-42]. Unica locuință de acest tip cercetată la Alcedar-La Cordon avea în jur de 55 m.p. [Haheu 1998, 111].

Locuințe cu baza adâncită. Pentru acest tip de obiective sunt necesare anumite precizări. În literatura de specialitate nu există opinie unanimă referitor la denumirea acestora din cauza lipsei unor criterii clare de desemnare a lor – adâncimea. Se utilizează termenii de „locuință cu baza adâncită”, „semibordei” și „bordei”.

Cu referire la ultimele tipuri de vestigii facem și noi o remarcă. Problema deja a fost abordată în literatură, fiind vorba despre criteriile de divizare a locuințelor cu baza adâncită, desemnate uneori ca semibordei și bordeiele propriu-zis. Ambele tipuri sunt adâncite în pământ, deosebirile constând în nivelul de adâncime a acestora. Pentru I. Niculiță semibordeiele sunt cele cu adâncimea de până la 1-1,2 m [Nikulitse 1987, 113]. T. Arnăut evidențiază doar *locuințele adâncite*, atribuind la acestea pe cele, la care podeaua se află la adâncimea de peste un metru, menționând că astfel de complexe sunt numite și *bordeie* [Arnăut 2003, 38-39]. În baza vestigiilor de la Alcedar-La Cordon

am denumit obiectele asemănătoare drept *cu baza adâncită* [Haheu 1998, 112]. A. Zanoci atribuie la tipul *semibordei* construcțiile, la care „cca jumătate din înălțimea pereților era adâncită în sol, iar restul era ridicată la suprafață”, iar cele adâncite în sol până la 0,8-1,2 m le atribuie la *bordeie* [Zanoci 1998, 70-71]. Fără a intra în discuție, observăm aici o mică suprapunere de cifre diferite. Este oarecum neclară situația de la Stâncești, nivelul de locuire 1, pentru care *semibordeiele* sunt obiectele cu adâncimea 0,25-0,35 m, rar fiind de 0,5-1,0 m, în timp ce *locuințele de suprafață* au podina aproximativ la aceeași adâncime [Florescu, Florescu 2005, 34], obiecte similare fiind cercetate și la Alcedar-La Cordon [Haheu 1998, 112, Fig. 2,7,8] (Fig. 6,7,8) Evidențiind *bordeiele*, V. Bobi concretizează că acestea sunt locuințe cu adâncimea de cca 0,9 m [Bobi 1999, 75]. Constatăm o mare diversitate de opinii referitor la atribuirea acestor obiecte, unicele criterii comune fiind podeaua adâncită și partea superioară terestră (acoperișul) fixat pe un suport lemnos. Pentru evitarea confuziilor terminologice, propunem a desemna aceste vestigii cu genericul *locuințe adâncite*. Pentru acest tip de obiecte este caracteristică forma de plan ovoidală, rectangulară, rotundă, trapezoidală. Dimensiunile variază de la 3x2 la 7,5x4,5 m, adâncimea ajunge până la 2,2 m. În unele cazuri intrarea este în trepte – Alcedar, obiectul I, patru trepte [Haheu 1998, 112], Stâncești, obiectul 13 – o treaptă 0,5x0,5 m [Florescu, Florescu 2005, 35]. La mai multe obiecte de la Stâncești s-au descoperit vetre fixe, uneori pe o platformă din fragmente ceramice și prundiș. La obiectul 5 s-a cercetat un cuptor de tipul *țest* – de lut, în formă de clopot, iar la semibordeiul 10, de formă rotundă (diametrul 4,5 m), s-a descoperit un cuptor-pietrar [Florescu, Florescu 2005, 34].

Printre obiectivele de acest tip este expresiv bordeiul 1 (Nadlimanskoe), format dintr-o singură cameră și orientat aproximativ N-S. Are în plan formă cvasidreptunghiulară, cu dimensiunile de 4,4x4,1 m, adâncimea de la nivelul actual de călcare fiind de 1,8 m; în lutul viu – 1,35 m. Pereții sunt verticali, podeaua îngrijit nivelată a păstrat trei rânduri de lipitură cu lut. În colțuri și de-a lungul pereților s-au păstrat gropițele (diametrul 0,18-0,32 m, adâncimea 0,15-0,5 m). În partea de sud, unde era intrarea, acoperișul trecea în streășină. Acoperișul era în două pante, fapt la care indică șirul de gropițe de pari pe centrul longitu-

dinal al construcției, și prezenta o bază lemnoasă suprapusă cu trestie. În partea de SE era intrarea în formă de 5 trepte căptușite cu plăci de piatră, care duceau spre ușă. Ușa se fixa pe doi stâlpi de bază. În colțul stâng al peretelui de N s-a amenajat un cuptor – „peșteră”, săpată în forma unei nișe în peretele din lut la înălțimea de 0,5 m de la podea. În secțiunea are o formă semi-sferică cu vatra plată, ușor înclinată spre exterior. Adâncimea – 0,95, înălțimea în partea centrală – 0,35 m [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 45-49, ris. 17,18] (Fig. 4,1). Asemenea construcții s-au mai descoperit în regiune la Nikolaevka [Meliukova 1975, 10-11, ris. 3] și Kutsurub [Marchenko, Domanskii 1986, 55-57]. Construcția suprapunea o serie de gropi gospodărești datate în anii '60-'70 ai sec. IV a.Chr. Precizarea cronologiei este importantă, deoarece demonstrează coexistența acestui tip de obiectiv practic pentru întreaga perioadă de atestare a culturii respective, de rând cu celelalte tipuri de construcții de trai. Un alt obiectiv de acest tip a fost semnalat în urma cercetărilor la fortificația Alcedar-*La Cordon*. Avea în plan o formă trapezoidală, colțurile rotunjite, podeaua orizontală bătătorită. Dimensiunile 4,7x4,0 m, adâncimea de la nivelul fixării – 1,2 m. Orientată pe axa N-S. În colțul de NE al construcției au fost fixate patru trepte cu lungimea de 0,8 m, lățimea de 0,3 m, înălțimea de 0,3 m. Pe centru, la 1,2 m de la peretele de S a fost depistată o groapă rotundă în plan și fundul albiat (diametrul 0,7 m) umplută cu cenușă, iar la 0,25 m SE de groapă – o concentrație de cenușă cu intense incluziuni de cărbuni (diametrul 0,5 m, grosimea 3-4 cm) [Haheu 1998, 112, Fig. 2,19] (Fig. 6,19).

Locuințele adâncite, în primul rând cele de formă rotundă în plan, de dimensiuni nu prea mari (diametrul – 4-5 m; adâncimea 0,3-0,65 m la semibordeie și 1,1-1,3 m la bordeie), pereții verticali sau oblici în afară, cu podeaua orizontală bătătorită – sunt cunoscute în nordul Mării Negre pentru perioada scitică timpurie atât în mediul barbar, cât și grecesc. De regulă, au construcții complementare: groapă centrală sau gropițe pe perimetru pentru parii de suport, intrarea în formă de șanț oblic sau trepte, surse de căldură (cuptoare cu boltă sau vetre fixe ori portative) [Kashuba, Levitskii 2011, 522]. Pentru lumea barbară a regiunii se datează în sec. VII – a doua jumătate a sec. VII – răscrucea sec. VI-V a.Chr. Pentru monumentele grecești (Olbia etc.) prezintă cele mai timpurii construcții

de trai, la acestea adăugându-se cele rectangulare în plan, toate având cruțate paturi și mese. Originea acestui tip de vestigii pentru nordul Mării Negre autorii consideră că este în mediul culturii Basarabi, de unde aceasta se răspândește spre NE și E, invocându-se argumentele de rigoare [Kashuba, Levitskii 2011, 524-533]. La Nadlimanskoe au fost cercetate 7 construcții rotunde desemnate ca „iurte”, care se atribuie ultimei perioade a vieții sitului. Sunt adâncite de la nivelul actual de călcare cu 0,75-1,1 m. Au în centru groapă pentru stâlpul central. O vatră deschisă din pietre și lipitură arsă, iar în două cazuri pereții interiori erau fățuiți cu pietre [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 49-52] (Fig. 5,1). În calitate de construcții de trai autorii evidențiază aici și bordeiele. Sunt de forme cvasidreptunghiulare, cu pereții verticali, podeaua îndreptată, unsă cu lut. În colțuri s-au evidențiat gropile pentru stâlpii de sprijin. Acoperișul în două scurgeri (gropi de sprijin pe centru) continuă printr-o streșină care proteja intrarea. Intrarea era prin trepte cu pietre. În colțul de N era un cuptor-„peșteră” excavat în perete la 0,5 m de la podea, iar pe centru – o vatră deschisă [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 45-48]. Asemenea construcții s-au mai descoperit la Nikolaevka [Meliukova 1975, 10-11], datate cel târziu în sec. IV a.Chr.

Ateliere meșteșugărești și alte construcții auxiliare. În cadrul majorității siturilor s-au semnalat mai multe vestigii atribuite de către descoperitori acestui tip de construcții. La tracii septentrionali predominau meșteșugurile casnice pentru realizarea unor piese mai simple. Anumite îndeletniciri necesitau atât deprinderi specializate, cât și localuri și dispozitive speciale. Ultimele erau orientate spre satisfacerea necesităților atât a comunității cât și pentru cele din împrejurimi. În opinia noastră, cel puțin, pentru recipientele ceramice, metalurgie și prelucrarea metalelor existau meșteșugari specializați, care activau pe baza unor unelte și dispozitive specifice – instrumente, cuptoare etc. Nu este exclus ca afirmația să fie valabilă și pentru lemnărit, petrărit, prelucrarea pieilor. Cazuri certe de atestare arheologică a atelierelor meșteșugărești pentru spațiu și epocă nu se cunosc, dovezile fiind mai mult indirecte. La Butuceni s-au descoperit creuzete și bucăți de zgură metalică [Nikulitse 1987, 101]. Un indiciu sigur de existență a meșteșugurilor îl constituie descoperirea de unelte spe-

cializate, mai ales ale seturilor acestora. Spre exemplu, la Bunești a apărut o cantitate apreciabilă de unelte din fier găsite în locuințe, precum și două depozite de asemenea obiecte găsite în campania 1980. Încă în prima campanie de săpături aici s-a descoperit fragmente de zgură și unelte ce demonstrează prezența atelierelor pentru prelucrarea fierului. Tot aici s-au găsit unelte performante utilizate în domeniu – dornuri tronconice cu partea funcțională dreaptă sau ascuțită, punctator, compas, clești pentru forjă [Bazarciuc 1983, 252-255, Fig. 1-6]. Asemenea descoperiri au o mare frecvență în cultura ulterioară, dacică, situația de la Bunești fiind impresionantă.

În cadrul săpăturilor de la Hansca-Limbari s-au cercetat două construcții cu caracter meșteșugăresc. Una dintre ele avea formă rectangulară, dimensiunile 9,0x6,0 m, adâncimea – până la 2,0 m. Din aceasta s-a colectat un material bogat și variat, dintre care două sule din bronz, un ac din fier cu urechiușă, un fragment de formă de turnat din piatră, trei bare din fier brut, toate indicând la funcția obiectului în calitate de atelier. Un altul, cu dimensiunile de 3,0x3,8 m și adâncimea de 2,6 m, fiind prevăzut cu trei scări, a fost descoperit alături. În umplutură s-au descoperit bucăți de zgură și o bucată de minereu de fier (0,5 kg), patru fragmente de la un tipar de turnat metal, precum și un fragment de duză. Era ars până la zgurificare, având două găuri rotunde longitudinale (13x4,5 cm). Autorul atribuie ambele complexe la categoria de ateliere meșteșugărești, al doilea presupus metalurgic, inclusiv topirea metalului [Nikulitse 1987, 113-117, ris. 33,2], deși parametrii lui metrici (9,0x6,0 m, adâncimea 2,0/2,2 m) ar indica mai degrabă un bordei. Și încă o precizare. Pentru primul caz nu este clară situația cum conturul construcției adâncite se afla dedesubtul lipiturii arse. Pereții/lipitura în urma arderii ar fi căzut pe podeaua structurii și nu deasupra umpluturii. Referitor la prezența atelierelor în asemenea construcții, mai departe, autorul găsește analogii în așezarea Bragadiru, dar acolo cuptorul este reprezentat în aer liber [Turcu 1972, 90]. Pentru a continua această ultimă precizare mai enunțăm o supoziție, de fapt deloc nouă. Olăritul, topirea și prelucrarea metalelor sunt dintre cele mai complexe îndeletniciri meșteșugărești, care necesită pe lângă deprinderi speciale și anumite dispozitive și ustensile mai sofisticate, în primul rând a

cuptoarelor. Pentru ambele tipuri, un rol deosebit îl are accesul aerului în cadrul acestora, necesar procesului de producție. Din aceste considerente în toate timpurile ambele tipuri de ateliere erau în aer liber, în cel mai bun caz având deasupra un acoperiș. Nu credem că un asemenea cuptor putea funcționa efectiv într-un bordei închis la adâncimea de peste doi metri. Care să fi fost contextul nimeririi artefactelor legate de metalurgie, este o continuare a situației stratigrafice a complexelor pe care am expus-o mai sus.

În apropierea locuințelor s-au mai descoperit un șir de construcții auxiliare de dimensiuni mai mici din lut pe baze lemnoase, destinate păstrării inventarului instrumental, precum și a proviziilor [Nikulitse 1987, 113; Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 40; Sal'nikov 1966, 189]. O altă categorie de descoperiri o constituiau oculurile pentru vite, multe dintre care erau în cadrul curților gospodărești, altele, probabil în afara localităților, dar prezența cărora nu a fost demonstrată arheologic.

Gropi (Fig. 6,2-6, 9-18). Prezintă cea mai numeroasă categorie de descoperiri, fiind atestată la toate așezările cercetate. Se găseau atât în locuințe, cât și în afara acestora. Convențional, conform criteriului funcțional au fost divizate în trei grupuri: pentru păstrarea cerealelor sau diverse produse; gropi menajere și de cult. În aspect morfologic nu au fost semnalate anumite seriații ale acestor obiecte, ca și cu referire la parametrii metrici ale acestora. Nu sunt rare cazurile când unele dintre acestea fiind făcute și utilizate un timp pentru păstrarea produselor, la un moment dat deveneau menajere. Este mai dificilă situația gropilor de cult, evidențierea cărora are un caracter mai subiectiv [Arnăut 2014, 104-132]. Tipologia gropilor conform criteriilor tehnico-morfologici ai planului și secțiunilor în vederea evidențierii seriilor (nu credem că este relevantă în aspect cultural-cronologic – *nn.*) o facem în baza asemănărilor și deosebirilor. De cele mai dese ori forma în plan a acestora este rotundă sau ovală, mai rar dreptunghiulară cu colțurile rotunjite, poligonală-neregulată. În profil sunt cilindrice, piriforme, tronconice, inclusiv inversate, trapezoidale, segmentate, în formă de clopot și clepsidră. Fundul este plat, înclinat sau albiat [Nikulitse 1977, 59-60; Zanoci 1998, 73-74; Haheu 1998, 112-113; Teodor 1999, 32-33; Arnăut 2003, 41-43]. Este un caz particular, dar nu credem reușită utilizarea termenilor *formă de pungă*, *calapod*, *pereți alveolari*

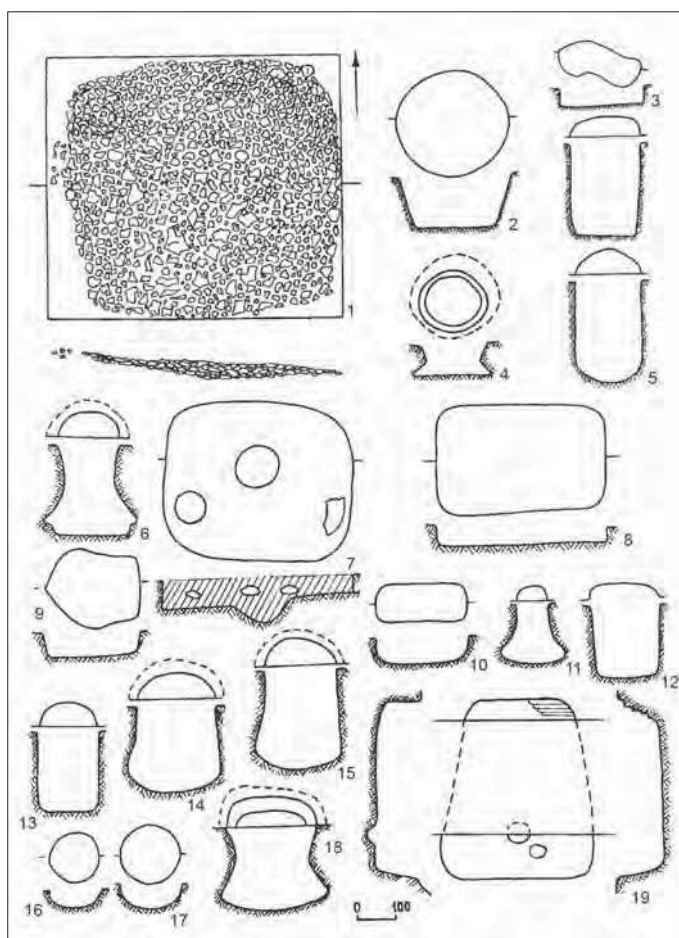

Fig. 6. 1 – Locuință de suprafață; 7,8,19 – Locuințe adâncite; 2-6, 9-18 – Gropi menajere și de păstrare (Alcedar-La Cordon, după Haheu 1998).

Fig. 6. 1 – Surface houses made of wood; 7,8,19 – Rubbish and storage pits (Alcedar-La Cordon, după Haheu 1998).

[Florescu, Florescu 2005, 48-54, 59-60]. Mai invocăm aici anumite particularități ale acestor obiecte. Unele gropi aveau pereții unși cu lut sau erau arse, utilizate pentru păstrarea cerealelor sau a proviziilor. Au fost cercetate gropi cu fundul placat cu lespezi de piatră – Saharna-La Revechin, groapa 2 [Levinschi et al. 1999, 57-59] sau placaj la gura gropii din complexul „D” la Pivdennoe [Sal’nikov 1966, 191]. Placaj identic s-a semnalat și la Nadlimanskoe, unde majoritatea gropilor erau în formă de clopot sau piriforme, unele fiind acoperite cu plăci de piatră [Dzis-Raiko 1966, 172-173, ris. 4]. În așezarea de la Hansca-Căprărie una dintre gropi avea trepte [Nikulitse 1977, 60]. Ultima, de rând cu cele pe fundul cărora s-au găsit vase de provizii (Bunești, Hansca-Tolocă, Saharna Mare, Pivdennoe) serveau pentru păstrarea alimentelor.

Cuptoare. Construcțiile de acest tip au fost depistate atât în cadrul structurilor de locuit, precum și în afara acestora. Se divizează după funcționalitatea lor, din care reiese și particularitățile constructive ale acestora.

Un cuptor în aer liber s-a depistat întreg la Huși-Corni, în apropiere de locuința 3 – piriform, mai larg la gură. Dimensiuni: aproximativ 0,6x0,5 m. Pereții și bolta erau arși pe o grosime de 6-8 cm, podina pietrificată (Fig. 7,1). În cuptor era cenușă și cărbune. Se utiliza, probabil, pentru coacerea pâinii [Teodor 1981, 174-175, fig 5]. O altă variantă o prezentau obiectele care aveau podina din piatră nativă, iar pereții și bolta din lut amestecat cu pietriș și șamotă. La Pivdennoe, în locuința-cameră din complexul „A”, în colțul de N s-a descoperit un cuptor de formă ovală orientat pe axa N-S cu dimensiunile de 1,4x1,1 m. Podina era formată dintr-o zidărie din piatră clădită oblic. Se utiliza la coacerea pâinii sau prepararea bucatelor [Sal’nikov 1966, 180, ris. 3]. Un cuptor a fost descoperit în sectorul NNV al construcției 4 de la Saharna Mică. Prezenta o aglomerație compactă de bucăți de lut ars, care formau o crustă dură. Cuptorul avea formă ovală, dimensiunile de 0,8x0,68 m, orientat N-S. După degajarea dărâmăturii, dedesubt s-au descoperit trei fusaiole, un vas miniatural și fragmente de ceramică locală și grecească încadrată cronologic în perioada sec. VII/VI-V a.Chr. [Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 29] (Fig. 7,2). În baza acestor descoperiri, cu largi similitudini în vestigiile Bârsești-Ferigile [Vulpe 1967] și cele de la Hlijeni [Gol’tseva, Kashuba 1995], construcția 4 se încadrează în perioada enunțată mai sus. Un alt cuptor a fost depistat în partea de VSV a construcției 5 din același sit. Se prezenta în forma unor bucăți de lut ars netede, având ca degresanți resturi vegetale, altele șamotă, nisip și particule de calcar. Baza acestuia era organizată prin pietre dispuse într-o anumită ordine [Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 30]. În construcția 7 s-a descoperit un cuptor-pietrar circular, ridicat din pietre fără liant între ele, pe care se afla un vas cu suporturi. După desenul complexului [Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 32] seamănă mai mult cu o vatră primitivă sau suport. O construcție asemănătoare din pietre a fost descoperită în complexul nr. 1, peste care era

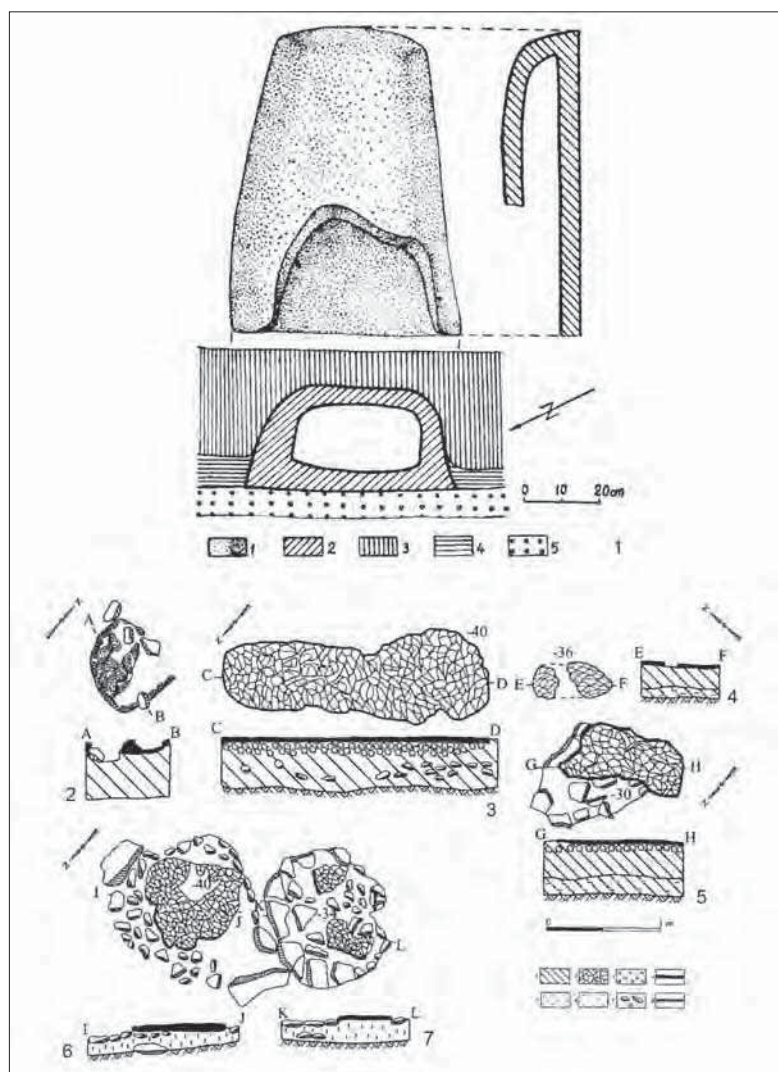

Fig. 7. Cuptoare (1 – Huși-Corni, după Teodor 1981; 2 – Saharna Mare, după Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008); Vetre (3-7 – Saharna Mare, după Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008).

Fig. 7. Furnaces (1 – Huși-Corni, after Teodor 1981; 2 – Saharna Mare, after Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008); Fireplace/Hearth (3-7 – Saharna Mare, after Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008).

depus un craniu uman interpretat ca sacrificiu [Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 34]. Un interes aparte îl prezintă cuptorul din locuința-semibordei 5, prima etapă de locuire a cetății I de la Stâncești. Este de tipul țest, relativ bine păstrat. Vatra din lipituri subțiri (2-3 cm) de lut galben nisipos era direct pe podină. Cele din bolta obiectului erau risipite pe vatră și împrejur. Forma rotundă, 0,8x0,75 m, înălțimea – 0,5 m [Florescu, Florescu 2005, 31]. Construcții similare s-au mai descoperit la Ofatinți [Meliukova 1954, 59-64], Saharna Mică și Saharna la Șanț [Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 35, 153] și Holercani [Passek

1956, 22-23]. În cadrul fortificațiilor (Bunești, Poiana, Răcățau, Brad) se aflau la baza interioară a valului de apărare [Teodor 1999, 32].

Vetre (Fig. 7,3-7). Prezintă un tip de vestigii descoperit mai ales în cadrul structurilor de locuit, atât pentru cele de suprafață, precum și adâncite. În unele cazuri în locuințele cu două camere s-au descoperit vetre pentru fiecare. Nu le credem relevante pentru determinări sau atribuții etnografice. La Saharna-La Revechin în centrul locuinței 4 a fost descoperită o vatră cu forma aproximativ circulară. Diametrul – 0,7 m. Amenajată pe o podină din fragmente ceramice peste care era aplicat un strat de lut gros de 1-3 cm. La 0,3 m NV de aceasta era o groapă pentru depozitarea cenușii [Levinschi et al. 2000, 93, Fig. 1]. Vatră de formă patrulateră (0,51x0,4 m) a fost descoperită în colțul de S a construcției nr. 2 de la Saharna Mare [Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 103]. Tot aici s-au mai cercetat 9 vetre – 7 de forme oval-alungită, una circulară și alta poligonală neregulată [Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 104-105].

Analiza structurilor de trai, precum și a celor legate de activitatea cotidiană a tracilor septentrionali, permite a face unele generalizări importante. Avem în vedere poziția complexelor analizate în calitate de artefact arheologic în posibilele reconstrucții cultural-cronologice. Constatările invocate în cazurile concrete ne duce la concluzia că toate acestea luate aparte (fără să avem în vedere contextul și conținutul lor) nu sunt relevante în calitate de indicator etno-cronologic, ele fiind practic aceleași pentru spații geografice extinse, culturi arheologice limitrofe, precedente/ulterioare din aceleași teritorii. În așa fel ele nu contribuie în sine la determinări cronologice și culturale, cum se socotea până nu demult. Abordând problema tipologiei locuințelor de la Celic-Dere G. Simion le atribuie un criteriu cronologic pentru a urmări evoluția în timp a sitului: pentru etapa

I sunt caracteristice locuințele de tip *semibordei* (diametrul cca 6 m; adâncimea – 0,7 m), la etapa II atribuindu-se locuințele de suprafață [Simion 1997, 231-252]. O situație asemănătoare este atestată și pentru complexul de fortificații de la Stâncești: complexe de locuire din etapa I sunt reprezentate de semibordeie; etapa II – locuințe de suprafață; etapa III – din nou semibordeie [Florescu, Florescu 2005, 30-47]. Pentru ambele cazuri credem că concluziile se bazează mai mult pe logica cercetătorului, decât pe realitățile concrete de ansamblu. Este suficient să privim planul general al cercetărilor de la Stâncești [Florescu, Florescu

2005, Fig. 1] pentru a înțelege că afirmația nu este relevantă. Este ca și în cazul amplasamentului siturilor de habitat, care de obicei nu are coloratură specifică strictă, fiind determinat de necesitățile concrete. Doar abordarea complexă și interdisciplinară a tuturor artefactelor permite abordarea reală a acestor probleme.

Dintre inovațiile structurilor de trai de epocă menționăm atestarea locuințelor cu fundament de piatră (Alcedar, Butuceni, Pivdennoe, Nadlimanskoe) sau cu pereți de piatră (Butuceni), care credem că provin din lumea greacă a *polei*-surilor nord-vest pontice.

Bibliografie

- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Bazarciuc 1983:** V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești (jud. Vaslui). SCIVA 4, 1983, 249-273.
- Bazarciuc 1983-1984:** V. Bazarciuc, O nouă descoperire geto-dacică în Podișul Central Moldovenesc. AMM V-VI, 1983-1984, 168-181.
- Berciu, Moscalu 1972:** Cercetări în cetatea de la Albești (județul Teleorman). SCIV 4, 1972, 633-640.
- Bobi 1999:** V. Bobi, Civilizația geto-dacilor de la curbură Carpaților (sec. VI a.Chr. – II p.Chr.) (București 1999).
- Buzoianu 2001:** L. Buzoianu, Civilizația greacă în zona vest-pontică și impactul ei asupra lumii autohtone (sec. VII-IV a.Chr.) (București 2001).
- Chebotarenko 1969:** Gh. F. Chebotarenko, Nekotorye redkie nakhodki vtoroi poloviny I tysiacheletia do n.e. iz poseleniia Kalfa. In: TGIKMM (Kishinev 1969), 58-60 // Чеботаренко Г.Ф., Некоторые редкие находки второй половины I тысячелетия до н.э. из поселения Калфа. В сб.: ТГИКММ (Кишинев 1969), 58-60.
- Dzis-Raiko 1966:** G.A. Dzis-Raiko, Arheologicheskie issledovaniia gorodoshcha u sela Nadlimanskoe. MASP vupusk 5 (Odessa 1966), 163-175 // Г.А. Дзис-Райко, Археологические исследования городища у села Надлиманское. МАСП выпуск 5 (Одесса 1966), 163-175.
- Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012:** G.A. Dzis-Raiko, S.B. Okhotnikov, E.F. Redina, Gorodishche Nadlimanskoe IV-III vv. do n.e.v Nijnem Podnestrov'e (Odessa 2012) // Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье. (Одесса 2012).
- Florescu, Florescu 2005:** A. Florescu, M. Florescu, Cetățile traco-getice din secolele VI-III a.Chr. de la Stâncești (jud. Botoșani) (târgoviște 2005)
- Florescu, Rață 1969:** A. Florescu, S. Rață, Complexul de cetăți traco-getice (sec. VI-III î.e.n.) de la Stâncești-Botoșani. Suceava. Studii și Materiale I, 1969, 9-20.
- Gol'tseva, Kashuba 1995:** N. Gol'tseva, M. Kashuba, Glingen' II. Mnogosloinyi pamiatnik Crednego Podnestrov'ia (Tiraspol' 1995) // Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).
- Haheu 1998:** V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Șoldănești. RA 2, 1998, 111-135.
- Kașuba, Haheu, Levițki 2000:** M. Kașuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).
- Kashuba, Levitskii 2011:** M. Kashuba, O. Levitskii, Kruglye zhilishcha ranneskifskogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e: naselenie i kontakty, istoki i traditsii domostroitel'stva. Bosporskii fenomen IX. Naselenie, iazyki, kontakty (Sankt-Peterburg 2011), 522-533 // М.Т. Кашуба, О.Г. Левицкий, Круглые жилища раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье: население и контакты, истоки и традиции домостроительства. Боспорский феномен IX. Населения, языки, контакты (Санкт-Петербург 2011), 522-533.
- Levinschi et al. 2000:** A.N. Levinschi, O. Șcipachin, M. Negură, Complexele locative din fortificația getică „Saharna-La Revechin”. Tyragetia IX, 2000, 87-100.

- Marchenko, Domanskii 1986:** K.K. Marchenko, Ia.V. Domanskii, Antichnoe poselenie Kutsurub I. ASGE vyp. 27, 1986, 57-76 // K.K. Марченко, В.Я. Доманский, Античное поселение Куцуруб I. АСГЭ вып. 27, 57-75.
- Meliukova 1954:** A.I. Meliukova, rezultaty raskopok na dvukh poseleniiakh skifskogo vremeni v Moldavii. KS IIMK 56, 1954, 59-68 // А.И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КС ИИМК 56, 1954, 59-68.
- Meliukova 1975:** A.I. Meliukova, Poseleniia i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Moskva 1975) // А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
- Nikulitse 1977:** I.T. Nikulitse, Gety IV-III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh (Kishinev 1977) // И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, Severnye frakiitsy VI-I vv. do n.e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
- Niculiță 1992:** I. Niculiță, Traco-geții la est de Prut. Carpica XXIII/1, 1992, 107-113.
- Niculiță, Teodor, Zanoci 2008:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăuț, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Okhotnikov, Ostroverkhov 2013:** S.B. Okhotnikov, A.S. Ostroverkhov, Oчерк istorii antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. In: Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 443-449 // С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Очерк истории античных городов Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 443-449.
- Passek 1956:** T.S. Passek, Raskopki na mnogoslainom poselenii u s. Golerkany na Dnestre v 1954 g. IMF AN SSSR nr.4 (31), 1956, 19-35 // Т.С. Пасек, Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 г. ИМФ АН СССР №4 (31), 1956, 19-35.
- Sal'nikov 1966:** A.G. Sal'nikov, Itogi polevykh issledovanii u s. Pivdennoe (1960-1962). MASP, vyp. 5 (Odessa 1966), 176-255 // А.Г. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962). МАСП, вып. 5 (Одесса 1965), 176-255.
- Simion 1997:** G. Simion, La site de Celic-Dere. Interprétations ethno-culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final. In: Prima epocă a fierului la gurile Dunării și în zonele circumponice (Tulcea 1997), 231-252.
- Simion, Lăzarcă 1980:** G. Simion, E. Lăzarcă, Așezarea hallstattiană de la Beidaud-Tulcea. Peuce VIII, 1980, 37-54.
- Smirnov 1946:** Gh.D., Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Moldavii za 1946 god. Arhiva Națională a Republicii Moldova, F. 3330, d. 1 // Г.Д. Смирнов, Отчет об археологических исследованиях в Молдавии за 1946 год. Arhiva Națională a Republicii Moldova, F. 3330, d. 1.
- Șovan, Ignat 2005:** O. Șovan, M. Ignat Așezarea getică fortificată de la Cotu-Copălău, județul Botoșani (Târgoviște 2005).
- Teodor 1981:** S. Teodor, Așezarea geto-dacică de la Huși-Corni. Thraco-Dacica tomul II, 1981, 169-195.
- Teodor 1999:** S. Teodor, Regiunile est-carpatică ale României în secolele V-II î.d.Hr. Considerații generale și repertoriu arheologic (București 1999).
- Teodoru 1998:** V. Teodoru, contribuții la cunoașterea civilizației geto-dacice în zona est-carpatică în lumina cercetărilor arheologice. AM XXI, 1998, 29-41.
- Turcu 1972:** M. Turcu, Geto-dacii din Câmpia Munteniei (București 1972).
- Vulpe 1967:** A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile (București 1967).
- Vulpe et al. 1951:** R. Vulpe, Activitatea șantierului arheologic Poiana-Tecuci 1950. SCIV 1951, 177-216.
- Zanoci 1998:** A. Zanoci, Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a.Chr. (București 1998).

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Сергей Ольговский

Новая литейная форма из Ольвии и ольвийская металлообработка позднеархаического времени

Keywords: mold, non-ferrous metalworking, bronze-casting workshop, animalistic style.

Cuvinte cheie: tipar, metalurgia metalelor colorate, metalurgist, atelier de prelucrare a bronzului, stil animalier.

Ключевые слова: литейная форма, цветная металлообработка, литейщик, бронзолитейная мастерская, звериный стиль.

Sergei Ol'govskii

The new mold from Olbia and Olbian metal-working of the late archaic period

The article deals with the finding of a mold in a dugout of the end of 6th century BC in P-25 excavation site in Olbia, in connection with which some aspects of organization of bronze casting craft in the Lower Bug region are being analyzed. The author concludes that there were visiting masters, people from the barbaric environment, who worked in Greek settlements of the region in archaic times. This is evidenced by a wide typological range of products, whose origin should be associated with the most remote regions – from the Western Black Sea coast to Siberia. It is also doubtful that the first Greek settlers, who aimed to settle in the new place, studied at once the demand of the local market and established the manufacturing of products necessary for the locals. In addition, there might not have been any steelmakers among the first settlers, since they had lost their connection to sources of raw materials when leaving for foreign lands.

Sergei Ol'govskii

Un nou tipar de turnat metal din Olbia și metalurgia olbiană din perioada arhaică târzie

În articol este examinat un tipar găsit într-o locuință adâncită de la sf. sec. VI a.Chr. în secțiunea R-25 de la Olbia. Pornind de la acest tipar, se analizează anumite nuanțe ale organizării meșteșugului metalurgiei bronzului în regiunea cursului inferior al Bugului. Autorul ajunge la concluzia, că în perioada arhaică în așezările grecești din zonă lucrau meșteri ambulanți, provenind din mediul barbar. Despre aceasta mărturisește spectrul tipologic larg al pieselor, originea cărora trebuie să fie legată de cele mai îndepărtate regiuni – de la țărmul de vest al Mării Negre până în Siberia. De asemenea este îndoielnic faptul că primii coloniști greci, în fața cărora stătea problema acomodării la locul nou, de îndată au studiat cererea de pe piața locală și au organizat producerea articolelor necesare populației locale. În afară de aceasta, printre primii colonizatori nu se puteau afla meșteșugarii metalurgiști, deoarece, plecând pe alte meleaguri, ei pierdeau legătura cu furnizorii de materie primă.

Сергей Ольговский

Новая литейная форма из Ольвии и ольвийская металлообработка позднеархаического времени

В статье рассматривается находка литейной формы в землянке конца VI в. до н.э. на раскопе P-25 в Ольвии, в связи с которой рассматриваются некоторые моменты организации бронзолитейного ремесла в Нижнем Побужье. Автор приходит к выводу, что в архаическое время на греческих поселениях региона работали заезжие мастера – выходцы из варварского окружения. Об этом свидетельствует широкий типологический спектр изделий, происхождение которых следует связывать с самыми отдаленными районами – от Западного Причерноморья до Сибири. Также сомнительно, что первые поселенцы, перед которыми стояла задача налаживания быта, сразу изучили спрос местного рынка и наладили изготовление варварских изделий для местного населения. Кроме того, среди первых поселенцев не могли находиться ремесленники металлургии, поскольку, уезжая в чужие земли, они утрачивали связь с источниками сырья.

Литейные формы из раскопок Ольвии уже неоднократно становились предметом специального изучения. Еще в 50-х гг. XX в. А.И. Фурманская составила первый свод этих артефактов, который насчитывал 73 изделия [Furmans'ka 1958, 40–60], что, естественно, выводило Ольвию на первое место в системе производственных центров, поскольку ни на одном памятнике скифо-античной эпохи та-

кого их количества на то время известно не было. А.И. Фурманская разделила литейные формы на хронологические группы, а также по типам отливаемых в них изделий и, проводя параллели с готовой продукцией, правильно оценила объем бронзолитейного ремесла в различные периоды истории Ольвии. Как оказалось, большинство ольвийских литейных форм датируются эллинистическим временем

и в целом, как отмечено в работе, в Ольвии больше остатков металлообработки именно этой эпохи [Furmans'ka 1963, 61].

За годы, прошедшие с момента выхода работы А.И. Фурманской, литейных форм было найдено немного. Н.А. Лейпунская опубликовала сведения о всего 10 литейных формах, обнаруженных в центральной части города. Однако все они относятся к эллинистическому или к римскому времени. В целом этот автор отмечает, что после выхода свода А.И. Фурманской увеличилось лишь количество эллинистических форм, несмотря на широкое исследование более ранних слоев [Leipuns'ka 1984, 73].

За последние десятилетия коллекция ольвийских форм пополнилась за счет находок на участке АГД в 1969, 1982 и 1988 гг. фрагментов литейных форм для отливки наконечников стрел, которые представляли собой бронзовые стержни, которые фиксировали створки форм, и формировали полость втулки стрелы. Все они, как и прочие литейные формы, не были связаны с конкретными мастерскими, но сопровождающим находки материалом надежно датировались VI в. до н.э. А третий из этих стержней был найден вместе с обломками тиглей, литниками и большим количеством бронзового шлака [Nazarov, Krutilov 2002, 38–40]. В этой же публикации авторы представляют бронзовую створку от литейной формы, найденную на раскопе Р-25 в 1995 г., в которой отливались наконечники стрел, по мнению авторов публикации, использовавшихся в V в. до н.э. [Nazarov, Krutilov 2002, 40]. Каждая такая новая находка литейных форм открывает новые перспективы в изучении ольвийской металлообработки.

В 2008 г. коллекция ольвийских литейных форм пополнилась еще одной находкой, обнаруженной в раскопе Р-25. Форма, по словам авторов одной из публикаций, изготовлена из красного шифера [Grechko, Krutilov 2010, 96]. Но при ближайшем рассмотрении материал можно определить как плотный песчаник. В форме отливались бляшки, оформленные в скифском зверином стиле (рис. 1). На первой из них изображен волк с поджатыми лапами и оскаленной мордой, а на второй – сопоставленные в геральдической схеме две орлиные головы с треугольными восковицами и круп-

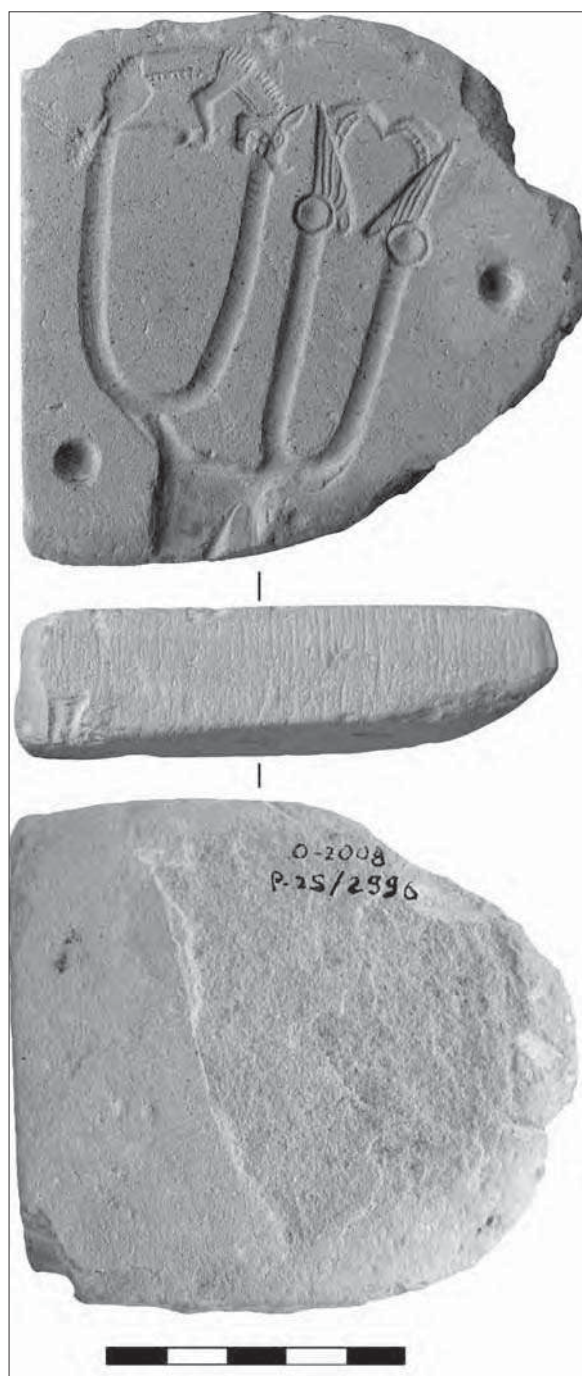

Рис. 1. Литейная форма из раскопа Р-25 (Ольвия).

Fig. 1. The mold of excavation P-25 (Olbia).

ными глазами. Обе головы соединены между собой концами клювов. К обоим негативным изображениям от общего литника ведут по два отдельных канала. На тщательно заглаженной рабочей поверхности имеются также два круглых углубления для штифтов, предназначенные для соединения двух створок и обе-

спечивающие совпадение негативов.

Подробному описанию этой литейной формы уже посвящено несколько публикаций. Д.С. Гречко и В.В. Крутилов, приведя исчерпывающее описание формы, вполне правомерно проводят аналогию с литейными формами, найденными на Березанском поселении в 1975 г. [Son 1987, 118–119], и в 1932 г. [Ostroverkhov 1996, 98–99], с той лишь разницей, что березанские формы изготовлены из алевролитового сланца (рис. 2). Кроме того, вторая березанская форма (рис. 3) отличается от ольвийской наличием трёхлепестковой пальметты в месте соединения орлиных клювов. С одной стороны, это свидетельствует, что отливаемое в форме изделие является одной бляшкой, а не спаренным негативом для серийной отливки. Но в то же время, комбинирование скифского звериного стиля с элементом греческого декоративного искусства не может не вызвать вопросов относительно этнической принадлежности хозяина формы и в определенной степени может использоваться сторонниками мнения о производстве ольвийскими мастерами изделий по заказу местного населения. Но можно привести достаточно примеров использования скифскими мастерами греческих декоративных элементов. Это котел из Раскопанной Могилы с пальметтами и букраниями, котел из кургана Чертомлык с меандровой линией и букранием. Кроме того, И.В. Фабрициус пишет об интересной находке золотой пластины на Шарповском городище, на которой проштампована схематичная голова быка с крупными рогами, что также является букранием. Там же были обнаружены лепные горшки местного изготовления с прорезанными меандровыми линиями и пальметтами [Fabritsius 1949, 96]. К тому же, пальметта на березанской форме выполнена небрежно и в ней нельзя усмотреть руку греческого мастера.

Д.С. Гречко и В.В. Крутилов пришли к вы-

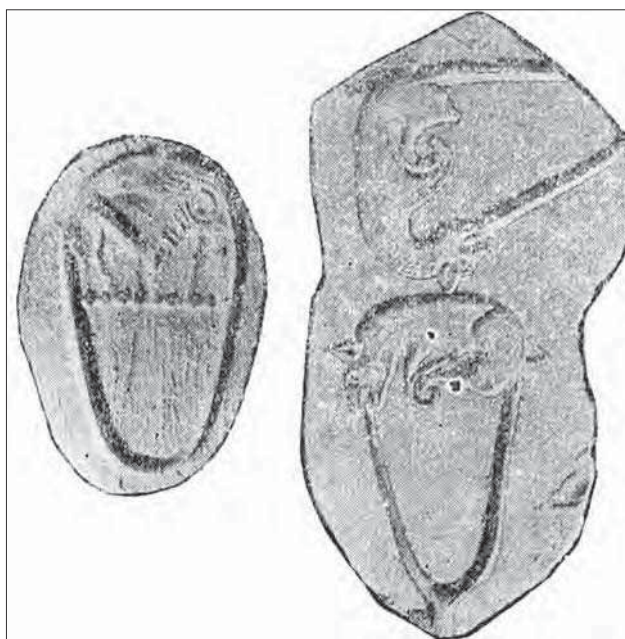

Рис. 2. Литейная форма с Березани (1975 г.).

Fig. 2. The mold from Berezan (1975).

воду, что отливаемые бляхи предназначались для украшения конской сбруи, а не являлись бутеролями ножен мечей и кинжалов, как считает А.С. Островерхов [Ostroverkhov 2005, 227]. Авторы публикации находят сходство бляшки в виде волка с изображениями животных на раннескифских зеркалах и предметах из известного комплекса в Зивийе и считают этот образ привнесенным в Северное Причерноморье скифами, вернувшимися из переднеазиатского похода [Grechko, Krutilov 2010, 97–98].

Условия находки описаны в статье В.В. Кра-

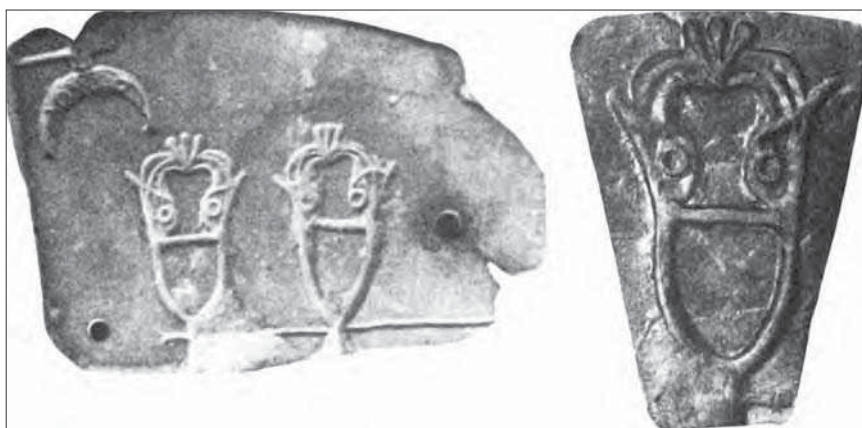

Рис. 3. Литейная форма с Березани (1932 г.).

Fig. 3. The mold from Berezan (1932).

пивинной и А.В. Буйских. Яма №1516 с материалом первых веков н.э., в которой была обнаружена форма, перерезала край землянки №1586, в центре которой было обнаружено сильно прогоревшее до красного цвета пятно круглой формы. Возможно, оно является остатками глиняного пода плавильной печи. Это позволяет расценивать данный объект как производственное помещение, где производилась плавка бронзы и изготовление из нее изделий в скифском зверином стиле [Krapivina, Buiskikh 2011, 205].

Позже А.В. Буйских посвятила публикацию анализу керамического материала из землянки, с которой, по-видимому, форма имела непосредственную связь, что дало автору возможность надежно датировать весь комплекс VI в. до н.э. [Buiskikh 2015, 112].

Таким образом, список металлообрабатывающих мастерских Ольвии пополнился еще одной мастерской, что позволяет выделить морфологические характеристики этих объектов и дать характеристику цветной металлообработке в этом полисе. Рассмотрим известные на сегодняшний день металлообрабатывающие мастерские в Ольвии.

Первая мастерская была открыта в 1929 г. на участке «И», в северной части Ольвийского городища, в квадрате, примыкающем к Главной улице [Meshchaninov 1931, 23–24]. Сообщение о ней весьма краткое и у нас нет возможности выделить какие-либо морфологические особенности мастерской или мастерских. Сколько было горнов, в помещении или вне помещения они были расположены, в каких из них обрабатывалось железо, а в каких медь, или производство было комбинированным, какие металлические изделия были обнаружены в мастерской (мастерских?). На эти вопросы автор заметки ответа не дает. Ничего не сказано и об инструментах, которые, как правило, в целом виде или в виде обломков являются характерными находками в мастерских.

К 50-м гг. XX в. в центральной части города, на участке «АГД», как утверждает Л.М. Славин [Slavin 1962, 10], были открыты остатки не менее трех мастерских, в которых обрабатывался металл. Одна из них имела вид трех подвальных помещений, функционировавших в разное время, соединенных между собой сводчатым подземным ходом. Л.М. Славин называет их по-

гребами и предполагает, что они были частью одного сооружения. Погреб №3 долгое время использовался для сброса в него отходов металлообрабатывающего производства. Во время раскопок в верхней части погреба (до глубины 1,40 м) были обнаружены в большом количестве куски медных шлаков, пережженные куски стенок горна, обломки тиглей с медными наплавками, куски древесного угля, а также полованные и бракованные медные изделия.

Как видим, никаких остатков самой мастерской обнаружено не было. А это должно было быть хотя бы основание бронзолитейной печи на полу помещения или на древнем горизонте дворовой площади, какой-либо сопровождающий материал – инструменты или их обломки, шлаки, производственный брак. В данном же случае все, что находилось в заполнении этих погребов, было обыкновенным мусором, связанным, впрочем, с литейным ремеслом. На вопрос, где же находилась мастерская, Л.М. Славин отвечает, что «к сожалению, это установить не удалось, но ясно одно, что находилась она где-то рядом, и в ее состав входил погреб №3» [Slavin 1962, 10]. Таким образом, отнесение этого комплекса к разряду металлообрабатывающих мастерских весьма проблематично. Следует отметить, что и в последующие годы ни одна из открытых на этом участке мастерских не имела непосредственной связи с этим погребом.

В ходе археологических работ 1982 г. в Верхнем городе была обнаружена еще одна яма, заполнение которой состояло также из отходов бронзолитейного производства. Вместе со шлаками, пережженными стенками горнов в этой яме были найдены монета-стрелка и дельфинчик, совместное обнаружение которых свидетельствует, что сброс производственных отходов производился довольно продолжительное время [Nazarov 1987, 112]. Однако никаких следов мастерской, которая имела бы непосредственное отношение к этой яме, так же как и в первом случае, обнаружено не было.

Остатки, как отмечает Л.М. Славин [Slavin 1962, 10], второй, а по существу первой центральногородской металлообрабатывающей мастерской конца VI в. до н.э., были открыты к югу от 2-й Поперечной улицы Верхнего города. Это был двор или внутреннее открытое

помещение, которое было местом литейного производства. Тут были найдены остатки нескольких горнов открытого типа. Пол помещения был глинобитным, но глиняная обмазка была положена непосредственно на древний горизонт, обожженный перед этим. В некоторых местах сохранились следы второго глинобитного пола, на более высоком, по сравнению с первым, уровне. Это свидетельствует, что мастерская перестраивалась, и два уровня относятся к различным периодам. Интересно, что плавильные печи находились во дворе, а не в помещении, что не может свидетельствовать о ее стационарности. В то же время плавильных печей несколько и располагались они на двух горизонтах, что свидетельствует о продолжительности и интенсивности производства.

К первому, раннему периоду существования мастерской, принадлежат два горна прямоугольной формы с толщиной стенок до 18 см. Судя по найденным в большом количестве медным и бронзовым изделиям, медным и железным шлакам, кускам угля и золы, эти горны использовались для литья бронзовых изделий и для нагревания железных криц. К сожалению, форма горнов не подлежит восстановлению.

К следующему строительному периоду относится один горн, сделанный также из сырца и прямоугольный в плане, размеры его 49×20×9 см. Интересно, что в этом горне имелись 24 вертикальных отверстия, которые использовались, как предполагает Л.М. Славин, для нагнетания воздуха. В восточной части помещения были обнаружены остатки еще одного, плохо сохранившегося горна. Вместе с остатками производственного характера в заполнении помещения отмечено большое количество костей животных и рыб, мелких обломков глиняной посуды, что позволяет предположить, как считает Л.М. Славин, что в последний период своего существования горны использовались, очевидно, как очаги для кухонных надобностей [Slavin 1962, 10–11], что недопустимо для специализированной мастерской. Но если предположить, что это помещение могло сдаваться в аренду заезжим мастерам, то наличие хозяйственных остатков находит более логичное объяснение.

Остается сказать, что в самом помещении и на площади, прилегающей к нему, было обнаружено значительное количество мусорных ям

чашевидной формы, диаметром около 1 м, глубиной около 0,25 м с производственными отходами и шлаками. Но никаких инструментов или производственных остатков около самих печей обнаружено не было.

Остатки еще одной металлообрабатывающей мастерской были обнаружены в западной части Главной улицы, где удалось открыть фрагменты горна и многочисленные остатки литейного производства [Slavin 1962, 11].

Таким образом, из названных Л.М. Славиным объектов, со всей определенностью можно говорить лишь о двух металлообрабатывающих мастерских в центре города конца VI – начала V в. до н.э., одна из которых функционировала в течение двух строительных периодов. Погреб со специфическим заполнением, впрочем, свидетельствует о наличии большего количества мастерских, но ничего конкретного о них мы сказать не можем. Возможно, на их месте были построены новые дома, а все, что было связано с металлообрабатывающим производством, строители сбросили в погреб №3.

Расположение металлообрабатывающих мастерских в центральной части города, непосредственно на территории агоры, дало основание Л.М. Славину говорить, если не о ведущей, то, по крайней мере, о большой роли металлообработки в экономике города [Slavin 1962, 11].

Остатки же четвертой металлообрабатывающей мастерской, интересующего нас времени, были обнаружены в ходе археологических работ 1961–1970 гг. в квартале «Б» ольвийской агоры, в помещении «А». Помещением оно названо условно, поскольку небольшая высота каменной кладки позволяет установить только общий план строения и затруднительно определить, какая часть была жилой, а какая – внутренним двором. От горна сохранился мощный слой печины, золы и мелкого угля, свидетельствующий о том, что пламя было продолжительным, и температура достигалась очень высокая. Выявлено значительное количество мелких бесформенных кусков железа, меди и бронзы, железная крица весом 2 кг, много шлака и других отходов металлообрабатывающего производства. Найдены также железные гвозди и бронзовые наконечники стрел, несколько свинцовых пластинок. Сохранившихся остатков производственного помещения обнару-

жить не удалось и, вероятнее всего, это была мастерская открытого типа, расположенная за границами строения или двора. Поэтому с этой мастерской, по всей видимости, следует связывать найденные на территории расположенных рядом квадратов, примерно на той же глубине, вне помещений фрагменты тигля и литейной формы [Slavin 1975, 27–28].

Как видим, эта мастерская имела логически заверченный вид. Хотя границы ее точно не определены, в наличии есть плавильная печь, производственный мусор, утерянная мелкая продукция, что естественно, когда пол вокруг горна покрыт шлаком и углем. Работал здесь мастер-универсал, поскольку и медь, и железо обрабатывались в одной мастерской, а сама мастерская была стационарной. Но, опять же, никаких инструментов, кроме обломка тигля и фрагмента литейной формы, обнаруженных за пределами мастерской, найдено не было.

Итак, к настоящему времени, вместе с мастерской на раскопе Р-25, можно говорить о пяти производственных комплексах конца VI в. до н.э., которые размещались в центре города.

Иногда авторы отчетов помещениями называют замкнутые античные дворы, как это сделано по отношению к последней мастерской. В данном же случае мы имеем в виду, что металлургический горн находился именно во дворе, то есть, мастерская была открытого типа. Это весьма существенная деталь, так как ее можно было бы назвать одной из характерных черт античной металлообработки в северопричерноморских полисах. Однако сравнение ольвийских центральногородских мастерских с мастерскими, например, некоторых боспорских городов не позволяет сделать это.

Так И.Д. Марченко пишет о мастерской, обнаруженной в доме VI в. до н.э. на восточном эспладном раскопе Пантикапея, где производилась плавка бронзы. Печь находилась на вымостке из обломков амфор и представляла собой металлический резервуар, вероятнее всего, котел с крышкой, укрепленный на кольцевом глиняном основании, внутри которого располагалась топка [Marchenko 1957, 162]. О других морфологических особенностях печи в публикации ничего не сказано, но далее И.Д. Марченко соглашается с Р.В. Шмидт, что подобную конструкцию

имела печь, изображенная на чернофигурной вазе из Орвието и на берлинской чаше, которые были опубликованы еще в XIX в. Х. Блюмнером [Blumner 1887, fig. 50, 51]. Ни в Нижнем Побужье, ни в Скифской лесостепи такая конструкция металлургической печи неизвестна

Важным является и то, что в мастерской имел место специфический культурный слой, содержащий следы металлургического производства – шлаки, а также железные штампы, глиняный тигель с крышкой и обломки литейных форм [Marchenko 1957, 164]. Одна из форм, в которой отливались изделия в виде кошачьего хищника, иногда использовалась для подтверждения отливки на Боспоре изделий в скифском зверином стиле. Но следует согласиться с М.Ю. Трейстером, что ближайшей аналогией пантикапейской форме являются изображения на бутероли мельгуновского меча и на торце секиры из Келермесского кургана. С точки зрения стиля, вопреки утверждениям И.Д. Марченко, В.Д. Блаватского, Э.Я. Яковенко, она не имеет отношения к собственно звериному стилю, а находит ближайшие параллели в архаической вазописи и мелкой пластике [Treister 1988, 131]. То есть, мастерская, найденная в 1957 году, принадлежала греческому мастеру, который производил вещи в греческом стиле, не рассчитанные специально на местных кочевников.

В Фанагории в 1979 г. на раскопе «Верхний город», расположенном в центральной части городища, также была исследована бронзолитейная мастерская с весьма интересным материалом. В.С. Долгоруков анализирует лишь один фрагмент литейной формы, не заостряя внимания на конструкции печи, однако из публикации можно извлечь немало важной информации. Печь находилась в 4 метрах от помещения, на полу было сделано углубление в виде спуска, ведущего к устью печи, в котором был обнаружен фрагмент литейной формы, где отливалась нижняя часть ноги от статуи размером в натуральный человеческий рост [Dolgorukov 1986, 146].

Проводя параллели с известными находками аналогичных обломков литейных форм в Олимпии и Афинах, В.С. Долгоруков пришел к выводу, что литье статуи производилось по восковой модели. В самой печи были обнару-

жены мелкие фрагменты глиняной литейной формы и куски бронзового шлака, там же зафиксирован фрагмент большого глиняного тигля, диаметром 0,20 м [Dolgorukov 1986, 147]. Непосредственно на ступеньках лестницы, ведущей в помещение, найдены также мелкие фрагменты литейной формы, аналогичные найденным в печи и спуске к ней. Весь комплекс датируется концом VI – первой третью V в. до н.э. [Dolgorukov 1986, 148, 149].

Совершенно очевидно, что эта мастерская принадлежала также греческому мастеру. На это указывает характер продукции – большие бронзовые статуи, специфика изготовления которых не позволяла располагать мастерскую в закрытом помещении. Характер заполнения культурного слоя в помещении, расположенном в непосредственной близости от металлургической печи, позволил В.С. Долгорукову предположить, что оно принадлежало мастеру-литейщику, который почти всю свою жизнь прожил в Фанагории. Он мог принадлежать ко второму поколению основателей города или же переселился в Фанагорию несколько позже ее основания [Dolgorukov 1986, 149]. Далее В.С. Долгоруков приводит информацию о том, что в 1872 году И.Е. Забелин рядом с участком «Верхний город» открыл фундамент строения из больших, тщательно отесанных известняковых блоков, которые лежали на материковом слое и определены как остатки храма. В этом храме, по мнению В.С. Долгорукова, и должна была стоять статуя, отлитая в обнаруженной мастерской [Dolgorukov 1986, 148]. Кстати, погребло помещение в результате сильного пожара, связанного, вероятно, с деятельностью металлургической печи.

Очень короткую, но емкую по содержанию информацию представляет Н.А. Онайко о бронзолитейной мастерской в греческом поселении Торик в Северо-Восточном Причерноморье, от которого сохранились развалины одного большого строения. Остальная часть поселения была уничтожена абразией моря. Керамический комплекс позволил надежно датировать этот памятник VI в. до н.э. [Onaiko 1976, 82]. В одном из помещений в юго-западной части этого строения находилась большая разрушенная печь, около которой были собраны многочисленные куски медных шлаков и

руды. К производимой здесь продукции относятся медные гвозди, а так же двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел. Медные стержни, которые относят к продукции местных литейщиков, скорее всего, были товарными заготовками [Onaiko 1976, 82–83].

Никакой подобной информации ольвийские мастерские предоставить нам не могут. Мы не имеем представления о хронологических рамках деятельности этих мастерских, не можем ничего сказать о характере их продукции, а, следовательно, и об этнической принадлежности их владельцев. В лучшем случае, они датируются по материалу, залегающему на одном уровне с остатками печей на довольно большой площади.

Размещение ремесленных мастерских в центре города, на агоре было характерно и для городов греческой метрополии. Одновременно эти мастерские были и торговыми лавками-эргастериями, в которых торговали изделиями, изготовленными на месте [Shmidt 1935, 339]. Такая же организация, по мнению А.И. Фурманской, была и в Ольвии [Furmans'ka 1963, 62]. И это, тем более, закономерно, если в городе работали заезжие мастера, которые могли продавать только что изготовленную продукцию.

По крайней мере, в трех из этих мастерских (о мастерской открытой в 1929 г. мы ничего конкретного сказать не можем), обрабатывалось и железо, и цветные металлы. Только мастерская, исследованная в период после 1961 г. и, по всей видимости, последняя, были постоянными. Удивляет также то, что наряду с многочисленными производственными отходами и готовыми изделиями в этих мастерских не обнаружено никаких инструментов литейщика или кузнеца. В целом из раскопок Ольвии известны лишь одни кузнечные щипцы более позднего времени. При высокой оценке бронзолитейного ремесла Ольвии в архаический период этот факт выглядит довольно странным. В боспорских мастерских известны, по крайней мере, пробойники и зубила. Весьма широкий ассортимент инструментов и в мастерских на скифских городищах. А на Бельском городище были найдены такие уникальные инструменты, как напильник и ножовка.

Не может не обратить на себя внимание и

ассортимент продукции литейщиков из Нижнего Побужья. Это в основном наконечники стрел и украшения, часто оформленные в зверином стиле с соблюдением иконографических традиций местных мастеров. При этом очень сомнительно, что первые греческие колонисты специально изучали номенклатуру местного рынка, чтобы обеспечивать варваров своей продукцией, выполненной с соблюдением их вкусов. Нельзя не согласиться с В.М. Скудновой, которая отмечала, что «ни один греческий мастер, как бы он не стремился подражать скифскому стилю, не смог бы полностью перенять те особые характерные черты в исполнении животных, которые мы видим на скифских изделиях, в частности на зеркалах» [Skudnova 1962, 23]. Мы неоднократно говорили о более высоком уровне бронзолитейного ремесла на скифских памятниках, и скифские мастера вполне могли обеспечить своих соплеменников разнообразными украшениями. Кроме того, разительное отличие в манере изображения животных в архаическое и раннеэллинистическое время, когда жизнь на лесостепных скифских поселениях затухает, позволяет говорить, что именно греческие мастера были авторами шедевров торевтики IV в. до н.э. – чертомлыцкой вазы, украшений из Куль-Обы, пекторали из Толстой Могилы и многих других. Впрочем, производство этих вещей, скорее всего, следует связывать с металлообработкой на Боспоре, а не в Нижнем Побужье.

Следует отметить чрезвычайно широкий типологический диапазон изделий из цветных металлов в ранних слоях Березани и Ягорлыцкого поселения. Бронзовые украшения, например, находят себе яркие аналогии на Северном Кавказе, в Балкано-Карпатском бассейне, лесостепном Поднепровье и даже далеко на востоке. Объяснить это обстоятельство сразу установившейся «модой» на варварские украшения из этих далеких регионов нельзя, поскольку колонисты, как известно, придерживались традиций метрополии на протяжении всего времени существования греческих полисов.

Единственный вывод, который можно сделать из вышеперечисленного, следующий: на Березанском поселении работали заезжие мастера, следы деятельности которых и не должны были сохраниться, так как работали

они с горнами временными, возможно открытого типа, не утруждая себя строительством стационарных горнов сложной конструкции, или устройством производственных помещений. А уезжая, они забирали с собой все свои инструменты, оставляя, возможно, только то, что пришло в негодность, например, обломки литейных форм, не поддающиеся восстановлению. Поэтому основная масса производственных отходов в виде шлаков, слитков, литников и пр. обнаружена на уровне древнего горизонта, но вне помещений, или в заполнении ям и пришедших в негодность землянок.

Некоторый спад производственной активности на Березани и прекращение жизни на Ягорлыцком поселении исследователи связывают с возникновением Ольвии, которая сразу стала развитым ремесленным центром, с которым Березанское и Ягорлыцкое поселения не могли выдержать конкуренции [Ostroverkhov 1978, 17]. Однако, более вероятно, что с основанием греческих колоний в Северном Причерноморье у бродячих мастеров появилась возможность производить и продавать свою продукцию непосредственно в месте проживания покупателей, что было, несомненно, намного удобнее, чем каждый год выезжать на сезонное торжище. Этим можно объяснить и наличие варварских украшений на Березанском поселении. А отсутствие производственных комплексов литейщиков при обилии отходов производства доказывает возможность деятельности здесь именно бродячих мастеров, которые работали с горнами открытого типа, располагавшимися вне помещений, а возможно, и на открытой площади, например, на рынке, как это еще недавно происходило на ярмарках, а сейчас – на этнографических фестивалях. В VI в. до н.э. таким удобным местом становится Ольвия, где можно было арендовать на длительный срок помещение, и откуда можно было выезжать на поселения хоры. О временной деятельности литейщиков вблизи Ольвии свидетельствуют изношенные литейные формы, без каких-либо следов мастерских или отдельных горнов.

Можно также поставить под сомнение и наличие собственно греческих литейщиков в составе первых колонистов. Если вспомнить причины Великой греческой колонизации, то

основным мотивом для покидания родины были неплодородные земли, обезземеливание крестьян, кризис рабовладельческой системы. То есть, первые колонисты были людьми бедными и на новом месте они жили в нужде, перед ними стояли задачи налаживания быта, а не изучения спроса варварского окружения. Ремесленник же, да еще литейщик, был человеком зажиточным и уважаемым. Думается, что и община была бы против его отъезда. Кроме того, специфика металлообрабатывающего ре-

месла требовала поддержания постоянных контактов с источниками сырья, чего мастер сразу лишался на чужбине. Поэтому и приведенные литейные формы следует связывать с варварскими ремесленниками, временно работавшими на Березани и в Ольвии. Думается, что греческое колониальное ремесло могло появиться только после налаживания жизни, о чем свидетельствует начало каменного строительства, что сопровождалось новой волной колонизации.

Библиография

- Blümner 1887:** H. Blümner, *Tehnologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern* IV, 1887.
- Buiskikh 2015:** A.V. Buiskikh, O datirovke bronzoliteinoi masterskoi v iuzhnoi chasti Ol'vii // *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraïni* 1 (14) (Kiïv 2015), 93–112 // А.В. Буйских. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии. *Археологія і давня історія України* 1 (14) (Київ 2015), 93–112.
- Grechko, Krutilov 2010:** D.S. Grechko, V.V. Krutilov, Novaia liteinaia forma iz Ol'vii // *Bosporskie chteniia XI* (Kerch' 2010, 96–101 // Д.С. Гречко, В.В. Крутилов. Новая литейная форма из Ольвии // *Боспорские чтения XI* (Керчь 2010), 96–101.
- Dolgorukov 1986:** V.S. Dolgorukov, Liteinaia forma iz Fanagorii. In: (ed. G.A. Koshelenko) *Problemy antichnoi kul'tury* (Moskva 1986), 145–149 // В.С. Долгоруков. Литейная форма из Фанагории. В сб.: (отв. ред. Г.А. Кошеленко) *Проблемы античной культуры* (Москва 1986), 145–149.
- Krapivina, Buiskikh 2011:** V.V. Krapivina, A.V. Buiskikh, Novyi proizvodstvennyi kompleks pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Ol'vii. *Bosporskie chteniia XII* (Kerch' 2011), 204–208 // В.В. Крапивина, А.В. Буйских. Новый производственный комплекс позднеархаического времени из Ольвии. *Боспорские чтения XII* (Керчь 2011), 204–208.
- Leipuns'ka 1984:** N.O. Leipuns'ka, Livarni formi z rozkopok Ol'vii. *Arkheologiya* 45, 1984, 68–75 // Н.О. Лейпунська. Ливарні форми з розкопок Ольвії. *Археологія* 45, 1984, 68–75.
- Marchenko 1957:** I.D. Marchenko, Materialy po metalloobrabotke i metallurgii Pantikapeia // *MIA* 56, 1957, 160–173 // И.Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. *МИА* 56, 1957, 160–173.
- Meshchaninov 1931:** I.I. Meshchaninov, Otchet o rabotakh Ol'viiskoi ekspeditsii. *Soobshcheniia gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* 2, 1931, 23–24 // М.И. Мещанинов. Отчет о работах Ольвийской экспедиции. *Сообщения государственной Академии истории материальной культуры* 2, 1931, 23–24.
- Nazarov 1987:** V.V. Nazarov, Novye dannye o bronzoliteinom remesle Ol'vii. In: (ed. S.D. Kryzhitskii) *Aktual'nye problemy istoriko-arkheologicheskikh issledovaniï* (Kiev 1987), 112 // В.В. Назаров. Новые данные о бронзолитейном ремесле Ольвии. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) *Актуальные проблемы историко-археологических исследований* (Киев 1987), 112.
- Nazarov, Krutilov 2002:** V.V. Nazarov, V.V. Krutilov, O proizvodstve bronzovykh nakonechnikov strel v Ol'vii. In: (ed. S.D. Kryzhitskii) *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia* (Kiev 2002), 38–44 // В.В. Назаров, В.В. Крутилов. О производстве бронзовых наконечников стрел в Ольвии. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) *Северное Причерноморье в античное время* (Киев 2002), 38–44.
- Onaiko 1976:** N.O. Onaiko, Rozkopki Torika. *Arkheologiya* 20, 1976, 80–88 // Н.О. Онайко. Розкопки Торика. *Археологія* 20, 1976, 80–88.
- Ostroverkhov 1978:** A.S. Ostroverkhov, Ekonomicheskie svyazi Ol'vii, Berезani i Iagorlytskogo poseleniia so Skifiei (VII – seredina V vv. do n.e.). *Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk*, 1978, 23 // А.С. Островерхов. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V в. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, 1978, 23.

- Ostroverkhov 1996:** A.S. Ostroverkhov, Zverinyi stil' i antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia. VDI 2, 1996, 88–102 // А.С. Островерхов. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья. ВДИ 2, 1996, 88–102.
- Skudnova 1962:** V.M. Skudnova, Skifskie zerkala iz arkhaicheskogo nekropolia Ol'vii. Trudy Gosudarstvennogo Ermitaja VII, 1962, 5–27 // В.М. Скуднова. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Труды Государственного Эрмитажа VII, 1962, 5–27.
- Slavin 1962:** L.M. Slavin, Ol'viis'ki kvartali tsentral'noi chastini Verkh'nogo mista. Arkheologichni pam'iati URSS XI, 1962, 3–32 // Л.М. Славин. Ольвийські квартали центральної частини Верхнього міста. Археологічні пам'ятки УРСР XI, 1962, 3–32.
- Slavin 1975:** L.M. Slavin, Kvartaly v raione ol'viiskoi agory (raskopki 1961–1970 gg.). In: (ed. S.D. Kryzhitskii) Ol'viia (Kiev 1975), 5–50 // Л.М. Славин. Кварталы в районе ольвийской агоры (раскопки 1961–1970 гг.). В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Ольвия (Киев 1975), 5–50.
- Son 1987:** N.A. Son, Remeslennoe proizvodstvo. In: (ed. S.D. Kryzhitskii) Kul'tura naseleniia Ol'vii i ee okrug v arkhaicheskoe vremia (Kiev 1987), 118–125 // Н.А. Сон. Ремесленное производство. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время (Киев 1987), 118–125.
- Treister 1998:** M.Iu. Treister, Ioniiskie remeslenniki – skifam. VDI 4, 1998, 130–141 // М.Ю. Трейстер. Ионийские ремесленники – скифам. ВДИ 4, 1998, 130–141.
- Fabritsius 1949:** I.V. Fabritsius, Tiasmins'ka ekspeditsiia. Arkheologichni pam'iati URSS 2, 1949, 80–111 // I.B. Фабрициус, Тясминська експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР 2, 1949, 80–111.
- Furmans'ka 1958:** A.I. Furmans'ka, Livarni formi z rozkopok Ol'vii. Arkheologichni pam'iati URSS VII, 1958, 40–60 // А.І. Фурманська. Ливарні форми з розкопок Ольвії. Археологічні пам'ятки УРСР VII, 1958, 40–60.
- Furmans'ka 1963:** A.I. Furmans'ka, Bronzolivarne remeslo Ol'vii. Arkheologiiia XV, 1963, 61–70 // А.І. Фурманська. Бронзоліварне ремесло Ольвії. Археологія XV, 1963, 61–70.
- Shmidt 1935:** R.V. Schmidt, Ocherki po istorii gornogo dela i metalloobrabatyvaiushchego proizvodstva v antichnoi Gretsii // Izvestiia Rossiiskoi akademii material'noi kul'tury 108, 1935, 222–242 // Р.В. Шмидт. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции // Известия Российской академии истории материальной культуры 108, 1935, 222–242.

Сергей Ольговский, профессор Киевского национального университета культуры и искусств, кандидат исторических наук; e-mail: olgovskiy@online.ua

Виталий Железный

К вопросу о специфике печенежских и узских погребений Пруто-Днестровского региона

Keywords: late nomads, the Pechenegs, the Torks, the Uzes, the Oghuz, funeral rite, graves with horse, graves with the skin of a horse.

Cuvinte cheie: nomazii târzii, pecenegi, torci, uzi, oguzi, ritual funeral, morminte cu cal, morminte cu piele de cal.

Ключевые слова: поздние кочевники, печенеги, торки, узы, огузы, погребальный обряд, погребения с конем, погребения со шкурой коня.

Vitalii Jeleznii

On the problem of specifics of Uzes and Pechenegs burials in the Prut-Dniestr region

In our article, we have studied the burials of the Pecheneg-Uz peoples with the remains of horse (9th-14th centuries) on the territory of the Prut-Dniestr region. 83 graves were analyzed. Attempt was made to emphasize the features of Pecheneg and Uzian (Turk, Oghuz) burial rites. It is generally accepted that Uzes placed the remains of the horse over the person. However, the Pechenegs placed them near the person, at the same level. Based on this feature, the Pecheneg type of graves in the Prut-Dniestr region is more common, while the Uz type is rarer. During the research, it was found that the type of horse remains is also a good ethnic and cultural marker. The Pechenegs buried their deceased with the skull of a horse or with a folded skin of a horse. The Uzes buried the dead with a stretched skin. In this way, the rite of the Pechenegs and Uzes is similar. This stems from their kindred origin, which is confirmed by written sources. They contain information that the Pechenegs were Oguz tribes. It is suggested that the placement of horse remains upright in relation to the deceased is due to the penetration of Islam among the nomads. In the Prut-Dniestr region, such burials are mainly spread in the Golden Horde period. It turned out that graves of Pechenegs existed in the Prut-Dniestr region in the 10th-11th centuries. The graves of the Uzes are typical for the whole period of 10th-14th centuries. By comparing the burials of the Pecheneg-Uzian peoples of various regions of the Eastern Europe in 10th-11th centuries, we can conclude that the social stratification on the Prut-Dniestr territories was weaker than in the Transvolga region. Also, in relation to the Prut-Dniestr region, it was pointed out the fact that the greater the amount of bones accompanied by horse remains in the grave, the more likely it should be attributed to a later time, and the lesser - to an earlier period.

Vitalii Jeleznii

Cu privire la specificul mormintelor pecenege și uze din interfluviul Prut-Nistru

Articolul include rezultatele cercetării mormintelor pecenege și uze din secolele IX-XIV din spațiul Prut-Nistru ce conțineau oase de cal. În total au fost analizate 83 de morminte. A fost întreprinsă încercarea de a stabili indicii ritului funerar peceneg și uz. Este unanim acceptată în literatura de specialitate supoziția, conform căreia uzii depuneau fragmentele de cal deasupra defunctului. Pecenegii însă le depuneau lângă defunct, la același nivel cu acesta. Dacă se ia în considerație această particularitate, atunci rezultă că în regiunea dintre Prut și Nistru este predominant ritul funerar peceneg. În procesul de cercetare a fost admisă opinia că tipul rămășițelor de cal de asemenea reprezintă un indiciu etno-cultural. Pecenegii își înhumau defuncții cu craniu de cal sau cu pielea de cal împăturită, pe când uzii – cu pielea de cal întinsă. În acest fel, ritualurile funerare ale pecenegilor și uzilor se aseamănă între ele, dată fiind originea lor comună. Faptul este indicat și în izvoarele scrise. Acestea denotă că pecenegii reprezentau un trib oguz. Este admisă de asemenea supoziția, că amplasarea verticală în raport cu defunctul a rămășițelor de cal, ar fi determinată de pătrunderea în mediul nomazilor a religiei islamice. În spațiul Prut-Nistru astfel de morminte capătă răspândire preponderent în perioada Hoardei de Aur. Drept rezultat al cercetării, este constatată prezența în interfluviul Prut-Nistru a mormintelor pecenege în secolele X-XI. Mormintele uzilor datează începând din secolul X până în secolul XIV. Este constatat de asemenea faptul, că spre deosebire de mediul altor populații pecenege și uze din Europa de Est, la cea din spațiul pruto-nistrean stratificarea socială poartă un caracter mai puțin accentuat, decât la nomazii din regiunile de dincolo de râul Volga. De asemenea, în cazul regiunii de referință se poate observa o creștere, cu timpul, a numărului resturilor de cal din mormânt: cu cât sunt mai multe oase, cu atât este mai verosimilă atribuirea mai recentă a acestuia, și cu cât mai puține, respectiv este mai vechi.

Виталий Железный

К вопросу о специфике печенежских и узских погребений Пруто-Днестровского региона

В настоящей статье были рассмотрены печенежско-узские погребения с частями коня, известные из древностей Пруто-Днестровского региона IX-XIV вв. Всего проанализировано 83 захоронения. Была произведена попытка выделения признаков печенежского и узского (торческого, огузского) обряда захоронения. Общепринятым в историографии является предположение, что узы помещали части коня над человеком. Печенеги же располагали их рядом

с человеком, на одном с ним уровне. Исходя из этой особенности, можно предположить, что в Пруто-Днестровском регионе, в основном, распространен печенежский тип обряда. В ходе исследования было выдвинуто предположение, что тип останков коня также является этнокультурным маркером. Печенеги хоронили своих умерших с конским черепом, либо со сложенной шкурой коня. Узы погребали с растянутой шкурой. По этим позициям, обряды печенегов и узы между собой схожи. Это происходит из их родственного происхождения. Об этом свидетельствуют и письменные источники. В них содержатся сведения, что печенеги были огузским племенем. В работе было высказано предположение, что размещение останков коня вертикально относительно человека связано с проникновением ислама в среду кочевников. В Пруто-Днестровском регионе такие погребения распространяются, главным образом, в золотоордынский период. В итоге исследования мы пришли к заключению, что печенежские погребения в Пруто-Днестровском регионе приходится на период X-XI вв. Погребения узов известны с X по XIV вв. Сравнение памятников печенежско-узского населения X-XI вв. разных регионов Восточной Европы, позволило прийти к заключению, что в Пруто-Днестровском регионе у кочевников социальная стратификация была слабее, чем у кочевников Заволжья. Также, в отношении Пруто-Днестровского региона, было выявлено, что, чем большим количеством костей сопровождаются останки коня в погребении, тем вероятнее его отнести к более позднему времени, и чем меньшим – к более раннему.

Данная работа посвящена исследованию погребальных памятников поздних кочевников конца IX – середины XIV в. Пруто-Днестровского региона, сопровождающихся останками коня. Рассматриваются захоронения с частями коня. В подобных погребениях наличествует череп коня или его шкура. Под шкурой мы подразумеваем, главным образом, череп, найденный в одном контексте с конечностями коня. Лишь в трех случаях о наличии шкуры могут свидетельствовать конечности, не сопровождавшиеся черепом (Балабану, К.21, П.1 [Chebotarenko, Iarovoï, Tel'nov 1989, 68-69]; Суворово, К.2, П.1 [Dobroliubs'kii, Stoliarik 1983, 71-75]; Шалвирий Ной, К.6, П.11 [Kurchatov 1990]). Шкура коня встречается в сложенном, либо разложенном виде. На основе данных различий были выделены три группы погребений.

Всего выборка составила материалы 83 погребений (карта 1). Однако, для некоторых комплексов отсутствует изображение, а описание об останках коня дано в краткой форме. Поэтому, в ряде случаев, отсутствовала информация по характеристике останков коня. В результате, в рассматриваемые группы вошло 58 погребений. В некоторых случаях в исследовании используется вся выборка, в данных моментах это будет оговариваться.

В работе используется периодизация Г.А. Федорова-Давыдова, разделяющая кочевнические древности восточноевропейских степей IX-XIV вв. на четыре периода: 1) конец IX – XI в. (господство печенегов и краткий период торчешского-узского нашествия); 2) последняя четверть XI – XII в. (начальный период господства половцев); 3) конец XII – начало XIII

в. (предмонгольский период половцев); 4) вторая пол. XIII – XIV в. (золотоордынский период половцев) [Fedorov-Davydov 1966, 9].

Группы погребений:

I группа – погребения с *черепом коня* (девять захоронений) (рис. 1,1-3).

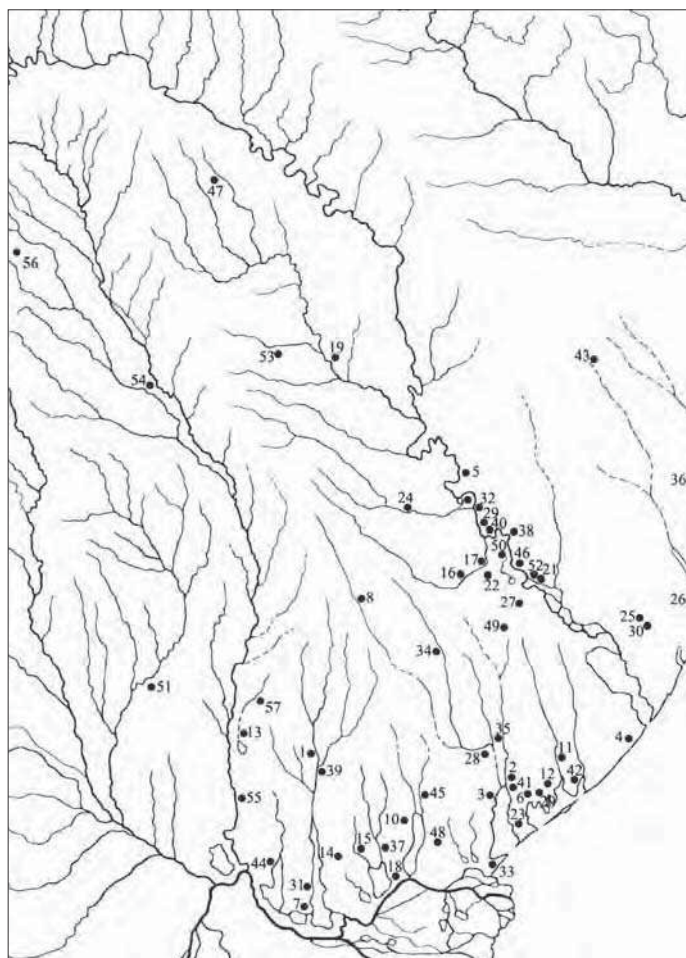
II группа – погребения со *сложенной шкурой коня* (15 захоронений) (рис. 1,4-8).

III группа – погребения с *растянутой шкурой коня* (35 захоронений) (рис. 2,1-8).

Погребения первой группы, по вещевому комплексу (табл. 2), датируются в пределах X-XII вв., уже их можно соотносить, в большей степени, с периодом X-XI вв. (табл. 1). Основная часть погребений второй группы относится к X-XI вв. (табл. 1). Датировки вещевых комплексов из погребений третьей группы, свидетельствуют, о том, что они бытуют в наиболее широком хронологическом диапазоне – X-XIV вв. (табл. 1).

Печенеги и узы Пруто-Днестровского региона в контексте их пребывания в степях Восточной Европы.

Анализ погребальных памятников печенегов и узов (огузов, гузов, торков - по разным письменным источникам) степей Восточной Европы позволил различным исследователям выделить характерные черты их погребального обряда. И у тех и у других групп населения погребения впускные, с западной ориентировкой, с сезонными отклонениями, шкура коня также обращена черепом на запад. Для печенегов было определено наличие шкуры коня, разложенной рядом с погребенным на дне могилы. Обряд узов отличается расположением шкуры коня над погреб-

Карта. 1. Размещение кочевнических погребений IX-XIV вв. с частями коня в Пруто-Днестровском регионе. 1 – Балабану; 2 – Белолесье; 3 – Борисовка; 4 – Будаки; 5 – Бутор; 6 – Вишневое; 7 – Градешка; 8 – Градиште; 9 – Гура-Быкулуй; 10 – Дзинилор; 11 – Дивизия; 12 – Желтый Яр; 13 – Зырнешть; 14 – Каланчак; 15 – Каменка; 16 – Кэушень; 17 – Киркэешть; 18 – Кислица; 19 – Кодрул Ноу; 20 – Кочковатое; 21 – Красное; 22 – Кырнэцень; 23 – Лиман; 24 – Мерень; 25 – Мирное; 26 – Нерубайское; 27 – Рэскэций Ной; 28 – Павловка; 29 – Паркань; 30 – Петродолинское; 31 – Плавни; 32 – Плоское (Dobroliubskii 1986: 27); 33 – Приморское; 34 – Сэиць; 35 – Сарата; 36 – Сербка; 37 – Суворово; 38 – Сукля; 39 – Тараклия; 40 – Терновка; 41 – Траповка; 42 – Тузлы; 43 – Флориновское; 44 – Фрикацей; 45 – Холмское; 46 – Чобурчиу; 47 – Шалвирий Ной; 48 – Шевченково; 49 – Штефан-Водэ; 50 – Копанка; 51 – Гривица; 52 – Хлина; 53 – Мындрешты; 54 – Пробота; 55 – Вадул луй Исак; 56 – Рома; 57 – Румянцево.

Мар. 1. Spacing of nomadic burials of the IX-XIV centuries with the remnants of the horse in the Prut-Dniester region. 1 – Balabanu; 2 – Beloles'e; 3 – Borisovka; 4 – Budaki; 5 – Butor; 6 – Vishnevoe; 7 – Gradeshka; 8 – Gradište; 9 – Gura Bicului; 10 – Dzinilor; 11 – Diviziia; 12 – Zholti Iar; 13 – Zırnești; 14 – Kalanchak; 15 – Kamenka; 16 – Căușeni; 17 – Chircăiești; 18 – Kislitsa; 19 – Codrul Nou; 20 – Kochkovatoe; 21 – Crasnoe; 22 – Cîrnățeni; 23 – Liman; 24 – Mereni; 25 – Mirnoe; 26 – Nerubaiskoe; 27 – Răscăieții Noi; 28 – Pavlovka; 29 – Parcani; 30 – Petrodolinskoe; 31 – Plavni; 32 – Ploskoe (Dobroliubskii 1986: 27); 33 – Primorskoe; 34 – Săiți; 35 – Sarata; 36 – Serbka; 37 – Suvorovo; 38 – Sucleia; 39 – Taraclia; 40 – Tîrnauca; 41 – Trapovka; 42 – Tuzly; 43 – Florinovskoe; 44 – Frikatsei; 45 – Holmskoe; 46 – Cioburciu; 47 – Șalvirii Noi; 48 – Shevchenkovo; 49 – Ștefan Vodă; 50 – Copanca; 51 – Grivița; 52 – Hlinaia; 53 – Mîndrești; 54 – Probota; 55 – Vadul lui Isac; 56 – Roma; 57 – Rumyantsevo.

бенным (на перекрытии, в засыпке, на крышке гроба или колоды) [Garustovich, Ivanov 2001, 94; Pletneva 2003, 123-124; Kruglov 2003, 13]. В одном случае останки коня находятся в горизонтальном соотношении с человеком, а в другом – в вертикальном.

Исходя из данной характеристики, из пе-

ченежско-узского круга выпадают погребения, составленной нами выборки, с восточной (пять захоронений), а также с полярными ориентировками (шесть захоронений)¹. В двух захоро-

1. Погребения с восточной ориентировкой появляются в Пруто-Днестровском регионе в половецкий период [Dobroliubskii 1986, 54, 122], с южной и северной – в зо-

нениях покойник и останки коня располагались в противоположные стороны: в одном человек лежал головой на запад, а шкура коня – черепом на восток (Сарата, К.10 [Knauer 1890, 30-31; Dobroliubskii, Dzigovskii 1981, 141]), в другом – погребенный ориентирован головой на ЮВ, шкура коня – на СЗ (Кислица, К.4, П.19 [Dobroliubskii 1986, 99]). Помимо этого, выделяется маленькая группа, в которой кости коня находились в ногах покойника (Пробота, П.7 [Zaharia, Zaharia 1962, 603-605; Spinei 1985, 116]; Градиште, К.1, П.11 [Oboldueva 1955, 37, 45, 47]; Шалвирий Ной, К.6, П.11 [Kurchatov 1990]; Румянцево, К.1, П.15 [Bubulich 1992, 17-18]), что по отношению к некоторым захоронениям (Пробота, П.7; Градиште, К.1, П.11) можно интерпретировать как черту погребального обряда венгров [Balint 1972, 178]. В одном погребении сложенная шкура располагалась вдоль нижней части скелета покойника справа (Киркэешть, К.1, П.4 [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 136]). Остальные захоронения можно соотнести с печенежско-узским населением. Это погребения с западной ориентировкой, останки коня ориентированы в том же направлении, в каком и костяк покойника, при этом, череп коня располагается у головы человека.

В Пруто-Днестровском регионе всего было выявлено 18 погребений (22%) характеризующихся вертикальным соотношением покойника и останков коня. Из них, в шести случаях (7%) кости коня располагались над человеком (на перекрытии, либо в засыпке), и в 12 погребениях (14%) они находились на уступе. В некоторых случаях часть костей коня присутствует на уступе, а часть над погребенным (Нерубайское, К., П.1 [Zakharuk 1949, 140-141, 143]; Нерубайское, К., П.2 [Zakharuk 1949, 141-144; Dobroliubskii, Dzigovskii 1981, 138]; Сукля, 156.1899/334 [Dobroliubskii 1986, 92]; Тараклия, К.2, П.3 [Dergachev 1980, 14; Dobroliubskii 1986, 103]).

Для данной категории погребений характерно присутствие останков по левую сторону от человека. Если имеется уступ, то он распо-

лотоордынский [Dobroliubskii 1986, 69; Fedorov-Davydov 1966, 151, 159].

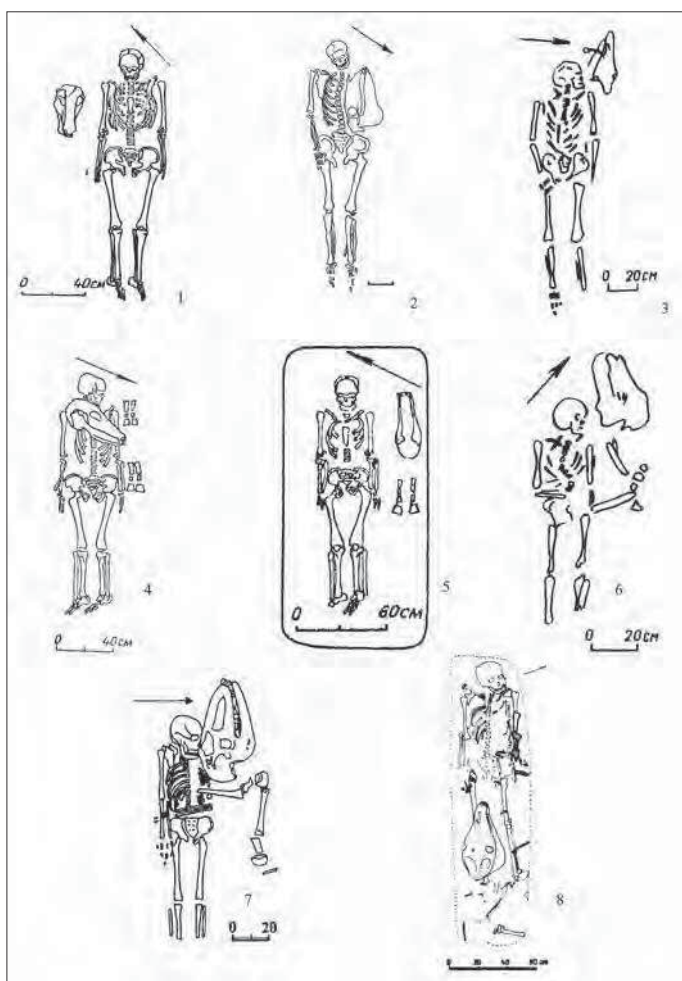

Рис. 1. Погребения первой (1-3) и второй (4-8) группы. Масштабы разные. 1 – Балабану, К.1, П.2; 2 – Кодрул Ноу, К.3, П.5; 3 – Плавни, К.12, П.4; 4 – Киркэешть, К.4, П.5; 5 – Кэушень, К.5, П.1; 6 – Красное, К.5, П.2; 7 – Тараклия, К.19, П.1; 8 – Пробота, П.7.

Fig. 1. Burials of the first (1-3) and the second (4-8) groups. Different scale is used. 1 – Balabanu, M.1, B.2; 2 – Codrul Nou, M.3, B.5; 3 – Plavni, M.12, B.4; 4 – Chircăiești, M.4, B.5; 5 – Căușeni, M.5, B.1; 6 – Crasnoe, M.5, B.2; 7 – Taraclia, M.19, B.1; 8 – Probota, B.7.

гается слева от человека. А если кости коня находятся над погребенным, то их положение было либо прямо над ним, либо с отклонением влево.

Также можно выделить по отношению к данным погребениям определенный дифференцирующий аспект. В одних комплексах все кости коня находятся в вертикальной позиции по отношению к человеку (над ним в засыпке или на перекрытии, на уступе). В других (четыре погребения) – череп коня располагается на груди покойника, а конечности на дне могилы (Киркэешть, К.4, П.5 [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 147-149]; Та-

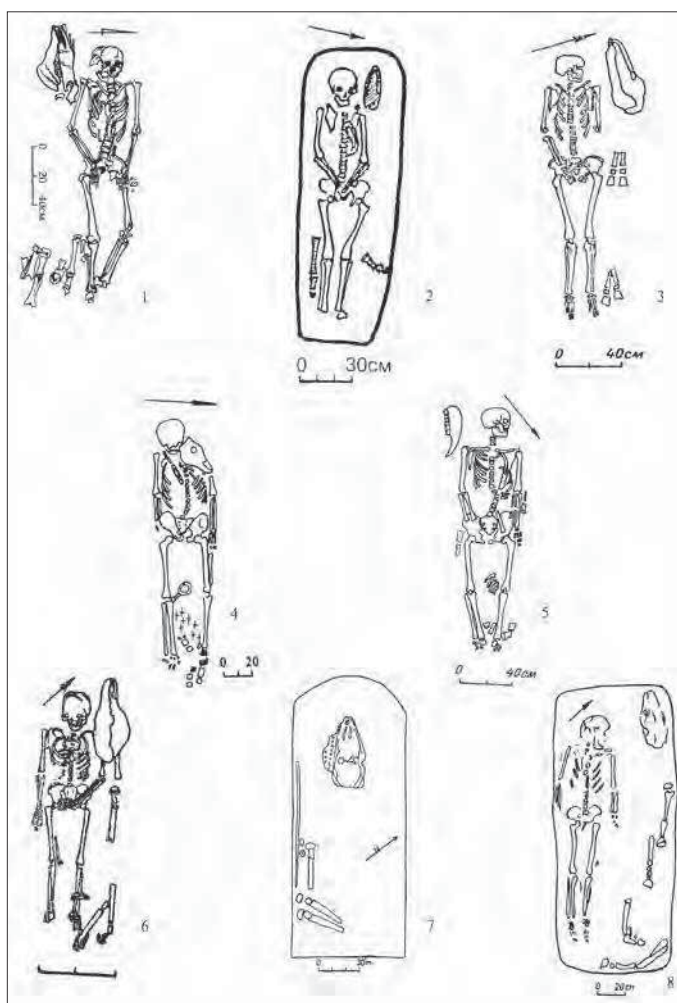

Рис. 2. Погребения третьей группы. Масштабы разные. 1 – Бутор I, К.2, П.1; 2 – Дивизия II, К.5, П.5; 3 – Кэушень, К.1, П.1; 4 – Мерень I, К.1, П.2; 5 – Рэскэций Ной, К.1, П.1; 6 – Сэиць, К.6, П.5; 7 – Приморское, К.1, П.6; 8 – Дзинилор, К.5, П.1.

Fig. 2. Burials of the third group (1-8). Different scale is used. 1 – Butor I, M.2, B.1; 2 – Diviziia II, M.5, B.5; 3 – Căușeni, M.1, B.1; 4 – Mereni I, M.1, B.2; 5 – Răscăieții Noi, M.1, B.1; 6 – Săiți, M.6, B.5; 7 – Primorskoe, M.1, B.6; 8 – Dzinilor, M.5, B.1.

пакля, К.2, П.3 [Dergachev 1980, 14; Dobroliubskii 1986, 103]; Павловка, К.2, П.2 [Spinei 1985, 114-115; ОИАК 1893, 84, 164]). К последним относится одно захоронение, в котором присутствовал только череп коня, находившийся на левой части грудной клетки покойника (Кодрул Ноу, К.3, П.5 [Iarvoi 1985, 26]). И одно захоронение, в котором череп коня лежал на груди погребенного, кости трех конечностей располагались слева на дне могилы, и кости одной конечности на уступе (Таракля, К.2, П.3 [Dergachev 1980, 14; Dobroliubskii 1986, 103]).

Первая группа погребений, в которых все кости коня лежат вертикально относительно скелета человека, датируются по вещевому комплексу XIII-XIV вв. (табл. 1). Во вторых, отсутствует датирующий инвентарь, однако по погребальному обряду (присутствие только черепа коня, либо отчленение конечностей коня по первый сустав – см. раздел «Особенности связанные с конечностями коня») их можно отнести к диапазону X-XII вв.

В целом, кочевники Пруто-Днестровского региона размещали части коня, преимущественно, рядом с покойником на дне могилы, что соответствует печенежской традиции.

Такая ситуация характерна в общем для западных областей Восточной Европы. Для этой территории отмечается малое количество погребений со шкурой коня уложенной над умершим, в отличие от Северного Прикаспия, Урало-Поволжья и Волго-Подонья [Kruglov 2001, 428]. В.А. Иванов составил каталог узко-печенежских погребений Восточной Европы. В нем содержится 84 погребения со шкурой коня лежащей над человеком, и из них 45 (64%) погребений географически располагаются к востоку от Волги. При этом область распространения

данных захоронений на западе ограничивается Днестром, западнее которого такие памятники встречаются крайне редко [Ivanov 2014, 132]. Наибольшая концентрация узких элементов материальной и погребальной культуры приходится на Северный Прикаспий. К подобным признакам относятся конская шкура, расположенная над человеком, копоушки, птицевидные нашивки и поясные наборы [Garustovich, Ivanov 2001, 77]. И чем дальше от этого ареала, тем менее выражены узкие признаки, и более нарастает количество печенежских. Так, севернее – в Урало-Поволжье – соотношение погребений со шкурой коня рядом с человеком и над ним, уже в пользу первых. В выделенных И.В. Матюшко погребениях IX-XI вв. со шкурой коня степного Приуралья в 70% случаях кости коня находились рядом с человеком (слева) и в 20% - над ним (10% - на перекрытии и 10% - в засыпи) [Matiushko 2016, 183]. Также в северных

областях Заволжья – в лесных и лесостепных районах – распространены удила без перегиба, которые по мнению С.А. Плетневой являются печенежским атрибутом [Pletneva 1958, 162].

Погребения степей Восточной Европы со шкурой коня расположенной рядом с человеком на дне могилы представлены 201 в выборке В.А. Иванова (в 169 погребениях кости коня слева, в 32 – справа от человека). Характер их распространения В.А. Иванов описывает следующим образом: «Их география обратно пропорциональна географии огузских погребений: 21,4% локализуются в степях Урало-Поволжья. К западу от Волги частота встречаемости этих погребений идет по возрастающей: из оставшихся 78,6% рассматриваемых погребений 12,9% обнаружены в степях Волго-Донского междуречья, 15,4% – в Нижнем Подонье и 48,2% – на территории современной Украины до Днестра на западе» [Ivanov 2014, 134].

Отмеченная территориальная дифференциация археологического материала согласуется и с письменными источниками. На их основании В.А. Иванов выделяет для IX-XI вв. две «Печенегии» – Европейскую и Заволжскую. Заволжская Печенегия находилась между Волгой и Уральским хребтом. К югу от них проживали узы (огузы) [Pilipchuk 2014, 238; Ivanov 2000, 273; Garustovich, Ivanov 2001, 101-105].

Социокультурные процессы в среде печенежского и узского населения по данным погребального обряда.

Теперь остановимся на категории погребений с уступами, на которых располагаются части коня. Всего, из выборки на эту группу пришлось 12 таких захоронений (14%). В двух погребениях были два уступа вдоль длинных стенок погребальной камеры (кости коня в них находились вдоль северного). В остальных уступ располагался вдоль длинной северной стенки, т.е., по левую сторону от человека. Тип шкуры известен по отношению к шести погребениям – в них присутствовала разложенная шкура (в остальных случаях, в описании сообщается, что присутствуют череп и конечности ног коня).

Мнения исследователей по поводу этнической идентификации данной категории погребений, порою различается. Е.В. Круглов согласен с С.А. Плетневой в том, что погребения с уступами являются особенностью узского

погребального обряда, т.к. выражают вертикальное соотношение останков коня и человека [Kruglov 2001, 399]. Сама С.А. Плетнева в разных публикациях соотносила погребения с уступами с различными этническими группами: с печенегами [Pletneva 1958, 155], с узами [Pletneva 1981, 218], а потом опять с печенегами [Pletneva 2003, 123-124]. В.А. Иванов в отношении кочевнических погребений Урало-Поволжья X-XI вв., отмечает, что погребения с уступами встречаются чаще у печенегов, тогда как у узов доминируют могилы с деревянным перекрытием [Ivanov 2014, 135]. Таким образом, очевидна неопределенность и трудность в этнической интерпретации погребений с уступами печенежско-узского населения.

Для решения этого вопроса нужно исходить из сущности такого явления как сооружение уступа (в более широком смысле – условные конструкции погребальной ямы). По всей видимости, первоначально уступ не этническая черта, а социальная. И фиксируются уступы не как этномаркирующий признак в погребальном обряде какого-либо народа, а можно лишь вести речь о степени распространенности (или нераспространенности) среди погребальных памятников той или иной этнокультурной группы, что свидетельствует об определенных социальных условиях. По мнению исследователей, конструкция могилы определялась уровнем затрат труда на ее сооружение, которые характеризуют социальный статус погребенного индивида. Показатели затрат труда при погребальных действиях в контексте конкретной этнокультурной группы характеризуют ее общественную организацию и стратификацию [Masson 1976, 153; Dobroliubskii 1978, 113]. С этой точки зрения наличие уступа в погребении не является само по себе этнической характеристикой. Сооружать уступы в могиле могли как узы, так и печенеги.

Для первого периода (по Г.А. Федорову-Давыдову) сооружение уступов в погребениях Пруто-Днестровского региона оказалось нехарактерным, они появляются со второго периода [Dobroliubskii 1986, 54]. В тоже время, для Заволжья свойственна другая ситуация. В Урало-Поволжье 6,5 % кочевнических погребений X-XI вв. были с уступами [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 336]. В Степном Приуралье та-

кой показатель составил 10% [Matiushko 2016, 183]. Погребения с уступами фиксируются и в Северном Прикаспии [Kruglov 2001, 431-435]. Кроме того, на данных территориях в это время существует практика сооружения подбоев [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 337; Matiushko 2016, 183; Kruglov 2001, 431-439], которые также предполагают большие затраты труда на сооружение погребальной камеры. В Пруто-Днестровском регионе погребения с подбоями ранее золотоордынского времени не встречаются [Dobroliubskii 1986, 73]. Все это свидетельствует о различной социальной организации кочевников данных регионов.

Схожая ситуация и с захоронениями с останками коня над человеком, которые на западных территориях свидетельствуют о меньших затратах труда: в восточноевропейских степях к западу от Поволжья распространены погребения без перекрытий, в которых кости коня находятся в засыпи могилы [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 384, рис. 13]. Данные региональные особенности подтверждаются еще и таким показателем, как основное или впускное погребение. Если в Урало-Поволжье высок процент основных погребений среди узских и печенежских комплексов [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 336, 340], то в Пруто-Днестровском регионе основные погребения с частями коня датируются золотоордынским временем (табл. 1). В итоге можно прийти к выводу о региональном отличии социальной стратификации печенежско-узского населения. В Северном Прикаспии и Урало-Поволжье социальная стратификация у них была сильнее, нежели в их западных местах проживания.

Помещение костей коня над погребенным, является, скорее, особенностью социокультурного характера. В данном случае кости коня не хоронятся в одном погребальном пространстве с человеком, а несколько выносятся за него. Это может быть проявлением распространения ислама среди узского населения (письменные источники сообщают о принятии ислама некоторыми группами огузов [Garustovich, Ivanov 2001, 12, 24, 126]). В погребальном комплексе это выражается в удалении языческих элементов «на второй план», к которым, в значительной степени, относится захоронение умершего вместе с конем. В таком обряде можно видеть синкретизм языче-

ства и ислама, их взаимосуществование в узкой культурной среде. Конечно, в данном случае не идет речь о принятии узами мусульманства, т.к. погребения соответствовали бы «в чистом виде» мусульманским канонам, предполагающим отсутствие останков коня, скудность вещевого комплекса. Здесь же, вероятно, отражено слабое влияние монотеистической религии в условиях формирующейся государственности.

В Пруто-Днестровском регионе погребения с останками коня, находящимися над человеком, приходится на золотоордынский период (XIII-XIV вв.), т.е. на время когда ислам особенно активно проникал в среду кочевников. К более раннему времени (X-XII вв.), по обряду, можно отнести такие формы, как: присутствие черепа коня на груди покойника, а конечностей на дне могилы, или же наличие только черепа коня на груди погребенного. Таким образом, культурные процессы, происходившие в Заволжье в IX-XI вв., в Пруто-Днестровском регионе наиболее интенсивно начали реализовываться только в золотоордынский период.

Однако и присутствие костей коня на уступе также отражает некую обособленность их по отношению к человеческому захоронению, хотя и образуют с ним единый погребальный комплекс. Вместе с этим, погребения с уступами характеризуются большими затратами труда.

Распространение в Пруто-Днестровском регионе погребений с уступами, на которых находятся кости коня, показывает, что они приходятся, в основном, на золотоордынский период (табл. 1). То есть, данные захоронения, в общем, распространены аналогичным образом, как и могилы, в которых части коня находятся над человеком. И отражают они, по всей видимости, те же самые социокультурные процессы, происходившие в среде кочевого населения Пруто-Днестровского региона в данное время.

Об этих тенденциях свидетельствуют и другие элементы погребального обряда. Так, в период с X по XII вв. отмечается преобладание подстилок, ни в одном захоронении не было совместное присутствие подстилки и перекрытия. Позднее затраты труда становятся больше: с XII по XIV вв. распространены сочетания подстилок и перекрытий, а также использование гробов. В это время, по сравнению с подстилками, преобладают перекрытия,

подстилки встречаются только в сочетании с перекрытием. Как видно, погребальный обряд изменялся всесторонне, что отразилось на совокупности признаков.

Попытка идентификации печенежских и узских захоронений

В печенежско-узских погребениях присутствует два варианта расположения конской шкуры – сложенная или разложенная. К сожалению, подобная дифференциация, как правило, не производилась исследователями в их публикациях. Данный признак был принят во внимание Е.В. Кругловым при исследовании кочевнических погребальных памятников Северного Прикаспия второй пол. IX – первой пол. XI в. В результате исследователь выяснил, что растянутые шкуры коней «зафиксированы исключительно в положении над погребенным» [Kruglov 2001, 419]. Отсюда, можно предположить, что признаком погребального обряда узов является не только такая черта как расположение шкуры коня над погребенным, но и ее *разложенность*.

В то же время, анализ кочевнических погребений Пруто-Днестровского региона позволил предположительно соотнести определенные погребальные памятники с печенегами. Печенежской чертой обряда можно считать наличие *сложенной* шкуры коня, располагающейся на дне могилы рядом с погребенным, ориентированным на запад. При этом шкура сложена у верхней части скелета человека. Встречаются и погребения другого типа, в которых присутствует только череп коня, располагающийся у головы человека, ориентированного на запад. Основная масса таких погребений распространена в первом периоде (по Г.А.Федорову-Давыдову), более поздним временем уверенно можно датировать лишь одно захоронение (Рома, К.1, П.1 – 13-14 вв.). Однако, выделяется малая группа захоронений характеризующихся печенежским типом присутствия частей коня (черепа, либо сложенной шкуры) с восточной ориентировкой. Восточная ориентировка среди позднекочевнических комплексов Восточной Европы распространяется в половецкий период, и является характерным признаком погребального обряда этого народа [Pletneva 1981, 218]. Отсюда, можно предположить, что данный тип погребений представляет собой влияние половецкого обряда на печенежский. В итоге можно констатировать: в основном печенежские по-

гребения приходятся на первый период, после которого отмечаются в малом количестве, и при этом большей частью с признаком половецкого обряда. Погребения с *растянутой* шкурой коня существуют в Пруто-Днестровском регионе с X по XIV вв. Причем, в отношении первого периода некоторые погребения датируются X – началом XI в., т.е. тем временем, когда узы еще не мигрировали на запад (их передвижение относится ко второй половине XI в.). Кроме того, количество погребений с растянутой шкурой в X–XI вв. довольно представительно, поэтому они не могли быть оставлены узами за короткое время их присутствия, приходящееся на конец первого периода. Получается, что во время печенежского господства Пруто-Днестровские земли, помимо самих печенегов, населяли и узы.

Если вернуться на территорию Северного Прикаспия, то можно отметить распространность практики уложения сложенной шкуры коня над погребенным, в отличие от Пруто-Днестровского региона, где сложенная шкура помещалась рядом с человеком. И также Е.В. Круглов отмечает, что общее количество погребальных памятников IX–XI вв. с печенежскими признаками на территории Северного Прикаспия оказалось крайне незначительно [Kruglov 2001, 419; 2003, 22]. Отсюда можно заключить, что в Северном Прикаспии господствующим являлся погребальный обряд узов. Огузский каганат был полиэтническим образованием, в состав которого входили печенеги, асы, аланы и др. племена [Agadzhanov 1969, 147].

Стоит отметить, что, в принципе, разница небольшая между погребальным обрядом печенегов и узов, если иметь в виду обычай укладывать части коня в захоронение. Т.е., очевидна типологическая близость этих обрядов, а соответственно и культурная. Это может быть, по всей видимости, следствием того, что данные народности являются родственными, а следовательно, не стоит искать и какие-либо значительные различия между ними, поскольку это не два разных и чуждых друг другу этноса. А вариативность в способе укладки шкуры коня в могилу может и быть отражением погребального обряда родственных этнических групп.

Об этногенетическом родстве печенегов и узов (огузов) сообщают и письменные источники. Абу-л-Гази упомянул имя хана Бече как од-

ного из 24-х внуков Огуз-хана [Копонов 1958, 56]. Махмуд Кашгарский, автор XI в., представил печенегов заволжских степей как племя, входившее в состав огузов [Fedorov-Davydov 1966, 135], т.е. этноним огузы был также и собирательным [Garustovich, Ivanov 2001, 47].

Различные же проявления обряда какой-либо группы (например, кости коня над человеком или рядом с ним) отражают социокультурные особенности, возникшие в конкретной этнокультурной, геополитической обстановке. В случае узов помещение шкуры коня над погребенным могло означать влияние ислама, а немусульманизированные узы погребали человека, укладывая шкуру коня рядом с ним. Такие захоронения, с горизонтальной позицией, распространены вне территории Северного Прикаспия, а с вертикальной, наоборот – чаще всего в Северном Прикаспии. Эта особенность исходит из социальной организации узов данного региона – усиление государственности, социальной стратификации [Agadzhanov 1969, 102] – условий, которые способствовали проникновению ислама, и, наоборот – под влиянием ислама происходили активнее. Такому же влиянию подвергались и другие этнические группы, в частности – печенеги, хоронившие умерших со сложенной шкурой помещавшейся над погребенным.

Особенности, связанные с конечностями коня

Исследования позднекочевнических захоронений восточноевропейских степей показали, что отчленение скаковых конечностей коня по тот или иной сустав является хронологическим показателем. Как выяснилось, отчленение по первый и второй сустав характерно для более ранних захоронений, а по третий для более поздних [Atavin 1984, 134-143].

Первым исследователем, кто учел данный признак для позднекочевнических погребений, был А.Г. Атавин. Его выборка территориально охватила восточные районы восточноевропейской степи [Atavin 1984, 134]. Затем на это внимание обратила и С.А. Плетнева в своих более поздних публикациях, относившимся к кочевническим захоронениям курганов Белой Вежи

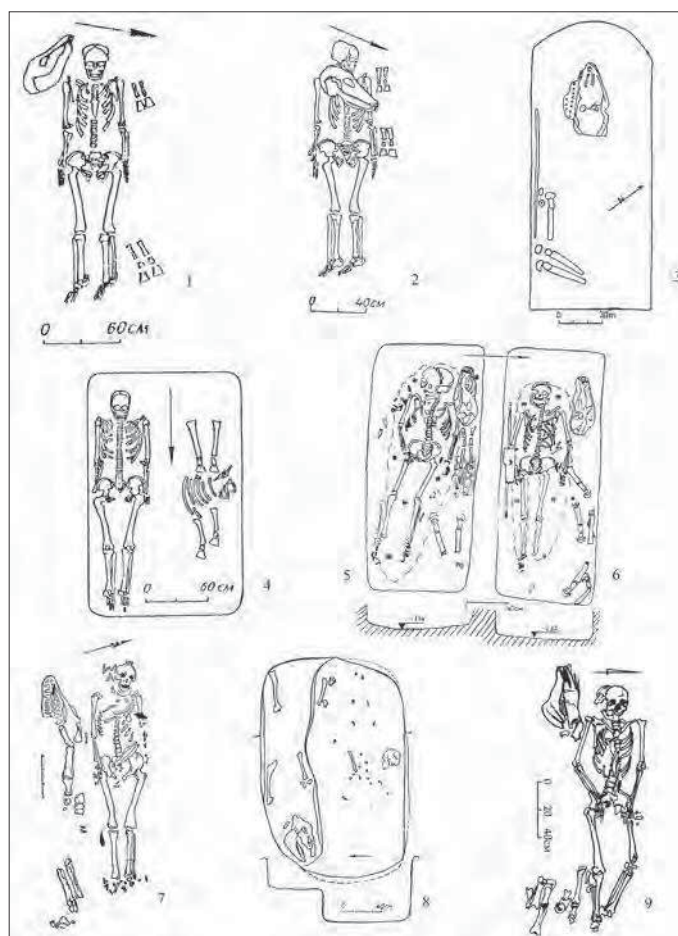

Рис. 3. Варианты отчленения костей ног коня. 1-2 – по первый сустав; 3-6 – по второй сустав; 7-8 – по второй и третий сустав; 9 – по третий сустав. Масштабы разные. 1 – Киркэешть, К.5, П.3; 2 – Киркэешть, К.4, П.5; 3 – Приморское, К.1, П.6; 4 – Балабану, К.21, П.1; 5 – Штефан-Водэ, К.1, П.1а; 6 – Штефан-Водэ, К.1, П.1; 7 – Плавни, К.8, П.1; 8 – Холмское, К.7, П.1; 9 – Бутор I, К.2, П.1.

Fig. 3. Variants of abjunction of a horse's limb bones: 1-2 – at the first joint; 3-6 – at the second joint; 7-8 – at the second and the third joint; 9 – at the third joint. Different scale is used.

1 – Chircăiești, M.5, B.3; 2 – Chircăiești, M.4, B.5; 3 – Primorskoe, M.1, B.6; 4 – Balabanu, M.21, B.1; 5 – Ștefan Vodă, M.1, B.1a; 6 – Ștefan Vodă, M.1, B.1; 7 – Plavni, M.8, B.1; 8 – Holmskoe, M.7, B.1; 9 – Butor I, M.2, B.1.

[Pletneva 1990, 18]. Также характер отчленения ног по тот или иной сустав был учтен Е.В. Кругловым при исследовании погребальных памятников узов и печенегов Северного Прикаспия [Kruglov 2001, 395, 446; Kruglov 2003, 13-82].

В позднекочевнических погребениях Пруто-Днестровского региона отчлененность нижних конечностей ног лошади удалось проследить в 40 захоронениях (рис. 3). В девяти погребениях (22%) ноги у лошадей были отделены по первый

сустав (рис. 3,1-2). В пяти захоронениях находилась растянутая шкура, и в четырех – сложенная. В четырех погребениях инвентарь отсутствовал. Датировать удалось только два погребения: одно относится к X-XI вв. (Вадул луй Исак, К.1, П.5 [Agul'nikov, Ursu 2006, 62, 64]), другое – к XI-XII вв. (Мерень I, К.1, П.2 [Dergachev, Sava 2001-2002, 527, 529]). Ввиду того, что в этой группе присутствует представительное количество погребений со сложенной шкурой, которая, как удалось выявить, распространена в памятниках X-XI вв., то можно предположить, что и в целом, конечности коня, отчлененные по первому суставу, присутствуют в большем количестве в захоронениях X-XI вв. При этом, в общем, их бытование определяется в пределах X-XII вв.

В 25 (65%) погребениях зафиксировано отчленение костей ног лошади по второму суставу (рис. 3,3-6). Такие погребения бытуют с X по XIV в. Отмечается эта черта в погребениях и со сложенной (пять погребений) и с растянутой шкурой коня (19 погребений).

Как видно, для погребений со сложенной шкурой характерно почти равное соотношение отделения конечностей коня по первому и второму суставам. В погребениях с растянутой шкурой в большинстве случаев конечности отделены по второму суставу.

Отчленение ног коня по третьему (рис. 3,7-9) суставу было зафиксировано в десяти погребениях (26%). В одном случае сложенная шкура коня сопровождалась отчлененными по третьему суставу конечностями (Шалвирий Ной, К.6, П.11 [Kurchatov 1990]), в остальных – растянутая. В некоторых захоронениях было совмещено отделение по второму и третьему суставам (четыре погребения из десяти). В шести захоронениях все конечности были отделены по третьему суставу.

А.Г. Атавин в своем исследовании древностей кочевников восточноевропейских степей выявил, что отчленение скаковых конечностей по первому и второму суставам, а также помещение в могилу одного лишь черепа коня без конечностей, было распространено в печенежско-торчешский период, а с приходом половцев кладут в могилу шкуру коня с ногами, отчлененными по третьему суставу [Atavin 1984, 139]. Как показали данные Пруто-Днестровского региона, захоронения с конечностями коня, отчлененными по первому суставу, не датируются позднее XII в., равно как и

захоронения с черепом коня. Большей же массой они приходится на X-XI вв. Конечности, отделенные по второму суставу, присутствуют в захоронениях на протяжении X-XIV вв. Одно захоронение с отчлененными конечностями по третьему суставу можно отнести к X-XI вв. (Бутор I, К.2, П.1 [Sinika, Razumov, Tel'nov 2013, 35]), остальные относятся к последующему времени – XII-XIV вв.

Данные результаты, в отношении Пруто-Днестровского региона, в общих чертах, соответствуют выводам Г.А. Атавина. При этом, как можно видеть, отсутствует четкое соответствие между отчленением по какому-либо суставу и хронологическими показателями. А выражается данный признак в виде тенденции и наибольшей распространенности в то или иное время.

Материалы Пруто-Днестровского региона свидетельствуют, что целостность шкуры коня, в связи с количественным присутствием конечностей, также проявляется в хронологическом плане. Можно выделить три типа погребений: 1) с черепом коня без конечностей; 2) со шкурой коня, сопровождающейся костями двух конечностей или менее (иногда встречаются некоторые обломки конечностей (рис. 2,4-5); 3) со шкурой коня, сопровождающейся костями четырех, или трех конечностей. Как правило, в захоронениях со шкурой коня представлено две или четыре конечности.

Всего по этому признаку было рассмотрено 55 погребения из выборки. На первый тип приходится девять погребений, на второй – 15, на третий – 32.

По отношению к *сложенной шкуре* преобладает второй тип: семь погребений относятся ко второму типу и три – к третьему. *Разложенная шкура*, наоборот, преимущественно, типична для третьего типа: семь погребений относятся ко второму типу и 26 – к третьему. По поводу трех захоронений отсутствует информация о варианте шкуры.

Большинство погребений с разложенной шкурой второго типа приходится на X-XI вв., в целом же такие захоронения не датируются позднее XII в. (табл. 1). Отличным образом бытуют погребения с разложенной шкурой коня третьего типа, которые распространяются в наибольшей степени после X-XI вв.

Таким образом, первый и второй типы, в основном, приходится на первый период, и от-

части на второй. Погребения же третьего типа существуют с X по XIV в., с XII века становясь доминирующим признаком погребального обряда.

В итоге, касательно исследованных памятников, можно заключить, что вариации в присутствии костей коня отражают определенную общекультурную тенденцию. Заключается она в увеличении, с течением времени, количества костей коня, и присутствии в захоронении более целостной имитации лошади, когда конечности находились в более цельном виде. С одной стороны отчлененные конечности становились все больше по размеру, а с другой – их количественное присутствие с течением времени увеличивалось.

И еще, можно обратить внимание на одну особенность, в связи с размещением останков коня по правую и левую сторону от погребенного. Погребения, в которых кости коня располагаются по правую сторону от человека, приходятся на X-XII вв. (табл. 1). Лишь одно такое погребение может датироваться более поздним временем (Плавни, К.8, П.1 [Добролюбский 1981, 132-133]).

Заключение

В нашей работе были изучены погребения с останками коня Пруто-Днестровского региона, которые в исследовательской литературе сопоставляются с печенежско-узским (огузскими, торческими) населением. И была произведена попытка разграничения памятников с узскими чертами погребального обряда и захоронений с печенежскими традициями.

Считается, что для огузов характерно вертикальное соотношение человека и останков коня в погребении, тогда как печенеги размещали части коня на дне могилы рядом с покойником. Исходя из этого, преобладающей практикой погребения кочевников Пруто-Днестровского региона конца IX – XII вв. была «печенежская». И лишь в золотоордынский период (XIII-XIV вв.) более распространенной формой обряда становится уложение частей коня вертикально относительно человека (над ним в засыпке или на перекрытии, на уступе).

В ходе работы было выдвинуто предположение, что обряд узов характеризует не только присутствие шкуры коня над погребенным, но и тип шкуры, которая является *растянутой*, имеющей ту же самую западную ориентировку,

что и человек. С печенегами были соотнесены погребения с черепом коня, либо со *сложенной шкурой коня*, находящимися в области верхней части скелета человека, ориентированного головой на запад. А различные позиции костей коня по отношению к человеку обусловлены социокультурными причинами.

По всей видимости, размещение шкуры коня в вертикальной позиции по отношению к человеку не является этническим знаком, а связано с процессом проникновения ислама в среду кочевников. Кочевники, которые не оказались в сфере влияния ислама, хоронили покойников с уложенной рядом шкурой коня.

Сходство погребального обряда печенегов и узов обусловлено их этногенетическим родством. Печенеги, судя по всему, были огузским народом, о чем свидетельствуют также нарративные источники.

В результате исследования выяснилось, что погребения печенегов (со сложенной шкурой или только с черепом коня) Пруто-Днестровского региона приходятся в основном на X-XI вв., после чего их количество резко уменьшается. Погребения узков (с растянутой шкурой коня) оказались частью синхронны печенежским X-XI вв., остальные существовали на протяжении всего времени, вплоть до золотоордынского периода.

Сравнение погребального обряда народов IX-XI вв. Заволжья и Пруто-Днестровского региона позволило сделать вывод о менее стратифицированном обществе кочевников этого времени в Пруто-Поднестровье. Также, в данном регионе на кочевников меньшее влияние оказывала монотеистическая религия. Интенсивный процесс исламизации кочевнического населения, происходивший в IX-XI вв. в Заволжье, в Пруто-Днестровском регионе осуществлялся в золотоордынский период.

Также, анализ погребений с частями коня Пруто-Днестровского региона позволил прийти к выводу о том, что, чем в более полном объеме представлены конечности коня, тем больше вероятность его датировать более поздним временем, и наоборот, чем в меньшем, тем вероятнее погребение относится к раннему времени. Сюда относятся: размер конечностей, выражающийся посредством отчлененности их по тот или иной сустав; и количественное присутствие конечно-

стей (это, как правило, проявляется в виде наличия костей двух или четырех конечностей). В конце работы была осуществлена датировка всех погребений составленной выборки на основе данных по вещевому комплексу и погребальному обряду (табл. 1, п.11; табл. 1а).

Таблица 1. Признаки погребального обряда.

Table 1. Characteristics of the funeral rite.

1. Характер захоронения: О – основное, Г – грунтовое. Все остальные впускные, курганные.
2. Половозрастная характеристика: М – мужчина, Ж – женщина, Р – ребенок.
3. Ориентировка погребенного.
4. Характеристика останков коня, присутствующих в захоронении: Ч – череп коня, С – сложенная шкура, Р – разложенная шкура; в остальных погребениях присутствует шкура коня, но нет информации о ее типе.

5. Позиция расположения костей коня относительно человека: П – по правую от него сторону, Л – по левую сторону, Н – над погребенным, Л/П и Н/Л – совмещение данных признаков.

6. Показатель отчленения конечностей коня по один из суставов: 1 – по первый, 2 – по второй, 3 – по третий, 2-3 – отчленение по второй и третий сустав.

7. Тип количественного присутствия частей коня в захоронении: 1 – череп коня; 2 – две (/одна) конечности, 3 – четыре (/три) конечности.

8. Конструктивные особенности погребальной камеры: У – уступ вдоль длинной северной стенки, 2У – два уступа вдоль длинных бортов могилы.

9. Другие элементы погребального обряда, деревянные конструкции: П/ – перекрытие; /П – подстилка, подсыпка; П/П – перекрытие и подстилка (/подсыпка); Г – гроб; К – камни.

10. Датировка захоронения по инвентарю.

11. Датировка захоронения с учетом погребального обряда.

	Признаки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Балабану, К.1, П.2		М	СВ	Ч	П		1				к.11-12
2	Румянцево, К.1, П.15			ЮЗЗ	С		2	3		П/	12 в.	12 в.
3	Рома, К.1, П.1		М	ЮЗЗ	С	Л				П/	13-14 вв.	13-14
4	Балабану, К.21, П.1			Юг	Р	Л	2	3			12-13 вв.	13 в.
5	Белолесье, К.2, П.1		Ж	З	Ч	Л		1		П/	10-12 вв.	11 в.
6	Белолесье, К.5, П.1			СЗ	Ч	Л		1			11-12 вв.	11 в.
7	Белолесье, К.9(«кенотаф»)				Ч			1			11-12 вв.	11 в.
8	Борисовка, К.13, П.2 («кенотаф»)							3		/П	10-12 вв.?	12 в.
9	Будаки, курган			ЮЗЗ	С	Л	1				10-12 вв.?	10-11
10	Вадул луй Исак, К.1, П.5			СЗЗ	Р	Л	1	2		/П	11-12 вв.	11 в.
11	Бутор, К.2, П.1			З	Р	П	3	2			10-11 вв.	11 в.
12	Вишневое, К.54, П.5		М	З	Р	Л	2	3			13-14 вв.	13-14
13	Вишневое, К.57, П.4		Ж	З	Р	Л	2	2		/П	10-11 вв.	10-11
14	Градешка, К.7/1, П.1			З		П						10-12
15	Градиште, курган, П.11а		М	З	С					П/	11 в.	11 в.
16	Гривица, П.1			СЗЗ		Л					10-12 вв.	10-12
17	Гура-Быкулуй, К.1, П.1		Ж	ЮЗ	Р	Л	3	3			11-12 вв.	12 в.
18	Дзинилор, К.5, П.1			СЗ	Р	Л	2-3	3			10-12 вв.	12 в.
19	Дивизия II, К.5, П.5			З	Р	Л/П	2	2		/П	10-12 вв.	10-11
20	Желтый Яр, К.1, П.3			З	Р	Л	3	3		/П	11-12 вв.	12 в.
21	Зырнешть, курган, П.7			З	Р	Л	2	3			10-12 вв.	12 в.
22	Каланчак, К.1, П.2			СЗ	С	Л	2	2			10-11 вв.	10-11
23	Каменка, К.2, П.1			З		Л						10-14
24	Каменка, К.4, П.1			З	Ч			1			10-12 вв.	10-11
25	Копанка, курган, П.4			СВВ	6	Л				Г	11-12 вв.	12 в.
26	Кэушень, К.1, П.1			СЗЗ		Л		3				12-14
27	Кэушень, К.5, П.1			СВВ	С	Л	1	2				к.11-12

28	Киркэешть, К.1, П.4			З	С	П	1	3				11 в.
29	Киркэешть, К.4, П.5			ЮЗЗ	С	Н/А	1	2				10-11
30	Киркэешть, К.5, П.3			ЮЗЗ	Р	А/П	1	3				11 в.
31	Кислица, К.4, П.19			ЮВ		П						к.11-12
32	Кодрул Ноу, К.3, П.5			ЮЗ	Ч	Н		1				10-11
33	Кочковатое, К.28, П.1			ЮЮЗ		А					13-14 вв.	13-14
34	Красное, К.5, П.2			СЗ	С	А	2	2				10-11
35	Кырнэцень, К.1, П.1			СЗ	Р	А	2	3			11-12 вв.	12 в.
36	Лиман, К.2, П.9		М	З	Р	А	2-3	2		/П	11 в.	11 в.
37	Мерень I, К.1, П.2			З	Р	А	1	2		/П	11-12 вв.	11 в.
38	Мирное, К.1, П.3			З	Р	А			У			12-14
39	Мирное, курган, П.1			СВ	С	А				К	н. 11 в.	к. 11 в.
40	Мындрешть, курган											10-14
41	Нерубайское, К., П.1	О		ЮЗ	Р	Н/А	3	3	У	П/П	13-14 вв.	13-14
42	Нерубайское, К., П.2			ЮЗ	Р	Н/А	3	3	У	К,П/	13-14 вв.	13-14
43	Дивизия II К.2, П.8			З	Ч			1				10-11
44	Павловка, К.1, П.10			ЮЗ	Р	П				Г	11-12 вв.	12 в.
45	Павловка, К.2, П.2			З	Р	Н		3		К		12(-14)
46	Паркань, 25.1898/203			ЮЗ		А					13-14 вв.	13-14
47	Паркань, 37.1897			ССЗ		А						13-14
48	Паркань, 40.1897	О				Н						13-14
49	Паркань, 6.1900	О		З		П						12
50	Паркань, 85.1899/258	О		З		А			У	П/		13-14
51	Петродолинское, К.3, П.5					А			У			12-14
52	Плавни, К.12, П.4			З	Ч	П		1		П/	10-12 вв.	11 в.
53	Плавни, К.8, П.1			З	Р	П	2-3	3			12-13 вв.	12 в.
54	Плоское, 15.1902	О		З		А			У	П/	13-14 вв.	13-14
55	Приморское, К.1, П.6 («кенотаф»)			СЗ?	Р	П	2	3			10-11 вв.	11 в.
56	Пробота, П.7	Г?	М	СЗ	С		2	2		/П	11 в.	11 в.
57	Рэскэций Ной, К.1, П.1			ЮЗ	Р	П	1	2		/П		10-11
58	Сэиць, К.5, П.12		Р	ЮЗ	С	А	2	2				10-11
59	Сэиць, К.6, П.5			СЗ	Р	А	2	3				12-14
60	Сарата, К.1	О		З		А				Г		12-14
61	Сарата, К.10			З		П				Г		12 в.
62	Сербка, 181.1899/359, П.1			З	Ч	А		1			10-11 вв.	10-11
63	Суворово, К.2, П.1			З	Р	А		3			к. 12 в.	к. 12 в.
64	Сукля, 139.1899/317	О		С		А						13-14
65	Сукля, 153.1888/331			СЗ	Р	А	2?	3	2У	Г	13-14 вв.	13-14
66	Сукля, 156.1899/334	О		СЗ		Н/А			2У	Г	13-14 вв.	13-14
67	Тараклия, К.19, П.1		М	З	С	А	2	2		/П	10-11 вв.	10-11
68	Тараклия, К.2, П.3		М?	З	Р	Н/А	1	3	У	/П		12 в.
69	Терновка, 117.1899/295			СЗ		А			У		11-12 вв.	12 в.

70	Траповка, К.1, П.2			Юг		Н/Λ					13 в.	13 в.
71	Тузлы, курган		Р	З	Р	П		3			н. 11 в.	н. 11 в.
72	Флориновское	Г		З							12 в.	12 в.
73	Фрикацей, К.1, П.1			ЮЗЗ	Р	Н/Λ	2	3		П/	13-14 вв.	13-14
74	Фрикацей, К.4, П.13			СЗЗ		П					10-12 вв.	10-12
75	Фрикацей, К.5, П.2			ЮЗ	Р	Λ	2	3			11-12 вв.	12 в.
76	Хлиная, К.1, П.1			З	Р	Λ	2	3				12-14
77	Холмское, К.7, П.1	О?				Λ	2-3	3	У		13-14 вв.	13-14
78	Холмское, К.13, П.1				Р	Λ		3	У			12-14
79	Чобурчиу, 167.1899/348			С	Р	Λ		3				13-14
80	Шалвирий Ной, К.6, П.11			СЗЗ	С		3	3		П/П	12-13 вв.	12-13
81	Шевченково, К.2, П.6			З	Р	Λ	2	3				12-14
82	Штефан-Водэ, К.1, П.1			З	Р	Λ	2	3		П/П	12-13 вв.	12-13
83	Штефан-Водэ, К.1, П.1a			З	Р	Λ	2	3		П/П	12-13 вв.	12-13

Таблица 1а. Хронологическое распределение погребений (по результатам итогового датирования).

Table 1a. The chronological differentiation of the burials (according to the final results of Dating).

10-11 вв.	11 в.	10-12 вв.	11-12 вв.	12 в.	12-13 вв.	12-14 вв.	13 в.	13-14 вв.	10-14 вв.
13	15	3		21	3	8	2	16	2

Таблица 2. Инвентарь из погребений.

Table 2. Inventory from the burials.

Показатели количества погребений с инвентарем								
	Первая группа		Вторая группа		Третья группа		Вся выборка (83 погребения)	
удила	6	67%	4	27%	19	54%	40	48%
керамика	2	22%	1	7%	3	9%	8	10%
стремена	2	22%	1	7%	9	26%	19	23%
нож	2	22%	4	27%	7	20%	21	25%
наконечники стрел	1	11%	3	20%	9	26%	18	22%
наконечники копья			1	7%	3	9%	5	6%
сабля					4	11%	7	8%
кинжал	2	22%			2	6%	5	6%
накладки от лука			3	20%	4	11%	7	8%
кресало			5	33%	4	11%	8	10%
кремень			3	20%	4	11%	7	8%
серьги			4	27%	8	23%	15	18%
пряжки			6	40%	9	26%	18	22%
бубенчики	1	11%	2	13%	5	14%	8	10%
бляшки			1	7%	4	11%	5	6%
бусины			1	7%	4	11%	6	7%
браслеты					1	3%	4	5%

пуговицы					1	3%	2	2%
подвески					1	3%	1	1%
кольчуга (фрагменты)					1	3%	2	2%
колчан			2	13%	3	9%	8	10%
ножницы			1	7%	2	6%	4	5%
пряслице					2	6%	2	2%
металлический сосуд					3	9%	3	4%
замок					1	3%	1	1%
монеты					1	3%	3	4%
подкова	1	11%					1	1%
топор	1	11%					1	1%
перстень							1	1%
зеркало					2	6%	3	4%

Библиография

Agadzhanov 1969: S.G. Agadzhanov, Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX-XIII vv. (Ashkhabad 1969) // С.Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. (Ашхабад 1969).

Agul'nikov, Ursu 2006: S. Agul'nikov, I. Ursu, Complexe funerare tumulare din zona Prutului Inferior. RA IV, 1, 2006, 61-79.

Atavin 1984: A.G. Atavin, Nekotorye osobennosti zakhoroneni chuchel konei v kochevnicheskikh pogrebeniakh XIV vv. SA 1, 1984, 134-143 // А.Г. Атавин, Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях XIV вв. СА 1, 1984, 134-143.

Balint 1972: Ch. Balint, Pogrebeniia s koniami u vengrov v IX-X vv. In: Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Moskva 1972), 176-188 // Ч. Балинт, Погребения с конями у венгров в IX-X вв. В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров (Москва 1972), 176-188.

Bubulich 1992: Bubulich V.G. Otchet o polevyh issledovaniakh Prutskoi novostroechnoi ekspeditsii u ss. Rumiantsevo i Doina Kantemirskogo raiona v 1991 g. Arkhiv NMIM, nr. 334 (Kishinev 1992) // Бубулич В.Г. Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. Архив НМИИ, № 334 (Кишинев 1992).

Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989: G.F. Chebotarenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).

Dergachev 1980: V.I. Dergachev, Otchet ob arheologicheskikh issledovaniakh Ialpuskoi novostroechnoi ekspeditsii u pgt Tarakliia Chadyr-Lungskogo r-na v 1979 g. Arkhiv NMIM, nr. 143 (Kishinev, 1980) // В.И. Дергачев, Отчет об археологических исследованиях Ялпутской новостроечной экспедиции у пгт Тараклия Чадыр-Лунгского р-на в 1979 г. Архив НМИИ, nr. 143 (Кишинёв, 1980).

Dergachev, Sava 2001-2002: V.A. Dergachev, E.N. Sava, Issledovaniia kurganov v okrestnostiakh sel Mereni i Kirka. Stratum plus 2, 2001-2002, 526-562 // В.А. Дергачев, Е.Н. Сава, Исследования курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка. Stratum plus 2, 2001-2002, 526-562.

Dobroliubskii 1978: A.O. Dobroliubskii, O rekonstruktsii sotsial'noi struktury obshchestva kochevnikov srednevekov'ia po dannym pogrebal'nogo obriada. In: Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1978), 107-119 // А.О. Добролюбский, О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда. В сб.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 107-119.

Dobroliubskii 1981: A.O. Dobroliubskii, Pogrebenie kochevnika u s. Plavni. In: Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1981), 131-134 // А.О. Добролюбский, Погребение кочевника у с. Плавни. В сб.: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 131-134.

Dobroliubskii, Dzigovskii 1981: A.O. Dobroliubskii, A.N. Dzigovskii, Pamiatniki kochevnikov IX-XIV vv. na zapade prichernomorskikh stepi (materialy k arkheologicheskoi karte). In: Pamiatniki drevnikh kul'tur Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1981), 134-144 // А.О. Добролюбский, А.Н. Дзиговский, Памятники кочев-

ников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей (материалы к археологической карте). В сб.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 134-144.

Dobroliubs'kii, Stoliarik 1983: A.O. Dobroliubs'kii, O.S. Stoliarik, Vizantiis'ki moneti v kochivnits'komu pokhovanni XII st. v mizhrichchi Dnistra ta Dunaiu. Arkheologiya 4, 1983, 71-75 // А.О. Добролюбский, О.С. Столярик, Візантійські монети в кочівницькому похованні XII ст. в міжріччі Дністра та Дунаю. Археологія 4, 1983, 71-75.

Dobroliubskii 1986: A.O. Dobroliubskii, Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia (Kiev 1986) // А.О. Добролюбский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья (Киев 1986).

Fedorov-Davydov 1966: G.A. Fedorov-Davydov, Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov (Moskva 1966) // Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Москва 1966).

Garustovich, Ivanov 2001: G.N. Garustovich, V.A. Ivanov, Oguzy i печенегі в євразійських степах (Ufa 2001) // Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, Огузы и печенеги в евразийских степях (Уфа 2001).

Iarovoi 1985: E.V. Iarovoi, Otchet o polevykh issledovaniakh Nizhnepрутской novostroechnoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1984 g. Arkhiv NMIM, nr. 215 (Kishinev 1985) // Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Нижнепрутской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. Архив НМИИ, nr. 215 (Кишинев 1985).

Ivanov 2000: V.A. Ivanov, Zavolzhskaia Pechenegia. In: Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Moskva 2000), 272-282 // В.А. Иванов, Заволжская Печенегия. В кн.: История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье (Москва 2000), 272-282.

Ivanov 2014: V.A. Ivanov, Pogrebal'nyi obriad srednevekovykh kochevnikov evropeisko-aziatskogo pogranich'ia kak etnomarkiruiushchii priznak i svyaziushchee zveno v kul'turogeneze srednevekovykh kochevnikov Vostochnoi Evropy. In: Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Ufa 2014), 118-170 // В.А. Иванов, Погребальный обряд средневековых кочевников европейско-азиатского пограничья как этномаркирующий признак и связующее звено в культурогенезе средневековых кочевников Восточной Европы. В кн.: Средневековые кочевники на границе Европы и Азии (Уфа 2014), 118-170.

Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014: V.A. Ivanov, G.N. Garustovich, Ia.V. Pilipchuk, Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Ufa 2014) // В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В. Пилипчук, Средневековые кочевники на границе Европы и Азии (Уфа 2014).

Knauer 1890: F.I. Knauer, Vtoraia arkheologicheskaiia raskopka okolo sela Saraty (v Iuzhnoi Bessarabii). ChIONL, kn. 4 (Kiev 1890), 30-41 // Ф.И. Кнауэр, Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии). ЧИОНЛ, кн. 4 (Киев 1890), 30-41.

Kononov 1958: A.N. Kononov, Rodoslovnaia turkmen: Sochinenie Abu-l-Gazi khana khivinskogo (Moskva-Leningrad 1958) // А.Н. Кононов, Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского (Москва-Ленинград 1958).

Kruglov 2001: E. V. Kruglov, Pogrebal'nyi obriad oguzov Severnogo Prikaspiia 2-i pol. IX – 1-i pol. XI v. Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia, T.2 (Donetsk 2001), 395-446 // Е. В. Круглов, Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. Степи Европы в эпоху средневековья, Т.2 (Донецк 2001), 395-446.

Kruglov 2003: E.V. Kruglov, Pechenegi i oguzы: nekotorye problemy arkheologicheskikh istochnikov. Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia, T.3 (Donetsk 2003), 13-82 // Е.В. Круглов, Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников. Степи Европы в эпоху средневековья, Т.3 (Донецк 2003), 13-82.

Kurchatov 1990: S.I. Kurchatov, Otchet o polevykh issledovaniakh bliz s. Shal'viry v 1990 g. (gotovitsia) // С.И. Курчатов, Отчет о полевых исследованиях близ с. Шальвиры в 1990 г. (готовится).

Masson 1976: V.M. Masson, Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (v svete dannykh arkheologii) (Leningrad 1976) // В.М. Массон, Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) (Ленинград 1976).

Matiushko 2016: I.V. Matiushko, Pamiatniki IX-XIV vv. Stepnogo Priural'ia (Moskva-Berlin 2016) // И.В. Матюшко, Памятники IX-XIV вв. Степного Приуралья (Москва-Берлин 2016).

Oboldueva 1955: T.G. Oboldueva, Kurgan epokhi bronzy na r. Kogil'nik. Izvestiia Moldavskogo filiala AN SSSR 5 (25) (Kishinev 1955), 31-48 // Т.Г. Оболдуева, Курган эпохи бронзы на р. Когильник. Известия Молдавского филиала АН СССР 5 (25) (Кишинев 1955), 31-48.

OIAK 1893: Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g. (Sankt-Peterburg 1893) // Отчет императорской археологической комиссии за 1890 г. (Санкт-Петербург 1893).

Pilipchuk 2014: V.Ia. Pilipchuk, Etnopoliticheskaia istoriia srednevekovykh kochevnikov stepnoi Evrazii v IX-XIV vv. In: Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Ufa 2014), 235-283 // В.Я. Пилипчук, Этнополитическая история средневековых кочевников степной Евразии в IX-XIV вв. В кн.: Средневековые кочевники на границе Европы и Азии (Уфа 2014), 235-283.

Pletneva 1958: S.A. Pletneva, Pechenegi, torki i polovtsy v iuzhnorusskikh stepiakh. MIA 62, T.1 (Moskva 1958), 151-226 // С.А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА 62, Т.1 (Москва 1958), 151-226.

Pletneva 1981: S.A. Pletneva, Kochevniki vostochnoevropskikh stepei v X-XIII vv. In: Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Moskva 1981), 213-222 // С.А. Плетнева, Кочевники восточноевропейских степей в X-XIII вв. В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья (Москва 1981), 213-222.

Pletneva 1990: S.A. Pletneva, Pechenegi i guzy na Nizhnem Donu (po materialam kochevnicheskogo mogil'nika Sarkela-Beloi Vezhi) (Moskva 1990) // С.А. Плетнева, Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи) (Москва 1990).

Pletneva 2003: S.A. Pletneva, Kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu srednevekov'ia (Voronezh 2003) // С.А. Плетнева, Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (Воронеж 2003).

Sinika, Razumov, Tel'nov 2013: V.S. Sinika, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Kurgany u sela Butory (Tiraspol' 2013) // В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Бутор (Тирасполь 2013).

Spinei 1985: V. Spinei, Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X-XIII: români și turanici (Iași 1985).

Zaharia, Zaharia 1962: Em. Zaharia, N. Zaharia, Sondajul de salvare din necropola de la Probotă (r. și reg. Iași). MCA 8, 1962, 599-608.

Zakharuk 1949: Iu. Zakharuk, Razkopki kolo s. Nerubais'ke pid Odesoiu (Usativs'ka ekspeditsiia Institutu arkheologii AN URSR 1946 r.). Arkheologichni pam'iatki URSR, T.1 (Kiiv 1949), 138-144 // Ю. Захарук, Разкопки коло с. Нерубайське під Одесою (Усатівська експедиція Інституту археології АН УРСР 1946 р.). Археологічні пам'ятки УРСР, Т.1 (Київ 1949), 138-144.

Виталий Железный, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия, Академия Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Молдова, e-mail: jelezni_vitalii@mail.ru

Lilia Dergaciova, Svetlana Reabțeva

Aplice în formă de „floare arabă” în vestimentația de gală din sec. XIV-XVI

Keywords: decorative art, Eastern Europe, Western Europe, plaques, “Arab flower”, The Principality of Moldova, 14th-16th centuries.

Cuvinte cheie: arta decorativă, Europa de Est, Europa de Vest, aplice, „floare arabă”, Moldova, sec. XIV-XVI.

Ключевые слова: декоративное искусство, Восточная и Западная Европа, нашивные накладки, «арабский цветок», Молдавия, XIV-XVI вв.

Lilia Dergaciova, Svetlana Reabțeva

Arab Flower-Shape Plaques in the court headdress of the 14th-16th centuries

The article at hand discusses tiny gold and silver plaques in the shape of “Arab flower” (also named in the shape of “Lotus” or “Crim”) dating back to the 14th-17th centuries, which were found in the Carpathian-Dniester region. Based on typological, technological and stylistic analyses of the items from the Principality of Moldova, found in Costești village (Ialoveni region, Republic of Moldova), Suceava and Putna (Suceava region, Romania), and on recently discovered hoards from Drăgușeni village (Strășeni region, Republic of Moldova) and in Ukraine *passim*, as well as on a wide range of analogies from Eastern Europe, we propose three chronological groups of these decorative plaques.

Lilia Dergaciova, Svetlana Reabțeva

Aplice în formă de „floare arabă” în vestimentația de gală din sec. XIV-XVI

Pe teritoriul statului medieval moldovenesc a fost atestat un număr mare de aplice de diverse forme cu decor filigranat și perlat. Însă cele mai reprezentative, din punct de vedere istorico-cultural, sunt cele în formă de „floare arabă” (cunoscute și drept „în formă de lotus” sau „floare de crin”). Aplicele de acest tip fac obiectul prezentului nostru studiu. Bazându-ne pe materialul deja publicat de la Costești (r-nul Ialoveni, Republica Moldova), de la Suceava și Putna (jud. Suceava, România), precum și cel recent descoperit în apropierea satului Drăgușeni (r-nul Ialoveni, Republica Moldova) și Ucraina *passim*, am evidențiat trei categorii cronologico-tipologice.

Лилия Дергачева, Светлана Рябцева

Накладки в форме «арабского цветка» в придворном уборе XIV-XVI вв.

С территории Карпато-Днестровского региона (исторической Молдовы) известно большое количество нашивных бляшек разнообразной формы с филигранным узором. Но, наиболее репрезентативными в культурно-историческом плане являются бляшки в форме «арабского цветка» (названные также «в форме лотоса» или «крин»). Именно они и станут предметом нашего исследования. На основе уже опубликованного материала, известного из Костешть (район Яловень, Республика Молдова), Сучавы и Путны (жудец Сучава, Румыния), а также новой находки из окрестностей села Дргушень (район Стрэшень, Республика Молдова) и Украины *passim*, мы выделили три типологическо-хронологические группы этих предметов.

Aplicele în formă de „floare arabă”, numite în literatura de specialitate și „în formă de lotus” sau „în formă de floare de crin” au devenit obiectul mai multor studii specializate [Spitsyn 1909; Rabinovich 1957, 45-52; Kramarovskii 1982; Anton Manea 1997, 387-406; Zhilina 1998; Zhilina 2001; Kramarovskii 2001, 69-70; Zhilina 2004, 222-225; Gogu, Niculică 1999, 221; Dejan 2008, 267-272; Reabțeva 2014, 116-123]. Însă, în urma unor descoperiri recente de tezaurе în Republica Moldova (satul Drăgușeni, r-nul Strășeni) și Ucraina (informație S. Tabac, M. Ciocanu), în componența că-

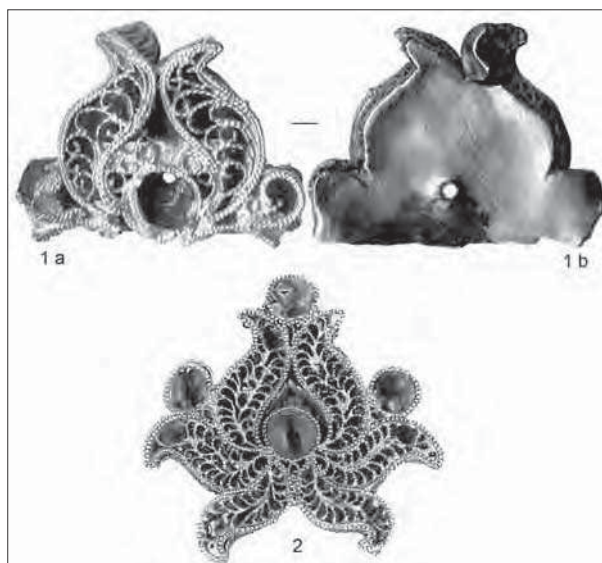
rora au fost atestate aplice similare, am apelat la materialul deja publicat. Acesta provine atât din situl medieval de la Costești din Republica Moldova [Abyzova, Riabtseva 2003-2004, 363-369], cât și din descoperirile arheologice de la Suceava [Gogu, Niculică 1999, 221; Dejan 2008, 267-272] și Putna [Anton Manea 1997, 387-406] din România. De asemenea, a fost analizat un șir de analogii din Europa de Est și de Vest. Colectarea și analiza multilaterală (tipologică, tehnologică și stilistică) a materialului ne-a permis divizarea acestuia în trei categorii cronologico-tipologice.

CATEGORIA I

Primei categorii, care este legată de activitatea meșterilor mongoli, poate fi atribuită aplica lucrată din argint aurit (pl. I.1-2). Fiind descoperită în situl medieval de la Costești (r-nul Ialoveni, Republica Moldova), aplica a fost executată în secolul al XIV-lea. Ea este ajurată, goală la interior, fiind lucrată din două plăci. Placa din față este executată din fire torsionate. „Petalele” florii arabe sunt decorate cu ornament spiralat. În partea de jos a aplicei este plasată montura pietrei, ultima fiind lipsă. Partea dorsală a aplicei este netedă, iar în locul, care corespunde amplasării monturii pe partea din față, este prezent un orificiu. Partea laterală a piesei este executată din sârmă prinsă în zigzag [Abyzova, Riabtseva 2003-2004, 363-369].

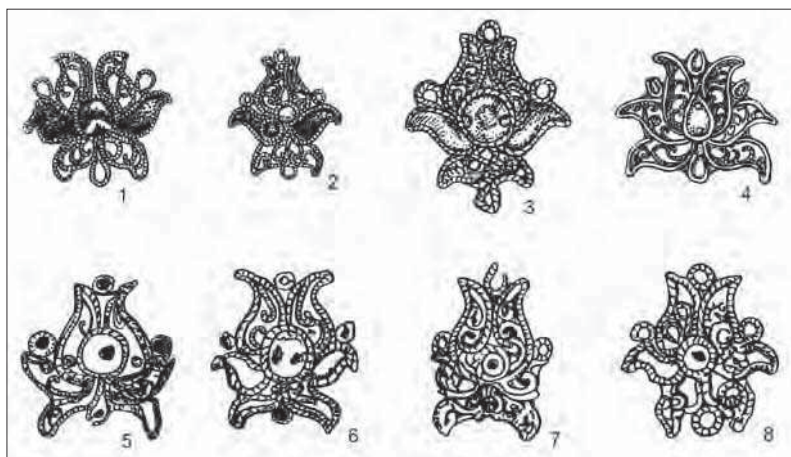
Această piesă decorativă își regăsește analogii în regiunile Volgăi și în Crimeea, iar exemplele cunoscute în prezent au o mare varietate de elemente ornamentale [Reabțeva 2014, 116-123]. Astfel, un tezaur compus din 137 de podoabe (80 dintre care erau executate din aur), a fost găsit într-un mormânt dintr-o necropolă medievală din secolul al XIV, aflată în suburbia Aluștei (Crimeea) [Makhneeva 1968, 152-163; Malyuk 2015, 159-168]. În prezent, din componența tezaurului sunt cunoscute doar 8 aplice din aur, două dintre ele fiind în formă de „floare arabă” (pl. II.1-2). Și în cazul acestor aplice decorul filigranat este lipit direct pe baza plăcuței.

O altă aplică similară a fost atestată în componența tezaurului de la Simferopol (Crimeea) (pl. III.3) [Mal'm 1980; Kramarovskii 1982, 69, tabl. II, 23-25; Sokrovishcha 2000, kat. 479; Kramarovskii 2001, 328, nr. 479]. Mai este cunoscut și un set întreg, compus din 34 aplice miniaturale de aur (30 în formă de rozete și 4 în formă de „floare arabă”) provenite de la Chersonesos (pl. II.5-8), din colecția lui Bertie-Delagard [Kondakov 1896, 56, ris. 30]. O aplică din aur de aceeași formă provine din Bolgar [Fedorov-Davydov 1976, 183, ris. 145; Kramarovskii 1982, 69, tabl. II, 22]. Ea se deosebește de descoperirile enumerate mai sus printr-un decor mai schematizat (pl. II.4). Ca și piesa de la Simferopol, această aplică are șase orificii (două pe centru și patru pe marginea petalelor).

Pl. I. Aplice în formă de „floare arabă”: 1 Costești, r-nul Ialoveni, Republica Moldova (foto: autorii), 2 Tușkov Gorodok de lângă Mozhaisk [după Rabinovich 1957, 45-52, ris. 14; Kramarovskii 1982, 69, tabl. II, 26; Zhilina 2004, 222-225]. Scări diferite.

Pl. I. The Arab flower-shape plaques: 1 Costești, Ialoveni region, Moldova, Republic of. (photo by the authors), 2 Tușkov Gorodok near to Mozhaisk [after Rabinovich 1957, 45-52, ris. 14; Kramarovskii 1982, 69, tabl. II, 26; Zhilina 2004, 222-225]. Different scale.

Pl. II. Aplice în formă de „floare arabă”: 1-2 necropola din Alușta (Crimeea), 3 tezaurul de la Simferopol (Crimeea), 4 Bolgar (Federația Rusă), 5-8 Chersones (Crimeea) (1,2,10 după Makhneeva 1968; 3 după Kramarovskii 1982; 4 după Fedorov-Davydov 1976; 5-8 după Kondakov 1956). Scări diferite.

Pl. II. The Arab flower-shape plaques: 1-2 necropolis from Alushta (Crimea), 3 hoard from Simferopol (Crimea), 4 Bolgar (Russian Federation), 5-8 Chersones (Crimea), (1,2,10 after Makhneeva 1968; 3 after Kramarovskii 1982; 4 after Fedorov-Davydov 1976; 5-8 after Kondakov 1956). Different scale.

Alte trei aplice în formă de lotus au fost descoperite în necropola de lângă satul Voronaia (Ucraina), fiind păstrate în colecția lui D.Ia. Samokvasov [Spitsyn 1906, ris. 43; Kramarovskii 2001, 177, 182, ris. 92, 97].

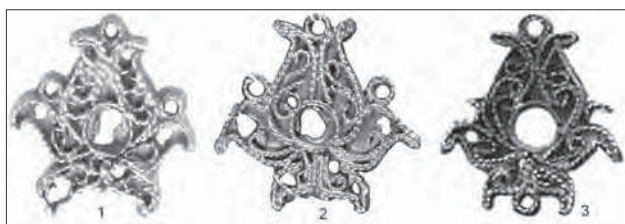
Pentru aplica de la Costești, cea mai asemănătoare ca formă – inclusiv, și prin prezența peretelui lateral – este așa-numita „broșă” din Tușkov Gorodok de lângă Mozhaisk [Rabinovich 1957, 45-52, ris. 14; Kramarovskii 1982, 69, tabl. II, 26; Zhilina 2004, 222-225]. Ca și piesa din Moldova, podoaba din Tușkov Gorodok este ajurată (pl. I.3). Ea se deosebește de alte piese asemănătoare prin decorul filigranat foarte rafinat și bogat, făcând impresia unei petale ajurate de floare, acoperită cu o rețea de nervuri [Rabinovich 1957, 46].

Motivul „florii arabe” este inclus și în decorul de pe renumita „Șapca lui Monomah”. În timp ce unele aplice erau ornamentate în interior cu volute din fire filigranate, pe „Șapca lui Monomah” volutele torsionate masive formează fundalul, floarea însăși fiind netedă, coborâtă la nivelul bazei piesei, iar conturul florii a fost încununat cu sârmă de aur și granule [Kramarovskii 1982, tabl. II; Kramarovskii 2001, 176; Zhilina 2001, cu bibliografie]. Un decor similar este folosit pentru ornamentarea pieselor executate mai târziu, spre exemplu – Șapca din Kazan a lui Ioan cel Groaznic. La sfârșitul sec. XIV – sec. XV, în atelierele de giuvaergerie din Rusia se produc piese cu decor abundent din sârmă filigranată. Printre ele se întâlnesc și piese cu motivul „florii arabe” (ferecăturile de icoane din atelierul mitropolitului Fotiu, „Evanghelia lui Morozov”, ferecătura icoanei *Maica Domnului din Vladimir*) [Kramarovskii 2001, 181].

CATEGORIA II

Aplice de aur asemănătoare, dar de dimensiuni mai mici, și executate pe o placă mai subțire au fost descoperite în județul Suceava și pot fi atribuite perioadei relativ mai târzii. Provizoriu, le atribuim categoriei a II-a. O aplică de acest gen a fost găsită într-o groapă menajeră în apropierea bisericii Sf. Simion din Suceava (pl. III.1) [Gogu, Niculică 1999, 221; Gogu, Niculică 2000, 193-199; Dejan 2008, 267-272].

Un alt exemplar, pe lângă o serie întreagă de aplice similare, decorate cu sârmă filigranată, a fost depistat în componența tezaurului de la Suceava (pl. III.2). În 1953, cercetările arheologice din fața Cetății Suceava, pe platoul numit Câm-

Pl. III. Aplice în formă de „floare arabă”: 1 groapa menajeră de lângă biserica Sf. Simion din Suceava [după Dejan 2008, 267-272], 2 tezaurul Suceava/ 1953 (foto: L. Dumitriu, Gh. Dumitriu, S. Oța), 3 tezaurul Ucraina *passim* (foto pusă la dispoziție de S. Tabac, M. Ciocanu).

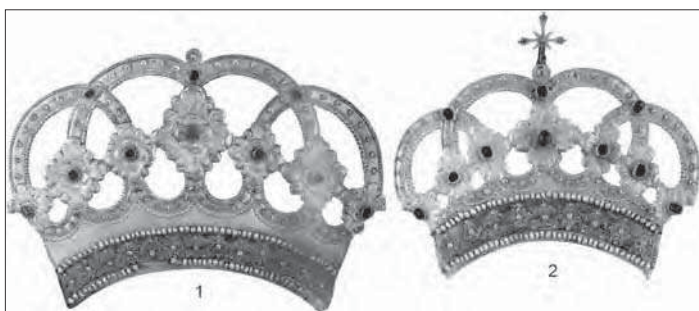
Pl. III. The Arab flower-shape plaques: 1 pit with construction debris close to the Suceava Holy Simion Church [after Dejan 2008, 267-272], 2 hoard of Suceava/ 1953 (photo by L. Dumitriu, Gh. Dumitriu, S. Oța), 3 hoard of Ukraine *passim* (foto sent by S. Tabac, M. Ciocanu).

pul Șanțurilor, au dus la descoperirea unui tezaur ascuns în șanțurile de apărare lăsate de cazaci. În componența tezaurului erau 190 piese din aur și 745 mărgelile baroc. Cristina Anton Manea a legat ascunderea depozitului de evenimentele petrecute la 1654 și jefuirea mănăstirilor Moldovei de către cazacii lui Timuș Hmelnițki [Anton Manea 1997, 387-406]. Însă complexul alcătuit din obiecte laice (piese de podoabă din sec. XV) și religioase (detalii ale cadrului unor icoane sau cărților din sec. XVI-XVII) prezintă o durată mai lungă de acumulare.

În plus, o serie întreagă de astfel de aplice a fost folosită pentru decorarea coroanelor, montate pe ferecătura icoanei *Maica Domnului cu Pruncul* de la Mănăstirea Putna. În mod tradițional, icoana respectivă este atribuită Mariei de Mangop [Sfânta Mănăstirea Putna 2010, fig. 116], iar aplicele au fost găsite în mormântul lui Ștefan III cel Mare (1457-1504) la 1758 [Dan 1905, 46-47; Zugrav, Demciuc 1996, 380-408]. La scurt timp după depistarea aplicelor, acestea au fost montate pe cele două coroane, iar coroanele, la rândul lor, pe ferecătura de argint a icoanei *Maica Domnului cu Pruncul* (pl. IV.1-2) [Sfânta Mănăstirea Putna 2010, fig. 137-139].

De asemenea, o aplică în formă de „floare arabă” a apărut și într-un tezaur recent descoperit în Ucraina (pl. III.3). Imaginile acestui depozit ne-au fost puse la dispoziție de colegii dr. Silviu Tabac și Mihai Ciocanu¹. Tezaurul, compus din obiecte laice și religioase, poate fi legat de mitropolitul Anastasie (Ilie Crimca) (cca 1560-1629) și mănăstirea Dragomirna datorită faptului că unele obiecte religioase au

1. Mulțumim dlui dr. Silviu Tabac și dlui Mihai Ciocanu pentru această informație.

Pl. IV. Două coroane decorate cu aplice în formă de „floare arabă”, montate pe ferecătura icoanei *Maica Domnului cu Pruncul* de la Mănăstirea Putna [după Sfânta Mănăstirea Putna 2010, fig. 137-139].

Pl. IV. Two decorative crowns with the Arab flower-shape plaques, placed on the icon of *Maica Domnului cu Pruncul* from the Monastery of Putna [after Sfânta Mănăstirea Putna 2010, fig. 137-139].

inscripții ce conțin numele Mitropolitului. Acestea au făcut parte din obiectele liturgice aduse în dar mănăstirii Dragomirna de către Mitropolitul Anastasie.

Prin urmare, avem mai multe aplice în formă de „floare arabă”, ce provin din diferite surse, însă au numeroase trăsături comune. Aplicele fiind executate în aceeași manieră, ne permit înaintarea ipotezei că ele au fost confecționate de un singur atelier de giuvaiergerie, respectiv și de același grup de meșteri.

Mai mult ca atât considerăm că piesele acestea provin dintr-un singur loc, și anume din mormântul lui Ștefan III cel Mare², fiind folosite, cel mai probabil, pentru împodobirea acoperământului de cap al domnitorului de tip bonetă (pl. V). Tradiția de a purta o mică bonetă de mătase cu un colț făcând câteva cute, datorită faptului că este prinsă în jurul frunții de o bandă fixă [Nicolescu 1970, 150] a fost răspândită în Țara Moldovei la finele secolului al XV – începutul secolului al XVI. Sunt cunoscute mai multe tablouri votive de secolul XV și XVI, în care boierii din Țara Moldovei ca, spre exemplu, logofătul Tăutu (din tabloul lui votiv de la Biserica Sf. Nicolae din Bălinești [Repertoriul 1958, fig. 134], hatmanul Luca Arbore (din tabloul votiv din chivotul lui Luca Arbore de la Biserica din Arbore [Repertoriul 1958, fig. 140], logofătul Toader Bubuioș (din tabloul votiv de la biserica Mănăstirii Humor etc.) sunt reprezentați cu o bonetă mică pe cap.

Tradiția vest-europeană de a purta bonete

continuă să existe și în perioada renașcentistă, fiind practică în Transilvania. Din piesele datate la sfârșitul sec. XVI – începutul sec. XVII face parte așa-numita „diademă din Sibiu” [Anton Manea 1992, 118-121]. Ea provine din mormântul ilustrului membru al mișcării antiotomane, ducelui de Saxonia și reprezentantului Universității Saxonice în Transilvania Albert Huet (1537-1607) de la Sibiu. Piesa

reprezintă o bandă din catifea, brodată cu mătase. Pe bandă erau fixate 15 aplice în formă de rozetă, de trei diametre diferite. Aplicele sunt executate din aur și decorate cu email de culoare neagră și albă, granate și perle.

O bonetă de coc a fost găsită în mormântul Sofiei Kendi de la Cetatea de Baltă și restaurată (pl. VI). Boneta, cusută din catifea, era decorată cu aplice din aur de 18 carate, email color și perle³.

Revenind la aplicele în formă de „floare arabă” apare întrebarea logică, cum aplicele de aur de acest gen au ajuns în Moldova în perioada domniei lui Ștefan cel Mare. Presupunem că ele au fost aduse de Maria de Mangop în 1472, anul când a venit în Moldova pentru ca să se căsătorească cu Ștefan cel Mare. Probabil, ea a adus cu sine multe cadouri, pe lângă alte obiecte prețioase date ca zestre și, posibil, acestea făceau parte din darurile oferite lui Ștefan cel Mare și familiei sale.

Idea că Maria de Mangop a purtat podoa-

Pl. V. Boneta purtată de marea boierime și de domnitori în secolele XV-XVI [după Nicolescu 1970, 150, fig. 157].

Pl. V. A caps worn by the boyars and rulers in the 15th-16th century [after Nicolescu 1970, 150, fig. 157].

2. Discuțiile legate de deschiderea oficială și neoficială a mormântului lui Ștefan III cel Mare, precum și propunere de reconstituire a evenimentelor vor fi prezentate cu altă ocazie.

3. Informația a fost expusă în sursele Web http://asztronege.blogspot.md/2012_01_01_archive.html (vizitat 26.03.2016).

Pl. VI. Boneta de coc descoperită în sicriul Sofiei Kendi, reconstrucție. Biserica evanghelică de la Cetatea de Baltă [după http://asztronege.blogspot.md/2012_01_01_archive.html (vizitat 26.03.2016)].

Pl. VI. The cap found in Sofia Kendi's tomb, reconstruction. The evangelical church from the Cetatea de Baltă [after http://asztronege.blogspot.md/2012_01_01_archive.html (vizited 26.03.2016)].

be executate de meșteri giuvaiergerii ce lucrau în tradiții mongole poate fi susținută prin cerceii ei, realizați din pietre prețioase în formă de picătură [Sfânta Mănăstire Putna 2010], care își regăsesc analogiile în diferite obiecte de podoabă din regiunea Volgăi, dar care sunt atestate și la Orheiul Vechi (r-nul Orhei, Republica Moldova). Despre strânsele relații ale principatului Moldovei cu regiunea crimeeană ne vorbesc și fragmentele de ceramică, descoperite la Mănăstirea Putna în urma investigațiilor recente. Ceramica este lucrată în tradițiile post-bizantine – crimeene și are urme de unele inscripții cu caractere chirilice [Sfânta Mănăstirea Putna 2010, fig. 72-77].

Ipoteza cu cadourile aduse de Maria familiei domnești indirect este susținută și de aplicele descoperite în mormântul fiului lui Ștefan cel Mare – Bogdan III. Aceste aplice sunt de diferite forme, remarcăm totodată că cele în formă de floare arabă lipsesc atât din mormântul lui Bogdan III, cât și din cel al lui Ștefan IV [cf. Sfânta Mănăstirea Putna 2010; cf. Popescu 1970, 68-70, fig.70].

CATEGORIA a III-a

Acestei categorii aparțin aplice de diferite forme, însă, până la descoperirea tezaurului de la Drăgușeni (r-nul Strășeni, Republica Moldova), aplice în formă de floare arabă nu au fost cunoscute. Tezaurul rămâne inedit, având în componența sa 15 aplice în formă de floare arabă. După cum

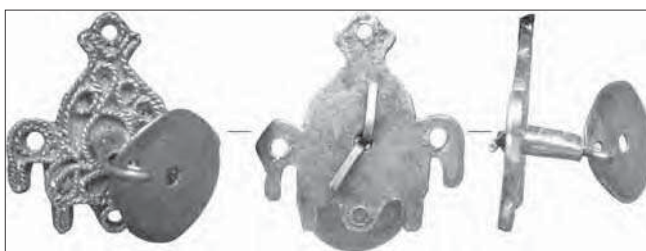
rezultă din imagine (pl. VII), forma acestora continuă să se standardizeze, de cele mai multe ori ele sunt executate din argint (rar când sunt aurite) pe o placă groasă, cu un decor filigranat executat neglijent. În centrul acestor piese sunt plasate tubușoare înalte. În aceste tubușoare sunt introduși pivoți din sârmă întoarsă, iar de bucla astfel formată sunt suspendate pandantive în formă de picătură. Anume aceste elemente decorative pot fi considerate de bază pentru astfel de podoabe. Datorită obiectelor evidențiate din componența tezaurului respectiv, considerăm că atât tezaurul, cât și aplicele în discuție pot fi date în secolul al XVI-lea – cel târziu sec. al XVII-lea.

Pe teritoriul Moldovei istorice, serii întregi de aplice filigranate, dar de alte forme, decorate cu sârmă filigranată și cu pandativul central, sunt cunoscute în complexele de la Singerei și Musait, Păun și Șendreni (pl. VIII), fiind de asemenea date de la sfârșitul sec. XVI până la începutul sec. XVII.

În tezaurul de la Păun au fost evidențiate aplice în formă de pentagon, decorate cu cerculețe din sârmă filigranată [Neamțu, Foit 1972, 359-367].

În depozitul de la Singerei au fost descoperite patru aplice de două tipuri. Două dintre ele, executate din argint aurit, sunt septate, au șatonuri pătrate în centru și decor spiralat filigranat și granulat. Două alte aplice, pentagonale, similare cu cele de la Păun, sunt decorate cu ornament circular filigranat [Tezaure... 1994, 25-29, 38, 39, tab. XVIII, XXIV-XXIX].

În tezaurul de la Musait este prezentă o garnitură întreagă constând din 30 de ecusoane de

Pl. VII. Aplica în formă de „floare arabă” din tezaurul de la Drăgușeni, r-nul Strășeni, Republica Moldova (foto: autorii).

Pl. VII. The Arab flower-shape plaques from the hoard of Drăgușeni, Strășeni region, Moldova, Republic of (photo by the authors).

argint aurit de formă diferită. În componența tezaurului intră aplice de diverse forme: dreptunghiulare, dințate. În afară de aceasta, sunt prezente

Pl. VIII. Obiecte de podoabă din tezaur: 1-9 Păun și 10-23 Șendreni (România) [după Reabțeva 2014, 319, fig. 57].

Pl. VIII. Decorations in the hoards of 1-9 Păun and 10-23 Șendreni (Romania) [after Reabțeva 2014, 319, fig. 57].

și piese apropiate ca formă celor „antropomorfe” din tezaurul de la Suceava. Aplicele poartă decor divers din sârmă filigranată (în formă de cerceulețe, triunghiuri sau volute spiralate). De asemenea, aplicele sunt decorate prin șatonuri cu pietre de diferite culori și plate în formă de picătură [Tezaur... 1994, 25-30, pl. XX-XXIX, XXIII].

În concluzie, putem vorbi despre o oarecare preluare a tradiției. În secolele XIV-XV aplice de aur în formă de floare arabă, bine lucrate și cu elementele specifice de decorare, ajung în spațiul principatului medieval moldovenesc ca elemente ale vestimentației de gală, fiind destinate doar păturilor sociale înalte. În secolul al XVI-lea și, probabil, cel de-al XVII-lea, se pare că acest gen de podoabă nu mai este unul de elită. Aplice (din categoria a III-a), păstrând forma orientală, sunt fabricate deja mai neglijent, probabil, în cantități mai mari, din materiale mai accesibile și sunt destinate diferitor pături sociale. Nu este exclusă posibilitatea că astfel de podoabe să fi fost produse, eventual, într-un centru regional de giuvaiergerie.

Bibliografie

- Abyzova, Riabtseva 2003-2004:** A.N. Abyzova, S.S. Riabtseva, Lotos iz Kotesht i shapka Monomakha. Stratum plus 5, 2003-2004, 363-369 // А.Н. Абызова, С.С. Рябцева, Лотос из Костешт и шапка Мономаха. Stratum plus 5, 2003-2004, 363-369.
- Anton Manea 1992:** C. Anton Manea, „Diadema” de la Sibiu. Cercetari arheologice XVI, 1992, 118-121.
- Anton Manea 1997:** C. Anton Manea, Unele probleme referitoare la datarea tezaurului de la Suceava. Cercetări Istorice X, 1997, 387-406.
- Dan 1905:** D. Dan, Mănăstirea și comuna Putna (București 1905).
- Dejan 2008:** M. Dejan, Din nou despre aplica de aur descoperită în apropierea Bisericii Sf. Simion din Suceava. Arheologia Medievală VII, 2008, 267-272.
- Fedorov-Davydov 1976:** G.A. Fedorov-Davydov, Iskustvo kочевников Золотой Орды (Moskva 1976) // Г.А. Федоров-Давыдов, Искусство кочевников Золотой Орды (Москва 1976).
- Gogu, Niculică 1999:** M. Gogu, B. Niculică, O aplică de aur descoperită lângă biserica Sf. Simion - „Turnul Roșu”, Suceava. Codrul Cosminului s.n. V (XV), 1999, 221.
- Gogu, Niculică 2000:** M. Gogu, B. Niculică, Ceramica descoperită în preajma bisericii Sf. Simion-Turnu Roșu din Suceava. Arheologia Medievală III, 2000, 193-199.
- Kondakov 1896:** N.P. Kondakov, Russkie klady (Sankt-Petersburg 1896) // Н.П. Кондаков, Русские клады (Санкт-Петербург 1896).

- Kramarovskii 1982:** M.G. Kramarovskii, «Shapka Monomakha»: Vizantiia ili Vostok? SGE XLVII, 1982, 66-77 // М.Г. Крамаровский, «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? СГЭ XLVII, 1982, 66-77.
- Kramarovskii 2001:** M.G. Kramarovskii, Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Sankt-Petersburg 2001) // М.Г. Крамаровский, Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды (Санкт-Петербург 2001).
- Makhneeva 1968:** O.A. Makhneeva, O plitovykh mogil'nikakh Kryma. In: Arkheologicheskie issledovaniia sred-nevekovogo Kryma (Kiev 1968), 152-163 // О.А. Махнеева, О плитовых могильниках Крыма. В сб.: Археологические исследования средневекового Крыма (Киев 1968), 152-163.
- Mal'm 1980:** A.V. Mal'm, Simferopol'skii klad (Moskova 1980) // А.В. Мальм, Симферопольский клад (Москва 1980).
- Maliuk 2015:** N.I. Maliuk, Alustonskii klad: maloizvestnye iuvelirnye izdeliia zolotoordynskogo vremeni v fondakh Muzeia istoricheskikh dragotsennostei Ukrainy. In: Muzeini chitannia (Kii'v 2015), 159-168 // Н.И. Малюк, Алу-стонский клад: малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени в фондах Музея историче-ских драгоценностей Украины. В сб.: Музейні читання (Київ 2015), 159-168.
- Neamțu, Foit 1972:** E. Neamțu, Gr. Foit, Tezaurul de obiecte și monede feudale descoperit la Păun, comuna Mihălășeni (jud. Botoșani). AM VII, 1972, 359-367.
- Niculescu 1970:** C. Nicolescu, Istoria costumului de curte în Țările Române, secolele XIV-XVIII (București 1970).
- Popescu 1970:** M.M. Popescu, Podoabe medievale în Țările Române (București 1970).
- Rabinovich 1957:** M.G. Rabinovich, Zolotoe ukrashenie iz Tushkovogo gorodka. KSIIMK 68, 1957, 45-52 // М.Г. Рабинович, Золотое украшение из Тушковского городка. КСИИМК 68, 1957, 45-52.
- Reabțeva 2014:** S. Reabțeva, Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV-XVII) (Brăila 2014).
- Repertoriul 1958:** Repertoriul monumentelor și obiectelor de arta din timpul lui Ștefan cel Mare. M. Berza (red.), colectivul de autori D. Nastase, E. Lăzărescu, Fl. Dumitrescu, R. Florescu, H. Stănescu și Al. Paleologu (București 1958).
- Sfânta Mănăstirea Putna 2010:** Sfânta Mănăstirea Putna (Mănăstirea Putna 2010).
- Sokrovishcha 2000:** Sokrovishcha Zolotoi Ordy (Sankt-Petersburg 2000) // Сокровища Золотой Орды (Санкт-Петербург 2000).
- Spitsyn 1906:** A.A. Spitsyn, K voprosu o Monomakhovoi shapke. ZORSA 8, vyp. 1, 1906 // А.А. Спицын, К вопро-су о Мономаховой шапке. ЗОРСА 8, вып. 1, 1906.
- Spitsyn 1909:** A.A. Spitsyn, Bukharskii klad i Monomakhova shapka. IAK vyp. 29, 1909 // А.А. Спицын, Бухар-ский клад и Мономахова шапка. ИАК вып. 29, 1909.
- Tezaure... 1994:** Tezaure din muzeele orașului Chișinău, secolele XVI-XVIII. Coordonator V. Butnariu (Chișinău 1994).
- Zhilina 1998:** N.V. Zhilina, Bliakha iz Shakhreziabskogo klada i «Shapka Monomakha». In: Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura. Tezisy dokladov uchastnikov shestogo kollokviuma (Sankt-Petersburg 1998), 26-28 // Н.В. Жилина, Бляха из Шахрезьбского клада и «Шапка Мономаха». В сб.: Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников шестого коллоквиума (Санкт-Петербург 1998), 26-28.
- Zhilina 2001:** N.V. Zhilina, Shapka Monomakha (Moskova 2001) // Н.В. Жилина, Шапка Мономаха (Москва 2001).
- Zhilina 2004:** N.V. Zhilina, Zolotoe ukrashenie iz Tushkova (ornamentika i tekhnologiia). In: Arkheologiia Podmoskov'ia. Materialy nauchnogo seminară (Moskva 2004), 222-225 // Н.В. Жилина, Золотое украшение из Тушкова (орнаментика и технология). В сб.: Археология Подмосковья. Материалы научного семинара (Москва 2004), 222-225.
- Zugrav, Demciuc 1996:** I. Zugrav, V. Demciuc, Comissionsprotokol über die Eröffnung der Klostergrüfte von Put-na. Codrii Cosminului s.n. II (XII), 1996, 380-408.

Lilia Dergaciova, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: dergaciova.lili@gmail.com

Svetlana Reabțeva, doctor în istorie, cercetător științific coordonator, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sveta_earing@mail.ru

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Наталья Пашенчук

Исследование верхнепалеолитической стоянки Климэуць II в 1998 году

Keywords: Middle Dniestr, Climăuți II Site, lithic industry.

Cuvintele-cheie: Nistrul Mijlociu, stațiunea Climăuți II, inventarul litic.

Ключевые слова: Средний Днестр, стоянка Климэуць II, кремневая индустрия.

Natalia Pașenciuc

Research on the Upper Palaeolithic Site Climăuți II in 1998

In 1989, the site Climăuți II, containing numerous faunal and flint remains, was discovered. Two pits were laid there. The studies were resumed by I. Borziac in 1998 in order to determine more clearly the stratigraphy of the site. Four cultural layers (two layers – like in the excavation of 1989 and two additional layers) were found. It is important to note, that the lithic objects from the inferior layers are similar to the material of 1989 and represent the lithic aurignacian tradition. The study of the lithic material on Climăuți II site will allow for a more detailed research of the early period of the upper Palaeolithic in the area of Middle Dniester river.

Natalia Pașenciuc

Cercetarea stațiunii din paleoliticul superior Climăuți II în anul 1998

În anul 1989 a fost descoperită stațiunea Climăuți II, cu numeroase resturi faunistice și litice, unde au fost efectuate cercetări arheologice. Pentru a determina stratigrafia clară a stațiunii, lucrările au fost reluate de către I. Borziac în anul 1998. Ca rezultat, au fost depistate patru straturi culturale (două similare celor identificate în investigațiile din anul 1989 și două straturi adăugătoare). Menționăm, că materialul litic din straturile inferioare sunt de aceeași tradiție aurignaciană ca și în nivelele culturale, depistate în anul 1989. Inventarul litic al stațiunii Climăuți II este foarte important pentru studiul paleoliticului superior din zona Nistrului Mijlociu.

Наталья Пашенчук

Исследование верхнепалеолитической стоянки Климэуць II в 1998 году

В 1989 году была обнаружена стоянка Климэуць II с многочисленными фаунистическими и кремневыми остатками, где были проведены археологические исследования. Для более точного определения стратиграфии памятника, в 1998 г. исследования были возобновлены И. Борзияком, в результате чего было обнаружено четыре культурных слоя (два слоя – по раскопу 1989 г., также два дополнительных слоя). Важно отметить, что кремневые предметы нижних слоёв схожи с материалом слоев раскопа 1989 г. и представляют собой ориньякоидную индустрию. Исследование кремневого материала стоянки Климэуць II позволит более детально изучить раннюю пору верхнего палеолита в зоне Среднего Днестра.

Верхнепалеолитическая стоянка Климэуць II находится в центральной части села Климэуций де Жос Шолдэнешского района (Рис.1), на правом берегу среднего течения реки Днестр, на высокой третьей (предположительно) надпойменной террасе [Borziac 1992, 33-34] и представляет собой неровную поверхность, с запада ограниченную крутым склоном долины, прорезанной многочисленными оврагами.

Данная стоянка была открыта в 1989 году палеозоологом Т. Обада при проведении строительных работ. В результате археологических работ, проведенных в том же году под руководством И. Борзияка, было обнаружено

два культурных слоя с кремневыми предметами ориньякоидного облика [Borziac 2007, 80]. Верхний слой содержал многочисленные кости и фрагменты костей мамонта (черепа, бивни, челюсти, берцовые кости и т.д.), бизона, лошади, благородного оленя и другие [Obadă 1994, 252], образующие округлое скопление [Borziac 1998, 13].

Для более детального изучения стратиграфии памятника, а также и определения степени сохранности культурных слоев, в 1998 году на стоянке было заложено два шурфа¹, в резуль-

1. Работы проводились под руководством И. Борзияка [Borziac 1999].

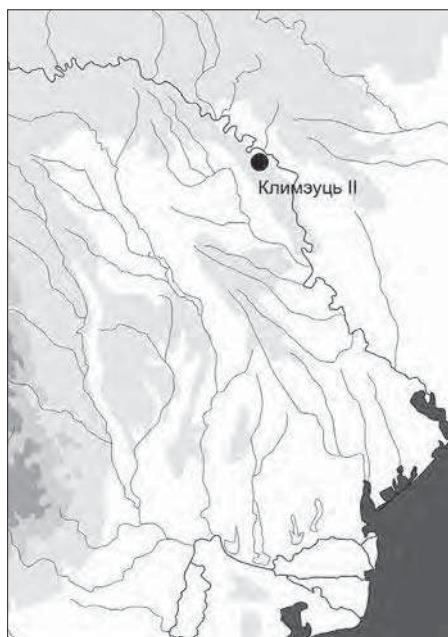

Рис. 1. Расположение стоянки Климэуць II.

Fig. 1. Situation of the site Climăuți II.

тате чего было обнаружено четыре культурных слоя, два верхних являлись идентичными двум слоям раскопа 1989 году, третий и четвертый слои были схожи с вышележащими. Необходимо отметить, что первый шурф был заложен перед зданием школы площадью 2х3 м. На данном участке не была получена ясная картина, касающаяся стратиграфии памятника. Под слоем чернозема (0,35-0,50 м) располагался глинистый светло-желтый слой, как и на раскопе 1989 года (0,30-0,40 м). Ниже находился конгломерат крупных камней частично с ископаемой почвой темно-коричневого цвета. Кремневые предметы, а также и костные остатки встречались как в верхнем слое, так и нижнем данного шурфа.

Так как цель не была достигнута, в относительно свободном месте от построек, южнее школы был заложен второй шурф площадью 1,5х1,5 м. Он был прокопан до глубины 4,5 м и была определена следующая литологическая и культурная стратиграфия (Рис. 2):

1. Слой чернозема, залегал неравномерно, содержал строительный мусор, отдельные фрагменты трипольской керамики – 0,5-0,65 м.

2. Переходной слой серо-желтого цвета, со следами многочисленных кротовин; без археологического материала – 0,35-0,40 м.

3. Слой светло-желтого суглинка, в верхней части рыхлый, в нижней – более плотный,

прорезанный многочисленными кротовинами, а также и корнеходами. На глубине 1,70-1,80 м были обнаружены материалы, относящиеся к верхнему палеолиту, представленные кремневыми предметами, костями мамонта (схож с верхним культурным слоем 1989 года). На глубине 2,20-2,30 м располагался второй верхнепалеолитический слой, идентичный нижнему культурному слою 1989 года. Мощность данного слоя 1,15-1,25 м.

4. Глинистый слой коричневатого-кирпичного цвета с меловыми отложениями. На глубине 2,60 м был исследован третий слой, относящийся к верхнему палеолиту. А на глубине 3,10-3,20 м был обнаружен и четвертый верхнепалеолитический культурный слой. Эти два слоя, расположенные в ископаемой почве (дофиновская), являются важным элементом в определении перспективности

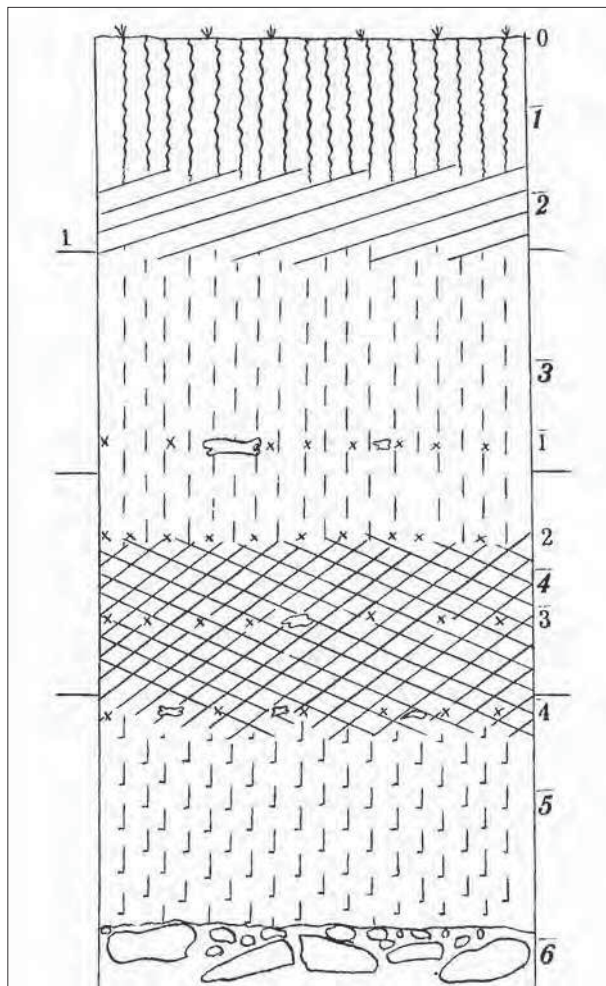

Рис. 2. Стратиграфия памятника согласно раскопу 1998 г.

Fig. 2. Stratigraphy of the excavation 1998.

памятника, позволяя заявить о многослойности стоянки. Мощность слоя – 0,75-0,90 м.

5. Темно- желтый глинистый слой, клейкий, компактный, без культурных следов, расположенный на меловом слое. Мощность – 1,5-1,7 м.

Таким образом, в результате работ 1998 года была установлена схожая стратиграфия с раскопом 1989 года. Кроме того, были выявлены два новых культурных слоя, которые определяют важность изучения данной стоянки для верхнего палеолита в зоне Среднего Днестра.

Кремневый инвентарь. В результате работ 1998 года было собрано около 150 кремневых предмета (в данной работе исследовано 132 предмета из кремня), подразделяющихся на следующие категории: нуклеусы и их фрагменты, пластины и их фрагменты, отщепы и их фрагменты, неопределимые обломки (в т.ч. и от отбойника?) (Табл.1).

Наименование основных категорий кремневых предметов	Количество кремневых предметов	%
Нуклеусы, фрагменты	7	5,30
Обломки	4	3,03
Пластины	46	34,85
Отщепы	68	51,52
Предметы с вторичной обработкой	7	5,30
Итого	132	100

Таблица 1. Состав коллекции кремневых находок.

В качестве сырья использовался галечный и желвачный кремнь довольно высокого качества серого, черного и коричневатого цветов. Возможно, данный кремнь извлекался из меловых отложений коренного берега Днестра, обнажения которого наблюдались в 150 м южнее села Климэуций де Жос, а также в основании берега Днестра были собраны окатанные гальки. Отметим, что кремневые предметы сильно патинизированы, хотя есть и несколько предметов без патины.

Нуклеусы представлены 7 экземплярами, два из которых – фрагменты. Следует отметить, что все нуклеусы, в том числе и фрагменты, являются призматическими, три из них – одноплощадочные. Один из нуклеусов двуплощадочный с перекрестным скалыванием, размерами 4,6х3,8х3 см. Также имеется в кол-

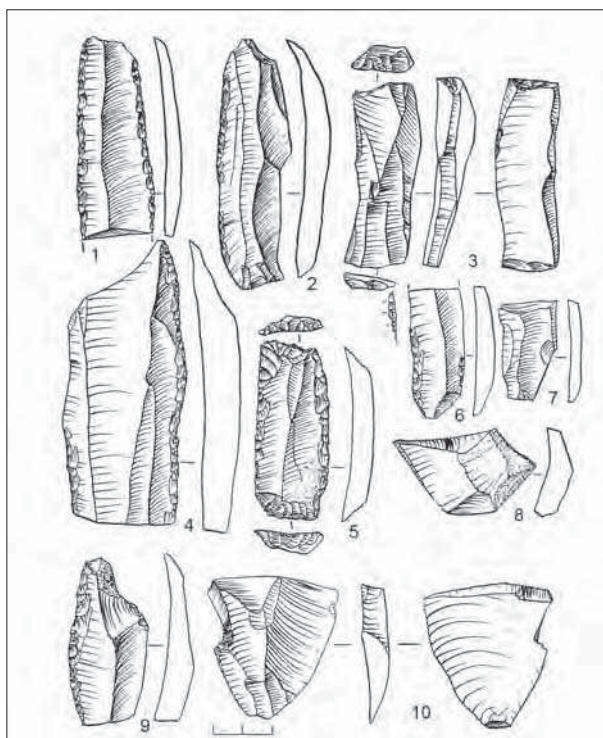

Рис. 3. Климэуць II. Кремневые орудия (по: Borzic 1999).

Fig. 3. Climăuți II. Flint Tools (after: Borzic 1999).

лекции нуклеус двуплощадочный с встречным скалыванием, размеры которого 5х2,9х2,2 см.

Пластины представлены 46 экземплярами, в том числе и их фрагменты. В коллекции имеется несколько реберчатых пластин. Из числа отщепов (68 экз.) были исследованы и три скола подправки торца нуклеуса. Особы интерес представляет шаровидный предмет из коричневатого кремня со следами забивки, возможно, использовавшийся как твердый отбойник для снятия сколов или же это вторичные повреждения. Размеры данного предмета составляют 5х3,6х4,6 см.

Из числа предметов с вторичной обработкой, составляющих 5,3% от общего числа (7 экз.) (Рис. 3), необходимо отметить несколько пластин ориньякоидного облика, обработанные по краям полукрутой ретушью, а также несколько частично ретушированных отщепов. Особы интерес представляет предмет четырехугольной формы, края которого обработаны полукрутой ретушью, размерами 6х2,4х1 см. Было обнаружено и два резца на пластинах, один из которых поперечный (трансверсальный), а другой – двойной.

Таким образом, в результате проведения работ в 1998 году была дополнена стратиграфия, число культурных слоев возросло до четырех, а также изучена и микростратиграфия. В результате обогащения археологического материала были сделаны выводы о культурной принадлежности, а именно что все четыре слоя от-

носятся к ориньякской культурной традиции. Необходимо подчеркнуть важность и кремневого инвентаря стоянки Климэуць II в целом для изучения ранней поры верхнего палеолита в зоне среднего течения реки Днестр, а также и сопоставление данного материала с другими типичными памятниками Восточной Европы.

Библиография

- Borziac 1999:** I. Borziac. Raportul despre investigațiile arheologice la stațiunile paleolitice Podgori I și Climăuți II, campania 1998. Arhivă MNIM, nr. 368 (Chișinău 1999).
- Borziac et al. 2007:** I. Borziac, V. Chirica, A. David, Th. Obadă Planigrafia nivelului superior de locuire din stațiunea aurignaciană Climăuți II pe Nistrul Mijlociu. Locuința „din oase și pământ”. RA III, 1-2, 2007, 74-88.
- Borziac et al. 1992:** I. Borziac, A. Gol’bert, S. Medianik, V. Motok. Arkheologii i paleographiia stoianki Climăutsi II. Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldavii // И. Борзияк, А. Гольберт, С. Медяник, В. Моток. Археология и палеогеография стоянки Климауцы II. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии (Кишинев 1992), 75-95.
- Borziac, Obadă 1998:** I. Borziac, Th. Obadă, Aurignacianul tardiv de la stațiunea cu două niveluri de locuire Climăuți II de pe cursul Mijlociu al Nistrului (Republica Moldova). MA XXIII, 1998, 6-49.
- Obadă et al. 1994:** Th. Obadă, A. David, I. Borziac, Fauna de mamut din stațiunea paleolitică Climăuți II din Basarabia. SCIVA 45, 3, 1994, 251-255.

Наталья Пашенчук, младший научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия, Академия Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Молдова, e-mail: pashenciuc@gmail.com

Ion Ciobanu, Serghei Agulnicov

Complexele funerare atribuite culturii Sabatinovka din Tumulul 9 de la Crihana Veche

Keywords: tumulus, necropolis, pottery, burials, Bronze Age.

Cuvinte cheie: tumul, necropolă, ceramică, morminte, epoca bronzului.

Ключевые слова: курган, могильник, керамика, захоронения, бронзовый век.

Ion Ciobanu, Serghei Agulnicov

Burial complexes of Sabatinovka Culture from Crihana Veche

The article describes a group of funeral complexes of the Sabatinovka Culture discovered in 2015 in the Tumulus Nr. 9 near Crihana Veche Village (Cahul District). The paper also proposes an analysis of peculiarities of funeral rites of the Sabatinovka Culture from the area between Dniester and Prut. As a rule, the funeral complexes of the culture under study are located in the south-eastern part of tumulus, as in the Tumulus Nr. 9 from Crihana Veche. The funeral rite and unearthed implements suggest a synchronisation of the funeral complex from the Tumulus Nr. 9 with the cultural circle Noua-Sabatinovka-Coslogeni, as well as the culture Monteoru (phase II B) and is dated back to 14th-13th centuries BC.

Ion Ciobanu, Serghei Agulnicov

Complexele funerare atribuite culturii Sabatinovka din Tumulul 9 de la Crihana Veche

În articolul de față este prezentat un grup de complexe funerare aparținând culturii Sabatinovka, descoperite recent (2015) în Tumulul 9 de la Crihana Veche, r-nul Cahul. Sunt analizate aspecte generale ce țin de ritualul funerar al culturii Sabatinovka în spațiul pruto-nistean. De regulă, mormintele ce aparțin acestei culturi din epoca bronzului târziu erau amplasate în sectoarele de sud-est ale tumulilor, formând o concentrație de morminte de felul unei necropole de dimensiuni mici. Aceeași situație poate fi urmărită și în T. 9 de la Crihana Veche. Ritualul funerar și piesele de inventar, descoperit în procesul cercetărilor arheologice, sincronizează micronecropa din T. 9 cu masivul cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, precum și cu cultura Monteoru (faza IIB) și se datează în secolele XIV–XIII a.Chr.

Ион Чиобану, Сергей Агульников

Погребальные комплексы сабастиновской культуры из Кургана № 9 у с. Крихана Веке

В данной статье представлена группа погребальных комплексов культуры Сабатиновка, обнаруженных недавно (2015 г.) в Кургане № 9 у с. Крихана Веке, р. Кахул. Проанализированы особенности погребального обряда Сабатиновской культуры Пруто-Днестровского междуречья. Как правило, погребения этой культуры располагаются в юго-восточной части курганов, образуя в своем роде могильники небольших размеров. Подобная ситуация прослеживается и в Кургане № 9 из Крихана Веке. Погребальный обряд и инвентарь, обнаруженный в ходе археологических раскопок, позволяет синхронизировать могильник Кургана № 9 с общим культурным массивом Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень, а также с культурой Монтеору (фаза II B) и датируется XIV–XIII вв. до н.э.

Ritul funerar al culturii Sabatinovka, în prezent, reprezintă un aspect slab elucidat în cadrul problematicei indoeuropene, legate de păstorii vechi ai stepelor euroasiatice. În tumulii din zona stepei nord-pontice, complexele funerare de tip Sabatinovka succed cronologic și stratigrafic mormintele ce aparțin culturii Mnogovalikovaia. Cercetările din ultimii ani au permis extinderea acestui orizont din epoca bronzului târziu în zona Nistru-Dunăre-Marea Neagră [Vanchugov 2000, 39-56] și în particular spațiul pruto-nistean [Agul'nikov 2002, 176-181]. Având în vedere continuitatea genetică a culturii Sabatinovka de la cultura Mnogovalikovaia, s-a reușit elucidarea aspectelor culturale specifice celei dintâi,

în ceea ce ține de ritul funerar și de inventar [Vanchugov 2000, 40].

Numărul de complexe funerare fiabile din perioada de existență a culturii Sabatinovka din interfluviul pruto-nistean varia în mod repetat, în calculele cercetătorilor, de la 20-25 [Dergachev 1986, 180] la 500-600 [Cherniakov 1985, 135]. Mai târziu a fost numită cifra de 100 de complexe funerare [Vanchugov 2000, 40] atribuite culturii Sabatinovka, iar după ultimele date, numărul lor în regiunea nord-vest-pontică ajunge la 662 [Sava 2003, 4; Sava, Agul'nikov 2003]. Precizarea apartenenței lor la cultura Sabatinovka a fost făcută nu numai în baza metodei comparative a formelor

ceramice și a elementelor de rit funerar, dar, de asemenea, folosind tabelele statistico-combinatorii special elaborate și ținându-se cont de toate aspectele ritualului funerar. Drept urmare a prelucrării unui lot de morminte din epoca bronzului târziu din regiune, mormintele ce aparțineau culturii Mnogovalikovaia (sau cultura Babinsk) au fost eliminate din complexele funerare de tip Sabatinovka.

Cea mai mare parte a complexelor funerare de tip Sabatinovka o constituie mormintele secundare amplasate în mantaua tumulilor din epocile ulterioare – 645. Se remarcă o serie de tumuli cu morminte principale de tip Sabatinovka – cca 17-25% din total. Mormintele secundare sunt repartizate pe sectoare în modul următor: centru – 23 (3,5%), sectorul nordic – 7 (1,1%), sectorul nord-estic – 30 (4,5%), sectorul estic – 27 (4,1%), sectorul sud-estic – 132 (19,9%), sectorul sudic – 300 (43,5%), sectorul sud-vestic – 86 (13%), sectorul vestic – 11 (1,7%) și sectorul nord-vestic – 26 (3,9%). Cea mai mare parte a înmormântărilor au fost înregistrate la momentul surprinderii, scheletul, contururile camerelor mortuare nu sunt întotdeauna depistate în terasamentele movilelor. În cazurile când camerele funerare sunt semnalate, acestea au dimensiuni mici, ocazional, acoperite cu bârne de lemn sau piatră. Domină camerele mortuare de formă ovală și rectangulară în plan, cutii de piatră apar mai rar. Camerele funerare ce au forme ovale – 134 (20,2%), formă ovală cu nișe – 1 (0,15%), ovale cu treaptă – 3 (0,45%), dreptunghiulare – 77 (11,63%), dreptunghiulară cu nișe – 5 (0,75%), nu a fost surprins conturul – 440 (66,5%). Pe fundul gropii, de regulă, se surprind resturi de natură organică sau urme ale așternutului vegetal, pigmenți de cretă și, mai rar, de ocră. Mormintele ce aparțin culturii Sabatinovka erau amplasate, de obicei, în sectoarele sud-estice ale tumulilor, formând în plan o concentrație de morminte de felul unei necropole de dimensiuni mici. Într-o oarecare măsură, găsim similitudini cu necropolele culturii Noua de pe Prutul Mijlociu, unde mormintele sunt de asemenea concentrate în sectoarele sud-estice în cadrul unor movile mai vechi, dar unde, în cele mai multe cazuri, mormintele ies departe de mantalele tumulilor (necropolele de la Pererita, Burlanesti și Chirileni) [Sava 2002].

Defuncții erau plasați în poziție chircită pe o parte și predomină gradul mare de chircire – 638 de cazuri, ceea ce reprezintă 95,5%. Gradul de

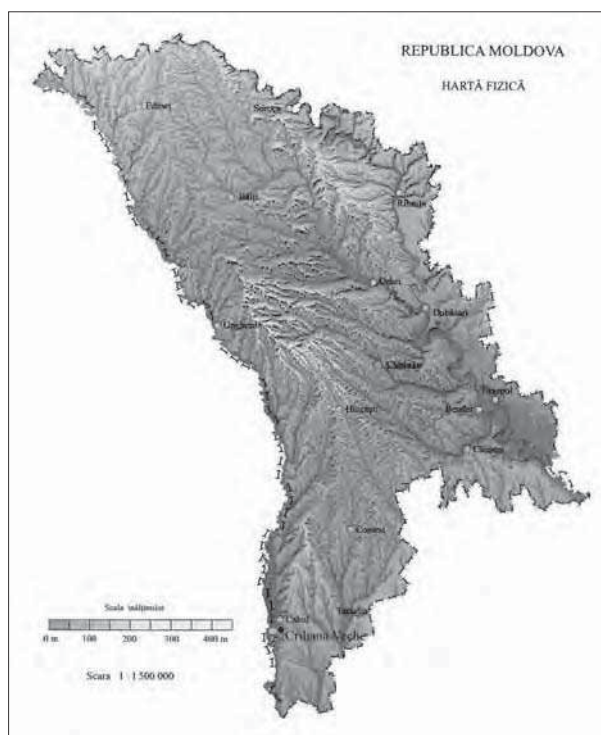

Fig. 1. Harta fizico-geografică a Republicii Moldova cu indicarea localității Crihana Veche (r. Cahul).

Fig. 1. Geographical location of the Chrihana Veche site (Cahul District).

chircire mediu a fost semnalat în 18 complexe și reprezintă 2,7 %. Poziția chircită pe partea stângă – 453 de cazuri (67,8%), pe partea dreaptă – 172 (25,7%), iar în 43 de cazuri poziția nu a fost posibil de fixat (6,4%). Gradul de chircire a picioarelor la nivelul genunchilor poate fi definit ca trecere de la gradul mediu la puternic (45-55°) în 540 cazuri (80,8 %) și, într-o măsură mai mică (90-120°) real înregistrate în 18 și 16 cazuri. Orientarea înmormântărilor de tip Sabatinovka în tumulii din regiunea cuprinsă între Nistru și Dunăre este, după cum urmează: nord (35-20°) – 16, nord-est (20-65°) – 125, est – 305 (65-110°), sud-sud-est (110-155°) – 102-35 (155-200°), sud-vest (200-245°) – 35 vest (245-290°) – 12, nord-vest (290-335°) – 9, în 38 de morminte nu a putut fi stabilită orientarea [Sava, Agulnikov 2003].

Cele mai reprezentative complexe funerare secundare atribuite culturii Sabatinovka au fost descoperite într-o serie de tumuli din epoca eneolitică-bronz timpuriu de pe malul drept al râului Nistru. Morminte din această categorie au fost cercetate de către expediția arheologică de salvare de la Suvorovo (în prezent Ștefan Vodă) în limi-

Fig. 2. Harta topografică a com. Crihana Veche. Tumulul nr. 9.

Fig. 2. Topographical map of the commune Crihana Veche. Tumulus 9.

tele localităților Răscăieți, Purcari, Olănești [Iarovo 1990], Cîrnățeni, Săiți [Levitski 1995, 159-165; Demchenko, Levitski 1997, 155-188], Cioburciu, Talmaza [Agul'nikov 1989], în tumulii de lângă satul Semionovka [Subbotin 1985, 45-95] și la Mologa de pe malul limanului Nistrului [Maliukevich, Agul'nikov 2005, 193-212] (fig. 3). De notat aici că pe partea dreaptă a râului Nistru, lângă satul Cîrnățeni a fost cercetată movila nr. 2, de unicat, cu morminte centrale de tip Sabatinovka (mormintele 2 și 3), cu construcții funerare complexe, ce includeau gropi de pari, trepte, precum și vase ceramice reprezentate de o ceașcă și un vas cu torți supraînălțate, mai mult caracteristice pentru masivul cultural-istoric Noua-Sabatinovka [Levitski 1995, 159-165, ris. 1].

În continuare vom analiza cele mai reprezentative complexe funerare din perioada bronzului târziu din T. 9, investigate în anul 2015 la Crihana Veche pe malul stâng al Prutului Inferior (fig. 1).

Tumulul nr. 9 se găsea la cca 1,35 km nord de biserica creștin-ortodoxă din satul Crihana Veche și la 15 m vest de traseul R34, A283 Cahul-Giurgiulești, la marginea de nord a localității, pe prima terasă a râului Prut (fig. 2). Mantaua T. 9 se ara anual și, la momentul demarării cercetării, avea o configurație circulară neregulată în plan (fig. 4). Înălțimea movilei era de cca 1,25 m, iar diametrul de aproximativ 24x27 m.

Drept rezultat al investigațiilor arheologice au fost descoperite 20 de morminte de înhumatie și patru complexe rituale(?). Astfel, în construcția T. 9 pot fi surprinse trei faze cultural-cronologice majore: 1 – eneolitic târziu, cultura Hadzhider-

Cernavodă I (M. 10); 2 – bronz timpuriu, cultura Iamnaia; 3 – bronz târziu, culturile Mnogovalikovaia și Sabatinovka; la care se adaugă un mormânt secundar atribuit cu probabilitate sarmaților din primele secole p.Chr.

Prima manta a tumulului este în legătură directă cu M. 10 din perioada eneolitică târzie și era amplasat în sectorul nord-vestic al tumulului, la 4,1 m distanță de reperul central și la adâncimea de 1,7 m (fig. 4). Tot la aceeași adâncime au fost descoperite două șanțuri în formă de semicerc în plan, care flancau M. 10 din partea de nord-nord-est și sud-sud-vest. Camera funerară

Fig. 3. Complexele funerare ce aparțin culturii Sabatinovka din spațiul pruto-nistrean. 1- Nicol'skoe–Uiutnoe; 2- Hlinaia; 3- Shcherbaka; 4- Limanskoe–Zal't; 5- Cîrnățeni; 6. Olănești–Purcari; 7. Semenovka; 8- Mologa; 9- Kochkovatoe; 10- Plavni; 11- Taraclia I–Taraclia II; 12- Gradiște; 13- Săiți; 14- Crihana Veche; 15- Doina–Rumeanțev; 16- Tochile–Răducani.

Fig. 3. Funeral complexes that belong to the Sabatinovka Culture from the area between Dniester and Prut rivers. 1- Nicol'skoe–Uiutnoe; 2- Hlinaia; 3- Shcherbaka; 4- Limanskoe–Zal't; 5- Cîrnățeni; 6. Olănești–Purcari; 7. Semenovka; 8- Mologa; 9- Kochkovatoe; 10- Plavni; 11- Taraclia I–Taraclia II; 12- Gradiște; 13- Săiți; 14- Crihana Veche; 15- Doina–Rumeanțev; 16- Tochile–Răducani.

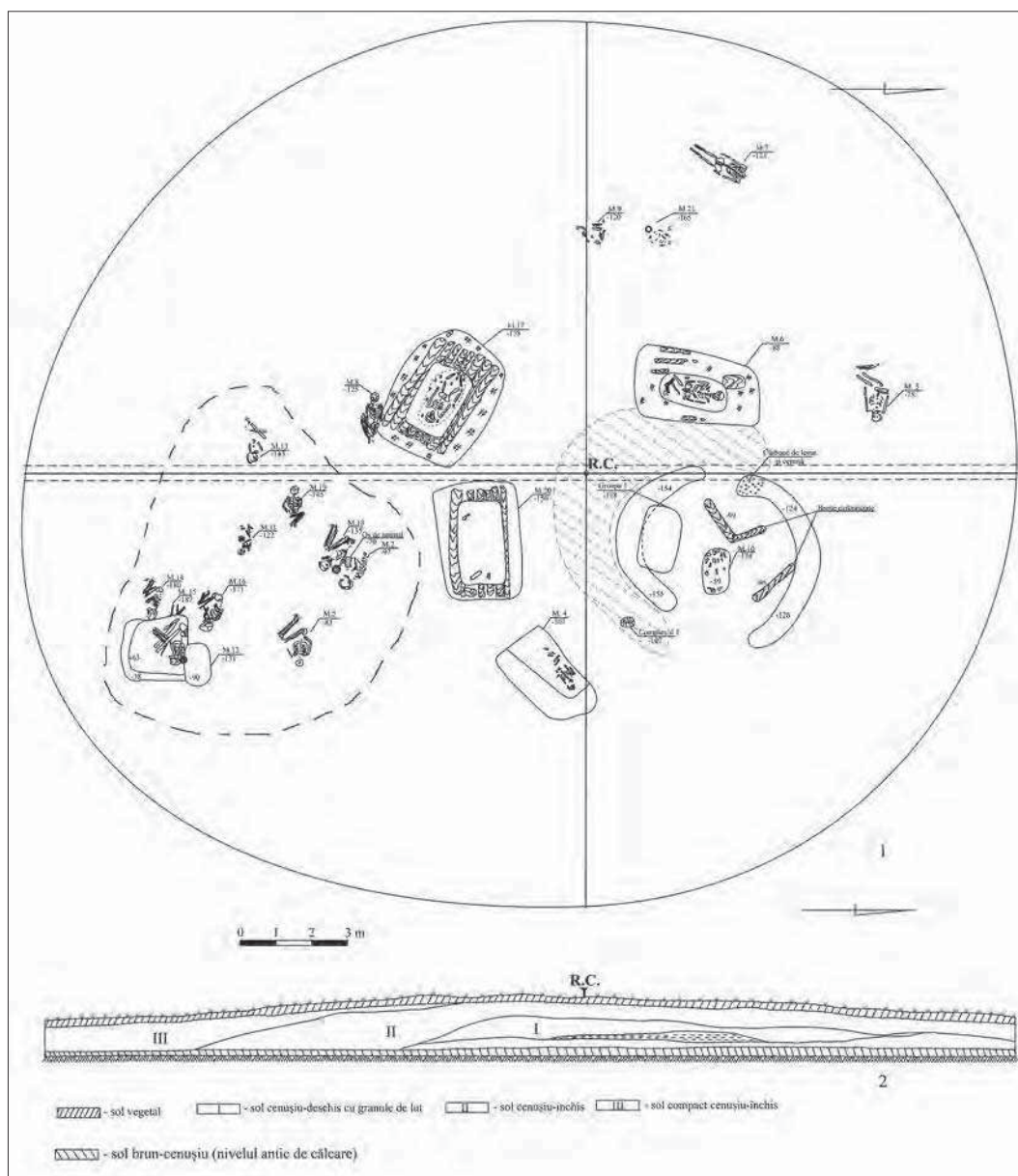

Fig. 4. Crihana Veche. Tumulul nr. 9. Plan și profil.

Fig. 4. Crihana veche. Tumulus Nr. 9. Plan and section.

era amplasată în centrul construcției. Dimensiunile gropii mormântului: 1,25x0,90 m, adâncimea de la nivelul semnalării conturului – 0,60 m (fig. 4). Judecând după locul descoperirii craniului, putem presupune că defunctul a fost plasat cu capul spre est, cu brațele întinse de-a lungul trunchiului, membrele inferioare au fost (probabil?) întinse, bazinul deplasat spre partea sud-vestică a camerei mortuare. Scheletul era vopsit cu mult ocră de culoare roșie-aprinsă, o concentrație mai mare de ocră atestându-se pe craniu. În imediata apropiere a scheletului și sub el au fost semnalate urme de putregai de culoare

maronie de la așternutul vegetal. Pe partea de sud și de vest a complexului funerar care înconjură M. 10 a fost depistat solul galben, excavat în procesul de săpare a celor două șanțuri ce înconjură mormântul respectiv. El forma o aglomerare semicirculară în plan, cu lungimea de 7,5 m, lățimea maximă de 3 m și grosimea de 0,2 m (fig. 4). În concluzie, având în vedere modul în care a fost orientat defunctul, construcția din jurul mormântului, groapa ce intersectează șanțul sudic, resturile de bârne carbonizate din zona centrală a construcției funerare, bârnele de lemn putred, precum și urmele de foc în extremita-

tea vestică a șanțului nordic, putem atribui cu probabilitate M. 10, respectiv prima manta a T. 9 de la Crihana Veche, culturii Hadzhider-Cernavodă I din perioada târzie a epocii eneolitice¹ [Petrenko 1989, 19; Manzura 1993, 28-30; Manzura 1994, 96; Iarovoi 2000, 14; Agulnikov, Pașa 2008, 33].

Următorul orizont cronologic este reprezentat de un grup de morminte ce aparțin culturii Iamnaia din bronzul timpuriu (mormintele 4, 6, 17 și 20). În-mormântările erau efectuate în camere funerare de formă dreptunghiulară, acoperite cu bârne de lemn masiv. Defuncții erau depuși pe spate, în poziție chircită sau ușor înclinați. Un element important în ceea ce ține de ritualul funerar este ocrul cu care era presurat corpul decedatului și care simboliza sângele și credința în lumea de apoi [Iarovoi 1985, 67-68].

Mormintele ce aparțin culturii Iamnaia din T. 9 pot fi atribuite grupului 5 de înmormântări, după clasificarea lui E. Iarovoi, caracterizată prin depunerea defunctului în poziție orizontală pe spate, cu brațele întinse de-a lungul corpului și picioarele îndoite, rudicate de la genunchi [Iarovoi 2000, 20-21]. Drept mormânt central pentru a doua manta poate fi considerat cel notat cu nr. 20, situat în sectorul sud-estic al tumulului.

Un alt orizont cronologic din cadrul mantalei a II-a este legat de complexul de înmormântări de tip Iamnaia, faza finală (mormintele nr. 3, 5, 8-9, 19 și 21). Pe baza ritualului de înmormântare – chirciți pe spate cu orientare spre est sau vest – mormintele pot fi încadrate în grupurile 6 și 7 ale tipului 5, după clasificarea lui Iarovoi, ca morminte Iamnaia târzie sau post-Iamnaia [Iarovoi 2000, 21].

De mantaua a III-a este legat grupul de înmormântări din perioada târzie a epocii bronzului. Mormintele nr. 2, 11-16 și 18 formează un grup specific, concentrat în sectorul de sud-est al mantalei tumulului. Defuncții erau depuși în poziție chircită pe partea stângă, cu capul orientat spre est-sud-est. Un interes deosebit prezintă M. 12, care era un complex funerar de o formă complicată, reprezentată de o construcție cu dromos și cameră mortuară laterală canalului de acces (fig. 5). Asemenea înmormântări sunt caracteristice, în special, pentru cultura Mnogovalikovaia sau așa-numita cultura Babinsk, având însă drept inventar un vas ceramic

ce poate fi încadrat în tipul VIII caracteristic pentru cultura Sabatinovka [Sava, Agulnikov 2003, 125]. În M. 18 a fost descoperit un vas cu toartă supraînălțată și suprafața lustruită, ce se încadrează perfect în tipul II din cultura Sabatinovka [Sava, Agulnikov 2003, 125-126, fig. 2].

Șirul cronologic din cadrul tumulului nr. 9 îl încheie M. 7, unde defunctul a fost plasat în poziție întinsă pe spate, cu orientare pe axa nord-sud. Craniul lipsește, la fel și inventarul, dar, judecând după orientarea și poziția scheletului, mormântul poate fi atribuit sarmaților din primele secole ale erei creștine [Grosu 1990, 31].

Grupul de morminte secundare din epoca bronzului târziu din T. 9 de lângă Crihana Veche.

M. 2 (epoca bronzului târziu) a fost descoperit în sectorul sud-estic al tumulului, la o distanță de 6,5 m de reper, la adâncimea de 0,97 m (fig. 4). Starea de conservare a scheletului era nesatisfăcătoare. Judecând după resturile scheletice păstrate, defunctul, de gen masculin, cu vârsta cuprinsă între 40 și 50 ani², a fost depus în poziție chircită pe partea stângă, cu craniul orientat spre est. Craniul era orientat cu fața spre sud. Membrele inferioare lipseau. Măinile erau îndoite de la coate. Gradul de chircire a scheletului este mediu (fig. 5,1). Fără inventar.

M. 11 (epoca bronzului târziu) a fost descoperit în sectorul sud-estic al tumulului, la o distanță de 9,5 m de reper, la adâncimea de 1,18 m (fig. 4). Camera funerară nu a fost semnalată. Starea de conservare a scheletului – satisfăcătoare. După cum reiese din amplasarea resturilor scheletice păstrate, defunctul, de gen feminin, cu vârsta cuprinsă între 40 și 45 ani, a fost depus în poziție chircită pe partea dreaptă, cu craniul orientat spre est. Craniul era plasat pe partea dreaptă, cu fața spre nord, mâinile îndoite de la coate și membrele inferioare chircite puternic pe partea dreaptă (fig. 5,2). Lipsit de inventar.

M. 12 (epoca bronzului, cultura Mnogovalikovaia?) a fost semnalat în sectorul sud-estic al tumulului, la o distanță de 11,5 m de reper, la adâncimea de 1,31 m (fig. 4). Complexul funerar de o formă complicată era prezentat de o construcție cu dromos și cameră mortuară laterală canalului de acces (fig. 5,3). Dromosul avea în

1. Vestigiile de acest tip au fost denumite diferit: grupul Hadzhider (Petrenko 1989), aspectul basarabean al culturii Cernavodă I (Manzura 1993; Manzura 1994) sau tipul Hadzhider-Zhivotilovka (Iarovoi 2000).

2. Determinările întregului lot de resturi osteologice de origine umană au fost efectuate de către dna dr. Angela Simalcsik, căreia îi mulțumim și pe această cale.

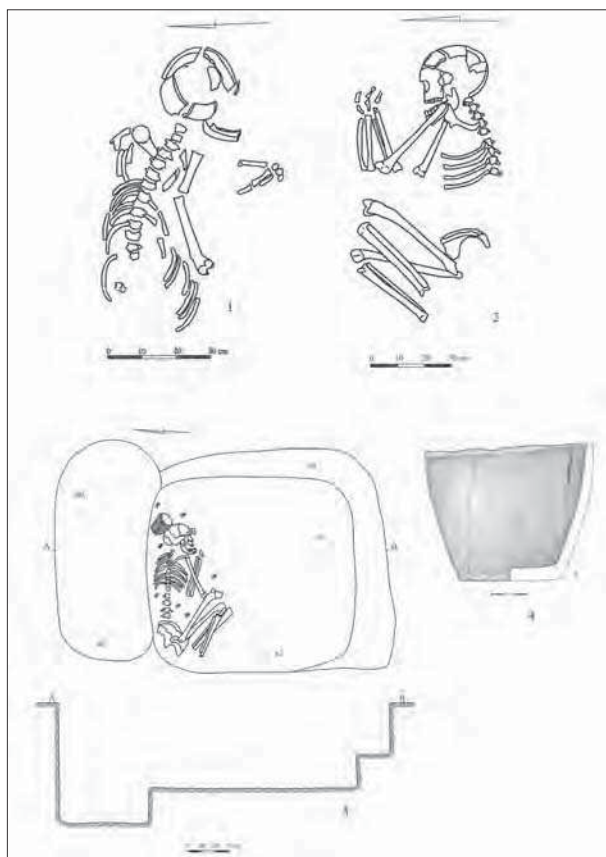

Fig. 5. Crihana Veche. Tumulul nr. 9. 1- mormântul 2; 2- mormântul 11; 3- mormântul 12; 4- vas din mormântul 12.

Fig. 5. Crihana Veche. Tumulus Nr. 9. 1- burial 2; 2- burial 11; 3- burial 12; 4- receptacle from the burial Nr. 12.

plan forma ovală, cu dimensiunile de 1,65x0,75 m, adâncimea de 0,90 m, fiind orientat pe axa est-vest. Umplutura gropii de acces consta din cernoziom în amestec cu lut galben. Adiacent gropii de acces, în partea de sud, continua camera funerară ce avea formă patrulateră cu colțurile rotunjite și laturile ușor arcuite în plan, cu dimensiunile de 1,5x1,4 m și adâncimea de 0,60 m. Pe perimetru, groapa mormântului, în partea sudică și estică, era prevăzută cu o treaptă, săpată în lut steril cu lățimea ce varia de la 0,30 m, în partea de sud-vest, la 0,12 m în partea de nord-est. Umplutura camerei funerare consta din cernoziom în amestec cu lut galben granulat, fiind semnalate și concrețiuni de lut de la tavanul nișei funerare, care la momentul cercetărilor era căzut.

Scheletul, aparținând unui individ de gen masculin, cu vârsta cuprinsă între 40 și 50 ani, a fost găsit în extremitatea nordică a camerei funerare, la limita sudică de a jos gropii de acces. Defunctul a fost depus în poziție chircită pe partea

stângă, cu trunchiul întors pe burtă și capul orientat spre est. Craniul era cu fața spre sud; mâinile – îndoite din cot în fața cutiei toracice, humerusul și ulna dreaptă lipsind. Picioarele erau plasate pe partea stângă. Gradul de chircire a picioarelor era maxim, starea de conservare a scheletului fiind satisfăcătoare. În imediata apropiere a scheletului și sub el au fost semnalate urme de putregai de culoare maronie de la așternutul vegetal. Inventar:

1. Vas ceramic descoperit în regiunea parietală a craniului. Recipientul prezintă o oală de formă tronconică cu fundul plat și pereții ușor bombăți în partea superioară (fig. 5,4). Buza este puțin evidențiată și tăiată. Suprafața exterioară are urme slabe de lustruire, culoarea cenușiu-cafenie cu pete negre, ca urmare a arderii neuniforme. Suprafața interioară a pereților vasului este lustruită și poartă urme de la iarba folosită la procesul modelării, culoarea neagră. În secțiune pereții vasului sunt de culoare neagră, având ca degresanți cioburi pisate mărunț și resturi vegetale. Dimensiuni: înălțimea 10 cm, diametrul fundului 8 cm și diametrul gurii 10 cm.

M. 13 (epoca bronzului, perioada târzie) a fost descoperit în sectorul sud-sud-vestic al tumulului, la o distanță de 9,2 m de reper, la adâncimea de 1,43 m (fig. 4). Camera funerară nu a putut fi semnalată. Starea de conservare a scheletului era nesatisfăcătoare. Judecând după resturile scheletice păstrate, defunctul, de gen feminin, cu vârsta cuprinsă între 40 și 45 ani, a fost depus în poziție chircită pe partea dreaptă, cu craniul orientat spre est. Craniul era plasat pe partea dreaptă, cu fața spre nord. Mâinile îndoite de la coate, stânga plasată perpendicular pe trunchi. De la mâna stângă s-a păstrat doar humerusul. Membrele inferioare erau chircite puternic pe partea dreaptă (fig. 6,2). Fără inventar.

M. 14 (epoca bronzului, faza târzie) a fost observat în sectorul sud-estic al tumulului, la distanța de 12,3 m de reper, la adâncimea de 1,80 m și la 0,25 m spre vest de marginea camerei mortuare a M. 12 (fig. 4). Camera funerară nu a putut fi semnalată. Starea de conservare a scheletului – satisfăcătoare. Defunctul, de gen masculin, cu vârsta cuprinsă între 50 și 60 ani, a fost depus în poziție chircită pe partea stângă, cu craniul orientat spre est. Craniul era plasat pe partea stângă, cu fața spre sud. Mâinile erau îndoite de la coate, plasate în fața cutiei toracice, membrele inferioare

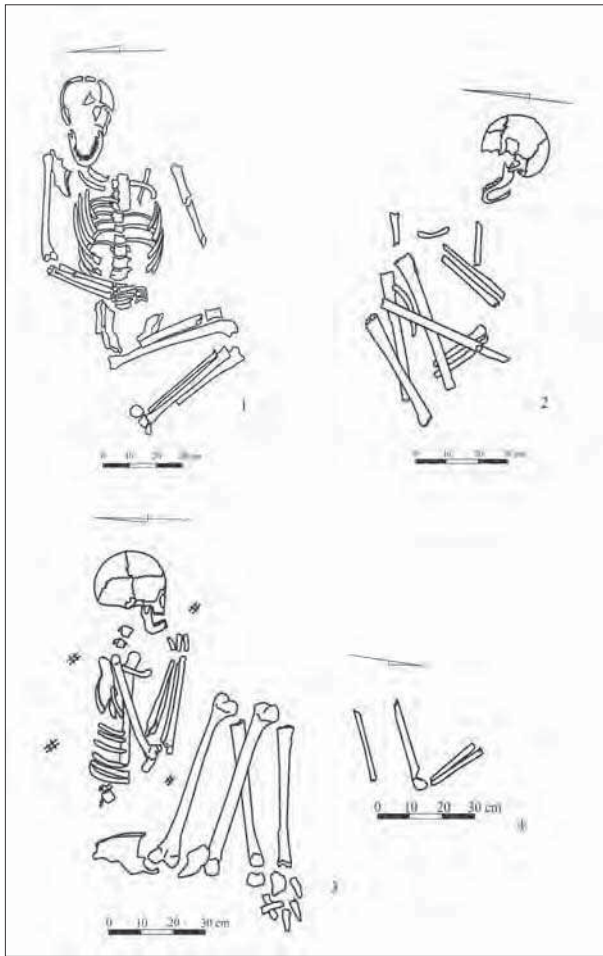

Fig. 6. Crihana Veche. Tumulul nr. 9. 1- mormântul 5; 2- mormântul 13; 3- mormântul 14; 4- mormântul 15.

Fig. 6. Crihana Veche. Tumulus Nr. 9. 1- burial 5; 2- burial 13; 3- burial 14; 4- burial 15.

fiind chircite puternic, pe partea stângă, cu labele picioarelor întinse. În imediata apropiere a scheletului și sub el au fost semnalate urme de putregai de culoare cafenie de la așternutul vegetal (fig. 6,3). Mormânt fără inventar.

M. 15 (epoca bronzului, perioada târzie) a fost descoperit în sectorul sud-estic al tumulului, la o distanță de 11,8 m de reper, la adâncimea de 1,80 m (fig. 4). Camera funerară nu a putut fi identificată. Starea de conservare a scheletului era nesatisfăcătoare, fiind păstrate incomplet doar membrele inferioare³. Judecând după resturile scheletului care s-au păstrat, putem conchide că defunctul, cu vârsta de 2,5-3 ani, a fost depus în poziție chircită pe partea stângă, cu capul spre

sud-est (fig. 6,4). Fără inventar.

M. 16 (epoca bronzului târziu) a fost semnalat în sectorul sud-estic al tumulului, la distanța de 10,4 m de reper și la 0,4 m nord-vest de mormântul nr. 12, la adâncimea de 1,71 m (fig. 4). Camera funerară avea formă ovală în plan, și dimensiunile de 1,25x0,75 m și adâncimea de 0,15 m, orientată est-vest. Defunctul, de gen masculin, cu vârsta de aproximativ 50 ani, a fost depus pe fundul gropii, în poziție puternic chircită pe partea stângă, cu capul orientat spre est. Craniul era așezat pe partea stângă, cu fața spre sud. Brațele erau îndoite din cot spre craniu, iar falangele întinse spre sud. Membrele inferioare au fost plasate pe partea stângă, puternic chircite (fig. 7,1). Mormânt fără inventar.

M. 18 (epoca bronzului, cultura Sabatinovka) a fost descoperit în sectorul sud-estic al tumulului la o distanță de 7,3 m de reper, la adâncimea de 1,35 m (fig. 4). Camera funerară nu a putut fi semnalată. Defunctul, de gen masculin, cu vârsta cuprinsă între 40 și 45 ani, a fost așezat în poziție chircită pe partea stângă, cu capul orientat spre est. Craniul s-a păstrat fragmentar. Mâna dreaptă era îndoită din cot și plasată perpendicular pe trunchi, iar cea stângă, fragmentată și îndoită în fața oaselor craniului. Picioarele erau îndoite pe partea stângă, având gradul de chircire maxim. Starea de conservare a craniului și a întregului schelet este nesatisfăcătoare. Sub schelet au fost semnalate urme de putregai de culoare maronie de la așternutul vegetal (fig. 7,2). Inventar:

1. Vas de lut (fig. 7,3) descoperit la 0,12 m de la craniu, în dreapta, în regiunea omoplatului. Acesta prezintă o ceașcă cu toartă supraînălțată, fundul plat, puțin bombat pe pansă, gâtul scurt și buza profilată. Toarta dreptunghiulară în secțiune, cu capătul superior fixat de buză, iar cu cel inferior de diametrul maxim. Recipientul este modelat din pastă cu adaos de cioburi pisate mărunt, suprafețele lui sunt cenușii-închise cu urme de lustruire, iar miezul este brun-deschis. Arderea lui este neuniformă, culoarea suprafețelor variind de la brun-deschis, cărămiziu la cenușiu-închis. Miezul vasului are culoare neagră. Dimensiuni: înălțimea 10,5 cm, diametrul buzei 11,5 cm, diametrul maxim al corpului 13,5 cm, diametrul fundului 8 cm, înălțimea torții 6,6 cm, grosimea torții 0,87 cm, lățimea torții 1,9 cm.

Cele mai târzii complexe funerare descoperite în T. 9 sunt cele din epoca bronzului final. Mormintele nr. 2, 11-16 și 18 formează o grupare specifică,

3. Probabil a fost deranjat în momentul înmormântării defunctului din M. 12.

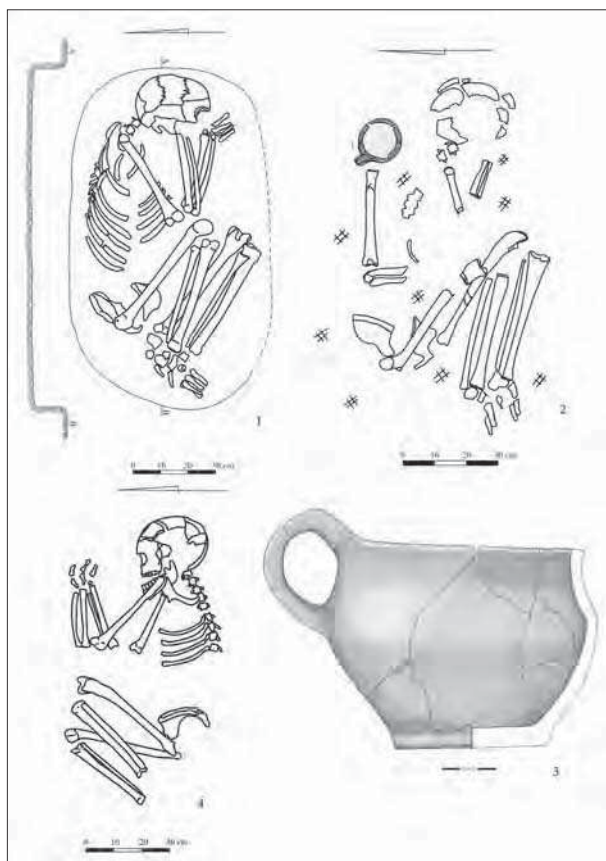

Fig. 7. Crihana Veche. Tumulul nr. 9. 1- mormântul 16; 2- mormântul 18; 3- vas din mormântul 18; 4- mormântul 11.

Fig. 7. Crihana Veche. Tumulus Nr. 9. 1- burial 16; 2- burial 18; 3- pottery from burial 18; 4- burial 11.

concentrată în sectorul de sud-est a mantalei tumulului. Defuncții erau depuși în poziție chircită pe partea stângă⁴, cu capul orientat spre est-sud-est. Un interes deosebit prezintă M. 12, care era un complex funerar de o formă complicată, reprezentată de o construcție cu dromos și cameră mortuară laterală canalului de acces (fig. 7,2). Asemenea înmormântări sunt caracteristice, în special, pentru cultura Mnogovalikovaia sau așa-numita cultura Babinsk, având însă drept inventar un vas ceramic ce poate fi încadrat în tipul VIII caracteristic pentru cultura Sabatinovka (Sava, Agulnikov 2003, 125). În M. 18 a fost descoperit un vas cu toartă supraînălțată și suprafața lustruită (fig. 7,3), ce se încadrează perfect în tipul II din cultura Sabatinovka (Sava, Agulnikov 2003, 125-126, fig. 2). Necropole similare din epoca bronzului târziu au fost descoperite

4. Cu excepția mormintelor 11 și 13, care au fost încadrate în cadrul grupului după următoarele elemente – locul amplasării în cadrul tumulului, după orientare, poziție, gradul de chircire și stratigrafie.

pe Prutul Inferior drept rezultat al săpăturilor de la movilele de lângă satele Tochile-Răducani, Doina, Rumeanțevo, Crihana Veche (T. 1 „La Pietricei”), Pelenei, Găvănoasa [Agul'nikov, Bubulich 1998, 135-142; Agul'nikov 2004, 91-103] (fig. 3). În toate cazurile enunțate, defuncții erau plasați în poziție chircită pe o parte și erau concentrate în sectoarele de sud-est a movilelor. În calitate de inventar mormintele aveau vase ceramice de tip borcan ornamentate cu brâu (Doina 1990, T. 1), precum și boluri cu toarta supraînălțată, specifice culturii Monteoru (faza II B), ornamentate cu caneluri și diverse aplicații (Tochile Răducani, T. 1, Rumeanțevo, T. 1) [Agul'nikov 2004, 96-98]. Ar trebui remarcat faptul că ceramica având caracteristicile culturii Monteoru era însoțită de înmormântări efectuate după ritualul culturii Sabatinovka. Dacă în mormintele secundare cercetate în tumulii în zona adiacentă Prutului Mijlociu (lângă satele Corjeuți și Bădragii Vechi) [Levițki, Demcenco 1994] se constată existența unor forme ceramice, inerente culturii Noua [Sava 2002, 47-71, Taf. 63-67; Agul'nikov 2004, 91-103], atunci pe cursul inferior al Prutului sunt semnalate elemente de împrumut din faza târzie a culturii Monteoru (IIB). Dar, la rândul său, există vase ceramice (diverse tipuri de vase borcan) tipice complexelor funerare din partea estică a arealului de răspândire a culturii Sabatinovka (Crihana Veche, T. 1, M. 23; T. 9, M. 12). În ambele movile din epoca bronzului, cercetate la Rumeanțevo și lângă Crihana Veche, există un model general comun. În T. 9 de lângă Crihana Veche evoluția grupului de morminte de tip Sabatinovka începe cu M. 12, care conține elemente specifice ritului funerar al culturii Mnogovalikovaia. Asemenea și în T. 1 de lângă Rumeanțevo, evoluția necropolei din perioada bronzului final începe cu M. 12, realizat tot de purtătorii culturii Mnogovalikovaia. Mormântul 12 din T. 1 de lângă Rumeanțevo servește drept reper crono-logic pentru complexele ulterioare. Așadar, camera mortuară prevăzută cu treaptă (tipul IV), scheletul situat într-o structură din lemn (tipul VI) și două vase ceramice de tipul II și IV, precum și catarama de os de tipul II reprezintă repere în cadrul tipologiei complexelor din epoca bronzului târziu pentru spațiul pruto-nistean (Sava 1992). Mormântul 11 secundar, ce a fost descoperit în canalul de acces al M. 12, a fost însoțit de un vas tipic pentru faza târzie a culturii Monteoru (Monteoru IIB) [Agul'nikov, Bubulich 1998, 135-142, ris. 2]. Stratigrafic, M. 11 a

fost depus mai târziu decât M. 12 ce aparținea culturii Mnogovalikovaia, fiind datat în baza unei cești cu caneluri în perioada Sabatinovka. Ulterior în mantaua tumulului au fost depuși defuncți-purtători ai culturii Sabatinovka. O situație similară a fost surprinsă și în T. 9 de lângă Crihana Veche, unde M. 12, cu elemente caracteristice culturii Mnogovalikovaia, reprezintă punctul de început în procesul de constituire a grupului de morminte de tip Sabatinovka cu elemente de influență Srubnaia, iar M. 18 era însoțit de un vas cu toarta supraînălțată caracteristic pentru masivul cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Aceste forme ceramice sunt larg răspândite în arealul culturii Monteoru (faza IIb), sincronă cu cultura Sabatinovka, precum și cultura Coslogeni de la Dunărea de Jos [Morintz 1978, 132, fig. 70-72]. În timp ce pe de altă parte, pe malul

drept al Prutului și Dunării prezența vestigiilor de acest fel se argumentează ca fiind împrumuturi din est [Florescu 1991, 155-160]. Într-o anumită măsură, este un fenomen absolut normal pentru zona de contact de la Dunărea de Jos, în cazul în care ajung indirect elemente ce țin de cultura materială și de ritualul funerar al comunităților istorico-culturale de tip Srubnaia. Interferențele între culturile Mnogovalikovaia (etapa târzie), Sabatinovka, Srubnaia și Monteoru reprezintă un fenomen firesc în procesul de evoluție a contactelor dintre aceste comunități, în perioada finală a epocii bronzului, în partea de sud a spațiului pruto-nistean. Vestigiile arheologice descoperite în tumulii din regiunea Prutului Inferior vin să demonstreze că acest râu este o zonă de contact între diferite entități culturale din epoca bronzului târziu din sud-estul Europei.

Bibliografie

- Agul'nikov 1989:** S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniikh Suvorovskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1989 g. (Kishinev 1989). Arkhiv NMIM, nr.inv. 296 // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 г. (Кишинев 1989). Архив НМИИ, инв. №296.
- Agul'nikov 2002:** S.M. Agul'nikov, Pogrebal'nye komplekсы pozdnesabatinovskogo-rannebelozerskogo vremeni v Pruto-Dnestrovskom mezhdurech'e. In: Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov (V tys. do n.e. – V vek n.e.) (Tiraspol' 2002), 176-182 // С.М. Агульников, Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов (V тыс. до н.э. – V век н.э.) (Тирасполь 2002), 176-182.
- Agul'nikov 2004:** S. Agul'nikov, Formirovanie pogrebal'nogo obriada Belozerskoi kul'tury. In: Thracians and circumponitic world (Chișinău 2004), 91-103 // С. Агульников, Формирование погребального обряда Белозерской культуры. В сб.: Thracians and circumponitic world (Chișinău 2004), 91-103.
- Agul'nikov, Bubulich 1998:** S. Agul'nikov, V. Bubulich, Pogrebeniia final'nogo etapa epokhi Srednei bronzy v stepnoi zone Respubliki Moldova. In: Problemy izucheniia Katakombnoi istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti Mnogovalikovo Keramiki (KIOMK). (Zaporozh'e 1998), 135-142 // С. Агульников, В. Бубулич, Погребения финального этапа эпохи Средней бронзы в степной зоне Республики Молдова. В сб.: Проблемы изучения Катакомбной исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности Многоваликовой Керамики (КИОМК) (Запорожье 1998), 135-142.
- Agulnikov, Pașa 2008:** S. Agulnikov, V. Pașa, Morminte eneolitice târzii din regiunea Prutului Inferior. PEUCE S.N. VI, 2008, 29-40.
- Cherniakov 1984:** I.T. Cherniakov, Keramika pozdnebronzovogo veka iz poseleniia Mologa-II. In: Novye arkheologicheskie issledovaniia na Odeschine (Kiev 1984), 48-56 // И.Т. Черняков, Керамика позднебронзового века из поселения Молога-II. В сб.: Новые археологические исследования на Одессине (Киев 1984), 48-56.
- Cherniakov 1985:** I.T. Cherniakov, Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tys. do n.e. (Kiev 1985) // И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).
- Demchenko, Levitski 1997:** T.A. Demchenko, O.G. Levitskii, Issledovaniia kurganov epokhi bronzy v Kaushanskoi raione. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 155-188 // Т.А. Демченко, О.Г. Левицкий, Исследования курганов эпохи бронзы в Каушанском районе. В сб.: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 155-188.
- Dergachev 1986:** V.A. Dergachev, Moldavia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
- Florescu 1991:** A. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România, Așezari și necropole. Cultura și

civilizatia la Dunărea de Jos (Călărași 1991), vol. IX.

Iarovoi 1990: E.V. Iarovoi, Kurgany epokhi eneolita-bronzy Nizhnego Podnestrov'ia (Kishinev 1990) // E.B. Яровой, Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).

Levitski 1995: O.G. Levitskii, Pogrebal'nyi kompleks sabatinovskoi kul'tury u s. Kyrnetsen'. In: Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma. T. V (Zaporozh'e 1995), 159-165 // O.G. Левицкий, Погребальный комплекс сабатиновской культуры у с. Кырнэцень. В сб.: Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. V (Запорожье 1995), 159-165.

Levițki, Demcenco 1994: O. Levițki, T. Demcenco, Grupul tumular de la Corjeuți-Bricerni (Rep. Moldova). In: MA XIX, 1994, 213-233.

Maliukevich, Agul'nikov 2005: A.E. Maliukevich, S.M. Agul'nikov, Raskopki kurgana no.2 u s. Mologa v Nizhnem Podnestrov'e. RA I, 1, 2005, 193-212 // A.E. Малюкевич, С.М. Агульников, Раскопки кургана №2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье. RA I, 1, 2005, 193-212.

Manzura 1993: I. Manzura, The East-West interaction in the mirror of the Eneolithic and Early Bronze cultures in the north-west Pontic. RA I, 1993, 23-53.

Manzura 1994: I. Manzura, Manifestări culturale în perioada de tranziție. Thraco-Dacica 15, 1994, 103-119.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurie. Epoca bronzului în spațiul Carpato-Balcanic (București 1978).

Petrenko 1989: V.G. Petrenko, Pamiatniki eneolita i povorot k bronzovomu veku v Severo-Zapadnom Prichernomor'e. In: Istoriia i arkheologii Nizhnego Podunav'ia (Ren' 1989), 19-20 // В.Г. Петренко, Памятники энеолита и поворот к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье. В сб.: История и археология Нижнего Подунавья (Рень 1989), 19-20.

Sava 2002: E. Sava, Die bestattungen der Noua-Kultur (Kiel 2002).

Sava 2003: E. Sava, Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistean (Complexul cultural Noua-Sabatinovka). Autoreferatul tezei de doctor habilitat de științe istorice (Chișinău 2003).

Sava, Agulnikov 2003: E. Sava, S. Agulnikov, Contribuții noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic (Chișinău 2003).

Subbotin 1985: A.V. Subbotin, Semenovskii mogil'nik epokhi eneolita-bronzy. In: Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1985), 45-95 // А.В. Субботин, Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы. В сб.: Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 45-95.

Subbotin, Okhotnikov 1981: A.V. Subbotin, S.B. Okhotnikov, Skifskie pogrebeniia Nizhnego Podnestrov'ia. In: Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1981), 102-116 // А.В. Субботин, С.Б. Охотников, Скифские погребения Нижнего Поднестровья. В сб.: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 102-116.

Vanchugov 1990: V.P. Vanchugov, Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Kiev 1990) // В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).

Vanchugov 2000: V.P. Vanchugov, Problema pogrebal'nogo obriada sabatinovskoi kul'tury. In.: Arkheologii ta etnologiiia Skhidnoi Evropi (Odessa 2000), 39-57 // В.П. Ванчугов, Проблема погребального обряда сабатиновской культуры. В сб.: Археология та этнология Східної Європи (Одесса 2000), 39-57.

Ion Ciobanu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului cultural al AȘM, bd Ștefan cel Mare, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ciuhal@yahoo.com

Serghei Agulnicov, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului cultural al AȘM, bd Ștefan cel Mare, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: agulnicov-budjak@mail.ru

Oleg Levițki, Livia Sirbu

Rezultatele investigațiilor arheologice din situl Trinca „Izvorul lui Luca”. Campania anului 1989

Keywords: Trinca “Izvorul lui Luca”, a settlement with several dwelling levels, archaeological vestiges, the Early Iron Age.

Cuvinte cheie: Trinca „Izvorul lui Luca”, așezare cu mai multe niveluri de locuire, vestigii arheologice, epoca fierului timpuriu.

Ключевые слова: Тринка «Изворул луй Лука», многослойное поселение, археологический материал, эпоха раннего железа.

Oleg Levițki, Livia Sirbu

The results of the archaeological investigations at the site of Trinca “Izvorul lui Luca”. Campaign of 1989

The present paper is dedicated to the results of investigations at the archaeological site Trinca “Izvorul lui Luca” of the campaign of 1989. The study is complex, presenting the history of the research, the stratigraphy of the section, the description of the archaeological complexes and archaeological materials on the cultural horizons (Upper Palaeolithic period, period of transition from the Neolithic to the Bronze Age, Bronze Age and the first epoch the Iron Age). Owing to the prevalence of the Iron Age vestiges, they were analyzed more minutely, especially ceramics, which is the crucial element in the cultural attribution. There were also recuperated animal bones, limestone rocks, and various categories of items, made of clay, flint, bone, horn, stone and bronze. The discovered materials inevitably come to complete the general picture of the Early Hallstatt horizon with fluted ceramics of the Chișinău-Corlăteni type from the Eastern Carpathians.

Oleg Levițki, Livia Sirbu

Rezultatele investigațiilor arheologice din situl Trinca „Izvorul lui Luca”. Campania anului 1989

Lucrarea de față este dedicată prezentării rezultatelor investigațiilor arheologice din situl Trinca „Izvorul lui Luca”, obținute în timpul campaniei anului 1989. Studiul este unul complex, fiind prezentate istoricul cercetării, stratigrafia secțiunii, descrierea complexelor și materialelor arheologice pe orizonturi culturale (paleoliticul superior, perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului, epoca bronzului și prima epocă a fierului) și materialul osteologic. Deoarece vestigiile aparținând primei epoci a fierului predomină, ele au fost analizate mai în detaliu, în special ceramica, care reprezintă elementul de bază în atribuirea culturală. De asemenea, au mai fost recuperate diverse categorii de piese lucrate din lut, silex, os, corn, piatră și bronz. Materialele descoperite vin să completeze tabloul general al orizontului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată de tip Chișinău-Corlăteni din spațiul est-carpatic.

Олег Левицкий, Ливия Сырбу

Результаты археологических исследований на памятнике Тринка «Изворул луй Лука». Работы 1989 года

Данная работа посвящена результатам археологических исследований на памятнике Тринка «Изворул луй Лука», полученных во время работ 1989 года. Статья является комплексной, представляя историю изучения, стратиграфию раскопа, описание комплексов и археологического материала по культурным горизонтам (верхний палеолит, переходный период от энеолита к эпохе бронзы, эпоха бронзы и первая эпоха железа), а также и остеологический материал. Так как находки эпохи раннего железа преобладают, они были проанализированы более детально, в особенности керамика, которая является базовым элементом в определении культурной принадлежности. Кроме того, были собраны многочисленные известняковые камни, а также и другие категории предметов, изготовленные из глины, кремня, кости, рога, камня и бронзы. Обнаруженный материал служит дополнением общей картины горизонта раннего гальштата с канелированной керамикой типа Кишинэу-Корлăтень в Восточно-Карпатском пространстве.

Introducere

Obiectivul arheologic Trinca „Izvorul lui Luca” a fost descoperit în anul 1981 de arheologul Ilie Borzic. Săpăturile, începute în anul 1982 de Oleg Levițki, au continuat în anii 1984, 1989 și 1990. Astfel, către începutul anilor 1990 în așezarea de la Trinca a fost dezvelită o suprafață de cca 1200 m.p., identificându-se trei orizonturi cultural-cronologice din

epoca hallstattiană reprezentate atât prin complexe locativ-gospodărești, diverse tipuri de instalații de încălzire, platforme de piatră, gropi, cât și de un bogat și variat material arheologic. Cercetările au arătat că nivelul de locuire din perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului, de rând cu ceramica și unele unelte și ustensile de silex, lut ars, os, este reprezentat și de un cuptor de ars vase. De ase-

menea, s-a majorat și setul de unelte de silex aparținând paleoliticului superior, precum și cantitatea de fragmente de ceramică caracteristice perioadelor mai recente – medievale timpurii.

Investigațiile în așezarea pluristratificată Trinca „Izvorul lui Luca” au fost reluate în anul 1994, în cadrul Programului de colaborare științifică dintre Institutul Român de Tracologie și Institutul de Arheologie și Istorie Veche al Academiei de Științe al Republicii Moldova, odată cu organizarea expediției arheologice cu statut permanent „Șantierul Arheologic Trinca”. Pe parcursul a nouă campanii de săpătură (1994–2002) această așezare a constituit unul din obiectivele principale ale Programului de cercetare a siturilor din prima epocă a fierului din partea de nord a Republicii Moldova. În total, suprafața investigată însumează cca 6000 m.p., ceea ce constituie aproximativ 15% din suprafața totală a așezării.

Concomitent, s-a stabilit că în așezare sunt prezente mai multe orizonturi cultural-cronologice. Cel mai vechi nivel de locuire ține de epoca paleoliticului superior, după care urmează un orizont consistent din epoca eneoliticului/perioada de tranziție la epoca bronzului (aspectul local Gordinești) și două niveluri cu depuneri din perioadele timpurie și mijlocie a epocii bronzului, care la rândul lor sunt suprapuse de trei orizonturi succesive din epoca hallstattiană (timpurie, mijlocie și târzie), precum și materiale sporadice din epoci mai târzii, inclusiv medievală timpurie.

În același timp, rezultatele investigațiilor întreprinse în așezarea cu mai multe niveluri de locuire Trinca „Izvorul lui Luca” au fost introduse în circuitul științific doar parțial. Până în prezent, au fost publicate rezultatele investigațiilor din 1982 [Levițkii 1986], 1994 [Levițki 1995] și 1995-1998 [Levițki, Haheu 1997; Levițki 1997a; Levițki et al. 1999]. Continuau să rămână necunoscute comunității științifice arheologice rezultatele săpăturilor din anii 1984, 1989 și, respectiv, 2000-2002.

Prin articolul de față inițiem o serie de publicații cu menirea de a pune la dispoziția cercetătorilor rezultatele investigațiilor din situl arheologic Trinca „Izvorul lui Luca”, aflate actualmente în anonimat. Concret, acum avem drept obiectiv prezentarea materialelor arheologice descoperite în anul 1989. Totodată, trebuie de menționat că unele vestigii descoperite în săpăturile din anul 1989 au fost invocate cu ocazia realizării unor studii de sinteză cu privire la perioada hallstattiană timpurie din spațiul

est-carpatic [Levițki 1994; 1994a; 2003a], precum și a unor elaborări referitoare la anumite categorii de piese atestate în sit: *piese de metal* [Levițki et al. 2003], *piese de inventar din epoca bronzului* [Levițki 2007], *piese din categoria ceramicii tehnice* [Levițki 2008], precum și a unor activități economice practicate – *prelucrarea bronzului în aria est-carpatică a complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată* [Levițki, Sirbu 2010] și *prelucrarea bronzului de comunitatea culturii Chișinău-Corlăteni, care a locuit în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”* [Levițki, Sirbu 2010a]. Dat fiind faptul că vestigiile provenite din săpătura efectuată în anul 1989 (Secțiunea III) constituie unul din cele mai reprezentative complexe locativ-gospodărești din perioada hallstattiană timpurie investigate în așezare, considerăm că publicarea complexă a acestora se impune prioritar.

Scopul investigațiilor din anul 1989 a fost efectuarea săpăturilor pentru recuperarea unor materiale în vederea completării cunoștințelor referitoare la nivelul de locuire din etapa timpurie a epocii hallstattiene, deoarece până la acel moment informațiile erau doar sporadice. Pentru aceasta s-a hotărât de a cerceta pata de la extrema de sud-est a promontoriului, cartată încă în anul 1982, pe suprafața căreia se găseau numeroase fragmente

Fig. 1. Condițiile topografice de amplasare a sitului Trinca „Izvorul lui Luca”.

Fig. 1. Topographic conditions of the location of the Trinca “Izvorul lui Luca” site.

de ceramică neagră – lustruită și ornamentată cu caneluri, caracteristică culturii hallstattului canelat de tip Chișinău-Corlăteni.

Localizarea monumentului. Situl arheologic Trinca „Izvorul lui Luca” este situat la cca 2,5 km sud de periferia sud-vestică a comunei Trinca, r-nul Edineț. Ocupă aproape întreaga suprafață a unui promontoriu format de o meandă a r. Draghiște, pe malul lui drept. Promontoriul este orientat longitudinal de la nord-vest spre sud-est, altitudinea lui maximă la extrema de nord fiind de 213,3 m, la cea de sud-est de 183,3 m, în așa fel suprafața lui este înclinată spre sud-est cu 2,7 m. Înălțimea promontoriului față de nivelul luncii r. Draghiște la extrema de nord este de 40 m, la cea de sud-est – 30 m și la cea de sud – 30 m. Din partea de nord-vest promontoriul este apărat de un podiș calcaros masiv, cu altitudinea de 248,1 m. În general, locul amplasării așezării este protejat de malul opus, înalt (altitudinea 238,3 m), stâncos și acoperit de pădure (fig. 1).

Straturile de săpătură și statistica generală a materialelor

Secțiunea (numerotată III în continuarea celor trasate în anii 1982 și 1984) avea formă patruleteră cu suprafața de 160 m.p., pe lungime fiind orientată paralel cu marginea neîmpădurită a promontoriului, adică nord-vest – sud-est, și consta din două casete cu suprafețe egale (cu lungimea de 16 m și lățimea de 5 m), delimitate între ele printr-un martor longitudinal cu lățimea de 0,5 m. Suprafața investigată este ușor înclinată de la nord-vest spre sud-est cu cca 0,3° (fig. 2).

Stratul I (aprox. 0,25 m ad.) a fost degajat pe întreaga suprafață investigată. Prezenta sol vegetal în amestec cu cenușă, aglomerații de pietre, ceramică, oase de animale, silexuri și fragmente de lipitură. Stratul de sol cu o cantitate considerabilă de cenușă, ca o depunere compactă, a apărut începând cu adâncimea de 0,1-0,15 m, cu precădere în jumătatea de sud-est a secțiunii. Resturile de cultură materială depistate includ: 1552 fragmente de ceramică, 1382 fragmente de oase de animale, 228 de silexuri, 312 fragmente de lipitură și 1226 pietre de calcar și de

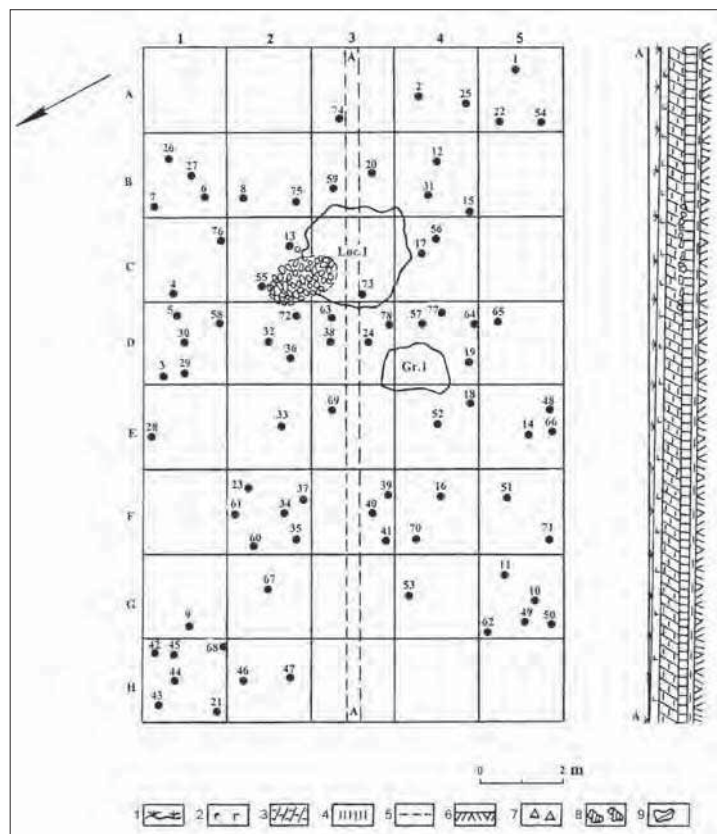

Fig. 2. Planul și profilul suprafeței investigate (1 – nivelul actual de călcare; 2 – strat vegetal; 3 – strat de cenușă; 4 – sol negru-cenușiu; 5 – sol galben-cenușiu; 6 – lut galben viu; 7 – fragmente de ceramică; 8 – fragmente de lipitură; 9 – pietre).

Fig. 2. Plan and profile of the investigated surface (1 – current tread level; 2 – topsoil; 3 – layer of ash; 4 – black-gray soil; 5 – yellow-gray soil; 6 – bright yellow clay; 7 – ceramics fragments; 8 – fragments of plaster; 9 – stone).

râu, precum și 23 piese de inventar lucrate din diverse materii prime – lut ars, silex și os.

Stratul II (aprox. 0,5 m ad.) a fost dezvelit pe întreaga suprafață cercetată. Prezenta sol negru-cenușiu în amestec cu o mare cantitate de cenușă. Materialele arheologice erau destul de numeroase, fiind concentrate în partea centrală a secțiunii, unde ulterior au fost descoperite complexe de habitat. În total au fost depistate 1453 fragmente de ceramică, 582 fragmente de oase de animale, 203 silexuri, 344 fragmente de chirpic și lipitură, 923 de pietre de calcar și de râu, multe dintre care erau arse, precum și 42 piese de inventar lucrate din diverse materii prime – lut ars, silex, calcar, corn și os. La baza acestui strat, în carourile B/3, C/2-4 și D/3 au fost descoperite urmele unei locuințe de suprafață datând din prima epocă a fierului – cultura hallstattului canelat.

Stratul III (aprox. 0,75 m ad.) a fost decopertat pe întreaga suprafață investigată, cu excepția sectorului unde au fost evidențiate vestigiile locuinței de suprafață. Prezenta sol negru-cenușiu în amestec cu cenușă și multe fragmente de chirpic și lipitură, în care s-a conservat și o anumită cantitate de resturi de cultură materială. În total au fost depistate: 295 fragmente de ceramică, 155 fragmente de oase de animale, 76 de silexuri, 84 fragmente de chirpic și 156 pietre de calcar și de râu, multe dintre care erau arse, precum și 13 piese de inventar lucrate din diverse materii prime – lut ars, silex, corn și os. La baza acestui strat, în carourile D/3-4 și E/3-4 a apărut o pată de culoare mai întunecată, formată din sol granulat.

Stratul IV (aprox. 1 m ad.) a fost scos pe întreaga suprafață cercetată. Prezenta sol de culoare brună-cenușie, care la bază trecea în lut galben-nisipos steril. Materialele arheologice practic lipseau. După taluzare, în carourile D/3-4 și E/3-4 a fost evidențiat conturul unei gropi, care ținând cont de piesele din umplutură, se atribuie primei epoci a fierului.

Prezentarea vestigiilor pe orizonturi cultural-cronologice

Paleoliticul superior. Acest orizont, în perimetrul suprafeței investigate, este reprezentat, cu rare excepții, doar de așchii și lame patinizate, fără prelucrare secundară, care provin din toate straturile de săpătură.

Perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului (aspectul cultural Horodiștea-Gordinești). Vestigiile din această perioadă de asemenea sunt foarte puține, limitându-se la descoperiri sporadice de fragmente ceramice, care din punct de vedere tehnologic sunt caracteristice aspectului cultural Horodiștea-Gordinești, fiind însă mai puțin relevante morfologic și stilistic. Trebuie de menționat, că ceramica provine în exclusivitate din straturile de săpătură, iar în cadrul complexelor lipsește complet. Tot în straturile de săpătură au fost depistate și alte vestigii care cu siguranță aparțin acestei perioade, reprezentate prin unelte și ustensile de silex (lame retușate – fig. 3,10), de lut ars (fusaiole – fig. 3,7), prin vase miniaturale (fig. 3,4-5,8-9), prin reprezentări antropomorfe (fig. 3,6,11) și zoomorfe (fig. 3,1-3), modelate din pastă fină în amestec cu degresanți abia vizibili și

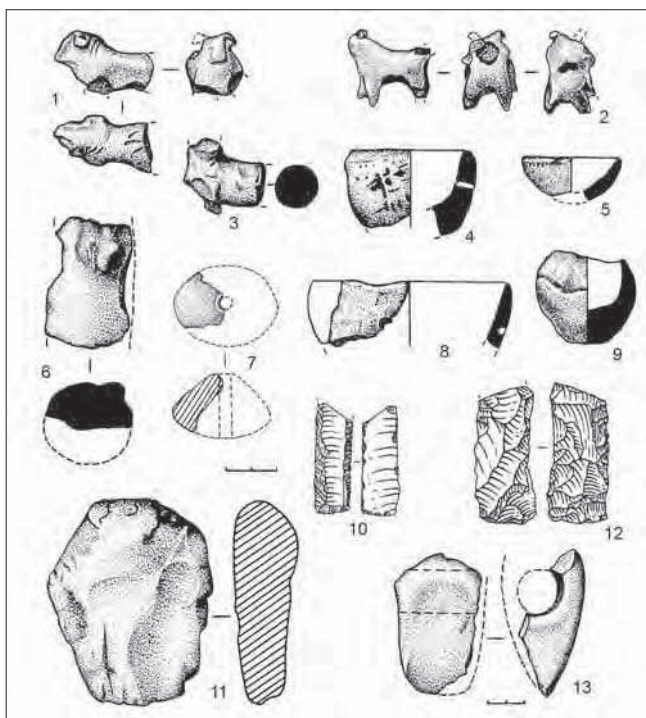

Fig. 3. Piese de inventar din perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului (aspectul cultural Horodiștea-Gordinești) și epoca bronzului (1-9, 11 – lut ars; 10-12 – silex; 13 – piatră).

Fig. 3. Findings of the transition period from the Neolithic to the Bronze Age (Horodiștea- Gordinești cultural aspect) and the Bronze Age (1-9, 11 – baked clay; 10-12 – flint; 13 – stone).

nisip, având culoare maronie deschisă. Una din ele, probabil, reprezintă un taur, iar alta o ovină.

Epoca bronzului. Acestei epoci, cu siguranță, pot fi atribuite doar un număr mic de fragmente de ceramică depistate în straturile de săpătură, care, ținând cont de natura degresanților utilizați în pasta de modelare (silex mărunțit ars, granule de calcar, nisip de râu) și prelucrarea suprafețelor (netezirea minuțioasă și acoperirea cu angobă, sau prelucrate mai puțin îngrijit, adesea la suprafață fiind vizibile particulele albicioase de silex ars, ori goluri de la calcarul descompus în urma arderii, precum și microprundișul, care fac suprafața aspră), aparțin culturii Komarov. Se deosebesc: vasele de tip lea, posibil, și de tip borcan, marginea buzei cărora este îngroșată din partea exterioară, prevăzute nemijlocit sub margine cu un șir orizontal de găuri (fig. 4,3,5), sau cu brâu simplu orizontal în partea superioară a corpului (fig. 4,4). Eventual, acestei culturi îi pot aparține și unele torți de câni de proporții (fig. 4,1) și un

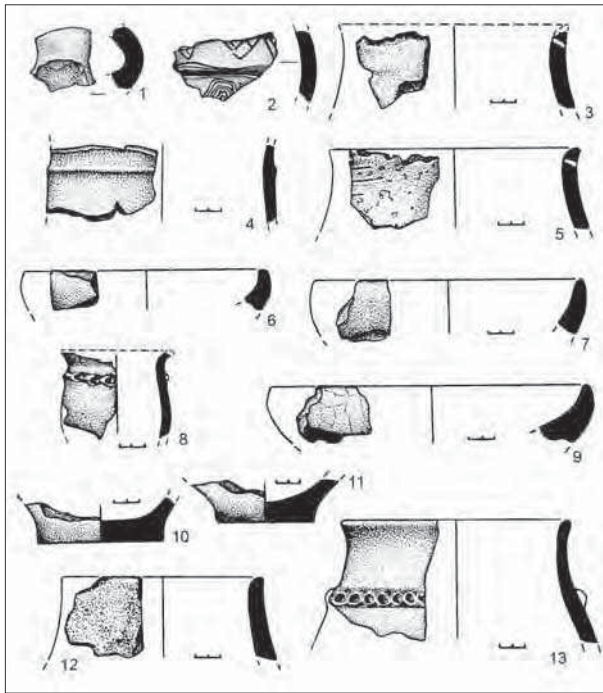

Fig. 4. Ceramică fină din straturile de săpătură (1-5 – epoca bronzului, 6-10 – epoca fierului).

Fig. 4. Fine ceramics from the excavation layers (1-5 – the Bronze Age; 6-10 – the Iron Age).

fragment de cupă ornamentată cu motive incizate (fig. 4,2). Tot în straturile de săpătură au fost depistate și unele vestigii aparținând acestei epoci, reprezentate prin unelte de piatră: un topor fragmentar, lucrat dintr-o rocă tare, de culoare neagră și prevăzut cu un orificiu cu diametrul de 2,6 cm (fig. 3,13) și o piesă bifacială de silex (fig. 3,12), de aspect indiscutabil Komarov.

Prima epocă a fierului. În perimetrul suprafeței investigate predomină vestigiile arheologice specifice epocii fierului timpuriu. Acestui orizont cultural-cronologic i se atribuie atât complexele arheologice depistate în cadrul secțiunii (locuința de suprafață și groapa menajeră), cât și marea majoritate a materialelor (ceramica, unelte și ustensilele) descoperite atât în straturile de săpătură cât și în complexe.

Locuința nr. II. A fost depistată în carourile B/3-4; C/2-4 și D/3, la adâncimea de cca 0,50–0,55 m de la nivelul actual de călcare. Reprezintă o locuință de suprafață, de formă cvasipatratulateră (laturile de cca 3,5x2,5 m), orientată pe axa nord-sud (fig. 5). Vestigiile construcției sunt compuse din platforme și aglomerații de chirpic, lipitură, pietre, precum și

de resturi de cultură materială. În partea de nord era prevăzută cu sistem de încălzire, amplasat parțial în perimetrul de răspândire a vestigiilor locuinței și parțial în afara ei. Reprezintă o vatră deschisă, de formă ovală (1,35x1,00 m) orientată, similar locuinței, de la sud spre nord. A fost amenajată dintr-un strat de pietre plate de calcar de dimensiuni medii și mici cu grosimea de 10–18 cm, deasupra căruia s-a aplicat un strat de lipitură din lut și nisip cu grosimea de cca 4–5 cm. Ultimul este puternic ars. Arse sunt și pietrele ce conturează perimetrul vetrei, și cele acoperite de lipitură. În perimetrul ocupat de vestigiile locuinței, inclusiv și a vetrei, au fost colectate fragmente de ceramică, oase de animale, silexuri și patru piese de inventar, dintre care unele arse (o lamă de silex pentru secere, o unealtă de silex, o piesă de os de animal și o bilă de lut ars).

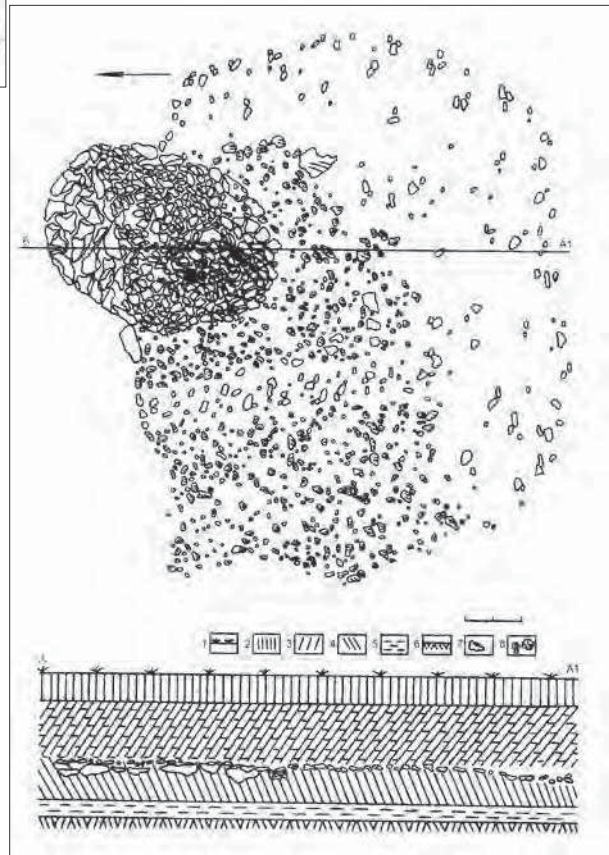

Fig. 5. Planul și profilul locuinței de suprafață (1 – nivelul actual de călcare; 2 – strat vegetal; 3 – sol negru cenușiu; 4 – strat de cenușă; 5 – sol galben-cenușiu; 6 – lut galben viu; 7 – pietre; 8 – fragmente de lipitură).

Fig. 5. Plan and profile of the surface dwelling (1 – the current treading level; 2 – topsoil; 3 – black-gray soil; 4 – layer of ash; 5 – yellow-gray soil; 6 – bright yellow clay; 7 – stones; 8 – fragments of plaster).

Groapa nr. 2. Depistată în carourile D/3-4 și E/3-4, la adâncimea de cca 0,84 m de la nivelul actual de călcare, la cca 1 m spre vest de suprafața ocupată de vestigiile locuinței. La nivelul surprinderii, groapa avea formă oval-neregulată (diametrele de cca 1,5–1,1 m) (fig. 6). În profil, pereții gropii ușor se îngustează spre fundul ce formează o treaptă. Adâncimea maximă a gropii este de cca 0,25 m. Umplutura gropii constă din sol cenușiu, în care s-au găsit câteva fragmente de ceramică din prima epocă a fierului, fragmente mici de oase de animale, silexuri, fragmente de lipituri și pietre mici de calcar arse.

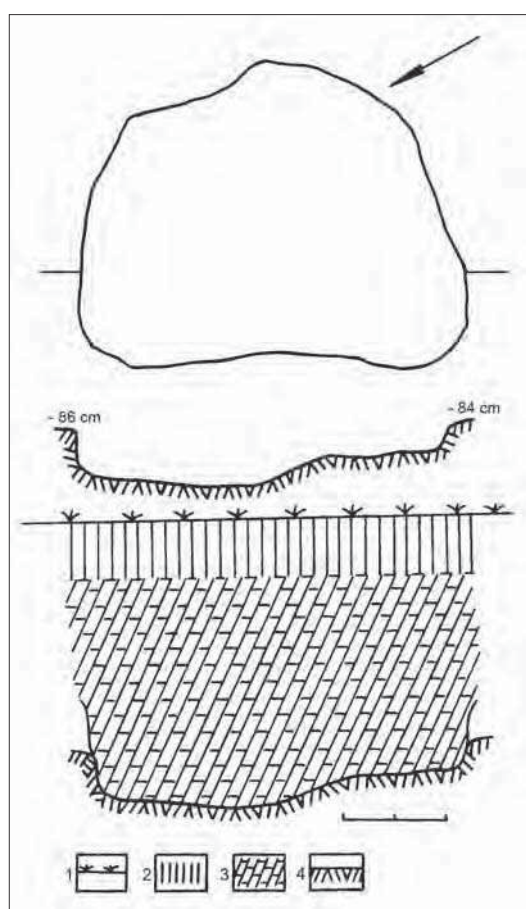

Fig. 6. Planul și profilul gropii (1 – nivelul actual de călcare; 2 – strat vegetal, 3 – sol negru-cenușiu; 4 – lut galben viu).

Fig. 6. Plan and profile of the pit (1 – current tread level; 2 – topsoil; 3 – black-gray soil; 4 – bright yellow clay).

Piese de inventar¹

1. Cu privire la piesele de inventar depistate în straturile de săpătură menționăm că unele dintre acestea pot fi atribuite la oricare dintre orizonturile cultural-cronologice post-paleolitice atestate în așezare. Uneltele și lamele de silex pentru seceri, acoperite cu luciu, obiectele de os și corn –

Totalitatea obiectelor descoperite în complexe și în straturile de săpătură sunt reprezentate prin diverse categorii de piese lucrate din lut, silex, os, corn, piatră, calcar și bronz. Din categoria **pieselor de lut** fac parte fusaiole, linguri de turnat, vase miniaturale, o bilă, o rondelă, o „pâinică” și câteva piese cu funcționalitate incertă.

Fusaiolele (fig. 7,2,5-7) sunt reprezentate prin șapte exemplare, dintre care șase întregi și una fragmentară. Sunt modelate din pastă fină în amestec cu șamotă, nisip sau degresanți de granulație mică, abia vizibili la exterior. Au suprafața netezită, culoarea variază între maroniu deschis și maroniu sau cenușiu și cenușiu închis. De regulă, au formă circulară în plan și bitronconică sau lenticulară în secțiune, dar se întâlnesc și circulare în plan și neregulate în secțiune sau ovale în plan și piriforme în secțiune. Dimensiuni: diametrul pieselor variază între 4 și 5,5 cm; diametrul orificiului între 0,4 și 0,8 cm și înălțimea între 1,1 și 3,5 cm.

Lingurile de turnat (fig. 7,13-14) au fost descoperite în două exemplare fragmentare, modelate din pastă în amestec cu șamotă de granulație mare și cu granule de calcar. Au suprafața netezită, însă cu denivelări și multiple goluri. Culoarea variază

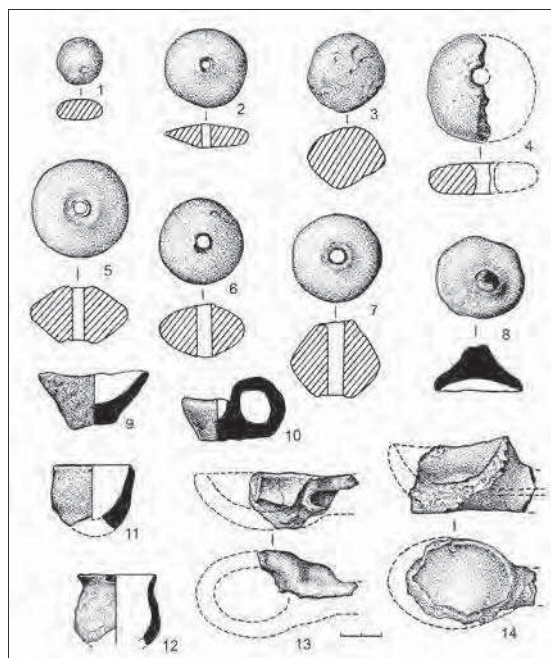

Fig. 7. Piese de lut din prima epocă a fierului.

Fig. 7. Clay finds from the first epoch of the Iron Age.

străpungătoare, lustruitoare etc. au fost în uz începând cu perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului și până în epoca fierului inclusiv

între maroniu și cenușiu. Ambele piese erau prevăzute cu mâner tubular. Fragmentele recuperate prezintă urme de ardere intensă, pe alocuri până la zgurificare. Dimensiuni: lungimea părților păstrate este de cca 6 și, respectiv, 5,2 cm.

Vasele miniaturale (fig. 7,9-12) din punct de vedere tehnico-tehnologic și morfologic repetă într-o măsură mai mică sau mai mare tipurile vaselor mari specifice perioadei timpurii a epocii fierului: chiupuri, străcini, căni etc.

Bila (fig. 7,3) are forma rotundă-ovală neregulată. Este modelată din pastă în amestec cu degresanți de granulație diferită. Are suprafața cu multe denivelări și goluri. Culoare maronie deschisă. Diametrul variază între 3,7 și 4,2 cm.

Rondela (fig. 7,4) în plan are formă cvasicirculară, iar în secțiune lenticulară. Pe centru este prevăzută cu un orificiu. Este lucrată din pastă în amestec cu șamotă de granulație diferită și nisip. Suprafața, cu multiple denivelări, are culoare cărămizie. Dimensiuni: diametrul 5,4 cm; diametrul orificiului variază între 0,7-1,3 cm; înălțimea 1,6 cm.

„*Pâinica*” (fig. 7,1) este modelată din pastă fină în amestec cu degresanți abia vizibili. Are suprafața netezită și culoare cenușie închisă. În plan este circulară, iar în secțiune dreptunghiulară cu colțurile rotunjite. Dimensiuni: diametrul 2,3 cm, înălțimea 1 cm.

Din categoria pieselor de lut fac parte diverse fragmente ale unor artefacte modelate din pastă în amestec cu nisip sau degresanți, inclusiv de origine organică. Cele cinci piese au dimensiuni diferite și destinații neclare. Unele din ele par a fi fragmente ale unor statuete antro- ori zoomorfe, însă nu putem susține aceasta cu certitudine.

Piese de silex (fig. 8,1-24) sunt reprezentate prin șase unelte și 19 lame pentru secere. *Unelte* (două întregi și patru fragmentare) sunt lucrate preponderent pe așchii (patru piese) și uneori pe lame (două piese) de silex, culoarea cărora variază de la cenușiu deschis până la cenușiu închis, unele din ele având și pete albe. Toate uneltele conțin urme de retușare pe una din laturi, sau pe toate laturile fie unilateral, fie bilateral. Dimensiuni: lungimea variază de la 3,2 până la 7 cm; lățimea variază de la 1,4 până la 2,3 cm; grosimea fiind de 0,8 cm. *Lamele pentru secere* (15 întregi și patru fragmentare) sunt lucrate pe așchii de silex de culoare cenușie, în unele cazuri culoarea variază spre maroniu și negru, unele din ele având pete albe.

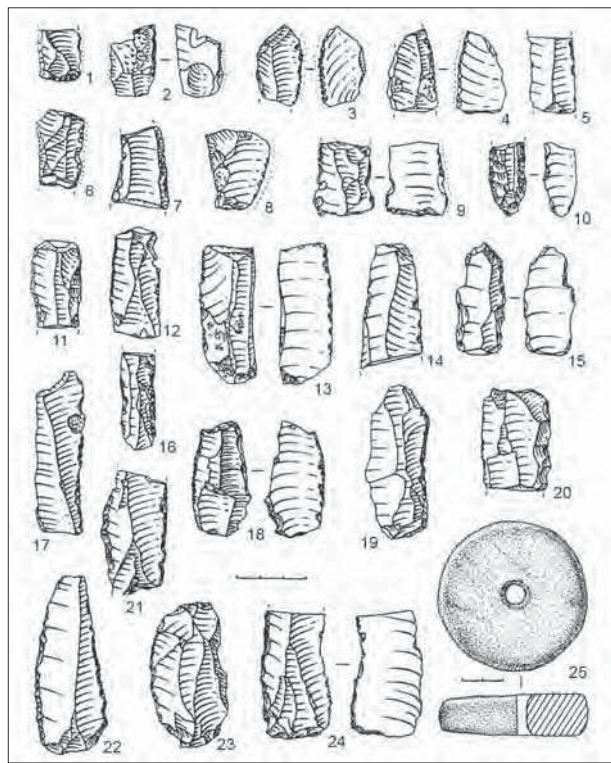

Fig. 8. Piese de inventar din prima epocă a fierului (1-24 – silex; 25 – calcar).

Fig. 8. Findings from the first epoch of the Iron Age (1-24 – flint; 25 – limestone).

Toate piesele conțin urme de retușare unilaterală sau bilaterală pe una sau ambele laturi lungi, care sunt acoperite cu luciu. Dimensiuni: lungimea variază între 2 și 8 cm; lățimea – între 1,3 și 3 cm.

Piese de calcar (fig. 8,25) sunt reprezentate prin două *rondel*e. Una are formă cvasi-circulară în plan și dreptunghiulară cu colțurile rotunjite în secțiune. Pe centru este prevăzută cu un orificiu. Suprafețele netezite atestă și unele denivelări. Dimensiuni: diametrul 9 cm, grosimea 2,9-3 cm, diametrul orificiului 1,5-0,8 cm. A doua are formă circulară în plan și trapezoidală în secțiune. În partea centrală este prevăzută cu o perforație. Suprafețele sunt netezite. Dimensiunile: diametrul 7,3 cm; diametrul orificiului 0,9 cm; înălțimea 1,6-2,1 cm.

Din categoria *pieselor de os* (fig. 9,1-6) fac parte patru străpungătoare, trei unelte, un lustruitor, un tub cilindric, o „patină”, o psalie și o daltă. *Străpungătoarele* sunt lucrate pe așchii de os tubular de animal (două piese) sau dintr-o metapodă laterală de cal. Lungimea variază între 8,5 și 11,5 cm. *Unelte* lucrate pe capete de os tubular de animal sau pe coaste de bovidu de regulă conțin urme de utilizare reprezentate prin

luciu sau uzură. Lungimea variază între 9 și 25,6 cm. *Lustruitorul*, păstrat fragmentar (lungimea 13 cm), este lucrat dintr-un metacarp de bovidu, are una din laturi șlefuită în urma utilizării. *Tub cilindric*, lucrat dintr-un os de pasăre. Dimensiuni: lungimea 3,3 cm; diametrul 0,8-0,9 cm. „*Patina*” lucrată dintr-un os tubular de bovidu (lungimea 11 cm) are „talpa” plată și șlefuită, iar partea opusă a fost, inițial, prevăzută cu o gaură. Piesa atestă urme de ardere. *Psalia* se atribuie tipului în formă de tijă cu trei găuri rotunde la capete și ovale pe centru, executate în același plan. Este lucrată dintr-un os de animal (lungimea 12 cm). Piesa s-a păstrat fragmentar și este ornamentată la capete și în partea centrală cu cercuri concentrice. *Dalta* este lucrată pe o așchie de os tubular de animal de talie mare (lungimea 14 cm). După formă este asemănătoare cu cele actuale de metal.

Piese de corn (fig. 9,7-8) includ: o *unealtă* lucrată pe o așchie de corn ascuțită prin tăiere

la unul din capete, cu lungimea de 12,5 cm, și un *obiect* care reprezintă un segment despicat longitudinal, la unul din capete cu urme de tăietură cu lungimea de 7 cm.

Piese de bronz (fig. 9,9) sunt reprezentate doar printr-o *tijă* cu lungimea de 7,8 cm, cu unul din capete dreptunghiular în secțiune, iar cel opus – circular, cu extremitatea lătită.

Categoria materialelor	Str. I.	Str. II.	Str. III.	Loc. III.	Gr.2.	Total
Ceramică din prima epocă a fierului	1552	1453	295	34	8	3342
Oase de animale	1382	582	155	-	-	2119
Silexuri	228	203	76	-	-	507
Lipitură	312	344	84	-	-	740
Pietre	1226	932	156	-	-	2314

Tabelul nr. 1. Materialul de masă descoperit în cadrul Secțiunii III.

Ceramica

Din punct de vedere tehnologic, se deosebesc două categorii convenționale principale: *fină* și *de uz comun*. În cadrul primei categorii se include ceramica modelată din pastă bine frământată având ca degresant cioburi pisate mărunt, cu suprafața lustruită, și ardere bine controlată, culoarea variind de la negru până la galben-cenușiu, uneori cu pete. A doua categorie include ceramica modelată dintr-o pastă mai grosieră, cu amestec de cioburi pisate de granulație mare, cu ardere de calitate inferioară și cu prelucrarea la fel a suprafeței, având culoarea galben-cenușie sau cărămidie-cafenie cu pete cenușii. Raportul procentual dintre categorii este următorul: cea fină – 24,02% (837 fragmente), de uz comun – 75,97% (2647 fragmente).

În urma analizei tehnico-tehnologice a fost posibil de stabilit că cca 4% din întregul lot de ceramică, atât fină cât și de uz comun, conține în pastă, de rând cu șamota de granulație diferită, și degresanți de altă natură: silex pisat ars, granule de calcar, microprundișuri, culoarea suprafeței fiind similară. În același timp, cca 1,4% din numărul total de fragmente de ceramică prezintă o categorie tehnologică deosebită, caracterizându-se în primul rând prin culoarea suprafeței – alburie, cu nuanțe bej și crem. Vasele din categoria fină sunt modelate din pastă compactă, cu nisip bine ales (mărunt)

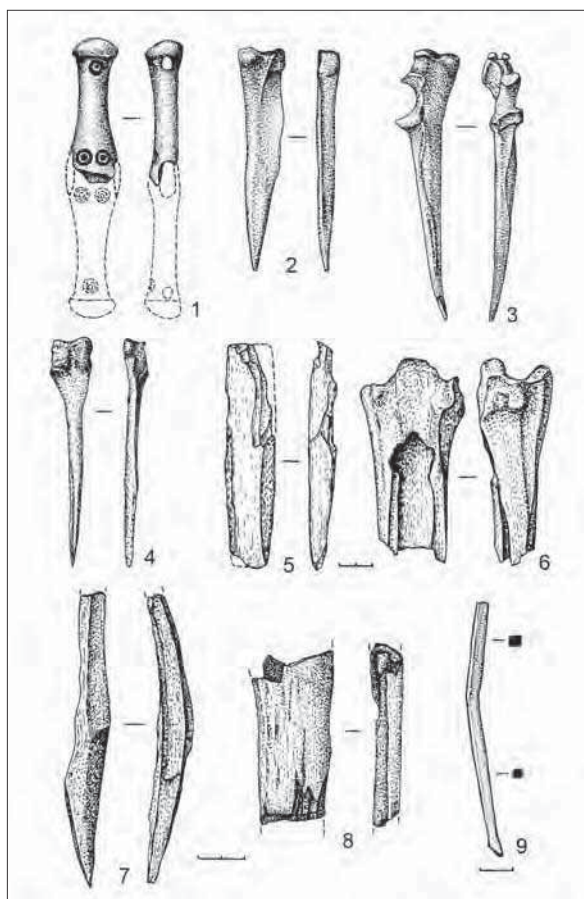

Fig. 9. Piese de inventar din prima epocă a fierului (1-6 – os; 7-8 – corn; 9 – bronz).

Fig. 9. Findings from the first epoch of the Iron Age (1-6 – bone; 7-8 – horn; 9 – bronze).

sau cu silex de granulație foarte mică, având suprafața excelent lustruită. Cele din categoria de uz comun – din pastă cu silex de granulație mare și o cantitate mare de pietricele de calcar în compoziție, suprafața netezită având multe goluri formate de descompunerea calcarului (fig. 4,6-13).

Ceramica fină. Din punct de vedere al tipului morfologic, din masivul de ceramică fină depistat (837 fragmente), relevante sunt numai 464 de fragmente (55,44%). Se identifică următoarele tipuri:

- I. Chiupuri – 213 fragmente (45,80%);
- II. Străchini – 168 fragmente (36,20%);
- III. Cupe – 48 fragmente (10,34%);
- IV. Căni – 30 fragmente (6,46%);
- V. Pahare – 4 fragmente (0,86%);
- VI. Fructiere – 2 fragmente (0,43%).

Tipul I. Chiupuri (vase bitronconice de proporții). Particularitatea specifică acestui tip de vase o constituie bicromatismul – suprafața exterioară este neagră, îngrijit prelucrată, iar cea interioară – de culoare galbenă sau oranj, circumstanță ce în mare înlesnește atribuirea la acest tip a fragmentelor indiferent de la ce parte a vasului provin. În cadrul acestui tip, pornind de la părțile superioare ale unor recipiente, reconstituite grafic, pot fi evidențiate următoarele variante:

a. Chiupuri de proporții, cu corp bitronconic, gât în formă de pânză, buza evazată și fundul relativ îngust. Specific pentru marea majoritate a acestor vase este amplasarea în pereche a proeminențelor – suporturi în plan vertical pe umeri. Partea superioară (gâtul) este decorată cu caneluri orizontale, iar umerii cu caneluri oblice (fig. 10,1). Alte recipiente sunt prevăzute în zona diametrului maxim doar cu proeminențe simple (fig. 10,2). Un număr neînsemnat din ele sunt în general lipsite de proeminențe (fig. 10,3,9). Partea superioară a acestor vase se mai orna menta cu ghirlande din linii incizate (fig. 10,4), cercuri concentrice, realizate cu ajutorul canelurilor (fig. 10,6) sau cu o proeminență nu prea mare împinsă din interior (fig. 10,5).

b. Chiupuri cu gâtul înalt cilindric sau trompetiform și mijlocul bombat. La baza gâtului, unele dintre ele sunt ornamentate cu caneluri orizontale (fig. 10,7-8).

Tipul II. Străchini. Această formă este una din cele mai reprezentative. Fragmentele de la părțile superioare ale acestor vase permit identificarea următoarelor variante:

- a. Străchini larg deschise, de formă tronconi-**

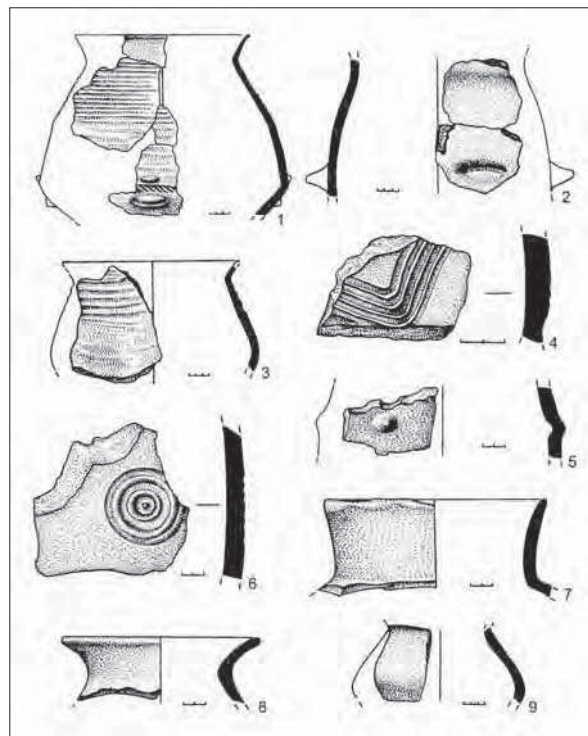

Fig. 10. Ceramică fină din straturile de săpătură.

Fig. 10. Fine ceramics from the excavation layers.

că, cu corpul mai mult sau mai puțin rotunjit către gură, cu fundul relativ îngust, neprofilat (fig. 11,15) sau ușor profilat (fig. 11,17). Marginea poate fi: subțiată (fig. 11,6-8,12-14,18); rotunjită (fig. 11,3-4); tăiată orizontal, în unele cazuri formând mici platforme orizontale (fig. 11,9) sau oblice, unele formând în partea interioară o mică platformă (fig. 11,2,11).

Ornamentul acestei variante constă în principal din caneluri orizontale, mai rar oblice, în partea superioară a corpului plasate sub buză; fațete pe margine; mânere-apucători plasate sub margine sau pe corpul vasului. Adesea străchini-le se orna mentau cu motive formate din asocieria canelurilor orizontale și mânerelor-suporturi. Într-un caz, canelurile orizontale se întretaie cu brăie verticale.

b. Străchini larg deschise, tronconice, scunde. Marginile străchinilor sunt: rotunjite (fig. 11,5); drepte, unele formând mici platforme (fig. 11,16); oblice, în unele cazuri formând mici platforme (fig. 11,10).

Această variantă, de regulă, nu conține ornament, cu excepția unui singur exemplar, care este prevăzut în partea superioară cu mâner-apucător perforat vertical.

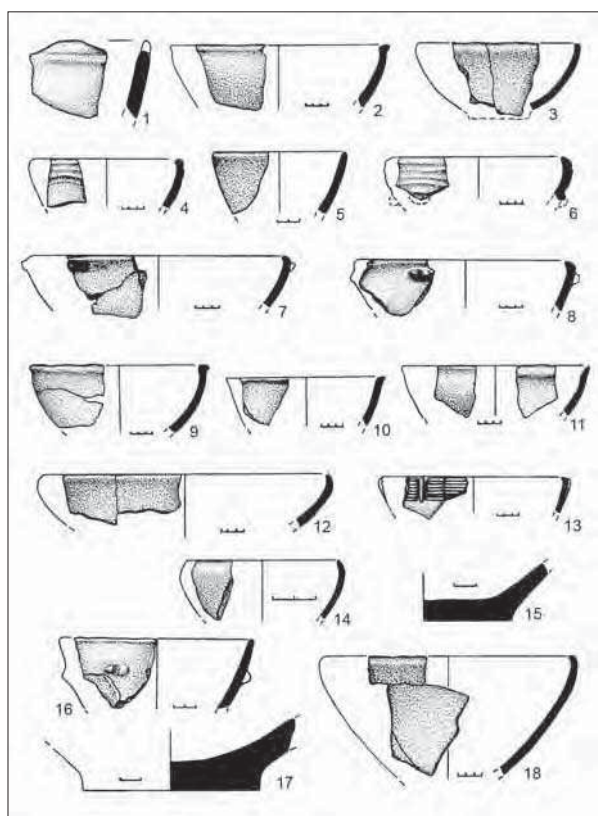

Fig. 11. Ceramică fină din straturile de săpătură.

Fig. 11. Fine ceramics from the excavation layers.

c. Străchini cu buza lobată. Este reprezentată doar printr-un exemplar neornamentat (fig. 11,1).

Tipul III. Cupe. Atribuirea anumitor fragmente ceramicii cu pereții subțiri cupele este determinată de absența torții. Cu toate acestea, trebuie să remarcăm că o parte din ele prezintă, din punct de vedere, morfologic, o asemănare oarecare cu unele căni cu corpul profilat. Pot fi distinse următoarele variante:

a. Cupe cu profil în formă de „S” mai mult sau mai puțin pronunțat, cu marginea evazată subțiată, teșită spre exterior, sau îngroșată din interior (fig. 12,2-4). De regulă, ele nu sunt ornamentate.

b. Cupe cu corp rotunjit, cu gât înalt cilindric și buza evazată. Sunt reprezentate prin două exemplare neornamentate (fig. 12,8).

c. Cupe cu corpul semisferic, gâtul scurt, marginea orizontală ușor rotunjită și fundul plat. Sunt reprezentate prin două exemplare, unul dintre care pe partea cea mai proeminentă este ornamentat cu linii incizate, orizontale (fig. 12,1,6).

Tipul IV. Căni. În baza exemplarelor întregi, întregibile sau reconstituite grafic se identifică ur-

mătoarele variante:

a. Căni scunde cu corpul oval în plan și tronconic în profil, fundul plat și toarta supraînălțată, de regulă, neornamentate (fig. 7,10).

b. Căni cu corpul profilat în formă de „S”, mai mult sau mai puțin accentuat, de proporții alungite sau mai scunde cu fundul plat, prevăzute cu torți, în grad diferit supraînălțate vertical sau înclinate. Umerii exemplarelor ornamentate sunt acoperiți cu o bandă de caneluri orizontale înguste (fig. 12,11,13-14).

c. Căni tronconice înalte, torțile cărora se înalță puțin asupra mărginii, sau coboară direct din buza spre corpul vasului. De regulă, sunt neornamentate (fig. 12,5,12).

Tipul V. Pahare. Vase cu pereții subțiri, cu corpul zvelt ușor rotunjit, marginea puțin evazată sau dreaptă (fig. 12,10). Unele, posibil, erau prevăzute cu picioruș cilindric plin cu baza goală (fig. 7,8).

Tipul VI. Fructiere. Se evidențiază doar după câteva fragmente de funduri-suporturi goale (fig. 12,7,9).

Ceramica de uz comun. Relevante din punctul de vedere al tipului morfologic de vase din tot lotul de ceramică de uz comun sunt numai 262

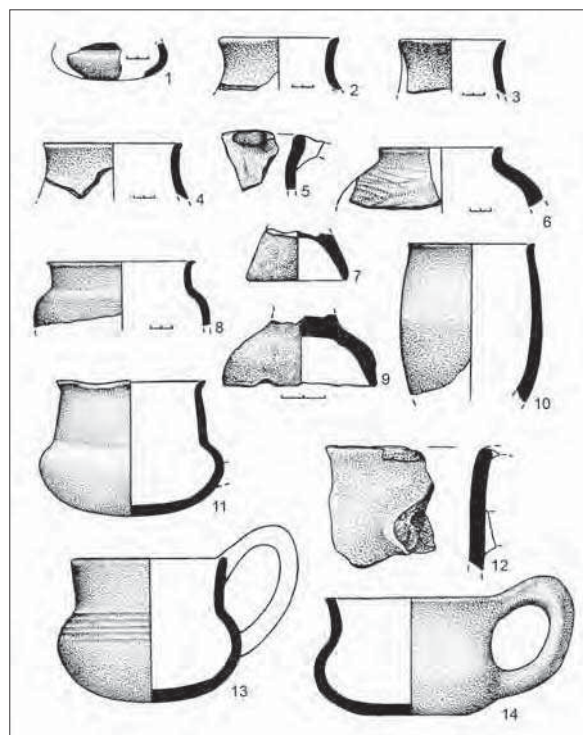

Fig. 12. Ceramică fină din straturile de săpătură.

Fig. 12. Fine ceramics from the excavation layers.

fragmente (9,9%). Se deosebesc următoarele tipuri:

I. Vase în formă de lea – 211 fragmente (80,53%);

II. Vase de tip borcan – 46 fragmente (17,55%);

III. Vase cu corpul slab bitronconic – 5 fragmente (1,9%).

Tipul I. Vase în formă de lea. 29,4% dintre aceste vase sunt ornamentate: 8,38% – cu un șir de orificii dispuse sub buză (fig. 13,3,5); 29% – cu un brâu alveolat amplasat la o anumită distanță de marginea vasului (fig. 13,4,8,11); 12,9% – cu un șir de orificii sub buză în asociere cu un brâu alveolat pe umărul vasului (fig. 13,6,12); 3,2% – cu mânere-suporturi pe umărul vasului (fig. 13,9-10); 3,2% – cu alveole pe margine în asociere cu un brâu alveolat pe umăr (fig. 13,2); 1,6% – cu alveole pe partea exterioară a buzei (fig. 13,1); 1,6% – cu brâu simplu pe umăr (fig. 13,7).

Tipul II. Vase de tip borcan. 24% dintre aceste vase sunt ornamentate cu: un șir de orificii nemijlocit sub margine (fig. 14,8); brâu alveolat dis-

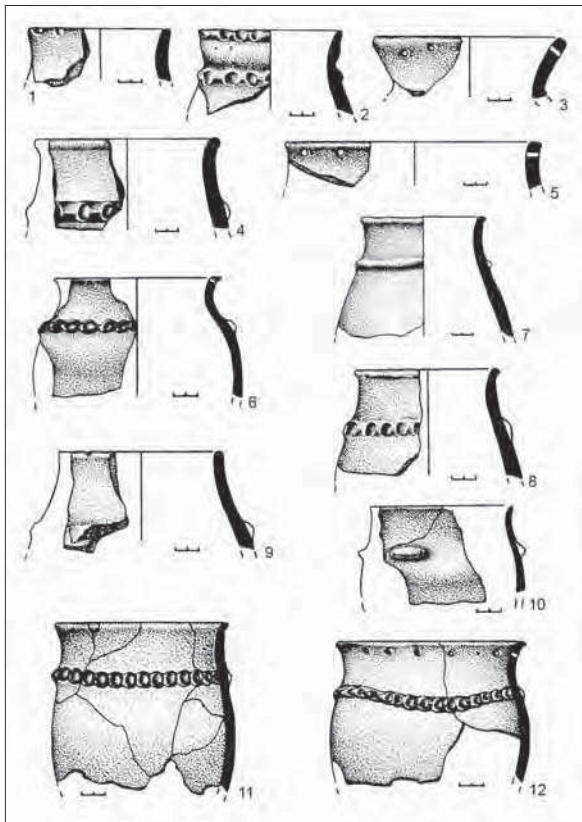

Fig. 13. Ceramică de uz comun din straturile de săpătură.

Fig. 13. Household ceramics from the excavation layers.

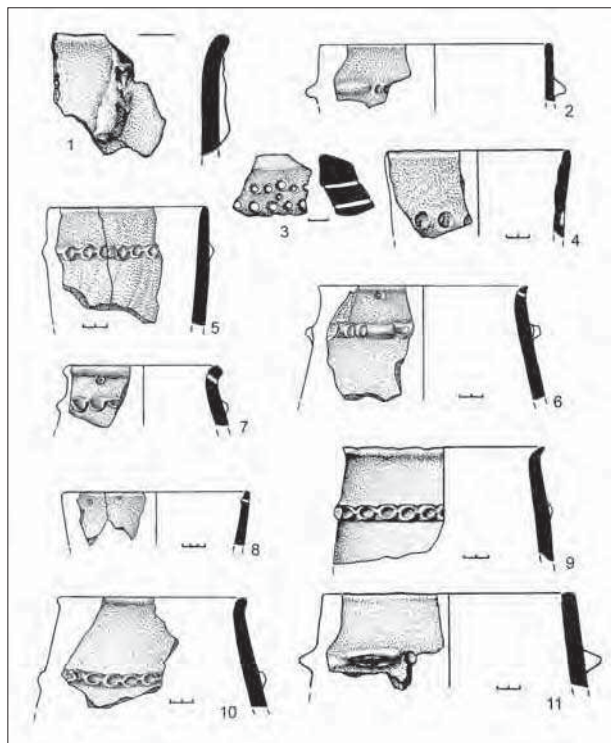

Fig. 14. Ceramică de uz comun din straturile de săpătură.

Fig. 14. Household ceramics from the excavation layers.

pus la o anumită distanță de marginea vasului (fig. 14,5); brâu alveolat dispus oblic de sub margine pe corpul vasului (fig. 14,1); șir de alveole (fig. 14,4); mânere-suporturi în asociere cu un șir orizontal de alveole (fig. 14,2).

Tipul III. Vase cu corpul slab bitronconic. Marginea acestor vase în unele cazuri este dreaptă orizontală, în altele – subțiată, puțin evazată. Sunt ornamentate cu: un șir de orificii sub margine în asociere cu un brâu alveolat amplasat mai jos (fig. 14,7); șir de orificii sub margine în asociere cu un brâu alveolat întrerupt de mânere-suporturi (fig. 14,6); brâu alveolat mai jos de margine (fig. 14,9-10); șir orizontal de alveole, întrerupte de mânere-suporturi (fig. 14,11).

Tipurile morfologice ale ceramicii de uz comun, luând în considerație pereții cu ornament, cu precădere erau decorați cu brăie alveolate (87%); cu mânere-suporturi (7%); cu brăie simple (3,5%); mai rar, cu brăie alveolate întrerupte de mânere-suporturi și cu șiruri de alveole.

Tipul IV. Strecurătoare. Acest tip de vase este reprezentat doar prin mici fragmente, care nu permit reconstituirea întregului profil (fig. 14,3).

Stratul Categorie	I		II		III		Total	
	nr. frg.	%	nr. frg.	%	nr. frg.	%	nr. frg.	%
Ceramica fină	362	17,2	400	27,3	85	28,8	763	22,83
Ceramica de uz comun	1285	82,8	1154	72,7	208	71,2	2579	77,17

Tabelul nr. 2. Raportul procentual dintre ceramica fină și de uz comun, fixată pe straturi.

Materialul osteologic

În procesul investigațiilor arheologice au fost descoperite 2119 oase de animale, dintre care doar 901 (42,52%) sunt relevante în vederea determinării speciilor de animale. Astfel, s-a stabilit că din cele 901 resturi osteologice 843 (93,56%) provin de la animale domestice, iar 58 (6,44%) aparțin animalelor sălbatice, din numărul cărora a fost posibil de identificat 170 de indivizi. Analiza paleofaunistică a fragmentelor de oase a permis stabilirea a 5 specii de animale domestice și 8 specii de animale sălbatice. Datele statistice referitoare la fiecare categorie și specie de animale se regă-

sesc în tabelul sinoptic al materialului osteologic. Merită de subliniat că oasele descoperite, indirect, oferă indicii referitoare la creșterea animalelor, pe de o parte, și practicarea vânătorii, pe de altă parte. Astfel, putem constata că bovinele și ovicaprinele jucau un rol mai mare în economia comunității respective, în comparație cu calul, porcinele și câinele.

Dintre speciile de animale vânată se impune iepurele de câmp, căprioara, cerbul nobil și taurul. Totodată, merită atenție prezența resturilor cochiliilor de melci, scoici de râu și de oase de pasăre.

Concluzii

Rezultatele investigațiilor efectuate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, în ansamblu, sunt foarte complexe și importante. Având în vedere faptul că în perimetrul cercetat s-au surprins urmele unui complex locativ-gospodăresc, compus din locuință de suprafață dotată cu vatră deschisă și o groapă menajeră, rezultatele sunt nu doar inedite, dar joacă un rol foarte mare în stabilirea unor parametri ce țin de arhitectura locuințelor și a modului de

traie. Cercetările efectuate au pus în evidență o cantitate apreciazabilă de ustensile, unelte, plastică zoomorfă realizate din materie primă diferită: silex, piatră, lut ars, os, corn, bronz, precum și un lot de ceramică deosebit de important pentru concretizarea orizonturilor cultural-cronologice prezente în acest sit. Fără îndoială, întregul lot de materiale arheologice descoperite vine să completeze tabloul general referitor la economie și habitat, dar și să stabilească într-o oarecare măsură stadiul de dezvoltare și evoluție a comunităților care au populat așezarea de la Trinca și întreaga zonă de nord a Moldovei. În acest context, nu este deloc întâmplătoare succesiunea cultural-cronologică și utilizarea uneltelor și a ustensilelor specifice unei perioade mai timpurii.

Un rol aparte îl are ceramica, analiza căreia poate oferi multe întrebări și răspunsuri referitoare la

Specia	Oase	Indivizi	%	Total oase
<i>Domestice</i>				
Ovis et capra	301	39	35,7	843/93,56 %
Bos Taurus (bovine)	311	26	36,9	
Equus caballus (calul)	158	35	18,75	
Sus. scrofa dom. (porcine)	55	28	6,52	
Canis familiaris (câine)	18	15	2,13	
Sălbatice				
Bos primigenius (taur, bour)	8	4	13,8	58/6,44 %
Castor	3	2	5,17	
Lepus europaeus (iepure de câmp)	11	5	18,96	
Sus scrofa ferus (mistrețul)	1	1	1,72	
Capreolus capreolus (căprioara)	10	6	17,25	
Cervus elaphus (cerbul nobil)	9	5	15,52	
Cricetus cricetus (hârciog com.)	3	2	5,17	
Helix Pomatia L.	8		13,8	
Unio pictorum (melc de grădină)	2		3,44	
Unio crassus (scoică de râu)	1		1,72	
Aves (pasăre)	2	2	3,45	

Tabelul nr. 3. Tabelul sinoptic al materialului osteologic descoperit în Secțiunea III.

specificul așezării. Astfel, categoriile tehnologice, tipurile morfologice și îmbinările compoziționale ale elementelor ornamentale (modul și maniera de aplicare a lor), demonstrează prezența majorității covârșitoare a veselei fine și de uz comun specifice culturii hallstattului canelat de la est de Carpați – tipul Chișinău-Corlăteni. Totodată, ceramica de uz comun ilustrează influențe răsăritene de tip Belogradovka-Chernyi Les. Psalia de corn, prevăzută cu orificii circulare la capete și ovală în centru, ornamentată cu cercuri concentrice, descoperită în preajma locuinței, prezintă un indicator cronolo-

gic indiscutabil pentru datarea acestui complex în perioada cuprinsă între mijlocul secolului al XII-lea – secolul X a.Chr.

Astfel, putem afirma cu certitudine că situl Trinca „Izvorul lui Luca” reprezintă unul din cele mai importante monumente arheologice, care este în stare să ofere elemente și particularități noi referitoare la evoluția culturilor atestate în zona Podișului Moldovei de Nord, în vederea studierii proceselor cultural-istorice din perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului – epoca hallstattiană.

Bibliografie

- Levițki 1994:** O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați. B.THR. VII (București 1994).
- Levițki 1994a:** O. Levițki, Culturile din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 159-214.
- Levițki 1995:** O. Levițki, Investigațiile arheologice de la Trinca, raionul Edineț, Republica Moldova. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă I (București 1995), 247-278.
- Levițki, Haheu 1997:** O. Levițki, V. Haheu, Șantierul arheologic Trinca (Republica Moldova) (Campania 1995). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă II (București 1997), 169-212.
- Levițki 1997a:** O. Levițki, Șantierul arheologic Trinca (Republica Moldova) (Campania 1996). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă II (București 1997), 212-274.
- Levițki et al. 1999:** O. Levițki, R. Alaiba, V. Bubulici, Raport asupra investigațiilor arheologice efectuate în anii 1997-1998 la Trinca-Izvorul lui Luca raionul Edineț, Republica Moldova. In: Cercetările arheologice în aria nord-tracă III (București 1999), 17-116.
- Levițki et al. 2003:** O. Levițki, E. Ușurelu, Gh. Coban, Piese de metal din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 171-182.
- Levițki 2003a:** O. Levițki, Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.). B.THR. XL (București 2003), 430.
- Levițki 2007:** O. Levițki, Despre unele piese de inventar din epoca bronzului depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA III, 1-2, 2007, 138-154.
- Levițki 2008:** O. Levițki, Piese din categoria ceramicii tehnic depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA IV, 1, 2008, 5-30.
- Levițki, Sirbu 2010:** O. Levițki, Gh. Sirbu, Noi dovezi pentru prelucrarea locală a bronzului în aria est-carpatică a complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată. MA XXV-XXVI, 2010, 329-357.
- Levițki, Sirbu 2010a:** O. Levițki, Gh. Sirbu, Mărturii ale prelucrării bronzului în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA VI, 1, 2010, 71-88.
- Levitskii 1986:** O.G. Levitskii, Poselenie rannego zheleznogo veka u s. Trinka. In: AIM v 1982 g. (Kishinev 1986), 54-71 // O.Г. Левицкий, Поселение раннего железного века у с. Тринка. В сб.: АИМ в 1982 г. (Кишинев 1986), 54-71.

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com

Livia Sirbu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: livermur@yahoo.com

Ion Ursu, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Vlad Vornic, Ion Ciobanu

**Necropola medievală de la Lozova-La hotar cu Vornicenii.
Rezultatele cercetărilor din anii 2014-2015**

Keywords: Lozova, archaeological site, necropolis, funeral ritual, Moldavia, Middle Ages.

Cuvinte cheie: Lozova, sit arheologic, necropolă, ritual funerar, Moldova, evul mediu.

Ключевые слова: Лозова, археологический памятник, кладбище, погребальный обряд, Молдова, средние века.

Ion Ursu, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Vlad Vornic, Ion Ciobanu

Medieval necropolis from Lozova-La hotar cu Vornicenii. The results of 2014-2015 researchs

The authors present the preliminary results of archaeological research in the period 2014-2015, carried out in the area of the medieval necropolis from Lozova-La hotar cu Vornicenii. (Straseni). The two undertaken archaeological campaigns aimed at continued systematic excavations carried out within two projects for young researchers, funded by the Academy of Sciences of Moldova, during which up to date 106 tombs, of which 52 funerary complexes in the years 2014-2015, were discovered. They belonged to the local Christian community; all the deceased (adults and children) were buried according to the Christian ritual: in prone position, with the head to the west, the legs stretched the arms bent at the elbows, and the hands resting on the abdomen, chest or shoulders. The Funeral inventory is represented by ornaments and apparel globular buttons made of bronze, temple rings, silver and bronze earrings, beads, pendants, etc., indicating the period of the use of the cemetery in the 14th - 15th centuries. The medieval cemetery from Lozova is part of a series of sites particularly important for restoring the spiritual life of Orthodox communities in Bucovat valley. Continued research and rigorous analysis of the entire archaeological inventory will provide additional relevant data, such as demographic evolution, health state, ethnic and cultural background of the population in the space between the Prut and Nistru during the end of the Golden Horde period and the early establishment and eastward expansion of the Country of Moldova.

Ion Ursu, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Vlad Vornic, Ion Ciobanu

Necropola medievală de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Rezultatele cercetărilor din anii 2014-2015

Autorii prezintă rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice din perioada anilor 2014-2015, efectuate în aria necropolei medievale de la Lozova-La hotar cu Vornicenii (r-nul Strășeni). Cele două campanii arheologice întreprinse au avut drept scop continuarea săpăturilor sistematice, desfășurate în cadrul a două proiecte pentru tineri cercetători, finanțate de Academia de Științe a Moldovei, pe parcursul cărora au fost descoperite până în prezent 106 morminte, dintre care 52 în anii 2014-2015. Acestea aparțin unei comunități creștine locale; toți decedații (maturi și copii) au fost înhumați potrivit ritualului creștin: pe spate, cu capul spre vest și picioarele întinse, iar brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe abdomen, piept sau pe umeri. Inventarul funerar este reprezentat de obiecte de podoabă și port: nasturi globulari din bronz, verigi de tâmplă, cercei de argint și bronz, mărgelă, pandantive ș.a., piese care indică perioada de utilizare a cimitirului în secolele XIV-XV. Cimitirul medieval de la Lozova face parte din seria de situri deosebit de importante pentru reconstituirea vieții spirituale a comunităților ortodoxe din valea Bucovățului, iar continuarea cercetărilor și analiza riguroasă a întregului inventar arheologic vor oferi și alte date relevante, precum evoluția demografică, starea de sănătate, apartenența culturală și etnică a populației din spațiul dintre Prut și Nistru în perioada de sfârșit a Hoardei de Aur și începutul constituirii și extinderii spre est a Țării Moldovei.

Ион Урсу, Людмила Бакуменко-Пырнэу, Влад Ворник, Ион Чиобану

Средневековое кладбище у села Лозова-Ла хотар ку Ворниченый. Результаты археологических исследований 2014-2015 гг.

Авторы представляют предварительные итоги археологических исследований 2014-2015 гг., проведенных на средневековом кладбище у села Лозова-Ла хотар ку Ворниченый (Стрэшенский район). Археологические изыскания последних двух лет продолжают систематические раскопки, проведенные ранее в рамках проектов для молодых исследователей с финансовой поддержкой Академии наук Молдовы, в ходе которых были обнаружены и проанализированы на сегодняшний день 106 захоронения, из которых 52 – в период 2014-2015 гг. Погребенные принадлежали местной христианской общине; усопшие (взрослые и дети) были похоронены в соответствии с традиционными христианскими обрядами: на спине, головой на запад, ноги прямые, руки согнуты в локтях, кисти уложены на животе, груди или плечах. Погребальный инвентарь представлен деталями одежды или украшениями: это бронзовые сфероидальные пуговицы, серебряные и бронзовые серьги и височные кольца, бусы и т.д. Находки указывают на период использования кладбища в XIV-XV вв. Средневековое кладбище у села Лозова – это один из особо важных памятников для восстановления истории духовной жизни православных общин в долине р. Буковэц, а продолжение археологических иссле-

дований и тщательный анализ всех находок обеспечит поступление других интересных данных, важных для истории демографии, здоровья, этнической и культурной принадлежности населения из Пруто-Днестровского междуречья в период конца Золотой Орды и начала Молдавского средневекового государства.

INTRODUCERE

Cercetările consacrate reconstituirii vieții spirituale, în special a spectrului credințelor religioase în legătură cu viața de după moarte, a dinamicii etno-demografice și a stării de sănătate a comunităților creștine din spațiul est-carpatic sunt tot mai frecvente în ultima vreme, impulsionate fiind atât de evoluția a noi tendințe de cercetare din domeniul arheologiei [Lauwers 1999; Lăzărescu 2009; Motzoi-Chicideanu 2003; Parker Pearson 2003; Burial Archaeology 1989; Sârbu 2003 ș.a.], dar mai ales de includerea în circuitul științific a rezultatelor săpăturilor arheologice efectuate în cuprinsul unor cimitire rurale și urbane, a celor din interiorul sau din jurul lăcașelor bisericești și mănăstirești de pe ambele maluri ale Prutului. Acestor acumulări valoroase de „baze de date” și observații, în măsură să asigure un important suport teoretic și informațional pentru viitoare întregiri ale imaginii vieții spirituale, se alătură și rezultatele obținute cu prilejul săpăturilor arheologice în cimitirul așezării medievale rurale de la Lozova-La hotar cu Vornicenii, cercetări demarate în vara anului 2010 și continuate, apoi, în anii 2011, 2014 și 2015. Prin urmare, după o perioadă destul de scurtă, dar intensă, de cercetări arheologice [Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011; Vornic et al. 2012; Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2015] și analize antropologice [Simalcsik 2012; Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013; Simalcsik et al. 2014; Simalcsik 2015], imaginea asupra vieții spirituale și a dinamicii demografice a comunităților ortodoxe din valea Bucovățului în perioada constituirii și consolidării Țării Moldovei a căpătat o consistență incomparabilă cu ceea ce se putea obține pe baza studiului surselor documentare ale vremii.

DESCRIEREA SĂPĂTURILOR

Săpăturile arheologice din cuprinsul necropolei medievale de la Lozova în perioada anilor 2014-2015 au fost desfășurate în continuarea celor efectuate în anii 2010 și 2011, la extremitatea estică a sitului arheologic pluristratificat, amplasat la cca 0,9 km E de satul actual Lozova, în imediata apropiere a hotarului dintre localitățile Lozova și Vorniceni (r-nul Strășeni) din valea Bucovățului, în capătul estic al microzonei Oanța, cunoscut în literatura de spe-

cialitate cu denumirea de *Vorniceni I* (fig. 1). Acest sit arheologic, întrucât este situat în cea mai mare parte, dacă nu chiar integral, pe teritoriul comunei Lozova și pentru a nu fi confundat cu așezarea medievală Lozova-Oanța (Lozova I) de la periferia intravilanului satului, a fost denumit de noi Lozova-La hotar cu Vornicenii [Vornic et al. 2012, 226].

Încă de la începutul cercetărilor, în anul 2010, ne-am propus stabilirea cronologiei, apartenenței etnice și culturale, dar și relația cu alte situri similare, cum ar fi cel de la Sadova, atribuit Seliștei lui Tihomir, sat dispărut, menționat alături de Lozova și Secăreni împreună cu alte șase moșii de pe valea Bucovățului în actul de danie din 1420 scris de către voievodul Alexandru cel Bun boierului Oană pentru „dreaptă și credincioasă slujbă” [DRH I, 1976, 67-69].

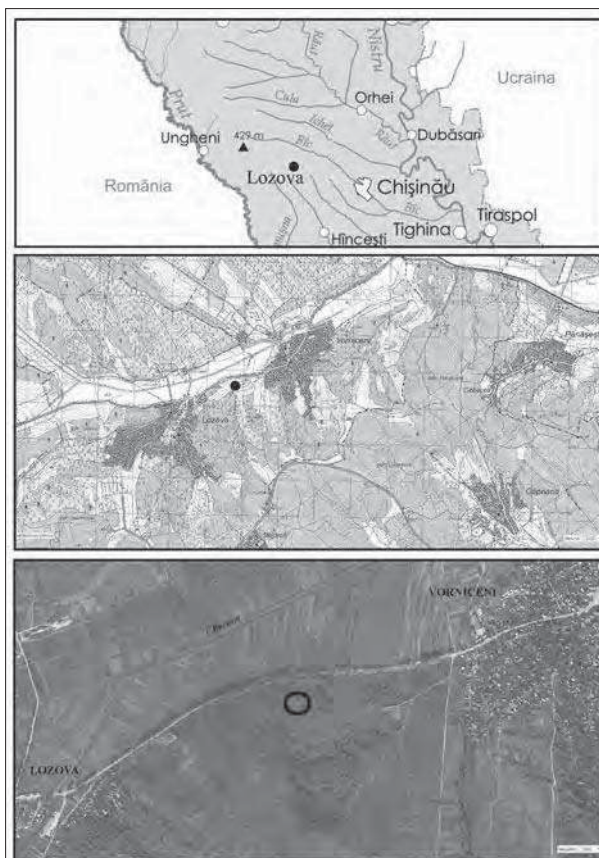

Fig. 1. Amplasarea geografică a sitului Lozova-La hotar cu Vornicenii.

Fig. 1. Geographical location of the site Lozova-La hotar cu Vornicenii.

La momentul demarării campaniei arheologice cea mai mare parte a ariei sitului Lozova-*La hotar cu Vornicenii* era acoperită cu pomi fructiferi, viță de vie, porumb și alte culturi anuale. Toată suprafața de teren reprezentată loturi de pământ individuale aflate în proprietate privată, o parte dintre care au rămas însă înțelenite. Săpăturile arheologice au fost efectuate în perimetrul a două secțiuni, notate V și VI, cu dimensiuni și forme diferite, însumând în total o suprafață de cca 250 m.p. Secțiunile au fost trasate în continuarea secțiunii III, cercetată în 2010-2011, în partea de SV. Nici una dintre secțiuni nu a fost orientată strict după punctele cardinale N-S sau V-E, la trasarea lor fiind nevoie să se țină cont de orientarea loturilor de pământ și a rândurilor de pomi, care coincid, de fapt, cu direcția pantei, dar și de orientarea secțiunilor anterioare (III și IV).

În campaniile din anii 2014 și 2015 au fost identificate 52 de morminte cu 53 de înhumați (unul dintre morminte fiind dublu), ce fac parte din același cimitir, ale cărui dimensiuni urmează încă a fi precizate (fig. 4). Astfel, numărul total al mormintelor cercetate prin săpături pe parcursul celor patru ani, împreună cu cele distruse și recuperate la suprafața solului în primăvara lui 2011, este de 106.

Materialul arheologic descoperit în stratul de cultură, la fel ca și în campaniile anterioare, este foarte puțin, reprezentând fragmente de vase de lut tipice perioadei de dominație a Hoardei de Aur, recuperate de pe suprafața zonei cercetate și din primele straturi de săpătură.

A. CAMPANIA 2014

În campania din 2014 au fost continuate cercetările în cadrul necropolei prin trasarea unei noi secțiuni (V) la distanța de 0,80 m SV de secțiunea III, cu o suprafață totală de 128 m.p. Inițial, a fost executată o secțiune de forma unei tranșee orientate

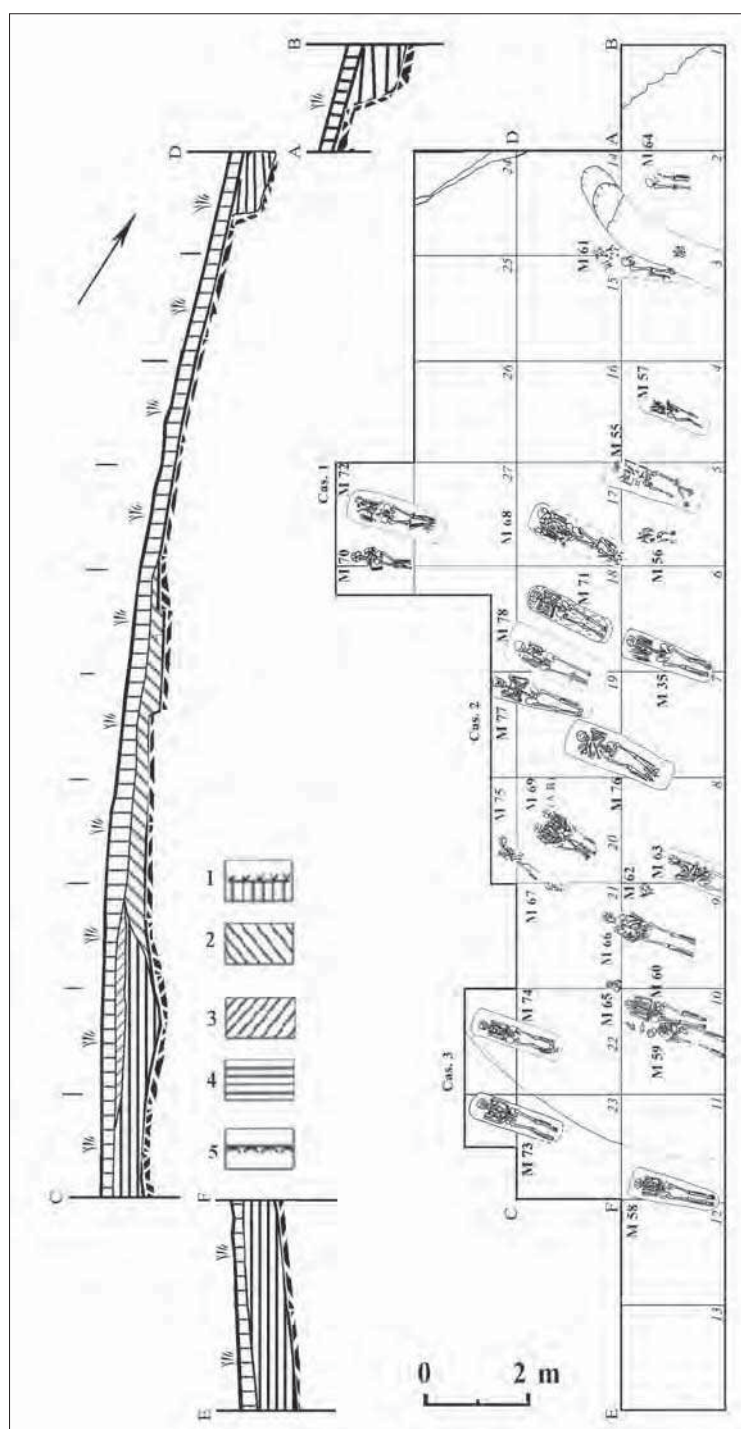

Fig. 2. Planul și profilul secțiunii V (campania 2014).

Fig. 2. Plan and profile of Section V (2014 campaign).

NV(312°)–SE(138°), cu lungimea de 26 m și lățimea de 2 m, împărțită în 13 carouri, notate cu cifre arabe de la SE spre NV. În jumătatea de SV a secțiunii, adică în zona carourilor 9-13, terenul era relativ drept, iar în cealaltă jumătate – înclinat spre NV.

Ulterior, pe măsura descoperirii unor morminte și în scopul dezvelirii acestora, s-au efectuat noi adăugiri. Spre V, secțiunea a fost extinsă, inițial cu 2 m pe o distanță de 20 m (carourile 14-23), după care cu încă 2 m lățime pe o distanță de 8 m și câteva casete. Astfel, secțiunea în partea de NV avea lățimea de 6 m, iar în partea de SV de 4 m. Pe latura vestică, în dreptul carourilor 18-20, 22-23 și 27, s-au adăugat trei casete. În consecință, secțiunea a V-a s-a transformat într-o parcelă de formă neregulată, cu aria totală de cca 130 m.p. (fig. 2; 18; 19).

La suprafața zonei cercetate și în primul strat de săpătură au fost identificate mai multe fragmente ceramice caracteristice perioadei de dominație a Hoardei de Aur. Straturile următoare erau lipsite de material arheologic, în partea de NV a secțiunii după primul nivel excavat apărând conturul gropilor funerare și oase umane. În anul respectiv au fost dezvelite și cercetate 25 de complexe funerare (26 schelete) (mormintele 35, 55-78) (fig. 5-7). Starea de conservare a oaselor este diferită; oasele de adulți s-au păstrat mai bine decât cele de copii, câteva morminte fiind distruse parțial de lucrările agricole recente. Scheletele se aflau la adâncimi relativ mici, cuprinse între 0,25 și 0,90 m. Defuncții au fost depuși în gropi trapezoidale în decubit dorsal cu brațele îndoit din coate și palmele aduse pe torace sau abdomen. Toți înmormântații aveau orientarea vest (cap) – est (picioare), cu foarte mici abateri de câteva grade. Urme de sicriu, așternut sau alte elemente de amenajare a gropii nu s-au găsit, defuncții fiind depuși direct pe sol. Atât mormintele descoperite în acest an, cât și cele din anii precedenți, erau dispuse în cadrul necropolei în șiruri, observându-se și unele aglomerații, ce au aparținut, probabil, unor familii. Densitatea gropilor este relativ mică, doar în trei cazuri înregistrându-se situații de suprapuneri parțiale. Toate mormintele sunt singulare, cu excepția unui complex în care au fost descoperite două schelete de copii înhumați simultan (M.69)

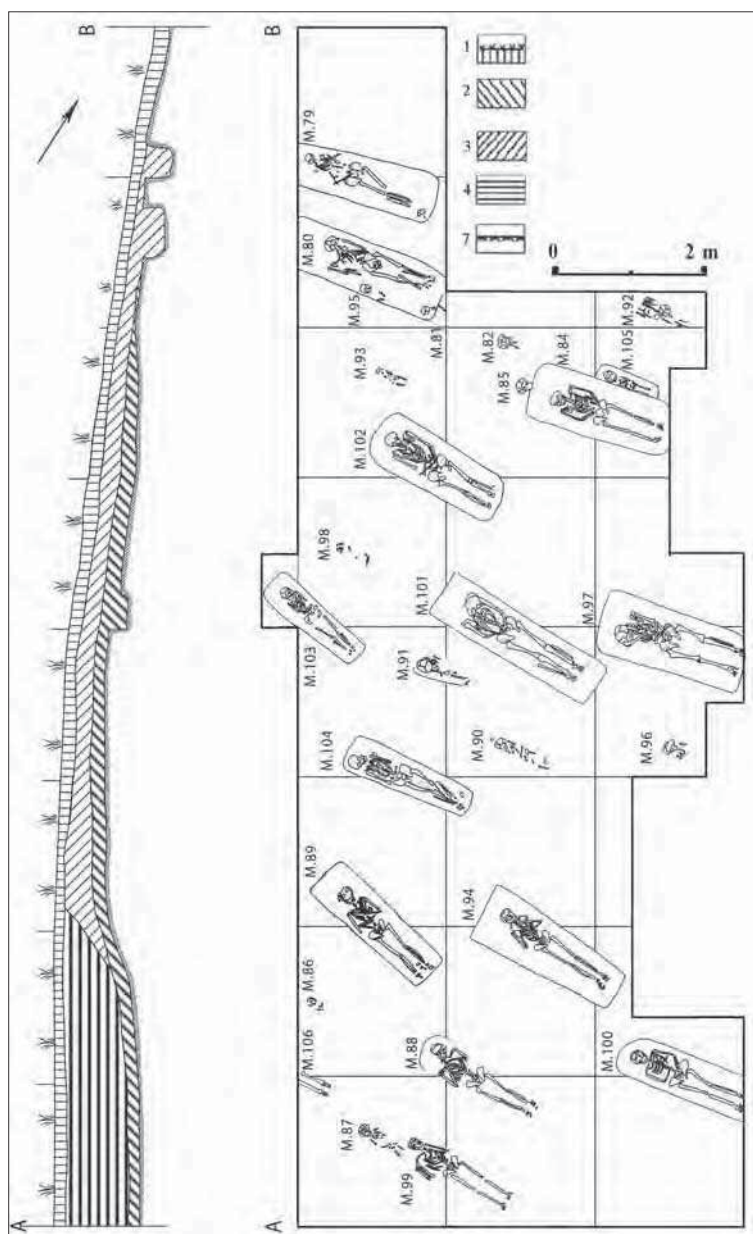

Fig. 3. Planul și profilul secțiunii VI (campania 2015).

Fig. 3. Plan and profile of Section VI (2015 campaign).

(fig. 6D). Majoritatea scheletelor dezvelite în această campanie au aparținut unor adulți.

Pământul de pe suprafața secțiunii s-a scos cu cazmaua și cu șpaclul pe o adâncime ce varia între 0,25 m și 1,3 m. Stratul I constă din sol cenușiu în amestec cu resturi vegetale și rare fragmente ceramice din perioada Hoardei de Aur, cioburi de vase tipice epocii medievale târzii și câteva oase mici, provenind de la schelete umane afectate de lucrările agricole. Imediat sub stratul de vegetație, la adâncimea de 0,20-0,25 m, în partea de NV a secțiunii,

aflată în pantă, a apărut roca naturală, ce prezenta lut de culoare gălbuie-deschisă.

În perimetrul carourilor 6-9 și 18-21, sub solul vegetal, urma un pământ de culoare cenușie-brună, cu puține cioburi de vase lucrate la roată datând din perioada Hoardei de Aur și epoca medievală târzie. Este de remarcat faptul că grosimea acestui strat de pământ cenușiu-brun nu se prezintă la fel, variind între 0,05-0,10 m și 0,6 m (capătul de SE al secțiunii). La nivelul stratului II de săpătură, în solul cenușiu-brun, au fost surprinse mai multe înmormântări, toate fiind cercetate integral. Pentru dezvelirea completă a două dintre aceste morminte a fost necesară deschiderea a două casete laterale, întrucât complexele intrau sub pereții secțiunii.

Alte înmormântări din zona centrală și de SE a secțiunii au fost identificate la nivelul corespunzător stratului III de săpătură sau, mai exact, la adâncimi cuprinse între 0,54 și 0,62 m. În sfârșit, ultimele complexe funerare au fost semnalate la adâncimea de 0,72 m și 0,82 m de la nivelul actual de călcare al solului. Este, credem, important de remarcat faptul că mormântul aflat la adâncimea cea mai mare se găsea și cel mai la S dintre toate, marcând astfel în acest sector marginea cimitirului.

B. CAMPANIA 2015

Săpăturile din vara anului 2015 s-au derulat exclusiv în arealul necropolei, fiind extinse prin cercetarea Secțiunii VI, care a fost trasată în continuarea secțiunii V, pe latura de SV, astfel mărindu-se suprafața cercetată începută în 2014 cu cca 100 m.p. pe un teren aflat în paragină. Inițial parcela săpată a avut forma unui șanț orientat pe direcția NV(320°)-SE, cu dimensiunile de 4x12 m, fiind compusă din 12 carouri de 4 m.p., în partea de NV incluzând și două casete din campania din 2014. Ulterior, pe latura de SV s-au adăugat încă opt carouri, începând de la caroul 27 al Secțiunii V în partea de NE, astfel, planul săpăturii căpătând o formă neregulată, cu suprafața de aproximativ 100 m.p. (fig. 3; 20-22). Pământul s-a scos cu cazmaua în 3-5 straturi succesive până la adâncimile de 0,6-1,1 m de la nivelul actual de călcare al solului.

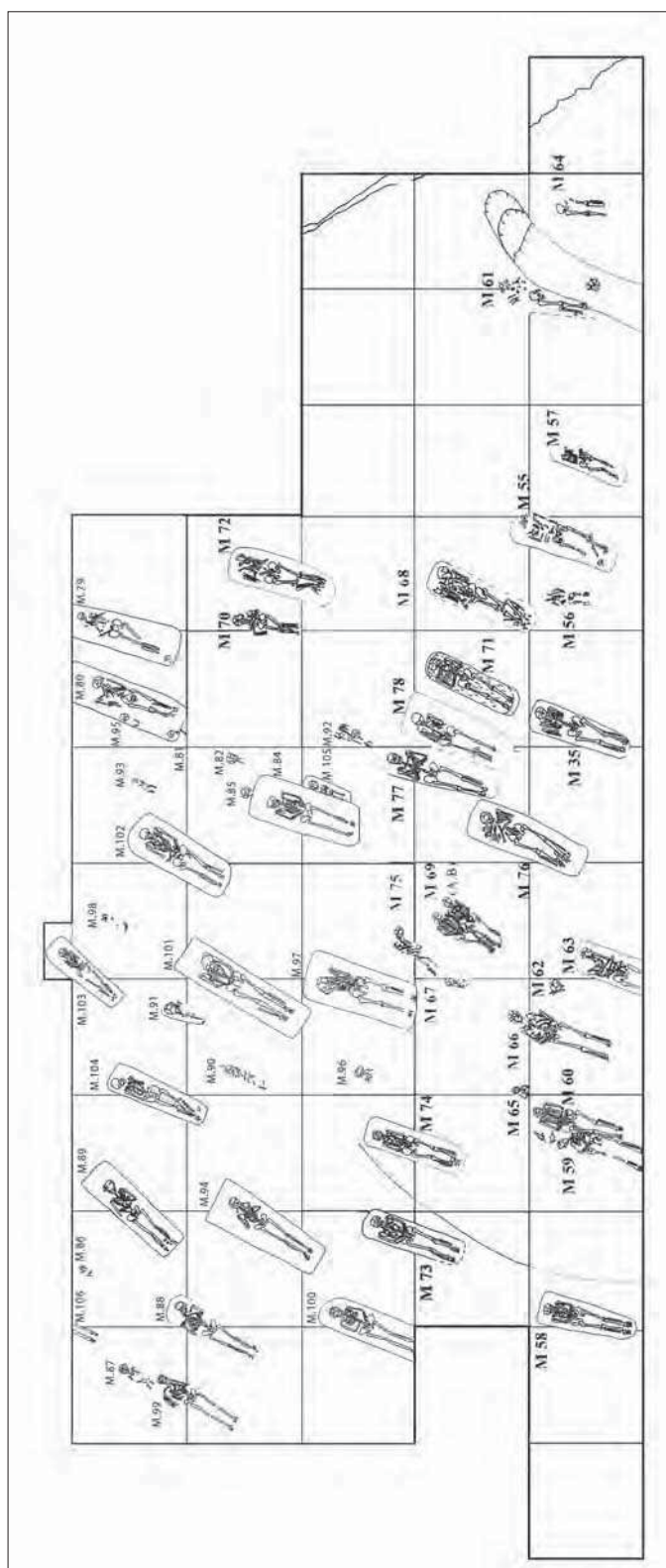

Fig. 4. Planul general al necropolei, rezultatele săpăturilor din anii 2014-2015.

Fig. 4. General plan of the necropolis, results of the diggings in 2014-2015.

Stratul I, reprezentând sol vegetal de culoare cenușie, a fost scos de pe întreaga suprafață investigată. S-au găsit câteva cioburi roșiatice tipice Hoardei de Aur și două oase de animale. După răzuire, sub pătura de vegetație, în zona de NE a secțiunii (regiunea pantei) la adâncimea de 0,20-0,25 m au apărut contururile a câtorva morminte.

Stratul II de săpătură consta din sol brun-gălbui fără resturi arheologice, sub care urma, la adâncimea de 0,5 m, lutul galben, în unele carouri ajungând până la adâncimea de 0,6-0,7 m, solul cenușiu, apoi urma un strat de pământ brun, fără resturi arheologice, cu grosimea de 10-30 cm; la nivelul de 0,8-0,9 m era un strat subțire (cca 10 cm) de pământ brun-gălbui, lutul galben steril apărând la adâncimea de 0,90-1,0 m.

Materialul arheologic descoperit în stratul de cultură, la fel ca și în campaniile anterioare, este puțin, fiind reprezentat de câteva fragmente de vase de lut tipice perioadei de dominație a Hoardei de Aur, recuperate de pe suprafața zonei cercetate și din primele straturi de săpătură.

Pe parcursul campaniei din 2015, au fost identificate și cercetate 27 de complexe funerare (nr. 79-106) (fig. 8-10). Starea de conservare a scheletelor este diferită, cele aparținând adulților fiind în mod firesc mai bine păstrate, spre deosebire de mormintele de copii. Câteva morminte au fost distruse parțial de lucrările agricole recente. La o analiză atentă a distribuirii gropilor funerare descoperite în acest an, precum și cele identificate în campaniile anterioare, se constată organizarea mormintelor în șiruri. Scheletele se aflau la adâncimi relativ mici. Defuncții au fost depuși în gropi simple, de formă trapezoidală sau rectangulară, în decubit dorsal, cu brațele îndoite din coate și palmele aduse pe torace sau abdomen. Toate scheletele sunt orientate V-E, cu unele mici devieri. Urme de sicriu, așternut sau alte elemente de amenajare a gropii nu au fost semnalate, decedații fiind depuși direct pe sol. În schimb, în mai multe morminte au fost găsite fragmente de cărbune de lemn, practică atestată și în alte cimitire medievale din spațiul de la est de Carpați. Densitatea gropilor funerare este relativ mică, doar în câteva cazuri fiind atestate situații de suprapuneri parțiale.

CATALOGUL MORMINTELOR¹

1. Numerotarea mormintelor s-a făcut în ordinea descoperirii lor. Ilustrația aferentă este grupată pe complexe funerare, cuprinzând desene și fotografii ale mormintelor și obiectelor descoperite. S-a utilizat prescurtarea M. pentru „mormânt”.

M. 35 (fig. 5A). A fost identificat în perimetrul secțiunii III încă din campania arheologică din vara anului 2011, dar n-a fost cercetat din cauza amplasării gropii în peretele vestic al secțiunii respective, cu excepția labelor picioarelor [Vornic et al. 248]. În secțiunea IV a fost surprins integral la limita carourilor 6-7, la adâncimea de 0,40-0,52 m. Orientarea VSV(245°)-ENE. Groapa era de formă trapezoidală, cu lungimea de 1,75 m și lățimea de 0,60 m în partea superioară și de 0,40 m în partea inferioară, iar adâncimea de 0,11 m. Umplutura gropii consta din sol cenușiu amestecat cu lut galben. Scheletul aparținea unui bărbat (45-50 ani, *maturus*), oasele fiind relativ bine păstrate. Craniul se afla ușor pe o parte, cu privirea spre est. Brațele au fost puternic îndoite din coate și aduse sub bărbie, picioarele întinse. Inventar:

1-2. Doi nasturi globulari din bronz fragmentați, găsiți în regiunea gâtului.

M. 55 (fig. 5B). S-a descoperit la limita de nord a caroului 5. Orientarea V(260°)-E. Craniul intra sub peretele de vest. Pentru a fi dezvelit a fost trasată o casetă de 1,50x0,50 m. Scheletul se află la adâncimea de 0,20 m. Conturul gropii a fost înregistrat doar pe unele porțiuni în partea de sud, adâncimea fiind de 0,05 m. Scheletul, aparținând unei persoane de sex feminin, cu vârsta la deces de 50-55 ani (*maturus avansat*), este slab păstrat. Craniul, cutia toracică, antebrațul drept, brațul stâng au fost distruse în totalitate. Oasele păstrate sunt afectate puternic de factorii tafonomici (din cauza tasării solului). Defunctul a fost depus în decubit dorsal, cu brațele îndoite din coate și plasate pe abdomen.

Inventar:

1. Verigă din fir de bronz cu capetele neunite găsită în zona craniului.

2. Nasture globular din bronz sau argint cu urechiușă de prindere în partea superioară, descoperit pe torace, în regiunea gâtului.

M. 56 (fig. 5C). Surprins la marginea de sud a caroului 5, la adâncimea de 0,22 m. Conturul gropii nu a putut fi determinat. Scheletul, aparținând unui copil cu vârsta la deces de 1,5-2 ani (*infans I*) în mare parte distrus (craniu, coloană vertebrală, brațele), se afla în decubit dorsal, cu capul orientat spre V (280°). Inventar:

1. Verigă de tâmplă din bronz sau argint cu unul din capete răsucit în formă de buclă, găsită în regiunea craniului.

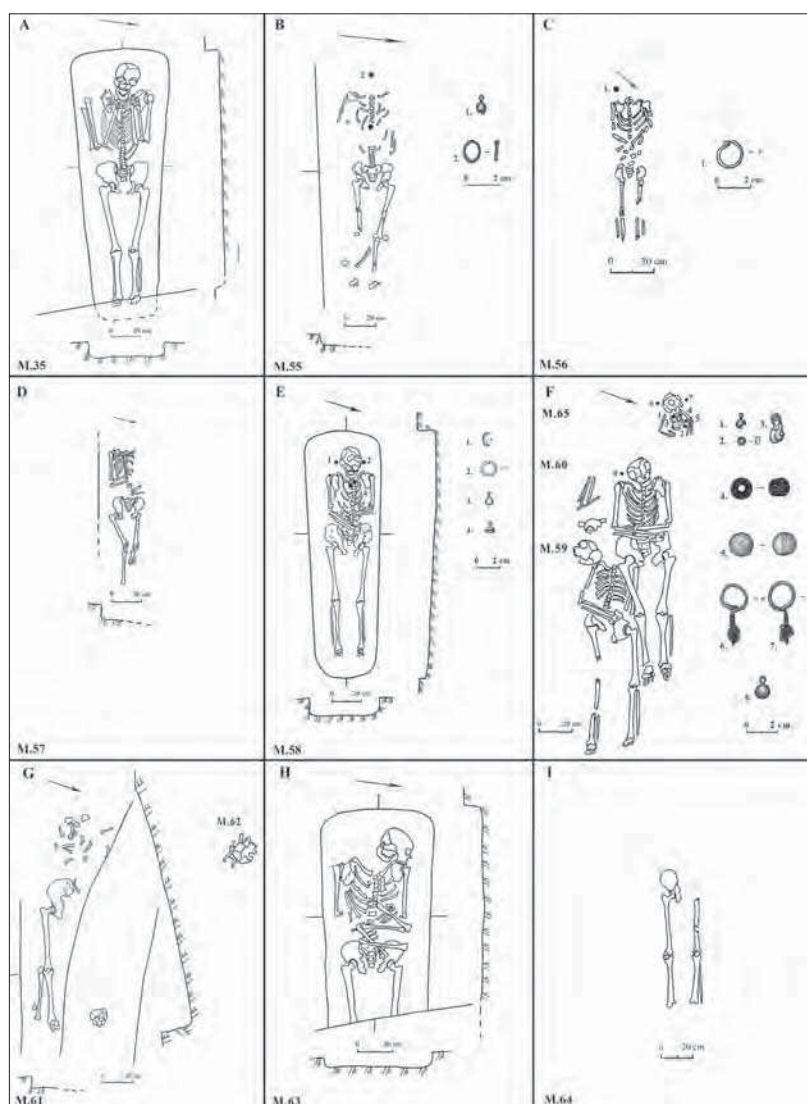

Fig. 5. Mormintele 35 (A), 55 (B), 56 (C), 57 (D), 58 (E), 59, 60, 65 (F), 61, 62 (G), 63 (H) și 64 (I).

Fig. 5. Graves 35 (A), 55 (B), 56 (C), 57 (D), 58 (E), 59, 60, 65 (F), 61, 62 (G), 63 (H) and 64 (I).

M. 57 (fig. 5D) Descoperit în caroul 4, la adâncimea de 0,25 m. Orientarea V(260°)-E. Conturul gropii nu s-a surprins, cu excepția laturii de sud pe o lungime de 1 m. Adâncimea gropii pe această latură constituie 0,07 m. Scheletul a fost parțial distrus de lucrările agricole. Defunctul a fost depus în decubit dorsal, cu brațele așezate pe abdomen. Sex: indeterminabil. Vârsta la deces: 5-6 ani (*infans I*). Fără inventar.

M. 58 (fig. 5E). Identificat la limita dintre carourile 11 și 12 la adâncimea de 0,68 m. Orientarea VSV(240°)-ENE. Groapa era de formă trapezoidală cu colțurile rotunjite și avea lungimea

de 1,70 m, lățimea de 0,54 m în partea superioară și de 0,44 m în cea inferioară. Umplutura gropii consta din sol cenușiu-gălbui. Oasele scheletului sunt păstrate relativ bine. Defunctul a fost depus întins pe spate cu brațele îndoite din cot și așezate pe abdomen. Craniul era cu privirea spre est. În regiunea mandibulei au fost semnalati câțiva cărbuni de lemn. Sex feminin. Vârsta la deces: 50-55 ani (*maturus avansat*). Inventar:

1-2. Doi nasturi globulari din bronz sau argint cu ureche de prindere găsiți lângă mandibulă (zona gâtului).

3-4. Două verigi de tâmplă din bronz sau argint găsite în regiunile temporale ale craniului.

M. 59 (fig. 5F). Semnalat în partea vestică a caroului 10. La adâncimea de 0,60 m a fost depistat craniul, iar la 0,80 m restul scheletului. Orientarea V(270°)-E. Scheletul a fost parțial deranjat de mormântul 60, craniul fiind mutat spre sud la distanța de 0,14 m de poziția inițială. Conturul gropii n-a putut fi delimitat. Oasele scheletului prezintă un nivel precar de păstrare. Defunc-

tul de sex *feminin*, cu vârsta de 60-65 ani (*senilis*) a fost depus pe spate, brațul drept pe abdomen, iar cel stâng pe umăr. În umplutura gropii, preponderent în zona bazinului și a părții superioare a toracelui, au fost găsiți cărbuni de lemn ars.

Inventar:

1-2. Doi nasturi globulari din bronz, fragmentați, găsiți în zona superioară a coloanei vertebrale.

M. 60 (fig. 5F). Descoperit la marginea nordică a caroului 10, la adâncimea de 0,55-0,60 m. Conturul gropii nu a fost surprins. Orientarea V(270°)-E. Scheletul se afla întins pe spate cu brațele pe abdomen. A fost atribuit unei femei cu vârsta la deces de cca 50 ani (*maturus avansat*). Suprapunea parțial M.59, din care cauză a fost deplasat craniului celui din urmă. Inventar:

1. Nasture globular de argint găsit în zona craniului la adâncimea de 0,66 m.

M. 61 (fig. 5G). Aflat la joncțiunea dintre carourile 2, 3, 14 și 15. Scheletul a fost parțial distrus (iliacul și piciorul stâng) de un șanț modern surprins și în secțiunile anterioare. În poziție anatomică s-au păstrat piciorul drept și partea dreaptă a bazinului. Craniul, cutia toracică și membrele superioare au avut de suferit din cauza lucrărilor agricole. Conturul gropii a fost fixat doar pentru partea de sud pe lungimea de 1 m. În partea de est a gropii a fost înregistrată adâncimea de 0,25 m, în regiunea bazinului aceasta fiind de 0,04 m. Astfel, fundul gropii este oblic. Defunctul de sex masculin, cu vârsta la deces de 25-30 ani (*adultus*), a fost depus pe spate în poziție întinsă, orientat cu capul spre V. La distanța de 0,40 m nord de calcaneul piciorului drept s-a găsit o aglomerație de oase, care probabil provin din partea stângă a bazinului, mișcate în timpul săpării unui șanț modern. Inventarul lipsește.

M. 62 (fig. 5G). Distrus. Surprins la adâncimea de 0,3 m, la limita carourilor 8 și 9. S-a păstrat doar craniul fragmentar, humerusul, radiusul, cubitusul și mâna dreaptă. Scheletul, aparținând unui copil de 8-9 ani (*infans II*), a fost distrus de unele intervenții în sol, probabil în timpul săpării gropilor mormintelor 63 sau 66. Poziția și orientarea scheletului nu poate fi stabilită din cauza deranjamentelor. Fără inventar.

M. 63 (fig. 5H). Descoperit la adâncimea de 0,48-0,52 m, la limita carourilor 8-9. Orientarea VSV(230°)-ENE. Groapa mormântului a fost surprinsă doar pe latura nordică unde atinge adâncime de cca 0,06 m. Umplutura constituie un amestec de sol cenușiu. Oasele gambelor și labelor picioarelor se aflau sub peretele estic al secțiunii. Scheletul era întins pe spate, craniul întors pe partea stângă, brațele îndoite din coate, mâna dreaptă adusă pe iliacul stâng, iar cea stângă pe partea superioară a abdomenului. Sex: *masculin*. Vârsta la deces: cca 25-30 de ani (*adultus*). Fără inventar.

M. 64 (fig. 5I). Parțial distrus. Găsit în caroul 2, la adâncimea de 0,30 m. În poziție anatomică s-au păstrat doar oasele picioarelor și partea dreaptă a bazinului. Au mai fost găsite humerusul stâng și ulna, deranjate și deplasate de lucrările agricole. Conturul gropii nu s-a păstrat. Scheletul a fost depus în decubit dorsal, orientat spre VSV(240°)-ENE. Sex: *masculin*. Vârsta la deces:

50-55 ani (*maturus avansat*). Fără inventar.

M. 65 (fig. 5F). Descoperit la joncțiunea carourilor 9, 10, 21 și 22, la adâncimea de 0,62 m. Scheletul de copil a fost parțial deranjat de groapa mormântului 60, partea inferioară fiind distrusă, iar oasele deplasate în dreapta scheletului din mormântul 60. Defunctul a fost depus pe spate cu capul spre V(250°). Sex: indeterminabil. Vârsta la deces: 12-18 luni (*infans I*). Oasele scheletului au fost parțial distruse de factorii tafonomici, dar s-a putut stabili poziția brațului stâng, care avea palma așezată pe iliacul stâng. Craniul nu s-a păstrat, fiind găsite doar unele fragmente mici. Oasele picioarelor se aflau la 0,60 m nord de schelet. Conturul gropii nestabilit. Inventar:

1-2. Doi cercei din argint lucrați în tehnica filigranului.

3. Mărgel globulare din sticlă și pastă ceramică cu email.

4. Nasture globular din argint sau bronz.

M. 66 (fig. 6A). Se afla în carourile 9 (partea inferioară) și 21 (craniul și partea superioară a cutiei toracice). Scheletul de matur a fost înregistrat la adâncimea de 0,40-0,55 m. Groapa mormântului a fost surprinsă doar pe latura vestică unde atinge adâncime de cca 0,07 m. Umplutura constituie un amestec de sol cenușiu. Orientarea VSV(230°)-ENE. Scheletul era întins pe spate, craniul pe ceafă, brațele ușor îndoite din coate aveau palmele aduse pe bazin și abdomen. Sex: *feminin*. Vârsta la deces: 40-45 ani (*maturus*). Fără inventar.

M. 67 (fig. 6B). Se afla în secțiunea V, la joncțiunea dintre carourile 20 și 21, la adâncimea de 0,36 m. Conturul gropii nu s-a păstrat. Scheletul de copil cu vârsta de 18-24 luni (*infans I*) era orientat V(250°)-E și aflat în poziție decubit dorsal cu brațele pe abdomen. S-au păstrat oasele craniului, câteva oase din membrele superioare, coaste. Sex: indeterminabil. Inventar:

1. Mărgică din pastă de lut cu decor realizat din email.

M. 68 (fig. 6C). Deranjat din vechime. Descoperit în caroul 17 la adâncimea de 0,38 m (craniul) și de 0,50 m (picioarele). Conturul gropii nu a fost sesizat. Umplutura constituia un sol argilos de culoare galbenă. Defunctul de sex masculin, cu vârsta la deces de 18-20 ani (*juvenis*), a fost plasat întins, orientat cu capul spre V. Conform poziției oaselor în momentul descoperirii, putem spune că scheletul a suferit o intervenție la câțiva ani

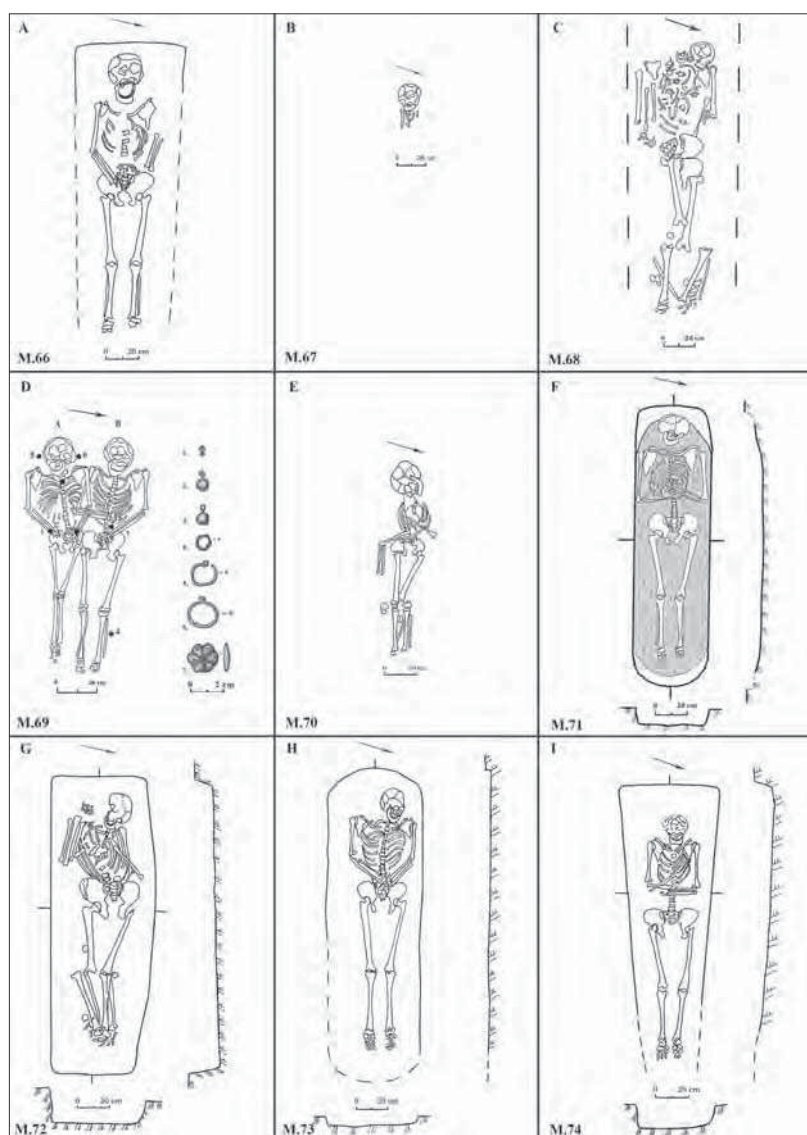

Fig. 6. Mormintele 66 (A), 67 (B), 68 (C), 70 (E), 71 (F), 72 (G), 73 (H), 74 (I) și mormântul dublu 69 (D).

Fig. 6. Graves 66 (A), 67 (B), 68 (C), 70 (E), 71 (F), 72 (G), 73 (H), 74 (I) and the double grave 69 (D).

după înhumare; nu lipsesc părți din schelet, oasele aflându-se relativ pe același loc, însă aproape toate au fost mișcate, răsucite sau întoarse. După răvășirea mormântului, probabil în scop ritualic, groapa a fost astupată. Inventar:

1. Fragmente de la un nasture din bronz.

M. 69 (A, B) (fig. 6D). În mormântare dublă, ce conținea două schelete de copii. Descoperit în caroul 20, la adâncimea de 0,32 m. Orientarea VSV (255°)-ENE. Scheletele erau așezate alături. Conturul gropii n-a putut fi delimitat. În umplutură și sub schelet au fost găsite câteva fragmente de cărbune de lemn.

A. Scheletul atribuit unui copil de 6-7 ani (*infans I*) se afla în decubit dorsal, picioarele întinse, oasele gambelor apropiate. Brațele îndoite ușor din coate cu palmele plasate pe bazin în regiunea osului sacru. Brațul stâng parțial suprapune brațul drept al scheletului 69
B. Inventar:

- 1-3. Doi nasturi globulari din bronz sau argint, descoperiți la încheieturile palmelor, și unul de argint fragmentat, descoperit în zona gâtului.

3. Verigă de tâmplă din argint, găsită în zona în partea stângă a gâtului,

B. Schelet de copil de 9-10 ani (*infans II*) așezat în poziție întins pe spate, brațul stâng îndoit din cot și aranjat pe partea inferioară a abdomenului, iar cel drept puternic îndoit din cot și amplasat cu palma pe piept. Picioarele defunctului erau întinse și alăturate. Se afla alături de M.69A, în partea stângă a acestuia, la aceeași adâncime. Inventar:

1. Verigă din fier, cu diametrul de 1 cm.

2. Aplică din bronz sau argint, în formă de rozetă cu 6 petale, descoperită în zona bazinului.

M. 70 (fig. 6E). Descoperit în casele 1 și 2 ale caroului 27, la adâncimea de 0,25-0,30 m. Orientarea V-E. Groapa de formă trapezoidală, cu lungimea de 1,39 m, lățimea la cap de 0,43 m și la picioare de 0,30 m, a putut fi delimitată doar parțial și avea dâncimea de 0,5-0,7 m. Umplutura consta din sol cenușiu amestecat cu lut. Scheletul aparținea unui copil de 12-13 ani (*infans II*). Craniul era întors pe partea dreaptă, cu oasele mâinilor deplasate. Humerusul și antebrațul drept erau mișcate spre zona abdomenului și a bazinului, iar mâna stângă era așezată pe osul sacru. Picioarele întinse și apropiate. Cutia toracică ușor mișcată spre latura nordică a gropii. Fără inventar.

M. 71 (fig. 6F). Identificat în partea nordică a caroului 18, la adâncimea de 0,30 m. Groapa era de formă aproximativ rectangulară, cu dimensi-

unile de 1,75x0,50 m. Umplutura reprezenta sol cenușiu amestecat cu lut. Oasele erau relativ bine păstrate. Defunctul era un individ de gen feminin de 55-60 ani (*maturus avansat*), fiind depus întins pe spate, cu brațele îndoite din coate și așezate pe piept, picioarele drepte, alăturate. Craniul ușor aplecat spre stânga, orientat spre V. Fundul gropii a fost acoperit cu un strat compact de cărbune de lemn ars, cu grosimea de 2-4 cm. Defunctul a fost depus pe acest așternut, însă urme de combustie ale cadavrului nu au fost înregistrate. Cărbunii, probabil au fost depuși încinși, dar după astuparea gropii aceștia s-au stins fără a afecta în vreun fel corpul înhumatului. Prezența cărbunilor este legată, după toate probabilitățile, de unele obiceiuri de purificare a gropii sepulcrale. Inventarul lipsește.

M. 72 (fig. 6G). Aflat în caroul 27 și parțial în caseta 1, la adâncimea de 0,25 m. Orientarea VSV-ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu dimensiunile de 1,89x0,68x0,53 m, a fost surprinsă la adâncimea de 0,15 m. Umplutura reprezenta sol cenușiu amestecat cu lut, fiind găsit un ciob de vas lucrat cu mâna cu buza răsfrântă. Scheletul, atribuit unui bărbat matur de 40-50 ani, se găsea pe spate, cu brațele îndoite din cot și aduse spre umăr, picioarele întinse și alăturate. Craniul a fost răsturnat pe partea stângă de lucrările agricole, fiind deplasată și coloana vertebrală. Inventarul lipsă.

M. 73 (fig. 6H). Identificat în caroul 23 și caseta 3, la adâncimea de 0,50 m (craniul). Conturul gropii a fost fixat la cota de minus 0,70 m. Groapa de formă rectangulară cu laturile scurte arcuite, lățimea fiind de 0,53 m, iar adâncimea de 0,10 m. Umplutura era alcătuită din sol brun în amestec cu lut galben, în care s-au găsit câteva fragmente mici de cărbune de lemn. Orientarea SV(230°)-ENE. Scheletul, aparținând unei persoane de gen masculin cu vârsta de 60-65 ani (*senilis*), era depus întins pe spate, cu craniul aflat pe ceafă cu privirea spre est și cu palmele așezate pe abdomen. Nu avea inventar.

M. 74 (fig. 6I). A fost găsit în caroul 22 și caseta 3. Orientarea VSV(230°)-ENE. Groapa, de formă trapezoidală, s-a surprins la adâncimea de 0,66 m, adâncimea gropii propriu-zise fiind de 0,15 m. Umplutura gropii constă din sol brun compact. Oasele erau slab păstrate, craniul fiind parțial distrus. Defunctul, un individ de sex feminin cu vârsta de 25-30 ani (*adultus*) a fost depus întins pe spate, cu brațele așezate pe abdomen. Inventarul funerar lipsește.

M. 75 (fig. 7A). Depistat în caroul 20 și caseta 4. Orientarea VSV-ENE. Conturul gropii nu a fost surprins. Scheletul, atribuit unui copil de 10-12 ani (*infans II*), se afla la adâncimea de 0,47 m. Defunctul a fost depus întins pe spate, cu capul plecat pe tâmpla stângă și mâna dreaptă pe abdomen. Partea stângă este deranjată (brațul stâng, omoplat, femurul). Inventar:

1. Verigă de bronz.

M. 76 (fig. 7B). Scheletul, aparținând unui bărbat de 50-55 ani (*maturus avansat*) a fost găsit în carourile 7, 8 și 19, la adâncimea de 0,65 m. Groapa, de formă trapezoidală cu lungimea de 2,15 m, lățimea la cap de 0,73 m și la picioare de 0,56 m, a fost surprinsă la adâncimea de 0,50 m. Defunctul a fost depus întins pe spate, cu mâinile pe torace. Coloana vertebrală s-a păstrat parțial. Orientarea VSV(240°)-ENE. Umplutura gropii reprezenta sol brun închis, în componența căruia s-au găsit urme de cărbune de lemn ars. Inventar:

1-2. Doi nasturi globulari din bronz sau argint.

M. 77 (fig. 7C). Descoperit în caroul 19, caseta 4 la adâncimea de 0,43 m. Groapa s-a surprins parțial, doar latura ei de sud, adâncimea fiind de 0,18 m. Umplutura gropii – sol gălbui închis cu pigmenți de cernoziom, în care s-au găsit fragmente de cărbune de lemn și o bucată de lut ars. Scheletul, atribuit unui individ de gen masculin, era întins pe spate, cu brațele îndoite și puse pe piept. Orientarea V(255°)-E. Craniul păstrează urmele unei trepanații fără perforare (simbolică) în zona centrală a osului frontal. Vârsta la deces: 55-60 ani (*maturus avansat*). Fără inventar.

M. 78 (fig. 7D). Descoperit la adâncimea de 0,33 m, la joncțiunea carourilor 18-19, și în caseta 4. Conturul gropii a fost surprins doar pe laturile de nord și vest, adâncimea înregistrată fiind de 0,13 m. Umplutura gropii constă din lut și sol cenușiu. Scheletul s-a păstrat bine, în poziție anatomică. Orientat V(250°)-E. Defunctul era un bărbat de 55-60 ani (*maturus avansat*). A fost depus în decubit dorsal, cu palmele pe piept. Capul lăsat pe ceafă cu privirea spre est. În regiunile temporale ale craniului au fost observate excavații ce provin de la trepanații, probabil, efectuate postmortem.

M. 79 (fig. 7E). A fost identificat în carourile 15-16 la adâncimea de 0, 40-0,45 m. Groapa avea forma rectangulară, cu laturile ușor rotunjite. Orientarea VSV(180°)-ENE. Scheletul, prost

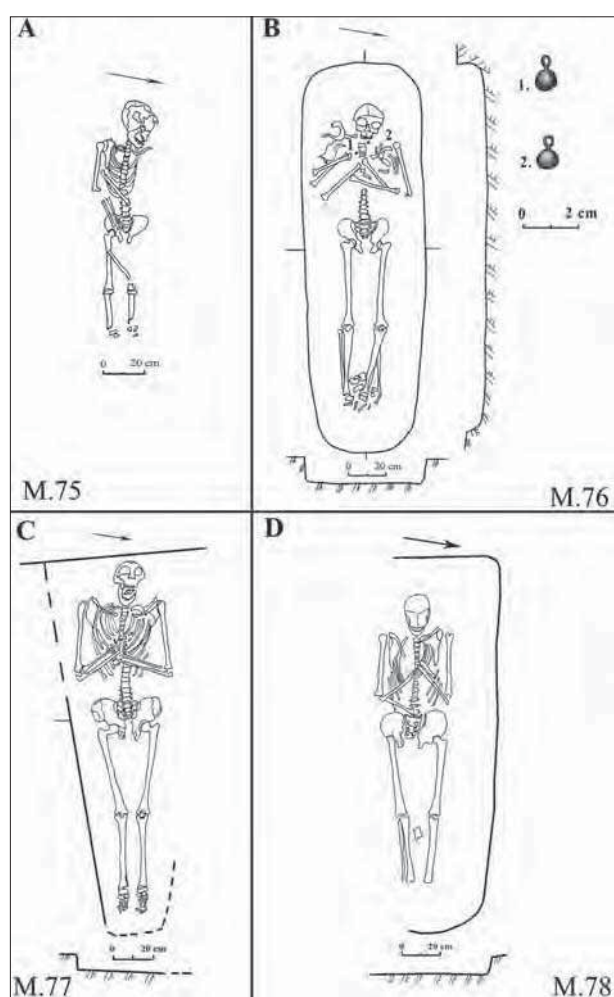

Fig. 7. Mormintele 75 (A), 76 (B), 77 (C) și 78 (D).

Fig. 7. Graves 75 (A), 76 (B), 77 (C) and 78 (D).

conservat, aparținea unei femei de 45-50 ani. Defunctul a fost depus în poziție decubit dorsal, cu capul așezat cu privirea în sus. Oasele brațelor și antebrățelor nu erau în poziție anatomică, însă s-a putut stabili amplasarea palmelor pe torace și abdomen. Inventarul lipsă.

M. 80 (fig. 8B). În caroul 16, la adâncimea de 0,60, s-a descoperit craniul unui defunct depus în decubit dorsal cu privirea spre răsărit. Scheletul, atribuit unei femei mature de 40-50 ani, era în conexiune anatomică, fiind orientat V-E. Craniul era aplecat pe partea stângă, oasele bazinului și vertebrele lombare fiind deplasate. În zona gâtului au fost identificate fragmente de oxizi de bronz, care aparțin probabil unui nasture globular, aflat la distanța de 0,40 m de la latura de vest a caroului. Lungimea scheletului nu a putut fi stabilită. În zona picioarelor și în partea dreaptă a scheletului, mor-

mântul a fost suprapus de M.95. În zona craniului, gâtului și a picioarelor s-a găsit cărbune de lemn.

M. 81 (fig. 10A). A fost descoperit în caroul 16, la adâncimea de 0,47 m. Conturul gropii nu s-a observat. Scheletu, aparținând unui copil de 2,5-3 ani, este într-o stare precară de păstrare. Au putut fi fixate doar unele oase parietale și occipitale ale craniului, humerusul, antebratul drept și câteva fragmente ale cutiei toracice. În zona toracelui s-au descoperit fragmente de cărbune ars. Fără inventar.

M. 82 (fig. 10B). A fost identificat în caroul 9, la adâncimea de 0,38 m de la nivelul actual de călcare. Conturul gropii nu a putut fi identificat. Din scheletul unui copil de 18-24 luni (*infans I*) s-au păstrat craniul fragmentat și unele părți ale coastelor, după care s-a putut stabili orientarea V-E a mormântului. Sex: indeterminabil. Inventar:

1. Nasture globular din bronz, găsit la 20 cm est de craniu, în apropiere de oasele coastelor.

M. 83 (fig. 10C). Descoperit în caroul 9, la distanța de 0,60 m la est de mormântul 82, la adâncimea de 0,43 m. Conturul gropii nu a putut fi stabilit. Orientarea V-E. Scheletul, atribuit unui copil de 18-24 luni (*infans I*), era distrus, având păstrate doar părți din oasele craniului și alte oase mici răzlețe. Inventarul lipsă.

M. 84 (fig. 8C). A fost înregistrat în carourile 2 și 9, la adâncimea de 0,40 m. Groapa era de formă rectangulară cu coțurile rotunjite și avea adâncimea de 0,40 m de la nivelul identificării și orientarea generală V-E. Umplutura gropii era compusă din sol brun-deschis, compact. Scheletul, aparținând unei adolescente de 6-18 ani, se afla pe spate, cu mâinile așezate pe bazin și picioarele întinse și alăturate. În umplutura gropii s-au descoperit câteva fragmente de cărbune, un fragment de vas ceramic de tip Hoarda de Aur și un ciob de vas ceramic din pastă cenușie, iar la adâncimea de 0,30 m, în apropiere de latura de sud a caroului, a fost găsită o piatră din gresie rectangulară cu urme de prelucrare. În interiorul maxilarului superior s-au descoperit fragmente de cărbune. Inventar:

1. Pandantiv(?) de forma unui degetar din argint, descoperit în zona falangelor palmei drepte.

M. 85 (fig. 8A). A fost descoperit la adâncimea de 0,46 m, în colțul nordic al caroului 16. Groapa și orientarea neprecizate. Din scheletul unui copil de 2-4 ani (*infans I*) s-au păstrat doar unele fragmente mici ale craniului și câteva verte-

bre. Mormântul suprapune scheletul M.79 în zona labelor picioarelor. Fără inventar.

M. 86 (fig. 10D). A fost identificat în caroul 21, la adâncimea de 37 cm. Groapa și orientarea nedeterminate. Scheletul, aparținând unui copil cu vârsta la deces de 4-5 luni (*infans I*), era distrus în mare parte, fiind recuperate doar câteva fragmente din craniu. Inventarul lipsă.

M. 87 (fig. 10G). A fost înregistrat în caroul 22, la adâncimea de 0,58 m de la nivelul actual de călcare. Groapa nesesizată. Orientarea V-E. Din scheletul unui copil de cca 3 ani (*infans I*) s-au păstrat craniul, humerusul drept și stâng, precum și unele fragmente ale cutiei toracice, după poziția cărora s-a putut stabili că defunctul a fost depus în decubit dorsal, cu brațele pe abdomen. Inventar nu a fost găsit.

M. 88 (fig. 8D). A fost descoperit în carourile 12 și 13, la adâncimea de 0,58 m de la nivelul actual de călcare. Conturul gropii n-a putut fi stabilit. Orientarea VSV(280°)-ENE. Scheletul, atribuit unei persoane mature de sex masculin de 40-50 ani, era bine păstrat și se afla în decubit dorsal, cu palmele aduse pe partea superioară a toracelui. Craniul era căzut pe partea stângă cu privirea spre est, având partea temporală distrusă. Fără inventar.

M. 89 (fig. 8E). A fost identificat în carourile 21 și 22 la adâncimea de 0,58 m (craniul). Conturul gropii a putut fi observat la adâncimea de 0,55 m de la nivelul actual de călcare. Groapa avea formă dreptunghiulară, cu dimensiunile de 0,6x1,9 m. Orientarea V(280°)-E. Scheletul era relativ bine păstrat, aflându-se în poziție întinsă pe spate, cu brațele pe abdomen și privirea în sus. În zona bazinului au fost identificate urme de țesătură oxidată de culoare verzuie. Sex: *feminin*. Vârsta la deces: 35-40 ani (*maturus I*). Inventar:

- 1-2. Mărgele, una din pasta de lut de decor, alta din coral(?).
3. Nasture globular din bronz.
- 4-5. Cercei din bronz.
6. Pandantiv(?) de forma unui degetar de argint.

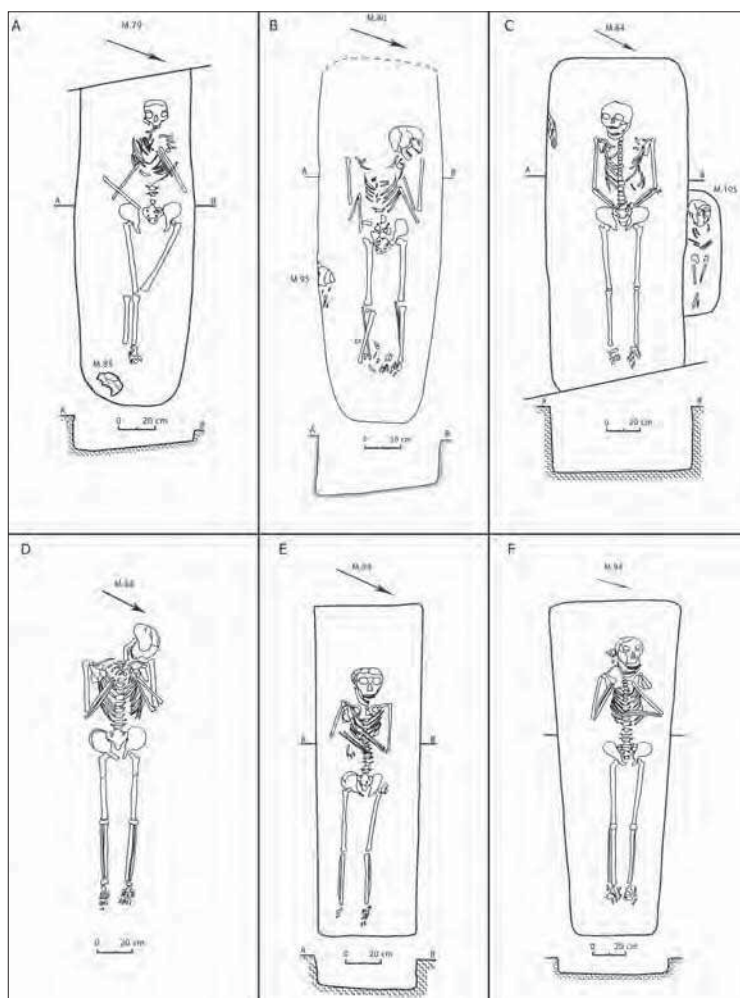

Fig. 8. Mormintele 79(A), 80 (B), 84, 105 (C), 88 (D), 89 (E) și 94 (F).

Fig. 8. Graves 79 (A), 80 (B), 84, 105 (C), 88 (D), 89 (E) and 94 (F).

M. 90 (fig. 10H). A fost descoperit în caroul 11, la adâncimea de 0,45 m. Conturul gropii nu s-a surprins. Scheletul, atribuit unui copil de 2-2,5 ani (*infans I*), se afla într-o stare precară de conservare. Au putut fi recuperate doar oasele craniului, partea stângă a bazinului, femurul stâng, tibia, ulna piciorului drept, oase răzlețe ale cutiei toracice. Defunctul a fost depus întins pe spate cu palmele pe abdomen. Craniul este căzut pe tâmpla dreaptă. Orientarea: VSV(260°)-SNE. Inventarul lipsește.

M. 91 (fig. 10I). Identificat în carourile 11 și 19, la distanța de 40 cm de mormântul 90, la adâncimea de 0,40 m. Conturul gropii nu a putut fi determinat. Scheletul, aparținând unui copil de 3,5-4 ani (*infans I*), era în parte distrus de acizii humici, fiind păstrate doar oase de la craniu, partea superioară a cutiei

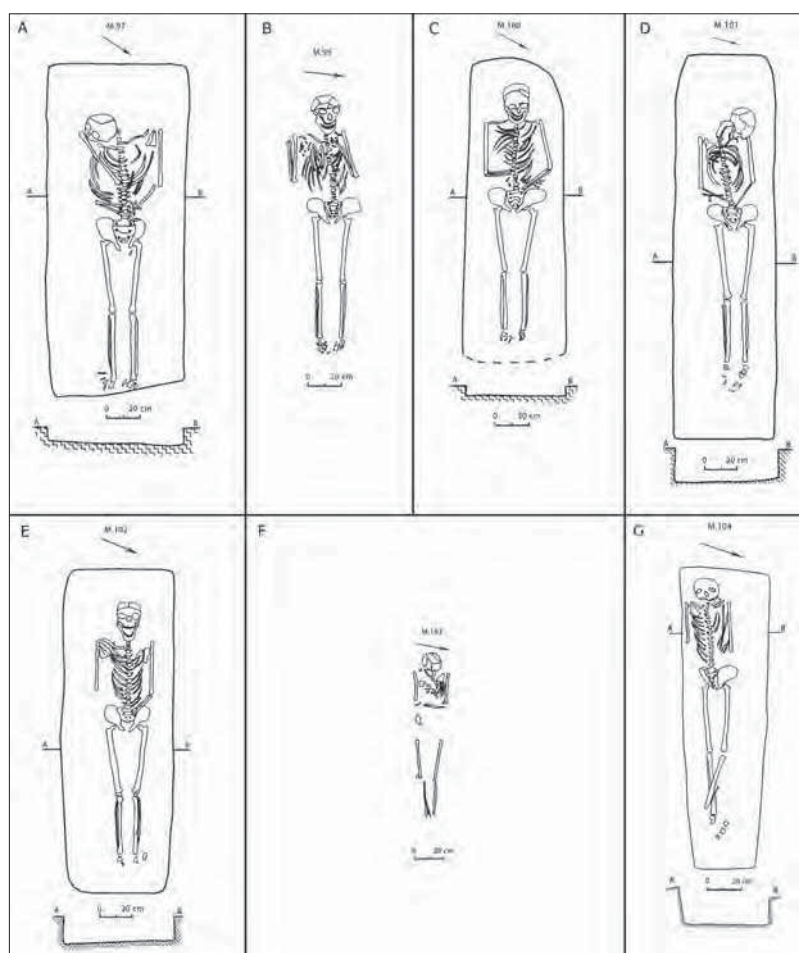

Fig. 9. Mormintele 97 (A), 99 (B), 100 (C), 101 (D), 102 (E), 103 (F) și 104 (G).

Fig. 9. Graves 97 (A), 99 (B), 100 (C), 101 (D), 102 (E), 103 (F) and 104 (G).

toracice, părți din bazin, brațul și piciorul drept. Defunctul a fost depus întins pe spate cu craniul pe ceață, orientat VSV(260°)-ENE. Inventar nu a fost găsit.

M. 92 (fig. 10J). Se afla în caroul 1, la adâncimea de 0,25 m de la nivelul actual de călcare. Conturul gropii nu a putut fi observat. Scheletul, atribuit unui copil de 3,5-4 ani (*infans I*), avea craniul deplasat în regiunea femurelor (deranjare târzie – lucrări agricole?). Defunctul a fost depus întins pe spate, cu palmele pe abdomen și iliace. Orientarea VSV(270°)-ENE. Inventar:

1. Nasture globular din argint lucrat în tehnica filigranului, descoperit pe coloana vertebrală în regiunea toracelui.

M. 93 (fig. 10K). S-a descoperit în caroul 18, la adâncimea de 0,34 m. Scheletul aparținea unui copil de 18-24 luni (*infans I*), având lungimea

păstrată de 43 cm. Au fost găsite fragmente din craniu, vertebre, brațul stâng și antebraț, bazinul (partea stângă) și femurele. Inventarul lipsă.

M. 94 (fig. 8F). A fost identificat în carourile 5-6, la adâncimea de 0,35 m. Groapa de formă trapezoidală, cu dimensiunile de 0,50-0,88x2,10 m. Umplutura gropii consta din pământ negru-cenușiu, compact, granulat, în care s-a găsit un fragment de ceramică gălbuie-roșiatică de tip Hoarda de Aur. Scheletul, aparținând unei femei de 40-45 ani (*maturus*), se găsea pe spate în poziție întinsă, cu mâna stângă așezată pe abdomen, iar dreapta pe claviculă. Inventar:

1-2. Doi nasturi globulari din bronz.

3. Verigă sau cercel din argint(?).

4. Cercel din argint.

M. 95 (fig. 8B). A fost înregistrat în caroul 16, la adâncimea de 0,49 m, în umplutura gropii

M.80, în apropiere de latura lui sudică, în partea dreaptă a bazinului scheletului M.80. Mormântul era distrus și aparținea unui copil de 6-12 luni (*infans I*). Între cele două schelete se afla un strat de sol brun-deschis. Orientarea V-E. S-au păstrat fragmente mici din craniu și câteva oase tubulare ale membrilor superioare și inferioare, după care s-a putut determina orientarea și poziția întinsă pe spate a defunctului. Inventar nu a fost găsit.

M. 96 (fig. 10E). A fost descoperit în caroul 4, la adâncimea de 0,45 m. Groapa nesesizată. Orientarea V-E. Din scheletul unui copil cu vârsta la deces de 18-24 luni (*infans I*) s-au păstrat doar câteva oase de la craniu, cutia toracică și bazin. Inventar:

1-5. Cinci mărgelă din pastă de lut.

6. Fragmente oxidate de la un nasture globular din bronz.

M. 97 (fig. 9A). Identificat în caroul 3. Conturul gropii a fost sesizat la adâncimea de 30 cm, iar mormântul la 0,60 m de la nivelul actual de călcare. Umplutura gropii este reprezentată din

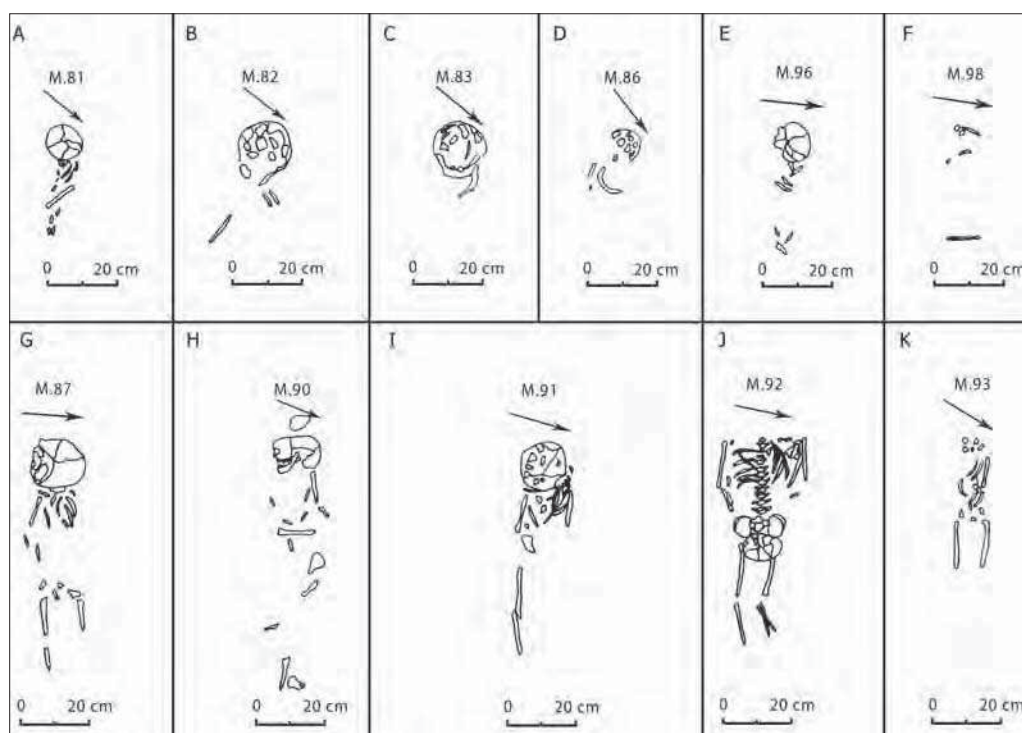

Fig. 10. Mormintele de copii 81 (A), 82 (B), 83 (C), 86 (D), 96 (E), 98 (F), 87 (G), 90 (H), 91 (I), 92 (J) și 93 (K).

Fig. 10. Graves of children 81 (A), 82 (B), 83 (C), 86 (D), 96 (E), 98 (F), 87 (G), 90 (H), 91 (I), 92 (J) and 93 (K).

sol brun-deschis în amestec cu lut galben. Oasele scheletului au fost găsite la adâncimea de 0,30 m (craniul). Defunctul adult a fost depus întins pe spate cu palmele pe abdomen. Craniul se afla pe ceafă cu privirea spre sud. Pe osul occipital a fost observată o perforație (trepanație intra vitam). Orientarea: V-SV(270°). Scheletul era bine păstrat. Sex: masculin. Vârsta la deces: 40-45 ani (*maturus*). Inventarul funerar lipsește.

M. 98 (fig. 10F). A fost depistat în caroul 18, la adâncimea de 0,30 m. Conturul gropii nu a fost surprins. Orientarea: V-E (cu o ușoară deviere spre sud). Fragmente de la un schelet de copil cu vârsta la deces de 2-3 ani (*infans I*) s-au găsit pe o distanță de 47 cm. Poziția scheletului era în decubit dorsal. S-au păstrat fragmente de la o tibie, coaste și craniu. Inventar nu a fost găsit.

M. 99 (fig. 9B). Descoperit la joncțiunea carourilor 14 și 22; avea adâncimea de 0,70 m. Conturul gropii nu a putut fi delimitat. Defunctul, un individ de sex masculin cu vârsta la deces de 45-55 ani (*maturus*), a fost depus în decubit dorsal, cu palmele pe partea superioară a toracelui. Craniul era căzut ușor pe tâmpla stângă cu privirea spre E. Orientarea: V(290°)-E. Nu avea inventar.

M. 100 (fig. 9C). Se afla la limita carourilor 6

și 7, la adâncimea de 0,75 m Groapa de formă rectangulară cu colțurile puternic rotunjite și adâncimea de 0,06 m de la nivelul identificării. Orientarea V (270°)-E. Defunctul, o persoană de gen feminin de 40-50 ani (*maturus*), a fost depus pe spate în poziție întinsă, cu craniul pe ceafă cu fața în sus și brațele pe abdomen. Fără inventar.

M. 101 (fig. 9D). A fost înregistrat în caroul 10, la adâncimea de 0,30 m. Gropa de formă rectangulară, cu orientarea VSV(270°)-ENE și adâncimea de 0,30 m de la nivelul identificării. Umplutura gropii reprezintă sol brun-deschis, în amestec cu lut galben. Defunctul, un individ de sex masculin cu vârsta de 20-25 ani (*adultus*), a fost depus întins pe spate, cu mâinile pe abdomen și capul aplecat spre umărul stâng cu privirea spre S. Fără inventar.

M. 102 (fig. 9D). S-a descoperit în carourile 9 și 17, la adâncimea de 0,60 m. Groapa avea formă trapezoidală cu colțurile rotunjite și adâncimea de 0,16 m de la nivelul identificării și de 0,76 m de la suprafața solului. Umplutura gropii prezenta sol brun-deschis în amestec cu lut. Orientarea VSV (260°)-ENE. Scheletul, aparținând unui bărbat matur de 35-40 ani, se găsea întins pe spate cu craniul pe ceafă cu privirea spre E și mâinile pe abdomen. Fără inventar.

M. 103 (fig. 9F). Se afla în caroul 18 (partea inferioară – bazinul și picioarele). Craniul și toracele intrau sub peretele de SV al secțiunii. Pentru a fi cercetat a fost trasată o casetă de 1,00x0,50 m. Scheletul se afla la adâncimea de 0,70 m de la nivelul actual de călcare. Groapa nedelimitată. Orientarea VSV-ENE. Defunctul, un copil de 10-11 ani (*infans II*), a fost depus în decubit dorsal, cu brațele pe abdomen și craniul ușor aplecat spre stânga. Starea de conservare a scheletului era precară. În interiorul maxilarului superior și în zona cutiei toracice s-au găsit cărbuni de lemn. Inventar:

1. Verigă din bronz cu capetele unite ușor suprapuse, dintre care unul prevăzut cu o răsucire în formă de buclă, găsită în partea dreaptă a tâmpiei.

M. 104 (fig. 9G). A fost identificat la limita carourilor 19 și 20. Conturul gropii a fost sesizat la adâncimea de 0,65 m. Groapa avea formă trapezoidală, cu dimensiunile de 0,32-0,48x1,70 m, fiind orientată VSV-ENE. Umplutura gropii era compusă din sol brun în amestec cu lut. Defunctul, un individ de gen feminin cu vârsta de 45-55 ani (*maturus*), a fost depus întins pe spate, brațele puternic îndoite din coate cu palmele aduse pe partea superioară a toracelui. Craniul se afla pe ceafă cu privirea spre est. Inventar nu a fost găsit.

M. 105 (fig. 8C). A fost descoperit în caroul 2, la adâncimea de 0,45 m. Mormântul unui copil cu vârsta la deces de 18-24 luni (*infans I*) a fost surprins în profilul laturii de nord a gropii M.84, mai sus cu 15 cm de fundul gropii. Scheletul parțial distrus se găsea în decubit dorsal, cu capul orientat spre V. Inventarul lipsă.

M. 106. A fost identificat în carourile 21-22. Mormântul, mai exact picioarele unui schelet, au fost surprinse la adâncimea de 0,70 m. Restul scheletului intra sub talazul sud-vestic al săpăturii, din această cauză nu a putut fi cercetat. A fost conservat pentru a fi cercetat ulterior.

RITUL ȘI PRACTICILE FUNERARE

Referindu-ne la ritul și ritualurile de înmormântare practicate de comunitatea ce și-a îngropat semenii în cimitirul medieval de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii* din valea Bucovățului, putem preciza că s-au făcut observații cu privire la forma gropilor funerare, la adâncimea la care au fost înhumați decedații, la poziția corpului, orientare și obiectele care îi însoțeau, practica depunerii cărbunilor, dar și la distribuirea mormintelor în cuprinsul cimitirului ș.a.

Cele 52 de de înhumări înregistrate în campaniile din 2014-2015 aparțin unei comunități locale creștine. Ritul practicat de către populația din această așezare era înhumarea defuncților, rit comun întregului spațiu creștin, înrădăcinat prin practică și tradiție, fără a fi însă o problemă de dogmă, ci doar de drept simplu bisericesc [Prelipcean 1962]. Astfel, morții (copii și adulți) erau înmormântați potrivit ritualului tradițional creștin, având orientarea vest-est. Prin urmare, defuncții erau culcați pe spate, cu capul la vest, privirea spre răsărit și cu picioarele întinse la est, brațele îndoite din cot, așezate pe piept, abdomen sau pe umeri.

Cu referire la nivelul de la care s-a făcut înhumarea, nu dispunem de toate informațiile necesare, întrucât lucrările agricole și erodarea solului au afectat o bună parte din stratul arheologic al sitului. Prin urmare, putem doar constata adâncimea gropilor mormintelor care este destul de redusă, variind între 0,20 și 0,90 m de la nivelul actual de călcare a solului, terenul fiind în pantă.

În ceea ce privește felul în care au fost săpate gropile funerare în cimitirul de la Lozova, nu se constată deosebiri marcante. Mormintele erau simple, de formă trapezoidală sau rectangulară, cu pereții verticali și colțurile rotunjite, fiind săpate după dimensiunile defunctului, prin urmare corpul acoperea aproape în întregime fundul gropii. Mormintele simple reprezintă o caracteristică a necropolelor din această perioadă, folosite mai ales de către comunitățile din spațiul rural, având ca exemplu necropolele de la Sadova [Gorodenco, Gukin 2001], Hudum [Spinei, Popovici 1985, Spinei, Popovici 1988], Dărmănești [Spinei 1969, 216] ș.a. O situație diferită se observă în necropola de pe *Câmpul Șanțurilor* de la Suceava, unde au fost constatate cinci tipuri de morminte², diferențiere care sugerează situația socială a comanditarilor lor [Batariuc 1993, 232].

Urme de sicrie (resturi lemnoase sau cuie) nu au fost reperate deocamdată, fapt care nu prezintă o excepție. O situație similară întâlnim și în alte necropole medievale din Moldova, cum ar fi

2. În cuprinsul acestei necropole au fost descoperite morminte în gropi simple, cele mai numeroase; morminte acoperite cu lespezi de piatră, morminte a căror suprafață este delimitată de o îngrăditură de lespezi sau cărămizi dispuse vertical; morminte cu schelete reînhumate, la care nu s-au observat contururile gropii, nici urme de sicriu, toate oasele fiind grupate la un loc, ultima categorie de morminte fiind cavourile, construite din cărămidă.

spre exemplu, cea de la Vornicenii Mari, unde autorii cercetărilor constată fără excepție că gropile mormintelor nu conservă urme de sicrie [Matei, Emandi 1980, 586]. O altă situație se constată în necropola cea mai apropiată ca distanță dintre cele cercetate, și anume în cea de la Sadova, unde autorii cercetărilor au identificat în umplutura mai multor morminte putregai de lemn, care provenea de la sicrie [Gorodenco, Gukin 2001]. La Hudum doar în 11 din cele 170 de morminte cercetate au fost identificate urme de sicrie [Spinei, Popovici-Baltă 1974, 124]. În necropola de pe *Câmpul Șanțurilor* de la Suceava au fost identificate urme de la sicrie doar în 45 din cele 150 de complexe studiate. Investigațiile arheologice din cuprinsul necropolelor medievale, atât cele din Moldova, cât și cele din Muntenia, au arătat că marea majoritate a înhumărilor se făceau fără sicriu [Batariuc 1993, 233].

Analiza distribuirii gropilor funerare în perimetrul cercetat al necropolei ne indică o densitate relativ mică a mormintelor, doar în câteva cazuri am constatat situații de suprapuneri parțiale. Acestea reprezintă în special înmormântări ale copiilor făcute total sau parțial peste cele de adulți fără a le afecta scheletele, gropile pentru copii fiind mai puțin adânci decât cele ale maturilor suprapuși. O înmormântare dublă (M.69) a fost identificată în caroul 20, la adâncimea de 0,32 m. Mormântul conținea două schelete de copii, amplasate unul alături de celălalt având poziții identice.

La o atentă analiză a distribuirii gropilor funerare descoperite în aceste două campanii, coroborate cu datele anterioare se constată dispunerea mormintelor în șiruri (fig. 4). Acest fapt face posibilă stabilirea în perimetrul cercetat al necropolei a unor grupuri de morminte ce au aparținut, probabil, unor familii. Dispunerea ordonată a mormintelor a fost observată și în cazul altor necropole creștine din Moldova, care au funcționat în perioada evului mediu. Un exemplu în acest sens este una dintre necropolele medievale de la Suceava (str. C. Dobrogeanu-Gherea), unde se constată dispunerea mormintelor cu o anumită ordine creând aspectul unui cimitir organizat sistematic [Foit 1987, 45]. Spre deosebire de această necropolă, în același oraș un alt cimitir care a funcționat în jurul bisericii de pe *Câmpul Șanțurilor* în perioada de la sfârșitul secolului al XIV-lea și până în primele trei decenii ale secolului al XVI-lea, fapt susținut de monedele descoperite acolo emise de

Petru I Mușat (1375-1391) și de Ludovic II Jagelo al Ungariei (1516-1526) se caracterizează printr-o densitate mare, cu suprapuneri pe mai multe nivele, dar fără o dispunere riguroasă în șiruri a mormintelor [Batariuc 1993, 233]. În necropola de la Hudum (jud. Botoșani) mormintele erau dispuse în șiruri nu prea regulate [Spinei, Popovici-Baltă 1974], situație atestată și la Dărmănești [Spinei 1969, 216], la Liteni, într-o perioadă mai târzie de funcționare a necropolei, înmormântările încep să se facă în șiruri [Matei, Emandi 1982].

Una dintre practicile legate de ritualurile de înmormântare, observată în Moldova secolului XIV-XV, era obișnuită pentru comunitatea creștină de la Lozova și ne referim aici la practica depunerii cărbunilor de lemn în morminte. Astfel, aici în mai multe complexe au fost găsite numeroase bucăți de cărbuni în zona capului, pe piept și abdomen, sau sub defunct. Această practică a fost atestată și în alte cimitire medievale din spațiul de la est de Carpați, cum ar fi cele de la Vornicenii Mari [Matei, Emandi 1980; 1982a, 118-119], Hudum [Spinei, Popovici-Baltă 1974, 128] sau în cel de la curtea boierească de la Giulești (jud. Suceava) [Bătrina et al. 1986, 245]. De asemenea, în unele morminte din cimitirul medieval de pe *Câmpul Șanțurilor* de la Suceava au fost găsite fragmente de cărbune pe fundul gropii, fapt pus în legătură cu slujba creștină de înmormântare, când conținutul cădelniței era aruncat în groapă [Batariuc 1993, 233].

Într-un singur caz (M.68) (fig. 6C) a fost înregistrat obiceiul deshumării și răvășirii oaselor scheletului. Această practică a avut loc la unu doi ani după înhumare, oasele fiind mișcate sau răsu-cite fără a fi deplasate substanțial sau scoase din mormânt. Practica deshumării este cunoscută la populațiile creștine, acest obicei fiind respectat pe Muntele Atos până astăzi. În unele sate din estul României a fost practică deshumarea până în secolul al XIX-lea care se făcea după trei, cinci sau șapte ani de la deces, în funcție de vârsta decedatului. Oasele se spălau cu apă și vin apoi erau duse la cimitir cu respectarea procesiunii funerare obișnuite. Un alt motiv al deshumării era de a împiedica transformarea decedatului în *strigoi* [Marian 1995]. Deocamdată informațiile arheologice asupra mormintelor cu schelete deranjate din vechime sunt puține, ceea ce face dificilă elucidarea apariției și semnificația fenomenului reînhu-

mării la populațiile creștine din spațiul carpato-nistrean.

INVENTARUL FUNERAR

Inventarul funerar este reprezentat de piese vestimentare sau de podoabă găsite câte una-două în câteva morminte, acestea fiind lucrate din fier, bronz și argint. Obiectele cele mai obișnuite sunt nasturii globulari folosiți la încheierea cămășilor la gât și a hainelor la piept. Aceștia sunt din metal, în majoritatea cazurilor din bronz și argint, au formă sferică cu o mică ureche de prins în partea superioară, ca formă și tehnică reprezintă un tip comun de obiecte de inventar pentru necropolele datate în secolele XIV-XV.

Inventarul funerar cuprinde, de asemenea, verigi de tâmplă, cercei din argint lucrați în tehnica filigranului, pandantive, mărgel globulare din sticlă și pastă ceramică cu email, o aplică din bronz sau argint, în formă de rozetă cu șase petale (fig. 11; 14), pandantive(?) în formă de degetare (fig. 12; 13) ș.a.

În ceea ce privește analogiile apropiate, am arătat și cu altă ocazie descoperirea unui cimitir si-

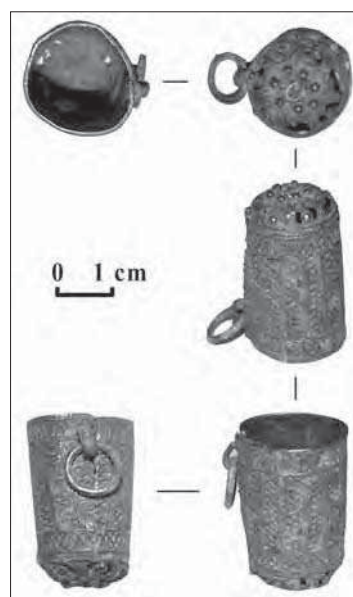

Fig. 12. Piesă din metal neferos descoperită în mormântul 84.

Fig. 12. Non-ferrous metal piece found in grave 84.

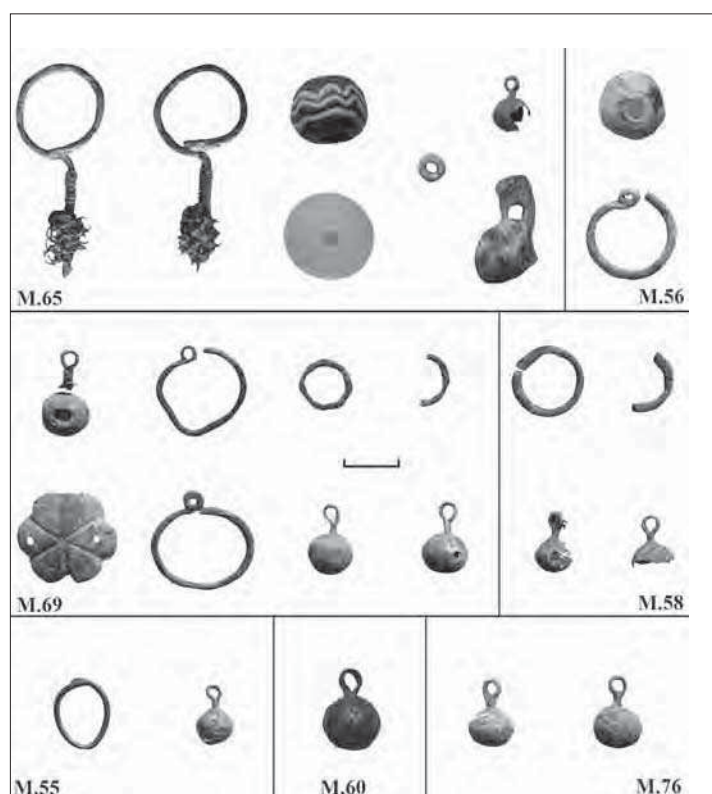

Fig. 11. Piese de podoabă și port descoperite în secțiunea V (mormintele 55, 56, 58, 60, 65 și 76).

Fig. 11. Pieces of ornaments and apparel in Section V (graves 55, 56, 58, 60, 65 and 76).

milar în împrejurimile comunei actuale Sadova (situată la cca 7 km N de Lozova). Această necropolă, cercetată prin câteva sondaje în anul 1990, este datată de către autorii săpăturilor în perioada sfârșitului de secol XIV – mijlocul secolului XV și pusă în legătură cu *Seliștea lui Tihomir*, menționată în aceeași danie din 25 aprilie 1420 a lui Alexandru cel Bun către vornicul Oană. Potrivit autorilor, au fost dezvelite 31 de morminte creștine, în care defuncții erau culcați pe spate, orientați cu capul spre vest, cu picioarele întinse. Inventarul este sărac: cinci nasturi globulari și două butoane (cu funcție de nasturi), care au o utilizare destul de lungă, în perioada secolelor XIV-XVI [Gorodenco 1997, 20; Gorodenco, Gukin 2001].

Piese de podoabă și port descoperite în cimitirului medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii, oferă unele elemente pentru stabilirea limitelor cronologice ale necropolei. Corespondențe destul de apropiate pentru o serie de piese de inventar descoperite la Lozova se găsesc însă în necropola medievală de la Trifești (jud. Iași), situată pe malul drept al Prutului Mijlociu și datată în secolele XIII-XIV [Ioniță 1962, 738; Spinei 1986] și în alte necropole din secolele XIV-XV.

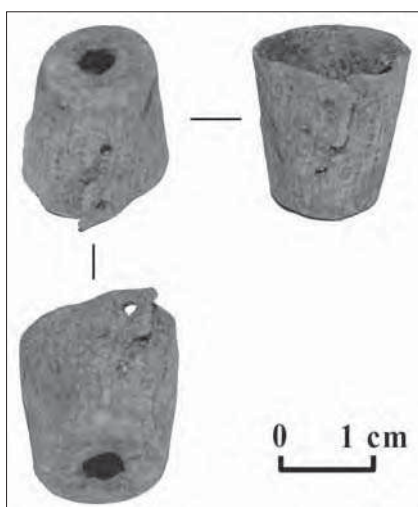

Fig. 13. Piesă din metal neferos descoperită în mormântul 89.

Fig. 13. Non-ferrous metal piece found in grave 89.

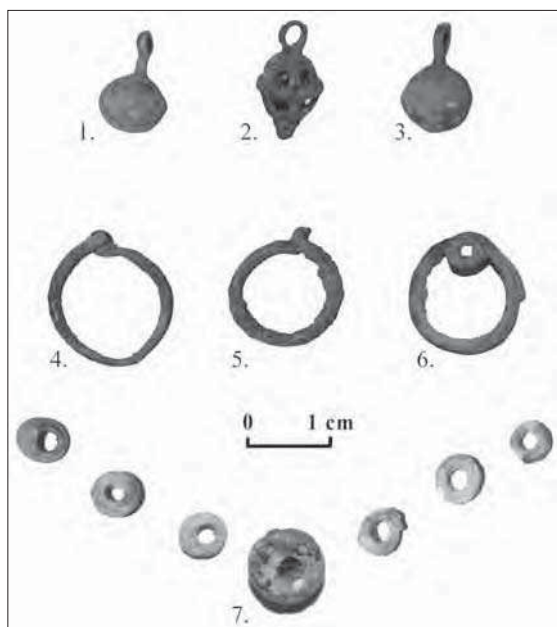

Fig. 14. Piese de podoabă din metal (1-6) și pastă de lut (7) din mormintele 92 (2), 94 (1,3,4,5), 96 (7) și 103 (6).

Fig. 14. Metal ornament pieces (1-6) and clay paste (7) found in graves 92 (2), 94 (1,3,4,5), 96 (7) and 103 (6).

DATE DEMOGRAFICE

Seriile de resturi scheletice descoperite în campaniile din 2014 și 2015, precum și cele recuperate anterior din cuprinsul necropolei, au fost studiate de către dr. Angela Simalcsik, care a prelevat importante date biometrice, urmate fiind de determinarea sexului și estimarea vârstei la deces, încadrarea tipologică și analiza paleopatologică. Astfel, datele obținute pentru seria scheletică stu-

diată se integrează în contextul demografic caracteristic perioadei medievale din Podișul Central Moldovenesc.

În ceea ce privește vârsta defuncților, potrivit rezultatelor determinărilor antropologice, iese în evidență mortalitatea ridicată în rândul populației subadulte. Prin urmare, mortalitatea în rândul copiilor mici și mari (*infans I* și *infans II*) pentru populația de la Lozova-La hotar cu Vornicenii este destul de ridicată (31,4%) [Simalcsik 2012, 320]. O situație asemănătoare a fost constatată și în cimitirul aparținând comunității creștine de la Sadova-Selișteea lui Tihomir, unde din totalul mormintelor cercetate (31), 10 aparțin copiilor, fapt ce confirmă și în acest caz un procent mare al morții infantile [Gorodenco, Gukin 2001]. La Hudum a fost observată, de asemenea, o mortalitate ridicată în rândul copiilor și adolescenților, care reprezintă cca 57% din totalul seriei de schete analizate [Spinei, Popovici, 1985, 76; Spinei, Popovici, 1988, 240]. Aceeași observație este prezentă și în cazul cimitirului medieval de la Piatra Neamț-Dărmănești, unde, se constată prezența resturilor scheletice umane a 14 indivizi cu vârsta de până în 12 ani și a încă două persoane cu vârsta între 14 și 20 ani, adică jumătate din numărul total al celor înhumați nu a atins vârsta de 20 ani [Garvăn et al. 2015, 26; Groza, Simalcsik 2015, 85].

Fig. 15. Craniu cu urme de trepanație simbolică, mormântul 77.

Fig. 15. Skull with traces of symbolic trephination, grave 77.

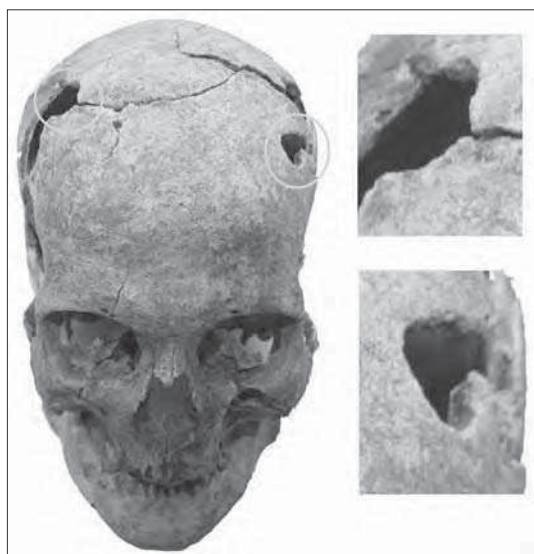

Fig. 16. Craniu cu urme de trepanație *post mortem*, mormântul 78.

Fig. 16. Skull with traces of post mortem trephination, grave 78.

Totodată, nici un membru al comunității de la Lozova nu a ajuns la vârsta senectuții. În ceea ce

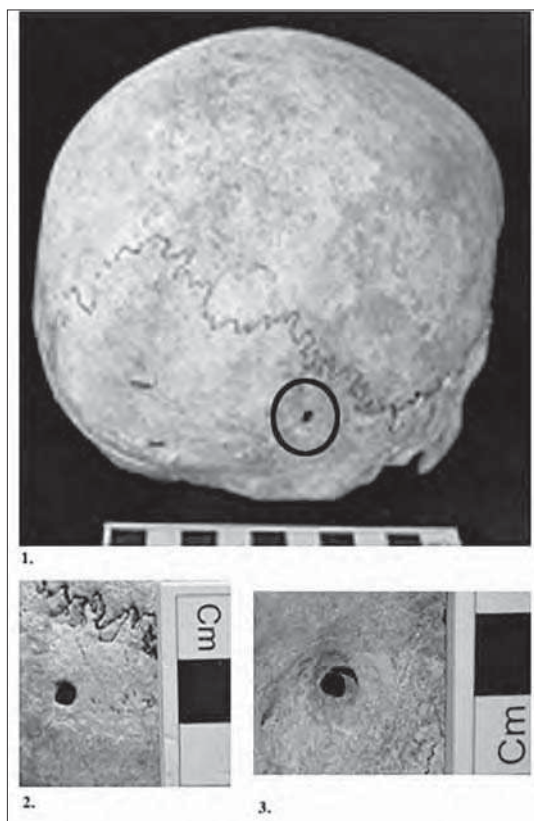

Fig. 17. Craniu cu urme de trepanație, mormântul 97.

Fig. 17. Skull with traces of trephination, grave 97.

privește segmentul adult de populație (20-x ani), la Lozova bărbații trăiau în medie până la 36,5 ani, iar femeile până la 42,0 ani. Valoarea indicelui de masculinitate indică o pondere mai ridicată a bărbaților față de femei. La Lozova aproape jumătate din populație se stingea în intervalul 30-60 ani.

Pentru seria de schelete descoperite în vara anului 2014, s-a constatat faptul că din totalul de 26 indivizi, nouă (*infans I* și *infans II*) nu au depășit vârsta de 14 ani. Un singur individ se încadrează în intervalul de vârstă 14-20 ani (*juvenis*). Ceilalți 16 indivizi (opt bărbați și opt femei) au trecut de vârsta de 20 ani (*adultus* și *maturus*). Indicele de masculinitate (*Sex ratio*) în această serie osteologică este ușor supraunitar (9 bărbați/8 femei). Speranța de viață la naștere este de 31,9 ani, iar după împlinirea vârstei de 20 de ani, speranța de viață este de 25,3 ani pentru ambele sexe [Simalcsik, Groza 2015]. În ceea ce privește seria de resturi scheletice recuperate în campania anului 2015, din totalul de 27 de indivizi, avem următoarea structura pe sexe: 5 bărbați și 8 femei, 14 indeterminabili ca sex. Dacă ne referim la structura pe categorii de vârstă, avem următoarea situație: 14 *infans I* (0-7 ani), 1 *infans II* (7-14 ani), 1 *juvenis* (14-20 ani), 1 *adultus* (20-30 ani), 10 indivizi *maturus* (30-60 ani) și 0 *senilis* (60-x ani). Vârsta medie la deces este de 19,29 ani. Seria adultă (20-x ani) – 42,5 ani.

La indivizii adulți au fost identificate unele osteopatologii și particularități scheletice considerate de specialiști a fi adaptări funcționale și ocupaționale ale stilului de viață.

Potrivit cercetărilor antropologice, necropola medievală de la Lozova are un caracter inedit, întrucât aici au fost identificate trei cazuri (M.77, M.78 și M.97) în 2014 (fig. 15-17) și unul (M.30) în 2011, în care craniile prezintă urme de trepanație, scheletele aparținând unor indivizi de sex masculin, cu vârstele la deces trecute de 50 de ani. Potrivit observațiilor antropologice, craniul scheletului deshumat din M.78 prezintă două trepanații localizate pe osul frontal, în apropierea suturii coronare, deschiderile fiind mai mult sau mai puțin circulare, dispuse aproape simetric față de linia de simetrie bilaterală. Potrivit opiniei cercetătorilor antropologi trepanația a fost efectuată *post mortem*, probabil, în scopuri didactice. Subliniem faptul că astfel de trepanații (efectuate *post mortem*) pentru această perioadă nu au mai fost semnalate pe teritoriul Republicii Moldova [Simalcsik et al. 2014]. Precizăm

că schelete prezentând urme clare de trepanație au fost atestate și în necropolele medievale de la Hansca, Limbari și Căprăria, încadrate cronologic în veacurile XII-XIV și, respectiv, X-XII [Khyнку 1969; 1973].

Fig. 18. Secțiunea V, stratul III, vedere dinspre SE.

Fig. 18. Section V, layer III, view from South-East.

Fig. 19. Secțiunea V, stratul III, vedere dinspre ENE.

Fig. 19. Section V, layer III, view from ENE.

Fig. 20. Secțiunea VI, stratul III, vedere dinspre ENE

Fig. 20. Section VI, layer III, view from ENE.

Fig. 21. Secțiunea VI, Stratul IV, vedere dinspre NV.

Fig. 21. Section VI, layer IV, view from NW.

Fig. 22. Secțiunea VI, Stratul IV, vedere dinspre SE.

Fig. 22. Section VI, layer IV, view from SE.

CONCLUZII

Așezarea și necropola creștină din secolele XIV-XV de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii* se înscriu în șirul siturilor arheologice deosebit de importante pentru arheologia satului medieval din stânga Prutului. Cercetările arheologice cu caracter sistematic în aria sitului medieval, în măsură să furnizeze noi materiale și date relevante pentru reconstituirea istoriei locale, vor contribui și la o mai bună înțelegere și cunoaștere a vieții spirituale, a dinamicii demografice și a organizării societății în perioada constituirii și consolidării statului medieval moldovenesc. De asemenea, cercetările pe linie antropologică vor introduce în circuitul științific informații cu privire la posibile origini ale locuitorilor, la starea de sănătate a populației și nivelul medical al comunității, condițiile de trai, implicit igienă, dar și a practicilor alimentare, prin estimarea longevității, analizelor de microuzură dentară și studiul patologiilor care decurg din obiceiuri nutriționale specifice.

Bibliografie

- Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011:** L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, I. Ursu, Descoperiri arheologice în situl medieval de la Lozova. *Akademios* 2 (21), 2011, 120-122.
- Batariuc 1993:** P.-V. Batariuc, Necropola medievală de la Suceava-Câmpul Șanțurilor. *AM XVI*, 1993, 229-249.
- Bătrîna et al. 1986:** L. Bătrîna, A. Bătrîna, I. Vătămănuș, Șt. Scorțanu, Ansamblul reședinței feudale de la Giulești (jud. Suceava). *MCA (Vaslui 1982 – București 1986)*, 245-252.
- Burial Archaeology 1989:** *Burial Archaeology, current research, methods and developments*, Roberts Ch. A., Lee Fr., Bintliff J. (eds.), *BAR British Series* 211, 1989.
- DRH I, 1976:** *Documenta Romaniae Historica*, A. Moldova, vol. I (1384-1448), întocmit de C. Cihodaru, I. Caproșu, L. Șimanschi. Doc. nr. 47 (București 1976).
- Foît 1987:** Gr. Foît, Consemnări cu privire la unele descoperiri arheologice din orașul Suceava. Suceava XIII-XIV, 1986-1987, 37-47.
- Garvăn et al. 2015:** D. Garvăn, S.-D. Ceaușu, V.-M. Groza, L. Munteanu, Cimitirul medieval de la Piatra Neamț-Dărmănești. Cercetările preventive din anul 2012 (Buzău 2015).
- Gorodenco 1997:** A. Gorodenco, Habitatul medieval rural din Moldova în secolele XIV-XV (Chișinău 1997).
- Gorodenco, Gukin 2001:** A. Gorodenco, V. Gukin, Seliștea lui Tigomir. *Pyretus* 1, 2001, 23-32.
- Groza, Simalcsik 2015:** Date paleoantropologice privind materialul osteologic de la Piatra Neamț-Dărmănești. In: Garvăn et al., Cimitirul medieval de la Piatra Neamț-Dărmănești. Cercetările preventive din anul 2012 (Buzău 2015), 61-85.
- Ioniță 1962:** I. Ioniță, Săpăturile de salvare de la Trifești. *MCA VIII*, 1962, 738.
- Khynku 1969:** I.G. Khynku, Limbar' – srednevekovyi mogil'nik XII-XIV vekov v Moldavii (Kishinev 1969) // И.Г. Хынку, Лимбарь – средневековый могильник XII-XIV веков в Молдавии (Кишинев 1970).
- Khynku 1973:** I.G. Khynku, Кеprерия/Сăпрăria – паметник кул'туры X-XII вв. (Kishinev 1973) // И.Г. Хынку, Кэпрэрия – памятник культуры X-XII вв. (Кишинев 1973).
- Lauwers 1999:** M. Lauwers, Le cimetière dans le Moyen Âge latin. Lieu sacré, saint et religieux. *Annales. Histoire, Sciences sociales* 54, nr. 5, 1999.
- Lăzărescu 2009:** Vl.-A. Lăzărescu, Arheologia funerară. Schiță de abordare teoretică. *Arheologia Medievală VII (Cluj-Napoca 2008)* (2009), 55-77.
- Marian 1995:** S. Fl. Marian, Înmormântarea la români. Studiu etnografic (București 1995).
- Matei, Emandi 1980:** M.D. Matei, E.I. Emandi, Necropola feudală timpurie de la Vornicenii Mari (jud. Suceava). *SCIVA* 31, 4, 1980, 585-597.
- Matei, Emandi 1982:** M.D. Matei, E.I. Emandi, Habitatul medieval rural din valea Moldovei și din bazinul Șomuzului Mare (secolele XI-XVII) (București 1982).
- Matei, Emandi, 1982a:** M.D. Matei, E.I. Emandi, Habitatul medieval rural de la Liteni. In: M.D. Matei, E.I. Emandi, O. Monoranu, Cercetări arheologice privind habitatul medieval rural din bazinul superior al Șomuzului Mare și al Moldovei (secolele XIV-XVII) (Suceava 1982), 43-89.
- Motzoi-Chicideanu 2003:** I. Motzoi-Chicideanu, Câteva remarci asupra studiului descoperirilor mortuare. In: (eds. D. Marcu Istrate, A. Istrate, C. Gaiu) *In memoriam Radu Popa. Temeiuri ale civilizației românești în context european* (Cluj-Napoca 2003).
- Parker Pearson 2003:** M. Parker Pearson, *The Archaeology of Death and Burial* (Phoenix Mill 2003).
- Prelipcean 1962:** V. Prelipcean, Incinerarea morților și teologia ortodoxă. *Studii teologice, seria II, XIV*, nr. 7-8, 1962, 423-426.
- Sîrbu 2003:** V. Sîrbu, Arheologia funerară și sacrificiile: o terminologie unitară (dicționar, lexic, arborescență) (Brăila 2003).
- Simalcsik 2012:** A. Simalcsik, Analiza antropologică a seriei scheletice descoperite în necropola medievală de la Lozova, secolele XIV-XV. *RA VIII*, 1-2, 2012, 316-343.
- Simalcsik et al. 2014:** A. Simalcsik, Al. Comșa, V.-M. Groza, R.D. Simalcsik, Trepanația – ritual magico-religios/simbolic sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz. *RA X*, 1-2, 2014, 247-264.
- Simalcsik, Groza 2015:** A. Simalcsik, V.M. Groza, Necropola medievală de la Lozova. Campania arheologică 2014. Raport antropologic. *RA XI*, 1-2, 2015, 303-322.
- Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013:** A. Simalcsik, R.D. Simalcsik, V.-M. Groza, Hipoplazia smalțului dentar în seria scheletică deshumată din necropola de la Lozova, secolele XIV-XV. *RA IX*, 2, 2013, 228-244.

Spinei 1969: V. Spinei, Necropola medievală de la Piatra Neamț- Dărmănești. MA I, 1969, 215-225.

Spinei 1986: V. Spinei, Săpăturile de la Trifești (jud. Iași). MCA, a XVI-a Sesiune anuală de rapoarte, Vaslui, 1982, XVI, 1986, 237-242.

Spinei, Popovici-Baltă 1974: V. Spinei, R. Popovici-Baltă, Principalele rezultate ale săpăturilor de la Hudum- Botoșani din anii 1970-1972. In: Din trecutul județului Botoșani. I (Botoșani 1974), 115-134.

Spinei, Popovici 1985: V. Spinei, R. Popovici, Cercetările arheologice din necropola medievală de la Hudum, jud. Botoșani. AM X, 74-88.

Spinei, Popovici 1988: V. Spinei, R. Popovici, Săpăturile arheologice din necropola medievală de la Hudum (1987). AM XII, 233-247.

Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2015: I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, Cercetări arheologice în necropola de la Lozova. Campania din anul 2014. Akademos 1 (36), 2015, 139-142.

Vornic et al. 2012: V. Vornic, I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, R. Pîrnău, L. Ciobanu, Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii*. Rezultate preliminare. RA VIII, 1-2, 2012, 222-256.

Ion Ursu, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ion_ursu11@yahoo.com

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ludmila.pirnau@gmail.com

Vlad Vornic, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

Ion Ciobanu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ciuhal@gmail.com

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Сергей Ольговский

К вопросу о месте происхождения монет-стрелок

Keywords: arrow-coins, weight dumbbells, arrowheads, mold, treasure, the Western and North-Western Black Sea region, Thrace.

Cuvinte-cheie: monede-săgeată, greutate de cântar, vârfuri de săgeată, tipar, depozit, țărmul de vest și de nord-vest al Mării Negre, Tracia.

Ключевые слова: монета-стрелка, весовые гири, наконечники стрел, литейная форма, клад, Западное и Северо-Западное Причерноморье, Фракия.

Sergei Ol'govskii

On the question of the place of origin of arrow-coins

Numerous findings of arrow-coins in the Greek settlements of the Lower Bug area, as well as their image on scales weights, caused statements about their being invented and manufactured in the settlement of Berezan. However, the findings of the hoards of arrow-coins in the Western Black Sea region are not taken into account. Although, one of them contained an arrowhead mold with lead plugs that must have served as a coin. This may indicate that the arrow-coins, in the role of money equivalent, were invented and produced in the Greek colonies of the Western Black Sea. The arrow-coins appeared in the lower area of the Bug as a result of extensive trade ties.

Sergei Ol'govskii

Cu privire la locul de proveniență a monedelor-săgeată

Descoperirea frecventă a monedelor-săgeată în așezările grecești din bazinul Bugului Inferior, la fel ca și imaginea acestora pe greutatea de cântar, au stat la baza afirmațiilor despre apariția și producerea lor în așezarea de la Berezan'. În același timp, nu s-a ținut cont de descoperirile de pe țărmul de vest al Mării Negre – depozite de monede-săgeată, unul dintre care conținea și un tipar; vârfuri de săgeată având tubul de înmănușare umplut cu plumb, ce trebuia să fi jucat rolul de monede. Aceasta ar putea dovedi faptul că monedele-săgeată, în calitate de echivalent monetar, au fost inventate și produse în coloniile grecești de pe litoralul vest-pontic. În zona cursului inferior al Bugului monedele-săgeată pătrundeau drept urmare a legăturilor comerciale largi.

Сергей Ольговский

К вопросу о месте происхождения монет-стрелок

Многочисленные находки монет-стрелок на греческих поселениях Нижнего Побужья, а также их изображения на весовых гирях стали причиной утверждений об изобретении и изготовлении их на Березанском поселении. При этом не учитывались находки в Западном Причерноморье кладов монет-стрелок, один из которых был сопровожден литейной формой, наконечников стрел с залитыми свинцом втулками, которые должны были выполнять роль монет. Это может свидетельствовать, что монеты-стрелки, как денежный эквивалент, были изобретены и изготавливались в греческих колониях Западного Причерноморья. В Нижнее Побужье монеты-стрелки попадали в результате широких торговых связей.

Одной из дискуссионных проблем в истории античности Северного Причерноморья продолжает оставаться вопрос о происхождении монет-стрелок – наиболее ранней денежной формы, предшествовавшей монетному обращению в регионе. Стратиграфия их находок в западнопонтийских городах и особенности их распространения на поселениях Нижнего Побужья позволили датировать их VI и первыми десятилетиями V вв. до н.э. [Karyshkovskii 1988, 30]. Ареал распространения монет-стрелок так-

же достаточно широкий – от Бургасского залива в Западном Причерноморье до Бугского и Днепровского лиманов. Кроме того, известны единичные находки монет-стрелок в Керкинитиде [Anokhin 1986, 80], что и обусловило различие мнений относительно места их изобретения и изготовления. Историография этого вопроса чрезвычайно объёмна, основные ее положения изложены в монографии П.О. Карышковского [1988], но в целом можно выделить такие направления: греческие города-колонии на запад-

ном побережье Черного моря; фракийские племена; скифы Нижнего Побужья и Поднестровья; греческое поселение на о. Березань.

Причиной интерпретации монет-стрелок как денежной формы оплаты скифов послужило их сходство со скифскими двухлопастными стрелами, однако в Северном Причерноморье не зафиксировано ни одной находки монет-стрелок на территории Скифии. Да и собственно скифских памятников в Нижнем Поднестровье и Побужье, кроме погребений, нет. А все находки монет-стрелок связаны исключительно с античными памятниками. Поэтому предположения о связи монет-стрелок со скифами не состоятельны. Во Фракии же находки монет-стрелок, кроме ранних греческих поселений, известны в районах весьма отдаленных от моря.

В.В. Лапин считал Березанское поселение местом изобретения и изготовления монет-стрелок. При этом главным аргументом в пользу такого утверждения было большое количество последних на поселении, наличие оригинальной монеты-стрелки из свинца, а также изображение монет-стрелок на весовых гирьках [Lapin 1966, 145], на которых следует остановиться отдельно (рис 1).

Гирьками они названы условно, поскольку существуют различные мнения относительно их интерпретации. Например, В.П. Алексеев находит иконографическое сходство треугольных гирек с волчьей головой, выполненной мастером с различной степенью стилизации, и связывает эти изделия с культом Аполлона [Aleksseev 2013, 14]. В 1998 г. на Березанском городище снова был обнаружен слиток треугольной фор-

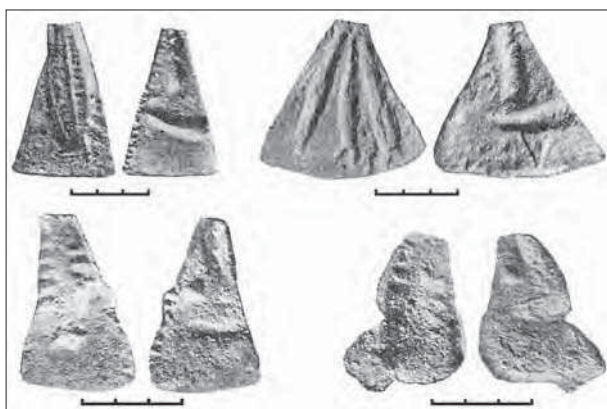

Рис. 1. Весовые гирьки с Березанского поселения.

Fig. 1. The weights from Berezan settlement.

мы с изображением монеты-стрелки и автор отчета сознательно удержался от конкретной интерпретации [Nazarov 1998, 114].

В.А. Анохин, проанализировав несколько подобных находок с Березани, предположил, что это своеобразные штампы-патрицы, предназначенные для массового изготовления керамических форм, в которых должны были отливаться монеты-стрелки [Anokhin 1988, 178].

Но в таком случае, во-первых, удивляет сравнительная многочисленность этих штампов-патриц (4 шт.) при полном отсутствии глиняных литейных форм или хотя бы их фрагментов, а, во-вторых, не понятно, как достигалось совпадение негативов на противоположных створках формы. Сам В.А. Анохин, по-видимому, сознавая странность своего предположения, по этому поводу пишет, что «для того, чтобы негативы будущего изделия полностью совпадали, изображение на патрице должно было быть строго симметрично относительно краев патрицы и ее вертикальной оси. Но ни одна из описанных березанских патриц не соответствует такому требованию. Поэтому найденные патрицы не могли быть использованы для изготовления форм. Скорее всего, это опытные образцы, предшествовавшие рабочим моделям» [Anokhin 1988, 178].

Но не слишком ли сложную реконструкцию предлагает В.А. Анохин? Не проще ли было отпечатать в сырой глине подряд нужное количество монет-стрелок, а после обжига одной створки на ней же отпечатать вторую створку, вложив в первую монеты-стрелки и зафиксировав обе створки штифтами.

На наш взгляд, все перечисленные находки могут свидетельствовать, главным образом, о развитых торговых отношениях жителей Березанского поселения, в первую очередь, с Балкано-Карпатским регионом, поскольку на Балканах так же многочисленны находки монет-стрелок. Встречаются эти изделия и вкладах, а один из таких кладов с полуострова Атия, в Бургасском заливе на территории Болгарии, обнаруженный в 1934 г., был сопровожден литейной формой для отливки монет-стрелок. В кратком сообщении об этой находке автор не представил иллюстрации этого материала, но в тексте следующей статьи, в том же сборнике, имеется фотография с семью монетами-стрелками из клада в Атии, на которых отчетливо видны

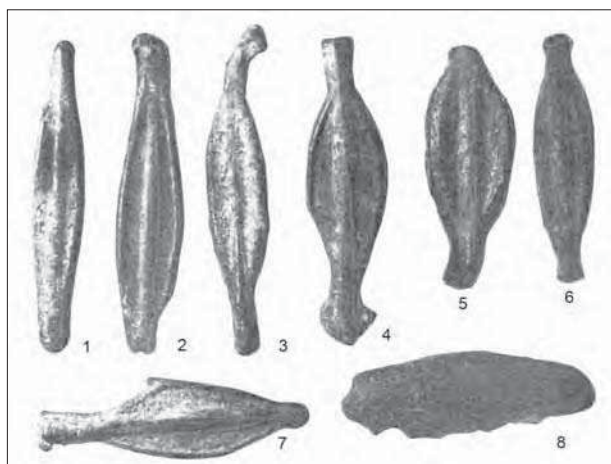

Рис. 2. Монеты-стрелки с полуострова Атия.

Fig. 2. The arrow-coins from the Atia Peninsula.

литники и брак литья (рис. 2, 1-7), а также внизу иллюстрации помещено изделие, которое монетой-стрелкой назвать нельзя (рис. 2, 8). Если это просто слиточек металла, то в тексте о нем ничего не сказано [Gerasimov 1938, 424–428, ris. 211]. И тем более, его никак нельзя назвать литейной формой, даже сфотографированной в неудачном ракурсе. В недавно вышедшей книге болгарского археолога С.А. Топалова помещена фотография литейной формы (рис. 3) без указания места находки [Topalov 2013, 287, ris. 20]. Но поскольку никаких указаний о находках подоб-

Рис. 3. Литейная форма из коллекции С.А. Топалова.

Fig. 3. The mold from the collection of S.A. Topalov.

ных литейных форм в Болгарии в археологической литературе нет, можно считать, что это и есть форма из клада 1934 г.

Тем не менее, несмотря на убедительность этой находки, которая свидетельствует о производстве монет-стрелок именно на Балканах, В.В. Лапин исключает из числа доказательств торговых связей с «местными» племенами эту группу изделий. А находки кладов монет-стрелок в Болгарии, по его мнению, не служат доказательством их фракийского происхождения, поскольку, как правило, они не увязываются с каким-либо культурным слоем. Вследствие чего болгарские археологи ошибочно датировали их IV–III вв. до н.э. [Lapin 1966, 142–143].

Трудно понять, как неправильная датировка может повлиять, в данном случае, на определение места изготовления монет-стрелок, однако, ссылаясь на указанную работу Т. Герасимова, В.В. Лапин не обратил внимания на указание уникальной литейной формы и не оценил ее важность.

В.А. Анохин полагает, что Северо-Западное Причерноморье можно считать одним из очагов зарождения античной монеты и, хотя пока нет данных для локализации центра возникновения монет-стрелок в пределах этого региона, «судя по значительному количеству археологических материалов последней трети VII в. до н.э. на Березанском поселении, оно может быть одним из реальных претендентов на эту роль» [Anokhin 1989, 6].

Д.Б. Шелов также высказывается в пользу того, что выпуск монет-стрелок предшествовал введению в обращение литых дельфинчиков, а топография и хронологические соображения позволяют предполагать, что выпуск монет-стрелок осуществлялся на Березани, тогда как позднее монеты дельфинчики отливались уже в Ольвии. Но при этом Д.Б. Шелов не отрицает выпуск монет-стрелок в Антии – одном из поселений аполлонийской хоры [Shelov 1985, 84, 85].

Традиционно считается, что денежная форма оплаты варварским племенам в VII–VI вв. до н. э. была несвойственна и, следовательно, изобретение монет в виде наконечников стрел следует считать греческим. Однако это не может служить поводом приписывать их изобретение и изготовление северопричерноморским грекам на Березанском поселении. Вполне вероятно, что стреловидная форма монет возникла в процессе торговых контактов греков с варварами фракийского окружения, а предшествовало этому использование греками в качестве денежного эквивалента наконечников стрел. Именно к такому выводу склоняет, во-первых, отсутствие монет-стрелок на скифских памятниках Северного Причерноморья, в то время как во Фракии эти находки весьма многочисленны именно на варварских поселениях, расположенных вдали от моря [Karyshkovskii 1988, 32]. А, во-вторых, в Западном Причерноморье известны клады и отдельные находки наконечников стрел с обломанным острием и «монетизированных» путем

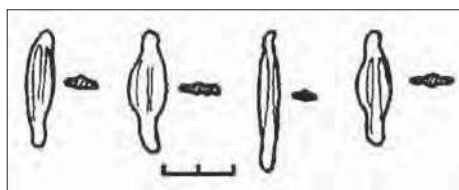

Рис. 4. Монеты-стрелки из с. Арчар в Болгарии (по Е.Н. Черных).

Fig. 4. The arrow-coins from the Archar island in Bulgaria (after E.N. Chernykh).

заливки свинца во втулку. Это, например, клад монет-стрелок, обнаруженный у с. Енисала в округе Тулча в Румынии. В нем, кроме монет-стрелок, среди которых были экземпляры с неснятыми заусеницами, присутствовали и наконечники стрел с залитыми свинцом втулками [Aricescu 1975, 17–24, pl. I–IV]. Аналогичные находки известны у античного г. Тома [Scorpan 1980, 25–34]. Не менее известны находки «монетизированных» наконечников стрел и в других пунктах Западного Причерноморья [Poenaru-Bordea, Oberländer-Tirnovanu 1980, 141, Preda 1960, 17].

Нигде в Северном Причерноморье, где встречаются монеты-стрелки, подобные находки неизвестны. И если предположение о первичности эмиссии такой формы денег верно, то подобные находки еще раз указывают на то, что западнопонтийское побережье было местом появления первых монет-стрелок. Наиболее удаленная от морского побережья групповая находка монет-стрелок происходит из с. Арчар Видинского округа на северо-западе Болгарии (рис. 4). Четыре монеты-стрелки из этого пункта были ошибочно названы черешковыми наконечниками стрел позднебронзового века [Chernykh 1978, 232, tabl. 62, 11–14]. Но интересно, что эта находка связана с древними руд-

ными разработками, где добывалась медь еще в эпоху поздней бронзы, но есть там и античный материал. То же можно сказать и о находках монет-стрелок в Страндже [Karyshkovskii 1988, 32], где также в древности добывалась медь [Chernykh 1978, 268].

Спектральный анализ коллекции монет-стрелок из Березанского поселения и Ольвии, а также некоторых поселений ее хоры показал, что изготовлены они из сырья, добытого в Балкано-Карпатском бассейне, что, в определенной мере, может служить доказательством их западнопонтийского происхождения [Ol'govskii 1986, 99]. Некоторая доля условности этого аргумента определяется тем, что сырье из западных рудных источников использовалось мастерами-литейщиками и в Нижнем Побужье, и в Поднепровье.

И наконец, следует сравнить векторы распространения литых монет Нижнего Побужья. Возникает вопрос, почему находки литых дельфинчиков крайне редки за пределами ольвийского полиса, в то время, когда предшествовавшие им монеты-стрелки на территории Западного Причерноморья более многочисленны, чем в Нижнем Побужье. Не потому ли, что именно оттуда в Нижнее Побужье они и поступали. Следует отметить в Нижнем Побужье и большую долю фракийского импорта в целом, что расценивается как свидетельство присутствия выходцев из Западного Причерноморья на территории Ольвийского полиса [Marchenko 1974, 160].

Таким образом, все данные свидетельствуют об изобретении и изготовлении монет-стрелок в Западном Причерноморье и распространении их оттуда в восточном направлении в Нижнее Поднестровье и Побужье.

Библиография

- Alekseev 2013:** V.P. Alekseev, O funktsional'nom prednaznachenii trapetsievidnykh izdelii s Berezani i Ol'vii. Drevnosti Prichernomor'ia X, 2013, 13–20 // В.П. Алексеев, О функциональном предназначении трапециевидных изделий с Березани и Ольвии. Древности Причерноморья X, 2013, 13–20.
- Anokhin 1988:** V.A. Anokhin, O tak nazyvaemykh giriakh Berezani. In: (ed. V.A. Anokhin) Antichnye drevnosti Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1988), 174–179 // В.А. Анохин, О так называемых гириях Березани. В сб.: (отв. ред. В.А. Анохин) Античные древности Северного Причерноморья (Киев 1988), 174–179.
- Anokhin 1989:** V.A. Anokhin, Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1989) // В.А. Анохин, Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья (Киев 1989).

Aricescu 1975: A. Aricescu, Tezaurul de semne de schimb premonetare de la Enisala. SCN VI (București 1975), 17–24.

Chernykh 1978: E.N. Chernykh, Gornoe delo i metallurgiiia v drevneishei Bolgarii (Sofia 1978) // Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Gerasimov 1938: T. Gerasimov, Съркровище от bronzovi strelī-moneti. Izvestiia Bolgarskogo arkheologicheskogo instituta XII, 1938, 424–427 // Т. Герасимов, Съкровище от бронзови стрели-монети. Известия Болгарского археологического института XII, 1938, 424–427.

Karyshkovskii 1988: P.O. Karyshkovskii, Monety Ol'vii (Kiev 1988) // П.О. Карышковский, Монеты Ольвии (Киев 1988).

Lapin 1966: V.V. Lapin, Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1966) // В.В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Киев 1966).

Marchenko 1974: K.K. Marchenko, Frakiitsy na territorii Nizhnego Pobuzh'ia vo vtoroi polovine VII – I v. do n.e. VDI 2, 1974, 149–162 // К.К. Марченко, Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII – I в. до н.э. ВДИ 2, 1974, 149–162.

Nazarov 1998: V.V. Nazarov, Raskopki na Berezani v 1998 g. In: (ed. N.O. Gavriiliuk) Arkheologichni vidkrittia v Ukraini v 1997-1998 g. (Kiev 1998), 114 // В.В. Назаров, Раскопки на Березани в 1998 г. В сб.: (гл. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні відкриття в Україні (Киев 1998), 114.

Ol'govskii 1986: S.Ja. Ol'govskii, Metall litykh monet Nizhnego Pobuzh'ia. In: (ed. A.S. Rusiaeva) Ol'viia i ego okruga (Kiev 1986), 89–105 // С.Я. Ольговский, Металл литых монет Нижнего Побужья. В сб.: (отв. ред. А.С. Русаева) Ольвия и ее округа (Киев 1986), 89–105.

Scorpan 1980: G. Scorpan, Virfuri de săgeți-semne premonetare și monede histriense cu roată descoperite la Tomis. SCN 7, 1980, 25–34.

Shelov 1985: D.B. Shelov, Monety-strelki v Ol'vii. In: (ed. S.D. Kryzhytskii) Problemy issledovaniia Ol'vii (Parutino 1985), 83–84 // Д.Б. Шелов, Монеты-стрелки в Ольвии. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Проблемы исследования Ольвии (Парутино 1985), 83–84.

Poenaru-Bordea, Oberländer-Tirnovanu 1980: Gh. Poenaru-Bordea, E. Oberländer-Tirnovanu, Contributions à l'étude des monnaies-pointées de flèche à la lumière des trésors de Jurilovka. Actes de II Congr. Intern. de Thracologie (București 1980), 141–150.

Preda 1960: Fl. Preda, Virfuri de săgeți cu valoare monetară descoperite pe litoralul de nord-vest al Mării Negre. Analele Universității „C.I. Parhon” București. Seria stiinte sociale 16, 7–17.

Topalov 2013: S.A. Topalov, Liatite moneti-strelki na Apoloniia (VII-V pr. n.e.) (Sofia) // С.А. Топалов, Лятите монети-стрели на Аполония Понтика (VII-V пр. н.э.) (София 2013).

Сергей Ольговский, профессор Киевского национального университета культуры и искусств, кандидат исторических наук; e-mail: olgovskii@online.ua

Lina Doroshenko

**The formation of the Archaeological Slavic Studies:
the autochthonism concept development of the Slavic antiquities
in the historiography of the late 19th – early 20th**

Keywords: the Archaeological Slavic Studies, ethnogenesis, autochthonism, historiography, ethnic processes.

Cuvinte cheie: studii arheologice slave, etnogeneză, autohtonism, istoriografie, procese etnice.

Ключевые слова: археологическая славистика, этногенез, автохтонизм, историография, этнические процессы.

Lina Doroshenko

The formation of the Archaeological Slavic Studies: the autochthonists concept development of the Slavic antiquities in the historiography of the late 19th – early 20th

The article describes the process of formulating the concept of autochthonism, which was caused by the increased interest in the study of the problems related to Slavic ethnogenesis and the growth of the archaeological component in the scientific research. The autochthonism affirms itself as basic theory in the late 19th – early 20th centuries.

Lina Doroshenko

Constituirea slavisticii arheologice: elaborarea conceptului de autohtonism al antichităților slave în istoriografia de la sfârșitul sec. XIX – începutul sec. XX

În articol este prezentat procesul de constituire a conceptului de autohtonism – evoluția căruia a fost determinat de apariția interesului sporit față de studierea problemelor legate de etnogeneza slavilor. Autohtonismul ca teorie de bază a fost acceptat la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX.

Лина Дорошина

Формирование археологической славистики: разработка концепции автохтонности славянских древностей в историографии конца XIX – начала XX в.

В статье рассмотрен процесс формулирования положений автохтонизма – течения, появление которого было вызвано повышением интереса к исследованию проблем славянского этногенеза, роста археологической составляющей в научных поисках. Рассмотрено утверждение автохтонизма как основной теории в конце XIX – начале XX века.

Autochthonism as the concept of the Slavs' origin started to spread under the influence of evolutionary ideas in late 19th – early 20th centuries. Representatives of this direction were V. Khvoika, Y. Kostrzewski, T. Lehr-Splawinski. However, scientists expressed commitment to this concept because of another reason.

The mentioned variability of opinion among the autochthonists originated from the work of L. Niederle (1865-1944), who was an undoubted authority for the researchers of this generation. In turn, L. Niederle largely developed the thoughts expressed by P. Safarik (1795-1861), trying to back them up regularly, in particular by appealing to new archaeological findings. He undertook the systematization of the available archaeological material, mainly from the territory of the Austria-Hungary and the Russian Empires, and also examined them tangent to the historiography, having considered

these materials in the broader context of historical, ethnographic, and linguistic sources. The result of this system analysis was summed up in the monumental work "Slavic antiquities", whose various editions were published in 1902 and 1934, and the final, shortened version was published after the author's death in 1953.

Interestingly, L. Niederle cannot be uniquely determined as "autochthonism" or "migrationism", his position was quite flexible, because it was not an encyclopedic coverage of all available groups of sources; sometimes it led to almost opposite conclusions. Analyzing the written sources, L. Niederle unconditionally accepted the concept of the Polish Slavist V. Surowiecki. This conception is approved in the historiography by the authority of P. Safarik. According to this concept, early Slavs identified with the Venetian of Pliny, Tacitus, Ptolemy, Peutinger table, Jordan.

L. Niederle realized that the name of “the Venetian” was not original, and was clearly ekzoetnonim [Niederle 1956, 21]. An additional argument for the correctness of this concept for L. Niederle was the message of the quite late sources (“Cosmography” of the anonymous of Ravenna with article VII and “Bavarian geographer” of the IX century). According to the observations of the researcher, at the time when Slavs were known in Europe, the world considered them people of Northern origin that coincided with the localization of the Venetian of Pliny and Ptolemy [Niederle 1956, 30]. With this in mind, L. Niederle did not support the quite stable at that time “Danubian theory”, that blindly followed the message of the Russian annalistic tradition. The uremia of the Slavs, according to the researcher, was to be found in the North of the Carpathians, whence they gradually moved South, to the Danube.

L. Niederle analyzed the achievements of comparative linguistics and onomastics in a separate chapter. He accepted that all Indo-European languages had sprung off at the beginning of 2000 BC. The separation of the Lithuanians (the Balts) from the Slavs happened in 1000 or 2000 BC. As a result of this process, one people with one language and poorly marked dialectal differences was formed. During the first 1000 AD, their unity began to disintegrate, new languages developed. Based on dental, cultural and language differences the differentiation of the Slavs took place, which determined, first of all, the internal development of this community. Also slight phonetic, grammatical, lexicological differences and the dialects formed. These differences later amplified taking into account external factors, such as isolation or relocation of certain groups that led to contacts with speakers of other languages that contributed many borrowings from these languages [Niederle 1956, 22].

L. Niederle realized that linguistic processes were extremely difficult to date and localize, so without any reservations he tried to identify them with specific archaeological transformations. The researcher found Slavic tribes of the early Middle Ages, which were based on the messages of the authors and place names (written communication – area – archaeological sites = the definition of ethnicity according to the archaeological material). On this defined territory, he considered the discoveries of this period as Slavic. In particular, in semi-

subterranean dwellings and inhumated burials of the V century. L. Niederle saw the archaeological imprint of the Slavs. The territory inhabited by the Slavs before their wide dispersal, according to the researcher, was stretched between the river Elbe and the Middle Dnieper region (the Desna, the Pripyat, the Berezina).

L. Niederle departed from his own schema, expressing doubts about the inclusion in the cradle of the Western part of this area, which was located between the Elbe and the Vistula. The main argument for this was uncertainty about the identification of the local archaeological sites (“fields of graves”) with the Slavs. That was the peculiarity of these antiquities compared to the “standard Slavic” material culture as it was imagined by L. Niederle, that induced him to doubt the information of the written sources. It was one of the first times, when archaeological reasoning outweighed not only historical, but also forced to modify the concept as a whole. The researcher determined the Slavic area after their wide dispersal in this range: from the Elbe to the Don, from West to East and from the Baltic Sea in the North to the Alps and through the Balkans down to the Mediterranean Sea in the South.

L. Niederle paid special attention to the problem of the homeland of the Eastern Slavs, seeing their homeland in the Eastern part of the protoslavonic areas: the Pripyat region (Polesie), the area on the lower of the Berezina, the Desna and the Teteriv, Kyiv region. The researcher excludes the possibility of the arrival of the East Slavs to their homeland, the Dnipro river, only in the III or in V-VI BC centuries. The Value of the East Slavic homeland in the Middle Dnieper was evident. It was located on a significant cultural and colonization path. The river network connected as the remote territory of East European plain and the Baltic Sea, the Black Sea, the Caspian Sea. The Eastern branch of the Slavs, who lived here long ago, was so strong that started from here further expansion [Niederle 1956, 83-84].

L. Niederle found additional arguments in favor of the localization of East-Slavic homeland in the linguistic data. The South Slav neighbors were originally Thracians, who lived in the Carpathian Mountains and on their southern slopes. Later there appeared Gallic (Celtic) tribes, and with them the Bastani and the Pawky (between V and II centuries BC). The last penetrated into the Carpath-

ians separate Slavic tribes. Other neighbors of the ancestors of the Eastern Slavs in the South were the Iranians [Niederle 1956, 85-86]. So, without speaking about this right, L. Niederle supposed that the Slavic *urheimat* coincided with the East Slavic. The main object of L. Niederle's scientific criticism was the "Danube" concept, but he did not reject it, unlike the Orthodox autochthonists, the value of migration in the Slavic ethnogenesis. L. Niederle noted that the people called the Slavs, as the strong group, appeared at the beginning of our era, settled over a large territory between the Vistula and the Desna, and that this group did not appear in Europe in this period, but lived there for a long time before, in close interaction with other Indo-European peoples [Niederle 1956, 22].

L. Niederle's synthesis launched the "Vistula-Dnieper" theory of the origin of the Slavs. The *urheimat* of the Slavs, in his opinion, was located in the interfluvium of the Vistula and the Dnieper to the North of the Carpathians and Volhynia was the center of ancient Slavic lands. The Slavs, recognized as the branch of the Indo-European peoples, were the closest relatives of which are the Lithuanians.

In parallel with the development of these ideas, a similar concept in Ukrainian historiography is presented in the works of V. Khvoika. He, like L. Niederle, saw as the key to solving the problem of the origin of the Slavs an open mind on the interpretation of "culture urnfield". The first monuments of this cultural circle in the Middle Dnieper were found by V. Khvoika in the last years of the XIX century.

The Monuments, investigated by V. Khvoika, were the burial grounds without any signs of earthen mounds. Burials were made with two rites – cremation and burial. Discoveries made by V. Khvoika were important, because at the end of the XIX century monuments of culture urnfield were known in Central Europe and practically unknown in the East. Accordingly, by his discoveries, the researcher filled not only territorial, but also a chronological gap, taking a step which made possible not only regional generalizations.

V. Khvoika defined culture through the burial ritual. The unity of ethnic and cultural research explained through the unity of the funeral rite. In the article "To Question of the Slavs" (1902) V. Khvoika noted that the conclusions concerning the ethnicity enough such as burial ritual, anthropological char-

acteristics, culture and everyday things, that suggest a way of life. Thus, the researcher identified the archaeological culture of the ethnic group [Khvoika 1902, 495-505]. Unlike L. Niederle, V. Khvoika absolutized archaeological supervision and neglected the necessity of an interdisciplinary approach to solving ethnological issues.

For the Middle Dnieper, V. Khvoika developed periods ranging from Trypillian culture that consisted of seven periods of cultural development. Cremation rite, in his opinion, was not the main core, combining different stages, and recorded in the region from the late Neolithic to the spread of Christianity. The fifth period is connected with the fields of graves of Zarubintsy type, the sixth – with margins burial of Chernyakhivsky Type II-V centuries, the seventh - with margins graves containing Slavic pre-Christian era stuff. Accordingly, in the Middle Dnieper from Trypillian culture one people lived - the Slavs [Khvoika 1901, 171-190].

By the continuity of existence cremation ceremony as one of the key arguments, V. Khvoika appealed rather reluctantly, because at that time funerary monuments of Zarubynets'ka and Slavic circle were only known. The cornerstone of the concept of the researcher was the belief in the continuity of cultural development of the region that was settled by agricultural populations unchanged for a long time. Since the Middle Ages historical sources, this humanity appeared exactly as Slavs, then all its predecessors' *priori* considered as Slavs.

With the help of observations of archaeological materials, the investigator testified that in the forest-steppe region between the Carpathians and the Dnieper sedentary agricultural people – the Slavs lived, this territory was their European homeland. But the people was subjected to periodic impacts of the nomads. The presence of foreign elements, according to the researcher, was not a significant phenomenon, but rather superimposition on the local independent culture [Khvoika 1905, 103-104].

In the monograph "The Ancient inhabitants of the Middle Dnieper", which was the result of many years of research, the researcher presented a historical and typological survey of the antiquities of the region from the Stone Age to the Grand-Ducal era. The Zarubintsy burials and similar monuments of the II BC – II centuries were the link between the Scythian epoch and the age of urnfield Chernyak-

hovsky type. They still retained the characteristics of the Scythian era, but also had new elements that were characteristics of the subsequent age, which were a testimony of the gradual development of the culture of the Middle Dnieper. During the II – V centuries, the fields of funerary urns became the dominant type of monuments, spreading to Podolia, Volyn and the Northern part of the Kherson governorates. The Migration Period was the time of maximal distribution of urnfields. Despite the fact that the period started with the relocation of the Goths in the Kyiv region, according to the researcher, Gothic antiquity missed. Consequently, the Goths did not use the Dnieper waterway, and passed through the Carpathian mountains to the rivers the Bug and the Dniester to the Black Sea. In the Dnieper, they could appear later and mostly in the southern regions, before reaching the Northern part of the Middle Dnieper. An Archaeological indicator of the Migration Period were jewelries from Pastoral settlements and findings, decorated with champlevé enamel [Khvoika 2008, 62-68; 1913, 43-49]. The researcher believed that the scene of large displacements of the epoch of the Migration Period of peoples (the Goths, the Huns, the Avars) were the southern areas of the Russian Empire and Adonidin, but not the middle Dnieper [Kolesnikova 2007, 58-61; 104-109].

The scientific heritage of V. Khvoika is almost a reference sample of autochthonism approach to the question of the ethnogenesis of the Slavs in the Archaeological Slavic Studies. Moreover, the researcher appealed especially to the archaeological material, however, it is more a “squeezing” of these materials into a ready-made concept. According to some modern researchers, V. Khvoika was greatly influenced by L. Niederle’s views in forming his conceptual constructions [Abashina 2003, 71]. However, it should be recognized that Vladimir Khvoika borrowed rather general conclusions (and the ones that suited his vision problems), not the contemporary methodological principles.

Despite this, the fact of opening the cultural and chronological definition of Zarubintsy and Chernyakhovsky antiquities had significant weight, they made possible the consideration of Eastern Europe in the European context. Before the researches of V. Khvoika, archaeology of the 1000s AD was unknown, the monuments of this time were almost absent. Opening of the monument of Chernyak-

hovsky and Zarubintsy cultures that, according to the researcher, successively replaced each other, was an important event in the archaeological study of South-Eastern Europe and marked the beginning of a new stage in the study of the problem of the Slavic ethnogenesis. V. Spitsyn only provided that the solution of the Slavic problem was in the study of the fields of graves, V. Khvoika found the particular monuments and determined their place among the antiquities of the Dnieper region and the sequence of their development, ending the ancient monuments [Abashina 1999, 21].

M. Biliashivsky supported the opinion about Slavic affiliation of the fields of graves, but warned against the simplification of this definition for the monuments of the previous era. The significant place, according to the researcher, had the effect of a more developed culture on a less developed place. Indicators of this influence were imported ? things. He believed that the ancient Scythian epoch was characterized by the influence of Greek culture, and the antiquities that replaced them, were under Roman influence.

During 1902-1904 the controversy between M. Bilyashivsky and V. Khvoika, who defended the thesis of a continuous and consistent change of local culture and emphasized the autochthony of the Slavic population in the Carpathian region and the Middle Dnieper, occurred on the pages of the journals “Kiev antiquity” and “Archaeological record of South Russia”. Paying tribute to V. Khvoika for his contribution to the study of graveyards, M. Biliashivsky drew attention to the impact of Provincial-Roman culture, tangible in the types of brooches (fibulas), the presence of Roman coins, glassware. He doubted V. Khvoika’s assertions about the Slavic affiliation of the monuments of the Middle Dnieper since the Bronze Age due to the fact that cremation and dolihotsefaliya were common in the old times and occurred on territories where Slavs didn’t live.

Khvoika talked about the fact that in order to get an idea of the tribe as a separate unit, it is enough to know the funeral rite, anthropological data, culture, and everyday things that highlight the lifestyle, while M. Bilyashivsky noted that this can be done only by having all the characteristics that define it. The Researcher warned against the introduction of the national (ethnic in contemporary terminology) element to purely archaeological questions. Thus, the views of M. Bilyashivsky were

much closer to the concept of L. Niederle than the views of V. Khvoika.

In the 30-40s of the 13th century another concept, which offered a solution to the question of the Slavic ethnogenesis was the one of the Polish Scholars Y. Kostrzewski, J. Czekanowski, and T. Lehr-Splawinski. The main rules were formulated during the 1930s, but the monographical concept was formed only in the second half of the 1940s because of events of the Second World War. The political realities of the interwar period greatly influenced the academic interest of the mentioned researchers. The territorial claims were often settled by "historical right", and the last reached almost primitive times. Therefore, the "war on archaeological maps" became too relevant, which, understandably, had a negative impact on academic calculations. Polish researchers, with the help of archaeological data, revised the theory of L. Niederle and spoke for the West origins of the Slavs. The origins of the Slavic antiquities, according to this concept, contact the Lusatian culture, and the Slavic *urheimat* was localized in the Vistula-Oder region.

Archaeologist Y. Kostrzewski had a significant contribution in creating this theory. he regarded the cultures between the Vistula and the Oder as stages of development of a single population 2000 – first part of 1000 BC (the Trzciniec, the Lusatian culture) to the early Middle Ages. According to Y. Kostrzewski, the Przeworsk culture were heirs of the Lusatian tribes that emerged from the resettlement of the Lusatian culture among carriers of the Pomeranian culture. The Przeworsk culture is associated with historic Veneti [Kostrzewski 1949]. In fact, half a century later, the classic of the Polish archaeology repeated the questionable statements of V. Khvoika about the Middle Dnieper, but moved them to another region.

The linguist T. Lehr-Splawinski started from linguistic material in his own statements but once correlating the linguistic processes with changes in material culture, he appealed particularly to the schemes of Y. Kostrzewski, although not following them completely. According to the concept of T. Lehr-Splawinski, most of Eastern Europe until 2000 BC was inhabited by the Finno-Ugrians (the Culture of *grebnice* ceramics). At the turn of 3000-2000 BC, the part of the Indo-European carriers (the Corded Ware) moved from Central Europe to the Middle Volga and the North Caucasus.

the Balto-Slavs formed as a result of their mixing with the Finno-Ugrians in the space between the Vistula and the Oder. According to the researcher, the Slavs separated from the Balts, by the middle of 1000 BC, after the resettlement of the Pomeranian culture among the tribes of southern Poland from the lower territory of the Vistula. The same as Y. Kostrzewski this scientist believed that the Przeworsk and the Oksywska cultures were the archaeological equivalent of the Veneti, in which he unequivocally placed the Slavs [Lehr-Splawinski 1946].

The works of the Soviet researcher M. Marr were a separate phenomenon in the historiography of 1920-40s. He developed the "theory of stadial" and influenced on the development of the historical and archaeological researches. Because of quite different methodological basis of this unit of historiography we couldn't compare it with autochthonists-predecessors (and contemporaries from other countries), a comparative analysis of these concepts is inappropriate. The description of the views of the Soviet researchers of this period should be the subject of a separate study. To summarize, we note the following:

Despite the fact that L. Niederle cannot be defined as a proponent of the concept of the autochthonism, his ideas were exploited by the supporters of this concept;

One of the founders of the concept of autochthonism in Archaeological Slavic Studies was V. Khvoika, and he was the first in historiography who introduced archaeological components in the basis of his concept;

The concept of V. Khvoika, despite all its shortcomings, had been adopted in contemporary society, and existed not only when it appeared, but in the following period as well;

However, the appeal to archaeological material for V. Khvoika was rather an illustration of the already made ethnogenetic concept than material for separate analysis and comparison of the results of this analysis with calculations of other sciences (History, Linguistics, etc.), which significantly distinguishes the approach of V. Khvoika from the approach of L. Niederle;

The revision of the views of L. Niederle carried out by a number of Polish researchers in 1930-40s, which was caused not only by the accumulation of new materials, methodological innovations, but also by certain political interests.

It is significant that this revision soon turned out not to be too suitable, considering the archaeological components of the concepts of Y. Kostrzewski and T. Lehr-Splawinski: the identification in the second half of the XX century of the antiquities

of the Slavs and the determination of their genetic links with the antiquities of the previous chronological stages prompted to the researchers to return to L. Niederle's general scheme, which was built on a poor source basis.

LITERATURE

- Abashina 1999:** N.S. Abashina, Pershopochatki doslidzhen' poliv pokhovan' v Ukraïni. Arkheologiya 4, 1999, 12-23 // Н.С. Абашина, Першопочатки досліджень полів поховань в Україні. Археологія 4, 1999, 12-23.
- Abashina 2000:** N.S. Abashina, Khvoika – pershovidkrivach poliv pokhovan'nikh urn v Ukraïni. In: Vikentii V'iacheslavovich Khvoika ta iogo vnesok u vitchiznianu arheologiiu (do 150-richchia vid dnia narodzhennia) (Kiïv 2000), 32-39 // Н.С. Абашина, Хвойка – першовідкривач полів поховальних урн в Україні. В сб.: Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від дня народження) (Київ 2000), 32-39.
- Abashina 2003:** Problemi metodologii etnichnoi identifikatsii kul'tur poliv pokhovan'. Arkheologichni studii 2 (Kiïv-Chernivtsi 2003), 70-79 // Н.С. Абашина, Проблеми методології етнічної ідентифікації культур полів поховань. Археологічні студії 2 (Київ-Чернівці 2003), 70-79.
- Khvoika 1901:** V.V. Khvoika, Polia pogrebenii v Srednem Pridneprov'e (raskopki V.V. Hvoika v 1899-1900 godah). Zapiski Russkogo arheologicheskogo obshchestva XII, 1-2, 1901, 172-190 // В.В. Хвойка, Поля погребений в Среднем Приднепровье (раскопки В.В. Хвойка в 1899-1900 годах). Записки Русского археологического общества XII, 1-2, 1901, 172-190.
- Khvoika 1902:** V.V. Khvoika, K voprosu o slavianakh. Kievskaiia starina 6, 1902, 495-505 // В.В. Хвойка, К вопросу о славянах. Киевская старина 6, 1902, 495-505.
- Khvoika 1905:** V.V. Khvoika, Gorodishcha srednego Pridneprov'ia, ikh znachenie, drevnost' i narodnost'. Trudy XII Arkheologicheskogo S'ezda 1, 1905, 103-104 // В.В. Хвойка, Городища среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. Труды XII Археологического Съезда, 1, 1905, 103-104.
- Khvoika 1913:** V.V. Khvoika, Drevnie obitateli Srednego Pridneprov'ia i ih kul'tura v doistoricheskie vremena (Kiev 1913) // В.В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (Киев 1913).
- Khvoika 2008:** V.V. Khvoika, Drevnie obitateli Srednego Pridneprov'ia i ih kul'tura v doistoricheskie vremena (s komentarii i illiustratsiiami) (Kiev 2008) // В.В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (с комментариями и иллюстрациями) (Киев 2013).
- Kolesnikova 2007:** V.A. Kolesnikova, Vikentii (Cheslav) Hvoika. Storinki naukoivoi biografii (Kiïv 2007) // В.А. Колеснікова, Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії (Київ 2007).
- Kostrzewski 1949:** J. Kostrzewski, Dzieje polskich badan' prehistorycznych (Poznań 1949).
- Lehr-Splawinski 1946:** T. Lehr-Splawinski, O pochodzeniu i praoczyznie Slowian (Poznań 1946).
- Niderle 1956:** L. Niderle, Slavijskie drevnosti (Moskva 1956) // Л. Нидерле, Славянские древности (Москва 1956).

Lina Doroshenko, phd candidate, Taras Shevchenko National University of Kiev, 64/13, Volodymyrska Street, Kiev, 01601, Ukraine, e-mail: liadoroshenko240490@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Сергей Коваленко, Роман Кройтор

Производственный и хозяйственный инвентарь из кости, рога и бивня с многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць

Key words: Moldova, Dniester, Cosăuți Site, Upper Palaeolithic, Bone and Antler Tools, Ivory Artifacts.

Cuvinte cheie: Moldova, Nistru, stațiunea Cosăuți, paleoliticul superior, unelte de os și corn, piese de fildeș.

Ключевые слова: Молдова, Днестр, стоянка Косэуць, верхний палеолит, изделия из кости, рога и бивня.

Serghei Covalenco, Roman Croitor

Bone, Antler and Ivory Tools and Wares from Multilayer Upper Palaeolithic Site Cosăuți

The article proposes a discussion of results of a revision of the collection of artifacts made of bone, antler, and ivory material yielded by the multilayer Upper Palaeolithic site Cosăuți (Moldova) situated on the Middle Dniester and dated back to 20000 to 16000 years BP according to radiocarbon dating. The proposed classification describes industrial equipment (handles, sleeves, hammer-like tools, anvils) and household ware (axe, adzes, picks, hoes, needles, awls, tubular cases for needles, and polishers) typical of the “kill sites” of reindeer hunters. Fishing tackle (small harpoons) and rare artifacts with controversial destination (some fragments of artifacts made of reindeer antlers, knockers, hairpin, rectifier of bone shafts) deserve a special attention. The majority of artifacts and tools are made of reindeer antlers. An important part of tools is made of postcranial boned of horse, bison, and mammoth ivory.

Serghei Covalenco, Roman Croitor

Unelte din os, corn și fildeș din situl pluristratificat atribuit paleoliticului superior Cosăuți

Articolul este dedicat rezultatelor cercetării uneltelor de os, corn și fildeș din stațiunea paleoliticului superior Cosăuți (Moldova), localizată pe Nistru Mijlociu și datată după C14 de la 20 până la 16 mii de ani. În clasificarea propusă a descoperirilor sunt examinate categoriile uneltelor de producere (mânere, manșoane, toporașe, nicovale) și de uz casnic (toporaș, tesle, săpăligi, ace, străpungătoare, lustruitoare etc.), specifice vânătorilor de reni. Merită atenție unelte de pescuit (harpoanele) și unele piese mai rar întâlnite, utilizarea cărora nu este clară (fragmente de piese din corn, ciocane mari, agrafe, redresoare pentru tije de săgeată). Cea mai mare parte a artefactelor au fost lucrate din corn de ren. Pentru producerea uneltelor erau utilizate, de asemenea, oase de la membrele inferioare/superioare și coaste de cai, bizoni, fildeș de elefant.

Сергей Коваленко, Роман Кройтор

Производственный и хозяйственный инвентарь из кости, рога и бивня с многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць

Статья посвящена результатам изучения коллекции изделий из кости, рога и бивня с многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць (Молдова), расположенной на Среднем Днестре и датируемой по C14 от 20 до 16 тыс. лет назад. В предлагаемой классификации находок рассматриваются производственный (рукоятки, муфты, молотковидные орудия, наковальни) и хозяйственный (топор, тесла, кирки, мотыжки, иглы, шилья, игольники и ложила) инвентарь, характерный для «поколочных лагерей» охотников на северного оленя. Заслуживают внимания орудия рыболовства (остроги) и редкие предметы, чье предназначение спорно (роговые фрагменты от неких конструкций, колотушки, заколка, выпрямитель древков). Большая часть артефактов изготовлена из рога северного оленя. На их изготовление также шли кости конечностей и ребра лошадей, бизонов, слоновая кость.

Многослойная стоянка верхнего палеолита Косэуць¹ получила широкую известность

1. Стоянка открыта И.А. Борзьяком и М.В. Аниковичем в 1978 г. к западу от с. Косэуць Сорокского района (Молдова), на первой надпойменной террасе по правому краю долины р. Днестр. Верхняя часть отложений на месте стоянки уничтожена карьером, а на сохранившемся участке было зафиксировано не менее 20 культурных слоев.

благодаря своей уникальной сохранности, многочисленным находкам кремневых изделий эпиграветтского облика, богатому и разнообразному инвентарю из кости, рога и бивня. Ряд статей, посвященных костяной индустрии этой стоянки и различным аспектам хозяйственной деятельности её обитателей [Borziac 1991;

Borziac 1993; 1995; Borziac et al. 1998, Borziac, Obade 1999; Covalenco, Croitor 2016a], к сожалению, не обеспечили всей полноты восприятия огромного по своему объему материала, собранного в ходе раскопок на протяжении почти 20 лет. Наши наблюдения над условиями залегания артефактов в культурном слое, тщательный осмотр находок в процессе камеральной обработки, неоднократные попытки выявления и интерпретации следов износа, позволили уже на начальном этапе исследований подойти к рассмотрению вопросов тафономии, морфологии и использования наиболее важных категорий костяного инвентаря, а в дальнейшем представить их классификацию.

Из 34 тысяч костей животных и их обломков, выявленных на стоянке, было отобрано 218 находок с преднамеренной обработкой или явными следами утилизации, включая 164 изделия в виде готовых образцов оружия и орудий. По данным А.И. Давида [David et al. 2003], для подготовки заготовок для орудий привлекались кости и рога северного оленя, в меньшей степени кости бизона и лошади. При осмотре этих же находок Р.В. Кройтором [Croitor 2010], было установлено, что в тех же целях могли использоваться кости конечностей животных (43%), рог северного оленя (40%) и кости осевого скелета (ребра, позвонки) (8%). По нашему мнению, доля поделок из рога северного оленя должна быть выше, за счет неучтенных мелких обломков с надрезами, пазами, следами стертости.

Косэуцкая коллекция инструментов и оружия из кости, рога и бивня может быть подразделена на три основные группы: охотничий инвентарь, орудия производственного и хозяйственного назначения. В наборе охотничьего инвентаря, включающего 37 экземпляров, выделены образцы колющего (наконечники пик, острия), метательного (наконечники дротиков и копий, гарпун) и стрелкового (наконечники стрел) оружия. В связи с достаточно полной публикацией этих материалов [Covalenco, Croitor 2016b], отметим среди них лишь наиболее показательные формы. Самой массовой разновидностью наконечников являются веретенообразные образцы из рога

северного оленя, иногда с пазами, не предназначенных для крепления кремневых вставок. Несколько меньше найдено наконечников пик из продольно расколотых диафизов трубчатых костей лошади и острий «S» видных очертаний из отростков рога, с узким симметричным лезвием и противолежащими пазами, предположительно для стока крови. Встречаются наконечники дротиков вытянутых игловидных очертаний, найден один единственный гарпун из продольно расщепленного рога с двумя рядами зубцов и мелкими фестонами по контуру.

Среди изделий производственного назначения выделяются рукоятки, муфты, молотковидные орудия и наковальни. К орудиям хозяйственного типа отнесены топор, тесло, кирки, мотыжки, иглы, шилья, игольники и ложила. Особый интерес вызывают орудия рыболовства (остроги) и редкие находки, чье предназначение спорно.

Характеристику производственного инвентаря начнем с описания рукояток и муфт,

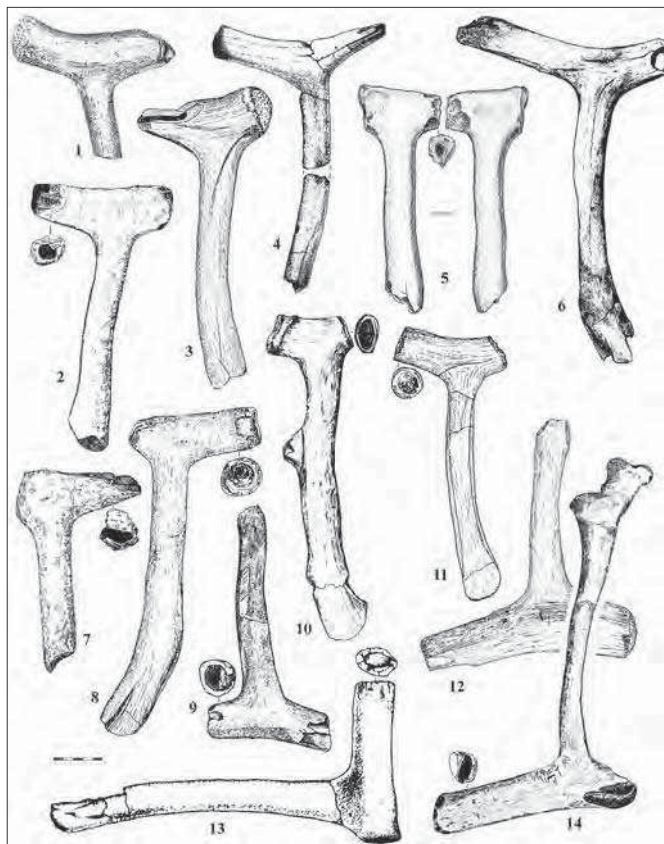

Рис. 1. Косэуць. Молотковидные изделия из рога.

Fig. 1. Cosăuți. Hammer handles of antler.

но в сокращенном виде, так как оно уже подготовлено для публикации в отдельной статье [Covalenco, Croitor 2016b]. В настоящее время на инвентарном хранении в Национальном музее истории Молдовы находятся 20 рукояток и одна муфта. Для изготовления роговых экземпляров (18 экз.) использовался естественно сброшенный рог северного оленя, у которого посредством надрезов и последующего обламывания оставался прямой участок роговой штанги и длинный надглазничный отросток, удобный для захвата рукой. Общая форма подготавливаемых рукояток – трехконечная «Т» образных очертаний и двухконечная «Г» образных. По своей конфигурации они напоминают «молотковидные изделия» (рис. 1). Этот термин довольно точно передает назначение этих инструментов. Зачастую хотя бы один конец таких орудий имеет следы интенсивного износа от его применения в ударных действиях, в результате чего образовалась выпуклая рабочая поверхность, покрытая множеством мелких выбоин. Найдены молотковидные орудия, оба конца штанги которых были задействованы в ударных операциях (рис. 2,1-3). Однако более распространены орудия, один конец которых был ударным, а противоположный, после удаления губчатой массы и подготовки углубления до 2-5 см цилиндрической или конусовидной формы, обеспечивал установку вкладыша. Использование таких рукояток значительно повышало производительность труда, за счет большего силового воздействия на обрабатываемый материал, в сравнении с эффектом от применения в тех же трудовых операциях роговых муфт. С другой стороны, в случае необходимости извлечения изношенного вкладыша, стенки рукоятки выламывались, что делало повторное её использование маловероятным.

Совершенно иная разновидность орудия для крепления вкладышей обнаружена в культурном слое 6. Она выполнена из крупного дистального фрагмента метаподия лошади

(рис. 2,4), в котором для вставки вкладыша использовалась естественная полость кости, чьи стенки были выломаны еще в древности. Но главное её отличие заключено в особом способе крепления черенка, фиксируемого в специально подготовленном сквозном отверстии размером 2,3-2,6х1,7 см.

Не менее интересна костяная муфта из диафиза плечевой кости северного оленя, найденная в культурном слое 3. Размер этой полой трубчатой кости, оба конца которой небрежно обломаны, составляет 7х2,6 см. Возможно, она не обратила бы на себя должного внимания,

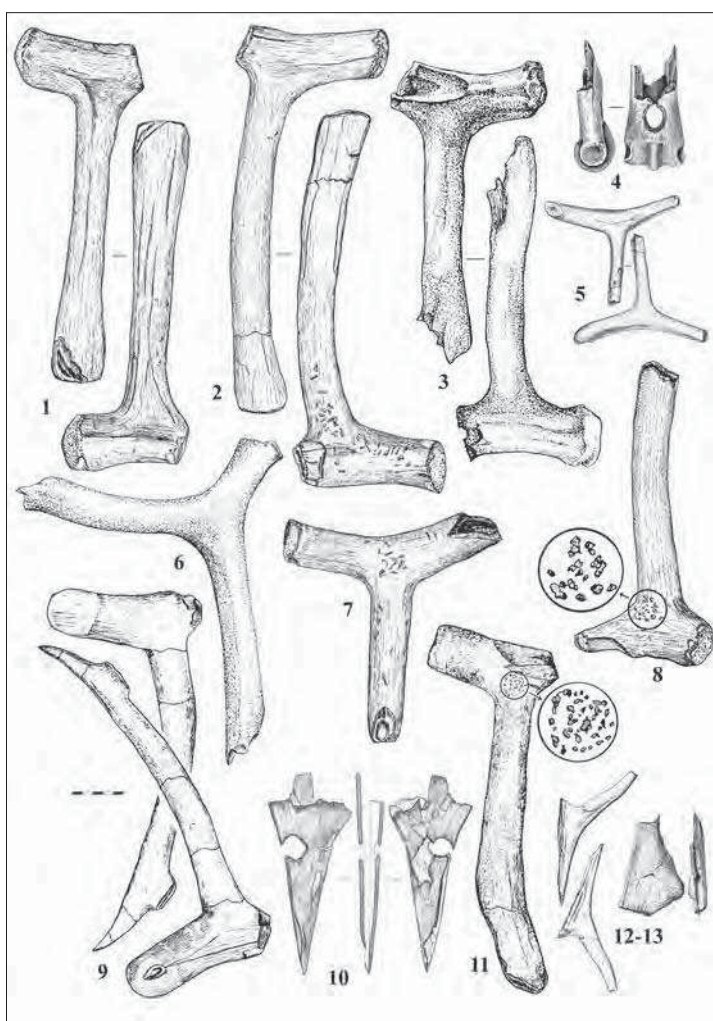

Рис. 2. Косэуць. Изделия из рога и кости. 1-3 – молотковидные орудия; 4 – рукоятка; 5 – кирочка; 6 – орудие с зауженным концом; 7,8,11 – наковальни; 9 – топор; 10 – выпрямитель древков; 12-13 – фрагменты роговых отростков.

Fig. 2. Cosăuți. Pieces of bone and antler. 1-3 – hammer-like tools; 4 – handle; 5 – pick; 6 – tool with narrowed end; 7,8,11 – anvils; 9 – axe; 10 – rectifier shafts; 12-13 – fragments of antler.

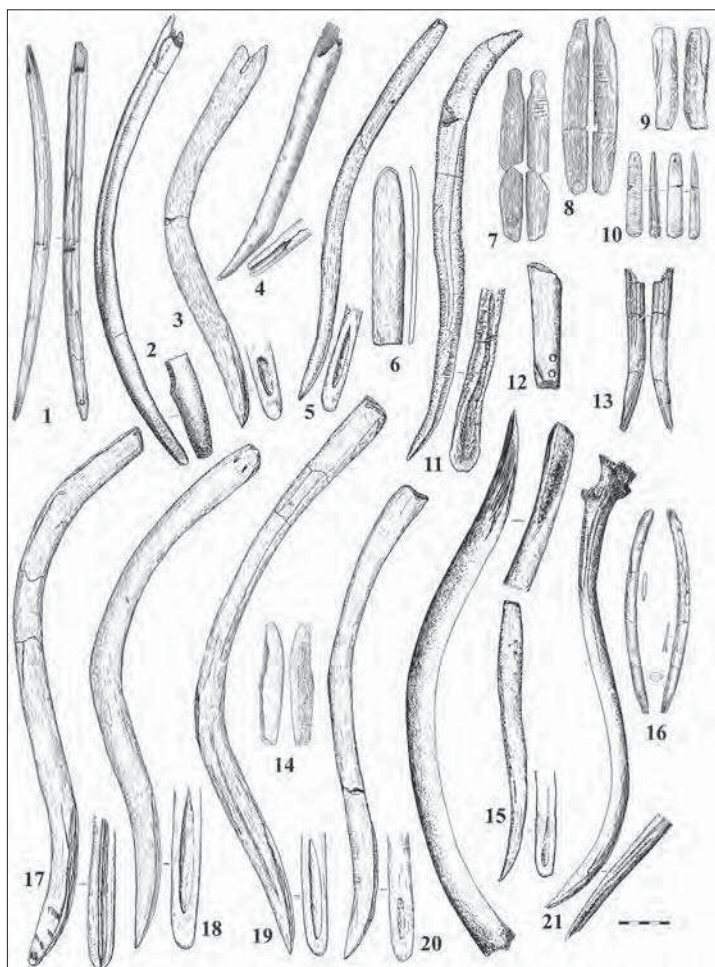

Рис. 3. Косэуць. Изделия из рога, кости и бивня. 1,2 – «колотушки»; 3-5,11,13,15-21 – мотыжки; 6-10,12,14 – лоцила.

Fig. 3. Cosăuți. Pieces of bone, antler and ivory. 1,2 – beaters; 3-5,11,13,15-21 – hoes; 6-10,12,14 – polishers.

если бы на её поверхности не было замечено залощенности, а внутри её не было бы вставки в виде рогового стержня. Именно эта роговая вставка диаметром до 1,5 см впервые демонстрирует использование вкладышей, подготовленных не из кремня, а из органического материала. Нет оснований преуменьшать роль такого рода изделий, так как муфты обеспечивали выполнение наиболее точных видов работ, а кремневые или роговые вставки могли многократно меняться.

Признаки износа костяных находок в виде глубоких выбоин на небольших ровных участках молотковидных изделий, обычно у места сочленения роговой штанги и надглазничного отростка, выполняющего роль рукоятки, заметны у 5 находок (рис. 2,2,7-8,11). Такой вид ути-

лизации, свойственный наковальням, охватывает участки, не превышающие в поперечнике 3-4 см. Отдельные выбоины встречаются спорадически на уплощенных поверхностях и других рукояток. Роговые наковальни, используемые лишь как основы для создания эффекта контрудара, не встречаются.

Самостоятельную группу хозяйственного инвентаря составляют изделия рубящего действия. При этом каждое орудие из этой группы достаточно индивидуально. Из слоя 1 происходит роговой топор с длинной коленчатой рукояткой (рис. 2,9), на конце которой по неизвестной причине оставлен мелкий отросток, притом, что соседний был срезан. Его полукруглое симметричное рабочее лезвие, шириной 4 см, подготовлено тщательной равномерной пришлифовкой с двух сторон, располагаясь на менее массивном конце роговой штанги, противоположном базальному со следами подрубки².

Следующее выразительное орудие – тесло, изготовленное из дистальной части рога северного оленя (рис. 5,5), имеющего лопатообразное расширение³, проис-

2. К косэуцкой находке близко топоровидное орудие с рабочим лезвием оформленным косым срезом, найденное в слое 1а стоянки Молодова 5 [Chernysh 1987, 76, рис. 37].

3. При осмотре этой находки археозоологами Т. Обадэ (Кишинев), В. Морарескул (Тирасполь) и Летицией Демэй (Париж), было высказано мнение, что такого рода лопатообразное расширение свойственно рогу лося. Однако с этим трудно согласиться, так как у данного рога штанга (не уплощенная часть рога) сжата с боков (имеет овальное сечение), тогда как само лопатообразное расширение расположено в одной плоскости. У лося же основание рога и его неразветвленная часть (штанга рога) имеет округлое сечение, тогда как лопатообразное расширение образует чашеобразный выгиб (чаша лопатообразного расширения своим дном направлена вниз). Именно овальное сечение штанги рога и отсутствие чашеобразного выгиба уплощенной части рога у рассматриваемой находки, указывает на её принадлежность к северному оленю. К тому же, лося как лесное животное не мог выжить в условиях тундро-степи при максимальном похолодании в период последнего оледенения. Для подтверждения этой точки зрения можно привести данные по находке ископаемого оленя из Виллестюфта (Дания), чей абсолютный возраст составляет 12 000 лет

ходит из слоя 6с⁴. Его максимальная длина – 34,5 см, а ширина лезвия – более 4,5 см. Само лезвие слабо скошено и оформлено, с одной стороны, прямым срезом и шлифовкой до 13,5 см, с другой, косым срезом и не менее интенсивной обработкой, на протяжении 8 см. Само орудие достаточно тяжелое, но судя по частичной залощенности его поверхности, оно использовалось довольно часто.

Мелкое изделие типа кирочки из слоя 2А (рис. 2,5) изготовленного из опавшего рога молодой особи северного оленя, возможно погодки, с высоко расположенным надглазничным отростком (рукоятки), сохранившимся частично, имеет «Т» образную форму с широко расходящимися отростками, один из которых срезан и шлифован с двух сторон, образуя узкое выпуклое лезвие.

Большую группу орудий составляют так называемые мотыжки (13 экз.). В отличие от известных костенковских образцов, выполненных на массивных бивневых заготовках, косэуцкие находки, хоть и не уступают им по длине, имеют более изящные формы и изготовлены исключительно из рога северного оленя (рис. 3,3-5,11,13,15-21). В качестве основы для их производства подбирались «S» видные и слабо изогнутые роговые отростки, один конец которых косо срезался, тщательно шлифовался, впоследствии стирался и покрывался заполировкой. Узкое выступающее лезвие таких мотыжек при интенсивной эксплуатации приобретало заметный левосторонний уклон. Более того, кинематика их движения четко фиксируется по многочисленным линейным следам в виде царапин, часто сильно заглаженным. Длина мотыжек варьирует от

Рис. 4. Косэуць. Изделия из кости и рога. 1-27 – иглы; 28-30 – игольники; 31-38,41,43-45 – шилья; 39,40,42 – остроги; 46 – кость со следами отделения заготовок (для игл).

Fig. 4. Cosăuți. Pieces of bone and antler. 1-27 – needles; 28-30 – tubular cases for needles; 31-38,41,43-45 – awls; 39,40,42 – small harpoons; 46 – bone with traces of the division of blanks (for needles).

16,5 до 63,5 см, в среднем составляя 30-50 см. Аналогичные орудия известны в слое 2 стоянки Молодова I [Chernysh 1982, 77, ris. 34,4,6]

Версия о землеройной функции косэуцких мотыжек до недавнего времени вопросов не вызывала. Эффективность таких орудий при рыхлении даже промерзшего грунта достаточно высока. Как это не покажется странным, для изготовления мотыжек мог использоваться сырой рог, если судить по образцу с остатками черепной крышки у базального конца рога (рис. 3,21). Однако при рассмотрении всех возможностей применения таких изделий нельзя не упомянуть об одной экстравагантной версии,

[Aaris-Sorensen et al. 2007]. Кроме того, перед лопатообразным расширением, сечение штанги рога лося принимает форму, близкую к прямоугольной [Croitor 1997, 69], что не прослеживается у косэуцкой находки.

4. По данным А.И. Давида [David et al. 2003, 86, tab. 1], из слоя 6 Косэуць происходит один единственный фрагментированный рог лося. По нашему мнению, от этого определения имеет смысл отказаться, что дает нам право полностью исключить лося из фауны нижних слоев стоянки.

не лишённой смысла. А что если они использовались в неких конструкциях, облегчавших перевозку грузов? Не может ли износ на рабочем участке «мотыжек» быть сходным со следами утилизации на полозьях транспортных средств типа волокуш или нарт? По мнению Л. Бинфорда, осмотревшего эти находки, форма и характер их износа вполне соответствуют таковым на роговых отростках, которыми североамериканские индейцы оснащали задние части своих волокуш, подверженные наиболее сильному износу⁵.

На поверхности отдельных мотыжек наблюдается декор в виде продольно ориентированных волнообразных рельефных линий, «лесенки» или двух параллельных друг другу зубчатых полосок (рис. 3,16). Встречаются мотыжки не во всех слоях. Исходя из своих пропорций, наиболее массивный вариант такого орудия обнаружен в нижнем культурном слое 6, остальные по пять экземпляров найдены в слоях 3 и 3Б, ещё три – в слое 3А. Не исключено, что они появляются у ранних обитателей косэуцкой стоянки во время максимального похолодания, когда на древней поверхности сформировался более плотный глинистый грунт, и исчезают из употребления у обитателей верхних культурных слоев, когда на древней поверхности стали накапливаться рыхлые песчанистые отложения и мотыжки не были столь востребованы.

Практически в каждом культурном слое стоянки Косэуц встречаются находки игл (рис. 4,1-27). Это один из обязательных атрибутов хозяйственного набора инструментов. Судя по находкам костей с четко выраженными следами членения, их производство было налажено в пределах самой стоянки. В частности, об этом свидетельствует находка левой локтевой кости северного оленя (рис. 4,46), от которой благодаря двум параллельным бороздкам, длиной более 4 см и глубиной 1 мм, выполненным резцом, были отделены узкие удлиненные заготовки. В ходе обработки на абразиве им предавали правильные симметричные очертания, затем поверх-

ность полировалась, а на несколько уплощенном нижнем конце подготавливалось сквозное отверстие. В музейном фонде сейчас находится 48 игл, из которых треть представлена целыми формами, чуть меньше трети имеет излом у ушка, остальные обнаружены во фрагментах. Самая крупная из игл имеет длину 13,8 см (рис. 4,1), самая мелкая – 3,8 см. Наиболее востребованными были иглы длиной 5-6 см. Чаще всего они имеют овальное сечение в средней части, округлое – ближе к острию и уплощенное – к ушку. Для подготовки отверстия у большинства иглолок использовалось ручное высверливание с двух сторон, изредка дополняемое пробиванием, что, как нам представляется, иногда приводило непреднамеренному повреждению. В последнем случае практиковалось повторное высверливание нового отверстия. Сами отверстия достаточно миниатюрны и составляют в среднем чуть более 1 мм в поперечнике. Самое крупное отверстие не превышает 1,7 мм, а самое мелкое 0,7 мм. Все они близки к округлой форме и лишь в одном случае отверстие напоминает овал. Любопытно, что во многих отверстиях заметны следы износа в виде затертости и легкой залощенности.

При всем различии костяных игл по длине, все они подготовлены по общему стандарту⁶, чего нельзя сказать о типологии шильев. Каждое из 12 найденных в Косэуц шильев индивидуально. Среди них выделяются экземпляры, подготовленные на естественно острых костях⁷ с незначительной пришлифовкой острия (рис. 4,34-35,45), короткие массивные образцы⁸, округлые в сечении, со сплошной пришлифовкой поверхности (рис. 4,36-37), скошенные и симметричные острия⁹ с тщательной пришлифовкой узкого длинного жала (рис. 4,32,41,44), двухконечное орудие (близкое по своим пропорциям к наконечнику легкого дротика) со сплошной пришлифовкой и односторонней залощенностью (рис.

5. По размерам колья для волокуш «не превышали по длине 2,5 м. В работе они быстро изнашивались, и распространенным способом их ремонта было обрубание концов, стершихся при переездах», или замена основания таких кольев износоустойчивыми роговыми отростками, наиболее удобными из которых были «S» видной формы.

6. По своим пропорциям иглы выстраиваются в единый типологический ряд, отражающим постепенное изменение от длинных узких образцов к коротким и более широким.

7. Грифельных костях лошади, большой метакарпальной кости с первой пальцевой фаланги северного оленя.

8. Из стенок трубчатых костей крупных животных.

9. Из фрагмента диафиза трубчатой кости северного оленя и локтевой кости северного оленя.

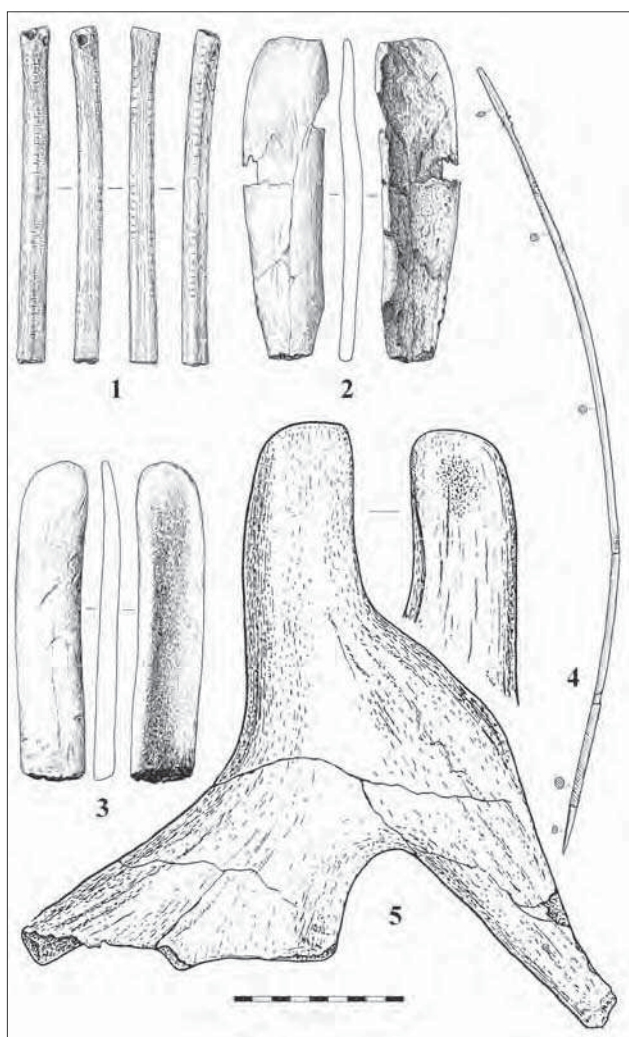

Рис. 5. Косэуць. Костяные и роговые изделия. 1 – игольник (трубка для снятия шкуры?); 2,3 – ложила; 4 – острога с орнаментом; 5 – тесло.

Fig. 5. Cosăuți. Pieces of bone and antler. 1 – tubular case for needle (skinning tube?); 2-3 – polisher; 4 – small leister with ornaments; 5 – adze.

4,31), проколка¹⁰ с двумя продольными надрезами и шлифовкой граней (рис. 4,33).

Неоднозначную позицию в составе костяных изделий занимают игольники. Из четырех находок такого рода, три сравнительно невелики по размерам, что определено выбором в качестве заготовки костей птиц и мелких млекопитающих (зайца, сурка). Для этой разновидности инвентаря характерно использование диафизов полых трубчатой кости, с преднамеренно усеченными эпифизами. У

10. Из фрагмента тонкой кости посткраниального скелета, предположительно северного оленя.

двух образцов (рис. 4,28,30) длиной 10,5 и 7,8 см соответственно из слоев 4 и 3, оба конца удалены небрежно. Не исключено, что они были просто обломаны¹¹. На их использование указывает сильная залощенность по всему периметру, традиционные нарезки и поперечные насечки вблизи одного из концов. Третий игольник из слоя 3 (рис. 4,29) длиной 6,8 см и диаметром до 0,7 см имеет необычайно скрупулезно затертую поверхность и сплошную орнаментацию поперечными нарезками длиной до 0,4 см. Примечательно, что концы этой находки срезаны более аккуратно.

Отдельного рассмотрения заслуживает необычайно крупный игольник (рис. 5,1), найденный в слое 5 (№179). Его длина 17,6 см, диаметр 1,5 см. Он изготовлен из тонкостенной трубчатой кости, предположительно плечевой от крупной птицы (орла, дрофы или чайки), имеет поперечно срезанные концы и отверстие (диаметром 5 мм, округлой формы, со сглаженной кромкой) у одного из них. Вся его поверхность сильно залощена, напоминая по своей интенсивности зеркальную заполировку. Несомненно, искусственное происхождение имеют ритмично нанесенные по всему периметру насечки (длиной 3-3,5 мм), поперечно ориентированные и сгруппированные в три ряда¹². Отнесение этой находки к флейтам

вызывает сомнения, в связи с наличием всего одного отверстия, чье назначение, по нашему мнению, связано с креплением перевязи. Сравнительно крупные размеры этой находки, казалось бы, указывают на её возможное использование в качестве муфты. Однако такие же крупные образцы, выполненные из полых трубчатой кости со срезанными эпифизами, активно применялись в качестве игольников в неолите Якутии, что нашло свое подтверждение благодаря сохранившимся внутри них иголкам и шильцу [D'iakonov 2014, 90, рис. 1; Stepanov et al. 2003, 105]. По другой версии¹³,

11. Насколько распространенной была практика обламывания концов, свидетельствует находка игольника из трубчатой кости птицы в Зарайске [Amirkhanov et al. 2009, 252, tab. 12,1].

12. Число насечек по рядам – 8/8, 16/10, 14/7, при среднем расстоянии между насечками в 4 мм.

13. Первоначально высказанной сотрудником Нацио-

такие изделия могли использоваться в качестве трубки для нагнетания воздуха под шкуру мелких животных, что способствовало её снятию. На практике это не только значительно облегчало отделение шкурки от мяса, но и сохраняло в непотревоженном состоянии весь подкожный жир на тушке¹⁴.

Дальнейшая обработка шкур животных производилась кремневыми скребками, хотя не исключалось эпизодическое применение для этих целей подходящих по форме обломков костей. Не вызывает сомнений использование костяных орудий и для выделки кожи. При раскопках стоянки Косэуць было найдено 14 лоцил, изготовленных из кости (рис. 3,7-9,14; 5,2), рога (рис. 3,6,12; 5,3) и бивня (рис. 3,10). Они достаточно легко распознаются по почти всегда хорошо развитой залощенности, обычно двусторонней и облегающей (Korobkova, Shchelinskii 1996, 51-52), а также сильному истиранию рабочего края и прилегающих к нему участков. Подготовка лоцил начиналась с отбора вытянутых уплощенных заготовок, у которых почти полностью выскабливалась губчатая масса, основание обламывалось, а дистальный конец тщательно шлифовался, заострялся и приобретал полукруглые очертания. Следы пришлифовки заметны и на остальной поверхности орудий. Длина таких изделий – 16-17 см. По своему облику три экземпляра лоцил образуют некий стандарт (рис. 3,6; 5,2,3), распространение которого связано со временем формирования культурных слоев 3 и 3А¹⁵. Более ранние косэуцкие находки лоцил известны в слое 6В. Первоначально они были обозначены И.А. Борзияком [Borziac et al. 1998, 14] как кинжалы, а позднее были определены Г.Ф. Коробковой как лоцила (рис. 3,7-8). Это вытянутые костяные пластины со сплошной пришлифовкой обеих поверхностей, у которых двумя неглубокими симметричными выемками, подготовлен короткий черенок. Несколько по иному выглядит лоцило из культурного слоя 5 (рис. 3,10), изготовленное из бивня, со сплошной

нального музея истории Молдовы В.М. Бикбаевым.

14. В наше время для этого привлекается игла с присоединенным шлангом от насоса, создающим высокое давление, при котором шкура отходит от туши и её легче надрезать и снять.

15. Такое же стандартное лоцило представлено в слое 5а стоянки Кормань IV [Chernysh 1977, 41, ris. 21,1].

интенсивной пришлифовкой, обеспечивающей сужение к верхнему концу¹⁶. Длина указанного образца в два раза меньше ранее описанных лоцил. Меньшие размеры имеет и костяное лоцило из разрушенного карьером верхнего культурного слоя. Оно оригинально своей исключительно сильной пришлифовкой (и утилизацией) не столько обеих поверхностей и верхнего конца, сколько продольного края (рис. 3,14)¹⁷. Заслуживает упоминания два комбинированных костяных орудия – стамеска-лоцило из слоя 3Б (рис. 3,9) и кинжал-лоцило из слоя 6Г [Covalenco, Croitor 2016a, ris. 2,6].

В отдельную группу костяных изделий объединены остроги для битья рыбы, представленные одним целым экземпляром и тремя обломками. Они детально описаны И.А. Борзияком [Borziac 1991, 43-45], который допускал, что материалом для их изготовления служил рог северного оленя, хотя он и не обладал достаточной плотностью, в сравнении с костью. Единственный целый экземпляр остроги обнаружен в слое 2А (рис. 5,4). Общая его длина – 45,5 см, диаметр насада – до 0,5 см, диаметр стержня – от 0,4 до 0,25 см, с заметным утончением к поражающему концу. Это сложное по своей компоновке изделие имеет конусовидный насад, вставлявшийся в древко не менее чем на 3 см и плотно крепившегося перевязью на протяжении последующих 5 см благодаря спиралевидной гравировке поверхности. В отличие от других острог, почти полностью покрытых спиралевидным орнаментом, основная часть поверхности рассматриваемого изделия его не имеет. Тщательная и предельно точная пришлифовка округлого в сечении стержня этой остроги, использована и для обработки дистального конца, линзовидного в сечении, подготовленного в виде стрелчатого пера длиной до 3,5 см. Характерной деталью в оформлении поражающего конца можно считать моделирование в его основании двух пар симметрично расположенных мелких шипов.

16. Обе из его сторон, практически по всей поверхности расчерчены нарезками в виде тонких, частично затертых, линий (параллельных друг другу, ритмично нанесенных с интервалом в 2 мм), число которых не менее 27. Его сечение в базальной части овальное, а в дистальной линзовидное. У верхнего зауженного конца заметны следы от попытки высверливания отверстия.

17. По характеру оформления ему близко костяное лоцило из Межирич [Filippov 2003, ris. 2,3].

Самый крупный обломок остроги, основание которой утрачено, происходит из слоя 2Б (рис. 4,40). Для её изготовления использован тонкий округлый в сечении стержень диаметром 0,45 см, вероятно, снятый с ребра крупного животного. Мелкое слабопрофилированное острие этой остроги, длиной до 1,5 см, имеет уплощение и прилегающий к нему участок спиралевидного орнамента из 6 витков. Еще два участка с резным спиралевидным декором отмечено в средней части стержня и у обломанного основания. Два обломка проксимальных частей острог, обнаруженных в слое 3Б (рис. 4,39,42), изготовлены из фрагмента стенки метаподия северного оленя. Их длина не превышает 10 см, а поверхность аккуратно пришлифована и перекрыта ритмично нанесенными витками спиралевидного орнамента. У обоих изделий намечен короткий конусовидный насад, переходящий в округлый в сечении стержень диаметром 0,35-0,45 см.

Неоднозначная ситуация сложилась при определении функционального назначения трех роговых отростков с явными следами преднамеренной обработки. Первые два изделия из слоя 2Б (№221, рис. 6,Б3) и из слоя 3А (№95, рис. 6,Б1), ранее относимые к заготовкам острия и мотыжки, выполнены из фрагментов штанги рога северного оленя длиной 30,4 и 54 см соответственно. В обоих случаях они имеют слабопрофилированные «S» видные очертания, специально срезанные под основание боковые ответвления и, что крайне важно, трехгранное сечение базального конца, подготовленного пришлифовкой с двух сторон. С этой парой находок соотносится фрагмент продольно расчлененного рога северного оленя длиной 28,3 см, с почти полностью выскобленной губчатой массой и не естественно обломанными концами, в одном случае подправленного мелкими сколами (из слоя 3А, №93, рис. 6,Б2). Характер подготовки этих изделий не исключает возмож-

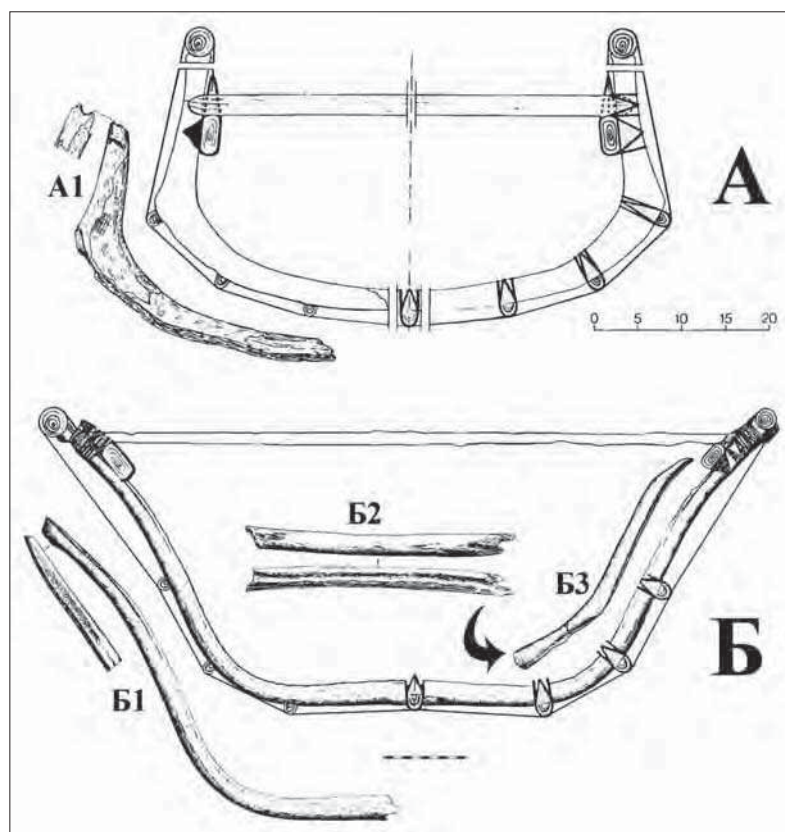

Рис. 6. Разрез лодки каркасного типа, по реконструкции: А – Ellmers [1980] (А1 – фрагмент оленьего рога из Husumer Hafenschleuse); Б – Коваленко (Б1-Б3 – фрагменты оленьего рога из Косэуць).

Fig. 6. Reconstruction of skin boat. A – by D. Ellmers [1980] (A1 – reindeer antler-fragment from Husumer Hafenschleuse); Б – by S. Covalenco (Б1-Б3 – reindeer antler-fragments from Cosăuți).

ности их использования в составе некой конструкции. Насколько реально они могли быть частью одного из самых важных конструктивных блоков каркасной лодки – шпангоута, судить трудно. Однако по аналогии с реконструкцией такой лодки¹⁸, представленной в разрезе (рис. 6,А) [Tromnau 1987, 98, fig. 3], такая версия не лишена смысла. Тем более, что в нашей реконструкции (рис. 6,Б) были задействованы более облегченные роговые составляющие.

Не менее сложно дать характеристику двум крупным, изогнутым в профиле находкам, на поверхности которых заметны следы от интенсивного использования в виде залощенности, предположительно от контакта с кожей/

18. Как предполагается, распространенной у охотников на северного оленя аренсбургской культуры [Ellmers 1980, 19-24].

шкурой. Для изготовления первого орудия выбрано ребро лошади длиной 42,3 см (из слоя 2А, рис. 3,2), для второго – бивневый стержень длиной 36 см (из слоя 3, рис. 3,1). Но если первое из них имеет лишь слабо выраженную пришлифовку дистального конца, то второе обработано более основательно. В его стрельчатом уплощенном основании с двух сторон продельно отверстие диаметром до 0,4 см, а на остальном овальном в сечении стержне произведена тщательная пришлифовка и заполировка поверхности. Особое назначение этого предмета [Borziac et al. 1998, 9-10] подчеркнуто орнаментом в виде продольно ориентированной линии, которая на двух небольших участках переплетается со второй, создавая впечатление некоего волнообразного движения. По нашему мнению, обе эти находки напоминают известные у чукчей-оленьеводов колотушки, которыми каждое утро женщины выбивали вынесенный из жилища и промерзший на холоде спальный полог из шкур животных, что помогало избавиться от накопившейся за ночь влаги.

Экзотичной и до конца не понятой находкой остается трехконечное острие, снабженное рукояткой (рис. 7,1), вначале определенной И.А. Борзьяком [Borziac, Covalenco 1990] как «заколка для волос». Судя по фактуре дорсальной поверхности, это изделие изготовлено из кости¹⁹, возможно, подъязычной кости мамонта, прототип которого представлен на рис. 7,2. Верхняя поперечная часть этого «Т» образного орудия составляет не более 19 см, а длина рукоятки около 16 см. Характер износа в виде затертости/заложенности на рабочих концах свидетельствует о его использовании в ударно-проникающих действиях.

Нет определенности в назначении еще двух предметов: орудия с зауженным концом, перекрытого обильными следами утилизации, подготовленном на крупном трехконечном фрагменте оленьего рога (рис. 2,6) и острия треугольной формы на плоском обломке оленьего рога со сквозным отверстием диаметром 2 см (рис. 2,10). По мнению И.А. Борзьяка, первое из этих изделий могло служить основой «для разминания ремней», второе – для «выпрямления древков». По нашим наблюдениям, харак-

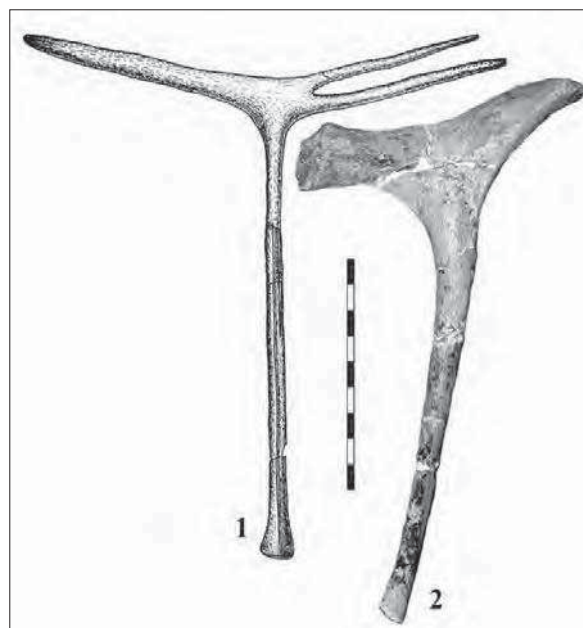

Рис. 7. Изделие из подъязычной кости мамонта и его прототип. 1 - заколка из слоя 2 стоянки Косэуць; 2 – подъязычная кость колумбийского мамонта.

Fig. 7. Piece of hyoid bone of mammoth and his prototype. 1 - hairpin from layer 2 Cosăuți; 2 - hyoid bone Columbian mammoth.

тер износа на трехконечном роговом орудии не имеет достаточных признаков утилизации от контакта с кожей/шкурой, но оно однозначно использовалось в качестве наковальни, отчего у места соединения штанги и надглазничного отростка образовался участок (до 4 см в поперечнике) с глубокими выбоинами.

Подведем некоторые итоги в рассмотрении изделий из кости, рога и бивня с многослойного памятника верхнего палеолита Косэуць. По нашим данным, в охотничьей и хозяйственно-бытовой деятельности обитателей стоянки использовалось не менее 164 изделий (табл. 1).

Нетрудно заметить, что в наборе инвентаря преобладают костяные иглы, наконечники охотничьего оружия из разного рода материалов, роговые рукоятки, костяные лопатки. Конечно же, нельзя утверждать, что в такой же последовательности были распространены соответствующие виды деятельности – пошивка одежды, изготовление пологов и покрышек для жилищ, массовое производство и ремонт охотничьего вооружения, подготовка рукояток и муфт, выделка кожи. С другой стороны, до-

19. Ранее считалось, что эта необычная находка выполнена из оленьего рога.

Наименование изделий	Количество			Общее число	%
	из кости	из рога	из бивня		
Охотничье оружие	22	13	2	37	22,5
Рукоятки и муфты	2	19	-	21	13
Рубящие орудия, кирочка	-	3	-	3	1,8
Мотыжки	-	13	-	13	8
Иглы	48	-	-	48	29,2
Шилья	12	-	-	12	7,3
Игольники	4	-	-	4	2,4
Лоцила	10	3	1	14	8,5
Остроги	4	-	-	4	2,4
Прочие	3	4	1	8	4,9
Итого	105	55	4	164	100
%	64	34	2	100	

Таблица 1.

минирование швейных принадлежностей костенно указывает на зимний период функционирования стоянки, обилие наконечников пик и копий – на высокую активность охотничьего промысла недалеко от места проживания, широкое распространение роговых рукояток – на необходимость быстрой утилизации продуктов охоты, а лощение кожи – на изготовление изысканной мягкой бархатистой замши. Вызывающе высокое число роговых мотыжек в слоях ЗБ, З и ЗА также может свидетельствовать об использовании ловчих ям, которые при определенной системе размещения могли создать

дополнительные возможности для успешного проведения поделки северных оленей во время их осенней переправы через Днестр. Но если основные категории костяного или рогового инвентаря помогают характеризовать образ жизни охотничьих общин, то редкие и спорные по своему назначению изделия, типа трехкопечного острия из подъязычной кости мамонта или роговых отростков, потенциально пригодных для создания простейших транспортных средств, могут коренным образом изменить наше представление о технических возможностях в эпоху верхнего палеолита.

Библиография

- Aaris-Sorensen et al. 2007:** K. Aaris-Sorensen, R. Rudi Muhldorff, E.B. Petersen, The Scandinavian reindeer (*Rangifer tarandus* L.) after the last glacial maximum: time, seasonality and human exploitation. *Journal of Archaeological Science* 34, 2007, 914-923.
- Amirkhanov et al. 2009:** H.A. Amirkhanov, N.B. Akhmetgaleeva, A.P. Buzhilova, N.D. Burova, S.Iu. Lev, E.N. Mashchenko. *Issledovaniia paleolita v Zaraiske. 1999–2005* (Moskva 2009) // X. A. Амирханов, Н. Б. Ахметгалеева, А. П. Бужилова, Н. Д. Бурова, С. Ю. Лев, Е. Н. Мащенко. *Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005* (Москва 2009).
- Borziac 1991:** I.A. Borziac, O vremeni vozniknoveniia rybolovstva na Iugo-Zapade SSSR. In: (ed. N.A. Ketraru) *Khoziaistvennye komplekсы drevnikh obshchestv Moldovy* (Kishinev 1991), 39-46 // И.А. Борзияк, О времени возникновения рыболовства на Юго-Западе СССР. В сб.: (отв. ред. Н.А. Кетрару) *Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы* (Кишинев 1991), 39-46.
- Borziac 1993:** I.A. Borziac, Orientation of social activity of the population of last palaeolithic in the area along Dniester river. *Revista arheologică* 1, 1993, 5-22.
- Borziac 1995:** I. Borziac, Les chasseurs de renne du Kosoutsy. Site paléolithique tardif a plusieurs niveaux sur le Dniestr Moyen. *L'Anthropologie*, nr. 2/3, 1995, 331-336.

Borziac, Covalenco 1990: I.A. Borziac, S.I. Covalenco, Issledovanie vtorogo kul'turnogo sloia mnogoslinoi paleoliticheskoi stoianki Kosoutsy na Srednem Dnestre. In: (red. N.A. Ketraru) Arheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1985 g. (Kishinev 1990), 3-23 // И.А. Борзияк, С.И. Коваленко, Исследование второго культурного слоя многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В сб.: (отв. ред. Н.А. Кетрару) Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. (Кишинев 1990), 3-23.

Borziac et al. 1998: I. Borziac, M. Otte, P. Noiret, Piese de artă paleolitică și de podoabă de la stațiunea paleolitică cu mai multe niveluri de locuire Cosăuți din zona Nistrului Mijlociu. Revista arheologică 2, 1998, 5-27.

Borziac, Obade 1999: I.A. Borziac, T.F. Obade, Mamont v paleolite Dnestrovsko-Karpatskogo regiona. Stratum plus 1, 1999, 287-312 // И.А. Борзияк, Т.Ф. Обада, Мамонт в палеолите Днестровско-Карпатского региона. Stratum plus 1, 1999, 287-312.

Chernysh 1977: A.P. Chernysh, Mngosloinaia paleoliticheskai stoianka Korman' IV i ee mesto v paleolite. In: (red. G.I. Goreckii, S.M. Tseitlin) Mngosloinaia paleoliticheskai stoianka Korman' IV na Srednem Dnestre (Moskva 1977), 7-77 // А.П. Черныш, Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите. В сб.: (ред. Г.И. Горещкий, С.М. Цейтлин) Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре (Москва 1977), 7-77.

Chernysh 1982: A.P. Chernysh, Mngosloinaia paleoliticheskai stoianka Molodova I. In: (red. G.I. Goreckij, I.K. Ivanova) Molodova I. Unikal'noe must'erskoe poselenie na Srednem Dnestre (Moskva 1962), 1-188 // А.П. Черныш, Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I. В сб.: (ред. Г.И. Горещкий, И.К. Иванова) Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре (Москва 1962), 1-188.

Chernysh 1987: A.P. Chernysh, Etalonnaia mnogoslinoia stoianka Molodova V. Arkheologiya. In: (otv. red. I.K. Ivanova, S.M. Cejtin) Mngosloinaia paleoliticheskai stoianka Molodova V. Liudi kamennogo veka i okruzhaiushchaia sreda (Moskva 1987), 7-93 // А.П. Черныш, Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология. В сб.: (отв. ред. И.К. Иванова, С.М. Цейтлин) Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда (Москва 1987), 7-93.

Covalenco, Croitor 2016a: S.I. Covalenco, R.V. Croitor, Ouzhie iz kosti, roga i bivnia s mnogoslinoi stoianki pozdnego paleolita Koseuts na Srednem Dnestre. Stratum plus 1, 2016, 121-135 // С.И. Коваленко, Р.В. Кройтор, Оружие из кости, рога и бивня с многослойной стоянки позднего палеолита Косэуц на Среднем Днестре. Stratum plus 1, 2016, 121-135.

Covalenco, Croitor 2016b: S.I. Covalenco, R.V. Croitor, Rogovye rukoiatki so stoianok verkhnego paleolita Moldavskogo Pridnestrov'ia. Bone industry in ancient cultures of Eurasia (in red.) // С.И. Коваленко, Р.В. Кройтор, Роговые рукоятки со стоянок верхнего палеолита Молдавского Приднестровья. Bone industry in ancient cultures of Eurasia (в печати).

Croitor 1997: R. Croitor, Cerbii Plio-Pleistoceni din Republica Moldova. Semnificatia lor paleogeografica si stratigrafica. Teza de doctor in stiinte biologice (Chisinau 1997).

Croitor 2010: R.V. Croitor, K istorii severnogo olenia v paleolite Moldovy. Stratum plus 1, 2010, 137-165 // Р.В. Кройтор, К истории северного оленя в палеолите Молдовы. Stratum plus 1, 2010, 137-165.

David et al. 2003: A. David, A. Nadachowski, V. Pascaru, P. Wojtal, I. Borziac, Late Pleistocene mammal fauna from the Late Palaeolithic butchering site Cosăuți 1, Moldova. Acta zoologica cracoviensia 46 (1) (Kraków 2003), 85-96.

D'iakonov 2014: V.M. D'iakonov, Nakhodka kostianogo igol'nika s iglami na neoliticheskoi stoianke Vladimirovka III (Tsentral'naia Iakutiia). Voprosy analogii i fenomen persistentnosti v kul'turnom razvitii. Vestnik SVNC DVO RAN 1, 2014, 89-96 // В.М. Дьяконов, Находка костяного игольника с иглами на неолитической стоянке Владимировка III (Центральная Якутия): вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии. Вестник Северо-Восточного Центра Дальневосточного Отделения Российской АН 1, 2014, 89-96.

Ellmers 1980: D. Ellmers, Ein Fellboot-Fragment der Ahrensburger Kultur aus Husum, Schleswig-Holstein? Offa 37, 19-24.

Filippov 2003: A.K. Filippov, Trasologiya verkhnepaleoliticheskikh izdelii iz kosti so stoianki Mezhirich (Ukraina). In: (red. V.M. Masson) Peterburgskai trasologicheskai shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii: V chest' iubileia G.F. Korobkovo (Sankt-Petersburg 2003), 199-213 // А.К. Филиппов, Трасология верхнепалеолитических изделий из кости со стоянки Межирич (Украина). В сб.: (ред. В.М. Массон) Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой (Санкт-Петербург 2003), 199-213.

Korobkova, Shchelinskii 1996: G.F. Korobkova, V.E. Shchelinskij, Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda. Chast' 1 (Sankt-Petersburg 1996) // Г.Ф. Коробкова, В.Е. Щелинский, Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 1 (Санкт-Петербург 1996).

Stepanov et al. 2003: A.D. Stepanov, A.S. Kirillin, S.A. Vorob'ev, E.N. Solov'ev, N.N. Efimov, Peshchera Haiyrgas na

Srednei Lene (rezul'taty issledovaniy 1998-1999 gg.). In: (red. A.N. Alekseev) Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Astroarkheologiya. Paleoinformatika (Novosibirsk 2003), 98-113 // А.Д. Степанов, А.С. Кириллин, С.А. Воробьев, Е.Н. Соловьев, Н.Н. Ефимов, Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998-1999 гг.). В сб.: (ред. А.Н. Алексеев) Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика (Новосибирск 2003), 98-113.

Tromnau 1987: G. Tromnau, Late Palaeolithic reindeer-hunting and the use of boats. In: (eds. J. Burdukiewicz, M. Kobusiewicz) Late Glacial in Central Europe. Culture and Environment (Wrocław 1987), 95-105.

Сергей Коваленко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологии Института Культурного наследия Академии наук Молдовы; e-mail: covalenco@bk.ru

Роман Кройтор, кандидат биологических наук, ассоциированный научный исследователь, Maison méditerranéenne des sciences de l'homme, 5 Rue Château de l'Horloge, 13090 Aix-en-Provence, France; e-mail: roman-croitor@europe.com

Владимир Колода, Роман Кройтор

**Животноводство населения салтовской культуры
в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 2**

Key words: Middle Age, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayatskaya Culture, animal breeding, forest-steppe.

Cuvinte cheie: evul mediu, Caganatul hazar, cultura Saltovo-Maiatîk, creşterea animalelor, silvostepă.

Ключевые слова: средневековье, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, животноводство, лесостепь.

Vladimir Koloda, Roman Croitor

Animal breeding of the Saltovo Culture bearers from the forest-steppe part of the Seversky Donets Basin (Ukraine). Part 2

The paper presents a description and analysis of the archaeozoological material from medieval monuments of Saltovo Culture (Kharkiv region, Ukraine) in a wide geographical, climatic, cultural, historical, and archaeological context. The proposed statistical, biometric, and demographic analysis of the archaeozoological material reveals a settled character of Saltovian economy and animal husbandry from the forest-steppe zone. The settled character of animal breeding is suggested by the dominance of cattle and the significant presence of the domestic pig in the domestic herd, while the small cattle had a subordinate role in economy. The important role of the domestic horse (after cattle) represents a specific feature of the Saltovian domestic herd that distinguishes the Saltovian archaeozoological complexes from other agriculture based cultures from Eastern Europe. The second part of the proposed work continues the systematic description and analysis of the archaeozoological complexes from Middle Age of Kharkov Region.

Vladimir Koloda, Roman Croitor

Creşterea animalelor de către purtătorii culturii Saltovodin silvostepa basinului râului Severskii Donets (Ucraina). Partea 2

Lucrarea prezintă descrierea şi analiza materialului arheozoologic din câteva monumente medievale saltoviene din regiunea Kharkov (Ucraina), într-un context geografic, climatic, cultural, istoric şi arheologic larg. Analiza statistică, biometrică şi demografică a materialului arheozoologic a arătat că creşterea animalelor şi gospodăria purtătorilor culturii Saltovo din zonă de silvostepă, în general, aveau un caracter sedentar, fapt dovedit prin dominaţia bovinelor şi o prezenţă semnificativă a porcului domestic, în timp ce vitele cornute mici – un rol secundar în componenţa turmei animalelor domestice. Rolul important al calului domestic (locul doi după vitele cornute mari) în complexele arheozoologice din monumentele culturii Saltovo reprezintă o trăsătură specifică a acestei culturi, spre deosebire de alte culturi arheologice atribuite populaţiilor de agricultori din Europa de Est. Partea a doua conţine continuarea descrierii sistematice şi analizei complexelor arheozoologice din monumente medievale din regiunea Kharkov.

Владимир Колода, Роман Кройтор

Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 2

В работе представлены описание и анализ археозоологического материала из средневековых памятников салтовской культуры Харьковской области (Украина) в широком географо-климатическом, культурно-историческом и археологическом контексте. Предложенный статистический, биометрический и демографический анализ археозоологического материала показал, что в целом салтовское животноводство лесостепной зоны имеет оседлый характер, выражающийся в доминировании крупного рогатого скота и значительном присутствии домашней свиньи, тогда как мелкий рогатый скот играет в домашнем стаде подчинённую роль. Специфической чертой условного домашнего стада салтовских памятников является важная роль домашней лошади (на втором месте после крупного рогатого скота), что отличает салтовское животноводство от археозоологических комплексов других земледельческих культур Восточной Европы. Во второй части предлагается продолжение систематического описания и анализа археозоологических комплексов средневековых памятников салтовской культуры Харьковской области.

Предисловие

В первой части данной статьи, вышедшей в предыдущем номере журнала *Revista Arheologică*, представлена историография, методика исследования и анализ археозоологических памятников салтовской культуры близ

г. Волчанска, в с. Верхний Салтов и на селище близ с. Пятницкое. В данной (второй) части статьи будут проанализированы материалы со следующих салтовских памятников указанного региона: Мохнач, Коробовы Хутора, Роганина и Фащевка. В третьей части мы планируем пред-

ставить обобщающий анализ и общие выводы по животноводству салтовского населения региона. Во всех трёх частях сохраняется единая нумерация рисунков и таблиц.

СЕЛИЩЕ МОХНАЧ-П¹

Систематический обзор

Археологический материал немногочислен и включает остатки домашних животных и три фрагмента костей человека (Табл. 10). Кости сильно раздроблены, поэтому во многих случаях систематическое определение материала не представлялось возможным (более 50% археозоологических артефактов). Материал включает остатки четырёх половозрелых особей лошади (*Equus caballus*), которые идентифицированы по зубам с различной степенью изношенности (одна особь сенильная).

Вид	кости	особи	обугленные
<i>Equus caballus</i>	59	4	2
<i>Bos taurus</i>	119	4	3
<i>Sus scrofa domesticus</i>	5	2	1
<i>Ovis/Capra</i>	5	1	
<i>Homo sapiens</i>	3	1	
Неопределённые	279		9
ВСЕГО	470	12	15

Таблица 10. Структура археозоологического комплекса из селища Мохнач-П.

Table 10. Structure of the archaeozoological assemblage from the site Mokhnach-P.

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*) так же представлен четырьмя особями, одна из которых ювенильная. Судя по размерам третьих нижних моляров (M_3) и таранных костей, порода крупного рогатого скота из данного памятника не отличалась по размерам не только от крупного рогатого скота из других синхронных памятников Харьковской области, но так же и от более древней скифской породы (согласно данным Цалкина: Tsalkin 1966).

1. Обращаем внимание читателей, что в некоторых ранних работах по этому поселению по вине редакции были допущены ошибки: поселение подавалось с римской цифрой II. Акцентируем внимание на том, что начиная с открытия первого селища близ городища Мохнач (1950 г.) для их обозначений введены буквенные индексы: «А», «Б» и т.д., рассматриваемое поселение также имеет буквенный индекс – «П»..

Несколько скелетных остатков, в том числе и обожженный нижний клык самки, принадлежат двум половозрелым особям **домашней свиньи** (*Sus scrofa domesticus*), одна из которых характеризуется продвинутой стадией изнашивания зубной системы. Принадлежность костей именно домашней свинье подтверждается их мелкими размерами: длина нижнего ряда моляров (M_1-M_3) составляет 61.0 мм, $P_4 L \times D - 14.0 \times 8.3$ mm, $M_3 L \times D - 30.6 \times 14.0$ mm.

Кости **мелкого рогатого скота** (метатарс, пяточная кость, большая берцовая кость и правый верхний моляр половозрелой особи) сильно фрагментированы и не позволяют определить родовую принадлежность материала.

Общая характеристика

В целом археозоологический комплекс является типичным для салтово-маяцкой культуры и характеризуется доминированием костей крупного рогатого скота и лошади, которые вместе по количеству костных остатков составляют более 90% определённого материала. Другой типичной для салтово-маяцкой культуры чертой данного археозоологического комплекса является отсутствие остатков диких животных. Тем не менее, данный археозоологический комплекс является небольшим, поэтому его статистическая характеристика должна восприниматься с определённой долей осторожности. Некоторые кости обуглены, однако других явных следов модификации костного материала в результате человеческой деятельности не обнаружено. Необычным является присутствие трёх фрагментов костей человека.

ГОРОДИЩЕ МОХНАЧ

Систематический обзор

Лошадь (*Equus caballus*). Всего пять половозрелых особей. Одна из них, остатки которой найдены в слабо заглублённой хозяйственной постройке (Раскоп 10, №590)², еще достаточно молода (M_3 на начальной стадии изнашивания). Большая часть её остатков (M_3 , дистальный фрагмент метаподии, фрагменты первой пальцевой фаланги, первая пальцевая фаланга задней конечности, вторая пальцевая фаланга, астрагал) обожжена и обуглена. Опять же, как

2. Комплекс №51 [Koloda 2010, 34–35], при включении этих костей в полевую опись все они суммарно были определены как принадлежащие КРС [ibidem, 70].

и на предыдущих памятниках, первая пальцевая фаланга задней конечности отличается удлинённостью и относительной тонкостью. Относительно тонкой является и вторая пальцевая фаланга передней конечности (таблица 20), однако она остаётся в пределах изменчивости древней домашней лошади из Ботая (Казахстан, по данным [Kuz'mina 1997]).

Крупный рогатый скот (*Bos Taurus*). Двенадцать половозрелых особей и одна ювенильная (присутствует полный ряд нижних молочных зубов и едва прорезавшийся M_1 , возраст около 6 месяцев). В материале присутствуют обожженные кости: астрагал, дистальный эпифиз большой берцовой кости и фрагмент лопатки. На дистальном фрагменте плечевой кости – следы, оставленные при помощи режущего орудия.

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*). Четыре особи, в том числе половозрелая самка (представлена правой верхней челюстью с P^4 – M^3 и верхним клыком), молодая особь, у которой зубная система находится на завершающей стадии формирования (представлена верхней челюстью с M^1 и M^2 ; M^3 не сохранился но видимо прорезался не полностью; так же присутствует фрагмент правой ветви нижней челюсти с M_1), и два поросёнка возрастом менее года, представленные костями конечностей в сочленении и фрагментами нижней челюсти.

Домашняя овца (*Ovis aries*). Четыре половозрелые особи, представленные фрагментами костей конечностей и изолированными зубами. Дистальный фрагмент плечевой кости обуглен.

Лиса (*Vulpes vulpes*). Данному представителю дикой фауны в археозоологическом комплексе принадлежит целая лучевая кость (длина 115 мм).

Дикий тур (*Bos primigenius*) или **зубр** (*Bison bonasus*). Обращает на себя внимание исключительно крупная таранная кость из комплекса №51 раскопа 10 (№590) максимальная длина которой составляет 76.0 мм, дистальная ширина 45.9 мм. Она, возможно, принадлежит дикомутуру или зубру [Koloda 2010, 70].

Общая характеристика

Сравнительно небольшой археозоологический комплекс характеризуется доминированием костных остатков домашних живот-

ных. Диким животным (лисе и туру/зубру) принадлежат по одной кости. Наиболее многочисленным по количеству особей (почти половина поголовья условного домашнего стада) является крупный рогатый скот; поголовье лошадей, домашних свиней и мелкого рогатого скота значительно уступает ему, и, в свою очередь, соотношение между ними является приблизительно паритетным. Особенностью комплекса является достаточно большое количество обугленных костей, и в первую очередь костей лошади (табл. 11). Добавим, что с точки зрения видового состава археозоологического, в материалах основных по площади раскопов с салтовским культурным слоем (раскоп 10 и раскоп 11) никакой разницы нет.

Вид	кости	особи	обугленные	следы орудий
<i>Equus caballus</i>	69	5	8	
<i>Bos taurus</i>	126	13	3	1
<i>Sus scrofa domesticus</i>	25	4		
<i>Ovis aries</i>	19	5	1	
<i>Vulpes vulpes</i>	1	1		
<i>Bos primigenius/</i> <i>Bison bonasus</i> (?)	1	1		
ВСЕГО	241	28	12	1

Таблица 11. Структура археозоологического комплекса из Городища Мохнач.

Table 11. Structure of the archaeozoologic assemblage from the settlement Mokhnach.

* – отсутствие в этой таблице и в некоторых следующих позиции по неопределённым костям объясняется тем, что отбор качественного археозоологического материала осуществлялся сразу на месте, непосредственно в полевых условиях.

СЕЛИЩЕ КОРОВОВЫ ХУТОРА

Систематический обзор

Домашняя свинья (*Sus scrofa*). Костные остатки принадлежат трём взрослым и трём ювенильным особям.

Особь 1. Ювенильной особи принадлежит левая верхняя челюсть с функционирующими молочными зубами и едва затронутым изнашиванием M^1 (возраст 0.5–1 год).

Особь 2. Приблизительно такого же возраста как и в предыдущем случае, представлена нижней левой челюстью с полным рядом

функционирующих молочных зубов и не затронутым изнашиванием M_1 .

Особь 3 представлена левой ветвью нижней челюсти со сходным состоянием онтогенетического развития зубной системы (возраст 7–11 месяцев). Учитывая состояние онтогенетического развития зубной системы, можно утверждать, что все поросята были забиты во время зимнего сезона.

Дикий кабан (*Sus scrofa ferus*). Присутствующий в материале нижний клык (длина приблизительно составляет 80.0 мм, максимальный диаметр 13.8 мм, минимальный диаметр 7.5 мм) принадлежит дикому кабану и представляет собой характерный охотничий трофей.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Шесть особей, из которых одна – ювенильная, с полным рядом функционирующих молочных зубов и едва прорезавшимся M_2 (индивидуальный возраст приблизительно составляет чуть больше года – животное было забито в весенне-летний сезон). Этой же ювенильной особи принадлежит левая ветвь нижней челюсти и опавший дистальный эпифиз правой бедренной кости (ширина 41.0 мм, передне-задний промер 48.0 мм).

В материале присутствует так же левая ветвь нижней челюсти взрослой особи (длина моляров 50.5 мм, длина премоляров 21.9 мм, длина всего зубного ряда 74.0 мм), дистальный фрагмент большой берцовой кости, таранная кость, целая пястная кость (длина 127.3 мм), а так же левый роговой стержень (длина 230 мм, диаметры основания 57.5×33.8 мм).

Лошадь (*Equus caballus*). Четыре особи, представленные изолированными зубами, фрагментами длинных костей конечностей и пальцевыми фалангами. Одна особь – ювенильная, P_2 которой едва прорезался и еще не затронут изнашиванием (возраст составляет приблизительно 2.5 лет).

Осёл (*Equus asinus*). К домашнему ослу отнесены пяточная кость и дистальный конец большой берцовой кости, которые характеризуются более мелкими размерами, чем остатки лошади. Дистальный эпифиз большой берцовой кости полностью окостенел и принадлежит половозрелой особи (ширина эпифиза 51.2 мм, 30.0 мм). По размерам большая берцовая кость несколько

уступает куланам (ширина дистального эпифиза, согласно Громовой 1949, составляет 61–63 мм), и весьма близка к размерам ослов (52–54 мм).

Крупный рогатый скот (*Bos Taurus*). Шесть особей, из которых две – ювенильные. Одна ювенильная особь представлена еще не до конца сформировавшимися костями конечностей: дистальный эпифиз лучевой кости и проксимальный эпифиз большой берцовой кости находятся на завершающей стадии окостенения и отделены от тела кости швом. В одном случае наблюдается патологическое сращивание плюсневой кости с костями предплюсны. Кроме того, в материале присутствуют M_1 или M_2 с едва заметными следами изношенности, которые принадлежат ювенильной особи возрастом 1–2 года, и нетронутый изнашиванием M_3 , принадлежащий ювенильной особи возрастом около 2,5 лет.

Косуля (*Capreolus capreolus*). Косуля представлена левым опавшим рогом, который, очевидно, был найден за пределами селища и принесён его жителями в качестве материала для обработки. Длина рога составляет 24.0 мм, высота первого ветвления 156.3 мм, диаметр основания рога 26.0 мм, диаметр розетки 49.1 мм. Поскольку опавший рог косули был подобран за пределами изучаемого памятника, мы не отмечаем его как отдельную особь в статистической таблице.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). К благородному оленю мы относим единственную пяточную кость (длина 103.6 мм, максимальный медиолатеральный промер 26.9 мм, максимальный переднезадний промер 39.0 мм).

Общая характеристика

Археозоологический комплекс из селища Коробовы Хутора характеризуется некоторыми специфическими чертами, как в отношении видового состава, так и в отношении структуры домашнего стада (табл. 12). Следует отметить присутствие домашнего осла, немногочисленные остатки которого были обнаружены только на этом памятнике. Домашнее стадо в равном количестве особей включает крупный рогатый скот, козу и свинью. Лошадь так же является важным элементом домашнего стада. Остатки диких животных единичны (рог косули, клык дикого кабана и пяточная кость благородного оленя), и в одном случае не имеют

связи с охотничьей деятельностью (опавший рог косули). Необычным также можно назвать значительное количество обугленных костей лошади, что встречается достаточно редко в археологических памятниках. Следы орудий труда на костном материале почти не обнаружены, за исключением следов рубки у основания ро-

Вид	Кости	Особь	Обугленные	Обработанные
<i>Equus caballus</i>	113	4	6	
<i>Bos taurus</i>	173	6	2	
<i>Capra hircus</i>	44	6		1
<i>Sus scrofa</i>	10	6		
<i>Equus asinus</i>	2	1		
<i>Capreolus capreolus</i>	1	-		
<i>Cervus elaphus</i>	1	1		
<i>Sus scrofa ferus</i>	1	1		
ВСЕГО	345	25	8	1

Таблица 12. Структура археозоологического материала с селища Коробовы Хутора.

Table 12. Structure of the archaeozoological assemblage from the settlement Korobovy Khutora.

гового стержня козы.

УРОЧИЩЕ РОГАНИНА

Данный памятник представляет собою ремесленный центр по добыче чёрного металла и обжигу керамики, работавший сезонно в промежутке между этапами сельскохозяйственного цикла и преимущественно в тёплое время года [Koloda 1999, 59–67, 139; 2001, 219–232]. Кратковременность пребывания здесь мастеров доказывается наличием небольшого количества маленьких по площади жилищ-временок [Колода 1997, 56–57]. Несмотря на значительную площадь раскопов ($\approx 6000 \text{ м}^2$) материалы, непосредственно не связанные с чёрной металлургией и гончарством, выявлены в крайне ограниченном количестве (в том числе и костный материал). В связи с этим, считаем возможным систематический обзор фаунистического костного материала из урочища Роганина провести одновременно с анализом его общей характеристики.

Систематический обзор и общая характеристика (табл. 13)

Значительная часть костного материала представлена изолированными щёчными зубами. Находки костей конечностей единичны.

Лошадь представлена в материале наиболее многочисленными костными остатками, которые принадлежат двум особям. Шесть скелетных фрагментов лошади обуглены. Остатки крупного рогатого скота принадлежат одной особи, быку, судя по размерам таранной кости (длина 67.6 мм, ширина дистального блока 48.0

мм). Остатки домашней козы малочисленны, их видовая принадлежность определена по форме третьего нижнего моляра (M_3). Благородный олень в материале представлен повреждённой таранной костью, проксимальным фрагментом пястной кости (ширина эпифиза 40.0 мм, переднезадний промер 27.3 мм) и верхним четвёртым премоляром (P^4). Присутствие остатков благородного оленя в материале является редким и в целом необычным для салтово-маяц-

Вид	Кости	Особь	Обугленные
<i>Equus caballus</i>	41	2	6
<i>Bos taurus</i>	14	1	
<i>Capra hircus</i>	3	1	
<i>Cervus elaphus</i>	3	1	
ВСЕГО	61	5	6

Таблица 13. Структура археозоологического материала из Урочища Роганина.

Table 13. Structure of the archaeozoological assemblage from the Roganina Stow.

кой культуры этого региона.

ФАЩЕВКА

Данный памятник представляет собою мощный чернометаллургический центр степного населения салтовой культуры [Колода 1999, 97–104, 138–139]. Несмотря на то, что исследованная площадь составляла $\approx 700 \text{ м}^2$, была выявлена и исследована лишь производственная зона, в которой находки, не связанные с деятельностью металлургов составляют лишь его незначительную часть (в том числе и археозоологический материал). В связи с этим, как и в случае с предыдущим памятником, считаем возможным систематический обзор фаунистического костного материала данного памятника провести одновременно с анализом его общей характеристики.

Систематический обзор и общая характеристика (табл. 14)

Остеологический материал из Фащевки представлен всего лишь тремя видами домашних животных, из которых на первом месте по численности особей находится крупный рогатый скот (9 половозрелых особей), на втором месте лошадь (три особи). Третий вид, домашняя коза, представлен всего лишь несколькими костями (изолированные щёчные зубы, дистальный фрагмент плечевой кости, правый роговой стержень), которые принадлежат одной половозрелой особи. У основания рогового стержня домашней козы заметны следы рубящего орудия, которые являются типичным свидетельством заготовки рогового чехла для поделок. Обращает на себя внимание отсутствие остатков домашней свиньи, которая является доминирующим видом в материалах салтовских лесостепных памятников, а также более высокая численность лошади, что в целом свойственно салтовским памятникам степной зоны. Заметно отличается и половой состав крупного рогатого скота из Фащевки от Верхнего Салтова. Если в Верхнем Салтове количество быков и коров в стаде приблизительно равны, то в материале из Фащевки быков в два раза больше, чем коров (табл. 15, рис. 7). Возможно, такое преимущество быков в составе стада КРС Фащевки свидетельствует в пользу именно мясного направления животноводства у населения данного памятника, в отличие от Верхнего Салтова, где использование продуктов, получаемых от КРС было более комплексным – мясомолочным. Также обращает на себя внимание и факт полного

Вид	Кости	Особь	Обожжённые	Обработанные
<i>Bos taurus</i>	135	9	3	
<i>Equus caballus</i>	53	3		
<i>Capra hircus</i>	7	1		1
ВСЕГО	195	13	3	1

Таблица 14. Структура археозоологического комплекса из Фащевки.

Table 14. Structure of archaeozoological assemblage from Fashevka.

отсутствия остатков диких животных.

Памятник	Высота	Дистальная ширина	Пол
г. Коробовы Хутора	77.8	49.6	М
г. Коробовы Хутора	74.5	44.4	М
г. Коробовы Хутора	73.0	50.0	М
г. Коробовы Хутора	75.0	51.0	М
г. Коробовы Хутора	74.7	46.4	М
г. Коробовы Хутора	76.7	48.7	М
г. Коробовы Хутора	64.3	43.0	F
г. Коробовы Хутора	61.5	38.0	F
г. Коробовы Хутора	65.9	41.2	F
г. Коробовы Хутора	62.0	42.2	F
г. Коробовы Хутора	59.2	38.6	F
с. Коробовы Хутора	76.4	52.3	М
с. Коробовы Хутора	70.4	45.2	М
с. Коробовы Хутора	65.6	44.5	М
с. Коробовы Хутора	67.0	44.5	М
с. Коробовы Хутора	61.8	36.3	F
Водяное	80.0	50.5	М
Верхний Салтов	69.0	47.0	М
Верхний Салтов	69.4	43.6	М
Верхний Салтов	70.5	42.3	М
Верхний Салтов	71.0	44.2	М
Верхний Салтов	59.0	40.1	F
Верхний Салтов	70.0	48.6	М
Верхний Салтов	61.0	42.0	F
Верхний Салтов	67.4	44.6	М
Верхний Салтов	61.3	37.5	F
Верхний Салтов	64.7	40.1	F
Верхний Салтов	54.6	36.7	F
Верхний Салтов	63.0	41.4	F
Верхний Салтов	57.3	36.7	F
Верхний Салтов	60.4	37.4	F
Верхний Салтов	68.0	43.7	М
Верхний Салтов	63.1	42.0	F
Верхний Салтов	66.5	45.8	М
Верхний Салтов	68.8	45.0	М
Верхний Салтов	65.9	41.7	F
Мохнач	81.6	53.0	М
Мохнач	61.0	37.6	F
Фащевка	65.1	39.6	М
Фащевка	71.2	43.0	М
Фащевка	63.4	40.8	F
Фащевка	70.4	46.4	М

Фашцевка	68.0	44.2	М
Фашцевка	65.2	45.4	F
Фашцевка	61.6	38.9	F
Фашцевка	69.0	47.0	М
Фашцевка	72.4	45.5	М
Роганина	67.6	48.0	М

Таблица 15. Промеры таранных костей крупного рогатого скота из средневековых археологических памятников Харьковской области (с указанием пола).

Table 15. Measurements of cubonavicular bones of cattle from medieval monuments of Kharkiv Region (with indication of gender).

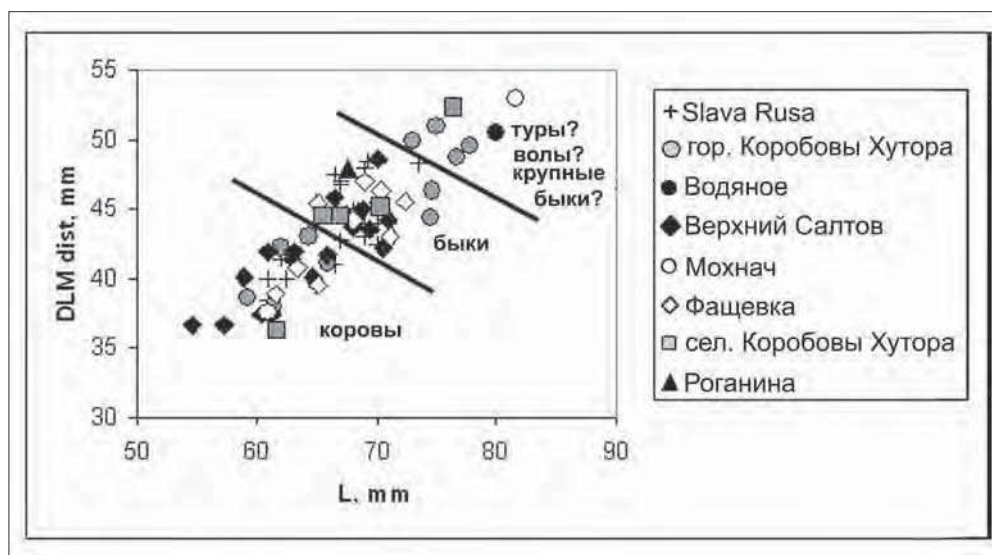

Рис. 7. График распределения промеров таранных костей (длина и дистальная ширина) крупного рогатого скота из различных средневековых памятников Харьковской области и раннесредневекового памятника Слава Руса из Румынии (данные по румынскому материалу приведены из работы Stanc 2009). Согласно графику, таранные кости (или астрагалы) крупного рогатого скота, так же как и материал из раннего средневековья Добруджи (Румыния), распадается на более мелких коров и крупных быков. Затруднения вызывают очень крупные особи из харьковского материала, которые по размерам значительно превосходят самые крупные экземпляры из Славы Русы. Принадлежат ли эти кости очень крупным быкам, которые свидетельствуют об улучшенном качестве породы средневекового крупного рогатого скота (что сомнительно), или это кастрированные самцы (которые вырастают очень крупными и длинноногими, но у нас пока нет информации о том, как кастрация отражается на размерах таранной кости), или это туры (это предмет изучения в будущем), или же помесь домашнего крупного рогатого скота с туром (что тоже не исключено). В Верхнем Салтове исключительно крупные быки отсутствуют, но материал из Коробовых Хуторов, Водяного и Мохнач содержит остатки исключительно крупных экземпляров. Возможно, это всё-таки туры или зубры.

Fig. 7. Scatter diagram representing distribution of astragalus measurements (height and distal breadth) of cattle from Medieval monuments of Kharkiv Region compared to data from Early Medieval monument of Slava Rusa (Dobrogea, Romania). The data on material from Slava Rusa are adapted from Stanc (2009). According to the diagram, the compared samples of cattle astragali form two clusters of smaller individuals (females) and larger individuals (males). The largest specimens from Ukrainian material represent a certain difficulty for interpretation. One can assume that the largest specimens from Ukraine belong to very large improved breed of Medieval domestic bulls (that is quite improbable), or belong to castrated males characterized by larger size and longer limbs. However, we have no in our disposal data on influence of animal castration over size of astragali. Most probably, the largest astragali belong to wild aurochs or European bison, or even a cross between the domestic cattle and aurochs. The extremely large cattle individuals are missing in Upper Saltov, however very large bulls are found in medieval monuments of Korobovy Hutora, Vodiane, and Mohnach. It is very probably that the large osteological remains under consideration belong to *Bos primigenius* or *Bison bonasus*.

Библиография

Gromova 1949: V.I. Gromova, The history of horses (genus Equus) in the Old World. Part 1: Overview and description of forms. Proceedings of the Paleontological Institute 17, Issue 1 (Moscow–Leningrad, 1949) // В.И. Громова, История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм. Труды палеонтологического института 17, выпуск 1 (Москва–Ленинград 1949).

Koloda 1999: V.V. Koloda, Ferrous metallurgy of the Dnieper-Don interfluvium in the second half I millennium AD (Kharkiv 1999) // В.В. Колода, Чёрная металлургия Днепро–Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. (Харьков 1999).

Koloda 2010: V.V. Koloda, Report on research of Medieval Archaeological Expedition of Kharkiv National Pedagogical University in 2010 (settlements Mokhnach and Korobovy Khutora in Zmiev District of Kharkiv Region). NA IA NANU, 2010, 132 // В.В. Колода, Отчёт о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области). НА ИА НАНУ, 2010, 132.

Kuz'mina 1997: I.E. Kuz'mina, Horses of Northern Eurasia from Pliocene to modern times. Transactions of the Zoological Institute 273 (Sankt Petersburg 1997), 1–222 // И.Е. Кузьмина, Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности. Труды зоологического института 273 (Санкт Петербург 1997), 1–222.

Stanc 2009: S.M. Stanc, Arheozoologia primului mileniu după Hristos pentru teritoriul cuprins între Dunăre și Marea Neagră (Iași 2009).

Tsalkin 1966: V.I. Zalkin, Ancient animal breeding of tribes from Eastern Europe and Middle Asia (Moscow 1966) // В.И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии (Москва 1966).

Владимир Колода, доктор исторических наук, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, 61002, г. Харьков, ул. Артёма, 29, Украина; e-mail: koloda_v@rambler.ru

Роман Кройтор, доктор биологических наук, ассоциированный научный исследователь, Maison méditerranéenne des sciences de l'homme, 5 Rue Château de l'Horloge, 13090 Aix-en-Provence, France; e-mail: romancroitor@europe.com

Angela Simalcsik, Robert Daniel Simalcsik, Vasilica Monica Groza

Necropola medievală de la Lozova (raionul Strășeni). Campania 2015. Raport paleoantropologic

Keywords: Medieval necropolis, Lozova, 14th-15th centuries, anthropological data.

Cuvinte cheie: Necropola medievală, Lozova, secolele XIV-XV, date antropologice.

Ключевые слова: Средневековое кладбище, XIV-XV вв., Лозова, антропологические данные.

Angela Simalcsik, Robert Daniel Simalcsik, Vasilica Monica Groza

The medieval cemetery from Lozova (Strășeni district). 2015 campaign. Paleoanthropological report

The osteological remains we will refer to were excavated in 2015 from the medieval site at Lozova–*La Hotar cu Vornicenii* (Strășeni County, Republic of Moldova). A number of 27 funerary complexes have been excavated, containing 27 individuals (five males, eight females and 14 of undetermined gender). The deceased were buried according to the traditional Christian ritual – head to the west, watching eastwards, stretched on the back, with stretched legs and arms bent at the elbows, with the hands on the chest, abdomen or shoulders. According to the grave goods, in the absence of coins, the use period of the cemetery was estimated between the middle of the 14th and the 15th century. The cemetery belonged to a Christian community. The conservation state of the skeletons is satisfactory. Of the 27 individuals, 15 did not go over the age of 14. Only one individual falls into the 14-20 years category. The other 11 subjects lived after the age of 20. The *sex ratio* (the masculinity index) of this osteological series is only 0.62, and life expectancy at birth is 19, 29 years.

Angela Simalcsik, Robert Daniel Simalcsik, Vasilica Monica Groza

Necropola medievală de la Lozova (raionul Strășeni). Campania 2015. Raport paleoantropologic

Eșantionul osteologic uman la care ne referim a fost deshumat în anul 2015 din situl medieval Lozova–*La hotar cu Vornicenii* (raionul Strășeni, Republica Moldova). Au fost dezvelite 27 complexe funerare, în care s-au descoperit 27 schelete umane (cinci masculine, opt feminine și 14 cu genul indeterminabil). Defuncții erau înhumați potrivit ritualului tradițional creștin – cu capul spre apus și privirea spre răsărit, în decubit dorsal, cu picioarele întinse și brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe piept, abdomen sau pe umeri. Conform inventarul funerar, în lipsa monedelor, perioada de utilizare a cimitirului a fost estimată între mijlocul secolului al XIV-lea până în secolul al XV-lea. Cimitirul a aparținut unei comunități creștine. Starea de conservare a scheletelor este satisfăcătoare. Din totalul de 27 indivizi, 15 nu au depășit vârsta de 14 ani. Un singur individ se încadrează în intervalul de vârstă 14-20 ani. Ceilalți 11 indivizi au trecut de vârsta de 20 ani. *Sex ratio* (indicele de masculinitate) în această serie osteologică este de doar 0,62, iar speranța de viață la naștere este de 19, 29 ani.

Анжела Симальчик, Роберт Даниэль Симальчик, Василика Моника Гроза

Средневековое кладбище Лозова (Страшенский район). Раскопки 2015 года. Палеоантропологический анализ

Остеологическая серия, анализированная в данной статье, была эксгумирована в 2015 году из средневекового кладбища Лозова–*Ла хотар ку Ворничений* (район Стрэшень, Молдова). Были исследованы 27 погребальных комплексов, в которых были найдены 27 человеческих скелетов (пять мужских, восемь женских и 14 с неопределенным полом). Умерших хоронили по христианскому обряду – на спине, головой на запад, лицом на восток, с вытянутыми ногами и согнутыми в локтях руками, размещенных на груди, животе или на плечах. По погребальному инвентарю, в отсутствии монет, период функционирования кладбища определен серединой XIV – XV в. Кладбище принадлежало христианской общине. Скелеты удовлетворительной сохранности. Всего, из 27 индивидуумов, 15 не прожили больше 14 лет, один умер в пределах 14-20 лет, а другие 11 индивидуумов прожили больше 20 лет. *Sex ratio* (половой индекс) в этой серии достигает только 0,62, а ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 19, 29 лет.

INTRODUCERE

Primele cercetări arheologice pluridisciplinare în situl medieval Lozova–*La hotar cu Vornicenii* au demarat în anul 2010 și au continuat an de an, cu puține excepții. Campania de săpături arheologice din vara anului 2015 a adus noi și interesante informații, atât din punct de vedere arheologic, cât

mai ales paleoantropologic. Reamintim că cimitirul a aparținut unei comunități creștine rurale ce a viețuit la hotarul dintre satele actuale Lozova și Vorniceni (raionul Strășeni) din valea Bucovățului. Campaniile de săpătură din anii 2014 și 2015 au fost coordonate de dr. Ion Ursu, cercetător la Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului

lui Cultural al Academiei de Științe din Moldova.

În campania arheologică din 2015, în secțiunile nou excavate, au fost dezvelite în total 27 complexe funerare, în care au fost identificate 27 schelete umane (16 sub-adulte și 11 adulte). Defuncții erau înhumați potrivit ritualului tradițional creștin. Inventarul funerar este, în general, sărac, reprezentat prin piese vestimentare sau de podoabă lucrate din fier, bronz și argint. Odată cu primele vestigii descoperite (campania din 2011), conform datelor oferite de arheologii care au analizat inventarul funerar, în lipsa monedelor, perioada de utilizare a cimitirului a fost estimată între mijlocul secolului al XIV-lea până în secolul al XV-lea (Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2014). Încadrarea cronologică a fost confirmată și întărită în campaniile ulterioare, odată cu diversificarea și îmbogățirea inventarului funerar descoperit.

Materialul scheletic uman rezultat din campaniile anterioare de săpătură (2010-2014) a beneficiat de un studiu amănunțit, atât din punct de vedere arheologic (Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011; Vornic și colab. 2012; Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2014), cât și antropologic (Simalcsik 2012; Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013a, 71-80; 2013b, 228-244; 2014; Simalcsik și colab. 2014; Simalcsik, Groza 2015).

MATERIALUL ȘI METODOLOGIA DE LUCRU

Raportul paleoantropologic se referă la osemintele descoperite în necropola medievală de la Lozova în campania din anul 2015. Eșantionul osteologic analizat cuprinde 27 schelete provenite din morminte de inhumație: cinci de gen masculin, opt de gen feminin și 14 indeterminabile din acest punct de vedere. Specificăm că până în prezent, în perimetrul sitului Lozova-*La hotar cu Vornicenii*, au fost descoperite 105 înhumări, număr care le include și pe cele 27 din campania 2015.

Studiul resturilor scheletice a debutat cu identificarea și sortarea anatomică, stabilirea lateralității și atribuirea individuală (White, Folkens 2005). În măsura în care a fost posibil, scheletele au fost reconstituite, atât în porțiunea craniană, cât și în cea postcraniană. S-a notat starea de conservare a materialului scheletic (Connell 2008, 9), starea de reprezentare (Buikstra, Ubelaker 1994, 7) și eventualele modificări tafonomice (Buikstra, Ubelaker 1994, 95-106).

Estimarea vârstei biologice, în cazul indivizilor care nu au atins pragul de 20 ani (sub-adulți), s-a realizat după etapa de erupție a dentiției temporare și înlocuirea acesteia cu dentiția definitivă, după gradul de concreștere a discurilor de creștere și după dimensiunile componentelor segmentelor scheletice axial și apendicular (Maresh 1970; Ubelaker 1979; Buikstra, Ubelaker 1994, 39-46, 50-51; Schaefer, Black, Scheuer 2009).

În ceea ce privește indivizii cu vârsta biologică mai mare de 20 de ani (adulți), indicatorii utilizați în estimarea vârstei biologice au fost, după cum urmează: la nivel cranian – gradul de obliterare a suturilor craniene și prezența unor modificări osoase degenerative; la nivel dentar – gradul de uzură a coroanelor; la nivel postcranian – modificările degenerative de pe suprafața articulară sacro-iliacă și de pe cea simfizară, modificarea structurală a țesutului spongios din regiunile meta-epifizare proximale ale femurului și humerusului, gradul de decalcifiere a oaselor postcraniene, aspectul capetelor sternale costale, prezența unor modificări osoase involutive (Nemeskéri, Harsányi, Acsády 1960; Ubelaker 1979; Brothwell 1981; Smith, Knight 1984; Buikstra, Ubelaker 1994, 21-38; Mays 1998; Schmitt 2005; Latham, Finnegan 2010).

Determinarea sexului s-a realizat doar la indivizii cu vârsta biologică mai mare de 14 ani, utilizând toate fragmentele scheletice care au oferit date biometrice și morfologice. Au fost luați în considerație următorii indicatori: la nivel cranian – caracteristicile generale ale calotei, dezvoltarea reliefului osos, forma și gradul de înclinare a frunții, aspectul marginilor supraorbitare, dimensiunea apofizelor mastoide, caracteristicile mandibulei; la nivel postcranian – caracteristicile oaselor coxale, dezvoltarea articulațiilor și a inserțiilor musculare, dimensiunea suprafețelor de articulație, masivitatea și robusticitatea osaturii (Stradalova 1975; Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1979; Ubelaker 1979; Brothwell 1981; Buikstra, Ubelaker 1994, 16-21; Mays 1998; Bruzek 2002; Walrath, Turner, Bruzek 2004; Blanchard 2010).

Încadrarea în categorii a vârstei biologice s-a realizat astfel: sugar (0-3 ani), copil (3-12 ani), adolescent (12-20 ani), adult tânăr (20-35 ani), adult de vârstă mijlocie (35-50 ani), adult matur (>50 ani) (Buikstra, Ubelaker 1994, 9).

Au fost prelevate principalele măsurători biometrice și caracteristici conformativă, dar și trăsătu-

rile morfoscopice (Martin, Saller 1957-1966; Broca 1875; Eickstedt 1934; Olivier 1969; Buikstra, Ubelaker 1994, 39-46, 69-94). Evaluarea și încadrarea în categorii s-a realizat atât pentru dimensiunile absolute (măsurători), cât și pentru cele relative (indici), conform scârilor dimorfice (Alexeev, Debetz 1964).

Statura a fost estimată după lungimile oaselor postcraniene întregi și/sau întregibile (Manouvrier 1892; Breitinger 1938; Bach 1965; Trotter, Gleser 1958), urmând încadrarea în categorii a valorilor, după gen (Martin, Saller 1957-1966). Au fost notate și caracteristicile tipologice individuale (Bunak, Nesturkh, Roginskii 1941; Vallois 1944; Boev 1972; Baker 1974).

Au fost identificate traumatismele, osteopatiile și osteoanomaliile și apreciată severitatea acestora. Au fost notate trăsăturile epigenetice (non-metrice) craniene, dentare și postcraniene, dar și particularitățile scheletice apreciate în literatura de specialitate drept adaptări funcționale sau indicatori ocupaționali și ai stilului de viață (entezopatii mecanice, indicatori musculo-scheletici) (Campillo 1994; Mays 1998; Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998; Ortner 2003; Mann, Hunt 2005; Bailey 2006; Roberts, Manchester 2007; Molleson 2007; Katzenberg, Saunders 2008; Brickley, Ives 2008; Waldron 2009; Barnes 2012; Leroux 2012; Buikstra, Ubelaker 2014, 47-60, 107-163).

DESCRIEREA INDIVIDUALĂ A SCHELETELOR

Mormântul 79 (femeie, 45-50 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus II*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 70%. Calota craniană este ovoidă. Indicele cefalic este mezocran, la limita superioară a categoriei. Fruntea este îngustă-mijlocie, occipitalul are lărgime mică-mijlocie. Relieful cranian este slab dezvoltat. Mandibula este gracilă. Pomeții sunt înguști, slab reliefați (Fig. 1-4). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare satisfăcătoare. Osatura este gracilă. Femurele prezintă fosă subtrohanteriană slabă. Statura (157 cm), calculată după lungimea tibiei, intră în categoria feminină supramijlocie. Din punct de vedere tipologic, scheletul prezintă caractere Mediteranoide, în amestec cu elemente Mongoloide.

Anomalii/patologii craniene: osiculi suplimentari pe sutura lambdoidă, modificări simetrice de tipul leziunilor pe vertexul craniului, pe ambele parietale (câte trei pe fiecare) (Fig. 5), cu corespondență pe endocraniu. Originea exactă a

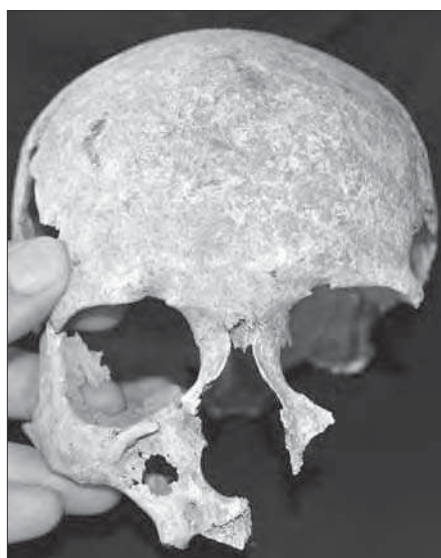

Fig. 1. Mormântul 79, femeie, 45-50 ani. Craniu, norma frontală.

Fig. 1. Grave 79, 45-50 years old female. Skull, frontal view.

Fig. 2. Mormântul 79, femeie, 45-50 ani. Craniu, norma laterală.

Fig. 2. Grave 79, 45-50 years old female. Skull, lateral view.

Fig. 3. Mormântul 79, femeie, 45-50 ani. Craniu, norma occipitală.

Fig. 3. Grave 79, 45-50 years old female. Skull, occipital view.

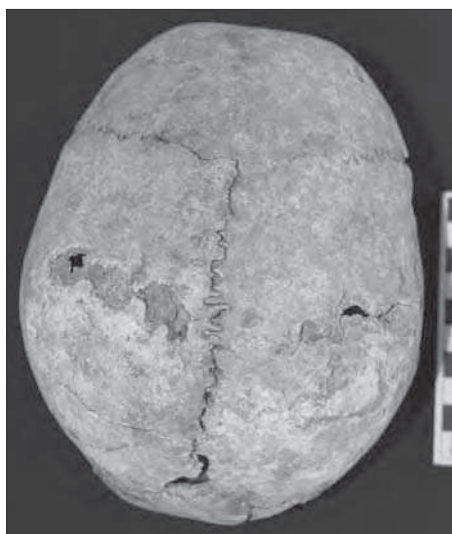

Fig. 4. Mormântul 79, femeie, 45-50 ani. Craniu, norma verticală.

Fig. 4. Grave 79, 45-50 years old female. Skull, vertical view.

acestor defecte este, deocamdată, neclară. Este posibil să fie vorba de o multiplă trepanație (probabil simbolică) nereușită, erodată *post mortem* sub acțiunea factorilor pedologici.

Anomalii/patologii dentare: carie de gradul 4 pe P_1 stâng, edentație molară maxilară și mandibulară. Starea de sănătate dentară este gravă, neconformă cu vârsta biologică.

Anomalii/patologii postcraniene: sulcus preauricular de tip parturiție (femeie multipară).

Fig. 5. Mormântul 79, femeie, 45-50 ani. Posibile trepanații simbolice realizate *intra vitam* pe parietale și erodate *post mortem* în sol.

Fig. 5. Grave 79, 45-50 years old female. Possible symbolic trepanations on parietals, realized *intra vitam*, weathered *post mortem* in the ground.

Mormântul 80 (femeie, 40-50 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus II*). Scheletul cranian este complet, însă procesul de reconstituire a eșuat din cauza fragmentării accentuate. Relieful cranian este slab dezvoltat. Mandibula este moderat de robustă. Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare bună. Osatura este gracilă. Femurele prezintă creastă subtrohanteriană. Statura (155 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria feminină mijlocie. Din punct de vedere tipolo-

gic, acest schelet prezintă caractere Est-Europoide.

Anomalii/patologii craniene: tăblia endocranială de pe frontal prezintă unele discontinuități corticale ce pot fi rezultatul inflamării meningelui.

Anomalii/patologii dentare: patru căderi dentare *intra vitam* pe arcada dentară superioară, hipodontie (M_3 drept), hipoplazie liniară a smalțului pe $I^{1,2}$ și pe C^c (Fig. 6) – indicator al episoadelor de stres fiziologic din perioada copilăriei timpurii (1-3 ani, în perioada înțărării).

Anomalii/patologii postcraniene: sulcus preauricular de tip parturiție (femeie multipară) (Fig. 7), noduli Schmorl (hernie intervertebrală) pe vertebrele lombare – indicator al suprasolicitării lombare.

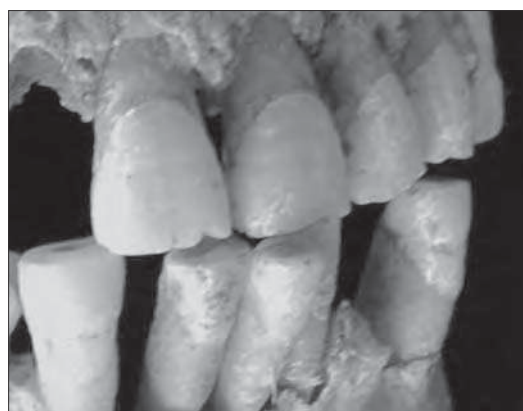

Fig. 6. Mormântul 80, femeie, 40-50 ani. Hipoplazie liniară a smalțului.

Fig. 6. Grave 80, 40-50 years old female. Linear enamel hypoplasia.

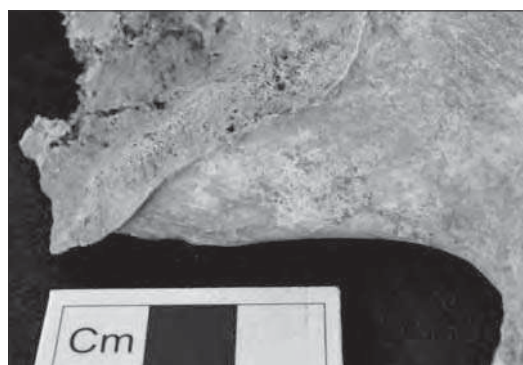

Fig. 7. Mormântul 80, femeie, 40-50 ani. Coxal, sulcus preauricular de tip parturiție.

Fig. 7. Grave 80, 40-50 years old female. Coxal bone, preauricular sulcus (scars of parturition).

Mormântul 81 (indeterminabil, 30-36 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este fragmentat, incomplet, afectat de factorii antropici și de mediu. Din

segmentul cranian sunt prezente fragmente din frontal, parietale, occipital, temporale și m_1 stâng (cu apex radicular aproape închis). Din scheletul postcranian semnalăm prezența următoarelor porțiuni, în stare fragmentară: coaste, corpuri și arcuri vertebrale, radiusuri, femure, tibii, omoplați. Lungimea diafizei radiusului stâng este de 115 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 82 (indeterminabil, 18-24 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este fragmentar, incomplet, deranjat de factorii antropici și de mediu. Din segmentul cranian sunt prezente fragmente din frontal, parietale, occipital, temporale, mandibulă și dinți izolați. Vârsta a fost determinată după stadiul de erupție a dentiției provizorii. Scheletul postcranian este reprezentat prin fragmente din coaste, ilium și femure. Lungimea diafizei femurului este de 155 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 83 (indeterminabil, 18-24 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este extrem de fragmentat, deranjat de factorii antropici și de mediu. Din scheletul cranian semnalăm prezența unor fragmente din frontal, parietale, occipital, temporale, mandibulă, zigomatice, maxilar superior. Scheletul postcranian este prezent prin fragmente din scapule, coaste, ulne și vertebre. Lungimea diafizei ulnare este de 110 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 84 (femeie, 16-18 ani, adolescent, *juvenis*). Scheletul cranian este complet, însă procesul de reconstituire a eșuat din cauza fragmentării accentuate. Relief cranian este slab dezvoltat. Pomeții sunt înalți. Mandibula este robustă (Fig. 8-9). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare satisfăcătoare. Osatura este gracilă. Femurele prezintă relief subtrohanterian atenuat și pilastric slabă. Humerusul este platibrahic, tibia – mezocnemă, femurul – eurimer. Statura (156 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria feminină supramijlocie.

Anomalii/patologii craniene: foramen supraorbital dublu pe dreapta, *cribra orbitalia* de tip cribrotic pe ambii pereți orbitari superiori, activă în momentul decesului (indicator nespecific al stresului fiziologic – posibilă anemie sideropenică, malnutriție, boli parazitare sau infecțioase).

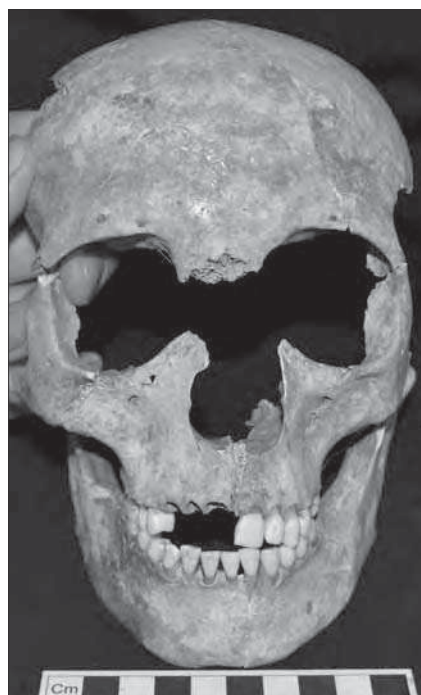

Fig. 8. Mormântul 84, femeie, 16-18 ani. Craniu, norma facială.

Fig. 8. Grave 84, 16-18 years old female. Skull, anterior view.

Fig. 9. Mormântul 84, femeie, 16-18 ani. Maxilarul superior și mandibula văzute lateral.

Fig. 9. Grave 84, 16-18 years old female. Upper maxilla and mandible, lateral view.

Anomalii/patologii dentare: anomalie de poziție a P^2 stâng, hipodontie M^3 și M_3 .

Anomalii/patologii postcraniene: sulcus preauricular slab de tip parturiție (indicator al unui număr de 1-2 nașteri), apertură humerală supra-

trohleară, modificări periosteale pe diafiza tibiei (indicator al carențelor alimentare de tipul anemiilor sau al prezenței unor infecții nespecifice).

Mormântul 85 (indeterminabil, 24-48 luni, sugar/copil, *infans I*). Schelet fragmentar, deranjat de factorii antropici și de mediu. Scheletul cranian este prezent prin fragmente din frontal, parietale, temporale, mandibulă. În alveolă s-a conservat doar un mugure dentar necalcificat de la M1. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Din scheletul postcranian sunt prezente fragmente din scapule, coaste, vertebre, femur, tibie. Lungimea diafizei femurului este de 170 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 86 (indeterminabil, 4-5 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este extrem de fragmentar și incomplet, afectat tafonomic de factorii pedologici. Din craniu semnalăm fragmente din temporale, frontal, parietale și patru coroane dentare necalcificate (două de la i¹ și două de la m1). Vârsta a fost determinată după etapa de dezvoltare dentară. Din scheletul postcranian sunt prezente două fragmente diafizare postcraniene. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 87 (indeterminabil, 24-36 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este fragmentar și incomplet, deranjat de factorii antropici și pedologici. Scheletul cranian este prezent prin fragmente din temporale, occipital, frontal, parietale, maxilar superior, mandibulă, dinți izolați. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară de pe arcada inferioară (Fig. 10). Din scheletul postcranian sunt prezente fragmente din vertebre (arcuri și corpuri), coaste, clavicule, iliumuri, femure, tibii, fibule. Lun-

Fig. 10. Mormântul 87, indeterminabil, 24-36 luni. Mandibula, arcada dentară inferioară.

Fig. 10. Grave 87, indeterminate, 24-36 months. Mandible, lower dental arch.

gimea diafizei femurului este de 125 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 88 (bărbat, 40-50 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus II*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 50%. Calotă craniană este ovoidă. Relieful cranian este puternic dezvoltat. Pomeții sunt înguști. Fruntea este moderat de largă. Mandibula este moderat de robustă (Fig. 11-12). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare satisfăcătoare. Osatura este robustă. Femurele prezintă relief subtrohanterian extrem de dezvoltat. Humerusul este platibrahic, tibia – mezocnemă, femurul – hiperplatimer. Statura (164 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria masculină mijlocie.

Fig. 11. Mormântul 88, bărbat, 40-50 ani. Frontal.

Fig. 11. Grave 88, 40-50 years old male. Frontal bone.

Fig. 12. Mormântul 88, bărbat, 40-50 ani. Parte din scheletul facial.

Fig. 12. Grave 88, 40-50 years old male. Part of the facial skeleton.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip porotic, inactivă în momentul decesului, sulcus supraorbital pe dreapta.

Anomalii/patologii dentare: tartru supragingival consistent depus vestibular și lingual (indică un consum ridicat de proteine animale), uzură patologică de tip abrazi pe arcada superioară, în regiunea dinților jugali (indică utilizarea dentiției pe post de instrument de susținere sau tăiere), căderi dentare *intra vitam* (șase pe arcada superioară și trei pe cea inferioară), edentație molară/premolară pe hemiarcada superioară dreaptă.

Anomalii/patologii postcraniene: osteofite pe rotule, urme ale ruperii ligamentului în regiunea simfizei pubiene, osteofite marginale și tasare/compresie pe vertebrele lombare (Fig. 13), fațete de chirchire pe tibii, inserții musculare accentuate pe diafiza tibiei, relief subtrohanterian extrem de dezvoltat (inclusiv trohanter suplimentar), fațeta Poirier pe femure, entezofite masive pe *linea aspera* (mai accentuate pe dreptul). Tot acest complex de anomalii și patologii ne indică activitate ecvestră intensă (călărit).

Fig. 13. Mormântul 88, bărbat, 40-50 ani. Vertebre lombare, osteofite și compresie.

Fig. 13. Grave 88, 40-50 years old male. Lumbar vertebrae showing osteophytes and body compression.

Mormântul 89 (femeie, 35-40 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus I*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 90%. Calotă craniană este ovoidă, scurtă și îngustă. Indicele cefalic este la limita inferioară a categoriei brahocrane. Relieful cranian este moderat dezvoltat. Pomeții sunt înalți. Fruntea și occipitalul sunt largi. Mandibulă este moderat de robustă (Fig. 14-15). Scheletul postcra-

nian este complet, în stare de conservare bună. Osa-tura este gracilă. Femurele prezintă relief subtrohanterian slab dezvoltat. Humerusul este euribrahic, tibia – mezocnemă, femurul – platimer. Statura (153 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria feminină mijlocie. Din punct de vedere tipologic, acest schelet prezintă caractere Mediteranoide, în amestec cu unele elemente Mongoloide.

Fig. 14. Mormântul 89, femeie, 35-40 ani. Craniu, norma fa-cială.

Fig. 14. Grave 89, 35-40 years old female. Skull, facial view.

Fig. 15. Mormântul 89, femeie, 35-40 ani. Craniu, norma laterală.

Fig. 15. Grave 89, 35-40 years old female. Skull, lateral view.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip cribratic, inactivă în momentul decesului, cu debut de vindecare.

Anomalii/patologii dentare: tartru supragingival pe molari (în special pe arcada superioară), carie de gradul 5 pe P¹ stâng, o cădere dentară *intra vitam* (M₁ drept), hipoplazie liniară a smalțului (patru linii hipoplazice) pe C_c – indicator al episoadelor de stres fiziologic în intervalul 1-4 ani (boli infecțioase, boli parazitare, malnutriție) (Fig. 16).

Anomalii/patologii postcraniane: fațete de chircire pe tibia stângă, trohanter suplimentar pe femurul drept, cartilaj costal osificat pe manubriu, hernie intervertebrală pe corpurile lombare și pe ultimele două toracice, osteofite marginale pe unele corpuri vertebrale toracice.

Fig. 16. Mormântul 89, femeie, 35-40 ani. Tartru supragingival, căderi dentare *intra vitam*, hipoplazie liniară a smalțului.

Fig. 16. Grave 89, 35-40 years old female. Supragingival calculus, *intra vitam* tooth loss, linear enamel hypoplasia.

Mormântul 90 (indeterminabil, 24-30 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este aproape complet, însă în stare fragmentară, deranjat de factorii antropici și pedologici. Din scheletul cranian s-au conservat occipitalul, temporalele, parietalele, frontalul, maxilarul superior, mandibula. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Din scheletul postcranian sunt prezente următoarele elemente: iliumuri, clavicule, coaste, vertebre, femure, tibii, radiusuri, ulne, falange, humerusuri. Lungimea diafizei claviculei este de 70 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 91 (indeterminabil, 42-48 luni, copil, *infans I*). Scheletul este aproape complet, însă fragmentar, deranjat de factorii antropici și pedologici. Scheletul cranian este reprezentat prin frontal, occipital, temporale, parietale, mandibulă. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Din scheletul postcranian sunt prezente următoarele elemente: iliumuri, coaste, vertebre, scapule, femure, tibii, fibule, radiusuri, humerusuri. Nu au

fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 92 (indeterminabil, 42-48 luni, copil, *infans I*). Scheletul este complet. Scheletul a fost găsit în conexiune anatomică parțială, craniul fiind deplasat în zona femurelor, poziționat deasupra acestora. Scheletul cranian este reprezentat prin parietale, frontal, occipital, temporale, mandibulă, maxilar superior, zigomatice și numeroși dinți izolați. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Din scheletul postcranian sunt prezente următoarele elemente: iliumuri, ischiumuri, pubisuri, coaste, vertebre (corpuri și arcure), scapule, clavicule, oasele membrelor (în stare fragmentară). Lungimea diafizei femurului este de 196 mm, iar lungimea diafizei humerusului, de 146 mm.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip porotic pe orbita dreaptă, activă în momentul decesului (indicator al anemiei sideropenice – posibile infecții parazitare, boli infecțioase, malnutriție).

Mormântul 93 (indeterminabil, 18-24 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este complet, însă în stare de fragmentare extremă, deranjat de factorii antropici și de mediu. Scheletul cranian este reprezentat prin fragmente din frontal, parietale, coroane dentare. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Scheletul postcranian este complet. Lungimea diafizei femurului este de 140 mm, iar lungimea diafizei humerusului, de 105 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 94 (femeie, 40-45 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus II*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 90%. Calota craniană este ovoidă, lungă, îngustă și moderat de înaltă. Indicele cefalic este doliocran. Relieful cranian este slab dezvoltat. Pomeții sunt înalți și temporalizați. Fruntea și occipitalul sunt largi. Mandibula este robustă (Fig. 17-18). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare bună. Osatura este moderat de robustă. Femurele au relief subtrohanterian slab. Humerusul este platibrahic, tibia – mezocnemă, femurul – hiperplatimer. Statura (156 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria feminină supramijlocie. Din punct de vedere tipologic, aceste schelet prezintă caractere Mediteranoide, în amestec cu unele elemente Nordoide.

Anomalii/patologii dentare: tartru supragingival, carie de colet de gradul 3 pe M² stâng, două

Fig. 17. Mormântul 94, femeie, 40-45 ani. Craniu, norma facială.

Fig. 17. Grave 94, 40-45 years old female. Skull, facial view.

Fig. 18. Mormântul 94, femeie, 40-45 ani. Craniu, norma laterală.

Fig. 18. Grave 94, 40-45 years old female. Skull, lateral view. căderi dentare *intra vitam* pe mandibulă (M_1 și M_2 de pe stânga), hipoplazie liniară a smalțului pe P_2 (mai multe defecte formate în intervalul de vârstă 1-2 ani, în perioada înțărării) – indicator al întreruperii creșterii (boli infecțioase sau parazitare, malnutriție) (Fig. 19).

Anomalii/patologii postcraniene: sulcus preauricular de tip parturiție (Fig. 20) și urme ale parturițiilor multiple în regiunea posterioară a simfizei pubiene (femeie multipară), modificări periosteale pe diafizele tibilor (indicator al prezenței unei infecții nespecifice, al unor carențe alimentare), fațete

de chircire pe tibii (indicator al preferinței pentru poziția chircită), apertură supratrohleară a humerusului (indicator al suprasolicitării antebrățelor), creastă subtrohanteriană.

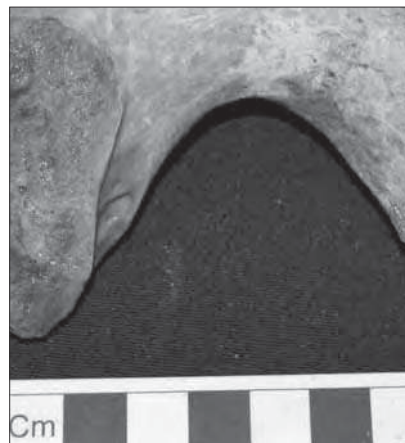

Fig. 19. Mormântul 94, femeie, 40-45 ani. Coxal, sulcus preauricular de tip parturiție.

Fig. 19. Grave 94, 40-45 years old female. Coxal bone, preauricular sulcus (scars of parturition).

Fig. 20. Mormântul 94, femeie, 40-45 ani. Tartru supragingival, hipoplazie liniară a smalțului.

Fig. 20. Grave 94, 40-45 years old female. Supragingival calculus, linear enamel hypoplasia.

Mormântul 95 (indeterminabil, 6-12 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este fragmentar și incomplet, deranjat, descoperit în umplutura gropii mormântului 80. Scheletul cranian este reprezentat prin fragmente din frontal și parietale, o singură coroană dentară (necalcificată) provenită de la un $m2$. Vârsta a fost determinată după stadiul de dezvoltare al coroanei $m2$. Din scheletul postcranian sunt prezente fragmente din coaste, vertebre (corpuri), femure, tibii, radiusuri și ulne. Lungimea diafizei radiusului este de 82 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 96 (indeterminabil, 18-24 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este extrem de fragmentar, deranjat de factorii antropici și pedologici. Scheletul cranian este reprezentat prin fragmente din occipital, frontal, temporale, parietale, dinți izolați de pe ambele arcade. Vârsta a fost determinată după stadiul de dezvoltare al dentiției (Fig. 21). Din scheletul postcranian au fost identificate vertebre (arcuri și corpuri), coaste, clavicula dreaptă, fragmente din femur, radius și ulna. Lungimea claviculei este de 60 mm.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip porotic, activă în momentul decesului (indicator al anemiei sideropenice).

Fig. 21. Mormântul 96, indeterminabil, 18-24 luni. Mandibula.

Fig. 21. Grave 96, indeterminate, 18-24 months. Mandible.

Mormântul 97 (bărbat, 40-45 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus II*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 90%. Calota craniană este ovoidă, foarte lungă, moderat de largă și moderat de înaltă. Indicele cefalic este doliocran. Relieful cranian este foarte dezvoltat. Pomeții sunt foarte înalți și reliefat. Fruntea și occipitalul sunt largi. Mandibula este moderat de robustă (Fig. 22-24).

Fig. 22. Mormântul 97, bărbat, 40-45 ani. Neurocraniu, norma frontală.

Fig. 22. Grave 97, 40-45 years old male. Neurocranium, anterior view.

Fig. 23. Mormântul 97, bărbat, 40-45 ani. Neurocraniu, norma laterală.

Fig. 23. Grave 97, 40-45 years old male. Neurocranium, lateral view.

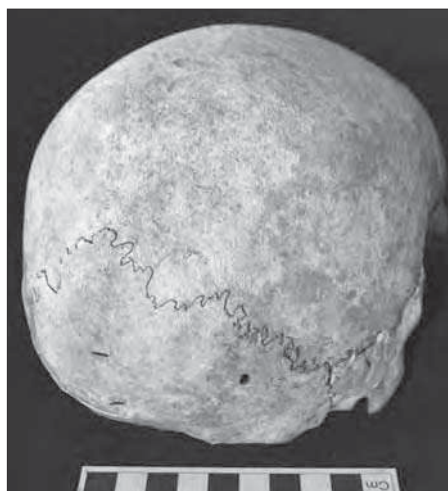

Fig. 24. Mormântul 97, bărbat, 40-45 ani. Neurocraniu, vedere dinspre occipital.

Fig. 24. Grave 97, 40-45 years old male. Neurocranium viewed from the occipital.

Fig. 25. Mormântul 97, bărbat, 40-45 ani. Incisivi centrali inferiori de tip "winging".

Fig. 25. Grave 97, 40-45 years old male. "Winging" on lower central incisors.

24). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare bună. Osatura este foarte robustă și foarte masivă. Femurele au relief subtrohanterian

foarte dezvoltat, cu pilastru extrem de accentuat. Humerusul este platibrahic, tibia – mezocnemă, femurul – platimer. Statura (179 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria masculină mare, la limita superioară a acesteia. Din punct de vedere tipologic, acest schelet prezintă caractere Nordoide.

Anomalii/patologii dentare: microdonție a M^3 drept, carii de colet de gradul 2-3 pe P_2 și M_1 de pe stânga, hipodonție a M_3 , M_1 cu cinci cuspidi, I_1 de tip „winging” (Fig. 25), tartru supragingival consistent pe jugali.

Anomalii/patologii craniene: osiculi suplimentari pe sutura lambdoidă, posibilă trepanație craniană pe osul occipital, realizată *intra vitam* (probabil *perimortem*), prin sfredelire. Deschi-

derea este completă, fără urme de infecție și fără urme de vindecare. Este posibil ca această deschidere să fi constituit cauza decesului. Pe marginile deschiderii se observă urmele zimțate ale instrumentului de trepanat (Fig. 26-27).

Anomalii/patologii postcraniene: sacralizare a vertebrei L5, corpi vertebrale lombare ușor comprimate/tasate, osteofite marginale pe vertebrele toracice, modificări periosteale pe diafizele tibiilor (indicator al prezenței unei infecții nespecifice), osteofite pe falange, relief deltoidian foarte dezvoltat, creastă femurală subtrohanteriană foarte bine marcată, început de trohanter suplimentar, pilastru accentuat. Sunt prezente numeroase trăsături caracteristice indivizilor ce practică activități ecvestre (călărit).

Mormântul 98 (indeterminabil, 24-36 luni, sugar, *infans I*). Scheletul este extrem de fragmentar, incomplet, deranjat de factorii antropici și pedologici. Scheletul cranian este reprezentat prin fragmente din frontal și parietale. Din scheletul postcranian au fost identificate fragmente din coaste, diafiza unui femur, diafiza unei tibii. Vârsta a fost determinată cu rezerve, după lungimea diafizei tibiei. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Mormântul 99 (bărbat, 45-55 ani, adult de vârstă matură, *maturus III*). Scheletul cranian a

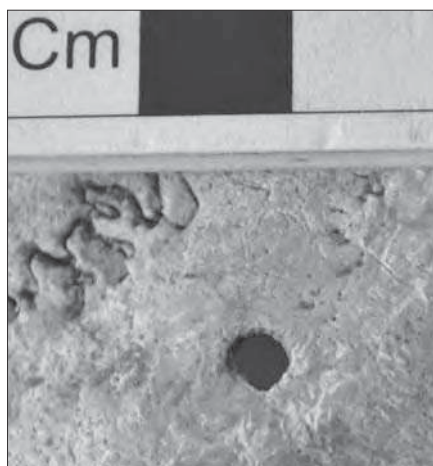

Fig. 26. Mormântul 97, bărbat, 40-45 ani. Occipital, trepanație *perimortem*, văzută dinspre exocraniu.

Fig. 26. Grave 97, 40-45 years old male. Occipital bone, *perimortem* trepanation, exocranial view.

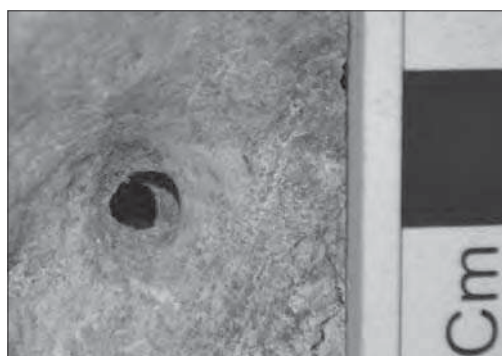

Fig. 27. Mormântul 97, bărbat, 40-45 ani. Occipital, trepanație *perimortem*, văzută dinspre endocraniu.

Fig. 27. Grave 97, 40-45 years old male. Occipital bone, *perimortem* trepanation, endocranial view.

Fig. 28. Mormântul 99, bărbat, 45-55 ani. Craniu, norma facială.

Fig. 28. Grave 99, 45-55 years old male. Skull, facial view.

Fig. 29. Mormântul 99, bărbat, 45-55 ani. Craniu, norma laterală.

Fig. 29. Grave 99, 45-55 years old male. Skull, lateral view.

fost reconstituit în proporție de 80%. Calota craniacă este ovoidă, lungă și largă. Indicele cefalic este mezocran. Relieful craniac este foarte dezvoltat. Pomeții sunt înalți și temporalizați. Fruntea este moderat de largă, iar occipital este larg. Mandibula este moderat de robustă (Fig. 28-29). Scheletul postcranial este complet, în stare de conservare bună. Osatura este moderat de robustă. Femurele prezintă relief subtrohanterian foarte dezvoltat și pilastru. Humerusul este euribrahic, tibia – euricnemă, femurul – platimer. Statura (160 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria masculină submijlocie. Din punct de vedere tipologic, acest schelet prezintă caractere Est-Europoide, în amestec cu elemente Nordoide și Dinaroide.

Anomalii/patologii craniene: osiculi suplimentari pe sutura lambdoidă, exostoze auriculare, *cribra orbitalia* de tip porotic inactivă în momentul decesului, hiperostoză porotică pe parietale (indicator al anemiei sideropenice), urme ale inflamării meningelui pe endocraniu.

Anomalii/patologii dentare: hipodonție M^3 drept, tartru supragingival depus în strat subțire pe arcada superioară și consistent pe arcada inferioară, două căderi dentare *intra vitam* pe mandibulă, carie de gradul 3 pe M^2 stâng, carie de gradul 5 și granulom apical pe M_1 drept, anomalie de poziție / direcție la P^2 stâng.

Anomalii/patologii postcraniene: fațeta Poirier pe femure, modificări periosteale pe tibia dreaptă (indicator nespecific al prezenței unei infecții locale), osteofite pe *linea aspera*, inserții musculare extrem de accentuate pe oasele membrelor superioare

și inferioare, formațiune chistică pe claviculă, joncțiune manubriu-mezostern-xyfoid, *foramenum sternale*, tuberozitate radială modificată (artroză), entezofite masiv în treimea inferioară a diafizei tibiei stângi, vertebre toracice și lombare cu osteofite marginale și cu hernii intervertebrale, corpuri vertebrale tasate/comprimate. Sunt prezente numeroase caracteristici care dovedesc că scheletul aparține unui bărbat călăreț și, probabil, arcaș.

Fig. 30. Mormântul 100, femeie, 40-50 ani. Neurocraniu, norma frontală.

Fig. 30. Grave 100, 40-50 years old female. Neurocranium, anterior view.

Fig. 31. Mormântul 100, femeie, 40-50 ani. Maxilarul superior și mandibula.

Fig. 31. Grave 100, 40-50 years old female. Upper maxilla and mandible.

Mormântul 100 (femeie, 40-50 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus II*). Scheletul craniac a fost reconstituit în proporție de 75%. Calota cra-

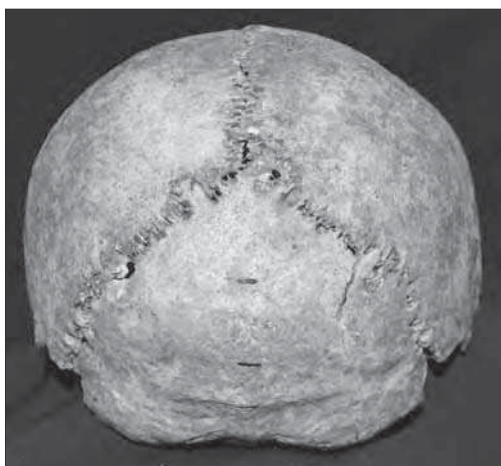

Fig. 32. Mormântul 100, femeie, 40-50 ani. Neurocraniu, norma occipitală.

Fig. 32. Grave 100, 40-50 years old female. Neurocranium, occipital view.

niană este sferoidă, scurtă și foarte largă. Indicele cefalic este hiperbrahican. Relieful cranian este slab dezvoltat. Pomeții sunt moderat dezvoltați. Fruntea este moderat de largă, iar occipitalul este larg. Mandibula este robustă (Fig. 30-32). Scheletul postcranian este complet. Osatura este robustă. Femurele au relief slab dezvoltat și pilastru. Humerusul este platibrahic, tibia – euricnemă, femurul – eurimer. Statura (162 cm), calculată după lungi-

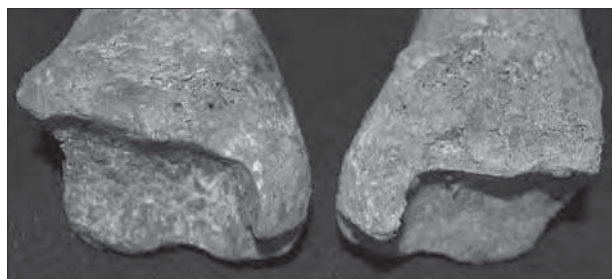

Fig. 33. Mormântul 100, femeie, 40-50 ani. Tibii, epifize distale, fațete de chircire.

Fig. 33. Grave 100, 40-50 years old female. Distal tibial epiphysis showing squatting facets.

mea femurului, intră în categoria feminină mare. Din punct de vedere tipologic, scheletul prezintă caractere Dinaroide și Est-Europoide.

Anomalii/patologii dentare: șase căderi dentare *intra vitam*, două carii de gradul 2-3, uzură de tip abrazie (culturală, ocupațională) pe C_c , P_1 și P_2 de pe stânga și în regiunea jugală superioară, hipoplazie liniară a smalțului pe C^c (indicator al stresului fiziologic produs între 1 și 3 ani, probabil în perioada înțărării).

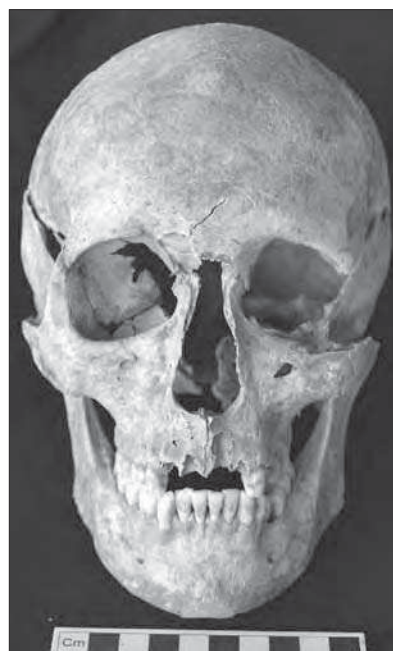

Fig. 34. Mormântul 101, bărbat, 20-25 ani. Craniu, norma facială.

Fig. 34. Grave 101, 20-25 years old male. Skull, facial view.

Fig. 35. Mormântul 101, bărbat, 20-25 ani. Craniu, norma laterală.

Fig. 35. Grave 101, 20-25 years old male. Skull, lateral view.

Anomalii/patologii postcraniene: inserții accentuate ale mușchilor care se inseră în treimea superioară a diafizei tibiei, relief deltoidian dezvoltat, creastă femurală subtrohanteriană bine marcată, fațete de chircire pe tibia (Fig. 33).

Mormântul 101 (bărbat, 20-25 ani, adult tânăr, *adultus*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 95%. Calota craniană este ovoidă, moderat de lungă și moderat de largă. Indicele

cefalic este mezocran. Relieful cranian este foarte dezvoltat. Pomeții sunt înalți și reliefați. Fruntea este moderat de largă, la fel și occipitalul. Mandibula este robustă (Fig. 34-35). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare bună. Osatura este robustă. Femurele au relief foarte dezvoltat și pilastru foarte accentuat. Statura (175 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria masculină mare. Din punct de vedere tipologic, acest schelet prezintă caractere Mediteranoide și Dinaroide.

Fig. 36. Mormântul 101, bărbat, 20-25 ani. Tartru supragingival, anomalie de erupție/poziție.

Fig. 36. Grave 101, 20-25 years old male. Supragingival calculus, anomaly of tooth eruption/position.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip porotic (indicator nespecific al anemiei sideropenice) în curs de vindecare în momentul decesului, hiperostoză porotică în zona glabelei, bărbiei și pomeților (indicator nespecific al unor infecții locale active în momentul decesului).

Anomalii/patologii dentare: anomalie de erupție/poziție (persistența unui dinte provizoriu în alveolă), tartru supragingival (Fig. 36).

Anomalii/patologii postcraniene: hernie marginală pe vertebrele toracice și lombare, fațete de chircire pe tibie, modificări periosteale pe diafizele tibiilor, femurelor și fibulelor (indică prezența unei infecții acute sau cronice înainte de deces), pinten pe humerus (atavism).

Mormântul 102 (bărbat, 35-40 ani, adult de vârstă mijlocie, *maturus I*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 90%. Calota craniană este pentagonoidă, foarte scurtă și largă. Indicele cefalic este hiperbrahican. Relieful cranian este foarte dezvoltat. Pomeții sunt înguști, frontalizați și reliefați. Fruntea este moderat de largă. Occipitalul este larg. Mandibula este gracilă (Fig. 37-38). Scheletul postcranian este complet, în stare de conservare bună. Osatura este moderat de

Fig. 37. Mormântul 102, bărbat, 35-40 ani. Craniu, norma facială.

Fig. 37. Grave 102, 35-40 years old male. Skull, facial view.

Fig. 38. Mormântul 102, bărbat, 35-40 ani. Craniu, norma laterală.

Fig. 38. Grave 102, 35-40 years old male. Skull, lateral view.

Fig. 39. Mormântul 102, bărbat, 35-40 ani. Arcada inferioară, tartru supragingival, hipoplazie liniară a smalțului.

Fig. 39. Grave 102, 35-40 years old male. Dental lower arch, supragingival calculus, linear enamel hypoplasia.

robustă. Femurele au relief dezvoltat. Statura (163 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria masculină submijlocie. Din punct de vedere tipologic, acest schelet prezintă caractere Est-Europoide și Mediteranoide.

Anomalii/patologii dentare: tartru supragingival consistent pe jugali și molari, trei căderi dentare *intra vitam*, microdonție a M³ drept, hipoplazie liniară a smalțului (șase linii) pe C^c, C_c, P^{1,2}, P_{1,2} (indicator al episoadelor repetitive de stres fiziologic în perioada 1-7 ani) (Fig. 39).

Anomalii/patologii postcraniene: formațiune nodulară (chist) pe corpul vertebrei L5, hernie intervertebrală în regiunea toracică, relief deltoidian dezvoltat, fosă și creastă subtrohanteriene.

Mormântul 103 (probabil gen feminin, 10-11 ani, copil, *infans II*). Scheletul este complet, satisfăcător conservat, atât în segmentul cranian, cât și în cel postcranian. Din scheletul cranian sunt

Fig. 40. Mormântul 103, probabil femeie, 10-11 ani. Neurocraniu, norma frontală.

Fig. 40. Grave 103, 10-11 years old, probable female. Neurocranium, anterior view.

Fig. 41. Mormântul 103, probabil femeie, 10-11 ani. Arcada dentară inferioară.

Fig. 41. Grave 103, 10-11 years old, probable female. Lower dental arch.

prezente toate elementele. S-a reconstituit până la calva (Fig. 40). Vârsta a fost determinată după stadiul evoluției dentare (Fig. 41). Din scheletul postcranian sunt prezente toate oasele. Lungimea diafizei tibiei este de 245 mm, lungimea diafizei radiusului – 157 mm, lungimea diafizei ulnei – 174 mm, lungimea diafizei humerusului – 210 mm.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip porotic-cribrotic, activă în momentul decesului (indicator al anemiei sideropenice), modificări pe endocraniu (urme ale inflamării meninge-lui?) care au corespondent pe exocraniu.

Anomalii/patologii postcraniene: modificări periosteale pe diafizele tibiilor (indicator al prezenței în organism a unei infecții nespecifice).

Mormântul 104 (femeie, 45-55 ani, adult

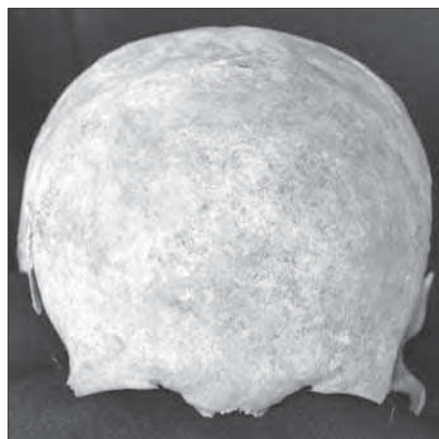

Fig. 42. Mormântul 104, femeie, 45-55 ani. Neurocraniu, norma frontală.

Fig. 42. Grave 104, 45-55 years old female. Neurocranium, anterior view.

Fig. 43. Mormântul 104, femeie, 45-55 ani. Neurocraniu, norma laterală.

Fig. 43. Grave 104, 45-55 years old female. Neurocranium, lateral view.

matur, *maturus III*). Scheletul cranian a fost reconstituit în proporție de 80%. Calota craniană este ovoidă, lungă și foarte largă. Indicele cefalic este brahican. Relieful cranian este slab spre moderat dezvoltat. Pomeții sunt înalți și reliefați. Fruntea este foarte largă, iar occipitalul – larg (Fig. 42-43). Mandibula este gracilă (edentată) (Fig. 44). Scheletul postcranian este complet, în stare de conser-

Fig. 44. Mormântul 104, femeie, 45-55 ani. Mandibula, edentație aproape totală.

Fig. 44. Grave 104, 45-55 years old female. Mandible, advanced edentation.

vare bună. Osatura este gracilă. Femurul are relief slab dezvoltat. Humerusul este euribrah, femurul – hiperplatimer, tibia – platicnemă. Statura (162 cm), calculată după lungimea femurului, intră în categoria masculină submijlocie. Din punct de vedere tipologic, acest schelet prezintă caractere Est-Europoide combinate cu elemente Dinaroide.

Anomalii/patologii craniene: *cribra orbitalia* de tip porotic (inactivă și parțial vindecată în momentul decesului), exostoze auriculare.

Anomalii/patologii dentare: edentație aproape totală pe arcada inferioară (din cei 16 dinți superiori, doar unul este în alveolă, restul sunt căzuți *intra vitam*) (Fig. 44), trei căderi dentare *intra vitam* pe hemiarcada superioară stângă.

Anomalii/patologii postcraniene: urme ale numeroaselor parturii în regiunea simfizei pubiene (femeie multipară), artroză avansată în regiunea epifizei distale a tibiei stângi, clavicule afectate de artroză, coroziune pe corpurile vertebrale cervicale, corpurile vertebrale toracice și lombare cu osteofite marginale și hernii intervertebrale, două vertebre toracice sudate în regiunea corpului (din cauza osteofitelor extrem de mari, care au dus la sudare și, implicit, la anchiloza unei porțiuni tora-

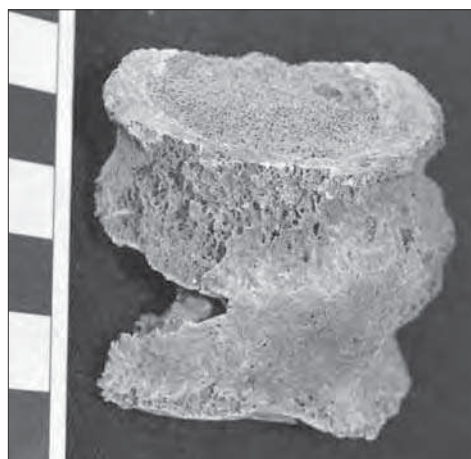

Fig. 45. Mormântul 104, femeie, 45-55 ani. Vertebre toracice sudate, anchiloza.

Fig. 45. Grave 104, 45-55 years old female. Fused thoracic vertebrae, ankylosis.

cice) (Fig. 45), relief deltoidian extrem de dezvoltat (indicator al suprasolicitării brațelor), apertură humerală supratrohleară accentuată (indicator al suprasolicitării antebrațelor).

Mormântul 105 (indeterminabil, 18-24 luni, sugar, *infans I*). Schelet deranjat de factorii antropici, tafonomici și pedologici. Scheletul este complet, dar extrem de fragmentar. Scheletul cranian este puternic tasat, dar sunt prezente toate oasele calotei. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Scheletul postcranian este, de asemenea, fragmentar, dar complet. Lungimea diafizei femurului este de 123 mm, iar lungimea diafizei radiusului, de 85 mm. Nu au fost înregistrate anomalii, patologii sau traumatisme, nici la nivel cranian, nici postcranian.

Considerații finale

Eșantionul osteologic raportat în studiul de față este format din 27 schelete provenite din 27 morminte de înhumăție. Din totalul de 27 indivizi, 15 (*infans I* și *infans II*) nu au depășit vârsta de 14 ani. Un singur individ se încadrează în intervalul de vârstă 14-20 ani (*juvenis*). Ceilalți 11 indivizi au trecut de vârsta de 20 ani (*adultus* și *maturus*). *Sex ratio* (indicele de masculinitate) este subunitar (5 bărbați/8 femei = 0,62). Mortalitatea copiilor (0-14 ani) în această serie osteologică de 27 indivizi este extrem de ridicată – 55,5%, în special dacă este privită comparativ cu seriile scheletice deshumate în anii precedenți din cimitirul de la Lozova. Valoarea ridicată a mortalității copiilor a determinat ca speranța de viață la naștere în acest eșantion scheletic să

nu depășească 19,29 ani. Cele mai mari rate de mortalitate sunt înregistrate pentru intervalele de vârstă *infans I* (0-7 ani) și *maturus* (30-60 ani). Nu s-a înregistrat nici-un supraviețuitor după vârsta de 60 ani. Vârsta medie la deces, calculată pentru segmentul de populație adultă (indivizii trecuți de vârsta de 20 ani), este de 23,21 ani pentru ambele genuri.

Datele privind tipologia acestei serii osteologice nu au oferit surprize. Suntem în prezența unui amestec de populații, însă susținem prezența unui fond principal exprimat prin predominanța elementelor Mediteranoide, la care adăugăm influențe Nordoide, Dinaroide și Est-Europoide, ceea ce sugerează un metisaj de caractere. În plus, adăugăm și câteva cazuri în care elementele Mongoloide sunt foarte clar exprimate.

Anomaliile osoase, elementele patologice și traumatismele înregistrate la această serie scheletică sunt destul de numeroase. Subliniem multiplele afecțiuni osteoartrite semnalate atât la indivizii adulți (20-30 ani), cât mai ales la cei maturi (30-60 ani), fapt ce ne sugerează condiții grele de viață în climat rece și umed, efort fizic susținut, suprasolicitarea articulațiilor de susținere prin anumite tipuri de activități, cum ar fi ridicarea și căratul frecvent și repetitiv de poveri. Analiza inserțiilor musculare și a remodelărilor osoase ne arată că aparținătorii acestor schelete prestau activități fizice grele și intense, cum ar fi mișcările repetitive de flexie-extensie a brațelor compatibile cu utilizarea uneltelor agricole. Alte activități deductibile din remodelările osoase sunt efortul de-

pus din poziția chircită, genuflexiunile repetitive, mersul pe teren accidentat și pe distanțe lungi, cu supragreutăți pe spate, activități ecvestre. Acțiunea alimentelor cariogene, avitaminozele, lipsa unor oligoelemente sau carențele anumitor aminoacizi esențiali necesari în dezvoltarea dentară au determinat o vulnerabilitate crescută a aparatului dentar, manifestată prin scăderea rezistenței. Patologiile dentare în această serie scheletică înregistrează un procent ridicat, manifestându-se prin carii și pierderi dentare, granuloame, tartru supragingival și hipoplazie, cea din urmă dezvoltându-se în timpul copilăriei, când condițiile grele de trai (inclusiv cele ce țin de alimentație) întrerup temporar procesele de creștere și dezvoltare. În ceea ce privește grupul traumatismelor, acestea înregistrează o prezență slabă, ceea ce constituie un argument plauzibil în favoarea concluziei că această populație nu se implica în ciocniri violente, avea un caracter sedentar, un mod de viață obișnuit. Referitor la indicatorii stării de sănătate, frecvența destul de ridicată a hiperostozei porotice și a modificărilor periosteale ne sugerează prezența în sânul comunității a unor carențe alimentare și a unor boli deductibile. Menționăm două noi cazuri de trepanații descoperite în campania 2015 și anume, mormântul 79 (femeie, 45-50 ani, trepanații simbolice multiple, localizate pe parietale, realizate *intra vitam*) și mormântul 97 (bărbat, 40-45 ani, trepanație efectuată, probabil, în scop terapeutic, pe occipital, *perimortem*), analiza detaliată a căreia ne-o rezervăm într-o lucrare ulterioară.

Bibliografie

- Alexeev, Debetz 1964:** V.P. Alexeev, G.F. Debetz, *Kraniometria. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* (Moskva 1964) // В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебеч, *Краниометрия. Методика антропологических исследований* (Москва 1964).
- Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998:** A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin, *Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology* (Cambridge 1998).
- Bach 1965:** H. Bach, *Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen weiblicher Skelette*. *ANTHROPOL ANZ* 29, 1965, 12-21.
- Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011:** L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, I. Ursu, *Descoperiri arheologice în situl medieval de la Lozova*. *Akademos* 2 (21), 2011, 120-122.
- Bailey 2006:** S.E. Bailey, *The evolution of non-metric dental variation in Europe*. *MITTEILUNGEN DER GESELLSCHAFT FÜR URGESCHICHTE* 15, 2006, 9-30.
- Baker 1974:** J.R. Baker, *Race* (New York-London 1974).
- Barnes 2012:** E. Barnes, *Atlas of Developmental Field Anomalies of the Human Skeleton: A Paleopathology Perspective* (Hoboken 2012).

- Blanchard 2010:** B.K. Blanchard, A study of the accuracy and reliability of sex estimation methods of the human pelvis (Chico 2010).
- Boev 1972:** P. Boev, Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostagaischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung (Sofia 1972).
- Breitinger 1938:** E. Breitinger, Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen. ANTHROPOLOG ANZ 14, 1938, 249–274.
- Brickley, Ives 2008:** M. Brickley, R. Ives, Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease (Oxford 2008).
- Broca 1875:** P. Broca, Instructions craniologiques et craniométriques. BMSAP, 1875, 2, 1-204.
- Brothwell 1981:** D.R. Brothwell, Digging up bones (London 1981).
- Bruzek 2002:** J. Bruzek, A method for visual determination of sex, using the human hip bone. AJPA 117, 2002, 157-168.
- Buikstra, Ubelaker 1994:** J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains, Arkansas Archaeological Survey Research Series No 44 (Fayetteville 1994).
- Bunak, Nesturch, Roginskii 1941:** V.V. Bunak, M.F. Nesturch, I.I. Roginskii, Antropologia, kratkii kurs (Moskva 1941) // В.В. Бунак, М.Ф. Нестурх, И.И. Рогинский, Антропология, краткий курс (Москва 1941).
- Campillo 1994:** D. Campillo, Paleopatología. Los Primeros Vestigios de la Enfermedad, Segunda Parte (Barcelona 1994).
- Connell 2008:** B. Connell, Preservation and archaeological data. In: N. Powers (ed.), Human osteology method statement, Museum of London (London 2008).
- Eickstedt 1934:** E. von Eickstedt, Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit (Stuttgart 1934).
- Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1979:** D. Ferembach, I. Schwidetzky, M. Stloukal, Recommendations pour déterminer l'âge et le sexe sur le squelette. BMSAP XIII, 6, 1, 1979, 7-45.
- Katzenberg, Saunders 2008:** M.A. Katzenberg, R.S. Saunders, Biological Anthropology of the Human Skeleton (Hoboken 2008).
- Lathan, Finnegan 2010:** K.E. Lathan, M. Finnegan, Age Estimation of the Human Skeleton (Illinois 2010).
- Leroux 2012:** H. Leroux, The use of dental nonmetric traits for intracemetery kinship analysis and cemetery structure analysis from the site of Middenbeemster, the Netherlands (Leiden 2012).
- Mann, Hunt 2005:** R.W. Mann, D.R. Hunt, Photographic Regional Atlas Of Bone Disease: A Guide To Pathologic And Normal Variation In The Human Skeleton (Illinois 2005).
- Manouvrier 1892:** L. Manouvrier, Détermination de la taille d'après les grands os des membres. REAP 2, 1892, 227–233.
- Maresh 1970:** M.M. Maresh, Measurements from roentgenograms. In: R.W. McCammon (Ed.), Human Growth and Development (Illinois 1970).
- Martin, Saller 1956-1966:** R. Martin, K. Saller, Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung (Stuttgart 1956-1966).
- Mays 1998:** S. Mays, The archaeology of human bones (London-New York 2004).
- Molleson 2007:** T. Molleson, A method for the study of activity related skeletal morphologies. BNE 1, 2007, 5-33.
- Nemeskéri, Harsányi, Acsády 1960:** J. Nemeskéri, L. Harsányi, Gy. Acsády, Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden. ANTHROPOLOG ANZ 24, 1960, 70-95.
- Olivier 1969:** G. Olivier, Practical anthropology (Michigan 1969).
- Ortner 2003:** D.J. Ortner, Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Oxford 2003).
- Roberts, Manchester 2007:** Ch. Roberts, K. Manchester, The Archaeology of Disease (Ithaca-New York 2007).
- Schaefer, Black, Scheuer 2009:** M. Schaefer, S. Black, L. Scheuer, Juvenile osteology (London-New York 2009).
- Schmitt 2005:** A. Schmitt, Une nouvelle méthode pour estimer l'âge au décès des adultes à partir de la surface sacro-pelvienne iliaque. BMSAP 17, 1-2, 205, 1-13.
- Simalcsik 2012:** A. Simalcsik, Analiza antropologică a seriei scheletice descoperite în necropola medievală de la Lozova, secolele XIV-XV. RA VIII, 1-2, 2012, 316-343.
- Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013a:** A. Simalcsik, R.D. Simalcsik, V.M. Groza, Reconstitution of the main demographic indices of the population exhumed from the medieval cemetery of Lozova (XIVth-XVth centuries). MEMOIRS OF THE SCIENTIFIC SECTIONS OF THE ROMANIAN ACADEMY XXXVI, 2013, 71-80.
- Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013b:** A. Simalcsik, R.D. Simalcsik, V.M. Groza, Hipoplazia smaltului dentar în seria scheletică deshumată din necropola de la Lozova, secolele XIV-XV. RA IX, 2, 2013, 228-244.
- Simalcsik, Simalcsik, Groza 2014:** R.D. Simalcsik, A. Simalcsik, V.M. Groza, Dental enamel hypoplasia. Investigations on the bones exhumed from the medieval necropole of Lozova (Republic of Moldova), XIVth-XVth centuries.

MEMOIRS OF THE SCIENTIFIC SECTIONS OF THE ROMANIAN ACADEMY XXXVII, 2014, 85-96.

Simalcsik și colab. 2014: A. Simalcsik, A. Comșa, V.M. Groza, R. D. Simalcsik, Trepanația – ritual simbolic/magico-religios sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz. RA X, 1-2, 2014, 247-265.

Simalcsik, Groza 2015: A. Simalcsik, V.M. Groza, Necropola medievală de la Lozova. Campania arheologică din 2014. Raport antropologic. RA XI, 1-2, 2015, 303-322.

Smith, Knight 1984: B.G. Smith, J.K. Knight, An index for measuring the wear of teeth. BR DENT J 156, 1984, 435-438.

Stradalova 1975: V. Stradalova, Sex differences and sex determination on the sacrum. ANTHROPOS 13, 3, 1975, 237-244.

Trotter, Gleser 1958: M. Trotter, G. Gleser, A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taken during Life and of Long Bones after Death. AJPA 16, 1958, 79-123.

Ubelaker 1979: D. H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis and Interpretation (Washington 1979).

Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2014: I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, Cercetări arheologice în necropola medievală de la Lozova. Campania din anul 2014. Akademos 1, 2015, 139-142.

Vallois 1944: H. V. Vallois, Les races humaines (Paris 1944).

Vornic și colab. 2012: V. Vornic, I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, R. Pîrnău, L. Ciobanu, Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Rezultate preliminare. RA VIII, 1-2, 2012, 222-256.

Waldron 2009: T. Waldron, Palaeopathology (Cambridge 2009).

Walrath, Turner, Bruzek 2004: D.E. Walrath, P. Turner, J. Bruzek, Reliability test of the visual assessment of cranial traits for sex determination. AJPA 125, 2004, 132-137.

White, Folkens 2005: T.D. White, P. A. Folkens, Human bone manual (Amsterdam-Boston 2005).

Angela Simalcsik, antropolog, doctor în medicină, specialitatea „antropologie medicală”, cercetător științific gradul III, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov”, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: angellisimal@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.

Robert Daniel Simalcsik, antropolog, doctor în biologie, cercetător științific, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov”, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: angellisimal@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.

Vasilica Monica Groza, antropolog, doctor în biologie, cercetător științific, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov”, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: moni_ian@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.

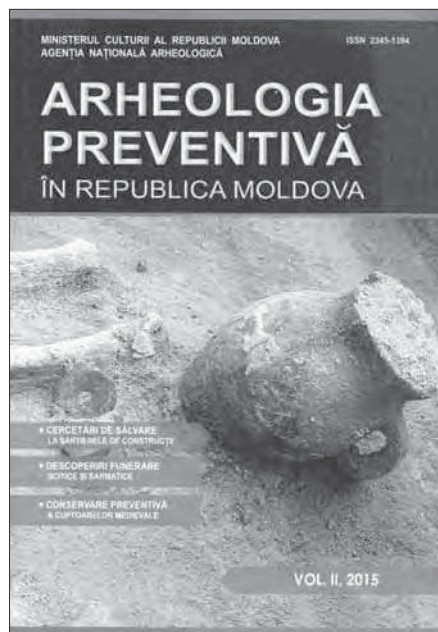
RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

O revistă așteptată: *Arheologia preventivă în Republica Moldova*

Apariția celui de-al doilea volum al revistei consacrate promovării rezultatelor obținute în activitățile de cercetare și salvagardare a patrimoniului arheologic din Republica Moldova¹ reprezintă o continuare așteptată a unei bune inițiative editoriale concepută de Agenția Națională de Arheologie. Sporirea numărului de situri aflate în pericol iminent de distrugere, prospectate și studiate prin sondaje arheologice, au făcut necesară reunirea lor între aceste pagini ca o completare firească a altor reviste de profil.

Din sumarul revistei de față rezultă faptul că sub egida Agenției, în anul 2014 au fost efectuate cercetări arheologice preventive la 12 situri de pe teritoriul Republicii Moldova, dintre care opt conservă vestigii ale unor comunități din preistorie până în antichitatea târzie, și doar patru aparțin epocilor medievală și modernă. În acest demers, pentru bunul mers al investigațiilor, au fost antrenate ca de obicei, și alte instituții de profil, precum Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă” și Rezervația cultural-naturală „Orheiul Vechi”. Cu vînte de laudă se cuvin echipei editoriale pentru ingenioasă punere în pagină, ilustrații clare și frumoasă realizare tipografică. Prin urmare, cel de-al doilea volum al revistei cuprinde 12 rapoarte arheologice, bine documentate, cu informații edificatoare și ilustrate la un înalt nivel poligrafic.

Primul text din cuprinsul acestui volum (p. 7-14), semnat de către Sergiu Bodean și Sergiu Popovici, este consacrat rezultatelor obținute pe parcursul activităților de salvagardare a vestigiilor unui sit eneolitic de la Cotova (r-nul Drochia), amplasat pe cursul râului Căinari. Ca rezultat al prospectărilor efectuate în perimetrul așezării și a unei intervenții neautorizate, care a distrus o locuință de suprafață tipică pentru siturile Tripolie CI/Cucuteni B, a fost recuperat un lot cu „fragmente de la cca 95-97 vase și trei vase întregi”, în care predomină ceramica pic-

tată. Cercetătorii au evidențiat mai multe forme de vase, cum ar fi amfore „faciale”, vase bitronconice și piriforme, castroane tronconice, pahare bitronconice, cratere, alături de piese de silex, fragmente de „râșnițe cu urme de utilizare pe o latură” etc.

Un nou sit arheologic din perioada târzie a epocii bronzului descoperit la Novosiolovca (r-nul Taraclia) a fost cercetat printr-un sondaj arheologic de către Serghei Agulnicov și Sergiu Popovici. După o încadrare culturală a vestigiilor descoperite, tipice pentru siturile identificate pe cursul inferior al râului Ialpug, autorii ne oferă detalii privind lotul de materiale recuperate pe parcursul intervenției de salvare din 2013: unelte de piatră și fragmente de ceramică aparținând unor vase diferite ca formă și dimensiuni. Un aspect interesant adus în discuție este cel al prezenței unor numeroase oase de cabaline, fapt ce ar indica folosirea cărnii de cal în alimentația comunităților umane din perioada târzie a epocii bronzului, alături de cea provenită de la bovine și ovicaprine. Autorii relevă faptul că pentru această perioadă, în mod obișnuit, în cadrul siturilor studiate din nord-vestul Mării Negre numărul resturilor faunistice provenind de la cabaline este mai mic decât cel al oa-

1. *Arheologia preventivă în Republica Moldova*, vol. II, 2015, Chisinau, 140 p. ISSN 2345-1394.

selor atribuite altor specii de animale domestice.

În continuare, Sergiu Matveev și Vlad Vornic ne prezintă date preliminare privind cercetările de salvare efectuate la Lipoveni (r-nul Cimișlia) în anul 2014 (p. 21-32). Potrivit autorilor, în timpul acestei intervenții a fost descoperită o vatră în aer liber atribuită orizontului getic (sec. V-III a.Chr.), un cuptor de gospodărie din secolele III-IV p.Chr. și 11 gropi aparținând diferitor epoci istorice. Astfel, cele mai vechi vestigii identificate la Lipoveni aparțin primei epoci a fierului, concretizate în fragmentele de vase și resturi faunistice. Următorul nivel de locuire semnalat corespunde culturii getice, cuprinzând fragmente ceramice (de castroane, căni, capace și diferite forme de oale) și oase de animale, dar și o verigă de bronz „de tip celtic”, un vârf de săgeată cu trei aripi, un fragment de rășniță din piatră. Însă cele mai importante vestigii provin din nivelul de locuire atribuit culturii Sântana de Mureș-Cherneakhov, precum cuptorul de gătit în aer liber, patru gropi menajere și un „relativ bogat inventar arheologic”, care include și o monedă din bronz emisă de împăratul Gordian III (238-244) la atelierul din Viminacium. Planșele de foarte bună execuție indică asupra unei experiențe de netăgăduit a autorilor în ilustrarea rezultatelor cercetărilor efectuate.

Un alt articol din cuprinsul revistei este consacrat cercetărilor arheologice din anul 2014 efectuate în aria sitului fortificat de la Butuceni, r-nul Orhei (p. 33-42). Cei trei autori, Octavian Munteanu, Sergiu Moraru și Maria Vetrilă, ne prezintă rezultatele cercetărilor pe parcursul cărora au căutat răspunsuri la întrebări legate de elementele constitutive ale fortificației studiate, tehnicile folosite pentru construirea acesteia și delimitarea traiectoriei sistemului defensiv identificat în anul 2013 cu ocazia lucrărilor pentru instalarea conductei de alimentare cu apă a locuitorilor din Butuceni. Potrivit autorilor, în partea de vest a promontoriului Butuceni au existat două linii defensive orientate pe axa est-vest, cercetările din anii 2013-2014 oferind date „relativ suficiente” pentru a clarifica prezența unei palisade complexe, formate din trei paramente, unul din piatră amplasat dinspre incintă, alături de alte două din pari îngropați și întăriți cu piatră. Rămân însă neelucidate o serie de aspecte, cum ar fi caracterul fortificației, corelația cronologică dintre acest sistem defensiv investigat prin săpăturile din anii 2013-2014 și altul amplasat mai la nord, dar și cu celelalte linii

defensive cunoscute în literatura de specialitate. O altă întrebare la care autorii își propun să găsească răspuns este cum și în ce măsură condițiile geografice „au determinat organizarea internă a spațiului din promontoriul Butuceni, inclusiv fortificarea acestuia în perioada getică”.

O altă contribuție cuprinsă în această revistă aparține lui Ion Ceban, Denis Topal, Serghei Agulnicov și Sergiu Popovici, oferindu-ne date noi referitoare la tumulul nr. 7 de la Crihana Veche-*La Pietricei* (r-nul Cahul) (p. 43-58), în care au fost descoperite două morminte de înhumăție, atribuite culturii scitice. Se remarcă, bineînțeles, inventarul bogat al mormântului central cu caracter aristocratic al unui bărbat în vârstă de peste 60 de ani, care, după ce a fost jefuit de cel puțin două ori, potrivit datelor arheologice, mai conținea 60 de vârfuri de săgeți de bronz de diferite tipuri, un fragment de *kyatos* din bronz, piese de harnașament, mărgelile din sticlă, os (pieptene, fus) și lut. Un artefact deosebit este „mânerul de spadă placat cu os și ornamentat prin încrustare cu fir de argint”, proveniența căruia este pusă în relație „fie cu ateliere tracice, fie cu unele grecești”. Prezintă interes vestigiile de sub mantaua tumulului, puse în legătură cu ospățul funerar. Aici au fost găsite cca 500 de fragmente de amfore, de la cel puțin 25 de recipiente întregi, toate fiind atribuite centrului de producție din Thasos. De asemenea, menționăm recuperarea unui lot important de oase de animale, între care majoritatea aparținând cabalinelor, alături de bovine și, în cantitate mai mică, ovine. Autorii scot în evidență aspectul utilizării cărnii de iepure ca ofrandă alimentară, mărturie fiind resturile de *Lepus europaeus*, puse în conexiune cu prezența reprezentării iepurelui în arta decorativă din lumea scitică.

Lucrarea *Date preliminare privind necropola sarmatică de la Medeleni (com. Petrești, r-nul Ungheeni)* (p. 59-72), semnată de Vlad Vornic, Valeriu Bubulici și Sergiu Popovici, reprezintă o descriere analitică a unei cercetări arheologice de salvare din primăvara anului 2015 în perimetrul unui nou sit descoperit la Medeleni, de unde au fost recuperate vestigii spectaculoase ale sarmaților din zona Câmpiei Prutului de Mijloc. După evidențierea numărului mare de obiective arheologice (așezări, necropole plane și movile funerare) identificate în microzona comunei Petrești cu ocazia prospectărilor periegetice sau de salvare, autorii se opresc în mod special asupra importanței descoperirilor din

aria necropolei plane de la Petrești, atribuită epocii romane. Cimitirul sarmatic de la Medeleni este pus în conexiune directă cu cel de la Petrești, situat la doar 1 km distanță spre est. O caracteristică comună a mormintelor de la Medeleni, evidențiată de către autori, este deranjarea lor din vechime, situații asemănătoare fiind identificate și în alte cimitire sarmatice, cum ar fi cel de la Bădragii Noi-*La Stâncă*. De asemenea, în legătură cu practicile rituale sau de cult folosite pentru înhumății de la Medeleni este pus și complexul delimitat de șanțulețul prevăzut cu intrare. Prezentarea inventarului provenit din mormintele sarmatice cercetate este făcut în detaliu, având descrierea a patru vase de lut, trei fusaiole și mai multe obiecte de podoabă (patru pandantive, un clopoțel, o verigă de bronz și cca o sută de mărgel). Un loc aparte în prezentarea inventarului funerar foarte bogat îl are, bineînțeles, pandantivul sau cercelul de aur „în formă de amforetă, prevăzută cu o tortiță de prindere și 13 lănișoare de aur cu mărgel de sticlă la capete”, dar fără a fi „umbrită” importanța și a altor artefacte descoperite, în măsură să ajute la cunoașterea realităților istorice din această regiune, în special, a diferitor aspecte ale vieții spirituale în primele secole ale erei creștine.

În continuare, Sergiu Popovici, Eugen Mistreanu și Ion Noroc ne comunică succint rezultatele cercetării unui mormânt sarmatic descoperit la Fîrlădeni (r-nul Căușeni) (p. 73-76), în care găsim informații referitoare atât la contextul descoperirii, starea de conservare a scheletului și poziția defunctului, cât și inventarul funerar recuperat (o cană de lut de mici dimensiuni, un cercel confecționat din sârmă de bronz, un fragment din garnitura unei cataramă, patru mărgel – una de agat, două din pastă sticloasă de culoare albastră și una de sidex – și un obiect din fier cu funcționalitate incertă). Autorii precizează importanța acestei descoperiri pentru cunoașterea realităților legate de prezența sarmaților în zona cursului inferior al râului Botna și, prin urmare, și în cea a Nistrului de Jos.

O „redescoperire” a unei amfore romane în colecțiile Muzeului de Istorie al Școlii din Călmățui (r-nul Hîncești) în vara anului 2014 este prezentată de colegii Larisa Ciobanu și Vlad Vornic (p. 77-80). Se cuvine să menționăm faptul ca asemenea „redescoperiri”, una de la Muzeul Raional de Istorie și Etnografie „Anatol Candu” din Văsieni (r-nul Ialo-

veni) și alta de la Muzeul Liceului cu profil sportiv din Lipoveni (r-nul Cimișlia), au fost introduse recent în circuitul științific de aceiași autori, care prin munca lor, cu migală și responsabilitate, contribuie astfel la reconstituirea unor crâmpoie de istorie locală și a răspândirii recipientelor romane în acest spațiu. Astfel, amfora descoperită pe moșia satului în a doua jumătate a anilor 60 ai secolului XX provine, probabil, dintr-un mormânt tumular, distrus prin lucrări agricole, și aparține așa-numitului tip Neapolis/Shelov C sau Vnukov IVC. Potrivit autorilor, după formă, dimensiuni și structura pastei, amfora recuperată a fost lucrată în atelierele din Heraclia Pontică, vasele de acest tip servind mai ales la transportarea vinului grecesc în mediul barbar.

Un plus de informații referitoare la perioada romană târzie aduce textul consacrat unei cercetări arheologice de salvare în situl Brânzei Noi-*La Hidrocentrală* (r-nul Telenești), semnat de către Sergiu Popovici, Ion Ceban și Ion Noroc (p. 81-88). Așezarea, în perimetrul căreia s-a efectuat sondajul arheologic, este amplasată pe a doua terasă de pe malul stâng al râului Răut și a fost atribuită culturii Sântana de Mureș-Cherneakhov. Pe parcursul acestei intervenții, au fost descoperite „aglomerații sau mici platforme din pietre cu urme de foc” și o colecție reprezentativă de fragmente de vase de lut fie modelate cu mâna, având ca degresant cioburi pisate, fie lucrate la roată (din pastă zgrunțuroasă cu nisip și pietriș mărunț în compoziție; din pastă fină, unele cu suprafața lustruită), precum și fragmente de amfore romane.

Un alt sondaj arheologic, efectuat în situl de la Crihana Veche-*În Baltă*, este prezentat de către Vlad Vornic, Ion Ceban și Serghei Agulnicov (p. 89-94). Potrivit autorilor, intervenția a fost făcută „în scopul salvării de la distrugere completă a două complexe adâncite”, pentru stabilirea cronologiei sitului, dar și „în vederea alcătuirii unei colecții muzeale privind arheologia și istoria îndepărtată a localității Crihana Veche”. Vestigiile descoperite (fragmente de vase de lut, fusaiole de lut, resturi faunistice ș.a.) au fost atribuite unei așezări de tip Sântana de Mureș-Cherneakhov (secolul IV p.Chr.). Totodată, autorii semnalează dezvelirea unei gropi, în care a fost găsit un schelet de câine, înhumat, probabil, ritual, la încetarea folosirii complexului nr. 3 (locuință sau anexă gospodărească), notând că astfel de înhumări de animale au fost identificate și în alte situri de tip Sântana de

Mureș-Cherneakhov.

Un alt grupaj de lucrări cuprinde contribuții la arheologia medievală și modernă. În lucrarea *Noi descoperiri în situl arheologic medieval de la Vorniceni-Gura Văii*, semnată de către colegii Vlad Vornic, Sergiu Tabuncic și Ion Ursu (p. 95-104), găsim date relevante pentru deslușirea anumitor aspecte ale vieții economice în mediul rural din secolul XIV, în special, în ceea ce privește construcția cuptoarelor de ars vase de lut, care vin în completarea informațiilor obținute în anul 2013. Autorii ne prezintă vestigiile recuperate cu ocazia dezvelirii gropilor de alimentare cu combustibil ale cuptoarelor de olărie (nr. 1 și 2), a două gropi (nr. 2 și 3) și totodată, a degajării camerei de foc a cuptorului nr. 2. Potrivit autorilor, cuptoarele descoperite la Vorniceni sunt primele instalații de ars vase de lut semnalate în spațiul pruto-nistriean „ce au gropile de acces lutuite și puternic arse”, spre deosebire de alte instalații cu grătar din secolul XIV, atestate la Orheiul Vechi, Costești, Brănești și Lozova, care aveau gropile de acces neamenajate, săpate simplu în pământ. Importantă este identificarea unor materiale arheologice, dateate în secolele XV-XVII, care reprezintă dovezi materiale ale existenței satului Vorniceni cel puțin începând cu secolul XV, când este menționat în actul emis de cancelaria domnească din timpul voievodului Alexandru cel Bun, la 1420. Prin acest act zece sate de pe valea Bucovățului, inclusiv Vorniceni, erau dăruite vornicului Oană pentru „dreaptă și credincioasă slujbă”.

În continuarea acestui articol vine materialul prezentat de către Cristina Georgescu, cunoscut restaurator în cadrul Institutului de Arheologie „Vasile Pârvan” din București, autoarea unor articole și studii interdisciplinare referitoare la investigarea, conservarea și restaurarea materialelor arheologice. Cu pricepere și acuratețe, autoarea prezintă rezultatele *Lucrărilor de conservare preventivă în situ la cuptoarele de olărie din sec. XIV de la Vorniceni, r-nul Strășeni* (p. 105-112). Din aceste pagini aflăm elementele instalațiilor, asupra cărora și-a îndreptat atenția sa: „două cuptoare de ars vase, prevăzute cu câte o groapă de alimentare cu combustibil, și câteva gropi pentru depozitarea ceramicii rebutate”, rezultatele evaluării stării de conservare a celor două cuptoare și a spațiului din jurul lor, pe baza cărora au fost planificate intervențiile de conservare și restaurare. Ilustrația inclusă arată clar detaliile de construcție ale cuptoarelor și zonele de intervenție

de consolidare a fisurilor la nivelul grătarului cuptorului, compoziția solului din care au fost construite instalațiile, biodegradarea din timpul utilizării cuptoarelor, zona plăcii de reverberație ș.a. Potrivit autoarei, instalațiile descoperite la Vorniceni au fost construite asemănător, astfel că cele patru componente, gura cuptorului, focarul, placa de reverberație și camera de ardere au forme și mărimi asemănătoare. Modul de construire a lor arată că „ele au funcționat împreună ca o baterie de cuptoare”, fapt care sugerează o cerere mai mare de recipiente în perioada respectivă. Aici găsim prezentate prioritățile metologice stabilite pentru procesul de conservare in situ al instalațiilor de la Vorniceni, dar și semnalarea unei probleme stringente care există în Republica Moldova și România, și anume lipsa unor vestigii imobile de tipul instalațiilor restaurate și introduse în circuitul turistic, afirmându-se că deși au fost descoperite „din abundență în timpul săpăturilor sistematice, valorificarea lor prin expunere în muzee este aproape inexistentă”.

În articolul semnat de colegul Ion Ursu este semnalată descoperirea unei noi necropole medievale la Trebujeni (r-nul Orhei) (p. 113-118). După o scurtă prezentare a istoricului cercetărilor arheologice din perimetrul Complexului natural-cultural „Orheiul Vechi”, care cuprinde și menționarea celor patru necropole cunoscute, dintre care două studiate, autorul ne informează asupra intervenției arheologice de salvare efectuate în luna septembrie a anului 2014 cu ocazia efectuării lucrărilor de aprovizionare cu apă potabilă și canalizare a gospodăriilor sătenilor din Trebujeni. Ca rezultat al acestei intervenții, a fost identificat un cimitir, amplasat pe a doua terasă a râului Răut, nu departe de biserica actuală a satului, din care au fost excavate nouă morminte, afectate de șanțul pentru apeduct. Mormintele au fost săpate în roca calcaroasă, având contururi bine delimitate de formă rectangulară, iar „defuncții depuși în decubit dorsal cu brațele în lungul corpului, ușor întorși spre partea dreaptă” pe axa vest (cap) – est (picioare), palma stângă căzută pe cea dreaptă și așezarea craniului pe tîmpla dreaptă, cu privirea spre sud, fără inventar funerar. Astfel, concluzia autorului este că acest cimitir „poate fi atribuit comunităților musulmane din cadrul așezării urbane a Hoardei de Aur din anii 30-60 ai sec. XIV” (p. 117).

Fără a intra în discuții de detaliu pe marginea textelor prezentate mai sus, încheiem acest grupaj cu lucrarea elaborată de Vlad Vornic și Sergiu Ta-

buncic despre *Un cuptor de ars cărămizi din perioada modernă descoperit la Călărași* (p. 119-128). În acest demers, autorii au coroborat materialele arheologice recuperate cu numeroase informații selectate din sursele documentare sau colectate din tezaurul toponimic local, constatând că „funcționarea complexului respectiv ține de perioada sfârșitului sec. XIX, când pe moșia moșierului Matei Derojinschii este semnalată o mică fabrică de cărămidă”. Colegii subliniază importanța descoperirii instalației de ars cărămizi, scoțând în evidență relevanța efectuării investigațiilor arheologice în cadrul unui asemenea complex, care completează într-un mod deosebit tabloul istoriei vieții economice atât a târgului Călărași și a satelor din împrejurimi, precum și a Basarabiei, în general, în perioada modernă. Lucrarea se remarcă printr-o bună ținută grafică, ale cărui ilustrații îi sporesc, neîndoiește, valoarea.

Ultimul text din cuprinsul acestei reviste se referă la una dintre numeroasele practici culturale, și anume deformația craniană intenționată (p. 129-138), atestată și în situl de la Fîrlădeni (r-nul Căușeni) și aparține colegei Angela Simalcsik, cunoscută cercetătoare în domeniul paleoantropologiei și antropologiei contemporane în cadrul Centrului de Cercetări Antropologice „Olga Necrasova” din Iași (Academia Română). Autoarea urmărește toate aspectele necesare unei prezentări

bine structurate a acestui procedeu cu încărcătură deosebită în viața socială a anumitor comunități umane din vechime, precum definiția deformației craniene intenționate, scopul și motivele, vechimea, răspândirea și originea acestei practici, clasificarea tipurilor de deformație craniană, metodele de deformare, atestările procedurii în spațiul pruto-nistean, adus în regiune de către triburile migratoare. Descoperirea de la Fîrlădeni-*Șesul Popii* din 2014, atribuită unui complex funerar caracteristic pentru comunitățile sarmatice din prima jumătate a secolului II p.Chr., a fost analizată în detaliu, relevându-se starea de conservare a scheletului, vârsta la deces a defunctului (8-9 ani), anomaliiile de osificare și patologiiile prezente, metoda folosită pentru remodelarea craniană a copilului înhumat și analogiile identificate în spațiul est-carpatic. Înainte de considerațiile finale, autoarea a prezentat, cu generozitate, exemple de cranii deformate, aflate în colecția Centrului de Cercetări Antropologice „Olga Necrasova” din Iași.

În concluzie, revista *Arheologia preventivă în Republica Moldova* se recomandă dezinvolt și expresiv, prin conținut și excelente condiții grafice de editare, dar și prin deschiderea spre interdisciplinaritate, drept o apariție valoroasă menită să contribuie la deslușirea unor însemnate aspecte din istoria comunităților umane care au locuit acest spațiu de-a lungul mileniilor.

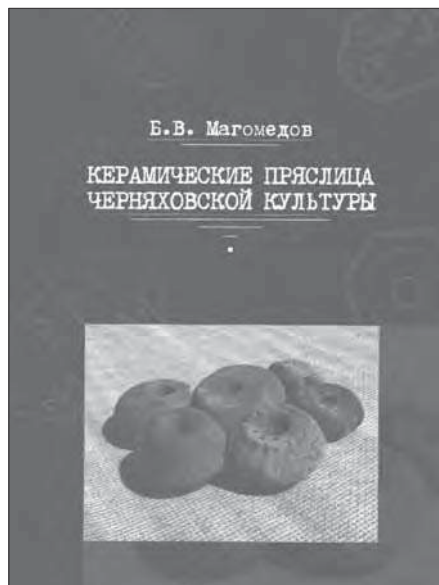
Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Reputatul specialist în arheologia și istoria perioadei romane târzii și a epocii migrațiilor din spațiul est-european, dr.hab. Boris Magomedov, autor a peste 200 de lucrări științifice, laureat al Premiului de Stat al Ucrainei din anul 1991, membru-corespondent al Institutului German de Arheologie, a publicat recent un succint, dar foarte interesant studiu monografic consacrat fusaiolelor de lut descoperite în mediul culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov, intitulat **Fusaiiolele ceramice în cultura Cherniakhov**. Cartea a apărut la Kiev în anul 2015, sub auspiciile Institutului de Arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei, în cadrul căruia autorul activează de aproape o jumătate de veac (din 1969).

Ca structură, lucrarea este alcătuită dintr-o introducere (p. 9-12), trei capitole (p. 15-55) și considerații finale (p. 59-60), la care se mai adaugă două rezumate ample (unul în limba ucraineană și altul în engleză, p. 63-96), 6 tabele (p. 99-116), 18 planșe cu desene (p. 118-153), bibliografia (p. 157-166) și lista abrevierilor (p. 167).

În **Introducere** autorul explică mai întâi rolul fusaiolelor în procesul torsului, străveche ocupație casnică legată de cea a țesutului: ele reprezentau piese având rol de greutate volantă, cu perforație, fixată la capătul de jos al fusului, și puteau avea o greutate mai mare sau mai mică în funcție de grosimea firului tors sau a materiei prime – lână, in, cânepă etc. Boris Magomedov, în baza faptului că fusaiiolele erau depuse în morminte atribuite preponderent femeilor, le consideră drept o componentă a substratului cultural feminin, iar descoperirea lor și în complexe funerare aparținând bărbaților, prin analogie cu unele tradiții semnalate în morminte din epoci anterioare, puteau reprezenta amulete cu o anumită semnificație sacră, obicei ce putea fi preluat de purtătorii altor culturi și epoci istorice. În plus, fusaiola depusă alături de bărbatul decedat putea fi și ultimul cadou-amintire de la soție, consideră autorul.

Fiind o prezență obișnuită în siturile culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov, studiul detaliat al fusaiiolelor este în măsură, în opinia autorului, să arunce lumină asupra provenienței anumitor tipuri ale acestora, asupra genezei și legăturilor interetnice ale purtătorilor culturii respective. Referitor la ma-

terialul din care au fost lucrate, majoritatea absolută a fusaiiolelor au fost modelate din lut, cu arderea lor ulterioară, ori din fragmente de vase ceramice, însă sunt cunoscute și piese de sticlă sau os, iar mult mai rar – din corn, piatră moale (marnă) ori pietre semi-prețioase (calcedonie). Autorul subliniază faptul că fusaiiolele de sticlă și os descoperite în mediul culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov sunt similare cu cele provenite din mediile culturale învecinate, Wielbark și Przeworsk. Mai rar decât fusaiiolele, uneori în procesul investigațiilor arheologice efectuate în complexe funerare, alături de acestea apar și alte elemente de fus, cum ar fi niște cârligele de fier executate din sârmă torsionată, cu înălțimea de 2,5-3 cm (care se fixau pe capătul de sus al fusului, servind la păstrarea poziției lui verticale), sau un fel de inele mici metalice cu diametrul de cca 1 cm – în stratul arheologic al necropolei de la Petrikivtsi s-au găsit două asemenea piese, lucrate din argint.

Spre sfârșitul părții introductive a lucrării, autorul precizează încă o dată obiectul și scopul studiului. Dacă ne referim la primul aspect, au fost analizate doar fusaiiolele ceramice, modelate de la bun început ca parte componentă a unui fus. Multe fusaiiole au fost lucrate în ateliere meșteșugărești în paralel cu ceramica fină (ori, mai rar, cu cea zgrunțuroasă), ele având o formă geometrică

corectă, pastă omogenă și arderea calitativă. Se întâlnesc însă și cazuri, – atunci când pregătirile de înmormântare aveau loc în mare grabă – când nu erau respectate toate rigorile tehnologice cuvenite, și arderea pieselor ce alcătuiau inventarul funerar, inclusiv a recipientelor, se făcea necalitativ. O altă categorie o alcătuiesc fusaiiolele lucrate manual, mai neglijent, în condiții casnice – ele se deosebesc și după formă, și după ardere (pe vetre deschise).

Scopul lucrării semnate de B.V. Magomedov este „clarificarea originii anumitor forme de fusaiiole și a procedeele de ornamentare a lor, drept unul dintre indiciile pentru determinarea componenței etno-culturale a comunităților” (p. 12). În calitate de analogii, întru realizarea scopului propus, au fost examinate fusaiiolele descoperite în situri aparținând unor culturi arheologice anterioare și învecinate. În prezent majoritatea cercetătorilor rezervă rolul principal în formarea culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov migratorilor din nord-vest – purtătorilor culturii Wielbark și, într-o măsură mai mică, culturii Przeworsk. Substratul populației culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov îl puteau alcătui, în partea de vest a Ucrainei Centrale, rămășițele comunităților Zarubineț târzii (cu toate că dovezi arheologice clare ale contactului lor cu populația nou-venită deocamdată nu există); în regiunea Niprului Mijlociu și mai la est – purtătorii culturii Kiev și siturile „orizontului Bromlia”. La hotarele vestice predecesorii culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov au fost populațiile grupurilor culturale Lipița și Zubritskaia, iar la sud-vest – populațiile tracice, geții și dacii. În stepele sudice erau stabiliți sarmații-alani, care au rămas în vecinătatea sud-estică a culturii în discuție până la sfârșitul epocii romane.

Capitolul 1 este intitulat Clasificarea formelor și decorului fusaiiolelor cherniakhovene. Compartimentul constă din câteva pagini introductive și două subcapitole. De la bun început se face precizarea că până acum o sistematizare a fusaiiolelor în cadrul întregii culturi Sântana de Mureș-Cherniakhov nu s-a făcut (cu excepția a trei microregiuni și unor situri mai mari). Autorul a examinat câteva mii de fusaiiole din publicații sau rapoarte științifice, însă doar 930 dintre acestea au putut fi utilizate în analizele statistice și cartate, în principal din cauza publicării lor lacunare. Spre exemplu, în așezarea Khlopkov au fost descoperite 52 de fusaiiole, dar sunt publicate numai 13, iar din publicațiile complete ale siturilor din Transilvania nu s-a

reușit acumularea unui număr suficient de desene clare. Autorul s-a străduit să ilustreze grafic, prin planșe și hărți, întreaga paletă de forme și decor a fusaiiolelor cherniakhovene, precum și analogiile pentru ele din alte culturi (fig. 1-16). Harta principală a lucrării (fig. 17) ilustrează descoperirile de fusaiiole din cele nouă regiuni ale culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov, evidențiate în procesul elaborării acestui studiu: Ucraina Centrală; Ucraina de Nord-Vest; Nistrul Superior; Nistrul Mijlociu; Ucraina de Est; zona nord-pontică; Moldova; Muntenia; Transilvania. Se atrage atenție asupra faptului că numărul fusaiiolelor incluse în tabele, în trei dintre regiunile enumerate este relativ redus (Nistrul Superior, Muntenia și zona nord-pontică – de la 35 la 51 de unități), iar Transilvania n-a putut fi inclusă deloc în studiu.

Subcapitolul 1.1., denumit *Schema tipologică a fusaiiolelor*, conține clasificarea pieselor analizate în 6 categorii, în funcție de forma lor geometrică (A- biconice; B- conice; C- sferice; D- cilindrice; E- cu bazele evidențiate; F- „în formă de ceapă”), care, la rândul lor, se divizează în grupe, subgrupe, tipuri și variante. La acestea se adaugă exemplarele incluse în categoria „forme de unicat” și fusaiiolele cu decor plastic complex. Tipurile și variantele sunt ultimele clastere din această clasificare, cele mai apropiate de noțiunea de „formă” și pot corespunde formelor de fusaiiole din alte culturi. În total, autorul a evidențiat 32 de forme, care pot fi completate ulterior, pe măsura acumulării de noi materiale.

Categoria A (schema 3) include 2 grupe, 5 subgrupe, 9 tipuri și 4 variante; este cea mai numeroasă, cuprinzând cca 81% din totalul pieselor examinate în lucrare. În categoria respectivă intră și fusaiiolele bitronconice (subgrupele A11 și A12), care la rândul lor sunt cele mai multe în cadrul categoriei A. Pentru aceste piese cele mai apropiate analogii au fost semnalate în culturile Wielbark, Przeworsk, Zubritskaia, Lipița și Kiev. Categoria B (schema 4), cu cca 7% dintre fusaiiolele analizate, conține 2 grupe, 4 subgrupe, 10 tipuri și 10 variante. Au analogii în culturile sarmaților, tracice (Lipița și dacii liberi), Przeworsk, Zubritskaia, Wielbark, „orizontul Bromlia”. În categoria C a fusaiiolelor sferice (schema 5, fig. 9), cu 6,6% dintre piesele examinate, au fost delimitate 2 grupe și 4 tipuri, cu analogii în culturile Wielbark, Przeworsk, Zubritskaia, Kiev și culturile populațiilor tracice. Mai puțin numeroase (3,7%) sunt fusaiiolele încadrate în categoria D (schema 5,

fig. 9), iar cele din categoriile E și F (schema 5, fig. 10) sunt desemnate de autor drept rare. La sfârșitul subcapitolului 1.1. sunt analizate fusaiiolele-unicat după forma pe care o prezintă și neincluse în clasificarea realizată pentru că inserează doar câte un exemplar-două (fig. 11,1-10). Remarcăm dintre acestea fusaiiola de formă paralelipipedică cu 14 fațete (locul descoperirii nu este cunoscut) (fig. 11,1) și două fusaiiole în formă de oale, descoperite la Voitenki și Zhuravka (fig. 11,7,8).

Subcapitolul 1.2. a fost intitulat *Modalitățile de decorare a fusaiiolelor* și începe cu ideea că nu numai forma, ci și ornamentarea pieselor luate în discuție poate sugera originea lor. În majoritate, fusaiiolele descoperite în mediul culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov sunt modelate îngrijit și au suprafața bine netezită ori chiar lustruită. După unele calcule, în siturile de dimensiuni mari cca 10% dintre fusaiiole sunt ornamentate și doar în câteva necropole cifra crește până la cca 15, respectiv 18% (Legedzi-no, Cherneliv-Russkii). Autorul delimitează trei modalități principale de decor – grafic, ștanțat/imprimat și plastic, care uneori se combină. Ca excepție, mai este cunoscut un exemplar de fusaiolă cu inserțiuni de sticlă (acum rămase numai trei, dar a avut nouă aplicații de cioburi de sticlă verzuie) provenind din așezarea de la Zhuravka.

Decorul grafic reprezintă linii incizate sau lustruite, care deseori formează compoziții în formă de zigzag ori de rețea. Sunt cunoscute și imagini neornamentale – două însemne-svastică pe o fusaiolă dintr-o așezare de pe Bugul de Sud (Sinitsa), inscripția gotică de pe renumita fusaiolă de la Lețcani și câteva însemne cvasirunice pe fusaiiole (la Shershni, Zhuravka, Dereviana și Savchenkiv Iar). Decorul ștanțat era realizat cu diferite ustensile – bețișoare ascuțite ori cu capătul bont, tije cilindrice, arcuri de fibule sau șnururi, dinții pieptenilor ș.a. Ornamentul plastic presupune, în principal, fațetarea suprafeței fusaiiolelor la etapa modelării lor, precum și executarea pe lutul moale a canelurilor.

Capitolul II, *Originea și evoluția fusaiiolelor cherniakhovene*, este alcătuit din trei compartimente. Subcapitolul 2.1. reflectă *Particularitățile regionale ale răspândirii fusaiiolelor*. După reiterarea succintă a statisticii procentuale generale de distribuție a fusaiiolelor pe categorii, autorul subliniază particularitățile sesizate în cele opt regiuni analizate ale culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov.

Pentru regiunea Ucraina de Nord-Vest se

profilează un procent mai ridicat al fusaiiolelor în formă de ceapă, datorat necropolei de la Cherneliv Russkii. În zona Nistrului Superior predomină fusaiiolele conice (51,4%), cele biconice atingând doar 34,3%; sunt mai multe fusaiiole bitronconice cu bazele orizontale în comparație cu cele având bazele albiolate/adâncite. Categoria fusaiiolelor sferice de asemenea este mai numeroasă aici (14,3%). Regiunea Nistrului Mijlociu la fel se deosebește prin creșterea indicelui procentual al fusaiiolelor conice în detrimentul celor biconice – autorul considerând că această situație este cauzată de particularitățile așezărilor Dobrinivtsi și Teremtsi. În Ucraina de Est este ceva mai ridicat procentul categoriei C de fusaiiole (8,9%) și se întâlnesc mai des piese fațetate. Zona nord-pontică, pe lângă faptul că include cel mai mare număr al fusaiiolelor lucrate din fragmente de amfore (care n-au fost examinate în lucrarea prezentată), se evidențiază printr-un procentaj ridicat (36,4%) al fusaiiolelor bitronconice cu bazele plate. Pentru Moldova sunt specifice fusaiiolele cu decor imprimat punctat, precum și cele cu fațete simple. În Muntenia este relativ mare cota-parte a fusaiiolelor conice (20,5%), datorită necropolei Drăgănești-Olt, în care toate cele patru piese descoperite sunt de această formă. Este foarte interesantă observația lui B. Magomedov despre o răspândire mai mare a fusaiiolelor din categoriile B, C și D în așezări comparativ cu necropolele în cazul siturilor complexe ce includ și așezări, și necropole (Voitenki, Budești, Bârlad-Valea Seacă).

În Subcapitolul 2.2. autorul redă succint problema *Relațiilor cultural-tipologice ale formelor fusaiiolelor* nu numai după categorii, ci și după tipuri și variante. Sunt subliniate unele aspecte ce țin de înălțimea pieselor ori de diametrul orificiului – tradiția fusaiiolelor cu orificiu mare, spre exemplu, vine din cultura Kiev. Unele tipuri ale fusaiiolelor conice au analogii atât în culturile tracice, cât și la sarmați. În așa fel, lucrarea reprezintă un îndrumar perfect pentru arheologi în vederea determinării originii formelor de fusaiiole descoperite în procesul săpăturilor.

Subcapitolul 2.3., *Componentele cultural-etnice ale complexului cherniakhovean de fusaiiole*, este foarte elaborat. Constituirea spectrului tipologic al fusaiiolelor culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov a fost condiționată de tradițiile cultural-etnice ale populației de bază, care a receptat influențe din afară. Pentru ilustrarea posibilelor origini, auto-

rul a alcătuit un tabel, în care formele fusaiolelor cherniakhovene sunt grupate după tipuri cultural-etnice (fig. 16). În prezent practic toți cercetătorii culturii analizate o consideră drept una polietnică, cu toate că divergențe vădite apar în privința participării la constituirea ei a componentelor cultural-etnice. Componenta venită, nord-vestică, este reprezentată de culturile germanice Wielbark (goții) și, în măsură mai mică, Przeworsk (vandalii), iar componenta locală, autohtonă – de culturile slavilor timpurii, tracilor, sarmaților și a sciților târzii. După o succintă trecere în revistă a etapelor de migrație a goților spre sud-est, autorul se oprește punctual asupra influenței, prin prisma fusaiolelor, a culturilor Wielbark; Przeworsk; Zubritskaia; „orizontului Bromlia”; geto-tracice a dacilor liberi (în Muntenia – cultura Militari-Chilia, sec. II-IV p.Chr., în Moldova – cultura Poienești-Vârteșcoi, sec. II-III p.Chr.); Lipița; culturii tumulilor carpațici; culturii Kiev; culturii sarmatice și, în sfârșit, culturii balților vestici asupra culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov. Statistic, rezultatele aproximative sunt următoarele: tipurile Wielbark și Przeworsk alcătuiesc cca 91%; Zubritskaia – 3%; Kiev – 0,2%; tracice – 3%; sarmatice – 3%.

Capitolul III, intitulat Procesul constituirii complexului cherniakhovean de fusaiole, este unul de sinteză. Influența cea mai mare atât ca formă, cât și ca decor, aparține culturilor germanice, în special Wielbark, atribuită goților. Către perioada de cristalizare a culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov (a doua treime a sec. III p.Chr.), complexul fusaiolelor, după formă, includea un număr important de elemente Przeworsk și rămășițe ale culturii balților vestici. În ceea ce privește decorul, fusaiolele cherniakhovene prezintă tipuri mai complexe – ornamente ștanțate și plastice, mai puțin grafice. Origini tracice sunt sesizate în decorul plastic prin caneluri verticale. Pe parcursul celor două secole de existență, se observă unificarea treptată a formelor de fusaiole, însoțită de dispariția unor tipuri rare. Unica formă originală, specifică doar culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov, autorul o vede în cea cu 14 fațete, în schimb ornamentul înregistrează mai multe inovații. Meșterii-olari, care confecționau și fusaio-

lele, le înfrumusețau utilizând aceleași metode de decorare, aplicate pentru vasele de ceramică fină – prin ornamente ștanțate, fațete, caneluri. Odată cu dispariția culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov la sfârșitul primei treimi a sec. V p.Chr., se pierd practic toate tradițiile legate de ea, cu unele excepții. Fenomenul se explică prin retragerea spre vest a majorității populației-purtătoare a acestei culturi.

Concluziile se reduc la șapte teze succinte referitoare la fusaiole: - ele reprezintă o parte componentă a substratului cultural feminin în comunitățile antice, iar în culturile arheologice evaluate fusaiolele reflectă prezența doar a femeilor dintr-o populație; - constituie unul din indicii importanți ai componenței cultural-etnice a populației culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov; - complexul cherniakhovean al fusaiolelor constă în principal din tradiții Wielbark și Przeworsk, cu elemente locale (culturile Zubritskaia, tracice, sarmatică și Kiev); - setul de fusaiole specific obiectivelor de tip Cherpin-Teremtsy de pe Nistrul Superior confirmă moștenirea culturii Zubritskaia; - formele fusaiolelor din siturile „orizontului Bromlia” adevărate migrația unei părți a populației din regiunea Nistrului Superior spre Ucraina de Est, dar nu și participarea ei la constituirea populației cherniakhovene de acolo; - unificarea treptată a formelor fusaiolelor culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov reprezintă întărirea unității „poporului gotic”; - în perioada evului mediu timpuriu pe teritoriul culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov, inclusiv în zonele Nistrului Superior și Mijlociu, se răspândesc culturile slave timpurii Penkovka, Praga, Kolochin, care aveau fusaiole cu totul diferite de cele cherniakhovene.

În încheiere, menționăm acribia și meticulozitatea cu care reputatul arheolog kievean Boris Magomedov a abordat studiul unor piese considerate de mică însemnătate printre artefactele arheologice și apreciem înalt rezultatele obținute. Meritul principal al autorului constă în faptul că a pus la dispoziția specialiștilor, prin tipologia formelor și decorului de fusaiole elaborată, ilustrată de tabele, planșe de desene și hărți, un excelent instrument de lucru pentru numeroasele descoperiri noi sau chiar mai vechi nepublicate.

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Arheologia „altfel”: primele trei seminare arheologice

La începutul anului curent Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, în parteneriat cu Facultatea de Istorie și Geografie a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”, au inițiat o serie de Seminare Arheologice susținute de specialiști din domeniul patrimoniului cultural. La manifestările organizate au participat atât studenți, masteranzi, cât și doctoranzi, cercetători științifici și profesori universitari de la Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, Agenția Națională Arheologică, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Agenția de Inspectare și Restaurare a Monumentelor și Universitatea de Stat din Moldova.

Scopul principal al acestor întruniri constă în promovarea arheologiei în rândurile studenților prin creionarea și dezbaterile unor probleme cu care se confruntă arheologia în Republica Moldova, stabilirea unor soluții viabile și implementarea lor. În prezent a devenit deja stringentă nu numai necesitatea de a spori gradul de conștientizare asupra rolului patrimoniului cultural în dezvoltarea unei societăți durabile, dar și punctarea oportunităților și a modului de adaptare la ultimele provocări ale societății moderne. De fapt, aceste seminare reprezintă o altfel de abordare a științei arheologice, bazată pe discurs, studii de caz, analize și expuneri pe marginea unor subiecte mai înguste.

Astfel, în al doilea semestru de studii al anului 2016 au fost susținute trei seminare arheologice, fiecare având teme și invitați diferiți. Primul dintre ele, *Arheologia Republicii Moldova: realizări și perspective*, a avut loc pe data de 23 februarie și a fost susținut de dr.hab. Oleg Levițki, directorul Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, AȘM și dr. Sergiu Mustăță, decanul Facultății de Istorie și Geografie a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”. Vorbitorii au trecut în revistă cele mai importante realizări de la începuturile arheologiei în Republica Moldova, au evidențiat etapele evoluției acestui domeniu, au nominalizat instituțiile și arheologii renumiți care au stat la baza consolidării științei arheologice la noi. Un alt aspect important a fost stabilirea problemelor și impedimentelor versus oportunități și

perspective. De asemenea, a fost reliefată situația la zi în arheologie, rolul arheologiei în consolidarea unei societăți contemporane durabile și locul patrimoniului arheologic în spațiul european. Un loc aparte în discursul invitaților l-a avut accentul pus pe arheologia non-invazivă, noile metode de cercetare specifice altor domenii, dar aplicabile și arheologiei, apelarea la interdisciplinaritate și importanța atragerii fondurilor europene, a proiectelor și parteneriatelor în vederea dezvoltării și promovării științei arheologice, valorificării multilaterale a oportunităților oferite de ea.

În data de 29 martie s-a desfășurat al doilea Seminar Arheologic – *Aventura arheologică: de la descoperirea vestigiilor – la reconstituiri ale trecutului*, prezentat de dr. Octavian Munteanu, șef Catedră Istoria Universală, Facultatea de Istorie și Geografie a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”, și

dr. Ion Tentiuc, șef Sector Arheologie și Istorie Veche, Muzeul Național de Istorie a Moldovei. Discursul susținut a reprezentat „o linie roșie” prin arheologie, de la cercetarea de teren până la cea de birou. În primul rând, au fost trecute în revistă etapele și procesul de investigare: cercetarea de suprafață, efectuarea săpăturilor, metodele aplicate în dependență de specificul sitului, colectarea vestigiilor, prelevarea probelor, documentarea foto și grafică ș.a. Ulterior, s-a pus accent pe importanța prelucrării materialelor, analiza lor statistică, restaurarea anumitor piese, încadrarea lor cultural-cronologică ș.a. Apoi a fost subliniat, pe de o parte, rolul muzeelor în depozitarea pieselor și prezentarea lor publicului larg, iar pe de altă parte – al cercetătorilor care le introduc în circuitul științific și le fac cunoscute atât în țară cât și peste hotare. În final, s-a ajuns la concluzia că arheologia este marcată de cursul firesc al vieții mai multor comunități ce au populat aceste teritorii în diferite perioade, iar vestigiile arheologice reprezintă urmele lăsate de ei, care ne permit reconstituirea trecutului istoric. Important este ca interpretarea și atribuirea lor să fie făcută conștient și corect.

Al treilea seminar a avut loc pe 20 aprilie, când s-a discutat despre *Managementul patrimoniului cultural imobil din Republica Moldova: de la realitate la necesitate*. Discursurile au fost susținute de dr. Vlad Vornic, director Agenția Națională Arheologică și Ion Ștefăniță, director Agenția de Inspectare și Restaurare a Monumentelor. Evenimentul a fost dedicat Zilei Internaționale a Monumentelor și Siturilor. De această dată s-a făcut o întrunire bazată pe prezentarea în paralel a patrimoniului arheologic și a celui construit. Au fost trecute în revistă realitățile dure, cu care se confruntă ambele domenii, printre care: lacune legislative, finanțarea insuficientă, distrugerea monumentelor și siturilor, „arheologia neagră”, lipsa unor politici de stat menite de a salvagarda patrimoniului cultural, numărul mic de specialiști, lipsa oamenilor instruiți corespunzător în raioane, dezinformarea populației. Totodată, au fost enunțate și oportunitățile, care de fapt reies

direct din realitățile enumerate. În încercarea de a compara situația acestor două părți componente ale patrimoniului cultural imobil, s-a constatat că ele se confruntă cu aceleași probleme și necesități, însă în pofida tuturor greutăților, se fac pași mari în vederea salvagădării patrimoniului cultural al țării, parte din patrimoniul universal.

Menționăm, că fiecare seminar a fost o provocare, vorbitorii au venit să ofere cele mai recente și interesante informații unui public tânăr, activ,

iar contactul cu auditoriul a fost stabilit prin discursuri interactive, toate subiectele și aspectele prezentate au trezit interes și comentarii, invitații și-au expus părerile proprii pe marginea celor relatate, au venit cu propuneri, completări și s-au arătat pregătiți pentru a aduce schimbarea. Considerăm, că inițiativa este binevenită, obiectivele propuse de organizatori au fost realizate cu succes și sperăm că această serie de seminare va avea continuitate.

Livia Sîrbu
Ghenadie Sîrbu

**Masa rotundă „Arheologia Moldovei: trecut, prezent și viitor.
95 de ani de la nașterea arheologului Anna Meliukova
și 85 de ani de la nașterea arheologilor Ion Hîncu și Nicolae Chetraru”**

În spiritul edițiilor precedente, Masa rotundă cu genericul „Arheologia Moldovei: trecut, prezent și viitor”, organizată de Centrul de Arheologie din cadrul Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei în colaborare cu Agenția Națională Arheologică, a reunit în ziua de 19 aprilie mai mulți cercetători din domeniul arheologiei și al patrimoniului cultural, profesori universitari, dar și studenți pasionați de istoria civilizațiilor apuse.

În deschiderea lucrărilor Mesei rotunde au rostit cuvinte de salut dr.hab. Victor Ghilaș, directorul Institutului Patrimoniului Cultural, dr.hab. Gheorghe Postică, Viceministru al Culturii, dr. hab. Ion Niculiță, Universitatea de Stat din Moldova, dr. Vlad Vornic, directorul Agenției Naționale Arheologice, prin care au fost transmise mesaje însemnate în ceea ce privește importanța și semnificația desfășurării unei asemenea întruniri științifice în condițiile schimbării generațiilor de arheologi, dar și a discursului științific în domeniul arheologiei contemporane și al patrimoniului cultural național și european. De asemenea, un invitat special al manifestării a fost Olga Pulbere, muzeograf la Muzeul Național de Istorie a Moldovei, fiica arheologului comemorat Nicolae Chetraru, care a evocat figura tatălui său și mediul academic din care el a făcut parte de-a lungul câtorva decenii.

Lucrările acestei manifestări științifice au cuprins trei comunicări și discuții, consacrate împlinirii a 95 de ani de la nașterea arheologului Anna Meliukova și 85 de ani de la nașterea arheologilor Ion Hîncu și Nicolae Chetraru, personalități bine cunoscute în istoriografie cu lucrări importante de arheologie a spațiului de la est de Prut.

Cu titlul *Anna Meliukova – amintiri...*, domnul dr.hab. Valentin Dergaciov (Institutul Patrimoniului Cultural) a prezentat diferite aspecte ale vieții și activității profesionale a cunoscutei cercetătoare A.I. Meliukova. El a arătat că arheologul Meliukova s-a născut în familia unui sculptor, și-a făcut studiile la Universitatea de Stat din Moscova între anii 1939-1945, fiind printre primele eleve și doctorande ale ilustrului istoric B.N. Grakov.

Potrivit lui Valentin Dergaciov, în 1950 ea susține teza de doctorat consacrată echipamentului și artei militare scitice, iar din anul 1952 participă activ la expedițiile arheologice conduse de T.S. Passek în Moldova, ocupându-se în mod special de vestigiile aparținând epocii bronzului, perioadei tracilor timpurii, sciților etc. De asemenea, s-a subliniat că Anna Meliukova este autoarea mai multor lucrări de sinteză, precum *Памятники скифского времени лесостепного среднего Приднестровья*, *Культура предскифского времени лесостепной Молдавии*, *Скифия и фракийский мир* ș.a. Ea a contribuit la elaborarea sintezei *Istoria Moldavskoi SSSR. Vol. I* (1986), a scris volumul *Смени Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. În concluzie, domnul Dergaciov a evidențiat faptul că A.I. Meliukova a fost un om de o rară cultură și inteligență deosebită, binevoitoare, îndeosebi cu tinerii, întotdeauna calmă și zâmbitoare.

În continuare, domnul dr.hab. Gheorghe Postică a evocat personalitatea arheologului Ion Hîncu, relevând contribuțiile științifice, destinul și moștenirea istoriografică a regretatului cercetător. Înainte de toate, a fost prezentat parcursul academic, de formare, al lui Ion Hîncu, care a studiat la Facultatea de Istorie a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă” din Chișinău, urmând apoi un stagiu de doctorat la Moscova, la Institutul de Arheologie din cadrul Academiei de Științe a URSS-ului. Domnul

Postică a subliniat faptul că Ion Hîncu a fost primul cercetător din fosta RSS Moldovenească, care a susținut o teză de doctorat în Arheologie (1960). A activat la Academia de Științe a RSSM și la Facultatea de Istorie a Universității de Stat din Moldova. Domeniul principal de competențe al lui Ion Hîncu a fost arheologia medievală, în care s-a remarcat drept un cercetător de înaltă calificare, pasionat de reconstituirea problemei formării poporului român. Potrivit domnului profesor Postică, el a fost singurul arheolog sovietic, care a susținut teoria continuității românilor, fapt care a dus la excluderea lui din cercetarea fundamentală în anul 1977. De-a lungul carierei sale, Ion Hîncu a publicat peste 360 lucrări, inclusiv 18 monografii și 32 de broșuri, între preocupările sale principale fiind cercetarea arheologică a așezării Hansca și inventarierea monumentelor istorice. Rezultatele cercetărilor arheologice efectuate de către Ion Hîncu au constituit dovezi clare privind perpetuarea populației locale din spațiul pruto-nistean pe parcursul evului mediu timpuriu și coabitarea acesteia cu diverse grupuri alogene.

Cel de-al treilea arheolog evocat în cadrul acestei manifestări a fost Nicolae Chetraru, ale cărui viață și activitate profesională a fost prezentată de domnul dr. Serghei Covalenco (Institutul Patrimo-

niului Cultural) sub titlul *Nicolae Chetraru – etape ale unui destin împlinit*. Astfel, domnul Covalenco a schițat principalele preocupări științifice ale lui Nicolae Chetraru, axate pe cercetarea epocii pietrei din spațiul carpato-nistean, unde a descoperit zeci de situri noi din mezolitic și paleolitic. Cercetarea sistematică a unui șir de grote și stațiuni i-a oferit suficiente date pentru stabilirea cronologiei paleoliticului din regiune; evidențierea unor complexe timpurii ale aspectului cultural Tayacul din paleoliticul inferior; determinarea poziției musterianului denticulat și tipic din zonă; stabilirea căilor de pătrundere a comunităților de tip selet în acest spațiu ș.a. Potrivit lui Serghei Covalenco, arheologul Nicolae Chetraru a avut o contribuție importantă și la cercetarea tumulilor, excavând zeci de morminte atribuite epocii bronzului, culturii scitice și sarmatice. De asemenea, a fost scoasă în evidență preocuparea acestuia pentru istoria arheologiei Moldovei, prin deslușirea aspectelor vieții și activității de colectare și cercetare ale lui Ion Suruceanu și Nicolae Moroșan.

După încheierea prezentărilor comemorative au urmat câteva intervenții din partea colegilor sau discipolilor, majoritatea în cheie laudativă, care au evocat o dată în plus amintirea celor trei cercetători cu activitate prolifică în domeniul arheologiei din Moldova postbelică: Anna Meliukova, Ion Hîncu și Nicolae Chetraru. În acest sens, au fost comunicate diverse informații utile despre personalitatea și contribuțiile acestora la reconstituirea trecutului spațiului pruto-nistean.

În concluzie, domnul dr.hab. Oleg Levițki, moderatorul actualei ediții a Mesei rotunde, a punctat asupra importanței desfășurării acestui gen de manifestări, în cadrul cărora se pot împărtăși rezultate obținute și amintiri răscoli-toare, precum și unele materiale de arhivă despre viața și activitatea arheologilor cu merite deosebite în cercetarea preistoriei și istoriei vechi a Moldovei, pledând, bineînțeles, pentru continuitatea acestor întruniri anuale.

În final, se cuvine să salutăm dăruirea și perseverența celor implicați în continuarea acestei serii tematice de întruniri științifice și avem încrederea că asemenea manifestări științifice de evocare a vieții și activității unor reprezentanți ai arheologiei moldovenești vor căpăta noi valențe.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Conferința Științifică Internațională Patrimoniul Cultural – Cercetare, Valorificare, Promovare, ediția a VIII-a

Deja a devenit o tradiție frumoasă, ca la sfârșitul primăverii cercetătorii științifici preocupați de patrimoniul cultural să se întrunească la manifestarea științifică anuală organizată sub egida Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, în parteneriat cu Agenția Națională Arheologică (Chișinău), Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan” (București) și Complexul Muzeal Național „Moldova” (Iași). Totodată, merită de menționat rolul important și contribuția partenerilor naționali și sponsorilor: Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, Universitatea de Stat din Moldova, Institutul de Științe ale Educației și Asociația Răsăritul Românesc din Republica Moldova.

Cea de a VIII-a ediție a Conferinței Științifice Internaționale Patrimoniul Cultural – *Cercetare, Valorificare, Promovare* (cunoscută în edițiile anterioare cu genericul *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor*) s-a desfășurat în perioada 31 mai – 2 iunie 2016 și a fost dedicată celor 70 de ani de la fondarea primelor instituții de cercetare, 55 de ani de la fondarea Academiei de Științe a Moldovei și 10 ani de la fondarea Institutului Patrimoniului Cultural.

La ședința în plen, moderată de dr.hab. Victor Ghilaș, directorul Institutului Patrimoniului Cultural, au venit cu mesaje de salut acad. Gheorghe Duca, Președintele Academiei de Științe a Moldovei, dr.hab. Gheorghe Postică, Viceministrul Culturii, dr.hab. Victor Țvircun, Coordonator al Secției

Științe Umanistice și Arte a AȘM, și reprezentanți ai misiunilor diplomatice acreditate în Republica Moldova – Ungaria, Ucraina și Federația Rusă. Domnul dr.hab. Victor Ghilaș, directorul *Institutului Patrimoniului Cultural*, a prezentat comunicarea *Institutul Patrimoniului Cultural: zece ani în serviciul valorificării științifice a patrimoniului cultural al țării*, trecând în revistă cele mai importante realizări științifice ale cercetătorilor, proiecte, publicații, conferințe, premii ș.a. În încheierea ședinței plenare domnul dr. Dumitru Olărescu a vorbit despre Fenomenul Brâncuși și ecranul documentar, fiind proiectat filmul documentar „Sculptorul” (în cadrul manifestărilor organizate în 2016 „Anul Constantin Brâncuși” – 140 de ani de la naștere).

O altă noutate a acestei ediții a fost separarea Secției Arheologie și Cercetări Interdisciplinare în două ateliere de lucru: Arheologie Preistorică și Tracologie, și respectiv Arheologie Antică și Medievală, condiționată de numărul mare de participanți înscriși la lucrările conferinței.

Menționăm, că de la an la an numărul participanților și a comunicărilor susținute este în creștere continuă, ceea ce este îmbucurător, faptul reprezentând și o dovadă a calității și recunoașterii internaționale a manifestării științifice. La ediția curentă s-au înscris 93 de cercetători cu 76 de comunicări, dintre care 42 în limba română, 26 în limba rusă și 8 în limba engleză. În cadrul Secției Arheologie Preistorică și Tracologie au fost incluse 40 de comunicări, și, respectiv, 36 comunicări la Secția Arheologie Antică și Medievală. Din numărul total de participanți, 38 au fost din Republica Moldova, iar 45

de peste hotare: 27 din Ucraina, 16 din România, 6 din Germania, 3 din Belarus' și câte unul din Franța, Georgia și Federația Rusă.

Credem că merită menționată și afilierea instituțională a cercetătorilor, care reprezintă centre de cercetare importante: Institutul Patrimoniului Cultural, Agenția Națională Arheologică, Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă” (Moldova); Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan” din București, Secția de Cercetări Antropologice a Academiei Române, Filiala Iași, Complexul Muzeal Național „Moldova” din Iași, Muzeul Județean din Vaslui, Muzeul Bucovinei din Suceava, Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, Muzeul Național de Istorie a Transilvaniei din Cluj Napoca, Muzeul de Istorie și Etnografie din Târgu Neamț, Muzeul Județean de Istorie și Arheologie Maramureș din Baia Mare (România); Institutul de Arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei din Kiev, Secția de Arheologie a spațiului nord-vest pontic a ANȘU, Muzeul de Arheologie din Odesa, Complexul istorico-cultural Kievo-Pecherskaia Lavra din Kiev (Ucraina); Institutul German de Arheologie din Berlin, Universitatea Liberă din Berlin, Institutul de Pre- și Protoistorie din Kiel (Germania); Muzeul de Arheologie din Batumi (Georgia); Institutul de Istorie din Minsk (Belarus'); Institutul Culturii Materiale din Sankt-Petersburg (Federația Rusă) ș.a.

Cum ne-am obișnuit deja, tematica a fost una variată, atât din punct de vedere al arealului (de la local/regional la întreg spațiul euro-asiatic), cât și cronologic (de la paleolitic până în epoca premodernă). Cercetătorii s-au axat pe prezentarea diverselor probleme legate de patrimoniul arheolo-

gic: cercetare, promovare, valorificare, salvagardare și consolidare. Menționăm, că de rând cu abordările tradiționale, capătă teren și noile metode de cercetare non-distructivă (atât a siturilor propriuzise, cât și a unor categorii de artefacte), care vin să completeze informațiile deja etalate și nicidecum să diminueze rolul metodelor tradiționale.

Toate comunicările în ansamblu, cât și fiecare în parte au avut noutate, originalitate și ținută științifică înaltă. Pe marginea fiecărui subiect prezentat au fost făcute anumite constatări, trasate anumite concluzii și stabilite diverse puncte de interes. Subliniem că unele aspecte ale discuțiilor au fost susținute cu vădit interes din partea celor prezenți, altele fiind completate, iar pe alocuri discursul a fost ușor redirectionat. Toate acestea au condus la valorificarea unor rezultate științifice într-un mediu academic divers, la dezbaterea unor probleme care depășesc de multe ori anumite limite și bariere, la stabilirea unor convingeri și realități, și nu în ultimul rând, la trasarea unor concluzii și colaborări ulterioare.

În cele din urmă, considerăm că scopul și obiectivele actualei ediții a conferinței au fost realizate, iar această tradiție frumoasă va continua și pe viitor la același nivel științific înalt, aprecierea fiind etalată prin creșterea interesului cercetătorilor față de întrunirile anuale de la Chișinău.

Livia Sirbu

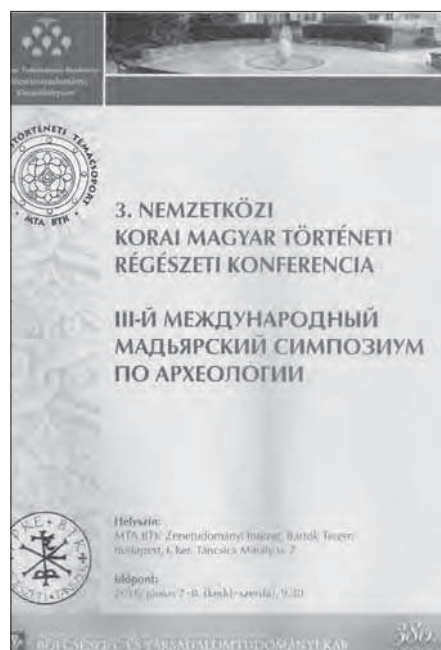

III Международный Мадьярский симпозиум по археологии. Будапешт, 2016.

6–10 июня 2016 года в Будапеште прошел III Международный Мадьярский симпозиум по археологии, организованный Венгерской Академией Наук и Католическим университетом им. Петера Позмань. Начало проведению подобных научных форумов положила Международная научная конференция «Мадьяры в среднем Подніпров'ї», которая была проведена в Украине, в г. Комсомольске Полтавской области 13–15 августа 2011 г. II Международный Мадьярский симпозиум состоялся в России 13–17 августа 2013 г. в г. Челябинске. В Будапеште в работе III Международного Мадьярского симпозиума приняли участие ученые из Венгрии, России, Украины, Казахстана и Молдовы. Всего было прочитано 20 докладов, которые по региональному принципу, кроме пленарных, были разделены на семь блоков.

С приветственным словом выступил Пал Фодор – генеральный директор Научно-исследовательского Центра Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук. В пленарном докладе Аттилы Тюрка (Будапешт, Венгрия) «Актуальные вопросы теории и практики исследования происхождения угро-мадьяр» были определены цели и задачи научных исследований по венгерской проблематике на ближайшую перспективу, отмечены основные трудности в достижении поставленных целей, какими в особенности являются непрерывный мониторинг всех археологических материалов раннего средневековья, охватывающих огромную территорию от Урала до Карпат, их отбор и интерпретация. Были подведены итоги и оценены результаты археологических исследований по венгерской проблематике. Кроме этого, были определены также и другие актуальные вопросы, требующие первостепенного решения. Высказаны пожелания к работе, как в перспективных полевых исследованиях, так и в работе с музейными коллекциями, имеющими важное значение для исследуемой темы.

Алексей Комар (Киев, Украина) в своем пленарном выступлении обратился к истории полевых исследований и научной интерпретации археологических материалов, связываемых

с венгерским кругом древностей. Выделив этапы исследования проблемы и позитивные результаты, достигнутые в различных аспектах изучения темы в целом, он совершенно справедливо отметил, что во всех схемах и построениях, от пути миграции до временного проживания мадьяр на определенных территориях, вынужденно присутствовал элемент «культурной утраты». Эта прерывность в материальной культуре существует на всех трех этапах продвижения угорского населения из Зауралья в Карпатскую котловину. Объяснить этот парадокс в рамках теории непрерывного генетического развития культуры древних мадьяр сложно, поэтому и выдвигаются различные теоретические модели о полном изменении культурного комплекса народов в процессе миграции, после установления контактов с новыми ремесленными центрами. Но, по его мнению, и это не объясняет резкую смену культурного облика населения сразу после переселения.

Как уже было сказано, научные доклады были подразделены на блоки по территориальному принципу. После прочтения докладов по каждому блоку велись дискуссии.

Первый блок научных докладов был объ-

единен под названием «Пространство Зауралья». Сюда вошли два доклада. Иван Грудочко (Челябинск, Россия) прочитал доклад «Курганы с «усами» урало-казахстанских степей (типология и хронология)», в котором он представил типологию и хронологию курганов с «усами» в обозначенном регионе и обосновал их новую культурно-хронологическую идентификацию. Финал традиций курганов с «усами» он связал с перемещением новых групп населения с востока.

Сергей Баталов (Челябинск, Россия) в докладе «Новые материалы исследований погребального комплекса Уелчи» представил новые результаты исследований погребального комплекса Уелчи (Кушнаренковский р-он, Челябинская область). Новые данные позволяют уточнить культурные компоненты и хронологические рамки функционирования могильника.

Следующие два доклада были объединены в блок «Пространство Южного Урала». Сюда входил доклад Армана Бисембаева (Актюбе, Казахстан) «К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане». Автор привел явные параллели исследованных материалов с памятниками угорского (древневенгерского) мира, что, по его мнению, позволяет говорить о присутствии в раннем средневековье в локальных географических микрорайонах большого западного региона Казахстана значительных групп древневенгерского населения, что, в свою очередь, коррелируется с гипотезами о прародине венгров в Южном Приуралье и Западной Сибири. Он полагает, что вполне реально рассматривать Западный Казахстан как район пребывания кочевых групп древних венгров и формирования одной из составных частей древневенгерского этноса до переселения на берега Дуная в конце IX в.

Второй доклад Людмилы Краевой и Ирины Матюшко (Оренбург, Россия) «Памятники VII–XI вв. в степном Приуралье» был посвящен древневенгерским комплексам, изученным в центральном Оренбуржье. Результаты анализа керамики на основе бинокулярной микроскопии и экспериментальной работы по методике А.А. Бобринского позволили выявить схожие признаки с сосудами кушнаренковской и каракуповской культур. По мнению исследователей, переселение древних венгров на Балканы проходило через степи Приуралья.

Блок «Прикамье» включал в себя следующие три доклада. Андрей Белавин и Наталья Крыласова (Пермь, Россия) выступили с докладом «Поясные сумочки из мужских средневековых погребений Предуралья». По мнению исследователей, поясные сумочки, какместилище для различных необходимых мелких вещей, появились еще в эпоху бронзы, и только в период средневековья они стали не просто утилитарным предметом, но и престижным элементом костюма. Возникновение же кожаных поясных сумочек, окантованных мелкими металлическими обоймочками или пластинками, по их мнению, относится к периоду, когда венгры еще находились на своей уральской прародине. Это произошло в конце IX в. в регионе между Волгой и Уралом, и отсюда с переселенцами мода на сумочки проникла в Паннонию. Территорией возникновения этой моды были Пермский край и Удмуртия. Отсюда она была привнесена и в Волжскую Булгарию.

Следующий доклад Юлии Подосёновой (Пермь, Россия) «Древневенгерские изделия из серебра на территории Пермского Предуралья» представлял результаты комплексного исследования изделий древневенгерского происхождения с территории Пермского Предуралья IX–XII вв., полученные с применением современных естественных методов. Были представлены основные технологические модели изготовления изделий. Сравнение полученных данных с аналогичными результатами исследования древневенгерских изделий с других территорий, по мнению докладчика, позволили выделить универсальные технологические модели, определить уровень их преемственности и, возможно, по-новому взглянуть на проблемы истории древних мадьяр.

Третий доклад из этого блока представили Светлана Валиулина, Андрей Пятаев, Елена Воронина, Анна Иванова (Казань, Россия) по теме «Больше-Тиганский могильник в контексте древностей VIII–X вв. на территории Татарстана: современное состояние исследований, новые методы и подходы». В докладе была кратко изложена история изучения Больше-Тиганского могильника и отмечена возрастающая его роль в исследовании не только в системе древностей VIII–IX вв. Волго-Камья, но и в международном масштабе, так как памятник остается самым

крупным могильником протовенгров-угров на Востоке Европы. По мнению авторов, одной из основных проблем атрибуции материалов могильника, как и других памятников его круга, является проблема определения производственной базы, обеспечившей богатство материальной культуры кочевников-протовенгров. Высокий уровень исполнения художественных изделий указывает на городской характер ремесла. В то же время, исследования погребального инвентаря лишь на основе морфологических признаков не позволяют осуществить проекцию этого материала на конкретный ремесленный центр, или центры. Серии анализов стеклянных украшений, текстиля, серебряных изделий, керамики естественнонаучными методами показали перспективность такого направления поиска с учетом комплексного подхода, как в подборе вещевых категорий, так и в используемых методиках, сочетающих взаимодополняющие анализы репрезентативных серий.

Следующий блок под названием «Поволжье» включал в себя два доклада. Первый из них прочитал Дмитрий Сташенков (Самара, Россия) «О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье». При анализе материалов мадьярского круга памятников показана необходимость решения ряда вопросов, связанных с атрибуцией и историко-культурной интерпретацией имеющихся материалов. Затронуты такие вопросы как критерии выделения памятников мадьярского круга в Среднем Поволжье, их датировка, исходные районы, миграции, этапы освоения региона племенами мадьярского круга, характер взаимоотношения с соседями в различные хронологические периоды. Автор обосновывает вывод, что территория Самарского Поволжья входила в зону кочевых маршрутов мадьярских племен на протяжении длительного времени с V по IX вв. н.э. Некоторые материалы, по мнению докладчика, могут свидетельствовать о пребывании мадьярского населения в Самарском Поволжье в предмонгольское время.

Анна Кочкина (Самара, Россия) выступила с докладом «Еще раз о керамике прикамско-приуральских истоков у волжских болгар (по поводу дискуссии об этнокультурной принадлежности)». Автор обрисовала ряд проблем, которые возникли в исследованиях последних двух де-

сятилетий в контексте угорской и конкретнее мадьярской проблемы, в изучении керамики рассматриваемого региона. На материалах болгарских памятников домонгольского периода, таких как Муромский городок (Самарское Поволжье) и Красносудюковское I городище (Ульяновское Поволжье) привела характеристику керамики прикамско-приуральских истоков в рамках традиции болгарского гончарства, а также уточнила возможности использования ее как источника для обсуждения проблем состава населения Волжской Болгарии.

В очередной блок «От Волги до Карпат» вошли пять докладов. Ольга Зеленцова (Москва, Россия) представила доклад «Вещи «венгерского круга» из мордовских могильников: хронология и интерпретация». По мнению исследователя, все вещи «венгерского круга» рубежа IX–X – первой половины X в. из мордовских могильников связаны исключительно с мужским комплексом. Она полагает, что так называемые «венгерские» вещи в мордовских могильниках были в первую очередь отражением престижной воинской моды, а большой процент вооруженных мужчин в могильниках на Цне, вероятно, было результатом той роли, которую крюковско-кужновское население в это время выполняло на восточной границе Хазарии. Однако, по ее мнению, поиск венгров-воинов в мордовской среде не совсем бесперспективен. К ним, вероятно, можно отнести мужское захоронение 10 из Армиевского могильника под Пензой, исследованное в 1981 году А.Х. Халиковым. В мужском погребении, ориентированном на запад, помимо узкого железного ножа в кожаных ножнах, была найдена на черепе тонкая серебряная пластина, которую автор раскопок интерпретировал как наглазник.

Михаил Цыбин (Воронеж, Россия) прочитал доклад «Среднее Подонье в IX–X вв. (Археологический контекст Воробьевского погребения)». Им была представлена история открытия и изучения Воробьевского погребения. Для интерпретации этого погребения рассматривался его археологический контекст. Были приведены находки вещей мадьярского круга в Среднем Подонье, выделены памятники славянской борщевской культуры и салтово-маяцкой культуры, которые могли быть синхронны Воробьевскому погребению. Была дана оценка

перспективы выявления памятников, аналогичных рассматриваемому погребению.

Николай Тельнов (Кишинэу, Молдова) прочитал доклад «К вопросу о присутствии венгров в IX веке в Нижнем Поднестровье». Анализируя письменные источники по истории венгров, он обратил внимание на роль археологических источников в изучении различных аспектов жизни древних обществ. В этом плане, по его мнению, особую актуальность приобретают материалы Слободзейского могильника. Он имеет как общие черты с ямными болгарским могильниками, так и некоторое своеобразие, которое позволило исследователям отнести его к памятникам типа Субботцев. Наличие в материалах могильника восточнославянской керамики тапа Лука-Райковецкая и анализ ситуации, сложившейся в регионе в IX в., позволил докладчику сделать вывод о тесных связях жителей, оставивших этот могильник, с восточными славянами, которые проживали рядом на противоположном берегу Днестра. Анализ письменных источников и новых археологических материалов позволил исследователю считать, что аланы в древности проживали и в рассматриваемом регионе, и именно в IX в. здесь у венгров могли происходить тесные контакты с аланами. По мнению исследователя, если исходить из того, что памятники Субботцевского типа принадлежат венграм, то Нижнее Поднестровье является тем регионом, где венгры вступили в самые тесные связи как со славянами, так и с аланами перед переселением на свою новую родину.

Светлана Рябцева и Роман Рабинович (Кишинэу, Молдова) представили доклад «О выделении древностей венгерского круга на территории Карпато-Днестровских земель». Среди находок в Карпато-Днестровском регионе, которые могут быть представлены, в том числе и у венгров, авторы выделяют целый ряд предметов. К ним они относят поясные наборы из Бедражей и Екимэуць, рамочные пряжки, отдельные предметы ременной и сумочной гарнитуры, имеющие широкий круг аналогов в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. По их мнению, венгерские аналогии имеют некоторые предметы вооружения, а также в древностях различных групп населения, в том числе и венгров, представлены пуговицы-бубенчики, «салтовские» перстни и серьги, раковины

каури. Таким образом, по мнению исследователей, с территории Карпато-Днестровских земель происходит целый ряд предметов, которые могут свидетельствовать как непосредственно о венгерском присутствии, так и о распространении специфической дружинной культуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказала влияние венгерская традиция.

Игорь Прохненко (Ужгород, Украина) представил доклад «Средневековые городища Закарпатья в аспекте, описанного Анонимом угро-славянского конфликта». Анализ рассматриваемого исследователем источника и сопоставление его данных с археологическими материалами региона, позволил ему сделать выводы, что ряд пунктов, упомянутых у Анонима, не существовал во время проникновения венгров на рассматриваемую территорию. По его мнению, из-за отсутствия подтверждения данных Анонима конкретными фактами, можно считать многие его описания вымышленными, в том числе к этому следует отнести и сражения между венграми и славянскими дружинами в восточной части Верхнего Потисья с целью захвата местных укрепленных центров.

Блок «Венгры на Кавказе?» был представлен двумя докладами. Дмитрий Коробов (Москва, Россия) прочитал доклад «Аш-тигоры на пути к государственности – эволюция системы расселения северокавказских алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э.». В докладе была продемонстрирована система расселения рассматриваемого населения и ее эволюция. Был определен уровень хозяйственной деятельности населения на разных этапах его существования в регионе, представлен сравнительный анализ жизнедеятельности с другими этническими обществами соседних территорий.

Асан Торгоев (Санкт-Петербург, Россия) прочитал доклад «Венгерский след на Северном Кавказе? (По материалам коллекции Фонда Марджани)». По его мнению, довольно большая группа вещей из рассматриваемой коллекции, соотносима с древностями венгров эпохи обретения родины. В этой связи исследователь выдвинул предположение, что какая-то часть венгров во второй половине IX – первой половине X в. могла какое-то время находиться на Северном Кавказе.

Заключительный блок докладов под наименованием «Венгры и Русь» также включал

в себя два доклада. Наталья Хамайко (Киев, Украина) выступила с докладом «Между Венгрией и Востоком: «ориентальные» мотивы в древнерусской торевтике X – начала XI в.» Она рассмотрела историографические аспекты в изучении стилистики художественного оформления отдельных предметов из древнерусских и венгерских погребений X в. В подходе к изучению этой проблемы исследователь выделила три основные линии. Первая предполагала контакты с венграми во время их проживания в Этелькузе. Вторая подразумевала более широкий территориальный контекст культурного обмена, охвативший в X в. практически всю Восточную и Северную Европу. Третья линия, наоборот, подразумевает независимое возникновение близких стилей в различных регионах под влиянием одного мощного источника – «постсасанидской» восточной торевтики.

Кирилл Михайлов (Санкт-Петербург, Россия) выступил с докладом «Северная Русь – современное состояние исследований». Он проинформировал о проводимых исследованиях в рамках обозначенной темы и остановился на наиболее представительных материалах, полученных в результате работ последних лет в обо-

значенном регионе.

При обсуждении докладов поднимались вопросы о более тесной координации археологических исследований по мадьярской проблематике, о своевременной публикации новых материалов, о налаживании контактов между научными центрами, об использовании в изучении археологических материалов современных методов естественных наук. Была также подчеркнута важность проведения III Международного Мадьярского симпозиума по археологии и отмечен высокий академический уровень докладов, и обращено внимание на то, что проведение международных симпозиумов способствовало налаживанию, после длительного перерыва, серьезной научной работы ученых разных стран и регионов по изучению древней истории угров-мадьяр-венгров.

С заключительным словом выступил Аттила Тюрк. По итогам симпозиума была одобрена резолюция, в частности было принято решение издать материалы III Международного Мадьярского симпозиума по археологии, включить в сборник доклады, прочитанные на симпозиуме, провести IV Международный Мадьярский симпозиум по археологии в 2017 году.

Николай Тельнов

Cercetarea interdisciplinară a alimentației în arheologia europeană (2016)

În primele zile ale toamnei anului 2016, arheologii și cercetătorii științelor conexe arheologiei din întreaga lume au avut ocazia să participe la două evenimente majore din acest domeniu profesional. Avem în vedere aici cea de-a opta ediție a Congresului Mondial de Arheologie (WAC-8 Kyoto Meeting)¹, desfășurat în vechea capitală și reședință a curții imperiale a Japoniei (până în anul 1869), precum și a 22-a ediție a Conferinței anuale a Asociației Europene a Arheologilor (European Association of Archaeologists), care a avut loc la Vilnius (Lituania) în perioada 31 august – 4 septembrie 2016². Atenția noastră se îndreaptă în mod special asupra acestei din urmă manifestări, de o amploare deosebită, care a reunit aproape 1500 de participanți veniți din diferite țări, incluzând 108 sesiuni de comunicări și mese rotunde, și care a constituit o oportunitate excelentă pentru arheologi de a prezenta rezultatele cercetărilor, dar și pentru a găsi parteneri pentru proiecte viitoare de cercetare³.

Lucrările conferinței din acest an s-au desfășurat în cadrul a șase secțiuni mari: TH1 – *Interpreting the archaeological record*; TH2 – *Managing the archaeological heritage*; TH3 – *Theoretical and methodological perspectives in archaeology*; TH4 – *Archaeology of the baltic region*; TH5 – *Science and multidisciplinary in archaeologie*; TH6 – *Archaeology without borders*.

O radiografie a programului de comunicări prezentate la această reuniune europeană ne indică un interes deosebit față de teme de cercetare, precum strategiile de exploatare a lumii animale de către ultimii vânători-culegători și primii agricultori din Europa; societățile din epoca fierului, habitatul/locuințele, cimitirele și cultele urbane, riturile și practicile funerare, procesele demografice în peri-

oada migrațiilor, hainele și ținuta (evoluția în timp a costumului), arheologia medicinei, arheologia jocului în evul mediu (*homo ludens medievalis*) ș.a. De asemenea, iese în evidență interesul special al cercetătorilor europeni pentru un alt segment important al vieții cotidiene, și anume cel al alimentației.

În cadrul primei secțiuni consacrate problemelor de interpretare a materialelor arheologice, la subsecțiunea TH1-19 *Food choice and alimentary practices: from meals to diet and from site to region – the difficulties and benefits of examinations of diet and dietary practices* au fost înscrise 20 comunicări dedicate problemei selecției alimentelor și practicilor alimentare de-a lungul mileniilor, consistența meselor și dietele alimentare cu particularități regionale, evoluția preferințelor culinare ș.a. Dintre acestea, menționăm următoarele comunicări: *The Chenopodium album presence in Romania Prehistory. Sign of consumption?* prezentată de Mihaela Golea (România), *Bronze Age foodways in the Carpathian Basin: similarities and differences, continuities and changes* de Annamaria Priskin și Vajk Szeverenyi (Ungaria), *Evidence from experimental & organic residue analysis of beeswax and honey uses (Argaric Bronze Age)* de Elena Molina Muñoz și Antoni Rosell-Melé (Spania), *The diet of non-Romans living in the border area of the Netherlands* de Merit Hondelink (Olan-

1. Detalii privind programul general al congresului: <http://wac8.org/test0920/wp-content/uploads/2016/04/Flyersession.pdf>

2. Detalii privind programul comunicărilor conferinței: <http://eaavilnius2016.lt>

3. Cu regret constatăm absența reprezentanților comunității arheologilor din Republica Moldova, spre deosebire de alte state din vecinătate. Pentru exemplificare, în cadrul conferinței au fost prezentate 94 de comunicări susținute de cercetători afiliați la instituțiile de profil din Polonia, 34 de comunicări din România, 19 din Ungaria, 7 din Bulgaria ș.a.

da), *Islamic diet and agricultural practices in rural al-Andalus: new archaeobotanical evidences* de Jerome Ros, Sophie Gilotte, Sébastien Gasc, Philippe Sénac (Franța); *An investigation of plant foods among prehistoric cuisines of Europe* de Sultana Maria Valamoti (Grecia); *Medieval alimentation habits deduced from archaeobotanical studies of cesspits* de Julian Wiethold (Franța); *Aspects of the Diet of the Medieval Population (10th – 12th Century AD) in Northern France: the archaeobotanical study from the castle of Boves and surroundings sites* de Sidonie Preiss (Belgia); *Animals, Meats, Waste and Garbage in Medieval Visby* de Gustav MA Malmberg (Suedia).

Pentru exemplificare mă voi opri în mod special asupra comunicării *Meals on Wings: Multi-strand investigation of avian contributions to diet and nutrition*, susținută de Julia Best și Mark Maltby (Marea Britanie), despre rezultatele unei cercetări multidisciplinare consacrate reconstituirii resurselor alimentare oferite de lumea păsărilor. Astfel, potrivit autorilor, păsările furnizează cantități uriașe de produse alimentare, atât sub formă de carne, dar și ouă, ale căror resturi însă sunt mai greu de recuperat prin cercetări arheologice din cauza fragilității cojilor, care ajung în condițiile acide de sol. Acest studiu se concentrează mai întâi asupra problemelor consumului de carne de găină, aspectele fiind contextualizate în funcție de eșantioanele aviare recuperate din Franța, Portugalia, Turcia, România și Estonia. Apoi, cojile de ouă sunt examinate mai ales în sensul înțelegerii mai depline a aspectelor relațiilor sezoniere dintre oameni și păsări în trecut prin combinarea metodelor de cercetare din domeniul arheozoologiei (identificarea speciilor de păsări după cojile de ouă prin tehnicile Zoo-MS (Zooarchaeology by Mass Spectrometry), fizicii (SEM – Scanning Electron Microscope), arheologiei și a surselor documentare (*Vindolanda tablets*, *Columella's Res rustica*). Astfel, autorii au arătat că noile metode de analiză multidisciplinară oferă perspective fără precedent pentru reconstituirea diverselor aspecte ale istoriei alimentației din diferite regiuni geografice din neolitic până în epoca post-medievală.

Un alt exemplu de cercetare interdisciplinară a alimentației ne-a fost oferit de Janine van Noorden de la Universitatea din Leiden (Olanda) cu titlu *Reconstructing the Greek Byzantine Diet using a comparative analysis of archaeozoology, isotope*

studies and literature. Pentru reconstituirea dietei alimentare din Grecia în epoca bizantină, autoarea a utilizat atât resturile faunistice, studiile de literatură, dar mai ales rezultatele analizelor de izotopi stabili, care au contribuit la completarea cunoștințelor privind problema aprovizionării cu alimente în Grecia în perioada bizantină târzie, luând ca studiu de caz vestigiile de la Chalcis, unul dintre cele mai importante centre economice din această regiune în perioada secolelor XII-XIII, iar mai târziu un însemnat oraș-port pentru comerțul de tranzit al venețienilor cu Constantinopolul. Mărturiile relevante în acest sens sunt descoperirile arheologice (vase din faianță, metal și sticlă, amfore, monede, resturi de lemn, relicve funerare).

Un grup de arheologi și arheobotaniști, Mette Marie Hald, Jacob Mosekilde Betina Magnussen ș.a., au prezentat rezultatele cercetărilor bazate pe analiza umpluturii latrinelor din Copenhaga secolului al XVII-lea (*Analysis of a latrine from 17th century Copenhagen, Denmark*), arătând diversitatea de materiale descoperite (resturi faunistice, de plante, polen, ouă de paraziți intestinali), care indică asupra unei diete alimentare bazate pe diferite specii de pește, porcine, cereale, legume și fructe și a igienei alimentare.

În cadrul aceleiași subsecțiuni au fost prezentate și alte comunicări care au scos în evidență rezultate remarcabile ale cercetării interdisciplinare a alimentației, cum ar fi *Middle Bronze Age spread of broomcorn millet in N-Italy: cultural choice or environmental change?* de Renata Perego (Basel, Elveția), *Unravel the Medieval Islamic diet: preliminary data from the malacofauna of Tejo do Praio (Portugal)* de Rute Branco, Maria João Valente și Ana Margarida Arruda (Portugalia) și *Parasites in archaeological deposits. How to interpret their presence and how to recognize them* de Anna Maria Desiderio (Franța).

O altă subsecțiune, TH1-20 *Regional and chronological development of fishing: its significance in past economies and their socioeconomic dynamics*, a inclus 13 comunicări consacrate însemnătății pescuitului în economiile locale din diferite epoci și regiuni geografice, reconstituind așezările preistorice de pescari și metodele de pescuit, dar și aportul acestei îndeletniciri în completarea resurselor alimentare ale comunităților umane din preistorie.

Dintre cele 17 subsecțiuni incluse în a cincea secțiune consacrată problemelor științei și

multidisciplinarității în arheologie, remarcăm subsecțiunea TH5-03 *Biogeochemical approaches to archaeological diet, mobility and disease*, în cadrul căreia au fost prezentate 20 de comunicări, care au scos în evidență oportunitățile abordărilor bioarheologice și biogeochimice în reconstituirea alimentației, a patologiilor, mobilității și cauzelor morții indivizilor din diferite comunități și regiuni geografice, cum ar fi *Dietary Isotope and Paleopathology Reconstruction of the First Pastoralists from Cis-Baikal, Siberia* de Andrea Waters-Rist (Olanda), Robert Losey (Edmonton, Canada), Artur Kharinskii (Irkutsk, Federația Rusă) și Tatiana Nomokonova (Vancouver, Canada); *Late Iron Age Switzerland – New isotopic evidence for dietary habits of Swiss “Celtic” populations* de Negahnaz Moghaddam (Bern, Elveția); *Dietary and social patterns in early medieval southwest Germany – a stable isotope approach* de Anne Merker (Tuebingen, Germany); *What ate and who were people buried in the early medieval chamber graves in Poland* de Darek Błaszczyk (Warszawa, Polonia); *Diet, morbidity and mortality of a north Finnish town 1600-1800 AD* de Milton Nunez (Helsinki, Finlanda), Olalla Lopez Costas (Santiago de Compostela, Spania), Nicci Arosén (Stockholm, Suedia) ș.a.; *Tracing diet, mobility and causes of death of a 17th century miner population in Silbojokk, Sweden* de Markus Fjellström (Stockholm, Suedia); *Cooking for the deceased: ceramic with lipids from the megalithic necropolis of Panoria (Spain)* de Elena Molina Muñoz (Barcelona, Spania), Gonzalo Aranda Jiménez și Margarita Sanchez Romero (Granada, Spania) ș.a.

În cadrul celei de-a șaptea subsecțiuni, TH5-07 *Food for thought – interdisciplinary responses to dietary studies in bioarchaeological research*, care a avut drept scop relevarea diverselor posibilități de abordare ale cercetării inovatoare și interdisciplinare în domeniul istoriei alimentației de-a lungul

mileniilor, cercetătorii au propus numeroase sugestii de cercetare, cum ar fi raportul dintre mediu și alimentație/sănătate în societatea pre-industrială, alimentație/sănătate din mediul rural și urban; efectele dezastrelor naturale (foamete, epidemii, schimbările climatice) asupra sănătății; dieta vs. sănătate și cultură; alimentația, identitatea socială și de sănătate ș.a. Aici au fost înscrise 17 comunicări, între care menționăm *Multilevel approaches to dietary reconstruction in Anglo-Saxon to Medieval UK* de Anita Radini (York, Marea Britanie) și Efthymia Nikita (Cipru); *PaleoNutrition, Coprolites, Dental Calculus, and the Celtic Curse* de Scott Linda Cummings și Barbara Klontz (SUA), *A Relationship between Diet and Burial Rite at Neolithic Oslonki 1: $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ studies* de Chelsea Budd (Marea Britanie), Peter Bogucki (SUA) și R.Grygiel (Łódź, Polonia); *Diet/health and Culture: Females vs Males de Nikola Koepke* (Zurich, Elveția); *Fish ‘n’ Picts: Reconstructing diet in early Medieval Scotland using stable isotope analysis* de Britton Kate, Gundula Müldner, Kate Roderick (Marea Britanie); *A condition overlooked: the importance of interdisciplinary methods in investigating diet and health* de Elizabeth Nelson (Germany), Christine Halling și Jane Buikstra (SUA), *Understanding food poverty: Lessons from the present and the past* de Holly Hunt-Watts (Marea Britanie) ș.a.

În concluzie, nu putem decât să felicităm organizatorii acestui deosebit eveniment științific european desfășurat în vecinătatea noastră apropiată, care a reunit numeroși cercetători din întreaga lume pentru a comunica rezultatele obținute în diverse probleme majore ale arheologiei și științelor conexe arheologiei. Prin aceste rezultate prezentate, autorii au oferit comunității științifice un fel de „bază de date” actualizată pentru diferite regiuni și perioade istorice, dar și diverse modele de interpretare a materialelor arheologice.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

IN HONOREM

Igor Manzura la 60 ani

În data de 14 ianuarie 2016, domnul Igor Manzura a aniversat frumosul jubileu de 60 ani. Cu acest prilej, din partea colaboratorilor universității Școala Antropologică Superioară (Chișinău), aş dori să închin câteva rânduri multstimatului nostru coleg, mentor şi profesor.

Omagiatul s-a născut în 1956 la Chișinău, unde şi-a petrecut copilăria şi a făcut studiile pre-universitare. În 1983 a absolvit Universitatea de Stat din Chișinău. Între anii 1984-1985, dl. Manzura a beneficiat de un stagiu de cercetare la Filiala din Leningrad a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a URSS. Tot acolo îşi realizează studiile de doctorat (1985-1989), care s-au materializat prin susţinerea tezei de doctor cu titlul „Perioada de tranziţie de la eneolitic la epoca bronzului la Nistrul şi Prutul de Jos”, conducător ştiinţific fiind renumitul savant sovietic V. Masson. Între anii 1973 şi 1999 a activat în Sectorul (ulterior Institutul) de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Din 1999 este colaborator al universităţii Școala Antropologică Superioară, unde deţine funcţia de prorector. Este membru al Comisiei Arheologice de la Ministerul Culturii al Republicii Moldova şi membru-corespondent al Institutului German de Arheologie.

În 1990 a participat la Școala arheologică de teren de la Sutton Hoo, Marea Britanie. A beneficiat de granturi şi burse de studiu din partea Fundaţiei Thyssen, IREX, Fundaţiei Alexander von Humboldt. A realizat programe proprii de cercetare în cadrul stagiilor de la Universitatea Californiei din Los Angeles (1993-1994) şi Universitatea din Heidelberg (1997-1999), continuând şi astăzi să efectueze regulat stagii ştiinţifice peste hotarele ţării, cu precădere în Germania. A fost coordonator al proiectelor „Orlovka – dialog al epocilor şi culturilor”, „Orlovka şi eneoliticul timpuriu din spaţiul nord-vest pontic”. A participat la desfăşurarea proiectelor „Rudi-Maetionum: stratigrafia unei regiuni” şi „Evoluţia socială din spaţiul nord-vest pontic”.

Domnul Igor Manzura este autor a cca 90 publicaţii ştiinţifice, printre care câteva monografii. Din 1999, este redactor permanent al volumu-

lui nr. 2 (neolitic – eneolitic – bronz) al revistei *Stratum Plus*, făcând parte din echipa, care a adus revista pe poziţii de vârf printre periodicele de specialitate din sud-estul Europei.

Principalele interese ştiinţifice ale aniversatului sunt eneoliticul şi epoca timpurie a bronzului din sud-estul Europei, eneoliticul final între Nistrul Inferior şi Dunărea de Jos, eneoliticul stepelor nord-pontice, arheologia primilor indo-europeni, structuri sociale şi însemne ale puterii în eneoliticul sud-est european. Un loc aparte în opera sa ştiinţifică îl ocupă studiile despre modelele de interacţiune dintre populaţiile de agricultori din silvostepă şi păstori din stepa spaţiului nord-vest şi nord-pontic. A criticat concepţia despre migraţia agresivă a păstorilor din stepe, care a dus la dispariţia sau transformarea radicală a comunităţilor eneolitice din Europa de Sud-Est, indicând în schimb asupra unei posibile colonizări (ideologice) a stepelor de către populaţia primilor agricultori.

O altă serie de studii este consacrată cercetării răspândirii unor piese de prestigiu (topoare şi brăţări din cupru, brăţări din alte materiale) pe teritoriul Europei, cu scopul de a verifica, în ce măsură această distribuţie în timp şi spaţiu reflec-

tă modificările sociale din cadrul comunităților neo-eneolitice. Tema structurilor sociale este continuată într-o serie de articole din ultimii ani, unde se abordează problema elementelor comune și a divergențelor între distribuția inventarului din necropolele tripoliene târzii din silvostepa și stepa spațiului nord-vest pontic.

Dl. Igor Manzura a participat și continuă să participe activ la conferințe, manifestări și simpozioane științifice în Republica Moldova, Ucraina, Rusia, România, Bulgaria, Ungaria, Germania, Slovenia, SUA, Danemarca, Marea Britanie.

A participat la săpături arheologice și a condus șantiere pe teritoriul Republicii Moldova, Ucrainei, Rusiei. Activitatea de teren a început-o în expedițiile renumitului cercetător al culturii Cucuteni-Tripolie, Vsevolod Marchevici. Ulterior, a condus săpături efectuate în situri Cucuteni-Tripolie, precum Tătărăuca Nouă III, Tătărăuca Nouă XIV, necropola de la Vîhvatini/Ofatini. A realizat cercetări de teren în importante așezări și necropole aparținând diferitor alte culturi eneolitice: Usatovo (Cazaclia, Roșcani, Koshary), Gumelnița (Taraclia, Cealîc, Orlovka), Cernavoda I (Orlovka), Novodanilovka (Koshary).

Unul dintre cele mai importante aspecte ale activității dlui Igor Manzura a fost și este cel pedagogic. În fața studenților și masteranzilor universității Școala Antropologică Superioară, a susținut câteva cursuri esențiale, printre care cele referitoare la arheologia neoliticului – eneoliticului – epocii bronzului și structurile sociale în preistorie. A fost un foarte bun și exigent conducător de teze de licență

și masterat. A ținut lecții deschise și peste hotare, la universitățile din Heidelberg și Regensburg.

În rândurile de mai sus am încercat să redau o succintă caracterizare a activității fructuoase și multifacetate a savantului Igor Manzura. Însă și mai important pentru noi, colegii și discipolii lui de la universitatea Școala Antropologică Superioară este omul, personalitatea acestui savant. Dl. Manzura s-a remarcat totdeauna printr-un devotament absolut față de principalele lucruri din viața sa: familia, profesia, prietenii și colegii apropiați. Este un mentor prin excelență, capabil să ofere cele mai profunde, concrete și bine gândite sugestii, opinii și raționamente atât în domeniul profesional, cât și în viața cotidiană, din afara arheologiei. Fiecare dintre noi poate fi sigur că dacă se adresează către dl. Manzura cu rugămintea de a explica orice întrebare, problemă sau eveniment, va primi un răspuns vast și bine cântărit. Inepuizabila sa convingere și încredere în viitor reprezintă un izvor nesecat de energie și entuziasm pentru colegii mai tineri, iar înțelepciunea și viziunea-i largă, conceptuală asupra diverselor fenomene sociale și antropologice din preistorie până la contemporaneitate este totdeauna apreciată de semenii de toate vârstele.

Cu deosebită căldură, respect și grațitudine îi urăm **La mulți ani** dlui profesor Igor Manzura și îi dorim cât mai multe succese, emoții plăcute și realizări remarcabile atât în activitatea sa științifică, cât și în viața personală!

În numele colegilor de la universitatea Școala Antropologică Superioară.

Stanislav Țerna

Oleg Levițki – la 60 de ani

La 26 mai 2016 directorul Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, doctor habilitat Oleg Levițki, toată activitatea de muncă a căruia a fost legată de arheologie și petrecută într-o singură instituție, ajunge la vârsta maturității profesionale.

El s-a născut în anul 1956 în satul Pohrebeni, raionul Orhei. În familie au fost trei copii – fratele mai mare Liviu, Oleg și sora mai mică Lilia. Tatăl Gheorghe, de timpuriu, la 44 ani, s-a stins din viață, și mamei Maria i-a revenit misiunea să educe copiii de una singură. În pofida greutăților, copiii au crescut buni și iubitori de muncă, și toți au făcut studii superioare.

A absolvit școala medie cu note excelente și în 1973 este admis la Facultatea de istorie și pedagogie a Institutului Pedagogic de Stat „Ion Creangă” din Chișinău. De la bun început a devenit pasionat de istorie, participând activ la viața științifică a facultății – în cercurile științifice studențești și organizarea unor diverse conferințe științifice. Din tot spectrul de direcții științifice, până la urmă, el a preferat etnografia și a început să se pregătească serios de abordarea acestui domeniu. Un rol important în devenirea lui ca etnograf o avea conducătorul lui științific, tânărul și talentatul pedagog Iurie V. Popovici, care nu numai că a văzut în ucenicul său un student capabil, dar a și putut să-i cultive pasiunea de a se ocupa serios de știința etnografică. Oleg Levițki participa anual la cercetările etnografice în teren, organizate de specialiștii de la Academia de Științe pe întreg teritoriul republicii, acumula experiența necesară și a început să se pregătească serios pentru studiul de doctorat la specialitatea etnografie, după absolvirea facultății. Dar s-a întâmplat o nenorocire – Iu. Popovici a decedat tragic într-un accident, și după absolvirea cu excelență a facultății în 1978, în locul studiilor de doctorat Oleg Levițki face serviciul militar. Perioada de timp petrecută în armată el a apreciat-o pozitiv, considerând serviciul militar o școală utilă pentru viață.

După demobilizare, în anul 1980, Oleg Levițki, în lipsa unui loc vacant în secția de etnografie, s-a angajat temporar în secția de arheologie a Academiei de Științe în calitate de colaborator extern, activând în această funcție câțiva ani, până când a fost angajat în funcția bugetară de labo-

rant superior în secția expedițiilor în zonele de construcții. Activitatea în calitate de colaborator extern n-a fost pentru Oleg Levițki timp pierdut. În toată această perioadă de timp el a participat la lucrările câtorva expediții arheologice, a însușit metodică de lucru pentru diverse categorii de vestigii, a învățat să pregătească documentarea de teren necesară și să scrie rapoarte științifice. A fost acea experiență, pe care nu o poți deprinde și acumula din manuale. Important a fost și faptul că a lucrat atât în situri de habitat începând de la eneolitic și până în evul mediu, cât și în situri funerare tumulare și necropole plane în diverse raioane ale Moldovei. În toată această perioadă de timp el a putut să facă o apreciere a gradului de cunoaștere a diverselor monumente arheologice și să găsească segmentul său de cercetare în diversitatea culturilor arheologice din regiune. E de la sine înțeles că nu fiecare putea să-și aleagă singur tema de cercetare dorită, depindea mult de actualitatea, necesitatea, de elaborarea acestora. Lui Oleg Levițki i-a reușit nu îndată și nu atât de ușor, dar odată aleasă perioada hallstattiană, el a putut să se realizeze în cadrul ei cu succes. I-a fost ca o recompensă pentru acele greutăți, prin care a trebuit să treacă atunci, când și-a schimbat preocupările sale de etnografie cu cele de arheologie, și când a lucrat în calitate de angajat temporar. Odată statornicit

în arheologie, Oleg Levițki i-a rămas fidel pentru toată viața, contribuind în permanență la ridicarea nivelului său științific.

După un an de stagiere (1987) la filiala din Leningrad a Institutului de Arheologie al AȘ a URSS, tot acolo, el este admis la studii de doctorat, iar după terminarea lor, în anul 1991 susține cu succes teza de doctor (candidat în științe). În anul 2002 la Chișinău, în cadrul Institutului de Arheologie și Etnografie a AȘM, a susținut teza pentru obținerea titlului de doctor habilitat în istorie. Pe parcursul activității sale el a publicat cca 150 lucrări științifice, inclusiv șase monografii. Nu este cazul să facem analiza lucrărilor lui Oleg Levițki – acest lucru este reflectat în recenziile ce apreciază înalt cercetările și concluziile principale ale cercetătorului. Publicațiile lui sunt permanent în atenția specialiștilor, fiind mărturie a aportului său serios în știință.

Începând să activeze în cadrul Academiei de Științe, Oleg Levițki a parcurs calea de la laborant superior și până la director al Centrului de Arheologie, iar în perioada de timp între 1 aprilie 2013 și 27 octombrie 2014 a fost director interimar al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM.

Tematica hallstattului, pe care a abordat-o în cercetare Oleg Levițki, este destul de interesantă și actuală, dar deloc nouă pentru Moldova și spații mai largi. Complicat în cercetarea acestei teme este prezența în complexul hallstattian timpuriu a unui șir întreg de grupuri culturale policomponente cu aspect hallstattian. În oricare din perioadele istorice, a înțelege în ce situații este vorba de migrații de populații sau de transformări culturale – este un lucru deloc simplu. La conexiunea dintre epocile bronzului și a fierului timpuriu acest lucru este deosebit de complicat, având în vedere și faptul că vestigiile hallstattiene pe teritoriul Moldovei au devenit cunoscute numai în perioada postbelică. Primele cercetări și diferențierea lor a fost efectuată de A.I. Meljukova în anii 60 ai secolului trecut. Odată cu ea vestigiile hallstattiene din Moldova erau studiate de către V.L. Lapușnean și G.I. Smirnova. În Moldova românească, primul care a început să cerceteze monumentele hallstattiene a fost I. Nestor, urmând apoi M. Petrescu-Dîmbovița și A. László. Prin aportul adus de acești cercetători au fost rezolvate problemele cultural-cronologice cardinale din epoca fierului timpuriu, au fost determinate particularitățile elementelor de bază

a culturii materiale a monumentelor din diferitele grupuri hallstattiene. Au fost făcute încercări de a determina soarta istorică a acestor grupuri. Paradoxal, dar cu rezolvarea unor probleme apăreau altele noi, și pentru a le soluționa era insuficient de a revedea materialele deja cunoscute și concluziile cercetătorilor. Pentru o abordare aprofundată și argumentată a problemelor erau necesare noi izvoare, ce necesitau a fi descoperite, cercetate și introduse în circuit științific. Oleg Levițki a găsit pentru săpături un așa monument și a început să-l studieze. A face săpături într-o așezare întotdeauna este un lucru deloc simplu, mai ales dacă e să luăm în considerație faptul că în anii 80 ai secolului trecut, în legătură cu lucrările în bază de contract, arheologii trebuiau să depună mari eforturi și să dedice mult timp cercetării tumulilor în zonele de construcții.

Situl, în care a început lucrările Oleg Levițki, se află în nordul Moldovei, în preajma satului Trinca, pe valea râului Draghiște, în locul numit Izvorul lui Luca. Cercetările au fost efectuate în perioada anilor 1982 până în 2004. Suprafața descoperită a ajuns până la 6,5 mii metri pătrați, sunt studiate câteva zeci de construcții de locuit, meșteșugărești și de uz menajer, a fost colectat un bogat material ceramic și alte obiecte. Situl s-a dovedit a fi pluristratigrafic. În preajma așezării a fost cercetată necropola tumulară, sub mantaua celor nouă tumuli fiind descoperite morminte atribuite grupului cultural podolian de vest.

În același timp, Oleg Levițki efectua în permanență prospectări de teren cu scopul de a reverifica monumentele cunoscute și a documenta altele noi cu scopul de a preciza hotarele grupurilor culturale hallstattiene, a stabili siturile cu perspectivă pentru cercetare și gradul lor de conservare. A muncit mult în depozite cu materiale din săpăturile predecesorilor săi. În pofida faptului că la începuturi el acorda atenție deosebită vestigiilor hallstattului canelat de tip Chișinău-Corlăteni, cu timpul a fost nevoit să-și extindă cercetările și, de la o etapă la alta, să pună în discuție problemele stringente legate de cultura hallstattului tracic în arealul de est. Este important faptul că atât în tezele sale de doctor, cât și în lucrările monografice și articolele publicate Oleg Levițki a făcut sistematizarea și sinteza materialelor atribuite diferitelor grupuri hallstattiene pe fundalul unui extins areal, și nu s-a limitat doar la

teritoriul actualei Republici Moldova. Aflat într-un șir de instituții de profil de peste hotare, el a studiat colecțiile arheologice accesibile, fapt ce s-a reflectat benefic asupra cercetărilor ulterioare. Este semnificativ că analizând materialul, Oleg Levițki a apelat nu numai la vestigiile tradiționale transilvănene, dar și la cele balcano-dunărene, fapt ce i-a permis, în particular, să precizeze cronologia grupului Chișinău-Corlăteni și să pună în discuție mai argumentat problema „baștinii” și „culturii” de origine, din care el s-a desprins, să urmărească soarta lui istorică. Anume datorită săpăturilor în așezarea Trinca și stabilirea stratigrafiei orizontale a acestui sit cu mai multe nivele culturale, cercetătorul a făcut concluzia argumentată că monumentele de tip Chișinău-Corlăteni sunt substituite de cele de tip Cozia-Saharna-Solonceni, cu care nu au legături genetice și care sunt atribuite complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată.

În publicațiile lui Oleg Levițki dedicate problemelor epocii fierului timpuriu, în mod special, diverselor grupuri culturale hallstattiene, sunt multe concluzii și principii ce merită atenția cercetătorilor, pe care el le-a înaintat ca rezultat al analizei literaturii, studierii unui număr impunător de colecții arheologice și deseori – în baza analizei materialelor din propriile săpături. Cercetările în tumuli au contribuit nu numai la îmbogățirea experienței de teren, dar au și lărgit simțitor cercul lui de cunoștințe în diverse probleme, inclusiv, cele legate de epoca fierului timpuriu.

Oleg Levițki este foarte responsabil în tot ce face. Cercetând monumentele arheologice, el introduce în circuit științific surse de valoare, care timp îndelungat vor servi ca bază în procesul de cercetare. Analiza acestor surse este executată la nivel înalt și apreciată la justa valoare de către specialiști. Cercetând minuțios toate sursele disponibile, el a adus un aport important la studierea

uneia din cele mai complicate perioade din istoria străveche a Moldovei.

Remarcăm că Oleg Levițki a condus și multe șantiere arheologice cu lucrări de amploare. El putea organiza bine lucrul și întotdeauna căpăta rezultate foarte bune. În anul 2011 a coordonat activitatea școlii arheologice internaționale a tinerilor cercetători-arheologi, care a efectuat săpături în situl Trinca și a avut avize pozitive.

Luările de cuvânt în cadrul diverselor foruri științifice din țară și de peste hotare întotdeauna se deosebesc prin noutatea, actualitatea și profunzimea problemelor formulate. Ciclurile de lecții, prezentate în fața studenților, masteranzilor și doctoranzilor, sunt întotdeauna documentate prin materiale concrete din situri arheologice din regiune, fapt ce trezește un interes deosebit pentru auditoriu și contribuie la o mai bună însușire a temei.

Nu vom trece cu vederea nici calitățile pur omenești ale celui sărbătorit – onestitatea, corectitudinea, delicatețea și modestia. El este un bun prieten, coleg și îndrumător, care-și împărtășește permanent cunoștințele și experiența cu tinerii cercetători. În calitate de conducător – poate organiza colectivul și respectă părerea fiecărui colaborator.

Oleg Levițki a reușit mult ca savant-arheolog, el este un cercetător pasionat și foarte muncitor, pentru care interesele științei sunt pe primul loc. Anume aceste calități i-au permis să obțină mari succese în știință și să capete binemeritata recunoștință a colegilor. Probabil, mai are multe de făcut, dacă luăm în considerație maturitatea, experiența, cunoștințele omagiatului și provocările științifice care, în pofida vieții deloc simple, nu pot să nu trezească interesul unui cercetător adevărat, cum este, fără îndoială, sărbătoritul nostru.

Dragă Oleg Levițki! Prietenii și colegii Dumneavoastră vă doresc sănătate, ani mulți înainte, noi succese de creație pe tărâmul științei arheologice și toate cele bune.

Nicolai Telnov

IN MEMORIAM

Arheologul Ion Hîncu – 85 de ani de la naștere

Pentru cei care l-au cunoscut – și nu numai, numele lui Ion Hîncu este legat de perioada de formare a școlii moldovenești postbelice de arheologie, de reconstituirea istoriei olăritului și a formelor de vase de lut medievale folosite în lumea rurală a Moldovei, de cercetarea importantelor așezări medievale de la Hansca, Lucășeuca, Păhărnicieni-Petruha ș.a., dar și de susținerea și promovarea consecventă a ideii originii romanice a populației autohtone din spațiul pruto-nistean și a continuității acesteia în evul mediu timpuriu, în opoziție cu teoria oficială din istoriografia sovietică. Astfel, Ion Hîncu ocupă un loc aparte în cadrul școlii moldovenești de arheologie din perioada sovietică, fiind cercetătorul promițător din prima generație de arheologi basarabeni format în anii 50 ai secolului XX și primul doctor în arheologie din fosta RSS Moldovenească.

Ion Hîncu a fost un om de o modestie rar întâlnită, omul care și-a consacrat viața cercetării arheologice și ocrotirii monumentelor istorice din spațiul de la est de Prut, fiind un înflăcărat promotor al patrimoniului cultural național și al istoriei naționale în general. Dăruirea sa și curajul pentru relevarea istoriei și a adevărului despre realitățile epocii pe care o studia l-au determinat să susțină singur în mediul academic de la Chișinău, în timpurile inoportune ale totalitarismului sovietic, o altă concepție decât cea oficială în problema civilizației medievale timpurii. Prin urmare, Ion Hîncu a fost cercetătorul calificat în anul 1977 de către autoritățile academice de la Chișinău drept „naționalist” și „antislavist”, persecutat și înlăturat din cercetarea arheologică fundamentală.

Viitorul arheolog s-a născut la 28 iulie 1931 în familia lui Gheorghe și a Olgăi Hîncu (născută Straistă) din satul Mateuți (r-nul Rezina), unde a urmat cursurile școlii primare și generale. După absolvirea acestei școli, s-a îndreptat spre Facultatea de Istorie din cadrul Institutului Pedagogic de Stat „Ion Creangă” din Chișinău, formându-se ca istoric între anii 1951-1955. Specializarea în domeniul cercetării arheologice și-a continuat-o la Moscova în cadrul studiilor de doctorat (aspirantură) la Institutul de Arheologie al Academiei de Științe a URSS. Acolo i-a avut ca profesori pe

cunoscuții arheologi medieviști, precum acad. B. Rybakov, dr. Nikolai Voronin, dr. Aleksandr Monogait, dr. Mihail Rabinovich și dr. G.B. Fedorov. În urma unei pregătiri asidui în perioada anilor 1955-1958, a susținut lucrarea de doctorat cu titlul *Producția ceramicii rurale din Moldova în secolele VI-XVII* (1960) sub îndrumarea științifică a lui G.B. Fedorov la catedra de arheologie a Universității de Stat „Mihail Lomonosov” din Moscova, în Consiliul/Comisia de profil, al cărui președinte era reputatul arheolog A.V. Artsikhovskii.

Cariera de cercetare științifică a regretatului Ion Hîncu cuprinde în total 45 de ani, dintre care 32 s-au desfășurat la Academia de Științe a RSS Moldovenești, în cadrul Institutului de Istorie, Sec-

torul de Arheologie – 13 ani (1958-1968 și 1975-1977) și Secția de Etnografie și Studiul Artelor, Sectorul Etnografie și Sectorul Ocrotirea monumentelor – 19 ani (1968-1975 și 1978-1990). În ultimii 13 ani (1990-2003) a activat în cadrul Facultății de Istorie a Universității de Stat din Moldova, unde a coordonat activitatea Laboratorului Antichitate și Evul Mediu. Astfel, Ion Hîncu a fost încadrat pe parcursul a 48 de ani în sistemul de cercetare științifică în domeniul arheologiei și istoriei vechi a spațiului pruto-nistean, parcurgând toate treptele, de la cercetător stagiar până la cercetător științific superior și șef de subunități științifice, în cadrul Academiei de Științe a RSSM și Universității de Stat din Moldova.

Ion Hîncu a coordonat personal săpăturile arheologice din cadrul unor importante situri medievale, precum cele de la Lucășeuca (1959-1960), Păharniceni-Petruha (1961-1962), Brănești (1963), Hansca (1964-1977), Costești-Stânca (1973), Giurgiulești (1997), Orheiul Vechi (1993-1995). Alături de alți arheologi, a fost participant activ la cercetările arheologice de la Alcedar, Echimăuți, Orheiul Vechi, Cetatea Albă, Bocani, Krinichnoe, Mălăiești, Lopatna, Valea Adâncă (Ucraina) etc.

Domeniul principal de competențe al lui Ion Hîncu a fost arheologia medievală, coroborată în anumite cazuri cu materialele etnografice, domeniu în care a avut o serie de realizări. În primul rând, a introdus în circuitul istoriografiei sovietice conceptul originii romanice a moldovenilor și continuității romanice în spațiul pruto-nistean în evul mediu timpuriu și ideea cu privire la cultura

arheologică medievală din secolele X-XIV, denumită drept „cultură balcano-dunăreană”.

De asemenea, a realizat prima cercetare de specialitate privind ceramica medievală din spațiul pruto-nistean în secolele VI-XVII și prima cercetare arheologico-etnografică a olăritului și a formelor de vase de lut moldovenești din secolele XV-XX, pasiune pe care a urmat-o cu consecvență până la sfârșitul carierei.

O altă importantă contribuție a domniei sale este cercetarea așezării medievale timpurii de la Hansca, care a devenit un etalon al reconstituirii evoluției istorice pentru secolele V-XIV. De o relevanță aparte pentru această perioadă sunt cercetările arheologice cu caracter interdisciplinar, efectuate de Ion Hîncu la intersecție cu etnografia și medicina populară.

Un alt însemnat demers al arheologului Hîncu a fost acela al recuperării patrimoniului arheologic. El s-a implicat consecvent în inventarierea și documentarea a cca 3000 de tumuli, 111 cetăți de pământ, având un aport inegalabil în ceea ce privește catalogarea a peste o mie de așezări datate din preistorie până în evul mediu.

Rezultatele deosebite obținute în activitatea de cercetare i-au fost apreciate prin alegerea sa în 1975 în funcția de șef al Sectorului de Arheologie din cadrul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a RSSM, promovând în această perioadă (1975-1977) o nouă formulă de reorganizare a cercetării.

Până către sfârșitul vieții sale (aprilie 2012), a contribuit la formarea școlii naționale de arheologie medievală în Republica Moldova, a întemeiat și a condus Laboratorul de Arheologie Antică și Medievală de la Universitatea de Stat din Moldova, a contribuit la relansarea cercetărilor arheologice de la Orheiul Vechi.

De-a lungul carierei sale de cercetător, Ion Hîncu a cunoscut ascensiunea (1957-1967) și apogeul activității academice (1968-1977), perioadă în care a publicat 80 de lucrări științifice (64% din numărul total de lucrări elaborate), apoi între anii 1978-1992 – etapa retragerii din cercetarea fundamentală, axându-se pe probleme de ocrotire și popularizare a monumentelor istorice, când a publicat 18 lucrări științifice și 214 articole de popularizare a monumentelor istorice. Ulterior, între anii 1993-2003, Ion Hîncu revine în cercetarea de specialitate, continuând, totodată, și popularizarea monumen-

telor istorice. În acest sens, au fost publicate 33 de lucrări științifice și 65 de lucrări de popularizare a patrimoniului arheologic național.

Ion Hîncu a elaborat în total 396 de lucrări, dintre care 19 monografii (8 în colaborare), 30 de broșuri de popularizare a științei, 26 de rapoarte arheologice, 70 de articole științifice și 227 articole de popularizare a monumentelor istorice. Aceste lucrări cuprind rezultatele deosebit de valoroase obținute ca urmare a cercetării importantelor situri medievale de la Hansca, Lucășeuca, Păharniceni-Petruha, Brănești, Costești și Proscureni-Rîșcani, Mateuți, Cetatea Tighina etc.

În acest context atragem atenția asupra unei monografii cu titlul *Население и культура Молдавии в X-XIV вв. (Populația și cultura Moldovei în secolele X-XIV)*, elaborată de arheologul Ion Hîncu în anii 1976-1977, recomandată spre publicare prin decizia Consiliului științific al Institutului de Istorie și inclusă în planul editorial al Editurii

„Știință” pentru anul 1978, fiind întrunite, la acel moment, toate condițiile pentru demararea procedurilor de tehnoredactare și pregătire a lucrării pentru tipar. Monografia reprezenta primul studiu sistematic din perioada sovietică, în care se argumenta ideea continuității populației romanice în spațiul pruto-nistean. Lucrarea cuprindea o argumentare fundamentală din perspectivă arheologică a autohtonismului moldovenilor în regiunea pruto-nisteană, fapt negat cu vehemență de către istoriografia oficială sovietică. În aceste circumstanțe, la începutul anului 1978, ca urmare a unui proces meschin de discreditare și înlăturare din cercetarea fundamentală a savantului Ion Hîncu, prin dispoziția autorităților academice de la Chișinău, această lucrare a fost exclusă din planul editorial și interzisă publicarea ei, rămânând în manuscris până în prezent.

În anii 50 ai secolului XX, Ion Hîncu venea în arheologie ca unul dintre cei mai promițători cercetători, în anii 60 devenind cel mai apreciat tânăr din prima generație de arheologi basarabeni. Cu toate acestea, el n-a avut parte de realizarea deplină a planurilor de cercetare propuse, având un destin tragic, întrucât, la sfârșitul anului 1977 a fost marginalizat în mod brutal în cercetarea problemelor fundamentale de arheologie medievală timpurie. În acel an s-a pus interdicție asupra preocupărilor savantului ce țineau de studierea problemelor etnoculturale, a originii moldovenilor, cercetarea „culturii balcano-dunărene”, precum și asupra desfășurării de către autor a săpăturilor arheologice în așezarea medievală timpurie de la Hansca. În acest context, în anii 80 lui Ion Hîncu i s-a impus să se preocupe în exclusivitate de probleme de inventariere, ocrotire și propagare a monumentelor istorice, activități pe care le-a realizat cu multă dăruire și pasiune, obținând performanțe deosebite în acest domeniu, neîntrecute de nici un alt arheolog din Republica Moldova până în prezent.

Evocarea celei de-a 85 aniversare de la nașterea cunoscutului arheolog Ion Hîncu reprezintă pentru noi toți prilejul de a scoate în evidență o dată în plus meritele remarcabile ale unui adevărat cercetător care, cu deosebit devotament, și-a închinat viața studierii trecutului îndepărtat al spațiului din stânga Prutului. Pentru realizările sale și cunoscuta sa dragoste pentru istorie și adevăr îi vom păstra mereu, cu pietate, un binemeritat respect.

Gheorghe Postică